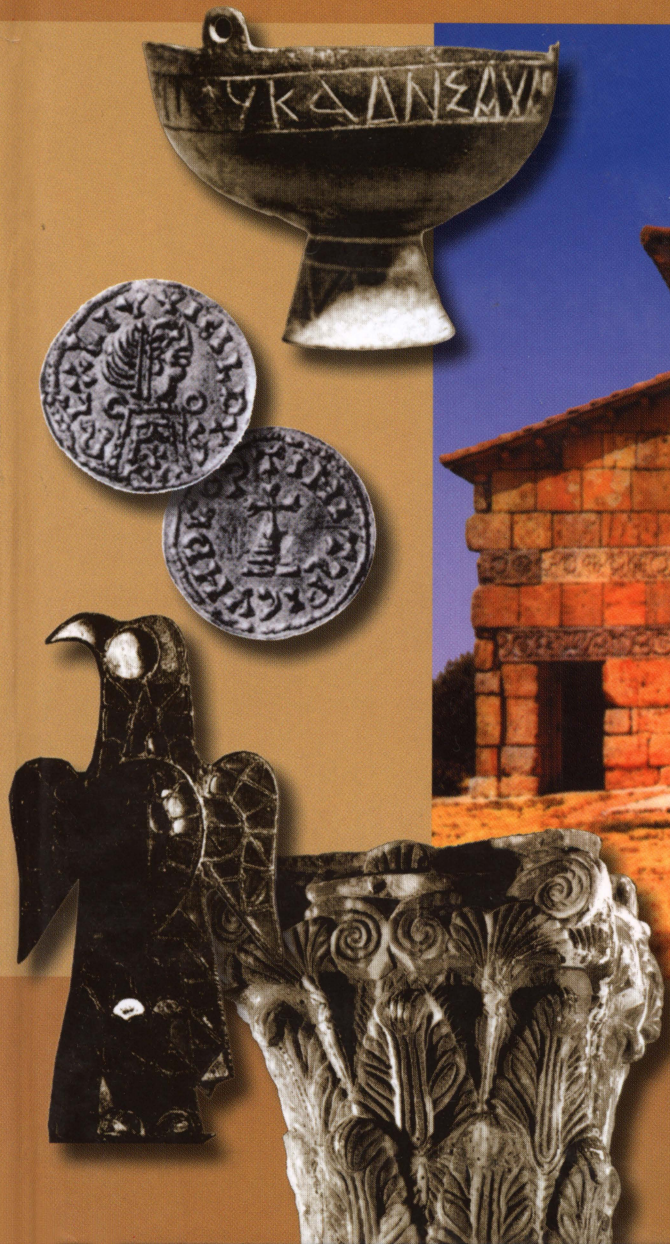
ИСПАНИЯ
ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Ю. Б. Циркин



ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ю. Б. Циркин ИСПАНИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Серия
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Ю. Б. Циркин

ИСПАНИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(Исп)3+63.3(Исп)4
Ц69

Scan By Vitautas & Kali

Циркин, Ю. Б.

Ц69 Испания от античности к Средневековью / Ю. Б. Циркин. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2010. — 456 с. ил. — (Историческая библиотека)

ISBN 978-5-8465-1024-1 (Филологический факультет СПбГУ)
ISBN 978-5-98187-528-1 (Нестор-История)

Книга посвящена очень важному периоду истории — времени перехода от античности к Средневековью. В ней рассматривается история Испании с конца III в. до 711–718 гг. В это время Испания сначала была частью Поздней Римской империи, затем она подверглась вторжениям варварских народов, а позже на ее территории образовались самостоятельные варварские королевства — Свевское и Вестготское. Бóльшая часть этого периода соответствует истории Вестготского королевства. Книга впервые в отечественной литературе представляет историю Испании в таком временнóм масштабе. Она рассчитана на историков — античников и медиевистов, на студентов и преподавателей, а также на широкий круг людей, интересующихся историей.

ББК 63.3(Исп)3+63.3(Исп)4

ISBN 978-5-8465-1024-1
ISBN 978-5-98187-528-1

© Ю. Б. Циркин, 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010

Введение

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ИЛИ ПОЗДНЯЯ ДРЕВНОСТЬ?

Во второй половине XIX в. Э. Фримен разделил всю историю, как ему казалось, мира, а в действительности только его европейско-средиземноморской части, на три большие эпохи: до Рима, Рим и после Рима[1]. И в этом делении была своя логика. Только в рамках Римской империи европейско-средиземноморский мир обрел политическое единство. Территории, оставшиеся за пределами империи, стадии государственности в то время еще не достигли. И после Рима, несмотря на неоднократные попытки, этот мир такого единства более и не достиг. Однако если принимать во внимание другие составляющие исторического процесса — внутриполитическую, экономическую, социальную, правовую, культурную, включая религиозную, — проблема окажется гораздо более сложной. А если рассматривать историю под углом зрения Э. Фримена, то в таком случае встают два важных вопроса: когда европейско-средиземноморский мир потерял свое единство? Что означает «после Рима»? Ответы на эти вопросы далеко не однозначны.

В период так называемого кризиса III в. Римская империя порой теряла свое единство. И до этого были случаи, когда империей правили два императора (например, Веспасиан и Тит, Марк Аврелий и Люций Вер), но они правили совместно, и, как правило, фактическое правление осуществлял один из них. В III же веке, не говоря об узурпаторах, время от времени появлявшихся в разных частях империи, на ее территории возникли фактически совершенно независимые государства — Пальмирское царство и Галльская империя. Они были уничтожены императором Аврелианом в 70-х гг. III в., и единство было восстановлено. И после этого Римская империя не раз распадалась на отдельные части, управляемые самостоятельными императорами, потом снова объединялась. В 364 г. только что избранный императором Валентиниан I назначил августом Востока своего брата Валента, и обе части империи, официально сохраняя единство, на деле стали отдельными государствами. Когда Валент в 378 г. погиб в битве с вестготами, августом Востока был

[1] *Фриман Э.* Методы изучения истории / Пер. П. М. Николаева, 1893. С. 202–318, особенно 202–204.

назначен Феодосий. В 394 г. Феодосий объединил под своей властью обе части империи, но уже через несколько месяцев в январе 395 г. умер, оставив власть двум сыновьям — Аркадию и Гонорию, которые стал править в разных частях государства — на Востоке и на Западе. В 397 г. Аркадий сделал фактическим правителем части империи — Иллирика — вестгота Алариха, что привело к созданию там на некоторое время первого варварского государства на территории Римской империи. А в 418 г. по новому договору Вестготское королевство было создано в Юго-Западной Галлии, и оно пережило Западную Римскую империю. Еще до этого варвары, вторгнувшиеся Испанию, разделили эту страну между собой и действовали там совершенно самостоятельно, вступая в борьбу как с Римом, так и между собой. В V в. на территории Западной Римской империи было создано несколько таких варварских государств. Одни из них заключали с имперским правительством особый договор — foedus, и считались федератами империи, формально признавая власть императора, другие с самого начала были полностью самостоятельны. Да и первые с течением времени обрели полный и формальный суверенитет. Так что еще во время существования Римской империи политического единства европейско-средиземноморского мира не было. И в таком случае какую дату для начала эпохи «после Рима» надо избрать?

Кроме того, понятие «после Рима» тоже требует объяснения. Римляне всегда сознавали и ощущали непрерывность своей истории. Распад империи на две части не означал конца Рима. Свержение последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула в 476 г. не было концом Римской империи как таковой. Правда, сам город Рим и Италия, колыбель государства, оказались под властью варваров. Но император сохранился в Константинополе, и, следовательно, сохранилась Римская империя. Еще задолго до 476 г. Рим перестал быть резиденцией императоров. На Востоке со времени Константина эту роль играл Константинополь. На Западе императоры предпочитали держать свой двор и свое правительство либо вблизи наиболее угрожаемой границы на Рейне, либо позже в Северной Италии — сначала в Милане (Медиолане), а затем в Равенне. В VI в. войска императора Юстиниана снова подчинили Рим и Италию, а также некоторые другие страны, ранее захваченные варварами. И хотя столицей фактически остался Константинополь, единство империи, казалось, было восстановлено. Правда, через некоторое время эти завоеванные территории были вновь утрачены. Но сама Римская империя оставалась. В 800 г. в Риме императором был провозглашен франкский король Карл. Так снова возникли две империи — Восточная, православная, и Западная, католическая. Империю франкских королей сменила Священная Римская империя германской нации. И хотя в конце концов был принят постулат, что

«каждый король — император в своих владениях», наличие этой империи обусловливало идеологическую преемственность с Римской империей далекой древности. В 1453 г. под ударами турок пал Константинополь, а в 1806 г. под давлением Наполеона отказался от своего римского титула император Франц. Только с этого времени, строго говоря, не стало Римской империи. Надо ли включать все это время в римскую эпоху? А если нет, то где граница этой эпохи?

Проблема хронологической грани между римской и послеримской эпохами очень спорна. Все зависит от выбора критерия этой грани. И в разных историографических школах этот критерий был различен. Им могли считать 325 или 330 г., т. е. год I Вселенского Никейского собора, когда христианство фактически стало государственной религией, или освящения Константинополя, официально ставшего новой столицей империи. Так, например, был решен этот вопрос в первом издании «Кембриджской древней истории». За такую грань можно принимать 395 г., год смерти Феодосия, после чего Римская империя окончательно распалась. С этого года обычно начинают специалисты историю Восточной Римской империи — Византии. Для этой грани вполне подходит 410 г., когда варвары впервые захватили Рим, и итальянский гуманисты XV–XVI вв. видели в этом событии крушение прекрасной античной цивилизации, на смену которой пришло средневековое готическое варварство. В 476 г. был свергнут Ромул Августул, и на территории Италии возникло первое варварское королевство. И эту дату вполне можно принять за конец римской эпохи. Но «реставрация Юстиниана» восстановила в этой стране римскую власть. К тому же именно при Юстиниане был составлен кодекс римского права, сыгравшего столь большую роль в истории Европы и европейского сознания. Можно говорить, что создание этого кодекса завершило историю римского права в древности. Поэтому часто правление Юстиниана рассматривают как заключительный период римской истории. Но многие исследователи продолжают римскую историю и до более позднего времени.

В нашей стране наиболее популярной стала дата 476 г. Ее как точную дату окончания древности выдвинул в 1761 г. геттингенский профессор Й. Х. Гаттерер. С этого времени она надолго стала канонической в германской историографии, а вслед за ней и в российской. Правда, в той же Германии такие крупные историки, как Л. фон Ранке и Т. Моммзен, фактически эту дату не признавали. По мнению Ранке, римская ступень всемирной истории завершается в IV в., а IV–VIII вв. определяются как время переселения германских народов и исламских завоеваний. Моммзен дату завершения древней истории не определял, но в своих работах выходил далеко за конец V в. Э. Майер в первом издании своей «Истории древности» заявил, что концом древней истории являются

победы германцев на Западе и арабов на Востоке, а во втором издании счел этим концом время Диоклециана, а далее, по его мнению, начался переходный период, длившийся до Карла Великого.

Однако уже в 1863 г. тогда еще молодой ученый А. фон Гутшмидт в своей работе «Граница между древностью и Средневековьем» заявил, что нельзя ни в коем случае переоценивать события 476 г. По его мнению, ни захват власти Одоакром, ни вторжение остготов не оставили в Италии никаких следов, так что время их господства являлось лишь прямым продолжением прежнего состояния. Решающим же было вторжение лангобардов в 568 г., и именно оно привело к подлинному разрыву с античным прошлым в Италии, а так как Италия была в то время ведущей страной Запада, то этот год можно считать концом античного мира и во всем западном мире. Что касается Востока, то, по мнению Гутшмидта, переходом от античности к Средневековью является 578 г., когда к власти пришел император Тиверий, при котором латинская империя превратилась в греческую, а на Ближнем Востоке такой гранью было завоевание арабами Персии и Египта в 641 г. В 1889 г. венский историк искусства А. Ригель, исходя из чисто искусствоведческих критериев, для периода от Миланского эдикта до вступления на трон Карла Великого ввел понятие «поздняя древность» (Spätantike).

Идеи Гутшмидта и Ригеля были восприняты и развиты следующими поколениями ученых. Вскоре после Первой мировой войны А. Допш доказывал, что во всех решающих областях экономической и социальной структуры с V до VIII в. продолжалось непрерывное развитие. Большой вклад в эту теорию внес бельгийский историк А. Пиренн. Он умер в 1935 г., а через два года вышла его большая работа «Магомет и Карл Великий», в которой он развил свое видение этой эпохи. По его мнению, не переселение германских народов, а совершенно своеобразный феномен ислама определил переломный момент мировой истории — переход от античности к Средневековью. Пиренн исходил как из политических, так и, главным образом, экономических критериев. В периферийных зонах, особенно в Британии и Северной Галлии, германские вторжения действительно принесли с собой значительные потери. Но в тот период главным районом развития оставалось Средиземноморье, а там германцы выступили лишь как наследники античного мира. И в хозяйстве, и в культуре в течение долгого времени сохранялось единство средиземноморского мира. Германские государства строились по образцу Поздней империи, не внося практически ничего нового. Экономическую структуру по-прежнему определяла крупная земельная собственность в ее позднеримской форме. Центром этого позднеантичного мира являлся Константинополь, и император оставался авторитетом и в глазах германских королей. И только с вторжением ислама в середине VII в.

положение изменилось радикально. Единство средиземноморского мира была разрушено, его южная часть приняла другой язык и другую религию, и ее центр переместился в Дамаск, а затем в Багдад. Была разрушена средиземноморская торговля, являвшаяся до этого материальным носителем единства. И Византия, и новые государства Европы стали жить самостоятельной и новой жизнью. Во Франкском королевстве пришла в полный упадок власть Меровингов, строивших эту власть по римскому образцу, а пришедшие им на смену Каролинги заключили союз с папой, и все это означало начало совершенно новой эпохи — Средних веков.

После Второй мировой войны в Западной Германии сформировалась так называемая «новая доктрина» историко-юридической школы. В противоположность большинству старых немецких ученых, подчеркивавших решающую роль германцев в становлении новой Европы и ее права и грешивших национализмом, столь основательно скомпрометированным в годы гитлеризма, сторонники «новой доктрины» доказывали, что ранние германские кодексы имеют мало общего с древнегерманским правом, а в основном вышли из вульгарного римского, господствовавшего в провинциях, где германцы поселились. Эта идея была распространена и на социальные, политические и экономические процессы. К. Ф. Штроекер обосновывал идею существования так называемых восточногерманских государств (Вестготского, Остготского, Вандальского), которые (в отличие от западногерманского Франкского) по сути являлись прямыми продолжениями соответствующих римских структур.

Эта точка зрения в настоящее время хотя и не является единственной, но все же превалирует в мировой науке[2]. Подлинной границей между античностью и Средневековьем считают не свержение Ромула Августула и не смерть Юлия Непота, а то время, когда окончательно исчезает работоспособность античных механизмов[3]. Время же их действий можно назвать «поздней древностью». Понятие «поздняя древность», как указывают специалисты по историографии, окончательно приобрело права гражданства. Это время теперь рассматривается не столько как упадок и падение Римской империи (и уж во всяком случае не как на-

---

[2] Это, однако, не означает, что старая теория катастрофы исчезла полностью. Ее крупнейший представитель А. Пиганьоль считал, что римская цивилизация, начавшая возрождаться после кризиса III в., не умерла своей смертью, а была убита германскими нашествиями: *Piganiol A.* L'Empire chrétien. Paris, 1947. В последнее время эта теория снова появляется в европейской науке: *Селунская Н. А.* Осень Средневековья и поздняя античность: как антиковеды и медиевисты историю делили // Диалоги со временем. М., 2004. Вып. № 13. С. 246.

[3] Таков, например, взгляд Л. Мюссе: Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2006. С. 278.

ступление «темных веков» варварства), сколько как *переход* от античной цивилизации к средневековой[4].

Существует, однако, и несколько другой подход. В истории Европы выделяются три кризиса, каждый из которых сопровождался катастрофой существующей цивилизации с ее ценностями и в ходе которых рождалась новая цивилизация, естественно, с использованием некоторых (разумеется, далеко не всех) достижений прежней, докризисной. Первый кризис покончил с эгейской цивилизацией бронзового века, и из него вышла цивилизация греко-римская, античная. Вторым был кризис, разрушивший античную цивилизацию, и в ходе его формировалась европейская. Третий кризис начался в 1914 г. с началом Первой мировой войны, усугубился Второй мировой войной и продолжается в настоящее время[5]. Поскольку мы живем сейчас в обстановке этого кризиса, то представить себе новую цивилизацию, которая выйдет из него, мы пока не в состоянии. Если принять эту точку зрения, то время крушения Римской империи и существования варварских королевств и будет эпохой второго общеисторического кризиса. И с той и с другой точки зрения время существования Поздней империи и варварских королевств составляют одну эпоху. В таком случае свержение Ромула Августула в 476 г. (или смерть в 480 г. Юлия Непота, до самой смерти считавшегося на Востоке законным императором Запада) не является всемирно-историческим событием. После этого события исторический процесс продолжался в тех же рамках, что и до него. Римский мир, действительно потерял свое политическое единство, но империя оставалась, с точки зрения римлян, особенно восточных властей, речь шла о восстановлении ее единства, а варварские королевства, как бы ни складывались их отношения с ней, признавали ее высокий авторитет. В политическом, социальном, экономическом плане движение непрерывно шло в направлении, заданном еще в конце III—V в. Во всех этих планах институты в новых государствах развивались в старых формах, в большой степени сохраняя и старое содержание. Германцы, жившие накануне переселения еще в значительной степени родо-племенным строем, создавая государственность, не могли не воспринять существующие институты.

Еще яснее это выступает в плане культуры. Разумеется, культурный упадок несомненен. Но начался он не с приходом варваров, а гораздо раньше. Варвары, в основном германцы, принесли с собой свою куль-

---

[4] *Stroheker K. F.* Germanentum und Spätanike. Zürich; Stuttgart, 1965; *Christ K.* Römische Geschichte. Darmstadt, 1980. S. 311–314; *Carrié J.-M.* Introduction // *Carrié J.-M., Rouselle A.* L'Empire romain en mutation. Paris, 1999. В отечественной литературе об этом пишет Н. А. Селунская: Указ. соч. С. 232–246.

[5] *Le Glay M.* Grandeza y caída del Imperio Romano. Madrid, 2002. P. 365–368.

туру, которая, однако, очень скоро (а в значительной степени еще до оседания на территории Римской империи) оказалась под сильным позднеримским влиянием. Варваров, поселившихся в бывших провинциях Римской империи, было сравнительно немного по отношению к местному населению, а его элита к тому же превосходила их в культурном отношении и обладала гораздо бóльшим социальным опытом. В языках пришедших варваров не было слов и формул для оформления новых социально-политических структур, и они волей-неволей принимали латинские. И сравнительно скоро германцы теряют свой язык и переходят на местные варианты латыни, на каких говорило все окружающее население, сохраняя только (да и то далеко не в полной мере) свои личные имена. Так что не римское провинциальное население германизировалось, а германцы романизовались.

Большую роль в этом сыграла католическая Церковь. Когда германцы осели на территории империи, они были либо язычниками, либо христианами, но не католиками, а арианами. Только франки очень скоро после захвата Северной Галлии стали католиками. Арианство позволяло германцам сохранять их этническую идентичность. Но постепенно они стали обращаться в католицизм. А языком католической Церкви был латинский. Большинство писателей того времени были клириками, и латинский язык оказывается также языком тогдашней литературы. Говорить же о полном упадке письменной литературы в то время невозможно. Историки литературы даже говорят об остготском в VI и вестготском в VII в. предренессансе[6]. На латинском языке пишутся хроники, составляются все официальные документы, в том числе законы. Латынь, таким образом, становится и повседневным языком всего населения, и литературным, и официальным, и богослужебным. Сам язык, разумеется, изменяется. В церковной службе и в документации пытаются сохранить правильный латинский язык, но уже в хрониках и других литературных произведениях можно отметить некоторые изменения. Но, конечно, самые значительные изменения происходят в повседневной латыни, которую и восприняли германцы. В эту эпоху начинается формирование романских языков.

Отсюда и встает вопрос: являлось ли время варварских вторжений и существования варварских государств на территории Западной Римской империи ранним Средневековьем или поздней древностью? И это — не просто спор о словах. Всем ясно, что это время — переходное. Но каково было качество этого перехода? Какие элементы преобладали в нем: античные римские или новые германские? Те, кто определяет эту эпоху

[6] *Fontaine J.* La littérature latine crétienne. Paris, 1970. P. 122.

как позднюю древность, настаивают на первом ответе, а сторонники раннего Средневековья — на втором[7].

Все сказанное имеет прямое отношение к Испании. После арабского завоевания и начала так называемой Реконкисты, т. е. обратного отвоевания страны христианами, христианские короли Северо-Западной Испании первое время представляли себя прямыми продолжателями вестготских королей, а свое государство — преемником разрушенного Вестготского королевства. Затем эта связь ослабла, но своеобразная германизирующая традиция осталась в испанской интеллектуальной среде. И проблема отношения Вестготского королевства к прошлому — Римской империи — и будущему — испанскому феодализму — решалась в основном так, что резкая грань проводилась между римской и вестготской Испанией, но зато устанавливалась преемственность между вестготами и последующими испанскими государствами, между вестготским обществом и обществом христианских государств более позднего времени, между культурой, принесенной варварами, и культурой испанского Средневековья. Крупнейшими представителями этой тенденции в первой половине и середине XX в. были такие видные ученые, как историк К. Санчес Альборнос и филолог Р. Менендес Пидаль. К. Санчес Альборнос в своих многочисленных и очень важных работах доказывал, что уже в вестготское время в Испании формировались те структуры и институты, которые типичны и характерны для развитого феодализма. Поэтому для него и его школы V–VIII вв. были временем раннего Средневековья[8]. Сам Санчес Альборнос, являясь решительным противником франкизма, покинул Испанию после поражения республиканцев, но его школа в Испании продолжала существовать. Ее фактическим главой стал ученик Санчеса Альборноса Л. Г. де Вальдеавельяно, который обобщил свои и чужие исследования в синтетическом труде «История Испании», первый том которого охватывает период от начала испанской истории до позднего Средневековья[9]. Для него Вестготское королевство было первым национальным испанским государством, потерянным из-за слабости монархии, подтачиваемой сепаратизмом феодальных (или феодализирующихся) вельмож.

---

[7] Речь идет не только о культуре, как материальной, так и духовной, как это иногда представляется (*Селунская Н. А.* Осень Средневековья... С. 237), но и об историческом процессе во всей его целостности. Отметим также, что представление о поздней древности развивается во всей западной (европейской и американской) историографии, а не только англоязычной.

[8] *Sánchez Albornos C.* En torno a los orígenes del Feudalismo. Buenos Aires, 1974–1979. T. I–III; см. также другие труды ученого, опубликованные в основном за пределами Испании.

[9] *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. Madrid, 1980. T. I: De los orígenes a la baja Edad Media.

За пределами Испании мысли и выводы Санчеса Альборноса и его школы наибольших последователей нашли в работах московского историка А. Р. Корсунского и немецкого (из ГДР) ученого Х.-Й. Дизнера[10]. В своих статьях и монографиях эти исследователи стремились рассмотреть, как в вестготском обществе возникают и становятся преобладающими элементы феодализма. Для них испанское общество и государство этого времени — раннефеодальные. Их исследования основаны на большом фактическом материале, но в основном рассматривают вестготское общество, мало обращая внимания на испано-римское и его воздействие на германское. Впрочем, надо отметить, что их взгляды были обусловлены их принадлежностью (особенно Корсунского) не к школе Санчеса Альборноса, в работах которого они находили подтверждение результатам своих исследований, а к марксистской историографии (точнее — к тому варианту марксизма, который стал каноническим в СССР[11] и который был навязан так называемым социалистическим странам, включая ГДР). Отсюда преимущественное внимание социальной эволюции вестготского общества, которое оставляло на заднем плане, хотя, разумеется, и не игнорировало, политические проблемы этой эпохи. Исследования Корсунского и Дизнера стали важным этапом в историографии вестготского периода истории Испании и варварских королевств вообще, хотя далеко не все их положения в настоящее время приемлемы.

Марксизм оказал влияние на исследования А. Барберо и М. Вихиля. И в своих отдельных статьях, и в общих работах, опубликованных в виде сборника[12], они исходят из социального развития Испании. Большой заслугой этих авторов является наиболее последовательное в испанской историографии исследование социального положения и его эволюции в Испании, в том числе северных районов Пиренейского полуострова, реально, по их мнению, не включенных в социально-политическую систему Вестготского королевства. Именно резкое социальное расслоение общества этого королевства стало, как они полагали, причиной его крушения, а реально независимый Север с его гораздо более однородным обществом и смог превратиться в базу Реконкисты. Другой важной заслугой Барберо и Вихиля явилось установление связи между положением в Поздней империи и ситуацией, существующей после крушения Римской

[10] Эти авторы написали ряд работ. Назовем лишь монографии: *Корсунский А. Р.* Готская Испания. М., 1969; *Diesner H.-J.* Isidor von Sevilla und seine Zeit. Berlin, 1973.

[11] В советской историографии считалось непреложным, что крушение Западной Римской империи являлось концом древней истории, а история варварских королевств, включая, естественно, Вестготское, относится исключительно к Средневековью и является сферой исследования медиевистики. Об этом см., например: *Крих С. В.* «Революция рабов» в советской историографии XX века // Диалог со временем. М., 2006. Вып. 17. С. 236.

[12] *Barbero A.* y *Vigil M.* Sobre los origenes sociales de la Reconquista. Barcelona, 1974.

империи. К феодализму, как они считали, пришло все испанское (в ту эпоху кроме северного), а не только вестготское общество. Многие постулаты этих ученых вызвали критику своей упрощенностью и прямолинейностью. Но критикуя эти стороны исследований Барберо и Вихиля, испанские ученые используют многие их результаты и саму методологию.

Чем глубже испанские ученые изучали вестготскую эпоху, тем яснее становилась роль испано-римской основы и даже в ряде моментов доримского субстрата. Начавшись с исследования правового аспекта, в том числе правовых основ расселения вестготов, историческая наука относительно скоро перешла к всестороннему изучению этой эпохи. Основной тенденцией современной испанской историографии является отказ от прежней «германизации» истории и рассмотрение всех аспектов исторического процесса с подчеркиванием роли романской составляющей испанского общества V — начала VIII в.[13] Исходя из этой точки зрения, пишутся теперь обобщающие работы, в которых политический, социальный, экономический и культурный аспекты тесно связаны друг с другом. Это в первую очередь работы Л. А. Гарсиа Морено и Х. Орландиса. Последний, будучи католическим священником, больше внимания уделяет церковной истории, не оставляя в стороне и другие аспекты этого времени. Для первого более важной оказывается социально-экономическая сторона истории. Но и тот, и другой дают разностороннюю картину истории Испании времени варварских завоеваний и последующей эпохи[14]. Эти ученые сосредоточили свое внимание на послеримском времени. Но стало ясно, что понять развитие страны в это время невозможно без изучения позднеримского времени. Так, Х. А. Гарсиа де Кортасар, хотя и писал об истории средневековой Испании, подчеркивал, что элементы будущего общества начинают формироваться в рамках Римской империи после кризиса III в., когда начинает формироваться та социально-экономическая ситуация, которая завершается установлением сеньориального, т. е. феодального, режима[15]. Создание общей истории позднеримской и послеримской Испании поставил своей задачей Х. Арсе. Им опубликованы монографии, одна из которых посвящена позднеримскому периоду, другая — времени варварских вторжений[16]. В настоящее время, насколько известно, он работает над монографией, посвященной уже варварской

[13] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda: líneas de investigación // Hispania. 1980. Vol. 50. P. 620–634.

[14] *García Moreno L. A.* Historia de España visigoda. Madrid, 1998; *Orlandis J.* Historia de España. Época visigoda. Madrid, 1999.

[15] *García de Cortazar J. A.* La época medieval. Madrid, 1988. P. 10; 23.

[16] *Arce J.* El último siglo de la España romana (284–409). Madrid, 1997; *idem.* Bárbaros y romanos en Hispania (400–507 A.D.). Madrid, 2005.

Испании[17]. Естественно, что испанские исследователи далеко не во всем согласны друг с другом. Существуют различные взгляды на те или иные аспекты истории. Однако они, пожалуй, в последнее время нашли согласие в одном: время до арабского завоевания, начавшегося в 711 г., определяется как «поздняя древность», а испанское Средневековье начинается после этой даты[18]. С социальной точки зрения, период до арабского завоевания чаще всего определяется как «протофеодализм» или «предфеодализм» (protofeudalismo, prefeudalismo).

В известной степени эта точка зрения находит поддержку и за пределами Испании. Так, молодой американский ученый М. Куликовский в своей очень интересной книге «Позднеримская Испания и ее города» доводит изложение материала до конца VI в., т. е. более чем на столетие выходит за рамки собственно римского времени[19]. По мнению Куликовского, о протофеодализме, ставшем, как он выразился, излюбленным топосом испанской историографии, можно реально говорить только в VII в. с появлением новой сельской и военной организации; арабское же завоевание полностью остановило начавшийся процесс, а развитие государств эпохи Реконкисты больше связано с запиренейской Европой, чем с римским (и вестготским, добавим мы) прошлым.

Из всего сказанного возникает, на наш взгляд, необходимость на новом по сравнению со временем создания фундаментального исследования Корсунского этапе развития историографии рассмотреть историю Испании, начиная с ее возрождения после кризиса III в. и кончая арабским завоеванием.

Прежде чем перейти к изложению материала, необходимо сделать некоторые замечания. Предлагаемая читателю книга выросла из предыдущей («Античные и раннесредневековые источники по истории Испании»). Материалом той части предыдущей книги, которая рассматривала варварские королевства в Испании, являлись различные хроники. Это, разумеется, суживало поле исследования. В данной монографии источниковый и особенно историографический материал значительно расширен. Это позволило в некоторых случаях прийти к несколько иным выводам, которые представляются более правильными и в бо́льшей степени адекватны тогдашней ситуации.

Ранняя история германцев, в том числе готов, в последнее время является предметом многочисленных споров. Некоторые исследователи,

---

[17] Может быть, эта монография уже опубликована, но это мне, к сожалению, неизвестно.

[18] Надо все же заметить, что некоторая неопределенность существует до сих пор. Так, статьи по различным аспектам варварской Испании публикуются как в антиковедческих, так по традиции и в медиевистических журналах.

[19] *Kulikowski M.* Late Roman Spain and Its Cities. Baltimore; London, 2004.

противопоставляя археологические и письменные источники, решительно отказывают последним (особенно Иордану) в правдивости. Отрицается, в частности, сам факт миграции готов. Однако мы стоим на традиционной точке зрения и считаем необходимым опираться как на археологические данные, так и на нарративную традицию, разумеется, критически анализируя ее.

Данная книга охватывает большой промежуток времени. За это время менялись названия некоторых мест, особенно более значительных городов. И если в официальных документах, включая церковные, постоянно использовались римские названия, то в повседневной речи названия изменялись, и это нашло отражение в некоторых источниках. Поэтому возникает проблема использования того или иного названия конкретного города. Исследователи, занимавшиеся эпохой существования варварских королевств, как историки, так и археологи и филологи, используют обычно современные названия, в то время как античники — римские. Однако следование этому принципу, учитывая, что в этой книге рассматриваются и позднеримский, и варварский периоды, привело бы к путанице и даже дезориентации читателя. Чтобы избежать этой опасности, в основном использованы римские топонимы, которые в наиболее важных случаях поясняются и современными названиями. В некоторых же случаях, наоборот, использованы современные названия с пояснением в виде античного имени. Прежде всего это относится к столицам Вестготского королевства — Тулузе и Толедо, поскольку названия «Тулузское королевство» и «Толедское королевство» вошли в мировую историографию.

Определенные затруднения возникают и при передаче имен тех или иных деятелей варварского периода, особенно королей. Латинский язык за это время изменялся, и это отразилось в написании тех или иных имен. Различные авторы могли транскрибировать имена несколько по-разному — Эйрих и Эврих, Леувигильд и Леовигильд, Реккаред и Рекаред и т. д. Как и в случае с топонимами, возникает необходимость выбора того или иного варианта. В приводимых в качестве примеров именах мы выбрали первый вариант, полностью сознавая некоторую его условность.

В книге использованы карты, опубликованные в: García Moreno L. A. «Historia de España visigoda» (Madrid, 1998); Orlandis F. «Historia de España. Época visigoda» (Madrid, 1999).

Глава I

ИСПАНИЯ В ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Испания была составной частью Римской империи, и все процессы, которые проходили в империи, были характерны и для Пиренейского полуострова. В то же время эта страна находилась довольно далеко от наиболее угрожаемых границ — рейнской и дунайской, не говоря уже о восточной, так что после катастрофического вторжения варваров в середине III в. варварские вторжения ее более не беспокоили. Испанцы и те немногие войска, которые еще стоял на Пиренейском полуострове[1], не принимали активного участия в мятежах, узурпациях, гражданских войнах. Так что чисто политические события мало влияли на ее социально-экономическое развитие. Это, конечно, не значит, что эти события никак не отражались на судьбах Испании, но их воздействие здесь было много меньшим, чем в таких странах, как Галлия или Сирия.

ИСПАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Когда в 282 г. император Кар направился в поход против Персии, он оставил правителем западной части империи своего сына Карина, и Испания, естественно, полностью подчинилась ему. Но в следующем году Кар был убит, а затем та же участь постигла его сына Нумериана, и войско в 284 г. провозгласило императором Диоклециана. В 285 г. Диоклециан разбил Карина, который был убит собственными офицерами (*Aur. Vict.* Caes. XXXIX, 12; Epit. 38, 8). И Испания покорно признала победителя. Понимая, что он один не в силах удержать управление распадающейся империей, Диоклециан создал систему тетрархии, т. е. одновременного управления государством четырьмя императорами, из которых он, Диоклециан, был первым и по авторитету, и по стар-

[1] *Roldan Hervas J. M.* La organisacion militar de la Hispania Romana // HE. T. II, 2. P. 152; *Джонс А. Х. М.* Гибель античного мира. Ростов; М., 1997. С. 302.

шинству воцарения. Положение Испании в этой системе спорно. Аврелий Виктор (Caes. XXXIX, 30) пишет, что галльские земли, лежащие по ту сторону Альп, были поручены Констанцию Хлору. Под галльскими землями здесь явно подразумевается префектура Галлия (см. ниже), частью которой была и Испания. Вхождение Испании в сферу власти Констанция отмечает и Орозий (II, 23, 15). Однако Лактанций (MP 8) утверждает, что в Испании властвовал Максимиан. И современные историки склоняются к последней точке зрения. Именно Максимиан в 296 г. сражался в Испании против франкских и сакских пиратов, разорявших побережье Пиренейского полуострова. В это время около Кордубы был построен его роскошный дворец[2]. Значение для всей империи его победы в Испании было, по-видимому, столь велико, что и Диоклециан принял по этому поводу почетный титул Испанский Великий[3]. И только когда после отречения Диоклециана и Максимиана в 305 г. произошел новый раздел империи, Испанией стал управлять Констанций[4].

Фактическим разделением империи на четыре части Диоклециан не ограничился. Уже в первые годы своего правления он провел реорганизацию провинциального управления. Одним ее аспектом стала ликвидация деления на императорские и сенатские провинции. В соответствии с этим Бетика, которая ранее была включена в число последних, теперь стала управляться императорским чиновником. Одновременно многие провинции были сокращены в своих размерах. На Пиренейском полуострове Бетика и Лузитания остались такими же, какими были раньше, а из Тарраконской Испании были выделены Карфагенская Испания и Галлеция (много позже самостоятельной провинцией были сделаны Балеарские острова)[5]. Чтобы провинциями было легче управлять, они в 297 г. были объединены в диоцезы, управляемые викариями, а последние (но уже гораздо позже, только при Константине) — в префектуры, во главе которых стояли префекты

---

[2] *Leon Alonso P.* Itinerario de monumentalizacion y cambio de imagen de Colonia Patricia (Cordoba) // AEArq. 1999. Vol. 72. P. 54–55.

[3] *Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. London, 1982. P. 59; *Perez Vilatela L.* In Augustana provincia // Gerion. 1994. T. 12. P. 264. Существует точка зрения, что противниками Максимиана в Испании, как и в Галлии, были багауды: *Blazquez J. M.* Nuevos estudios sobre la romanizacion. Madrid, 1989. P. 457–458. Однако никаких реальных свидетельств действий багаудов в Испании нет приблизительно до середины V в.

[4] *Stroheker K. F.* Spanien in spätromischen Reich // AEArq. 1972–1974. Vol. 45–47. P. 589–590; *Barnes T. D.* The New Empire... P. 197; *Demandt A.* Die Spätantike. München, 1989. P. 48–49.

[5] *Arce J.* Los gobernadores de la *Dioecesis Hispaniarum* (ss. IV–V d.C.) // Antiquite tardive. 1999. T. 7. P. 77–78.

претория[6]. Испанские провинции, а также лежащая по ту сторону пролива Тингитанская Мавретания[7], составили диоцез Испанию, который, в свою очередь, был частью префектуры Галлии[8]. Центром диоцеза являлся сначала Гиспалис, а затем Эмерита[9]. Некоторое время при Константине наряду с викарием диоцеза Испании (vicarius Hispaniarum) туда направлялся еще и комит (comes Hispaniarum), который, по-видимому, отвечал за безопасность диоцеза. Первый викарий Испании засвидетельствован в 298 г.[10], а первый комит — в 316-м[11], что, конечно, не означает априорно их отсутствие и в более ранее время. Однако при преемниках Константина должность комита явно была отменена[12], чтобы возродиться уже в новых обстоятельствах в V в. Провинциями управляли президы, но к концу IV в. Бетика, Лузитания и Галлеция были повышены в ранге, и во главе их были поставлены проконсулы[13].

Как бы ни решался вопрос о подчинении Испании тому или другому соправителю Диоклециана, ясно, что с 305 г. она находилась под властью Констанция Хлора. В одном из панегириков (12, 25) Констанция прославляют за «освобождение Испании». Речь, вероятно, идет о победе опять же над пиратами[14]. Когда же он в 306 г. умер и августом был провозглашен Флавий Север, Испания оказалась под его властью, а после его свержения Максенцием под властью последнего[15]. Некоторое время отношения между Максенцием и сыном Констанция Хлора Константином были сравнительно неплохие, и второй мирился с подчинением

---

[6] Проблема создания диоцезов и префектур довольно спорная. Наряду с изложенной существует точка зрения, что диоцезы были созданы одновременно с новыми провинциями в 293 г. (*Barnes T. D.* The New Empire... P. 225). Что касается префектов претория, то, вероятно, с самого начала один префект претория находился при особе каждого императора, но в качестве управляющих определенными территориями в составе нескольких диоцезов они появляются только во времена Константина.

[7] Причиной присоединения Тингитанской Мавретании к диоцезу Испании было, вероятно, стремление правительства лучше защитить пролив у Геркулесовых Столпов: *Le Glay M.* Grandeza y caida... 2002. P. 418.

[8] *Chastagnol A.* Les Espagnols dans l'aristocratie gouvernementale a l'epoque de Theodiose // Les empereurs romains d'Espagne. Paris, 1965. P. 271; *Roldan Hervas J. M.* La organizacion politico-administrativa y judicial de la Hispania Romana // HE. T. II, 2. P. 101; *Perez Vilatela L.* In Augustana provincia. P. 261–262.

[9] *Arce J.* Merida tardorromana. Merida, 2002. P. 15–16.

[10] *Kulikowski M.* Late Roman Spain... P. 72, 313.

[11] *Chastagnol A.* Les Espagnols... P. 272; *Barnes T. D.* The New Empire... P. 145

[12] *Chastagnol A.* Les Espagnols... P. 271–272.

[13] *Arce J.* Los gobernadores... P. 75–76.

[14] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 458.

[15] *Groag.* Maxentius // RE. 1930. Hbd. 28. Sp. 2434–2435; *Petit P.* Le Bas-Empire. Paris, 1974. P. 47.

Испании первому. Однако в 410 г. Константин, стремясь к единоличному господству, по крайней мере, в западной части империи, порвал с Максенцием и предъявил свои права на Испанию. Каким образом он сумел завладеть этой страной, неизвестно, но к лету того же года испанцы уже признавали своим императором Константина[16], и к 311 г., когда развернулась открытая борьба между Константином и Максенцием, Испания прочно входила во владения первого[17]. В развернувшейся гражданской войне Испания активного участия не принимала, составляя глубокий тыл Константина, хотя отдельные испанцы и поддерживали своего правителя, выступив на его стороне. Таким, например, был Ацилий Север. Правда, сведения о нем относятся к более позднему времени: в 316 г. он был, по-видимому, наместником (praeses) Тарраконской Испании, через год — викарием Италии, а затем он появляется уже как префект претория при Константине, который назначил его в 323 г. консулом, а в 325-м — префектом Рима[18]. Происходил он, видимо, не из сенаторов, а из всадников[19], так что его взлет к самым вершинам чиновничьей карьеры можно объяснить только верным и долгим служением Константину. Можно полагать, что Север активно поддерживал Константина еще во время гражданской войны. Возможно, что Гонорий, дед будущего императора Феодосия, тоже поддерживал Константина в этой войне. Он принадлежал к знатному местному роду. Nomen этого рода было Флавий. Этот nomen широко распространился в период Поздней империи особенно в среде знати; его носили и многие императоры. Однако учитывая испанское происхождение рода Гонория, можно думать, что его предок получил это родовое имя императора Веспасиана вместе с гражданством.

После смерти Константина империя была разделена между тремя его сыновьями, и Испания оказалась под властью Константина II. Но уже через три года Константин попытался свергнуть своего брата Константа, управлявшего, в частности, Италией и самим Римом, но потерпел поражение и был убит[20]. И Испания без всякого сопротивления подчинилась Константу и оставалась ему верной много лет. Косвенным свидетельством уверенности Константа в Испании является то, что «путешествующий» император эту страну так ни разу, как будто, не посетил: видимо, ничего угрожающего его власти там не происходило. Констант в отличие от Констанция был сторонником никейского веро-

---

[16] *Groag*. Op. cit. Sp. 2446.

[17] *Le Glay M.* Grandeza y caida... P. 378.

[18] *Stroheker K. F.* Germanentum... P. 58.

[19] Ibid.

[20] *Seeck O.* Constantinus, 3 // RE. 1900. Hbd. 7. Sp. 1027–1028.

исповедания: недаром, по словам Сократа Схоластика (II, 22), он под угрозой войны требовал от брата возвращения на свои места Афанасия и Павла. Так что Констант вполне мог рассчитывать на поддержку и церковной иерархии.

К 350 г. Константу не было еще 27 лет. Но несмотря на свою молодость, он уже проявил себя как довольно умелый и энергичный правитель. Констант был «путешествующим» императором, бóльшую часть своего правления он провел в разъездах по различным частям своих владений, в основном по тем, которые были наиболее угрожаемыми (*Iul.* Or. I, 7)[21]. В то же время он был весьма развратным юношей и позволял своим любимцам слишком многое (*Zos.* II, 42, 1). Это вызывало недовольство в его ближайшем окружении, а его стремление укрепить военную дисциплину — в войсках. Результатом стал заговор. Его фактическим главой был Марцеллин, занимавший должность то ли comes sacrarum largitionum, т. е. министра финансов, то ли, что наиболее вероятно, comes rerum privatarum, управляющего личным имуществом императора[22]. О предыдущей карьере Марцеллина практически ничего не известно, но можно думать, особенно учитывая вообще стремление императоров разделить военную и гражданскую службу, что вся она протекала в чисто гражданской сфере[23], так что связей с армией у него не было. Поэтому на первый план был выдвинут Флавий Магн Магненций. Существуют различные версии его происхождения. По одним, он был германцем, взятым в плен и поселенным в Галлии в качестве лета (*Iul.* Or. I, 34B; *Zos.* II, 54, 1), по другим, сыном брита и франки (*Zon.* XIII, p. 6 II, 13A) и родился уже в Галлии. Аврелий Виктор (Caes. XLI, 26; Epit. XLII, 42, 7) называет его родителей просто варварами. А Юлиан (Or. I, 27) в полемическом задоре объявляет его подлинным варваром и рабом, захваченным в Германии в качестве добычи. Таким образом, его варварское происхождение сомнению не подлежит. Он, однако, получил латинское образование и отличался красноречием (*Aur. Vict.* Epit. XLII, 7; *Zos.* II, 54, 1). По-видимому, рано вступив в армию, он, как и многие другие варвары в то время, сделал блестящую карьеру и в январе 350 г. командовал Иовианским и Геркулианским легионами (*Zos.* II, 42, 2). Эти два легиона, созданные в свое время Диоклецианом и названные по именам богов, покровительствующих августам Диоклециану и Максимиану, были не обычными воинскими частями, а видом особой императорской гвардии[24]. Так что

---

[21] *Seeck O.* Constans // RE. 1900. Hbd. 7. Sp. 950.

[22] *Ensslin W.* Marcellinus // RE. 1928. Hbd. 28. Sp. 1443.

[23] The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge, 1971. P. 546.

[24] *Томлин Р.* Поздняя империя // *Кониоли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001. С. 250–251.

Магненций находился в ближайшем окружении императора. Правда, его отношения с солдатами не всегда были безоблачными. Однажды во время мятежа воины угрожали ему убийством, и только личное вмешательство Константа, присутствовавшего при этих событиях, спасло ему жизнь (*Zon.* XIII, 5, p. II, 12A). Это не помешало Магненцию примкнуть к заговору. В заговоре участвовал также некий Хрестий, который был среди командиров армии (militares) Константа (*Aur. Vict.* Epit. 41, 22). Но положение Магненция во главе придворной гвардии, видимо, определило именно его роль официального главы заговора и претендента на императорскую власть.

Заговорщики воспользовались очередным пребыванием Константа в Галлии. Пока император, будучи страстным охотником, охотился в лесах около Августодуна, Марцеллин под предлогом празднования дня рождения своего сына собрал всю верхушку армии, тогда находившейся тоже в этом городе, в том числе и гвардейские легионы под командованием Магненция. Попойка затянулась до полуночи, и тогда под предлогом собственной нужды Магненций вышел из пиршественного зала. Когда он вернулся, то был уже одет в императорское одеяние. Та часть военных командиров, которые были в курсе событий, тотчас приветствовала его императором, а остальным ничего не оставалось, как к этому присоединиться. Когда весть о происшедшем распространилась в городе, горожане Августодуна горячо поддержали Магненция, и вскоре к ним присоединились и окрестные сельчане (*Zos.* II, 42, 1–5; *Zon.* XIII, 6 p. II, 13B). Так что Магненций получил полную поддержку и армии, и местного гражданского населения. Вскоре и префект претория для Галлии Фабий Тициан[25] также признал власть Магненция.

Узнав обо всем происшедшим, Констант бросился бежать. Его явно покинула вся его свита, так что с ним остался только один Ланиогайз, бывший тогда кандидатом (*Amm.* XV, 5, 16), т. е. одним из императорских телохранителей[26]. В сопровождении Ланиогайза Констант направился к испанской границе. Магненций послал в погоню отряд отборных воинов во главе с Гаизоном. Этот отряд настиг беглецов почти уже у самых Пиренеев в городке Елена, где Констант и был убит (*Zos.* II, 42, 5; *Aur. Vict.* Caes. 41, 23).

Хотя от Августодуна гораздо ближе было и до Рейна, и до Альп, Констант избрал испанский маршрут. И это едва ли было случайно. Императоры Константиновской династии, видимо, рассматривали Испанию

[25] The Prosopography... P. 918.

[26] *Hausmaningert H.* Candidatus // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Sp. 1036.

как свою надежную опору[27], несмотря на то, что регулярных войск там было сравнительно немного[28]. Однако уверенность Константа в Испании была обманчивой. Даже если бы он успел перебраться за Пиренеи, едва ли там он нашел бы полную поддержку. Уже признание Магненция префектом Галлии заставляло испанские власти последовать за ним. Надо иметь в виду, что в это время экономические интересы и даже просто людские взаимоотношения связывали испанскую элиту в основном с Галлией, и Испании было важнее, кого признают императором непосредственно за Пиренеями, чем кто занимает трон в Риме или Константинополе. Так что испанцы, как и провинциальные власти и войска, спокойно признали Магненция. Свидетельством этого является относительно большое количество монет Магненция и его брата Децентия, причем находят эти монеты в разных частях страны[29]. Другое свидетельство — наличие в Испании миллиариев с именами Магненция и Децентия. Большинство их сосредоточено в северо-западной провинции Галлеции, но встречаются и в других местах[30]. Сосредоточение основной массы миллиариев в Галлеции свидетельствует об особом внимании узурпатора к этой провинции. И это вполне понятно. Галлеция была основным золотоносным регионом Пиренейского полуострова и долгое время главным поставщиком золота для всей империи; после завоевания Дакии ее значение уменьшилось[31], но уход римлян из Дакии вернул Галлеции ее роль. Испания была нужна Магненцию и как поставщик золота, и как стратегический тыл. Отмечается, что монета Магненция была не только обильна, но и высококачественна[32]. Другим мотивом внимания Магненция к Галлеции и соседней Лузитании могла быть опасность пиратских нападений на западные и северо-западные берега Пиренейского полуострова[33]. Позже, как мы увидим, Констанцию Испанию было нужно завоевывать. Следовательно, Магненций добился своих целей на Пиренейском полуострове. Возможно, о наличии симпатий к Магненцию в Испании говорит и пассаж из Аммиана Марцеллина (XVI, 8, 9), рассказывающего, как императорский агент, перетолковав слова на пире, погубил знатное семейство этой страны. Этот

---

[27] *Jarrega Dominguez R.* La ciudad de Tarraco y las repercusiones hispanicas de la rebelion de Magnencio // SHHA. 1990. Vol. VIII. P. 24.

[28] *Stroheker K. F.* Spanien... P. 589.

[29] *Blazquez J. M.* La economia de la Hispania Romana // HE. T. II, 1. P. 585–587.

[30] *Jarrega Dominguez R.* La ciudad de Tarraco... P. 25; *Montenegro A.* Hispania durante el Imperio // HE. T. II, 1. P. 266.

[31] *Mangton E.* Ruina Montium // Roman Gold. Stockholm, 2001. P. 27.

[32] *Blazquez J. M.* La economia de Hispania Romana. P. 586.

[33] *Montenegro A.* Hispania durante el Imperio. P. 266.

пассаж, несомненно, свидетельствует о произволе таких чиновников[34], но основанием для столь злостного толкования обычного возгласа и его использования для произвола мог служить действительный страх Констанция перед сохранившимися сторонниками узурпатора в Испании.

Надо обратить внимание еще на два важных аспекта узурпации Магненция в связи с Испанией. Юлиан в одном месте (Or. I, 27–28) подчеркивает, что армия Магненция в огромной степени состояла из западных варваров, так что, по его мнению, войну против узурпатора даже нельзя было назвать гражданской, но именно внешней. Разумеется, это полемическое преувеличение, долженствующее унизить Магненция и восхвалить Констанция. Но полностью отбросить это заявление нельзя. В другом месте (Or. III [II], 6) среди народов, у которых Магненций, видимо готовясь к войне с Констанцием, набирал дополнительные контингенты, Юлиан упоминает иберов. Это, конечно же, западные иберы, т. е. испанцы. Долю испанцев в его армии определить невозможно, но само их наличие несомненно.

Второй аспект связан с возможным язычеством Магненция. Его мать, может быть, считалась прорицательницей (*Zos.* II, 46, 1). Филосторгий (III, 26) говорит, что Магненций склонялся к почитанию демонов и надеялся на бессильного, т. е. языческого, бога. Филосторгий упрекает в этом не только самого Магненция, но и его сторонников (καὶ τοὺς σὺν αὐτῶι). Одним из них был упомянутый Фабий Тициан[35], роль которого в признании Магненция на Западе трудно переоценить. Правда, вопрос о религиозной принадлежности самого Магненция спорен. Его монеты носят обычные христианские символы[36]. Но это может быть связано с желанием узурпатора не рвать с уже укоренившимися имперскими традициями и попытками, как об этом будет сказано ниже, найти modus vivendi с Констанцием и Ветранионом. По словам Зосима (II, 42, 4), не только жители Августодуна, но и толпа с полей (τῶν ἀγρῶν ὄχλος), сбежавшись в город, активно поддержали Магненция во время его путча. Известно, что христианство в сельской среде распространялось гораздо медленнее, чем в городах. И в западных провинциях перелом произошел только в середине и второй половине IV в. Но и в конце этого века, и в начале следующего вес язычества и в Италии, и в западных провинциях был еще довольно значительным, причем именно крестьянство и частично интеллигенция, а также часть знати были среди наиболее

[34] *Alonso Nuñez J. M.* Ammian Marcellin et la Peninsule Iberique // Latomus. 1979. T. 38, 1. P. 191.

[35] The Prosopography... P. 919.

[36] *Petit P.* Le Bas-Empire. P. 89.

активных сторонников старых верований[37]. Поэтому вполне возможно, что такая быстрая и энергичная поддержка Магненция была стимулирована или его язычеством, или, по крайней мере, слухами о нем. Но даже если сам Магненций собственно язычником и не был, то поддержку язычникам он явно оказывал и сам на такую же поддержку рассчитывал. Он отменил жесткие меры Константа, направленные против язычества, в частности вновь открыв храмы и разрешив ночные службы[38].

Это обстоятельство, как кажется, имеет отношение и к Испании. Ко времени легализации христианства Константином оно распространялось только в городах, а владельцы многих вилл еще и в IV в. оставались язычниками. Значительная часть Пиренейского полуострова пока очень мало была задета христианством, особенно сельское население. В Галлеции и значительной части Лузитании эта религия, как кажется, вообще стала распространяться в форме присциллианства[39], т. е. не ранее 60-х гг. IV в. Может быть, это тоже — одна из причин большего количества свидетельств признания Магненция именно в этих провинциях. Конечно, точной корреляции между сохранением язычества и поддержкой Магненция нет. Как мы увидим дальше, Магненция поддержала и приморская часть Тарраконской провинции, где христианство уже давно укоренилось. Однако надо учесть, что и здесь еще, вероятно, оставалось какое-то число язычников, в том числе и в верхах общества, и никаких данных о численном соотношении христиан и язычников в этом регионе нет. Так что вполне возможно, что поддержка, какую Магненций нашел в Испании, объясняется также и его принятием языческой средой.

Однако думается, что традиционная верность Испании Константиновской династии не исчезла полностью, и Магненций должен был с нею считаться. Ему надо было загладить убийство Константа. И именно в Испании, недалеко от Тарракона, была воздвигнута пышная гробница Константа, куда был перенесен прах императора, убитого невдалеке от Пиренеев, хотя еще и на галльской стороне[40]. И выбор места для его гробницы едва ли был случайным. Недаром Константа похоронили не в Галлии, где он был убит, а в Испании, хотя и сравнительно недалеко от Пиренеев, возле ближайшей к этим горам провинциальной столицы. Возможно, что для сооружения гробницы были использованы дворцовые

---

[37] *Perez Medina M.* Breves consideraciones en torno a la reaccion pagana: 384–410 a. D. // SHHA. Vol. VIII. 1990. P. 61–62.

[38] *Petit P.* Le Bas-Empire. P. 94.

[39] *Loring Garcia M. I.* La difusion del cristianismo en los medios rurales de la Peninsula Iberica a fines del imperio romano // SHHA. Vol. IV–V. 1986–87. P. 195–204.

[40] *Blanco Freijeiro A.* Arquitectura // HE. T. II, 2. P. 638–640.

помещения, принадлежавшие ранее самому Констанцию[41]. Может быть, именно в глазах испанцев Магненций хотел выглядеть, с одной стороны, освободителем от негодного и развратного императора, а с другой — законным преемником Константа, что, возможно, давало ему дополнительную опору и надежду на крепкий испанский тыл. Магненций использовал украшение этой гробницы для пропаганды своей политической идеи, которая, по его мысли (или мысли Марцеллина и других заговорщиков, стоявших за спиной Магненция), должна была укрепить его власть и придать ей полностью легитимный характер.

Среди мозаик этой гробницы выделяется, с одной стороны, охотничья сцена, которая должна была напомнить зрителю о страстном увлечении покойного императора, а с другой — четыре человеческие фигуры в роскошных императорских одеяниях, сидящие на тронах. Было выдвинуто предположение, что здесь изображены четыре императора и что это является иллюстрацией стремления Магненция создать новую тетрархию, изобразив себя, своего брата Децентия, к тому времени провозглашенного цезарем, Констанция и Ветраниона[42]. Думается, что, учитывая ту политику, которую проводил Магненций в первый период своего правления, принять это предположение вполне можно. Но представлял ли Магненций новую тетрархию в составе именно тех фигур, о которых было сказано, надо попробовать выяснить из рассмотрения событий того времени.

Вскоре после захвата власти в префектуре Галлии Магненций был довольно быстро и без труда признан в Италии и Африке (*Eutr.* X, 10, 2). С тем чтобы предотвратить распространение его власти и на север Балканского полуострова, который входил во владения Константа, Констанция, сестра императора, добилась провозглашения 1 марта 350 г. императором старого военачальника Ветраниона, в то время командовавшего пехотными войсками на Дунае. То ли сразу после этого, то ли еще заранее она сообщила об этом акте Констанцию, и тот после некоторых колебаний прислал Ветраниону диадему, что фактически означало его признание, а позже даже отослал ему деньги и приказал тем своим войскам, которые находились вблизи событий, в случае необходимости оказать ему помощь (*Iul.* Or. I, 21; 24; *Philost.* III, 22)[43].

Сначала Магненций, вероятно, надеялся на подчинение всей империи. После подчинения ему Африки он захватил также Киренаику,

---

[41] Ibid. P. 638.

[42] *Arbeiter A., Korol D.* Der Mosaikschmuk des Grabbaues von Centcellos // MM. 1989. Bd. 30. P. 320–329.

[43] *Ensslin W.* Vetranio // RE. 1958. Hbd. 16A. Sp. 1839.

находившуюся в сфере власти Констанция[44], что было недвусмысленным знаком стремления узурпатора к захвату всего государства. Однако поддержка армией Ветраниона заставила его задуматься. С другой стороны, фактическое признание Ветраниона Констанцием натолкнуло его и, вероятно, его советников на мысль о возможности договориться с Констанцием о разделе империи. Магненций направил к Констанцию посольство, которое, однако, двинулось кружным путем через Египет и Сирию, явно чтобы не попасться в руки Ветраниона (*Athan.* Apol. Const. 9). Результат этого посольства был нулевым. Тогда Магненций пошел на переговоры с Ветранионом, и они оба направили общее посольство к Констанцию, надеясь с ним договориться. Узурпаторы предлагали сохранить в империи status quo: Констанций признает их обоих своими соправителями, а они его — старшим августом; для обеспечения этого соглашения Магненций предлагал Констанцию руку своей дочери, а сам просил в жены Констанцию, которая только недавно была душой возвышения Ветраниона (*Iul.* Or. I, 24; FHG IV, 190; *Zon.* XIII, 7, p. II 15C).

Предложения Магненция и Ветраниона в значительной степени сводились к восстановлению диоклециановской тетрархии, но пока еще в виде сосуществования трех (а не четырех) императоров при формальном признании приоритета единственного на тот момент законного августа Констанция. Брачные связи, которые должны были укрепить эту систему, тоже напоминали сделанное Диоклецианом и его соправителями. Такое соглашение было очень выгодно Магненцию. Он, по-видимому, понял, что захватить территории к востоку от Адриатики он не сможет, и хотел обеспечить себе власть в западной части империи, в том числе в Италии и Риме, что имело большое психологическое значение. В этой части государства, не только в Испании, но и в других странах западной части империи, существовали (и Магненций не мог этого не знать) многочисленные сторонники Константина и его сыновей. Константа могли ненавидеть за его вызывающее поведение, но это не относилось ко всей династии. А к тому же, как это часто бывает, после смерти Константа его старые грехи стали забываться и память о нем могла становиться все более популярной. На это намекает Аврелий Виктор (Caes. XLI, 25), говоря, что из-за грубости и суровости Магненция люди стали сожалеть о правлении Константа. В таких условиях мирное соглашение с Констанцием укрепляло власть Магненция, а брачные связи вводили его в семью Константина и окончательно легализовали его власть.

---

[44] *Ensslin W.* Magnentius. Sp. 446; *Petit P.* Le Bas-Empire. P. 88.

Однако это хорошо понимал и Констанций. Соглашение с Магненцием для него едва ли было возможным. Если Ветранион был старым служакой и за ним, что в этих условиях было особенно важно, стояла его сестра[45], так что территория, ему подвластная справедливо рассматривалась как некий буфер, то Магненций был далек от него, а главное — он был убийцей его брата. Все, что известно о раздорах, даже смертельных, в семье Констанция Хлора и Константина, как и о характере самого Констанция, не позволяет подозревать его в очень уж горячих братских чувствах. Но при создавшейся ситуации согласиться с убийцей и даже соединиться с ним в одной семье означало «потерять лицо» перед собственными подданными и солдатами, на что пойти Констанций, конечно, не мог. К тому же гибель брата давала ему возможность объединить под своей властью всю империю, и пренебречь такой возможностью он не желал. Поэтому никакого соглашения с Констанцием Магненций реально достичь не мог[46]. Однако такое соглашение могло остаться как пропагандистский лозунг, который использовался узурпатором для укрепления своей власти на уже захваченных территориях. Может быть, в этом свете и надо рассматривать украшение гробницы Константа. Но в таком случае встает вопрос о четвертой фигуре.

Если Магненций заказал соответствующее украшение гробницы в ходе своих переговоров с Ветранионом и Констанцием, то, значит, Децентий уже был цезарем. В то же время считается, что возведение Децентия в этот сан произошло сравнительно поздно: или в самом конце 350 или в начале 351 г.[47]. Доводом в пользу такого мнения является то, что консулами 351 г. в Риме являлись Магненций и Гаизон[48]. Существовало негласное, но постоянно выполняемое правило, что консулами следующего за восхождением на трон года является император, а если два императора, то оба и становятся консулами. Следовательно, ко времени назначения консулов на 351 г. Децентий цезарем не был. С другой стороны, известна надпись, в которой консулами названы именно Магненций и Децентий. Отсюда и делается вывод, что назначение консулов

[45] *Ensslin W.* Vetranio. Sp. 1839–1840.

[46] Правда, Констанций направил к Магненцию бывшего консула Филиппа с предложением мира и предоставления тому возможности управлять землями за Альпами, т. е. префектурой Галлией (Zos. II, 46, 2–3). Но это посольство явно имело целью лишь выигрыш времени для лучшей подготовки к войне и, может быть, разведку сил противника (The Prosopography... P. 696).

[47] *Seeck O.* Decentius // RE. 1900. Hbd. 8. Sp. 1991; *Ensslin W.* Magnentius // RE. 1928. Hbd. 27. Sp. 449.

[48] The Prosopography... P. 380, 1044. Эти консулы не были признаны на Востоке, где год обозначался по именам предыдущих консулов, но это не меняет сути объявления консулами на Западе Магненция и Гаизона.

произошло в самом конце предшествующего года, так что не все римляне знали об этом, и некоторые полагали, что в действительности консулами являются оба императора. Это рассуждение не кажется совершенно корректным. Сан консула в это время не имел никакого реального значения, но был высоким знаком почета. И назначая вместе с собой консулом Гаизона, Магненций явно награждал его за убийство Константа. Думается, что после начала активных переговоров с Констанцием и сооружения гробницы Константа такой вызывающий жест едва ли был возможен. В то же время отмена назначения являлась бы вызовом своим старым сторонникам. Поэтому вполне возможно, что назначение Гаизона консулом на следующий год вместе с собой произошло тогда, когда Магненций вскоре после прихода к власти начал вообще производить изменения в администрации своей части империи, когда Марцеллин стал начальником канцелярии, Тициан — префектом Рима, а это все имело место зимой или весной 350 г.[49], т. е. еще до начала переговоров с Констанцием. Так что временной промежуток для назначения Децентия цезарем остается довольно большим. Он мог захватить большую часть года. Но обратимся к нарративной традиции.

Более или менее уладив дела на Востоке, Констанций двинулся в Европу. Ветранион некоторое время колебался и даже заключил союз с Магненцием, но вскоре решил все же предпочесть более знакомого Констанция. Тот уже не нуждался в Ветранионе и сумел сделать так, что солдаты последнего перешли на его сторону. Ветранион сам отрекся от трона и спокойно отправился в свое имение, где еще прожил несколько лет. Это произошло в декабре 350 г. И теперь Констанций получил возможность непосредственно столкнуться с Магненцием.

Магненций принял активные меры для подготовки к войне, но одновременно развернул, по-видимому, и пропагандистскую кампанию, чтобы обеспечить симпатии если не врагов, то собственных подданных. Лозунг тетрархии в таких условиях оказывался еще более актуальным, чем ранее. Назначение цезарями Децентия и Галла, казалось, зеркально повторяло диоклециановскую тетрархию: два августа — Магненций и Констанций и два цезаря — Децентий и Галл. Может быть, Магненций даже сохранил свое предложение признать Констанция старшим августом, как тетрархи признавали Диоклециана. Другое дело, что он не мог не сознавать, что в сложившихся обстоятельствах реально тетрархию установить невозможно. Но для пропаганды это намерение вполне под-

[49] Тициан был назначен префектом Рима 27 февраля 350 г. (*Pigagnol A.* L'empire chretien. Paris, 1947. P. 85), т. е. менее чем через полтора месяца после провозглашения самого Магненция императором.

ходило. Если это так, то в гробнице Константа изображены Магненций, Констанций, Децентий и Галл.

Испания сыграла определенную роль и на последнем этапе войны между Магненцием и Констанцием. Уже выбив врага из Италии, Констанций захватил и ее, и Сицилию, и Африку. А затем он направил на кораблях армию, которая высадилась в Испании. Точное место высадки неизвестно. Юлиан (*Oros.* I, 33) говорит лишь о высадке в районе Пиренеев. Вероятнее всего, речь идет не обо всем Пиренейском полуострове, а именно о районе, действительно непосредственно примыкающем с юга к Пиренеям. Целью этой экспедиции было предотвращение возможного бегства Магненция в Мавретанию через Испанию (*Zos.* II, 53, 3). Зосим отмечает, что Констанций сумел милосердием привлечь к себе тамошних римских союзников, т. е. провинциалов, что и сыграло решающую роль в успехе предприятия. Однако реальность, как кажется, была не столь благостной. Археология показывает разрушение в это время форума Тарракона и некоторых вилл на северо-восточном побережье Испании, и эти разрушения связываются с войной Констанция против Магненция[50]. Констанций явно объявил амнистию своим противникам (*Zos.* II, 53, 3), но не все, по-видимому, воспользовались ею. Регулярные войска, находившиеся в Испании, были немногочисленны и располагались преимущественно на северо-западе и в центре полуострова, но некоторые испанские города, как и раньше, обладали собственной милицией, как об этом свидетельствует много более позднее письмо Гонория милиции города Пампелуны[51]. И какая-то часть этой милиции оказала сопротивление армии Констанция. Видимо, сторонники Магненция в Испании еще обладали значительной силой, позволившей им активно сопротивляться. Зосим связывает эти события с последними эпизодами авантюры Магненция: когда тот узнал о нападении германцев, об отпадении Галлии, о невозможности бежать в Мавретанию через Испанию и об амнистии, объявленной Констанцием, он покончил с собой. Возможно, что высадка в Испании была совершена раньше, еще в конце 352 г. Но окончательная победа была одержана Констанцием только уже в следующем году. Если это так, то сторонники его противника были еще столь сильны, что могли оказывать сопротивление в течение нескольких месяцев. Но не менее возможно, что все это происходило гораздо более скоротечно уже в 353 г. Как бы то ни было, Констанций сумел лишить Магненция испанского тыла и возможности использовать Испанию для

[50] *Jarrega Dominguez.* La ciudad de Tarraco... P. 21–27.

[51] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 455–456, 619.

продолжения войны, и часть его войск оказалась, со своей стороны, в тылу Магненция. Это, если верить Зосиму (а оснований не верить у нас нет), стало одной из решающих причин самоубийства Магненция. В Испании, как и на всем Западе, была восстановлена власть Константиновской династии. С ней вернулась и некоторая политическая стабильность.

Установление определенной стабильности способствовало подъему Испании. Происходит перестройка и расширение вилл в районе Тарракона, что говорит об определенном хозяйственном подъеме[52]. И этой стабильностью испанские латифундисты не желали рисковать. Это проявилось во время захвата власти Магном Максимом, который командовал войсками в Британии. В августе 383 г. он был провозглашен своими солдатами августом, после чего переправился в Галлию. В это время Римская империя была разделена. Ее восточной частью правил испанец Феодосий, а западной — братья Грациан и Валентиниан II, причем в западном дуэте решающую роль играл старший Грациан. Он и двинулся против узурпатора, но его воины перешли на сторону Максима. Грациан бежал в Италию, но по пути в Лугдуне был убит (*Oros.* VII, 34, 9; *Zos.* IV, 35, 4–5). И когда Галлия признала власть Максима, то и Испания последовала за ней. Его признание в этой стране было облегчено тем, что сам он был испанцем (*Zos.* IV, 35, 3), хотя более точное определение провинции, из которой он происходил, спорно: Галлеция[53] или Тарраконская Испания[54]. Происходя из совершенно незнатного рода, он сделал блестящую карьеру, значительная часть которой проходила под руководством Феодосия Старшего[55], и в это время он был тесно связан и с сыном полководца Феодосием, который, как уже говорилось, был в это время императором Востока. К тому же, как и Феодосий, Максим был ревностным сторонником никейского вероисповедания. Все это облегчило ему признание не только провинциалов, включая, естественно, испанцев, но и Феодосия (*Zos.* IV, 2–3). Валентиниан сначала отказался признать Максима своим соправителем, но уже на следующий год по совету Феодосия согласился на это[56]. Максим добился того, чего не сумел достичь Магненций — признания его равноправным владыкой

---

[52] *Jarrega Dominguez R.* La ciudad de Tarraco... P. 26.

[53] *Ensslin W.* Maximus // RE. Hbd. 28. 1930. Col. 2546.

[54] *Palanque J.-R.* L'empereur Maxime // Les empereurs romains d'Espagne. Paris, 1965. P. 255.

[55] *Lippold A.* Maximus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 3. Sp. 1114.

[56] *Brandt H.* L'epoca tardoantica. Bologna, 2005. P. 58. Речь идет не столько о самом Валентиниане, которому в то время было всего 12 лет, сколько о западном правительстве, фактически возглавляемом его матерью Юстиной.

части империи[57]. Империя была разделена на три части, и территория префектуры Галлии была признана сферой господства Максима.

В Испании Максим явно пользовался поддержкой значительного слоя населения. Когда Феодосий, как об этом будет сказано немного ниже, все же выступил против Максима и разгромил его, епископ Амвросий и особенно ритор Пакат, прославляя победителя, всячески поносили побежденного, называя его и тираном, и палачом, и разбойником, и безумным гладиатором. Зато испанец Орозий (VII, 34, 9), правда, уже позже, говорил о Максиме как о муже деятельном, честном и достойном быть августом. На такую оценку, несомненно, повлияла позиция Максима во время борьбы «никейцев» с присциллианитами.

Во второй половине IV в. уроженец Галлеции Присциллиан выступил со своим учением, призывая к отказу от церковных богатств, к возвращению к аскетизму первоначального христианства, к равноправию мужчин и женщин в рамках церкви. Многие детали его учения неизвестны, и оценка его спорна[58], но в любом случае направленность против существующей епископальной церкви с ее растущими богатствами несомненна. Присциллиан нашел в Испании много сторонников, особенно в менее романизованной части страны, и даже сам был в 380 г. избран епископом одного из испанских городов. И это еще больше возбудило против него иерархов испанской церкви. Еще от императора Грациана они пытались добиться осуждения Присциллиана, но последний сумел добиться отмены направленного против него эдикта. Когда же Максим убил Грациана, старавшегося не очень вмешиваться в церковные дела, некоторые испанские епископы, возглавляемые епископом Эмериты Идацием, обратились к новому владыке с подобными же требованиями. Максим в 385 г. вызвал спорящие стороны в свою резиденцию Августу Треверов и решительно выступил против Присциллиана. Он осудил его не только как еретика, но и как уголовного преступника и вместе с еще шестью сторонниками казнил[59]. Эта казнь, еще не виданная в истории христианства[60], вызвала осуждение даже некоторых противников присциллианства[61], но зато привела к еще большему укреплению позиций Максима в испанской церкви и кругах, с нею связанных[62]. Узурпатору

---

[57] *Petit P.* Le Bas-Empire. P. 122.

[58] *Ruhbach G.* Priscillianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Col. 1143–1144.

[59] *Palanque J.-R.* L'empereur Maxime. P. 260–261; *Montenegro Duque A.* Hispania durante el Imperio. P. 280–281; *Grant M.* The Fall of Roman Empire. London, 1990. P. 167–168.

[60] *Grant M.* The Fall... P. 168.

[61] Так, против казни Присциллиана и некоторых его сторонников выступил Мартин Турский (*Greg. Tur.* X, 31).

[62] *Girardet K.* Trier 385 // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 588.

Максиму было жизненно необходимо оправдать захват власти в западной части империи, и защита христианской ортодоксии от ереси явилась хорошим способом сделать это[63].

Возможно, Максим пытался предпринять еще какие-то шаги по укреплению своего положения в Испании. Одним из таких шагов могло быть создание новой провинции Максимы, выделенной из западной части Тарраконской Испании[64]. Этот акт приближал к трону нового императора знать внутренних районов Испании[65].

И все же надолго удержаться на троне Максим не смог. Феодосию было выгодно такое положение, когда значительной частью империи владел мятежный полководец, к тому же его старый знакомый и единоверец. Это ставило молодого Валентиниана почти в полную зависимость от него, Феодосия. Но Максим, явно рассчитывая на поддержку Феодосия, овладел и Италией, заставив Валентиниана и его мать бежать под покровительство Феодосия (*Zos.* IV, 42–43, 2) . Такой оборот дел последнего не устраивал, ибо Максим становился слишком сильным и опасным соперником, тем более что просьбы юного соправителя предоставили прекрасный повод для разрыва с предшествующим соглашением. Сам Максим все еще пытался договориться с могущественным императором Константинополя. Не без его разрешения в январе 388 г. в Испании пышно праздновалось десятилетие получения Феодосием титула августа[66]. Предпринимал Максим и другие шаги для достижения согласия с Феодосием. Феодосий сначала пытался было восстановить прежнее положение, когда западной частью империи управляли два императора (*Zos.* IV, 44, 1), что ставило его в положение арбитра, но интриги матери Валентиниана Юстины, фактически стоявшей за спиной сына, подтолкнули восточного императора на решительный шаг, и разрыв произошел (*Zos.* IV, 44, 3). Максим был объявлен тираном[67], и Феодосий начал активно готовиться к войне. Подготавливая армию для вторжения в Италию, Феодосий предварительно отправил на кораблях Юстину с ее детьми в Рим, который относился к Максиму весьма настороженно и принял прежнего императора и его мать и сестру. Сухопутная же армия Феодосия во главе с самим императором двинулась в Паннонию, Комит Максима Андрогаций пытался сдержать наступление Феодосия, но был разбит, и Феодосий, практически более не встречая сопротивления,

---

[63] Ibid. S. 603–604.

[64] *Kulikowski M.* Late Roman Spanin... P. 82.

[65] Не исключено, что новая провинция и была территорией родины Максима.

[66] *Palanque J.-R.* L'empereur Maxime. P. 262.

[67] *Bardill J.* The Golden Gate in Constantinople: A Triumphal Arch of Theodosius I // AJA. 1999. Vol. 103. P. 683.

вторгся в Италию и захватил резиденцию Максима Аквилею (*Oros.* VII, 35, 3–4; *Zos.* IV, 46, 2). Сам Максим был убит (*Oros.* VII, 35, 4; *Zos.* IV, 46, 3). Командующий его армией Андрогаций предпочел покончить жизнь самоубийством (*Oros.* VII, 35, 5; *Zos.* IV, 47, 1).

Еще до начала войны с Феодосием Максим направил в Галлию своего сына Виктора, дав ему титул сначала цезаря (*Zos.* IV, 47, 1), а потом и августа ([*Aur. Vict.*] Epit. 48, 6), т. е. официально признав его своим соправителем[68]. Это явно было вызвано необходимостью защиты Галлии от франков, которые воспользовались событиями в империи, чтобы перейти Рейн. Поскольку Виктор был еще довольно молодым, реально войсками командовали Наннин и Квинтин, которые сумели отбить нападение, но затем часть римской армии, пытавшаяся преследовать франков уже на германской территории, была уничтожена (*Greg. Tur.* II, 9). Это, кончено, ослабило армию Максима и Виктора в Галлии, тем более что значительная часть войск охраняла Рейн, и этим решил воспользоваться Феодосий. Он направил в Галлию свою армию во главе с Арбогастом. Виктор и его войска были разбиты, а сам он, как и отец, убит (*Zos.* IV, 47, 1; *Greg. Tur.* II, 9). После разгрома Максима была уничтожена и созданная им испанская провинция и восстановлена старая структура Испанского диоцеза.

После этих событий Испания спокойно признала власть Валентиниана, за спиной которого стоял сам Феодосий. После смерти Валентиниана Арбогаст провозгласил императором Евгения, с чем решительно не согласился Феодосий. Евгений, вместо которого западной частью империи фактически управлял Арбогаст[69], дабы укрепить свое положение, стал заигрывать с язычеством, еще сохранявшим значительные позиции в Риме, особенно в сенаторской знати; в частности, в здание сената была возвращена статуя богини победы Виктории. Этот стало для Феодосия поводом к войне с Евгением. Евгений и Арбогаст были разбиты, и Феодосий стал единственным императором. После его смерти в январе 395 г. в результате раздоров между сыновьями Феодосия Аркадием, правившим на Востоке, и Гонорием, управлявшим Западом (точнее, между придворными кликами, стоявшими за каждым из них), Римская империя окончательно распалась на Западную и Восточную. Испания, естественно, стала частью Западной Римской империи.

Долгое время Испания, расположенная, как уже говорилось, сравнительно далеко от внешних границ Римской империи, жила в относи-

---

[68] Возможно, он это сделал в подражание Феодосию, который в это время назначил августом своего второго сына Гонория (*Ensslin W.* Maximus. Sp. 2550).

[69] *Stroheker K. F.* Germanentum... P. 21.

тельном мире. Правда, в это время многие испанские города окружаются стенами[70], что как будто свидетельствует о нестабильности и страхе нападений, но это явление было общеимперским и могло отражать не особенности политической ситуации на Пиренейском полуострове, а общую моду, которая, конечно, возникла из необходимости обороны, но распространилась и на те города, которые в этом не особенно и нуждались. В свое время было высказано мнение, что в районе реки Дурис была создана система укреплений (limes), подобная пограничным валам, и что это говорит и о фактической независимости северных племен, в условиях кризиса римского общества освободившихся от римской власти, и об их нападениях на оставшуюся еще под римским господством территорию[71]. Однако более тщательные исследования показали, что о такой системе говорить все же нельзя и что в долине Дуриса в IV в. господствовало относительное спокойствие[72]. Положение изменилось в начале V в.

В последний день 406 г. союз германских племен вандалов (силингов и асдингов) и свевов и иранского племени аланов перешел Рейн. Регулярных римских войск там уже практически не было[73]. Франки, бывшие федератами империи, пытались задержать вандалов и их союзников еще на правом берегу Рейна. В ожесточенном сражении они уничтожили большое количество вандалов и даже убили их короля Годегизела. Но на помощь вандалам пришли аланы во главе с их вождем Респендиалом, к тому времени уже перешедшие Рейн, и франки потерпели поражение. После этого никаких препятствий для варварского вторжения в Галлию не оставалось. Варвары сначала опустошили восточную часть Галлии, а затем обрушились на ее юго-западную часть, выйдя к Пиренеям[74]. В 407 г. очередной бунт подняли солдаты в Британии. В скором времени солдаты провозгласили августом своего сотоварища Константина. Своим выдвижением он, может быть, был обязан своему имени, поскольку Констанций Хлор и Константин, как будто были все еще популярны среди солдат британской армии. Став императором, он принял в качестве своих nomina не только весьма распространенное в то время «Флавий», но и «Клавдий», связывая себя, таким образом, как с Констан-

---

[70] *Richmond A.* Five town-walls in Hispania Citerior // JRS. 1931. Vol. 21. P. 86–100; *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 451–453.

[71] *Barbero A.* y *Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 15ss.

[72] *Montenegro A.* Hispania durante el Imperio. P. 282–287; *Arce J.* La «Notitia Dignitatum» et l'armee romaine dans la *diocesis Hispaniarum* // Chiron. 1980. Bd. 10. P. 593–595.

[73] *Банников А. В.* Римская армия в Галлии в IV–V вв. и Notitia Dignitatum // Мнемон. 2006. Вып. 5. С. 346.

[74] *Bury J. B.* History of the Later Roman Empire. New York, 1958. Vol. I. P. 186–187.

тином, так и с более далеким Клавдием[75]. Клавдий II был тем императором III в., который сумел одержать победу над германцами-готами, получив почетное прозвище Готский, и на какое-то время сдержать германскую экспансию. Принимая (или во всяком случае демонстрируя) такие имена, Константин провозглашал своей целью и восстановить утраченное величие Римской империи, и отбросить варваров за ее пределы. Последняя цель была чрезвычайно актуальна, ибо именно в это время вестготы воевали в Италии, а вандалы, аланы и свевы, а также действовавшие отдельно от них бургунды, разоряли и грабили Галлию. Возможно, что Константин вдохновлялся примерами галльских императоров III в. и Магна Максима и стремился в первую очередь подчинить себе префектуру Галлию[76]. Со своей армией Константин переправился в Галлию. Галльская знать была недовольна политикой Гонория и Стилихона, фактически правившего Западной Римской империей, считая, что эта политика отдавала Галлию во власть варваров[77]. И она имела на это основания: перед лицом угрозы непосредственно Италии и Равенне Стилихон бросил против угрожавших и даже вторгнувшихся в Италию готов все наличные силы, оголив рейнскую границу. Это и позволило варварам перейти Рейн и начать опустошение Галлии. Несколько позже враги Стилихона в самой Италии клеветнически обвинили его даже в сговоре с варварами и намеренной сдаче им заальпийских земель. В этих условиях большая часть галльской знати поддержала Константина[78]. И Константин во многом оправдал эти надежды. Ему удалось отбросить варваров на юго-запад Галлии в Аквитанию и восстановить границу по Рейну с ее укреплениями. Несколько исправив положение в Италии, Стилихон направил против узурпатора армию во главе с готом Саром. Сар разгромил армию константиновского полководца Юстиниана и предательски убил другого дукса Небиогаста, а затем осадил самого Константина в Валенции. Но Константин набрал новую армию, поставив во главе ее франка Эбдомиха, и вызвал из Британии еще остававшиеся там войска во главе с Геронтием. Сар со своими воинами предпочел уйти в Италию, и в результате Константин сумел стать реальным правителем всей Галлии (*Zos.* VI, 2–3)[79]. Гонорий был вынужден не только простить узурпацию, но и признать Константина соправителем

---

[75] *Seeck O.* Constantinus 5 // RE. 1900. Hbd. 7. Col. 1028.

[76] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 33.

[77] *Wormald P.* The Decline of the Western Empire and the Survival of its Aristocracy // JRS. 1976. Vol. LXVI. P. 221.

[78] Ibid.

[79] *Seeck O.* Constantinus. Col. 1028–1030; *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 187–190; *Chastagnol A.* La fin du monde antique. Paris, 1976. P. 25–27.

(*Zos.* V, 43). После этого он, естественно, обратил свое внимание на Испанию.

Сначала, казалось, история повторилась: когда Константин послал в Испанию своих представителей, страна признала его власть, как это было с властью Магненция и Максима (*Oros.* VII, 40, 5; *Zos.* VI, 4, 3)[80]. В Испанию был направлен назначенный узурпатором префект претория Аполлинарий (*Zos.* VI, 4, 2), задачей которого, вероятно, была организация гражданского управления на Пиренейском полуострове. Орозий, говоря об этих событиях, называет представителей Константина «судьями», но слово iudex (судья) в то время означало часто именно наместника провинции[81]. Использование Орозием множественного числа говорит о назначении новых наместников не только в Тарраконскую Испанию, но и в другие провинции диоцеза. Посвящение вновь признанному императору появилось даже в Кордубе на далеком юге Пиренейского полуострова[82]. В 408 г. Константин провозгласил цезарем своего сына Константа, бывшего монахом, но теперь вернувшегося в светскую жизнь, и направил его в Испанию вместе с Геронтием (*Oros.* VII, 40, 7; *Zos.* VI, 4, 1)[83]. Констант основал свой двор в Цезаравгусте (*Greg. Tur.* II, 9). Почему он выбрал именно этот город, можно только предполагать. Возможно, в этом районе Констант и его отец получили наибольшую поддержку, в то время как более развитые центры, как Тарракон и Новый Карфаген, больше связанные с остальной империей, отнеслись к узурпатору настороженно.

Однако очень скоро от этого признания не осталось и следа. Все-таки политическая ситуация этого времени была иной, чем в предыдущем столетии, и положение в Испании другим, чем в Галлии. Феодосий происходил из Испании, и испанские связи его дома все еще сохранялись[84], да и ряд испанцев занимал довольно высокое положение в империи при господстве Феодосия и его сыновей[85]. И оставшиеся в Испании родственники Гонория Верениан и Дидим (может быть, и их братья Феодосул и Лагодий) решительно выступили против Константина, набрав армию из собственных рабов и колонов.

---

[80] *Seeck.* Constantinus 5 // RE. 1900. Hbd. 7. Sp. 1029; *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 36–38.

[81] *Carrié J.-M.* Les gouverneur romain à l'epoque tardive // Antiquite tardive. 1998. T. 6. P. 21.

[82] *Arce J.* Retratos imperiales tardo-romanos de Hispania: las evidencias epigraficas // AEArq. 1977–1978. Vol. 50–51. P. 259.

[83] Зосим по ошибке называет вместо Геронтия некоего Теренция: *Demandt A.* Magister militum // RE. 1970. SptBd. XII. Sp. 648.

[84] Зосим (VI, 4, 1) даже говорит о δυναστεία родственников Гонория в Испании.

[85] *Chastagnol A.* Les Espagnols... P. 288–290; *Montenegro A.* Hispania durante el Imperio. P. 273–276.

В связи с этими событиями, возникает вопрос об армии. Сколько войск стояло в то время в Испании, сказать трудно. После распада Римской империи в ее западной части осталось почти 400 тысяч воинов[86], но силы Западной империи были сосредоточены в основном для защиты Италии[87]. В IV и, может быть, даже в самом начале V в. на Пиренейском полуострове по-прежнему стоял VII Парный легион, а также пять отдельных когорт[88], что составляло приблизительно 10,5 тысяч человек[89], но вполне возможно, что ко времени всех этих событий все они или их значительная часть были оттуда выведены, ибо ни о каких легионах и когортах, находившихся в самой Испании, более ни один источник не сообщает. Учитывая, что даже рейнская граница оказалась беззащитной, можно быть почти уверенным, что в Испании, которой до сих пор никто не угрожал, регулярных войск точно уж не было. Только позже время от времени сюда направлялись новые римские армии, иногда довольно значительные[90]. Как полагают некоторые исследователи, значительная часть тех войск, которые считаются расположенными в Испании, в действительности находилась не на Пиренейском полуострове, а в Тингитанской Мавретании, которая тоже была частью диоцеза Испании[91]. И действительно, ни в одном рассказе о событиях, происходивших в самой Испании в это время, почти нет намеков на воинские части, находившиеся в этой стране. Если они признали власть Константина, то почему не ударили в тыл частным армиям родственников Гонория? А если они отказались от этого признания, то почему не оказали этим родственникам никакой помощи? Да и в дальнейшем речь идет только об армии Константина, но не об испанских войсках. Правда, сначала Верениан и Дидим попытались использовать какие-то отряды, стоявшие в Лузитании, но вскоре были вынуждены обратиться к собственным рабам и колонам (*Zos.* VI, 4, 3; *Soz.* IX, 11). Видимо, те немногие части, которые еще находились на Пиренейском полуострове, были столь незначительны, что никакой реальной роли играть не могли

---

[86] *Вус О. В.* Византийская армия — основной инструмент восстановления ORBIS ROMANUS в эпоху Юстиниана // Кондаковские чтения — I. Белгород, 2005. С. 135.

[87] *Azzara C.* L'Italia dei barbari. Milano, 2002. P. 21–25.

[88] *Roldan Hervas J. M.* La organizacion militar... P. 152; *Arce J.* La «Notitia Dignitatum»... P. 599–601.

[89] *Lot F.* Les invasions germaniques. Paris, 1935. P. 46; *Demandt A.* Magister militum. Sp. 621–622.

[90] *Arce J.* La «Notitia Dignitatum»... P. 604–606.

[91] *Montenegro A.* Hispania durante el Imperio. P. 287. В отличие от самой Испании в Тингитанской Мавретании существовал настоящий лимес, что было связано с постоянной угрозой этой провинции со стороны берберских племен: *Arce J.* La «Notitia Dignitatum»... P. 607–608.

и, находясь сравнительно далеко от Пиренеев, вообще предпочли полный нейтралитет. С другой стороны, возможность у родственников Гонория собрать целые армии показывает огромные богатства и реальный политический вес испанских латифундистов.

Боясь оказаться между двух огней, Константин решил сначала расправиться с Испанией (Zos. VI, 4, 2), полагая этот поход более легким, чем вторжение в Италию. С этой целью он и провозгласил цезарем Константа и поставил его во главе армии, направленной в Испанию. До этого Констант, как уже упоминалось, был монахом, но Константин не только вывел его из монастыря, но и заставил жениться, дабы обеспечить династическую преемственность своей власти (*Greg. Tur.* II, 9). Прекрасно в то же время понимая, что бывший монах не имеет никакого военного опыта, он рядом с сыном поставил своего полководца Геронтия, как и он, британца[92], и в качестве префекта претория Аполлинария. Присоединились ли к родственнику Гонория другие магнаты, неизвестно. Поскольку Констант уже явно обосновался в Цезаравгусте, можно считать, что бои шли в западной части Пиренеев. Почти три года велись эти бои, но в 409 г. войска испанских магнатов, не получая никакой помощи от императора, были разбиты. Дидим и Верениан были выбиты из своих укреплений в Пиренеях и с боями отступили на запад полуострова в Лузитанию. Там они были окончательно разбиты и взяты в плен. Приведенные в Арелат, который стал к этому времени резиденцией Константина, они были там казнены. Их двоюродные братья Феодосиол и Лагодий сумели бежать: один к Гонорию, другой к Феодосию II, в это время уже вступившему на восточный престол после смерти Аркадия (*Oros.* VII, 40; *Zos.* VI, 4–5; *Soz.* IX, 11–12; *Olymp.* fr. 16). Не решаясь все же открыто рвать с Гонорием, Константин направил к нему новое посольство с извинениями за якобы невольное убийство его родственников и с намерением подтвердить прежние договоренности (*Zos.* VI, 1, 1). Поскольку в значительной части Италии уже фактически хозяйничали вестготы Алариха, Гонорию пришлось удовлетвориться этим извинением.

Теперь и Испания подчинилась Константину. Вскоре он вызвал Константа из Испании к себе. Тот оставил в Испании во главе армии Геронтия, а также свою жену и штаб (*Greg. Tur.* II, 9). При этом Констант совершил ошибку, назначив для охраны путей между Галлией и Испанией не самих испанцев (видимо, тех солдат, которые все же находились в Испании), а так называемых Honoriaci — варварские отряды на службе у Константина. Возможно, пассивность испанских воинов во время борьбы с родственниками Гонория заставила Константа не доверить охрану столь важных

[92] *Seeck O.* Gerontius 6 // RE. 1910. Hbd. 13. Col. 1270.

стратегических путей испанским воинам, что вызвало их недовольство. В Испании в это время вся власть оказалась в руках Геронтия. И это не устраивало ни Константина, ни его сына. Возможно, для того чтобы привлечь на свою сторону Испанию (и испанские войска, обиженные явным недоверием Константа), он провозгласил Константа августом и в качестве такового снова отправил в Испанию, как бы показывая, что Галлия, где правил он сам, и Испания, которой должен был бы управлять Констант, являются равноправными частями его державы. При этом полководцем при Константе и, следовательно, преемником Геронтия, был назначен Юст. Возможно, что смена Геронтия Юстом была вызвана страхом Константина и Константа перед чрезмерно честолюбивым полководцем[93]. Но возможно и иное объяснение. Honoriaci, оставленные охранять пиренейские проходы, не выполнили свою задачу и открыли путь через горы варварам, которые стали грабить в первую очередь район Паленции, где, по-видимому, располагались владения Дидима и Вериниана[94]. Паленция располагалась довольно далеко от Пиренеев, так что грабеж именно этой территории был обусловлен местью победителей столь долго сопротивлявшимся владельцам латифундий. Ответственность за эти грабежи, разумеется, возлагалась на фактического правителя Испании — Геронтия. Сменяя его Юстом, Константин мог показать свою озабоченность сложившимся положением и стремление направить в Испанию более справедливого полководца (на что намекает само его имя Iustus — Справедливый) и, таким образом, привлечь испанцев на свою сторону.

Геронтий в ответ на свое смещение вообще отказался подчиняться Константину и Константу. Он объявил императором некоего Максима. Одни исследователи полагают, что это был тот же Максим, который в 60-х гг. IV в. был наместником последовательно Армении, Галатии и Египта[95]. В таком случае он должен был быть в это время довольно стар: ведь если в 359 г. был уже президом Армении, то и родиться он мог не позднее 322 г., ибо едва ли человек моложе 30 лет был бы назначен управлять столь важной в стратегическом отношении пограничной провинцией. Но известно, что он был казнен в 422 г. в Равенне, так что получается, что ему в то время было 100 лет. Это едва ли можно принять. Другое предположение: Максим — сын Геронтия[96]. Основанием для этого служит сообщение Олипиодора (fr. 16), назвавшего Максима сыном (παῖς) Геронтия, который воспитывался среди доместиков. Наконец, некоторые

---

[93] Ibid.

[94] *Chastagnol A.* La fin... P. 209, n. 1.

[95] *Lippold A.* Maximus 10 // Kleine Pauly. 1979. Bd. 3. Col. 1115.

[96] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 192; *Scharf R.* Der spanische Kaiser Maximus // Historia. 1992. Bd. 41, 3. S. 374.

авторы называют Максима либо приближенным (domesticus), либо клиентом Геронтия (*Greg. Tur.* II, 9)[97]. В любом случае это был человек, близкий к мятежному полководцу. Провозглашение императором Максима давало Геронтию возможность сохранить в своих руках командование армией и фактически править за спиной своего ставленника[98]. Как бы то ни было, Геронтий, оставив Максима в Испании, где его столицей был Тарракон, сам с основной частью войск двинулся в Галлию. Он разбил войска Константа, который вскоре был убит, а затем осадил Константина в Арелате. Но к этому времени изменилось положение в Италии. Хотя готы еще оставались там, смерть Алариха позволила Гонорию направить часть своих сил во главе с Констанцием в Галлию[99]. При их приближении большая часть воинов Геронтия в обмен на обещание безнаказанности перешла на сторону Гонория и его полководца, так что Геронтию с небольшим отрядом пришлось бежать в Испанию. Но если он надеялся найти там опору, то ошибся. Оставшиеся в Испании его воины тоже выступили против него. Геронтий заперся в своем доме и долго храбро и упорно сопротивлялся, но, видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, убил свою любимую жену Ноннихию или Нунехию и покончил с собой. В восточной части Испании еще некоторое время правил Максим. Его провозглашение привело к некоторой дезориентации римской администрации и, может быть, остатков римских войск[100]. Однако очень скоро против него выступили воины и принудили его к отречению. Не дожидаясь прибытия войск Гонория, Максим бежал к варварам, уже находившимся в то время в Испании (*Oros.* VII, 40–42; *Zos.* VI, 5; *Sozom.* IX, 11–13; *Olymp.* fr. 16). Констанций, перейдя Пиренеи, восстановил власть Гонория в большей части Испании. Но другая ее часть уже была в это время фактически в руках варваров.

Все эти события стали лишь прологом к истории варварского завоевания Испании.

ОБЩЕСТВО ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ ИСПАНИИ

Кризис III в. нанес тяжелый удар испанскому обществу и испанской экономике. Разорение было ужасающим. Пострадали многие виллы и города. Именно после вторжений варваров в 259–260 гг. испанские

[97] *Arce J.* Barbaros y romanos... Vol. I. P. 56.
[98] *Scharf R.* Der spanische Kaiser... S. 375.
[99] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 192–193.
[100] *Stickler T.* Aetius. S. 225.

города начали окружать себя стенами, причем не только крупные центры, но и довольно мелкие городки[101]. Но уже довольно скоро испанское общество начало оправляться от разорений III в. Это относится и к городам. Понтий Паулин в своем втором послании к Авзонию (231–234), возражая против суждения поэта (26, 57–59) о некоторых испанских городах как о дикой глуши, оценивает эти города довольно высоко, называя, в частности, Цезаравгусту прелестной, а Тарракон гордым. Эта оценка Паулина тем более интересна, что он был в это время епископом Барцинона и, следовательно, хорошо знал этот район Испании. Да и сам Авзоний среди двадцати знаменитых городов империи называет четыре испанских — Гиспалис, Кордубу, Тарракон и Браку, т. е. Бракаравгусту (de opp. ill. 11–14).

Однако обращает на себя внимание, что города, упомянутые Паулином, относятся только к восточной части Тарраконской Испании, и в его словах ясно ощущается противопоставление таких сравнительно крупных городов, как Барцинон, Цезаравгуста и Тарракон, более мелким Бильбилису и Калагуррису, с уничижительной оценкой которых своим наставником барцинонский епископ и не спорит. Авзоний же называет по существу лишь административные центры. Единственным городом, таким центром не являвшимся, является Кордуба, из которой провинциальная столица переместилась в IV в. в Гиспалис[102], на что намекает и сам поэт. Все пятистишие посвящено лишь прославлению Гиспалиса как столице всей Испании, перед которым склоняются остальные центры. В Тарраконе упоминается его твердыня, а в Бракаравгусте — морские богатства (но не богатства самого города).

Говоря об испанских городах этого времени, надо отметить, что многие следы опустошений III в. еще очень долго сохранялись. Так, в Тарраконе разрушения были видны еще и в V в. В Малаке, разрушенной в 60-х гг. III в., не восстанавливается театр, и его участок вскоре застраивается обычными домами[103]. Между тем известно, что театр был одним из важнейших атрибутов античной городской жизни. После восстановления Кордубы место старых общественных зданий занимают жилые дома[104]. Можно сказать, что практически во всех городах происходит своеобразная «приватизация» центра, когда место общественных зданий

---

[101] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 451; *Tarradell M.* España antigua — Historia de España y America social y economica. Barcelona, 1982. P. 166.

[102] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. Cordoba, 1988. P. 503.

[103] *Tarradell M.* Les villes romaines dans l'Espagne de l'Est // Themes de recherches sur les villes antiques d'Occident. Paris, 1977. P. 99, 119.

[104] *Leon Alonso P.* Itinerario... P. 55.

занимают частные дома, а порой и некрополи[105]. Дома начинают вторгаться на улицы, и постепенно меняется сама городская сеть, начинает изменяться прежняя прямоугольная планировка классического города[106]. Вторым важным обстоятельством является упадок многих старых центров и выдвижение новых. Так, на восточном побережье полностью теряют свой городской характер Сагунт и Эдета, в то время как набирает силу Валенция[107]. Хотя Тарракон и являлся официально центром провинции, на деле на первый план выдвигается Барцинон[108]. В Бетике, как только что было сказано, место Кордубы занимает Гиспалис. Можно говорить, что происходит некоторое передвижение центров городской жизни. Третье обстоятельство — рустификация и в некотором смысле «варваризация» городов. Она хорошо видна в определенных изменениях их названий. Старые «культурные» названия заменяются теми, какие, видимо, уже давно бытовали в сельской округе и, может быть, в городских низах, как, например, Cartagena вместо Carthago, или Carthago Nova[109]. Практически исчезают официальные римские названия городов Бетики, как Юлия Ромула или Патриция, и заменяются старыми, еще доримскими, как Гиспалис или Кордуба. Видимо, в период кризиса исчезла старая муниципальная аристократия, и в число куриалов вошли «новые люди» из низов городского и сельского населения испанских городов, которые в культурном отношении были гораздо менее романизованы.

В античном городе, в том числе в провинциальном испанском, никогда не было ни имущественного, ни социального равенства. Но в эпоху Поздней империи эти различия еще более обострились. Самыми престижными и роскошными зданиями оказываются теперь не храмы и общественные сооружения, как раньше, а дома богачей. Некоторые из них, украшенные великолепными мозаиками, превращаются в настоящие дворцы. В одном из таких зданий в Италике, около Гиспалиса, только мозаика занимает площадь в 3000 м^2. А раскопки некрополей показывают очень низкий уровень жизни подавляющего большинства городского населения этого времени[110].

---

[105] *Gutierrez Lloret M. S.* La città della Spagna tra romanità e islamismo // Documenti di Archeologia. 1996. Vol. 10. P. 56–58.

[106] *Gurt Esparraguera J. M.* Transformaciones en el tejido de la ciudades hispanas durante la Antigüedad tardía // Zephyrus. 2000–2001. Vol. LIII–LIV. P. 445–450.

[107] *Albiach R. et al.* Las ultimas excavacines (1992–1998) del solar de l'Almona // V Reunion de arqueologia cristiana-hispana. Barcelona, 2000. P. 63.

[108] *Petit P.* Le Bas-Empire. P. 191.

[109] *Menendez Pidal R.* Toponimia prerromana hispana. Madrid, 1952. P. 206.

[110] *Blazquez J. M.* La economia HE. T. II, 1. P. 592–599.

Орфей. Деталь римской мозаики (*слева*)
Охота на кабана. Деталь римской мозаики из виллы Лас Тьендас в Мериде

В принципе города все еще сохранялись, оставаясь центрами ремесла и торговли, продолжая играть важную роль в административной системе испанских провинций, и они сохранили основные характеристики римского города, старую систему управления, наличие сельской округи, даже существование городской милиции[111]. Но размеры городов сократились. Например, в Валенции, несмотря на сохранение городом своего значения, все городское поселение сосредоточивается вокруг старого цирка, стена которого становится и стеной самого города[112]. И экономическая роль городов становилась все меньше, хотя и далеко не исчезла. Гораздо большее значение приобретают латифундии, находившиеся вне юрисдикции городов[113].

Раскопки показали большое количество роскошных вилл, являвшихся центрами обширных сельских владений. Например, одна из вилл в Пиренеях насчитывала 44 помещения, а в другой столько же помещений было выделено только для местного гарнизона. Виллы появляются во всех провинциях и зонах Пиренейского полуострова, хотя большая

---

[111] *Корсунский А. Р.* Города Испании в период становления феодальных отношений // Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965. С. 13, 22.

[112] *Albiach R. et al.* Op. cit. P. 63.

[113] *Vigil M.* La Peninsula Iberica en el fin del mundo antiguo // Las raices de España. Madrid, 1965. P. 286–288, 295; *Blazquez J. M.* Problemas economicos del Bajo Imperio en España // Homenaje a Don Claudio Sanchez Albornos. Buenos-Aires, 1983. P. 139–140; *Stroheker K. F.* Spanien... S. 593.

Три грации. Деталь римской мозаики (*вверху слева*)
Мозаика из так называемого Дома амфитеатра в Мериде (*вверху справа*)
Сцены деревенской жизни. Мозаика из Большой виллы, Тунис

часть концентрируется в менее романизованных районах его центра, запада и северо-запада[114]. Как уже упоминалось, о богатстве и военных возможностях их владельцев может говорить пример родственников Гонория, создавших целые армии из собственных рабов и колонов. Богатые сенаторы, владевшие имениями в разных местах империи, могли их иметь и в Испании. Таковыми были владения богатейшего сенатора Валерия Пиниана и его жены Мелании. Эти владения, разбросанные по разным провинциям, доставляли владельцам ежегодно 120 тысяч фунтов золота[115]. Какова была в этих доходах доля испанских имений, мы точно не знаем, но даже если они давали не больше одной десятой, это все же громадная цифра, если учесть, что доход других богатых сенаторов составлял около 4 тысяч фунтов[116]. Центром латифундий являлось господское поместье, представлявшее собой целый комплекс почти дворцового типа — виллу (villa). В такой вилле имелись даже помещения для ремесленников, а часто и для гарнизона. Как видно из изображений на африканских мозаиках, такие виллы были хорошо укреплены и своими башнями похожи на средневековые замки[117]. Возможно, что и испанские магнаты обладали похожими «замками». В любом случае это были весьма роскошные здания, великолепно украшенные, в том числе полихромными напольными мозаиками[118]. Приморские виллы на юге страны включали помещения для изготовления гарума[119]. Здесь жили хозяин со своей семьей и рабы, непосредственно его обслуживавшие. Впрочем, учитывая, что у наиболее крупных собственников имелось далеко не одно владение[120], многие такие виллы могли оставаться практически пустыми. В столь частое отсутствие владельца поместьем довольно самовластно руководил управляющий, нередко происходивший из особо доверенных вольноотпущенников или даже рабов.

---

[114] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 467–472.

[115] *Alfoldy G.* Storia sociale dell'antica Roma. Bologna, 1987. P. 276; *Blazquez J. M.* Bezieungen zwischen Hispanien und dem Oströmischen Reich in der Spätantike // Das Altertum. 1988. Bd. 34, 1. S. 39.

[116] *Alfoldy G.* Storia... P. 276.

[117] Например: *Каптерева Т. П.* Искусство стран Магриба // Древний мир. М., 1980. С. 251 и ил. 202, 204.

[118] *Blanco Freijeiro A.* Escultura, pintura y mosaicos // HE. T. II, 2. P. 688–692, 694–698.

[119] *Blazquez J. M.* Problemas economicos... P. 145–146; *Mangas Manjarres J.* La sociedad de la Hispania Romana // HE. T. II, 2. P. 64; *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 72.

[120] *Aymar A., Auboyer J.* Rome et son Empire. P. 544. Имения многих латифундистов были расположены в разных провинциях. Например, Святая Мелания владела имениями в Испании, Италии, Сицилии, Африке, Нумидии и даже Британии: *Petit P.* Le Bas-Empire. P. 168.

Сельская территория поместья обычно делилась на две части. Одну составляли земли, обрабатываемые рабами непосредственно под руководством управляющего — виллика или актора. Однако при больших размерах имений, некоторые из которых превышали 1000 га[121], организовать весь труд таким образом было невозможно. Поэтому другую часть делили на сравнительно мелкие участки, которые обрабатывали колоны, платившие оброк[122], и рабы, посаженные на пекулий[123]. В пекулий могли отдаваться также мастерские и стада. В ряде случаев пастухами были и колоны. Можно думать, что в латифундиях, хозяева которых отсутствовали, доля колонов была большей, чем там, где собственник сам занимался хозяйством.

В Испании, как и во всей Римской империи этого времени, положение рабов несколько улучшилось. Многие, получая пекулий, приобретали тем самым возможность более свободно распоряжаться своим трудом. Определенное влияние на некоторое смягчение условий рабства оказало распространение христианства. Положение же колонов ухудшилось. Если раньше они были свободными арендаторами, то теперь они прикрепляются к земле и, начиная с IV в., уже не считаются свободными людьми, принадлежа, правда, не к личности господина, а к земле, которую они обрабатывают, становясь «рабами земли»[124]. В эту эпоху отпущенники, ранее сохранявшие со своими бывшими хозяевами, которые становились их патронами, лишь моральные и духовные и иногда политические связи, теперь должны нести и вполне материальные обязательства, в том числе обрабатывать выделенные им в имении земельные участки[125]. На деле положение различных слоев сельского населения, несмотря на сохранение юридических различий, сближается[126].

Взаимоотношения магнатов и колонов определялись не только чисто экономическими факторами. Латифундисты осуществляли над своими колонами патроциний (patrocinium), т. е. «покровительствовали» им. Это «покровительство» заключалось прежде всего в том, что магнат за-

---

[121] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 468–471, 535–537. Ср.: *Фюстель де Куланж*. Римский колонат. СПб., 1908. С. 52. Позже родственники Феодосия и Гонория, как мы видели, сумели организовать собственные армии, что говорит о значительности их имений.

[122] *Фюстель де Куланж*. Римский колонат. С. 135–136; *Chastagnol A.* La fin... Paris, 1976. P. 8.

[123] *Mangas Manjarres J.* La sociedad... P. 64–66.

[124] *Blazquez J. M.* Prolemas economicos... P. 141–142; *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 134–137; *Фюстель де Куланж*. Римский колонат. С. 123–144; *Бартошек М.* Римское право. М., 1989. С. 74–75; *Alfoldy G.* Storia... P. 290–293.

[125] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 121–122; *Mangas Manjarres J.* La sociedad... P. 64.

[126] *Alfoldy G.* Storia... P. 293.

щищал своих колонов от всяких посягательств на них и их имущество, причем не только и не столько от внешних врагов или разбойников, сколько от государственных чиновников[127]. Колоны отдавали владельцу земли значительную часть плодов своего труда, но зато тот платил за них налоги и не допускал привлечения их к различным государственным повинностям. С целью защиты себя и своих колонов многие магнаты создавали специальные вооруженные отряды, что делало их практически независимыми от местных и даже в какой-то степени от государственных властей. Оказавшись под таким «покровительством», колоны признавали и фактическое право магната вершить суд над ними и вообще вмешиваться в их жизнь и отношения с другими колонами. И такие отношения являлись наследственными. Обладая собственной вооруженной силой, имея возможность вершить суд в своем имении, вмешиваясь не только в экономическую (в нее как раз вмешивались очень редко), но и в повседневную жизнь обитателей своего имения, такой магнат на деле превращался в маленького государя, а его имение становилось не только экономической единицей, но и центром власти.

Надо обратить внимание на самих испанских латифундистов. Латифундии, как правило, носили имена своих первых владельцев даже в случае их последующего перехода в другие руки. Многие современные топонимы Испании ведут свое происхождение от таких названий имений. Большинство подобных топонимов имеют суффиксы *-an*, *-en*, *-in* и окончания женского рода. В основном эти названия происходят из IV–V вв. (хотя есть и III в.)[128]. Можно говорить, что все (или почти все) хозяева этих латифундий были «новыми людьми», не связанными вовсе или очень мало связанными со старой провинциальной аристократией предшествующей эпохи[129]; следовательно, речь идет о глубоком социальном перевороте, который произошел в ходе кризиса III в.[130], результатом чего стало появление новой знати. Латифундии, принадлежавшие этой новой знати, были распространены во всех районах Испании, но в наибольшей степени они концентрируются в долинах Дуриса и Тага, в верхней части долины Ибера, между верхним Ибером и средним Тагом, в южных предгорьях Пиренеев[131]. Все эти районы в предыдущую эпоху были менее

---

[127] *Фюстель де Куланж.* Римский колонат. С. 149–151; *Mangas Manjarres J.* La sociedad... P. 64; *Aymard A.*, *Auboyer J.* Rome et son Empire. P. 549–550; *Petit P.* Le Bas-Empire. P. 182.

[128] *Menendez Pidal R.* Toponimia... P. 118–147; *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 467–473; *Mangas Manjarres J.* La sociedad... P. 63–64.

[129] *Balil A.* Aspectos sociales del Bajo Imperio // Latomus. 1965. T. 24, 4. P. 888–891; *Chastagnol A.* Les Espagnols... P. 287–290.

[130] *Balil A.* Aspectos sociales... P. 888; *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 57.

[131] *Blazquez J. M.* La economia... P. 554, карта.

романизованы, чем Бетика и восточная часть Тарраконской (а теперь и Карфагенской) Испании. В Бетике виллы встречаются в долине Бетиса, но особенно, судя по данным топонимики, в горах, окружающих долину, и на побережье, т. е. вне наиболее романизованной и урбанизованной территории[132]. Использование в названиях местностей отмеченные выше суффиксы были характерны для менее романизованного населения[133]. Все это ведет к выводу, что позднеримское магнатство Испании происходит (по крайней мере, в своем большинстве), вероятно, из местной родовой знати и вообще из кельтского и кельтиберского (в меньшей степени иберского) общества, а не из потомков италийских иммигрантов[134]. Разумеется, за несколько веков романизации они уже чувствовали себя римлянами и говорили на латинском языке.

Менее романизованные районы и стали основными в экономическом развитии позднеримской Испании. Недаром именно из этих районов выходили те испанцы, которые играли более или менее видную роль в политической жизни поздней Римской империи[135], в то время как в период Ранней империи это были выходцы из Бетики и восточной части Тарраконской Испании. Только в церковных делах уроженцы Бетики еще имели влияние[136], что, по-видимому, свидетельствует о сохранении этой провинцией определенного значения в римской культуре. Поэтому можно говорить, то тот социально-экономический сектор, или уклад, который представлен крупным внегородским землевладением латифундистов, становится в IV–V вв. определяющим. Он характеризуется крупными земельными владениями магнатов, обладающих почти неограниченной властью в рамках своих имений и даже над окружающими территориями. Эти владения частично обрабатываются классическими рабами, но главным образом сидящими на земле, прикрепленными к ней и не могущими ни под каким предлогом (даже ради службы в армии) ее легально покинуть рабами на пекулии, колонами, отпущенниками и крестьянами, отдавшимися под покровительство латифундистов. Таким образом, основными чертами этого уклада являются сосуществование крупного землевладения и мелкого землепользования и наличие зави-

---

[132] *Pabon J. M.* Sobre los nombres de la «villa» romana de Andalucia // Estudios dedicados a Menendez Pidal. Madrid. 1953. T. IV. P. 95–159.

[133] *Menendez Pidal R.* Toponimia... P. 206.

[134] Даже в Бетике большинство первых владельцев латифундий имело доримские имена: *Pabon J. M.* Sobre los nombres... P. 159–160.

[135] *Montenegro A.* Hispania durante el Imperio. P. 269; *Balil A.* Aspectos sociales... P. 890–891.

[136] *Codoner Merino C.* Los escritores hispanos cristianos // HE. T. II, 2. P. 523–551; *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 509–511.

симых земледельцев, преимущественно труд, а не личность которых экспроприируется землевладельцем.

Наряду с частным крупным землевладением в позднеримской Испании существовала и крупная императорская собственность. Императорской монополией были рудники, особенно золотые, а также предприятия по добыче и обработке пурпуроносных моллюсков на Балеарских островах[137]. Императорам принадлежали и значительные земельные владения на юге и на Месете между Дурисом и Тагом. Императорские владения обычно сдавались в аренду крупным арендаторам — кондукторам и субкондукторам, которые затем и обрабатывали довольно крупные арендованные земли с помощью рабов и колонов.

Третьей разновидностью крупных землевладельцев была христианская церковь[138]. По мере распространения христианства и особенно после его превращения в господствующую, а затем и единственную легальную религию, увеличивались и богатства церкви. Этому способствовала политика императоров и их представителей, которые зачастую передавали церквам и монастырям земли и целые деревни. Порой отдельные магнаты отдавали церкви свое имущество или его часть. Неоднократно к помощи церкви обращались разоряющиеся крестьяне и ремесленники, многие из которых, оказавшись в безвыходном положении, отдавались под покровительство церкви. Так возникали крупные церковные земельные владения, обрабатываемые рабами, отпущенниками и отдавшимися под покровительство крестьянами[139]. Крупными собственниками могли быть и отдельные клирики, как, например, пресвитер Север, владевший на одном из Балеарских островов крепостью (castellum) и челядью[140].

Таким образом, все три формы крупного землевладения обладали общими чертами: соединение крупного землевладения и мелкого землепользования и эксплуатация зависимых работников. Эти формы представляли социально-экономический сектор, родственный феодальному. Однако еще не существовало многих черт, свойственных собственно феодальному обществу, в том числе социально-политической системы феодализма. Поэтому этот сектор, или уклад, можно назвать протофеодальным.

Как и в I–II вв., городская муниципальная структура, представлявшая собой античный уклад, была характерна для Южной и Восточной Ис-

---

[137] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 486.

[138] *Idem.* Die Rolle der Kirche in Hispania im 4. und 5. Jahrhundert // Klio. Bd. 63, 2. 1981. S. 653.

[139] *Idem.* Nuevos estudios... P. 475, 550.

[140] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 221.

пании[141]. В западной и центральной части страны, а также на крайнем северо-востоке преобладал крупнособственнический уклад. Но испанское общество оставалось многоукладным, и эти сектора общества не были единственными. На севере Пиренейского полуострова в значительной степени сохранялись родовые порядки.

Последнее в наибольшей степени относится к Васконии. Низменные части этой области к тому времени были уже достаточно романизованы[142], здесь, в частности, уже распространилось христианство. Горные же территории не только не были романизованы, но в значительной степени сохранили (или в период смут восстановили) и свою независимость от римского правительства. Детали социального развития горной Васконии от нас ускользают, но, видимо, можно говорить, что в это время начался переход васконского общества на ступень «военной демократии», т. е. на последнюю ступень родового строя, с чем связаны васконские набеги на соседние земли[143].

Северные земли к западу от Васконии находились под более заметным римским влиянием, причем степень романизации увеличивалась с востока на запад. Здесь имелись римские города (в том числе отмеченная Авзонием Бракара), виллы латифундистов, располагавшиеся у берегов рек, вдоль дорог и вокруг городов, рудники и ведущие к ним дороги. Но за пределами этих очагов позднеримской цивилизации развивалась местная традиционная жизнь, основанная во многом еще на родовых порядках. В Галлеции (не провинции, а области, входящей в эту провинцию) еще существовали центурии, а в Астурии, Кантабрии и северной части Лузитании гентилиции[144].

На этих территориях продолжался начавшийся в предыдущую эпоху процесс преобразования родовых общин в территориальные. Ярким доказательством этому является посвящение богу Эрудину, сделанное неким Корнелием из вика авнигайнов сыном Цеста в 399 г.[145]. То, что название вика дано в форме genetivus pluralis, как это обычно для названия гентилиции, и поставлено между собственным именем и патронимиком, как это тоже делалось в надписях с упоминаниями гентилиций, говорит о сравнительно недавнем преобразовании гентилиции в вик.

---

[141] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 504–505.

[142] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 175.

[143] Ibid. P. 239–240.

[144] Ibid. P. 175; *Diaz Martinez P. C.* Los distintos «grupos sociales» del noroeste hispano y la invasion de los suevos // Studia historica. 1983. Vol. I. P. 85–86; *Vigil M.* La Peninsula... P. 291–292; *Alarcão J.* Os arredores das ciudades romanas en Portugal // AEArq. 1999. Vol. 72. P. 37.

[145] *Garcia y Bellido A.*, *Gonzalez J.* Tres piezas del Museo arqueologico de Santander // AEArq. 1949. Vol. 22. P. 244–247.

Упоминания виков встречаются и в других районах страны. В позднеримское время упоминаются и кастеллы[146]. С другой стороны, на востоке в одной надписи IV в. упоминается паг (HAE, p. 492). Таким образом, можно говорить, что сельские общины — паги, вики, кастеллы — не исчезли в ходе кризиса. Однако сфера их распространения сократилась. В окрестностях более или менее значительных городов никаких следов общинной организации не отмечается, как это видно на примере Лузитании[147]. Следовательно, территориально-общинный уклад в Испании продолжал существовать[148].

В IV в. на Пиренейском полуострове появились новые элементы, связанные с общинным укладом. Это были германцы, поселенные на землях империи. Их называли летами и федератами. В Испании леты поселились в северной части страны, преимущественно в долине Дуриса и в районе между Дурисом и Тагом, но не только там. Все это были районы наибольшего распространения латифундий, так что возможно, что поселившиеся здесь варвары использовались для охраны поместий, из них могли латифундисты набирать свои дружины. В этих районах раскопаны многочисленные некрополи, в инвентаре которых сочетались германские и испанские изделия. Видимо, германцы начали сравнительно быстро испанизироваться[149]. Аммиан Марцеллин (XXI, 4, 6) рассказывает, что Юлиан, будучи еще цезарем, правившим в Галлии, переселил в Испанию аламанского короля Вадомария. Возможно, что вместе с королем на Пиренейский полуостров были переселены и некоторые его соплеменники, к которым позже могли прибавиться и другие варвары.

Мы не знаем условий жизни германцев, поселенных в Испании. Вероятнее всего, они стали летами. Им была дана земля, и они находились под контролем римских чиновников[150]. Часть их, как отмечалось, могла пополнять дружины латифундистов, другая служить во вспомогательных частях римской армии. Характерно, что сам Вадомарий сделал блестящую карьеру на римской службе: он позже стал дуксом Финикии, а затем командовал армиями, действовавшими против мятежника Прокопия и персов (*Amm.* XXI, 3, 5; XXV, 8, 2; XXIX, 1, 2). Низы переселенных варваров усиливали общинные элементы испанского позднеримского общества, в то время как их аристократия включалась в имперскую элиту.

---

[146] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 126, 165.

[147] *Alarcão J.* Os arredores... P. 37.

[148] Ср.: *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 72–73.

[149] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 617–634; *Raddatz K.* Zu den spätantiken Kriegergrabern von Tanine (Prov. Soria) // MM. 1963. Bd. 4. S. 133–140.

[150] *Банников А. В.* Варвары в римской армии IV в. до н. э. // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2005. Вып. 3. С. 135.

ЭКОНОМИКА В КОНЦЕ III – НАЧАЛЕ V в.

Кризис III в. нанес Испании тяжелый удар. Ее экономика в конце этого века находилась в упадке. Эдикт Диоклециана о ценах, изданный в 301 г., из всех испанских продуктов упоминает только гарум, астурийскую шерсть и церетанскую ветчину. Нет никаких следов экспорта в Рим и другие регионы империи ни масла, каким еще недавно славилась Бетика, ни вина, изготовляемого в восточной части Тарраконской Испании, ни даже металлов, одним из главных поставщиков которых издавна была Испания[151].

В IV в. отмечается уже некоторый экономический подъем. Expositio totius mundi et gentium (LIX), составленная в 359 г., среди испанских товаров, поставляемых в «весь мир», упоминает масло, гарум, одежды, свинину, коней и особенно эспарто, т. е. особый вид волокна, идущий на изготовление корабельных снастей[152]. Но надо иметь в виду, что это произведение появилось на Востоке, где не очень хорошо знали реальное положение в такой далекой западной стране, как Испания, так что возможно, что в представлении автора современные реалии смешались с данными, заимствованными у греческих источников более раннего времени[153]. Тем не менее полностью игнорировать эти сведения было бы неразумно, ибо в них могли в какой-то степени отразиться данные о новом подъеме испанской экономики. Да и сведения из самой Испании тоже говорят о таком подъеме.

Вновь начали работать рудники верхней долины Бетиса (приблизительно до 80 гг. IV в.) и западной Бетики, дававшие серебро и медь[154]. Однако они уже не достигали того масштаба работ и добычи, как во II в.[155] Воздействие добытого здесь металла на общеимперскую экономику было минимальным. Совершенно иначе обстоит дело с золотыми рудниками Северо-Запада. В период Поздней империи значение золота еще больше возросло. Поэтому императоры обращали большое внимание на его добычу и доставку в Рим и Константинополь[156]. В IV в. масштабы добычи металла в рудниках Галлеции и Астурии увеличились

---

[151] *Blazquez J. M.* Problemas economicos... P. 139.

[152] *Vilella Masana J.* Reserques sobre el comerc baix imperial del nord-est de la Peninsula Iberica // Pyrenae. 1983–1984. N 19–20. P. 193–194.

[153] *Montenegro A.* Hispania durante el Imperio. P. 268; *Treidler H.* Expositio totius mundi et gentium // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 484.

[154] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 478–479.

[155] *Edmondson J. C.* Minning in the Later Roman Empire and Beyond: Continuity or Disruption // JRS. 1989. Vol. LXXIX. P. 91.

[156] *Jones A. H. M.* The Decline of the Ancient World. London, 1966. P. 161, 165–168.

по сравнению, пожалуй, не только с III, но и со II в. В этих районах строятся и постоянно обновляются дороги. Нет почти ни одного императора, включая и некоторых узурпаторов, имена которых не встречались бы на милиариях, стоящих на дорогах Северо-Запада[157]. Возможно, именно экономическое значение этого региона заставило Диоклециана, как когда-то Каракаллу, выделить столь важную территорию в отдельную провинцию. Однако меняется характер горного дела. В основном теперь работают небольшие рудники. Некоторые из них по-прежнему принадлежат императору, но отдаются в аренду латифундистам, другие находятся на землях крупных собственников, которые их и разрабатывают силами рабов и колонов[158].

Другой отраслью экономики, приобретшей значение, выходящее за пределы Испании, было коневодство. Астурийские кони славились еще в I в., теперь кони из Испании, особенно ее северной части, поставляются как в армию, так и в цирки почти всего государства[159]. К этому надо добавить овечью шерсть. Астурийская шерсть ценилась весьма высоко, относясь к самым дорогим сортам. За фунт этой шерсти давали 100 денариев, что в 2–4 раза больше, чем цена ряда других сортов[160]. Таким образом, основной экспортной отраслью испанского сельского хозяйства становится разведение коней и овец[161], в то время как продукты земледелия утрачивают этот характер. При этом надо заметить, что в I в. славилась в основном шерсть Бетики, а теперь первенство переходит к Астурии. Происходит общее оживление земледелия[162]. Из Испании стали поставлять в Италию хлеб, но и он, кажется, происходил с полей Месеты.

Центр экономического развития Испании передвигается с юга и востока Пиренейского полуострова в его северную и северо-западную части[163]. Эти территории были менее романизованы, там, как уже отмечалось, в меньшей степени существовали социально-экономические и социально-политические структуры античного типа. К этим территориям надо прибавить Балеарские острова, игравшие значительную роль в добыче пурпуроносных моллюсков[164] и в торговле между Пиренейским

---

[157] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 479–480.

[158] *Edmondson J. C.* Minning... P. 98.

[159] *Blazquez J. M.* Problemas economicos... P. 143; *idem.* La caballeria en Hispania durante el Bajo Imperio // Studi tardoantichi. Messina. P. 45–76; *Jones A. H. M.* The Decline... P. 300.

[160] *Jones A. H. M.* The Decline... P. 300.

[161] Ibid.

[162] *Alonso A., Cerrillo E., Fernandez J. M.* Tres ejemplos de poblamiento rural romano en torno de la Via de la Plata // SHHA. 1992–1993. Vol. X–XI. P. 87.

[163] *Blazquez J. M.* Problemas economicos... P. 140.

[164] *Idem.* Nuevos estudios... P. 486–487.

полуостровом и Италией, и которые тоже были менее романизованы, чем противолежащие берега полуострова.

Несмотря на то, что экономический пейзаж Испании, как и всей империи в то время, определялся латифундиями, что определяло господствующую тенденцию к развитию натурального хозяйства, говорить о полной натурализации экономики не приходится. Экономические и культурные связи, хотя в меньшем масштабе, чем в I–II вв., продолжали объединять Испанию с остальной империей. Как и раньше, важным партнером являлась Северная Африка, откуда приходила, в частности, керамика. Относительно тесные связи объединяли Испанию с Галлией. Довольно оживленными были отношения с восточной частью Римской империи[165]. В то же время значение связей с Римом и Италией начинает уменьшаться. Это можно заметить, например, на импорте такого специфического, но очень важного для испанской знати товара, как саркофаги. Если приблизительно до середины IV в. находимые в Испании саркофаги импортировались в основном из Рима, то с середины столетия этот импорт практически прекращается. Саркофаги либо привозят из Африки, особенно из Карфагена, либо изготовляют на месте, причем в последнем случае ясно чувствуется греческое и частично галльское влияние[166]. Продолжала существовать и внутренняя торговля. Монета снова становится важным средством обмена. В самой Испании ни одного монетного двора не было, но в относительной близости от нее такие дворы имелись в Южной Галлии и Карфагене[167], и испанцы вполне могли пользоваться выпускаемыми там монетами. Но говоря о торговле, надо заметить, что все большую роль в ней играют не испанские, а восточные торговцы. Так, в Тарраконе, остающимся важнейшим торговым центром, связывающим Испанию с остальной империей, треть похороненных носили восточные имена, и большинство этих людей были явно торговцами[168].

Рассматривая и экономическую, и социальную структуру позднеримской Испании, надо отметить следующее: в Испании этого времени продолжали сосуществовать различные социально-экономические уклады: античный, крупнособственнический (в значительной степени протофеодальный), территориально-общинный и родовой. Но по срав-

---

[165] *Blazquez J. M.* La economia... P. 569–577; *idem.* Beziehungen zwischen Hispanien und dem Oströmischen Reich in der Spätantike // Das Altertum. 1988. Bd. 34, 1. S. 39–48.

[166] *Ripoll Lopez G.* Las sarcofagos de la antguedad tardiva hispanica // Antiquite tardive. 1993. T. 1. P. 153–157.

[167] *Garcia Figuerola M.* Administración y moneda en el siglo IV // SHHA. 1994. Vol. XII. P. 121.

[168] *Vilella Masana J.* Reserques... P. 201–207.

нению с I–II вв. их взаимное значение изменилось. Первенствующим теперь был крупнособственнический; районы с его преобладанием являлись ведущими в экономическом отношении, и крупная землевладельческая знать включалась в элиту империи. Каждому укладу соответствовала своя система классовых взаимоотношений. На эту систему накладывалась сетка сословных подразделений. Сенаторы, всадники и куриалы составляли сословия «достойных» (honestiores), а остальное свободное население — «низких» (humiliores). Каждое из них в социальном отношении было неоднородным и состояло из представителей различных классов. Впрочем, в Поздней империи юридические различия вообще отступают перед экономическими[169].

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. ЕРЕСИ

Большую роль в Испании этого времени играла христианская церковь, влияние которой все более распространялось. Центрами христианизации оставались наиболее романизованные города, но в IV в. в новую религию все чаще обращаются землевладельцы[170]. Крестьяне в большей степени оставались приверженными языческим верованиям. Особенно сильным было язычество в северной части Испании, но язычники встречались также в Лузитании и на востоке Испании, даже в таком относительно крупном городе, как Барцинон[171]. Однако постепенно и среди крестьян становилось все больше христиан[172]. После разгрома Магненция, терпимо относившегося к язычеству и даже разрешившего ночные жертвоприношения, победитель Констанций принял решительные меры по полному искоренению прежних верований, результатом чего стало не только восстановление прежних ограничений, но и фактическое закрытие храмов. Это явилось решительным поворотом на пути полной победы христианства[173]. Все это сказалось и на Испании. Хотя следы язычества прослеживаются в Испании и после

---

[169] *Bajo F.* El sistema asistencial eclesiastico occidental durante el siglo IV // Studia historica. 1986–1987. Vol. IV–V. P. 190.

[170] *Blazquez J. M.* Die Rolle... S. 650. Семья будущего императора Феодосия уже около 320 г. была христианской: *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 59.

[171] *Hillgarth J. N.* Popular Religion in Visigothic Spain // Visigothic Spain. Oxford, 1980. P. 11–12; *Ramirez J. L.* La demografia del territorium emeritense (excepto el caso urbano) segun la documentacion epigrafica // SHHA. 1992–1993. Vol. X–XI. P. 141.

[172] *Loring Garcia M. J.* La difusion del cristianismo en los medios rurales de la Peninsula Iberica // SHHA. 1986–1987. Vol. IV–V. P. 202–204.

[173] *Cuvin P.* A Chronicle of the Last Pagans. London, 1990. P. 38–41. *Barbero A.* y *Vigil M.* Sobre los origines sociales... P. 54, 188–189.

ее завоевания варварами[174], к началу V в. страна становится в основном христианской[175]. Церковь, как уже говорилось, оказывается и крупным землевладельцем. Многие испанские епископы приобретают значимость и за пределами Пиренейского полуострова. Таким был, например, Осий из Кордубы, друг императора Константина, председательствовавший на первом Вселенском соборе в Никее в 325 г.[176] Собирались и испанские поместные соборы. В 380 г. император Феодосий официально запретил исповедание любой религии, кроме христианской, в форме, утвержденной в Никее.

В этих условиях выступление против церкви косвенно оказывалось и выступлением против государства. Не случайно одной из форм классовой борьбы в позднеримскую эпоху становятся ереси. В Испании такой ересью стало присциллианство, о котором уже частично говорилось выше[177].

Присциллиан родился около 340 г. или несколько позже[178], был сначала язычником, позже крестился и достиг высоких ступеней в церковной иерархии и был даже избран епископом Абилы. К этому времени он уже выступил со своими взглядами, резко отличающимися от никейских. Присциллиан утверждал, что не существует реального различия между лицами Троицы, что Иисус Христос имел только одну, Божественную, природу и поэтому практически не страдал на кресте, что дьявол является порождением хаоса, а мир — порождением дьявола, что человеческое тело — создание тоже дьявола, а душа — часть Бога. Из этих теоретических посылок он делал весьма важные практические выводы. Он настаивал на аскетизме, на отказе церкви от имущества, на выборности церковных должностей, на вере как мистическом соединении человека с Богом без посредничества церкви. Присциллиан настаивал на возможности использования апокрифов (то есть сочинений, не признанных церковью священными), в которых можно было найти антицерковные взгляды, и на участии женщин в отправлении культа[179]. Все это не только было противоположно официальному

---

[174] *Hillgarth J. N.* Popular Religion... P. 14–17.

[175] Исключением являются, пожалуй, северные горные районы, где язычество оставалось живым еще много веков спустя.

[176] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 510–514; *Blazquez J. M.* El cristianismo en el siglo IV // HE. T. II, 2. P. 457.

[177] *Santos Yanguas N.* Movomentos sociales en la España del Bajo Imperio // Hispania. 1980. E. 40. T. 154. P. 237, 245–247.

[178] *Vollmann B.* Priscillianus // RE. 1974. SptBd. XIV. Sp. 490.

[179] *Ruhbach G.* Priscilianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 4. Sp. 1142–1144; *Escribano M. V.* Alteridad religiosa y maniqueismo en el siglo IV d. C. // Studia historica. 1990. Vol. VIII. P. 38–44; *Blazquez J. M.* El cristianismo... P. 459–462.

церковному учению, но и ставило под вопрос саму нужность церковной организации.

Естественно, что большинство испанских церковных иерархов выступило против Присциллиана. Особенно их возмущало требование Присциллиана и его сторонников аскетизма. Еще будучи светским человеком, Присциллиан создал свою аскетическую группу, которая обвиняла епископов в том, что они, являясь сами крупными собственниками, больше заботятся о своей земле, чем о вере, и о чреве и глотке больше, чем о душе. Кордубский епископ Гигин обратил внимание эмеританского митрополита Идация на деятельность сторонников Присциллиана. Тот, ознакомившись с этой деятельностью, был крайне возмущен и выступил не только против аскетизма присциллианитов, но и против чтения ими апокрифных книг. Присциллиана обвинили в манихействе (самое распространенное в то время обвинение против еретиков) и гностицизме. Но зато его активно поддержали широкие народные массы Галлеции и части Лузитании, а затем и других регионов Испании и даже Аквитании по ту сторону Пиренеев. В основном это были крестьяне, сравнительно недавно пришедшие к христианству. Возможно, что в Галлеции христианство в сельской среде вообще стало распространяться именно в форме присциллианства[180]. Примкнули к Присциллиану и низы городского населения. Среди сторонников Присциллиана были и представители высших слоев, включая, например, богатого горожанина из Бетики Тибериана[181], и даже епископы, да и сам Присциллиан был епископом[182] и, насколько известно, этого сана не лишался[183].

В испанской церкви развернулась ожесточенная борьба. В 380 г. для решения назревших вопросов в Цезаравгусте был созван поместный церковный собор, на котором один из лидеров антиприсциллианского лагеря епископ Эмериты Идаций выступил со специальным докладом, в котором сформулировал все обвинения против Присциллиана и потребовал изгнать еретика из церкви. Присциллиан успешно защищался, и собор принял компромиссное решение: он, как кажется, только осудил чрезмерный, с его точки зрения, аскетизм Присциллиана и умолчал об остальных обвинениях. Более того, в том же году Присциллиан, выступавший на соборе еще как светское лицо, стал епископом города Абелы[184].

---

[180] *Loring Garcia M. J.* La difusion... P. 195–204; *Blazquez J. M.* Die Rolle... S. 657.

[181] *Bodelón S.* Nombres para la historia hispana del s. IV d. C. // Memorias de historia antigua. XVIII–1997. P. 310.

[182] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 458–459.

[183] *Cirardet K.* Trier 385. S. 578.

[184] Ibid. S. 578–584.

Сам собор был не очень-то представительным; на нем присутствовало всего лишь десять испанских и два аквитанских епископа, и среди последних был епископ Бурдигалы (Бордо) Дельфиний, который активно поддержал Идация. Все это говорит о том, что большинство испанских иерархов предпочитало не обострять ситуацию. Тогда Идаций обратился к императору Грациану с письмом, в котором обвинял Присциллиана в магии, называл его псевдоепископом и манихеем и просил изгнать того из пределов империи. Отвечая на эту просьбу, Грациан издал рескрипт, в котором действительно угрожал изгнать присциллианитов из империи, но практическое исполнение этого рескрипта было возложено на местных епископов, а те не хотели или не решались принять соответствующие меры. Несколько позже уже присциллианиты перешли в наступление. Вскоре Присциллиан и два его соратника отправились в Италию. В Аквитании, через которую лежал их путь, они проповедовали, и их проповедь вызвала довольно широкий отклик, что еще больше восстановило против них местных епископов. В Медиолане Присциллиан и его спутники пытались привлечь на свою сторону самого авторитетного тогдашнего иерарха Амвросия, но безуспешно. Зато они сумели убедить Грациана, и тот отменил прежний рескрипт.

Когда власть в западной части империи захватил узурпатор Магн Максим, сам происходивший из Испании и поэтому лучше знающий обстановку в этой стране и стремившийся к получению поддержки ставшей уже могущественной испанской церкви, положение изменилось. Вскоре после вступления Максима в его столицу Августу Треверов (Трир), соратник Идация Итаций, епископ Оссонобы, прибыл туда и при поддержке местного епископа Бриттона обратился к Максиму с требованием положить конец распространению ереси (*Sulp. Sev.* Chron. II, 49, 6). Присциллиан был обвинен в магии, что по законам того времени считалось одним из самых страшных преступлений. Сначала Максим также попытался снять с себя ответственность за решение этих проблем, возложив решение на церковный собор в Бурдигале, который осудил Присциллиана с церковной точки зрения[185], а после этого Идаций и Итаций снова обратились к Максиму уже для принятия юридических мер. И тот был вынужден взяться за это дело. Он вызвал Присциллиана и некоторых его видных сторонников в свою резиденцию Августу Треверов (Трир). Под пытками еретик «сознался» в магии, общении с бесчестными женщинами, в молитве в обнаженном виде. В результате он и его соратники были осуждены и казнены. Присцил-

[185] Впрочем, уже в своем послании собравшимся в Бурдигале епископам Максим довольно ясно дал понять, что для него лично ересь Присциллиана несомненна.

лианство было осуждено, и принадлежность к нему стала считаться уголовным преступлением[186].

Хотя официально процесс был чисто уголовным, но никто не сомневался в его идеологическом характере. Это была первая казнь за ересь в истории христианской церкви[187]. Она вызвала недовольство даже многих противников Присциллиана. Медиоланский епископ Амвросий, являясь врагом всех ересей, но в то же время и решительным сторонником независимости церкви от светской власти, осудил эту казнь. Другой видный авторитет того времени — Мартин Турский, будучи принципиальным противником присциллианства, выступил против его осуждения на соборе в Бурдигале и против казни самого Присциллиана, а после нее отказался общаться с испанскими епископами, склонившими Максима к суду и смертному приговору. Недовольство выразил и римский папа Сириций и часть римского клира, считавшие, что светские власти не должны судить епископа[188]. Этот суд и последующая казнь вызвали настоящий ужас у язычников[189]. А когда Максим был убит и все его меры отменены, сторонники Присциллиана и «нейтралы» припомнили Идацию и Итацию их связи со свергнутым узурпатором. В результате Итаций был смещен с поста епископа Оссонобы, а Идаций был вынужден добровольно оставить епископскую кафедру в Эмерите, хотя позже снова занял ее.

После осуждения и казни Присциллиана некоторые его сторонники, особенно из высших светских и церковных кругов, отреклись от его учения, но большинство присциллиан Галлеции осталось верным его памяти и его учению. Более того, казненных стали почитать как мучеников и требовали перенести их тела в Испанию, где возник бы настоящий их культ. Испанская церковь стояла на грани раскола. Это вызвало беспокойство в высших кругах церкви. Амвросий и Сириций настаивали на примирении. В 400 г. в Толете был снова созван собор для обсуждения создавшегося положения. В целом присциллианизм был осужден, и большинство епископов приняло это осуждение. Однако вплоть до конца римской власти в Испании, особенно в Галлеции, оставались присциллианиты, с которыми пришлось иметь дело уже свевским и вестготским королям после их завоевания Испании[190]. В других провинциях их было гораздо меньше, но даже в Тарраконской Испании и на Бале-

---

[186] *Vollmann B.* Priscillianus. Sp. 496–513.

[187] *Grant M.* The Fall... P. 268.

[188] *Vilella Masana J.* Priscillianismo galauico y politica antipriscilianista durante el siglo V // Antiquite tardive. 1997. T. 5. P. 177–178.

[189] *Bodelón S.* Nobres... P. 307.

[190] *Stroheker K. F.* Spanien... S. 592; *Blazquez J. M.* El cristianismo... P. 467–480; *Vilella Masana J.* Priscillianismo galauico... P. 179–185.

арских островах еще оставались некоторые сторонники Присциллиана[191]. Какие-то, хотя и слабые, следы присциллианства сохранялись в Испании еще в середине VII в.[192]

То, что Присциллиан в своем учении особенно подчеркивал роль аскезы, на какое-то время привело к настороженности к аскетической деятельности в испанской церкви[193]. Эта настороженность распространилась и на монашество. Монахи появились в Испании в IV в.[194] В то время монашество частично тоже противостояло официальной церкви, лишь несколько позже интегрируясь в нее[195]. Это в известной степени привлекало к монашеству какую-то часть недовольного населения.

И все же в целом положение в Испании оставалось более или менее стабильным. И только в начале V в. Пиренейский полуостров стал ареной военных действий. Воспользовавшись политической неурядицей, о которой говорилось в начале главы, через Пиренеи прорвались варвары — вандалы, аланы и свевы. Они уже почти три года разоряли Галлию и теперь обрушились на Испанию. Возможно, что их призвал себе на помощь узурпатор Константин. Ему они, однако, никакой реальной помощи не оказали, но использовали это приглашение для вторжения на Пиренейский полуостров. Осенью 409 г. варвары перешли Пиренеи (*Hydat.* 42). Началась агония римской Испании.

---

[191] Informacions sobre el priscillianismo a la Tarraconense segons l'Ep. 11 de Consensu // Pyrenae. 1979–1980. N 15–16. P. 323–335.

[192] *Orlandis J.* El Cristianismo en el reino visigodico // I Goti in Occidente. Spoleto, 1956. P. 156.

[193] *Dannenbauer H.* Die Entstehung Europas. Stuttgart, 1959. Bd. I. S. 160.

[194] *Blazquez J. M.* El cristianismo... P. 480.

[195] *Diaz Martinez P. C.* Del rechazo de la riqieza a la aparicion de un patrimonio monastico // Studia historica. 1984–1985. Vol. II–III. P. 221–224.

Глава II

ВАРВАРЫ ДО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ИСПАНИЮ

В 409 г. в Испанию вторглись германские племена вандалов и свевов и иранское племя аланов. Позже на Пиренейском полуострове появились вестготы. С этого времени германцы станут активным компонентом жизни Испании. Чтобы понять их роль в крушении античного общества и становлении общества средневекового, надо кратко рассмотреть социально-политическую структуру германских племен до их вторжения в Испанию.

НАЧАЛО ИСТОРИИ

Прародиной германцев была Южная Скандинавия и северная часть современной Германии между устьями Рейна и Одера. Говорить о германцах в этом регионе можно приблизительно с середины I тыс. до н. э.[1] Рост численности населения в условиях развития подсечного земледелия и крупного скотоводства в зоне лиственных лесов довольно рано принудил значительную часть германцев покинуть свою первоначальную родину. В результате миграций германцы сначала разделились на три большие ветви: северных (как правило, это те, кто остался на старом месте), восточных и западных германцев. Последние тоже разделились на три группы: ингвеоны, обитавшие от устья Рейна до Балтики, гермионы, жившие в центре Европы к северу от Дуная, и истеоны, населявшие правобережье Рейна (*Tac.* Germ. 2). Эти группы были скорее лингвистическими, чем этническими единицами, и каждая состояла из ряда племен и племенных объединений, которые то объединялись, то распадались. Поэтому Плиний (n. h. IV, 99–101) в свое время говорил не о трех, а о пяти группах германцев. Во время своих миграций германцы столкнулись с другими народами, в том числе кельтами, которых они

[1] *Todd M.* The Early Germans. Oxford, 1992. P. 10; *Wolfram H.* Die Germanen. München, 1995. P. 53–54.

вытеснили из-за Рейна. В конце II в. до н. э. германские племена тевтонов и кимвров перешли Рейн и, опустошая Галлию, вторглись в римскую провинцию Трансальпийскую Галлию. Лишь с большим трудом римляне отбили это нашествие, уничтожив большую часть вторгнувшихся. В 60-х гг. I в. до н. э. германские племена гарудов, маркоманов, трибоков, вангионов, неметов, седусиев и свевов объединились под руководством свева Ариовиста, которого Цезарь называет «царем германцев», и, перейдя Рейн, заняли часть земли галльского племени секванов и поставили в зависимость от себя эдуев, т. е. наиболее сильные племена восточной части Галлии. Позже Цезарь вмешался в галльско-германские отношения, разбил Ариовиста и заставил его снова уйти за Рейн. Сам Цезарь дважды переходил эту реку, но на завоевание зарейнских земель не решился.

Приемный сын Цезаря, первый римский император Август, замыслил в духе обычных римских представлений о праве Рима господствовать над всем миром завоевать и Германию, тем более что полагал, как и все люди того времени, что где-то очень близко за известной частью Германии находится край света, океан, обтекающий землю, заливом которого считалось Каспийское море, так что подчинение Германии рассматривалось почти как завершение захвата всего земного круга. В 12 г. до н. э. Август послал сильное римское войско во главе со своим пасынком Друзом в первый германский поход. Друз перешел Рейн. Чтобы дать возможность свободно действовать флоту, он приказал построить канал в устье Рейна, и флот действительно принял активное участие в военных операциях. Действуя на суше и на море, Друз успешно воевал против ряда германских племен и дошел до реки Визургис (Везер). В следующем году Друз повторил свой поход, подчинив все территорию между Рейном и Визургисом. В 9 г. до н. э. Друз дошел до Альбиса (Эльбы), но на обратном пути упал с лошади и разбился. Походы Друза продолжил второй пасынок Августа, Тиберий. В течение нескольких лет до 6 г. до н. э. Тиберий подчинил земли до Альбиса и создал здесь провинцию Германия. Однако в 9 г. германцы во главе с херуском Арминием восстали. Они полностью уничтожили римскую армию в Тевтобургском лесу. В результате Германия была потеряна, Август вынужден отказаться от честолюбивых планов покорения всей вселенной, и Рейн стал границей Римской империи.

После смерти Августа по приказу ставшего императором Тиберия сын Друза, Германик, в 14—16 гг. совершил походы за Рейн, дойдя в одном из них до Тевтобургского леса и торжественно захоронив там останки римских воинов. Но эти походы остались карательными экспедициями и не привели к восстановлению римского господства. Лишь

много позже, уже в 70–80-х гг. I в., римляне захватили треугольник между верховьями Рейна и Дуная, образовав там так называемые Десятинные, или Декуматские, поля. Вновь завоеванные земли были ограждены особой системой укреплений, валов, бастионов — лимесом. На левом берегу Рейна и на Десятинных полях были образованы две римские провинции — Верхняя Германия и Нижняя. Жившие там германцы переживали отныне свою историю в рамках Римской империи. Германия же к востоку от Рейна, северо-востоку от лимеса и северу от Дуная оставалась независимой, и социальные и этнические процессы проходили в ней самостоятельно, хотя и не без римского влияния.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГЕРМАНИИ

Основной рамкой жизни германцев было племя[2]. Племен было много, и они были различны по своему размеру, влиянию, могуществу. Племена делились на паги, а те — на деревни. Городов в Германии не было (*Tac.* Germ. 16). То, что иногда в источниках называется городом (oppidum), было, вероятно, как и в Британии, укрепленное место в лесу, служившее убежищем в случае необходимости. Уже достаточно рано, по крайней мере в I в. до н. э., некоторые германцы, возможно более видные, селились и отдельно от деревень в своих «дворах» (aedificia). В экономике германцев большую роль играло животноводство, хотя породы скота были здесь более мелкие и менее продуктивные, чем в Средиземноморье (*Tac.* Germ. 5). Земледелие тоже существовало, но играло второстепенную роль в их хозяйстве[3]. Германские ремесленники создавали и оружие, и предметы мирного быта, и украшения, во многом под влиянием кельтского, а затем римского ремесла. Торговля в Германии сначала была развита довольно слабо. По словам Цезаря (B. G. IV, 2), германцы допускали к себе купцов только для продажи военной добычи. Но уже в следующем столетии они активно торговали с римлянами, особенно с приграничными районами Римской империи. Характерно, что относящиеся к торговле термины в германских языках происходят не просто из латинского языка, но именно из гарнизонной латыни[4]. Вещи, изготовленные в Римской империи, стали пользоваться большим спросом у германцев, особенно у тех, кто имел возможность приобретать их. В обмен германцы продавали римлянам захваченных ими рабов, а так-

[2] *Todd M.* The Early Germans. P. 29.

[3] Ibid. P. 75–78.

[4] *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2006. С. 22.

же столь ценимый в Средиземноморье янтарь, который добывался на берегах Балтийского моря, а затем по речным дорогам достигал Дуная[5]. Римское влияние способствовало убыстрению социального развития германских племен, особенно, конечно, у тех, что были расположены ближе к имперской границе.

Германцы обычно делились на свободных, полусвободных, называемых летами, и рабов. Рабами были военнопленные, которые использовались преимущественно в домашнем хозяйстве и в земледелии, не очень-то любимом свободными людьми. Рабы получали участок, который и обрабатывали, отдавая часть урожая хозяину (*Tac.* Germ. 25). Можно говорить, что рабство носило патриархальный характер, и о противопоставлении рабовладельцев и рабов не было и речи. Это даже подчеркивалось их совместным воспитанием вплоть до определенного возраста. Часть рабов рано или поздно освобождали, и они пополняли число летов. Кроме отпущенников, леты рекрутировались и из разорившихся свободных. Леты, по-видимому, тоже выполняли подсобные хозяйственные функции. Во всяком случае они занимали и в доме патрона, и в племени приниженное положение.

Леты, по-видимому, не входили в родо-племенную организацию. Это было уделом только свободных людей. Лингвисты отмечают, что само слово «свободный» в германских языках тесно связано со словом «друг»[6], и это подразумевало существование сравнительно замкнутой группировки «друзей», под которыми могли пониматься члены данной родовой общины. Среди свободных уже выделилась знать. Из ее среды, вероятно, выходили старейшины (maiores natu), руководившие делами на родовом уровне. Под их руководством, в частности, происходил ежегодный передел земли, основанный на равномерном распределении участков, так что и люди и из знати, и из простого народа принципиально не различались в имущественном отношении. Конкретными пользователями участков были, однако, не отдельные лица, а роды или объединения родственников, т. е., вероятнее всего, большие семьи. Главы таких семей и могли, вероятно, составлять родо-племенную знать. Они отвечали за свои семьи, за их безопасность и за их благополучие. Недаром в германских языках понятие «знатный» происходит от «отец-кормилец»[7]. Так было во времена Цезаря, в I в. до н. э.

Это относительное равенство среди свободного населения проявлялось и в военном деле. Сравнительная скудость окружающей среды и в еще

---

[5] *Todd M.* The Early Germans. P. 20–22, 89–98.

[6] *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 212.

[7] Там же. С. 216.

большей степени низкая техническая вооруженность и организация хозяйствования толкали германцев на многочисленные войны как с соседними, германскими же, племенами, так и с другими народами. В этих условиях военная доблесть становилась высшей ценностью, а военные подвиги — основанием для претензий тех или иных честолюбцев на власть. Так было с Арминием, который после своей победы в Тевтобургском лесу пытался установить свою тираническую власть над херусками и другими германцами. Но характерно, что против него выступила значительная часть собственного племени и даже его дядя Ингвиомер, и в конце концов Арминий был убит своими свободолюбивыми соплеменниками (*Tac.* Ann. II, 45; 88).

В военных действиях обычно участвовали все свободные, способные носить оружие. Недалеко от военного строя они располагали женщин, детей, стариков, чтобы яростнее сражаться, сознавая свою ответственность за их свободу и даже жизнь. Собирались и воевали германцы родами и семьями (*Tac.* Germ. 7). Если военные действия затягивались на несколько лет, каждый паг выставлял половину своих воинов с тем, чтобы вторая половина обеспечивала сражающихся необходимыми припасами, а на следующий год эти половины менялись местами. Уже во времена Цезаря у некоторых вождей появились собственные дружины, но они в случае общеплеменной войны еще не противопоставлялись общему строю, и Ариовист в сражении против Цезаря строил свое разноплеменное войско по племенам. Положение изменилось в I в. н. э. Археология показывает, что в это время знать не только начала селиться в более обширных и лучше обустроенных домах, но и располагать эти дома на некотором отдалении от основного поселения. Это выделение знати сохранялось и после смерти. Знатных людей хоронили вне общего кладбища в могилах под погребальными холмами с применением трупоположения и разнообразным инвентарем, включая оружие и импортные драгоценные изделия, в то время как остальные люди довольствовались кремацией, и пепел хоронился в сравнительно неглубоких ямах[8]. Около домов аристократов начали концентрироваться и ремесленники.

Все свободные вооруженные мужчины участвовали в собраниях, на которых и решались основные дела. Но реально роль собраний была невелика. Воины могли только бряцанием оружия выражать свое согласие или несогласие с предложением властей. Менее же важные дела вообще решались только властями (*Tac.* Germ. 11). В I в. до н. э. реальной общей власти в племени не было, и основной единицей был паг. В сле-

[8] *Todd M.* The Early Germans. P. 35–36.

дующем веке такая власть уже появилась. Реальную власть в паге осуществляли избираемые principes (*Tac.* Germ 13), но чем дальше, тем более выборность становилась формальностью.

Главой племени считался король. Он также избирался, но с учетом знатности рода (*Tac.* Germ. 7). С течением времени эта привилегия могла закрепиться за каким-либо конкретным родом, как за родом Амалов у восточных готов. Власть короля, однако, была не очень-то значительна. Видимо, он в большей мере осуществлял сакральные функции, выступая в этом вместе с жрецами. Последние играли у германцев значительную роль и не только в чисто религиозных делах, но и в судопроизводстве. Короли же являлись в большей мере сакрально-декоративными фигурами, претендуя на божественное происхождение. И эту их претензию явно принимали и рядовые германцы. Само слово «король» филологи производят от корня, означающего «рождать». Король — это тот, кто хорошо рожден, благороден. Столь незначительная реальная роль королей особенно ясно выступает у западных германцев. У восточных, в частности у готов, она была более значительной. В Скандинавии же сохранялась настоящая монархия с подлинной довольно сильной королевской властью.

Все больше выступает на первый план роль военного вождя (dux). Считалось, что его тоже избирают на народном собрании (*Tac.* Germ. 7). Но так как избирали его из-за его доблести (ex virtute), т. е. прежде всего военных подвигов, то ясно, что именно эти подвиги были решающими, а избрание в лучшем случае фиксировало реальное положение. Вокруг такого вождя собиралась его дружина (comitatus) (*Tac.* Germ. 13). Дружинники становились клиентами вождя. Именно с помощью таких клиентов Арминий пытался установить свою единоличную власть. Вождь предоставлял своим клиентам-дружинникам ежедневное питание, подарки и долю в добыче, а те были обязаны ему верностью. Доходность германского хозяйства была относительно низкой, так что содержать дружину мог только достаточно состоятельный человек, который имел возможность часть своего имущества тратить не только на собственную семью, но и на дружину. Поэтому естественно, что роль дружины, сравнительно небольшая во времена экономического равенства соплеменников, резко возрастает с ростом отмеченной выше имущественной дифференциации. В еще большей степени доходы дружинников складывались из военной добычи, так что за особо удачливым вождем могла идти и большая дружина, что, в свою очередь, увеличивало значение такого вождя внутри племени[9].

---

[9] *Дворрецкая И. А.* Западная Европа V–IX вв. М., 1990. С. 75.

Вождь и его дружина были связаны личными, а не родовыми узами. Вокруг удачливого и прославленного вождя собирались не только его соплеменники. Дружины особо известных предводителей были разноплеменными. Это делало дружину институтом, противопоставленным родовым установлениям.

Такое противопоставление в I в. н. э. проявилось и в военном деле. Хотя и в это время значительной силой было общеплеменное ополчение, дружина, собираясь вокруг вождя, не считалась с семейно-родовыми отрядами. Основная масса германцев сражалась пешими, но вождь и его дружинники воевали на конях. Из общей массы пехотинцев они выбирали наиболее, на их взгляд, молодых, умелых и храбрых воинов, которых ставили в авангард. И этот отбор тоже не считался с семейно-родовой принадлежностью. Таким образом, в германском обществе появляется институт, не связанный с племенно-родовым строем и даже в определенной степени противопоставленный ему. Он основан на принципах личной верности и взаимных обязательств. Взрывая четкость родового строя, он в то же время был совершенно чужд и античному режиму с его политической связью между управляющими и управляемыми.

Германцы не были кочевниками. Их миграции чередовались с периодами довольно длительной стабильности. Такая стабильность характерна для западногерманских племен в I–II вв. Во многом именно с этим связано прекращение германского натиска на рейнскую и дунайскую границу Римской империи. Римляне воспользовались этим. Не имея ни сил, ни желания (германский синдром после Тевтобургского леса оставался у них чрезвычайно живым) вновь завоевывать Германию, они стремились создать вдоль своих границ клиентские государства.

Одно такое государство (может быть, самое первое среди германцев) создали не без римской помощи маркоманы. В свое время они активно участвовали в войнах с Римом, но, потерпев поражение, отступили. Часть их осталась на Рейне, а часть во главе с Марободом ушла на восток и вытеснила или подчинила кельтское племя бойев, чье имя сохранилось в немецком названии Чехии Богемия. Маробод заключил с римлянами союз и отказался участвовать в восстании Арминия, а затем вообще резко выступил против него. Не без римской поддержки Маробод подчинил племя квадов и некоторые другие племена и создал довольно обширное государство, охватывавшее современные Чехию, Моравию и Силезию. Маробод действовал в русле римской политики и покровительствовал римской торговле, которая его и его приближенных весьма обогащала. Откровенно проримская позиция Маробода вызвала недовольство многих германцев, чем воспользовался враг Маробода Кату-

альда. Он сверг Маробода и заставил того бежать к римлянам. Вскоре римская дипломатия натравила на Катуальду племя гермундуров во главе с Вибеллием, и Катуальда, как и его предшественник, бежал в пределы империи (*Tac.* Ann. II, 44–46; 61–63). В 19 г. римляне посадили здесь в качестве царя квада Ванния, правление которого продолжалось 30 лет (*Tac.* Ann. XII, 29–30). Так было создано клиентское Маркоманское государство, надежно прикрывшее среднедунайскую границу империи. И хотя порой маркоманы и квады нарушали свои клиентские обязательства и даже вторгались в пределы империи, в целом это государство сохранялось во многом с помощью Рима.

Положение изменилось во второй половине II в. К этому времени период стабильности завершился, и началась новая полоса передвижений. В ходе этих передвижений многие прежние племена и союзы племен распадались и формировались новые. Так, на Рейне появились аламаны («все люди») и франки («свободные»). Завершение периода стабильности привело и к возобновлению германского натиска на Рейне и Дунае. В 166 г. маркоманы, разорвав старый клиентский договор, вторглись в римскую провинцию Паннонию. Они были отбиты, и вскоре император Марк Аврелий сам начал наступление на маркоманские земли. Война была для римлян успешной, но в ходе ее Марк умер, а его сын Коммод отказался от всех завоеваний отца. Эта маркоманская война стала началом новой полосы римско-германских войн.

Резкое обострение римско-германских отношений пришлось на время кризиса III в. Аламаны и франки, пользуясь слабостью империи и почти постоянной гражданской войной, не раз нападали на имперские границы. В середине III в. аламаны, а за ними и франки прорвались через Рейн, опустошили Галлию и Испанию, добрались до Африки, а затем благополучно вернулись на родину. В конце концов римляне сумели отбить эти нападения, но были вынуждены оставить лимес и уйти за Рейн. Десятинные поля были заняты аламанами. Эти походы западногерманских племен были преимущественно грабительскими и не ставили целью захват римских территорий (кроме Десятинных полей, оставленных самими римлянами).

Ожесточенно сражаясь с германцами, императоры в то же время стали принимать их на свою службу. Так действовали и Аврелиан, и Константин, и другие императоры III–V вв. В результате целые германские контингенты во главе со своими вождями служили в римской армии. Постепенно к концу IV в. армия Римской империи, особенно ее западной части, стала фактически варварской, преимущественно германской. Германские предводители вошли в высшие классы империи. Это, однако, не остановило натиск германцев на имперские границы.

Войны с Римом повлияли на социальное развитие германцев. Резко повысилась роль военных вождей. Дружины таких вождей стали играть первенствующую роль в войнах, хотя и не вытеснили окончательно племенное ополчение. Из этих вождей выходили короли нового времени. Происходит как бы реставрация монархии, но на совершенно новых основах[10]. Эти короли могли быть связаны с древними королевскими родами божественного происхождения, как Амалы у восточных готов, или нет. Вокруг таких королей (риксов, конунгов) группировалась военная знать, связанная с королями узами личной верности. Такие люди становились «первенствующими» (primates), из их числа выходили «вожди» (duces) и «судьи» (iudices), которые могли возглавлять народ или часть его в случае отсутствия королей или по их поручению. Из этих людей практически начинает формироваться государственный аппарат нового типа, основанный на личной связи короля и его доверенных лиц.

СВЕВЫ И ВАНДАЛЫ

Первыми германцами, вторгшимися в Испанию, были свевы и вандалы.

Свевы принадлежали к западногерманским гермионам (*Plin.* IV, 100). Как указывает Тацит (Germ. 38), это была группа племен, объединенных общим названием, некоторыми обычаями и культом. Центром этого культа была священная рощица, находившаяся в земле племени семнонов, которые и считали себя главнейшими среди свевов (*Tac.* Germ. 39). Наряду с семнонами, свевами были также маркоманы, квады, гермундуры, ланогбарды и другие племена (*Tac.* Germ. 41–43). Если судить по сообщениям Тацита, то не существовало племени, которое в то время, т. е. в I в. н. э., называлось бы именно «свевы».

Между тем в предыдущем столетии Цезарь говорит просто о свевах, и по его словам не видно, какое свевское племя он имеет в виду. Цезарь (B. G. IV, 1) говорит о свевах, что это самый большой и воинственный народ во всей Германии. Их страна состоит из 100 пагов, каждый из которых выставляет по 1000 вооруженных людей, причем такая же тысяча остается дома для снабжения воюющих, а через год они меняются местами. Так что если судить по данным Цезаря, численность взрослых мужчин достигала у свевов 200 000, что давало общее количество населения около 1 миллиона человек. Страбон (IV, 3, 4) также отмечает, что свевы превосходят силой и численностью все остальные народы Германии. И Страбон, и Цезарь говорят о свевах вообще.

[10] *Heather P.* Empires and Barbarians. London, 2009. P. 43–47.

В то же время наряду со свевами Цезарь (G. B. I, 51) называет маркоманов, которые, по Тациту (Germ. 42), относятся к свевам. Возможно, что частью свевов были и трибоки. С другой стороны, часть свевов явно не входила в войско Ариовиста, с которым сражался Цезарь. По Цезарю (B. G. I, 37), на германском берегу Рейна расположились 100 свевских пагов, возглавляемых братьями Насуей и Кимберием, так что римский полководец боялся, как бы они не соединились с армией Ариовиста.

Это, конечно, не означает, что эти свевы не входили в созданный Ариовистом военный союз; они могли быть определенным резервом, оставленным им в Германии. И все же ясно, что свевы, возглавляемые Насуей и Кимберием, не те, которые участвовали в битве между Цезарем и Ариовистом. Так что в любом случае свевы, входившие в войско «царя германцев», как называет Цезарь Ариовиста, это не все свевы.

Предполагают, что свевы Ариовиста — квады[11]. Но это предположение ни на чем не основано, кроме того, что цезаревские свевы в войске Ариовиста названы наряду с маркоманами, а Тацит (Germ. 42–43) и Птолемей (II, 11, 11) называют эти два свевских племени рядом друг с другом. Но эти сведения относятся уже к следующему столетию, когда и маркоманы, и квады переселились на восток. Оба автора просто упоминают квадов, что они живут за маркоманами. Тацит говорит о маркоманах с почтением и упоминает об их славе среди германцев, так как они доблестью захватили землю, в которой живут. Ни о славном прошлом, ни о доблестном настоящем квадов римский историк не упоминает. Поэтому кажется все же более привлекательной гипотеза, что свевами Ариовиста могли быть семноны. Они считали себя древнейшим свевским племенем и главой (caput) этого народа (*Tac.* Germ. 39). Последнее утверждение могло быть отзвуком их недавнего положения во главе державы Ариовиста.

В качестве осторожной гипотезы можно предположить, что сведения Цезаря относятся ко времени распада свевского единства: к середине I в. до н. э. от свевов отделились маркоманы, названные Цезарем отдельно, и, может быть, трибоки, а остальные еще составляли единое племя свевов. Окончательный же распад приходится на вторую половину I в. до н. э. — первую половину I в. н. э.

Характерно, что Цезарь, говоря о свевах вообще и свевах Насуи и Кимберия (B. G. I, 37; IV, 1), и Тацит, сообщающий о семнонах (Germ. 39), отмечают наличие у каждого из них 100 пагов. Возможно, что каж-

[11] *Schonfeldt.* Suebi // RE. 1931. Hbd. 7A. Col. 572; *Goessler K.* Quadi // RE. 1963. Hbd. 47. Col. 624. Существуют сомнения, был ли сам Ариовист свевом: *Christ K.* Caesar und Ariovist // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 157.

дое свевское племя делилось именно на такое количество пагов, подобно тому, как ионийцы, независимо от области и государства, в котором жили, делились на 4 филы, а дорийцы — на 3. Паги были не столько территориальными, сколько родовыми подразделениями племени. Это ясно видно из сообщения Цезаря о свевских пагах Насуи и Кимберия, расположившихся на берегу Рейна и готовых, по его мнению, перейти реку, чтобы соединиться с армией Ариовиста. Учитывая, что именно паги называются Цезарем как войско Насуи и Кимберия, можно говорить, что они являлись и основными воинскими единицами, т. е. племенное ополчение собиралось именно по пагам, что совпадет с приведенным выше сообщением Цезаря о том, что именно паги выступали в его время и как основные единицы управления.

Война Ариовиста с Цезарем явилась первым, но не последним столкновением свевов и римлян. Именно против свевов направился Цезарь, перейдя вторично Рейн в 53 г. до н. э., но свевы, по-видимому, не получив нужных подкреплений от своих союзников, отступили (*Caes.* B. G. VI, 10). Позже свевы были подчинены Друзом (*Flor.* II, 30, 24–25), но освободились от римского господства после сражения в Тевтобургском лесу, в котором они, как кажется, не участвовали. Затем свевы переселились к востоку и другим Друзом, сыном Тиберия, были поселены на Дунае в 19 г. (*Cas. Dio* LXVII, 5). В целом свевы в течение долгого времени оставались относительно дружественны римлянам, но во второй половине II в. вместе с другими варварами стали нападать на римские провинции. Именно эти дунайские свевы и участвовали вместе с вандалами и аланами в переселении сначала на запад к Рейну, а затем во вторжении в Галлию и, наконец, в Испанию.

Встает вопрос, какие свевы участвовали во всех этих событиях, приведших в конечном счете к созданию их королевства на Пиренейском полуострове? Обычно эту роль приписывают опять же квадам[12]. Однако доводы в пользу этого предположения весьма слабые[13]. Практически единственным основанием для этого является одно место из письма Иеронима (CXXXIII, 15, 2), в котором он перечисляет вторгнувшихся варваров и вместо свевов вместе с аланами и вандалами называет квадов. Но Иероним находился в это время далеко от мест событий, в Палестине, и хотя он в результате своей обширной переписки был в курсе происходящего, отдаленность могла привести к смешению различных племен, что в принципе было не таким уж редким в древности, тем более что квады действительно были частью свевов. Григорий Турский (Hist.

[12] *Goessler K.* Quadi. Col. 645.

[13] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. СПб., 2003. С. 137.

Fr. II, 2) называет аламанов, которые тоже принадлежали к свевам (их племенной союз возник на основе семнонов). Правда, Григорий в отличие от Иеронима не был современником событий, но зато он жил в самой Галлии и мог сохранить местные предания.

Впрочем, вероятнее всего, что оба они ошибаются, приписывая роль в столь важных событиях племенам, по тем или иным причинам им более известным. Иероним родился в Стридоне на границе Паннонии и Далмации, а Паннония была ареной вторжений именно квадов. Частые же вторжения аламанов в Галлию привели к тому, что и современные французы называют всех немцев «алеманами», а Германию — «Алеманией».

Когда Тацит в повествовании о событиях I в. упоминает свевов, то речь идет о различных свевских племенах, в том числе маркоманах и квадах. Это видно из его рассказов о царстве Маробода и его преемников, когда в подробном изложении положения в Германии Маробод назван царем маркоманов (42), а в «Анналах» он постоянно связывается со свевами (II, 26, 44).

Но положение меняется, когда мы обращаемся к событиям более позднего времени. Во времена Марка Аврелия образовалась обширная антиримская коалиция германских народов, в которую, в частности, входили маркоманы, варисты, гермундуры, квады, свевы и другие (SHA, Marc. XXII, 1; *Cas. Dio* LXXI, 3, 1)[14]. Первые четыре Тацитом причисляются к свевам (правда, вместо варистов он говорит о наристах, но это явно то же племя). И наряду с ними теперь появляются собственно свевы. И они не смешиваются с квадами. Позже Аммиан Марцеллин рассказывает о набегах свевов на Рецию, а квадов — на Валерию, т. е. на восточную часть Паннонии, выделенную Диоклецианом в отдельную провинцию. Так что во II–IV вв. свевы и квады — разные племена. И поэтому нет никакой необходимости в предположении, что квады, переселяясь на запад, изменили свое название, приняв старинный этноним «свевы». Свевы как таковые появились задолго до этого переселения.

Тацит в «Германии» о свевах говорит только как об общем названии различных племен, хотя и связанных общим происхождением, культом и некоторыми обычаями (например, носить особую прическу). Птолемей

[14] Сторонники тождества квадов и свевов полагают, что при перечислении автором биографии Марка Аврелия германских народов между квадами и свевами не надо ставить запятую, так что два названия относятся к одному народу (Schonfeldt. Suebi. Col. 572). Однако при этом не объясняется, почему квады в данном случае так выделяются. Гораздо логичнее принять, что речь идет об обычном перечислении племен, и квады и свевы занимают в этом перечне свое особое место.

(II, 11, 11) тоже упоминает свевов только как общее наименование, а когда речь идет о конкретных племенах, то греческий географ уточняет, какие это свевы, — лангобарды, или тевтоноарии, или вируны, или тевтоны, которых он тоже причисляет к свевам и которых Тацит в подробном описании Германии вовсе не упоминает. Следовательно, надо либо приписать это наименование какому-либо свевскому племени, о котором говорят Тацит или Птолемей, и считать, что оно по каким-то причинам приняло старое родовое имя, либо полагать, что речь идет о новом племени, не известном ни Тациту, ни Птолемею. Последнее представляется более вероятным.

Думается, что при переселении свевов на восток, как это порой бывает, произошла перегруппировка различных этнических групп, в результате чего и возникла новая этническая единица, принявшая имя, бывшее ранее общим для ряда племен. Известно, что порой племена, располагающиеся преимущественно по краям того или иного этнического массива, принимают имя всего этого массива. Достаточно вспомнить об ильменских славянах, словаках и словенах. Таковы могли быть и свевы. Если это так (а это нам кажется наиболее вероятным), то образование этих дунайских свевов надо отнести к концу I — первой половине II в. Во второй половине II в. они уже выступают как самостоятельное племя.

Об общественном строе свевов накануне их вторжения в пределы империи практически ничего не известно. В более поздних рассказах о действиях свевов в Испании совершенно не упоминаются паги. По-видимому, как основные единицы гражданского и военного деления они к этому времени исчезли. Постоянно говорится о королях и свевах вообще. Видимо, в V в. основную роль уже играли королевские дружины и военное ополчение, роль которого, однако, все более снижалась.

Западные германцы, к которым относились свевы, естественно, были наиболее знакомы римлянам, так как именно в основном с ними тем приходилось иметь дело. О восточных германцах до поры до времени доходили до римлян только неясные слухи, что и привело к значительной неопределенности и наших знаний об этих племенах. Среди восточногерманских племен сейчас нас более всего интересуют вандалы.

Плиний (IV, 99), говоря о пяти группах германцев, одну из них называет вандилиями, т. е. вандалами. У Плиния, таким образом, вандалы-вандилии выступают как обобщенное название восточных германцев вообще. Недаром частью вандалов римский энциклопедист считал бургодионов (бургундов), варинов, харинов и гутонов (готов). У Тацита

(Germ. 43–44) самым значительным восточногерманским народом названы лугии. Как и свевы, тацитовские лугии — не единое племя, а объединение нескольких племен. Поэтому было высказано мнение, что либо лугии — другое название вандалов, либо, вероятнее, вандалы были частью лугского объединения, подобно тому как семноны или маркоманы — частью свевского[15]. Правда, Тацит среди лугских племен вандалов не называет; по его мнению, наиболее значительные civitates лугиев — гарии, гельвеконы, манимы, гелизии и наганарвалы. С другой стороны, Тацит вандалов-вандилиев все же знает: он называет их среди таких германских племен, как свевы, марсы, гамбривии, которые носят древние и подлинные имена (Germ. 2). При этом историк ссылается на древние германские песнопения, так что можно думать, что сами вандалы возводили свое происхождение непосредственно к детям бога-прародителя Манна. Птолемей (IV, 11, 10) тоже упоминает лугиев, а одновременно с ними силингов, которые в позднейших источниках выступают как вандальское племя.

Все это не позволяет сказать практически ничего о ранней истории вандалов. Можно только предположить, что они были частью какого-то племенного объединения восточных германцев, в которое, возможно, входили и племена лугиев, так что для далекого римского наблюдателя это объединение могло выступать под именем и лугиев, и вандалов. Возможно, что вандалы были частью лугского объединения, но не казались информатору Тацита столь значительными, чтобы их упоминать: ведь Тацит ясно говорит, что он называет только наиболее значительные племена лугиев.

В то время, когда писали Плиний и Тацит, вандалы и лугии жили между Вислой и Одером. Предполагают, хотя это и спорно, что туда они переселились из Скандинавии после некоторого времени пребывания на южном берегу Балтийского моря[16]. Свое передвижение от этого берега вандалы совершали, может быть, вместе с готами (*Iord.* Get. 26). Уже до времени Птолемея или, точнее, его источника вандалы разделились, и на старом месте остались силинги, от имени которых много позже эта область получила название Силезия[17]. Да и позже современные Судеты назывались Вандальскими горами (*Cas. Dio* LV, 11, 3). Другая их часть переселилась к югу, хотя первоначально эта часть какое-то время еще жила на побережье Балтики[18].

---

[15] *Miltner F.* Vandalen // RE. 1955. Hbd. 15A. Col. 300; *Diesner H.-J.* The Great Migrations. Leipzig, 1978. P. 123.

[16] *Miltner F.* Vandalen. Col. 299.

[17] *Diesner H.-J.* The Great Migrations. P. 123.

[18] *Wolfram H.* Die Germanen. P. 77.

Эти переселившиеся к югу вандалы позже именуются асдингами (*Cas. Dio* LXXI, 11–12). В то же время известно, что асдингами именовался королевский род (regia stirps), считавшийся среди вандалов выдающимся и наиболее воинственным, из которого, в частности, вышел король Вазимар, воевавший с готами (*Iord.* Get. 113). Поэтому можно думать, что переселенцы приняли имя своего королевского рода. В первой половине IV в. вандалы-асдинги жили между маркоманами и готами. Потерпев поражение от последних, часть вандалов перебралась на римскую сторону Дуная, поселившись там, возможно, на правах федератов (*Iord.* Get. 115). Основная же их часть оставалась жить в районе верхнего и среднего течения Тисы.

Вскоре после 400 г. вандалы-асдинги, теснимые гуннами и страдающие от усиливающегося голода, объединились с аланами и, продвигаясь вдоль Дуная, двинулись на запад[19]. Аланы были не германцами, а иранцами и были, видимо, частью сарматских племен. Они также приняли участие в переселениях, и часть их к концу IV в. поселилась в районе Паннонии в непосредственной близости от вандалов, так что их союз был вполне естествен. Вскоре к их союзу присоединились свевы и вандалы-силинги. В последний день 406 г. эти массы варваров перешли Рейн и обрушились на Галлию, а в 409 г. в обстоятельствах, о которых речь пойдет ниже, вторглись в Испанию[20].

Аланы населяли Северный Кавказ и район Меотиды (Азовского моря) и Придонья, а в середине IV в. под натиском гуннов их значительная часть передвинулась далее на запад. Они были кочевниками (*Amm.* XXXI, 2, 17–19) и представляли собой по существу союз различных ираноязычных племен, связанных с сарматским миром (или, может быть, бывших его частью)[21], расселившихся от Дуная до Кавказа, время от времени совершая рейды на Балканский полуостров. Уровень их социального развития в IV в. был еще довольно низок: у них совершенно не было рабства, все они считали себя благородными, а своими предводителями, которых римский автор называет iudices (буквально «судьи»), они избирали отличившихся в битве (*Amm.* XXXI, 2, 13–25). На Северном Кавказе у алан уже были протогорода, но они служили лишь защитой в случае опасности. Однако когда гунны обрушились на них, эти укрепления алан не спасли. Жизнь в аланских поселениях Северного Кавказа либо вовсе прекратилась, либо резко сократилась,

---

[19] *Miltner F.* Vandalen. Sp. 303–304.

[20] *Wolfram H.* Das Reich und die Germanen. Berlin, 1990. P. 233.

[21] *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 1998. С. 130; *Ковалевская В. Б.* Кавказ — скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 85.

что говорит об уходе значительной массы алан из этого региона[22]. После образования мощной гуннской державы часть алан, видимо, подчинилась гуннам, войдя в состав этой державы[23]. Впрочем, еще в конце III в. некоторые племена алан, отделившись от основной массы, переселилась в район Дуная. Эти аланы, судя по пока еще очень скромным археологическим данным, потеряли связь с кавказскими соплеменниками, которые в их движениях на запад не участвовали[24]. И видимо, именно эти аланы, разделившиеся на две группы во главе с Респендиалом и Гоаром[25], соединились с вандалами и свевами и двинулись к Рейну.

Не надо себе представлять, что все вандалы, аланы, свевы снялись со своих мест и переместились на запад. Много позже, когда вандалы-асдинги уже владычествовали над Африкой, их король получил весточку от своих соплеменников, оставшихся в районе Тисы и Дуная. Также осталась на своих местах часть силингов, которые, как об этом уже кратко упоминалось, после их ассимиляции славянами передали тем название страны — Силезия. В Восточной и Центральной Европе, особенно в Предкавказье и горах Северного Кавказа, осталась значительная часть алан, потомки которых живут там и до сих пор[26]. Во второй половине V в. свевы отмечены на Дунае, где они грабили Далмацию и воевали с остготами (*Iord.* Get. 273–276).

Испанские авторы, повествующие о вторжениях варваров, говорят об аланах, вандалах и свевах (*Hydat.* 42; *Isid.* Hist. Sueb. 85; Chron. Maior 373), в то время как писатели, жившие в Италии или других странах, говорят либо об аланах и вандалах, либо только об одних вандалах (*Cass.* Chron. a. 406, 409; *Salv.* Gub. Dei VII, 26–27; *Prosp. Tir.* 1237; *Iord.* Get. 153). Видимо те, кто непосредственно не соприкасался с испанскими событиями или черпал свои сведения не от испанцев и поэтому имел лишь самое общее представление о том, что происходило в этой стране, не очень-то различали состав варваров, вторгнувшихся на Пиренейский полуостров, и воспринимали их как более или менее единое целое. Интересно, что Иордан приписывает императору Гонорию предложение вестготам занять Галлию и Испанию, почти потерянные из-за нашествия вандалов. По-видимому, даже при императорском дворе в Равенне не очень-то знали о реальном положении в далеких провинциях.

---

[22] *Ковалевская В. Б.* Кавказ... С. 86.

[23] *Maenchen-Helfen O. J.* The World of the Huns. Los Angeles; London, 1973. P. 19–22.

[24] *Кузнецов В. А.* Новые исследования по истории западноевропейских алан // Alanica III. Владикавказ, 1995. С. 99.

[25] *Ковалевская В. Б.* Кавказ... С. 88.

[26] Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 64–65, 83–92.

То, что называются обычно вандалы или в крайнем случае еще и аланы[27], но не свевы, говорит о том, что именно вандалы, объединившиеся с аланами еще в Паннонии, возглавляли этот союз. Нам известно имя вандальского короля, начавшего поход на запад: Гондигисел, правивший около 400 г. Он возглавлял вандалов-асдингов. Остальные составные части союза также имели своих королей. Так, вандалов-силингов возглавлял Хрок (*Gregor. Tur.* Hist. Fr. II, 60)[28]. Своих королей имели аланы и свевы. Но, по-видимому, они все признавали авторитет Гондигисела. Когда варварская орда уже подошла ближе к Рейну, на вандалов напали франки. Они уничтожили 20 тысяч вандалов, и в ожесточенном сражении пал сам король Гондигисел. Но уже вышедшие на берег Рейна аланы во главе со своим королем Респендиалом вернулись и, разгромив франков, обеспечили объединенным силам свободный переход через Рейн (*Oros.* VII, 40, 3; *Gregor. Tur.* II, 9). Наследником Гондигисела стал его сын Гундерих. Прокопий (Bel. Vand. I, 3, 23), говоря об этом, подчеркивает, что Гундерих был сыном законной жены своего отца. Возможно, это имело для вандалов определенное значение. Каким образом Гундерих встал во главе вандалов-асдингов, неизвестно. Прокопий отмечает только наследование им власти (diedexato de ten archen). Вполне возможно, что к этому времени королевская власть у вандалов была уже наследственной[29]. Под руководством Гундериха 31 декабря 406 г. вандалы, аланы и свевы перешли Рейн и вторглись в пределы империи. Они грабили и опустошали восточную часть Галлии. Константин сумел отрезать их от Рейна и оттеснить в Аквитанию. Оттуда они в 409 г. вторглись в Испанию.

ГОТЫ. ВЕСТГОТЫ

Все же основным германским народом, овладевшим Испанией, были готы, точнее — их ветвь — вестготы, или визиготы.

Готы происходили из Скандинавии. Позже они перебрались на южное побережье Балтийского моря и, по-видимому, в районе нижней

---

[27] Археологи с трудом нащупывают следы алан в Западной Европе и поэтому иногда вообще считают сведения древних историков об участии алан во вторжениях на Запад мифом. Однако постепенно аланы на Западе начинают проступать и археологически: *Кузнецов В. А.* Аланы на Западе. Археологическая реальность или миф? // Российская археология. 1996. № 4. С. 71–78. Это еще раз доказывает, что нынешнее состояние археологических знаний не может служить доказательством неверности письменных источников.

[28] Это предположение (*Miltner F.* Vandalen. Col. 305), но очень вероятное.

[29] *Дилигенский Г. Г.* Северная Африка в IV–V вв. М., 1961. С. 250.

Вислы жили во времена Тацита и Плиния[30]. Иордан (Get. 25–26), рассказывая о самом раннем переселении готов, говорит, что вышли они с острова Скандзы, т. е. из Скандинавии, которую в древности представляли островом, на трех кораблях. Если принять это сообщение на веру, то речь явно не может идти о целом племени. Поэтому было высказано предположение, что в действительности переправилась на южное побережье Балтики только сравнительно небольшая группа готской аристократии или вообще лишь королевский род Амалов (что нам кажется все же невероятным, о чем будет говориться ниже), которые подчинили местные племена, передав им племенное название готов[31].

Плиний (IV, 99) называет готов (гутонов) частью вандалов, т. е. восточногерманских племен. Тацит (Germ. 44), говоря о готах (готонах), отмечает, что ими правят короли и что эти короли правят жестче, чем у других народов Германии (regnantur paulo iam adductius), хотя и не вполне самовластно. Готское предание сохранило имена многих королей. Так, переселение из Скандинавии на противоположный берег Балтики возглавлял Бериг. Четвертым его преемником был Гадарих, которого Иордан (Get. 121) называет Великим (magnus). Подвиги этого короля, которые оправдывали бы такое прозвание, неизвестны. Его же сын Филимер возглавил переселение готов еще дальше к югу, в Северное Причерноморье, где готы и появились в III в. Сведения Тацита и Иордана показывают, что готская монархия не была лишь сакральным или чисто почетным институтом, но вполне реальным. В этом отношении интересно сообщение Иордана (Get. 26) о начале переселения готов на юг. Филимер принял решение (consilio sedit), чтобы готы двинулись к Скифии. В другом месте (121) указывается, что Филимер имел власть (principatum tenens). То, что писатель подчеркивает, что Филимер был

---

[30] *Kazanski M.* Les Goths. Paris, 1991. P. 10, 18. Это доказывается и лингвистическими данными: *Martnet A.* Le monde germanique et la dispersion des Germains en Europe à la lumière des faits linguistiques // Les invasions barbares et le peuplement d'Europe. Paris, 1953. P. 10.

[31] *Kazanski M.* Les Goths. P. 18. В истории происхождения готов и их переселения на южное побережье Балтийского моря, как она передана Иорданом, смешаны историческая реальность и мифологические предания. Может быть, само упоминание трех кораблей является следом готского этногенетического мифа: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории... С. 133–134. В таком случае упоминание трех кораблей не надо понимать буквально, а видеть в этом указание на трехчастное деление готского народа на ранней стадии его истории. Отзвуком этого сказания является сохранившаяся еще в XIII в. на острове Готланд легенда о выселении двух третей его жителей из-за невозможности прокормиться всему населению: *Alonso-Nuñez J. M.* Jordanes y la emigración y fama de los godos // Memorias de historia antgua. XI/XII — 1990/91. P. 215; *Bodelón S.* Jordanés y la problemática de la Gética // Memorias de historia antigua. XXI/XXII — 2001/01. P. 52. Сходную легенду о начале эмиграции на юг будущих лангобардов передает Павел Диакон (I, 3).

сыном Гадариха, может говорить о том, что уже до переселения в скифские степи короли у готов наследовали власть, а не избирались «по знатности», как у западных германцев. Из этого же пассажа видно, что готское племя состояло как бы из двух частей — войска (exercitus) и семей (familiae). Так что все готы-мужчины, способные держать оружие, составляли войско. Ни о каких дружинах нет речи. Готский король, таким образом, выступает как глава народа и как командующий его ополчением. Конечно, надо иметь в виду, что Иордан писал в то время, когда готы уже переселились на земли Римской империи и королевская власть резко усилилась. Но сам Иордан пишет, что обо всем «вспоминают» (memorantur), т. е. существуют какие-то предания. Это были явно готские предания[32], так что сами готы были уверены в таком наследовании власти.

В конце II или в начале III в. готы под руководством Филимера, двигаясь вдоль рек, переселились в Северное Причерноморье и приблизительно в середине III в. оказались у римских границ[33]. Переселение, зачастую сопровождавшееся столкновениями с различными племенами, а затем многочисленные контакты с Римом, как военные, так и мирные, привели к значительным изменениям в готском обществе. Военная добыча, в том числе появление относительно большого количества пленных, обращаемых в рабов, знакомство с более высокими по качеству и внешнему виду римскими изделиями, торговля с римским миром — все это усиливало имущественную и социальную дифференциацию готского общества. Уже в самом начале готского пребывания в Северном Причерноморье в их среде отмечены не только короли (reges), но меньшие люди (mediocres), а также «благороднейшие и благоразумнейшие мужи» (nobilissimi prudentioresque viri), из числа которых выходили жрецы (*Iord.* Get. 71–72)[34]. Последнее, вероятно, может говорить о выделении знати,

---

[32] *Heather P. J.* Goths and Romans. Oxford, 1992. P. 5–6, 61–67. Тацит (Germ. 2) говорит, что песнопения — единственный вид истории у германцев. Трудно сказать, насколько были распространены такие песнопения в VI в., когда Иордан писал свое произведение, но чрез цепь посредников они явно дошли до него.

[33] *Bierbauer V.* Die Goten vom 1. – 7. Jahrhundert n. Chr.: Siefelgebiete und Wanderbewegungen aufgrund archaologischer Quellen // Peregrinatio Gothica III. Oslo, 1992. P. 22.

[34] Деление на эти две группы Иордан приписывает Дицинею. Между тем Дициней — персонаж дако-гетской истории, и это хорошо вписывается в общее для того времени соединение истории готов и гетов (*Carbó García J. R.* Godos y getas en la historiografía de la Tardoantigüedad y Medievo // SHHA. 2004. Vol. 22. P. 196. Однако приписывание возникновения какого-либо явления тому или иному мифическому или, как в данном случае, чужому персонажу не отменяет существования самого явления. Так что то, что Дициней в реальности не имел отношения к готам, не мешает признанию существования самого деления этого народа на две различные социальные группы.

как светской, так и жреческой. Тацит (Germ. 7) пишет, что германцы выбирают королей из знати (ex nobilitate). У готов, по-видимому, королевская власть уже отделилась от знати.

В связи с этим встает вопрос об Амалах и Балтах, двух королевских родах, которые после распада готов на две ветви — остготов и вестготов — оказались связанными с этими ветвями (*Iord.* Get. 41). Иордан (Get. 79–81) сообщает генеалогию Амалов. Интересно, что родоначальник носил имя не Амала, как это можно было ожидать, а Гапта, а Амал появляется лишь в четвертом поколении как правнук Гапта. Прежде всего надо отметить, что в этой генеалогии нет места ни Беригу, ни Филимеру. Уже поэтому нельзя считать, что переселение из Скандинавии на южное побережье Балтийского моря было делом рода Амалов. Имя Гапт филологи возводят к более древней форме Гаут[35]. Он — лицо явно неисторическое. Может быть, его можно связать с таинственным народом гаутов англо-саксонского эпоса, явно сохранившего воспоминания о континентальной родине англо-саксов, об их жизни сравнительно недалеко от данов[36]. В эпосе гауты отделены от данов морем, и это может напомнить указание Иордана на остров Скандзу, прародину готов. В готландской легенде три брата, из которых двое возглавили выселение с острова и которые были внуками фактического прародителя готландцев Тьялвара, звали Гуте, Грайп и Гуннфьян[37], и их тоже можно связать с Гаптом-Гаутом. Сыном Гапта был Хулмул, чье имя сопоставляется с именем Хумли, предка англов и данов[38], и он тоже без всякого сомнения относится к мифологии. Возможно, что и в англо-саксонском эпосе, и в готландской легенде, и в готских рассказах отразились, хотя и в искаженном виде, какие-то сказания, частично предшествующие, частично современные переселению готов на юг Балтики, и отзвуки этих сказаний сохранились в преданиях готского королевского рода Амалов. В таком случае Гапт-Гаут может восприниматься как мифический родоначальник готов, а помещение родоначальника Амалов в положение его правнука отражает стремление Амалов связать свое происхождение непосредственно с первопредками.

Внука Амала звали Острогота (Ostrogotha). Иордан (Get. 82), ссылаясь на Аблавия, говорит, что Острогота правил над восточными готами, и что либо от его имени, либо от места, которое они занимали, эти вос-

---

[35] *Wolfram H.* Die Germanen. P. 59; *Hofer O.* Abstammungstraditionen // RLGA. Bd. I. S. 25; *Wenskus R.* Amaler // RLGA. Bd. I. S. 247.

[36] *Гуревич А.* Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 9.

[37] *Alonso-Nuñez J. M.* Jordanes y la emigrácion... P. 215–216.

[38] *Wenskus R.* Amaler. S. 247.

точные готы и получили наименование остроготы (остготы, как это принято в отечественной историографии). Само по себе наименование народа или его части по имени предводителя или правящего рода встречается в истории. Уже говорилось о вандалах-асдингах, получивших, вероятно, свое название от имени правящего рода Асдингов. Много позже турки, подобно германцам обрушившиеся на более культурные области Среднего и Ближнего Востока, получили название сельджуков, а часть их еще позже — османов именно по именам их первых властителей[39]. Если это так, то разделение готов на две ветви одного народа (utrıuque eiusdem gentes populi), как пишет Иордан (Get. 98), можно отнести приблизительно к правлению Остроготы, т. е., по расчетам Т. Моммзена, в 218–250 гг. Впрочем, если Острогота какое-то время правил только восточными готами, то затем он возглавил весь готский народ (*Iord.* Get. 98). С Остроготой связаны и первые войны готов с римлянами, и небезуспешные попытки подчинить себе соседние германские племена, хотя это подчинение явно не было прочным и едва ли пережило правление Остроготы.

После смерти Остроготы в рассказе Иордана (Get. 101) появляется Книва, в то время как сыном Остроготы был Хунуил. Книва никак не вписывается в генеалогию Амалов. По словам Иордана, он разделил готское войско на две части и обе их направил на Балканский полуостров. Это позволяет говорить, что под властью Книвы находились только вестготы[40].

Можно было бы думать, что единая готская держава после смерти Отстроготы распалась и под властью Амалов остались только остготы. Но и у остготов больше не отмечается королей из рода Амалов. Иордан и Кассиодор, из которого Иордан, как считается, черпал многие сведения, в том числе о генеалогии Амалов[41], ставили своей целью прославить не только готский народ, но и в особенности этот королевский род. Недаром уже в начале своего труда Иордан (Get. 42) называет Амалов преславными (praeclares), и из этого небольшого пассажа создается впечатление, что остготы всегда служили Амалам, как и вестготы — Балтам. Но в изложении событий, последовавших за смертью Остроготы, Амалы появляются только с приходом к власти Эрменариха (Get. 116), названного историком знатнейшим (nobilissimus) из Амалов. В генеалогии же Амалов Эрменарих — праправнук Остроготы (между ними стоят его

[39] Поэтому утверждение, что Острогота является лишь легендарным эпонимным героем (*Heather P. J.* Goths and Romans. P. 22–23), принять без дополнительных обоснований нельзя.

[40] *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 88.

[41] Там же. С. 42.

прадед Хунуил, дед Атал, отец Агиульф и дядя Одвульф). Трудно себе представить, что если бы в промежутке между Остроготой и Эрманарихом кто-либо из Амалов обладал реальной королевской властью, Иордан упустил бы эти сведения. Более того, рассказывая о морских походах остготов, Иордан (Get. 107), называет не принадлежавших к Амалам Респу, Ведука и Тарвара, которых он, впрочем, именует не королями, а вождями готов (duces Gotorum).

В 332 г. королями (reges) готов были Ариарих и Аорих, которые заключили с императором Константином союз, на основании которого 40 тысяч готов стали федератами империи и участвовали в гражданских войнах внутри нее, а также и во внешних войнах. (*Iord.* Get. 111–112). То, что они не были Амалами, ясно, но были ли они Балтами? К сожалению ответить на этот вопрос невозможно, хотя это и предполагают[42]. Мы также не знаем, идет ли речь о всех готах или о части их. Судя по тому, что эти готы участвовали в войнах на Балканском полуострове, а также каким-то образом принимали участие в основании Константинополя, речь, видимо, шла о готах, живших в районе Дуная в непосредственной близости от имперской границы, т. е. о вестготах. Если речь идет о договоре, о котором сообщают и другие авторы, в котором, в частности, готам разрешалось торговать на Дунае, а это наиболее вероятно, то можно почти с уверенностью говорить, что готы Ариариха и Аориха — вестготы. По условиям договора (*Anon. Vales.* Pars prior, VI, 31) сын короля Ариариха был послан заложником в Константинополь, и предполагают, что это был Аорих[43]. Текст Иордана не дает возможности установить отношения между Ариарихом и Аорихом, но предположение о том, что они были отцом и сыном, не лишено смысла. В то же время сообщение Иордана позволяет думать об одновременном правлении этих королей, ибо, говоря об их преемнике Геберихе, историк отмечает, что тот встал у власти после их кончины (post quorum decessum).

Геберих назван преемником (successor) Ариариха и Аориха. Поэтому едва ли надо полагать, что он возглавлял другую группу готов, нежели те. Также едва ли основательна мысль, что Геберих был остготом (если Ариариха и Аориха считать королями вестготов). По словам Иордана (Get. 112), Геберих отличался доблестью и знатностью (Virtutis et nobilitatis eximius). В связи с этим вспоминается Тацит (Germ 8), писавший, что германцы избирали своих королей по знатности (ex nobilitate), а вождей — по доблести (ex virtute). Геберих, таким образом, объединял в своей

[42] *Wenskus R.* Balthen // RLGA. 1976. Bd. II, 1.
[43] *Буданова В. П.* Готы... С. 117.

фигуре оба требования — знатность и доблесть. Не говорит ли это о том, что перед нами один из первых примеров объединения в одном лице функций старого короля и военного вождя, что дало новое качество монарху?

Геберих принадлежал к роду, уже прославленному (*Iord.* Get. 113), и блеском своих деяний приравнялся к этой славе. Был ли этот род Балтами? Иордан (Get. 113) приводит генеалогию Гебериха: его отец Хильдерит, дед — Овида, прадед — Нидада. Указание на генеалогию явно свидетельствует о высоком происхождении Гебериха. С другой стороны, Иордан (Get. 146) говорит о Балтах как о роде, втором по знатности (secunda nobilitas) после Амалов, отличающимся отвагой и доблестью (audacia virtutis), почему и получил название Балта, т. е. смелого. И это отличает Балтов от Амалов, которые возводили свое название к мифическому предку, как это было обычно у многих народов. Это может означать, что Балты относились к более позднему слою готской аристократии, не принадлежавшему к прямым потомкам выходцев из Скандинавии, и выделились после разделения вестготов и остготов, так что первым прославленным Балтом был прадед Гебериха Нидада. Его сына Овиду часто считают той же фигурой, что и Книва, возглавивший вестготов после смерти Остроготы[44]. Это не невозможно, хотя реальных оснований для такой гипотезы нет. Сейчас важно подчеркнуть, что прямым родственником Ариариха и Аориха Геберих не был. Так что о наследственной монархии у вестготов пока говорить не приходится.

Как обстояли дела у остготов, сказать трудно. Вскоре после смерти Гебериха королем становится Эрманарих (*Iord.* Get. 116). Из слов Иордана как будто можно вывести, что он был наследником Гебериха. Но это едва ли так. Геберих, вероятнее всего, был вестготом и едва ли правил всеми готами, а Эрманарих — остготом. Указание Иордана надо понимать как чисто хронологическое. Эрманарих принадлежал к Амалам (*Iord.* Get. 79) и по существу являлся первым Амалом после Остроготы, недвусмысленно засвидетельствованным в качестве короля. Иордан пишет, что Эрманарих наследовал королевство (in regno successit). Это вполне может означать, что его отец Агиульф тоже был королем. Но странно, что Иордан, столь преклоняющийся перед Амалами, об этом молчит. После смерти Эрманариха королевское достоинство действительно удерживалось в роде Амалов (напр., *Iord.* Get. 246). Но было ли так до прихода к власти этого короля, мы не знаем. Думается все же, что Иордан не преминул бы отметить королевскую власть Амалов, если бы она существовала между Остроготой и Эрманарихом.

---

[44] *Буданова В. П.* Готы... С. 88.

Некоторые выводы можно сделать из титулатуры готских королей. Старым названием короля в готском языке было thiudans, т. е. глава народа (от thiuda — народ). Этот титул сохранился в готском языке и в IV в., как свидетельствует перевод Библии, сделанный Ульфилой и его учениками в этом веке. Но относится он к римским императорам и эллинистическим царям Евангелий, к Христу как царю иудейскому, а также к Богу. Титулом же готских королей в это время является reiks — рикс[45]. Это свидетельствует о том, что сами готы в это время понимали разницу между эллинистическо-римскими государями и своими королями[46]. Старое слово thiudans закрепилось за сакральной сферой[47] и, может быть, сферой отношений с императором, в то время как реальная власть в готском мире принадлежит риксу. Это может говорить об изменении самого содержания готской монархии, выросшей, видимо, не из власти старых королей. В этом отношении важно, что, как уже говорилось, первые известные короли готов, в том числе руководившие их переселениями сначала из Скандинавии, а затем с балтийского побережья и долины Вислы на юг, были не Амалами.

Эрманарих, правивший приблизительно с 350 г., создал огромную державу, охватившую чуть ли не всю Восточную Европу (*Iord.* Get. 116–120)[48]. Разумеется, ее нельзя представлять как какое-то более или менее централизованное государство. Хотя Иордан и пишет, что готский король навязал подчиненным свои законы (sui parere legibus fecit), речь в то время не могла идти о создании какого-то единого законодательства для всех самых разных племен этого огромного пространства. Видимо, власть Эрманариха, как это было при создании подобных держав, хотя и в меньшем масштабе, у германцев, например, у Ариовиста в I в. до н. э., состояла в навязывании уплаты дани и требовании военной помощи в случае необходимости (Caes. B. G. I, 36; 51). И если Ариовист отнимал у побежденных часть земель для поселения там германцев, то у Эрманариха такой необходимости не было, да и подчиненные им племена занимали такие территории, которые готов совершенно не привлекали. Реально власть Эрманариха распространялась, по-видимому, на районы речных

---

[45] *Wolfram H.* Das Reich... S. 42–43; *Jimenez Garnica A. M.* Sobre *rex* y *regnum* // Pyrenae. 2004. N 35, 2. P. 59.

[46] *Шкаренков П. П.* Королевская власть в Остготской Италии по «Variae» Кассиодора. М., 2003. С. 48.

[47] *Diesner H.-J.* The Great Migrations. P. 96.

[48] Существует мнение, что держава Эрманариха в действительности охватывала только Северное Причерноморье: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории... С. 135–136. Но и в таком случае она была довольно обширной. В любом случае эта держава выходила за пределы территорий, населенных самими готами.

долин. Несмотря на скептицизм некоторых ученых, едва ли можно сомневаться в реальности этой державы, подтвержденной археологическими данными, но нельзя и преувеличивать ее мощь, которая в конечном итоге не выдержала гуннского натиска в 70-х гг. IV в. и распалась.

На основании сообщений Иордана можно уверенно говорить, что именно с правления Эрманариха королевская власть у остготов прочно принадлежала роду Амалов. Иордан перечисляет непрерывный ряд королей вплоть до Теодориха и его внука, и все они были Амалами. Правда, относились они не только к ветви Эрманариха, но и к ветви его двоюродного брата Валаварата (хотя сам Валаварат королем не был). Так, после смерти Эрманариха власть перешла к сыну Валаварата Винитарию (*Iord.* Get. 246). Более того, по словам Аммиана Марцеллина (XXXI, 3, 3), когда после гибели короля Витимира (его нет в списке Иордана, и ученые спорят о его идентичности с королем, упомянутым Иорданом) реальная власть оказалась в руках двух регентов Алатея и Сафрака, которые управляли от имени малолетнего короля. Иордан (Get. 134) также пишет об Алатее и Сафраке, а также о вестготском вожде Фритигерне, о котором пойдет речь ниже, что они были приматами и вождями (primates et duces), которые осуществляли власть вместо (vice) королей. Ясно, что у остготов королевское достоинство закрепилось только за Амалами.

Конечно, говорить о наследственной монархии еще не приходится. Само чередование (далеко не регулярное) представителей двух ветвей этого рода у власти говорит об отсутствии наследственного принципа. Только для гораздо более позднего времени, для 475 г., Иордан (Get. 288) приводит сведения, что король Тиудимер назначил наследником своей власти сына Теодориха (Theodoricum filium regni sui designat heredem). И хотя в достоверности этого сообщения сомневаются, полагая, что историк перенес на 475 г. обстоятельства еще более позднего времени (уже после обоснования остготов в Италии), для сомнений нет достаточных оснований, ибо установление наследственной монархии является вполне логичным продолжением создания монархии родовой, и это укрепление королевской власти вполне могло относиться еще ко времени до переселения в Италию.

Надо, однако, отметить, что явно не все остготы стали подданными Амалов. Известна группа остготов во главе с Теодорихом Страбоном, не относившихся к роду Амалов, которая перешла на римскую службу и достигла под властью восточных императоров значительного благополучия, вызвавшего зависть их независимых соплеменников (*Iord.* Get. 270). Но ее можно рассматривать как некую маргинальную группу, не оказавшую большого влияния на историю всего этого племени.

Несколько иное положение сложилось у вестготов. Вестготы (по-видимому, правильнее «везиготы»[49]) выделились в самостоятельную группу, вероятно, в середине III в.[50] Иордан (Get. 82) связывает разделения готов на две ветви с поселением в Северном Причерноморье и с правлением Остроготы[51]. После смерти последнего вестготы действовали уже самостоятельно, возглавляемые Книвой (Get. 101). Для обозначения остготов и вестготов Иордан (Get. 98) употребляет термин gens, а для всей совокупности готов — populus. Исследование применяемой этим историком терминологии, показывает, что он хотя и непоследовательно, использует термин natio для обозначения наиболее мелкой группы, nationes объединяются в gens, а gentes — в populus[52]. Таким образом, вестготы предстают как объединение отдельных небольших племен или родовых групп, являясь в то же время частью более высокого этнического сообщества, которое тот же Иордан (Get. 130) называет societas. События показывают, что вестготы могли действовать самостоятельно, в частности воюя с римлянами, или заключая с ними договоры, или поддерживая торговлю с римским миром, но могли участвовать и в общих готских мероприятиях. В источниках часты упоминания тервингов, визов, везиготов, которые, возможно, какое-то время были отдельными этно-политическими группами, но которые в конце концов отождествляются с вестготами[53], как этот народ традиционно называется в отечественной историографии.

Каковы были отношения между двумя gentes одного готского народа? Иордан (Get. 98) специально подчеркивает, что Остроготе подчинялись обе ветви готов. Видимо, в обычное время такого не было. Недаром после смерти Остроготы вестготы уже выступают самостоятельно (*Iord.* Get. 101). Рассказывая о конце Эрманариха, Иордан (Get. 130) говорит, что вестготы еще до кончины этого государя и даже еще до основного удара гуннов по какому-то своему намерению (quadam inter se intentione)

---

[49] *Буданова В. П.* Готы... С. 168.

[50] *Cabró García J. R.* Godos y getas... P. 186.

[51] В настоящее время среди ученых все более утверждается мысль, что не только вестготы, но и готы вообще до окончательного поселения на территории империи не были народом, обладающим своей национальной идентичностью, но лишь неоднородной массой самых разных этнических и социальных элементов (например, *Guzman Armario F. J.* ¿Germanismo o romanismo? // Anuario de estudios medievales. 2005. Vol. 35, 1. P. 3–23; *Heather P.* Empires and Barbarians. London, 2009. P. 4. Однако это противоречит данным источников и в таком виде принято быть не может. К тому же эта точка зрения далеко не является общепринятой.

[52] *Скржинская Е. Ч.* Комментарий // Иордан. М., 1960. С. 256.

[53] *Wolfram H.* Die Germanen. S. 90. Не исключено, что собственно вестготы появляются уже после гуннского нашествия, но и в этом случае между тервингами и вестготами существует несомненная связь: *Heather P. J.* Goths and Romans. P. 15–17.

отделились от societate готов и ушли на запад. Из этого видно, что, с одной стороны, до своего ухода вестготы были частью готского «сообщества», возглавляемого Эрманарихом, а с другой — что Эрманарих даже в апогее своего могущества никак не мог помешать вестготам отделиться от его державы. Видимо, подчинение вестготов сводилось к простому признанию ими верховной власти Эрманариха без всяких других последствий.

В 364–365 гг. вестготы нападали на Фракию (*Amm.* XXVI, 4, 4; 6, 11), а в 365–366 гг. оказали помощь узурпатору Прокопию (*Amm.* XXVI, 10, 3), что и послужило для восточного императора Валента поводом к началу войны против вестготов (*Amm.* XXVII, 5, 1–2). Трехлетняя война (366–369 гг.) закончилась восстановлением старого договора 332 г. (*Amm.* XXVII, 5, 9), хотя, как кажется, и на более жестких условиях. Встает вопрос, происходили ли все эти события после отделения вестготов от державы Эрманариха или же до этого. В первом случае отделение надо отнести, по-видимому, ко времени незадолго до 364 г., во втором же случае надо признать, что подчиненные верховной власти Эрманариха вестготы не только сохраняли свою социально-политическую структуру, но и практически свободно проводили свою внешнюю и военную политику.

В войне с Валентом вестготов возглавлял Атанарих, которого Аммиан (XXVI, 5, 6) называет могущественнейшим судьей (iudex potentissimus). То, что титул «судья» не оговорка Аммиана, свидетельствует факт, что греческий оратор Фемистий (X, 132) тоже называет Атанариха «судьей» (dikastes). Более того, он сообщает, что сам Атанарих отклонил наименование себя rex (точнее — basileus), когда это слово по отношению к нему пытались употребить римляне. Очень важно, что и Аммиан, и Фемистий были современниками событий. Сократ в своей «Церковной истории» (V, 10) называет Атанариха «предводителем (archegos) готов, а Зосим (IV, 10, 1) упоминает, не называя имени, вождя (hegoumenos), пославшего помощь Прокопию. Судя по тому, что главным противником Валента в войне с готами был Атанарих, можно полагать, что этот вождь был именно Атанарихом. В другом месте (IV, 34, 3) тот же Зосим прямо называет Атанариха архонтом. О самой этой власти можно судить по сообщениям древних авторов, особенно Аммиана Марцеллина. Будучи могущественнейшим судьей, Атанарих возглавлял войско (XXVII, 5, 6), а позже именно он заключил мир с Валентом (XXVII, 5, 9). Когда на вестготов напали гунны, то Атанарих попытался организовать оборону против гуннского нашествия, а после поражения ушел в горы (XXXI, 3, 4–8). В то же время Атанарих был организатором антихристианского гонения (*Socr.* IV, 35; *Epith.* Panar. Haer. 70). Таким образом, он высту-

пает и как военный предводитель, и как руководитель внешней политики, и как человек, осуществляющий внутреннюю политику. Перед нами лицо, облеченное практически полнотой власти.

Известно, что еще в 347–348 гг. у вестготов происходило антихристианское гонение, возглавляемое «безбожным и клятвопреступным судьей готов» (*Auxentius* 72, 21). Вновь перед нами «судья», возглавляющий очень важное внутреннее дело. Это не мог быть тот же Атанарих, так как Атанарих, как будет сказано ниже, пришел к власти много позже. Во всяком случае ясно, что вестготов, по крайней мере после 347 г., возглавлял «судья» (kindins), а не король (reiks)[54].

Аммиан Марцеллин (XXXI, 3, 8) пишет, что когда Атанарих после поражения от гуннов ушел в горы, бóльшая часть готских племен отказалась следовать за ним. После долгого совещания они обратились к Валенту с просьбой разрешить перейти на римскую сторону Дуная. Недовольных Атанарихом возглавил Фритигерн, так что вестготы распались на подвластных Фритигерну и Атанариху (*Socr.* IV, 33). Следовательно, власть вестготского «судьи» была не столь прочной, чтобы он мог навязать свою волю всему народу. Позже Атанарих был изгнан в результате заговора близких (factione proximorum) и бежал в Константинополь к правившему в то время Феодосию (*Amm.* XXVII, 5, 10). Иордан (Get. 145) говорит о войске Атанариха, перешедшего вместе со своим предводителем на службу императору. По-видимому, это была его дружина, оставшаяся ему верной и после его изгнания.

Все это свидетельствует о том, что практически власть Атанариха не отличалась от власти любого другого варварского короля этого времени. И все же королем он не был. Готским словом, которое античные писатели переводили как «судья», могло быть kindins[55]. По поводу готского «судьи» высказываются самые различные гипотезы. Попробуем высказать еще одну. Анонимный «судья» действовал в 347–348 гг., т. е., вероятно, еще тогда, когда вестготами правил король Геберих. Каково было соотношение власти короля и «судьи», неясно. Может быть, за последним было оставлено ведение внутренних дел и особенно тех, что связаны с духовной жизнью племени и судом. Исидор Севильский (Hist. 65) писал, что от начала правления Атанариха до пятого года правления Свинтилы прошло 256 лет, что дает 360 (или 361) г. Близкую дату дает и «Хроника вестготских королей» (1) — 363 или 364 г. Следовательно, Атанарих возглавил свой народ еще в правление Эрманариха и, может быть, пред-

[54] *Jimenez Garnica A. M.* Sobre *rex* y regnum... P. 59.

[55] *Heather P. J.* Goths and Romans. P. 98. В связи с этим английский ученый отмечает, что и бургундские правители в IV в. назывались родственным словом hendinos.

ставлял собой автономную власть вестготов под верховенством общего короля. После отделения от державы в его руках сосредоточилась высшая власть. Но поскольку он не был правильным образом избран или, как полагают, не имел сакральной легитимации, то он остался «судьей», что практически его власть не ограничивало. На Востоке издавна известен этот титул для обозначения высшего магистрата государства (Карфаген), или его части (Мари), или союза племен (евреи до создания монархии), не являвшегося коронованным монархом. Возможно, что восточноримские писатели использовали этот титул и для обозначения власти Атанариха, найдя в ней нечто подобное. Все это не мешает тому, что должность «судьи» могла принадлежать одному роду[56].

Интересен эпизод, рассказанный Иорданом (Get. 174–175) о Беремуде, правнуке Эрманариха, который в начале V в. перебрался к вестготам, к тому времени обосновавшимся в Юго-Западной Галлии. Этот Беремуд скрыл свое происхождение из рода Амалов, так как боялся, что его из-за знатности сочтет опасным соперником вестготский король Теодерид (или Теодорих), ибо, как пишет Иордан, кто бы мог колебаться относительно Амала, если бы был волен избирать? Возможно, что не только остготы, но еще долго и вестготы были уверены, что подлинные короли могут выходить только из рода Амалов. И лишь резкое разделение двух ветвей одного народа (как пишет тот же Иордан) заставило позже вестготов облекать своих предводителей и королевским званием.

В то же время надо отметить, что сами вестготские короли в более позднюю эпоху вели свое начало именно от Атанариха. До исчезновения династии Балтов королевское достоинство у вестготов принадлежало преимущественно (хотя и не всегда) этому роду. Это отразилось и в предании, что вестготы служили Балтам с момента их поселения в Причерноморье (*Iord.* Get. 42). Учитывая стремление вестготских королей возвести начало своей власти именно к Атанариху, можно полагать, что тот принадлежал к этому правящему роду. Орозий (VII, 32, 9; 34, 6) называет Атанариха королем (rex). Он писал на Западе в 10–20 гг. V в., когда вестготы уже обосновались в Юго-Западной Галлии и вторгались в Испанию. Он имел сведения об обстановке при дворе короля Атаульфа из рода Балтов. Видимо, к этому времени представление об Атанарихе как о первом короле вестготов уже утвердилось. В сравнительно поздней (VII в.) «Хронике вестготских королей» Атанарих возглавляет список. Как уже говорилось, власть Атанариха все же не была достаточно сильной. Он явно не был самодержавным государем. Наряду с ним в вест-

[56] *Heather P. A.* Op. cit. P. 98–99.

готском обществе существовали аристократы (primates) и вожди (duces), каковым был Фритигерн (*Iord.* Get. 134). Аммиан Марцеллин (XXXI, 3, 8) пишет, что вестготы, отколовшиеся от Атанариха, после продолжительных совещаний (diu deliberans) решили переселиться в римскую Фракию. Иордан (Get. 134), говоря, правда, о несколько более позднем времени, уже после переселения на римскую территорию, сообщает, что к римским властям обратились primates и вожди. Видимо, и решение о переселении принимали они же. Так что, как кажется, реальная власть у вестготов в 70-х гг. IV в. принадлежала не всей совокупности вооруженного народа (хотя его собрания происходили и много позже), а верхушке общества в лице аристократов и вождей или судей. Вокруг глав вестготского общества группировались «близкие» (proximi), явившиеся зародышем будущей придворной аристократии.

В IV в. готы, в том числе вестготы, жили общинами, которые в готском переводе Библии именовались haims или weihs. Местожительством такой общины была слабо укрепленная деревня, окруженная только частоколом[57]. Хотя на готской территории, в том числе в бывшей римской Дакии, сохранились некоторые города, они явно принадлежали не вестготам. Еще долго вестготы, как и другие германцы, будут бояться городов и предпочитать жить вне их. Готские поселения были довольно большими и состояли из отдельных «сельскохозяйственных единиц», каждая из которых была резиденцией большой патриархальной семьи. Общинники обладали чувством определенной солидарности не только перед лицом врага, но и перед лицом властей, как это видно из «Мученичества св. Саввы»[58]. Из него же видно, что имущественного и социального единства в вестготской общине уже не существовало. В ней выделялись богатые и бедные, и первым практически принадлежала местная власть. Их совет решал основные вопросы жизни общины.

На развитие вестготов огромное влияние оказали римляне. Этому способствовали долгие контакты с римским миром, как военные, так и мирные. Римляне способствовали развитию торговли, и вскоре готы стали так активно торговать на Дунае, что вызвали недовольство их римских конкурентов: недаром Фемистий (Or. 10, 132) так радовался ограничению готской торговли только двумя местами, как это было установлено договором 369 г. (вместо неограниченной торговли, предусмотренной договором 332 г.). Римская блокада во время войны 366–369 гг. поставила вестготов на грань голода и заставила их просить мира

[57] *Tritle L.* Ammianus Marcellinus and the Historical Geography of the Balcans // Balcan Studies. 1997. Vol. 38, No 1. P. 17.

[58] *Корсунский А. Р.* О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. С. 59–60.

(*Amm.* XXVII, 5, 7). Это не означает отсутствия у вестготов земледелия, животноводства, ремесла (все это у них существовало[59]), но подчеркивает их вовлеченность в экономическую систему позднеримского Средиземноморья.

Ярким проявлением римского влияния является распространение христианства. Разумеется, само распространение отвечало внутреннему развитию вестготского общества, как социальному, так и духовному, но толчок к нему дали контакты с Римской империей, и само христианство долго рассматривалось как проявление «романства». Когда после войны с Валентом Атанарих развернул антихристианские гонения, причиной их была, по Эвнапию (fr. 70), его ненависть ко всему римскому. Следствием и непосредственной причиной гонений явилось, по-видимому, стремление Атанариха и стоявших за ним правивших кругов готского общества восстановить внутреннее единство вестготов после поражения от римлян[60]. Но распространяться христианство стало много раньше. Уже в ходе готских набегов на римские земли у них стали появляться христианские пленники, которые могли начать свою проповедь[61]. В Никейском соборе 325 г. участвовал готский епископ Теофил, но его подопечными были, видимо, те готы, которые служили в римской армии или, в крайнем случае, жили на самой дунайской границе[62]. В 341 г. специально для этого был поставлен епископом Ульфила, который родился в стране готов севернее Дуная и хорошо знал готский язык. Его деятельность была довольно успешна. Для облегчения христианизации готов Ульфила начал переводить Библию на готский язык, для чего он изобрел специальные буквы, взяв в качестве образца греческие[63]. И в конце 40-х гг. в Готии развернулось первое антихристианское гонение, вынудившее Ульфилу вместе со своими последователями бежать на римскую территорию, где возникла община «малых готов», существовавшая еще в VI в. и отличавшаяся верностью императорам[64]. Это преследование не остановило христианизацию вестготов, и к 70-м гг. того же IV в. их было уже довольно много, хотя ни абсолютное, ни от-

---

[59] *Корсунский А. Р.* О социальном строе... С. 56–58.

[60] *Schwarcz A.* Die Westgoten und das Imperium im 4. Jahrhundert // Los Visigodos. P. 20–21; *Wolfram H.* Die Germanen. S. 82.

[61] *Gschwanter O.* Bekehrung und Bekehrungsgeschichte // RLGA. Bd. II. S. 175.

[62] *Diesner H.-J.* The Great Migrations. P. 96; *Demandt A.* Die Spätantike. München, 1989. S. 89. Существует мнение, что это были готы, жившие в Крыму: *Gschwanter O.* Op. cit. S. 175–176.

[63] *Lippold A.* Ulfila // Kleine Pauly. 1979. Bd. V. Col. 1039–1040; *Demandt A.* Die Spätantike. S. 89–90; *Dannenbauer H.* Die Entstehung Europras. Bd. I. Stuttgart, 1959. S. 193.

[64] *Kazanski M.* Les Goths. P. 116–118.

носительное число их установить невозможно. Можно лишь заметить, что верхний слой готского общества оставался языческим, видимо, дольше, чем его низшие слои[65].

В это время христианство становится уже политической проблемой. Отношение к религии стало и отношением к империи. Атанарих развернул антихристианское гонение, а его противники во главе с Фритигерном, даже если они еще были язычниками, согласились стать христианами и одновременно просили разрешения переселиться на земли империи (*Iord.* Get. 131–132). Ульфила был арианином, арианином был и император Валент. Это способствовало распространению христианства у вестготов, а от них и у остготов, в арианской форме[66]. Становившаяся вестготская христианская церковь была арианской и использовала в богослужении готский язык[67].

После неудачи защиты от гуннов меньшая часть вестготов во главе с Атанарихом пыталась укрыться в горах, вытеснив оттуда сарматов. Остальные же во главе с Фритигерном и Алавивом с согласия императора осенью 376 г. перешли Дунай (*Amm.* XXXI, 4, 8–9; *Iord.* Get. 133). Позже изгнанный своими proximi Атанарих тоже был вынужден со своей дружиной уйти на римскую территорию и прибыть в Константинополь, где очень скоро умер. Еще до прибытия Атанариха к вестготам присоединилась и часть остготов, которая во главе с Алатеем и Сафаком тоже отказалась подчиниться гуннам и переселилась вместе с вестготами на римский берег Дуная. Но уже в начале 377 г. готы восстали против произвола римских властей. К ним присоединились рабы, которые, вероятно, сами были по своему происхождению германцами, а также часть крестьян и горняков из соседних рудников[68], и все они грабили Фракию[69]. 9 августа 378 г. около Адрианополя вестготы разгромили римскую армию и убили самого императора Валента. Впервые после гражданских войн III в. римский император был убит в бою[70]. Хотя попытки вестготов захватить Адрианополь и даже Константинополь не удались, они чувствовали себя победителями и опустошали почти весь Балканский полуостров. Наконец, 3 октября 382 г. новый восточный император Феодосий, используя и силу оружия, и хитроумную дипломатию, и искусное про-

---

[65] *Wolfram H.* Die Germanen. S. 82; Die Germanen. Berlin, 1983. Bd. II. S. 281.

[66] Вероятнее всего, арианство стало «готской верой» в 70-х гг. IV в., когда вестготы перешли Дунай в поисках спасения от гуннов: *Rousseau Ph.* Visigothic Migration and Settlement, 376–418 // Historia. 1992. Vol. 41, 3. P. 347–348.

[67] *Duwel K.* Arianische Kirche // RLGA. Bd. I. S. 402.

[68] *Guzman Armario F. J.* Op. cit. P. 19.

[69] *Dannenbauer H.* Die Entstehung Europas. P. 195.

[70] *Le Glay M.* Grandeza y caida... P. 398.

тивопоставление одних готов другим, заключил с вестготами договор, по условиям которого те были поселены во Фракии и на правобережье нижнего Дуная в качестве федератов, причем по форме это было представлено как возобновление старого договора, заключенного с готами еще Константином. В реальности договоры между готами и империей, заключаемые в 375–382 гг., стали новым этапом в развитии договорных отношений между этими силами и стали в значительной степени прообразами последующих подобных соглашений[71], в том числе и с вестготами. С того времени, как пишет Иордан (Get. 138), вестготы владели этими странами, как собственной землей (tamquam solum genitalem)[72].

Обстоятельства заключения этого договора и его детали очень неясны[73]. Орозий (VII, 34, 6) пишет, что договор был заключен с вестготским королем Атанарихом, а после смерти короля все племена готов (universa Gothorum gentes) признали власть императора Феодосия. Орозий писал это на Западе и многих деталей восточных событий не знал. Он называет Атанариха королем (rex), в то время как тот им не был. К тому же к моменту заключения договора Атанариха уже не было в живых. Фритигерн к этому времени тоже сошел со сцены, он более совсем не упоминается[74]. Иордан (142), который тоже называет Атанариха королем, говорит, что он наследовал Фритигерну. Может быть, после смерти Фритигерна все вестготы, вновь объединившись, признали власть Атанариха? Но в любом случае договор был заключен уже после смерти последнего. По словами Иордана (145), только войско Атанариха осталось на службе императора, возобновив войско федератов (militia... foederatorum renovata), и именно с этого времени сами готы стали называться федератами.

Если верить Исидору Севильскому (Hist. Goth. 12) и официозной «Хронике вестготских королей» (2), непосредственным преемником Атанариха был Аларих. Следовательно, партнером Феодосия по договору должен был быть именно он. Однако принято, что Аларих был избран главой вестготов около 390 или 391 г.[75], т. е. приблизительно через девять или десять лет после смерти Атанариха. Одним словом,

---

[71] *Коростелин В. А.* Договорные отношения Позднеримской империи с варварами // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 44–45.

[72] *Heather P. J.* Goths and Romans. P. 158–165.

[73] *Perez Prendes J. M.* Rasgos de afirmacion de la itentidad visigotica desde Atanarico // Los Visigodos. P. 37.

[74] *Roussaeau Ph.* Visigotic Migration... P. 351.

[75] *Lippold A.* Alaricus // Kleine Pauly. 1979. Bd. I. Col. 229; *Brandt H.* L'epoca tardoantica. Bologna, 2005. P. 66; *Schmander M.* Zur Brennenpunkt der Geschehens: Germanische Völker an der Donau // Die Völkerwanderung. Stuttgart, 2005. S. 42.

источники не дают нам возможности установить детали политической истории вестготов между смертью Атанариха в 381 г. и избранием Алариха в 390. Можно лишь говорить, что последующая вестготская традиция устанавливала прямую связь между Атанарихом и Аларихом, что, вероятнее всего, можно объяснить принадлежностью обоих к роду Балтов и стремлением утвердить мысль о связи королевского достоинства с этим родом. Впрочем, стоит еще вопрос и в том, был ли Аларих королем.

Титул короля в связи с Аларихом появляется у римских авторов, писавших уже после обоснования вестготов в Галлии и созданием там своего государства[76]. Те же авторы, которые имели дело с вестготами в восточной части империи, избегают так именовать Алариха. У них он выступает или как филарх, т. е. глава племени (*Olymp.* fr. 3), или как вождь — hegoumenos, dux (*Sozom.* VIII, 25; *Ruf.* Hist. eccl. praef.).

Вероятнее всего, королем (по крайней мере, с самого начала) он все же не был и оставался лишь военным предводителем[77]. Во всяком случае принимать важнейшие решения самостоятельно он не мог. Как рассказывает Иордан (Get. 147), Аларих вскоре после своего прихода к власти держал совет со своими (cum suis deliberans), прежде чем принять важное решение о новом выступлении против римлян. Кто такие эти sui? Учитывая, что и раньше важнейшие решения принимали primates и duces, можно полагать, что и в данном случае речь идет о высшем слое вестготского общества. По-видимому, это все же произошло не в 390 г., когда Аларих стал во главе вестготов, а позже, ибо еще в 394 г. вестготы помогли Феодосию разгромить западного императора Евгения (*Iord.* Get. 145). Но после смерти Феодосия, когда между правителями западной и восточной частей империи Стилихоном и Руфином началась вражда, приведшая в конечном итоге к полному расколу государства на две части, Аларих и его советники решили, что наступил час решительного выступления. Их целью было приобрести достаточно продовольствия, а главное — подходящую, как им представлялось, землю для окончательного поселения[78].

Вестготы, к которым присоединились и некоторые другие враги римлян, восстали против константинопольского правительства. Они вновь опустошили Фракию и двинулись на Константинополь. В его окрестностях вестготы сожгли имения, принадлежавшие Руфину. И тогда фак-

---

[76] Существует точка зрения, что термин rex появился у латинских авторов в результате ошибочной фонетической транскрипции германского reiks (*Jimenez Garnica A. M.* Sobre *rex* y *regnum*... P. 59). Но думается, что это наименование скорее отражает новую стадию политического развития германцев.

[77] *Valverde M. R.* De Atanarico a Valia // SHHA. 1994. Vol. XII. P. 149.

[78] *Rousseau Ph.* Visigotic Migration... P. 356.

тический правитель Восточной Римской империи пошел на переговоры с варварами. Он сам явился в их лагерь и подкупил Алариха, уговорив его при этом двинуться в Грецию (*Iord.* Rom. 319). И Аларих увел своих воинов на юг, опустошая Грецию, Македонию, Фессалию, разрушая афинскую гавань Пирей (сами Афины Аларих, по-видимому, взять не смог[79]), Коринф, Аргос. Возможно, Аларих хотел поселить свой народ в благодатной Греции. Стилихон, фактически правивший Западной Римской империей, собрал армию, чтобы выступить против Алариха и даже как будто бы разбил войско вестготов. Но тут в дело вмешалась константинопольская дипломатия, которой был невыгоден успех Стилихона. Евтропий, который к тому времени сменил Руфина в качестве наиболее влиятельного восточноримского политика, убедил императора Аркадия приказать Стилихону вернуться. В Константинополе в это время находились жена и ребенок Стилихона, поэтому тот не решился противоречить восточному императору. Он от имени западного императора Гонория заключил с Аларихом договор, по которому тот обязался не переходить границы территории, подвластной Гонорию. А Аркадий в 397 г. пожаловал Алариху титул командующего войсками в Иллирии на восточном побережье Адриатического моря (magister militum in Illiricum) (*Claud.* Bel. Got. 535–539). Аларих с удовольствием принял этот титул, который давал ему легальное право властвовать над частью римской территории, в также возвышал его и в глазах соплеменников, и вестготы осели в Иллирике. Здесь явно обосновались не только воины, которые отныне получали и жалование, и обмундирование от восточноримского правительства, но и все племя. Поселение в Иллирике и получение вестготским предводителем официального имперского титула стало чрезвычайно важным этапом формирования вестготской монархии.

В 401 г. группа различных варварских племен под командованием Радагайса, к которому присоединилась и часть вестготов, видимо, недовольных Аларихом (*Isid.* Hist. 15), вторглась в альпийские провинции Норик и Рецию. Стилихону пришлось собрать все силы, чтобы отбить это нападение. Этим воспользовался Аларих, чтобы в том же году вторгнуться непосредственно в Италию. Взяв несколько городов, жители которых часто сами открывали ворота, вестготы двинулись к Милану, где тогда находились западноримский император, двор и правительство. Взять Милан Аларих не смог и начал осаду. Стилихон, сражавшийся в это время с Радагайсом, часть своего войска направил все же против

[79] Хотя существует мнение, что Афины тоже были захвачены Аларихом: *Dannenbauer H.* Die Enstehung Europas. P. 199.

Алариха и заставил того в феврале 402 г. снять осаду с Милана. А вскоре в жестокой битве вся армия Стилихона одержала победу, и Аларих через некоторое время был вынужден уйти из Италии. В ходе этой битвы римляне захватили вестготский лагерь, и среди пленных оказалась семья Алариха. Это явно свидетельствует о том, что во вторжении принимали участие не только воины, но и все племя. В следующем году Аларих попытался повторить вторжение в Италию, но был разбит и снова ушел в Иллирик. В это время под страхом готского нашествия правительство и двор Западной Римской империи переехали из Милана в более защищенную Равенну[80].

Новое нашествие вестготов на Италию произошло в 408 г. Аларих потребовал от западноримского правительства 4000 фунтов золота. Стилихон, не имея сил для надлежащего отпора, пошел на это. Кроме того, Аларих был официально принят на службу к императору Гонорию, и вестготы, таким образом, стали федератами Западной империи. В качестве таковых они теперь не ушли в Иллирик, а поселились к северу от Италии, в Норике, откуда было легко угрожать самой Италии. И скоро для этого нашелся повод. В том же 408 г. Стилихон был свергнут и казнен. А после этого начались массовые убийства варваров, находившихся на римской службе, которых подозревали в тайном сговоре с нападающими германцами. И многие варварские воины в страхе бежали к Алариху (*Zos.* V, 35, 6). Аларих же, боясь, что после казни Стилихона равеннское правительство не будет выполнять условия недавно заключенного договора, возобновил военные действия.

Вестготы под руководством Алариха двинулись непосредственно на Рим. Хотя этот город реально уже не был столицей, его психологическое значение было велико. Взять город штурмом вестготы не могли, и Аларих начал осаду Рима. Измученные голодом римляне пошли на переговоры. Получив большой выкуп, в том числе 5000 фунтов золота и 30 000 фунтов серебра, Аларих увел вестготов несколько к северу, где к нему присоединились некоторые рабы из числе германцев, бежавшие от своих господ. Это увеличило войско Алариха до 40 тысяч воинов. Видимо, общее число вестготов в это время превышало 100 тысяч.

Еще до своего нападения на Рим Аларих призвал себе на помощь своего шурина, Атаульфа, который в то время находился в Паннонии. Это говорит о том, что не все вестготы находились под непосредственной властью Алариха. Кроме того, существовала группа вестготов, которыми командовал Сар, враг и соперник Алариха. В то время как Аларих с переменным успехом воевал с римлянами, Сар верно служил им. Но боль-

[80] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 160–166; *Heather P. J.* Goths and Romans. P. 208–213.

шинство вестготов все же признавало своим вождем именно Алариха. Аларих, с которым начали переговоры, сначала потребовал несколько провинций, но затем согласился только на Норик. Кроме того, его и армию должны были вновь признать федератами и оплачивать эту службу деньгами и зерном. Говоря о переговорах Алариха с западноримским правительством, Орозий (VII, 38, 2) говорит не только об Аларихе, но и обо всем племени готов (Alaricum cunctamque Gothorum gentem). Это может означать, что по крайней мере официальными партнерами римлян считались весь народ и его предводитель. Видимо, заключать подобные договоры один Аларих не мог, даже если участие народа было всего лишь данью традиции, а не реальным. Забегая вперед, можно сказать, что когда тот же Орозий (VII, 43, 12) говорит о заключении мира с вестготским королем Валией в 418 г., он уже племя готов не упоминает. Если верить Иордану (Get. 152), Аларих просил Гонория позволить готам поселиться в Италии, чтобы они жили вместе с римским народом и жили так, чтобы можно было поверить, что они составляют одно целое (cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit). Известно, что подобную программу слияния, насколько возможно, готов и римлян выдвинул остготский король Теодорих после захвата Италии. Иордан преклонялся перед этим королем, так что возможно, что он перенес программу Теодориха на Алариха. Но нельзя исключить, что уже вестготский вождь каким-то образом планировал сосуществование с побежденными римлянами.

Переговоры все же, как кажется, ничем не кончились, и в конце 409 г. Аларих снова пошел на Рим. После очередной осады римляне направили к нему послов для переговоров. Аларих предложил им избрать нового императора вместо Гонория и, видимо, сам предложил кандидатуру — префекта города Аттала Приска, который и стал императором. Аттал же тотчас объявил Алариха командующим всеми пехотными силами империи (magiser peditum), что делало Алариха почти полновластным распорядителем государства. Но равеннское правительство не признало этого выбора, и в следующем году Аттал Приск был свергнут. Узнав об этом, Аларих в третий раз оказался под стенами Рима. И 24 августа 410 г. ему были открыты городские ворота (*Soz.* IX, 6; 9–10; *Oros.* VII, 39–40)[81]. Впервые за последние 800 лет внешние враги победоносно вошли в Рим. Психологическое значение этого события было огромно. И победителями оказались вестготы.

Как уже говорилось, вестготы не любили городов и не знали, что в них делать. Поэтому после трехдневного грабежа они оставили Рим. Сам

[81] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 174–184; *Heather P. J.* Goths and Romans. P. 213–218.

Аларих решил двинуться на юг и переправиться оттуда на Сицилию, а затем в Африку, чтобы поселиться в более благодатных, как ему казалось, местах. С собой вестготы везли награбленные богатства и вели множество пленных, среди которых были неудачливый император Аттал Приск и сестра Гонория Галла Плацидия. Но планам Алариха было не суждено сбыться. Попытка переправиться на Сицилию кончилась катастрофой, и потрясенный этой неудачей Аларих умер (*Iord.* Get. 157). Он был торжественно похоронен на дне реки Бузент, причем все пленники, копавшие эту могилу, были уничтожены.

Преемником Алариха стал его шурин Атаульф. Иордан (Get. 158) говорит, что ему передали королевство вестготов (regnum Vesegothorum... tradent). Орозий (VII, 43, 2) просто упоминает, что во время вторжения в Галлию во главе вестготов стоял король Атаульф. Известно, что Аларих имел внука Теодориха, который позже стал королем вестготов (*Sidon. Carm.* VII, 505). Возможно, что твердый наследственный принцип все-таки у вестготов еще не существовал. По Иордану, власть передали Атаульфу, поскольку он, будучи кровным родственником (consanguineus) Алариха, он был еще и человеком, выдающимся телом и умом (conspicuus forma mentemque), да к тому же похожим на покойного вождя красотой тела и благообразием лица. Характерен и глагол trado — передавать. Атаульф не наследовал власть Алариха, эта власть ему была передана. К сожалению, готский историк не говорит, кто передал власть Атаульфу, и поэтому мы не знаем, какова была роль совета аристократов или всего вооруженного народа в этом акте. Но даже если официально народ и играл какую-либо роль, фактически она была очень небольшой.

Атаульф изменил планы Алариха. Он провернул вестготов на север, вновь взял Рим и основательно пограбил его, а затем двинулся к Альпам. В это время в Южной Галлии создалась довольно сложная обстановка. В этой стране боролись варвары, узурпаторы, войска и командиры, оставшиеся верными Гонорию (*Zos.* VI, 2–3; *Olymp.* fr. 12)[82]. Атаульф решил воспользоваться всеми этими сложностями и обосноваться в этой богатой стране. Возможно, что и Гонорий надеялся использовать вестготов как своих союзников в борьбе против врагов в Галлии[83]. Вестготы перешли Альпы и вскоре заняли южную часть Галлии. К этому времени, как об этом будет сказано в следующей главе, полководец Гонория Констанций разгромил Константина и восстановил власть Равенны в Галлии. Но вскоре в восточной части этой страны при активной под-

[82] *Chastagnol A.* La fin... P. 25–27.

[83] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 73.

держке бургундов, которые вслед за вандалами, свевами и аланами перешли Рейн, и части аланов императором был провозглашен знатный галло-римлянин Иовин. Атаульф сначала решил оказать поддержку Иовину, явно надеясь получить от него столь желанное официальное разрешение поселиться вестготам в Галлии, причем инициатором такого решения Атаульфа стал недавний неудачливый император Аттал, который так и остался среди вестготов. Довольно скоро Атаульф, однако, разочаровался в своем решении. Бургунды и аланы явно видели в вестготах своих соперников. Возможно, под их влиянием Иовин назначил соправителем своего брата Себастиана, и это ясно показало Атаульфу тщетность его надежд на помощь Иовина. Он выступил против узурпатора. Иовин и Себастиан были им убиты (*Olymp.* fr. 17–19). Это укрепило положение Атаульфа и его воинов в Южной Галлии. Там в доме знатного римлянина Ингения в Нарбонне 1 января 414 г. состоялась свадьба Атаульфа и Галлы Плацидии. Жених был одет в римские одежды, а невеста — в одеяние императрицы. Активную роль в свадебной церемонии играл все тот же Аттал (*Oimp.* fr. 24). И это было очень важным знаком.

Со слов нарбоннца, очень близкого к Атаульфу (вероятнее всего, того же Ингения), Орозий (VII, 43, 4–7) говорит, что Атаульф хотел полностью уничтожить римский народ и его власть (oblitterato Romano nomine), чтобы на всей римской территории существовала только Готская империя (Romanum omne solum Gothorum imperium), дабы то, что было Романией, стало называться Готией (Gothia quod Romanis fuisset), а сам Атаульф стал бы тем, кем прежде был Цезарь Август (fieret nunc Athaulfus quod quondam Caesar Augustus). Но, продолжает нарбоннец передавать слова Атаульфа, поскольку он на большом опыте убедился, что готы из-за своего необузданного варварства никаким образом не способны подчиняться законам (multa experientia probavisset neque Gothos ullo modo parere legibus posse), а без законов государство — не государство, он, Атаульф, стал искать себе славу не в уничтожении, а в восстановлении и увеличении римского народа (или римского могущества — Romano nomine) силами готов, чтобы у потомков он стал создателем римского возрождения (Romanae restitutionis auctor); и он стал воздерживаться от войны и стремиться к миру. Далее Орозий говорит о влиянии на Атаульфа его жены Галлы Плацидии. Такое продолжение изложения мыслей Атаульфа вполне может говорить о возникновении самих этих мыслей под воздействием его римской супруги.

Перед нами целая программа действий Атаульфа. Он ясно понял, что создать Готию, которая заменила бы Римскую империю, в условиях распада готского народа на две, по крайней мере, группы практически

невозможно[84]. И это требует изменения вектора политики готского короля. Вражда к Риму сменяется честолюбивым стремлением восстановить былое величие Рима, но уже под своей властью. И его переодевание в римскую одежду во время свадьбы является видимым знаком этого стремления. Характерно, что Атаульф при этом желает сравниться с Августом, явившись, таким образом, основателем новой империи. Можно, следовательно, говорить, что при Атаульфе произошел переворот в готско-римских отношениях — от конфронтации к сотрудничеству, но при первенстве именно готов, так как Атаульф собирается восстановить былое величие Рима именно готскими силами. Однако при этом новая империя должна все же базироваться на римской правовой основе, ибо у готов, как полагает Атаульф, вовсе нет законов. Это, разумеется, не означает отсутствия у вестготов всякого правового регулирования. Но это было обычное право, отличающееся от римского и соответствующее родо-племенному, а не государственному состоянию общества. Оно не было никак зафиксировано, хотя, судя по переводу Библии Ульфилой, грамотность среди готов уже была распространена. Именно отсутствие писанных законов, как кажется, и было причиной варварства готов, по мысли Атаульфа. Новая империя должна, таким образом, основываться на римских законах, но власть в ней принадлежать готам, ибо их силами эта империя будет восстановлена. По существу, это программа готско-римского политико-юридического синтеза, позже действительно осуществленного, хотя путь к этому синтезу оказался много дольше, чем мог предполагать Атаульф.

Вестготы, поселившиеся в Галлии, встали перед проблемой взаимоотношений с местным населением, которое много превосходило его и по численности, и по образованности, и по социальному развитию. Необходимо было выработать определенные нормы этих взаимоотношений. Сначала Атаульф склонился к уже опробованному варианту: снова объявил императором Аттала (*Oros.* VII, 42, 7), который, в свою очередь, «назначил» Атаульфа командующим армией (magister militum)[85]. Этот пост давал Атаульфу юридически безупречное право распоряжаться в Галлии. Трудно сказать, воздействовал ли как-либо этот акт на местное население. Но во всяком случае он осложнял отношения Атаульфа и вестготов с Равенной. А положение было таково, что сотрудничество с ней становилось для Атаульфа все более необходимым, ибо вестготы во все большей степени испытывали затруднения с продовольствием. И главной задачей Атаульфа стала необходимость добиться

[84] *Bertolini O.* «Gothia» e «Romania» // I Goti in Occidente. Spoleto, 1956. P. 17.
[85] *Heather P. A.* Goths and Romans. P. 220.

поставок продовольствия от императорского правительства в Равенне. В конце концов он был готов даже вернуть в Равенну Плацидию в обмен на определенное количество хлеба (это предложение было сделано еще до свадьбы), но мятеж римского наместника Африки Гераклиана не давал Гонорию возможности (если он действительно хотел добиться соглашения с Атаульфом) выполнить это требование. И тогда Атаульф перешел к более решительным действиям. Он попытался захватить Массалию (Марсель), но был отбит. Зато вестготы захватили некоторые другие города Южной Галлии. После этого, видимо, и была сыграна свадьба Атаульфа с Плацидией. И тогда перед готским предводителем прежде всего встал вопрос о его собственной роли. Поскольку вестготы уже дважды захватывали «главу мира» (caput mundi) Рим, то Атаульф мог законно, с его точки зрения, считать себя наследником римских императоров. Правда, в Равенне сидел на троне Гонорий, а в Константинополе — его племянник Феодосий II, но после его свадьбы с Галлой Плацидией они становились его родственниками[86], так что в мысли варварского вождя вполне мог возникнуть план своеобразного властного триумвирата при решающей роли его самого. В таком случае перед местным галло-римским населением Атаульф представал бы как законный правитель, равный, по меньше мере, правящим императорам. И когда Плацидия родила сына, он назвал его гордым именем Феодосий.

Но как быть с готами? Хотя готы, как уже говорилось, понимали разницу между императором (thiudans) и своим королем (риксом), по мере своих побед они могли все более уменьшать в собственном сознании эту разницу и воспринимать своего короля если и не полностью равным императору по положению, то вполне равным, если не превосходящим, по реальной власти[87]. Правда, королевское достоинство было закреплено за остготским родом Амалов, но, как пишет Иордан, резкое разделение двух ветвей некогда единого народа заставило вестготов и своих вождей облекать королевским достоинством. Такое резкое разделение можно отнести именно ко времени Атаульфа. Остготы, к тому же подчиненные гуннам, остались далеко на востоке, а вестготы поселились почти на самом западе римского мира. Это все, как кажется, и стало основанием принятия Атаульфом титула короля. И решающим шагом в этом направлении явилась его свадьба с Галлой Плацидией; недаром она была одета в одежды императрицы. Произошло ли это в новогодний

[86] Иордан (Get. 160) именно родственными чувствами Атаульфа объясняет то, что тот не тронул Гонория на своем пути из Рима в Галлию. Иордан считает, что в это время Атаульф уже женился на Галле Плацидии, хотя в данном случае он явно ошибается.

[87] Ср.: *Шкаренков П. П.* Королевская власть... С. 47–49.

день 415 г., или несколько раньше, неизвестно. Можно только говорить, что именно с 413–414 гг. ведет свое начало вестготская монархия.

Женитьба Атаульфа на Галле Плацидии показала Гонорию, что вестготский король решил любыми средствами добиться своей цели. С другой стороны, Гонорий решил, что его положение настолько укрепилось, что он может силой справиться с вестготами. И он направил против вестготов армию во главе с тем же Констанцием, который недавно, разгромив Константина, восстановил власть Равенны в Галлии, чтобы вновь вернуть себе Галлию, теперь уже отняв ее южную часть от вестготов. Римляне даже сумели отбить у них некоторые города, включая Нарбонн. А главное, в результате морской блокады, навязанной Констанцием, вестготы были отрезанны от поставок продовольствия. И тогда Атаульф решил покинуть Галлию и перейти в Испанию (*Oros.* VII, 43, 1). Аттал, ставший теперь ему не нужным, был вновь лишен пурпура. Сначала он вместе с вестготами оказался в Испании, но вскоре, брошенный ими на произвол судьбы, попытался было бежать в Африку, однако его корабль был перехвачен, и он был пленником привезен в Равенну (*Oros.* VII, 42, 9). А вестготы впервые оказались на испанской земле.

Глава III

ВАРВАРСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ

НАЧАЛО ВАРВАРСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

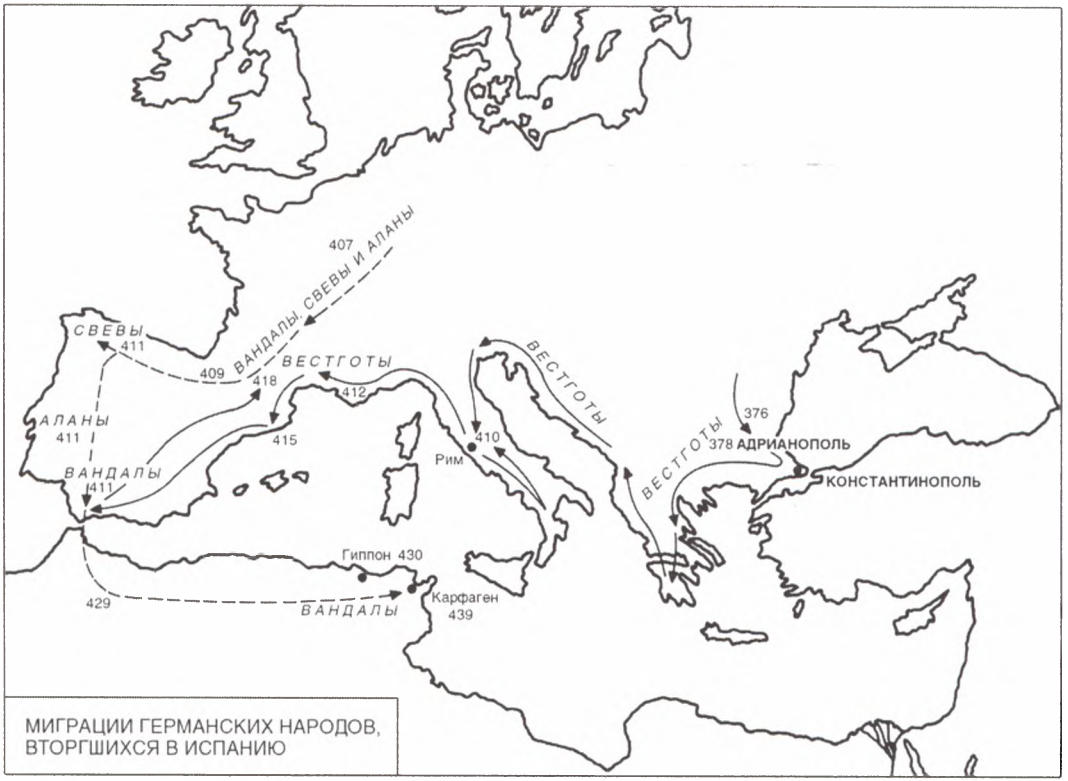
Как говорилось в предыдущей главе, в последний день 406 г. союз вандалов, свевов и аланов перешел Рейн. Регулярных римских войск там уже практически не было. Франки, бывшие федератами империи, пытались задержать вандалов и их союзников еще на правом берегу Рейна. В ожесточенном сражении они уничтожили большое количество вандалов и даже убили их короля Годегизела. Но на помощь вандалам пришли аланы во главе с их главой Респендиалом, и франки потерпели поражение (*Greg. Tur.* II, 9). После этого никаких препятствий для варварского вторжения в Галлию не оставалось. Варвары сначала опустошили восточную часть Галлии, а затем обрушились на ее юго-западную часть, выйдя к Пиренеям[1]. Захвативший Галлию Константин сумел восстановить границу по Рейну и не дать возможности новым варварам перейти из Германии в Галлию.

В Испании в это время шла борьба между Константом и Геронтием, и то ли по приглашению Константа, не видевшего других возможностей бороться с Геронтием, то ли из-за предательства варварских отрядов, оставленных Геронтием для охраны пиренейских проходов, то ли просто воспользовавшись сумятицей на Пиренейском полуострове, осенью 409 г. свевы, вандалы и аланы[2] перешли Пиренеи (*Oros.* VII, 40, 9; Hydat. 42). Ни Геронтий, ни Констант не могли им помешать, так как были заняты борьбой друг с другом. Более того, Геронтий заключил с варварами

---

[1] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 186–187; *Lot F.* Les invasions germaniques. Paris, 1935. P. 78–80.

[2] Возможно, что аланы, присоединившиеся к германцам и вместе с ними вторгнувшиеся в Испанию, принадлежали не к кавказским аланам, а к какой-то другой группе этого народа: *Кузнецов В.* Новые исследования по истории западноевропейских алан // Alanica III. Владикавказ, 1995. С. 99. Полагают, что эта группа аланов еще в III в. отделилась от основной массы и перебралась в долину Дуная: *Vanke K.* Alanen // RLGA. Bd. I, 2. S. 128.



Миграция германских народов

мир (*Olymp.* fr. 16). Каковы были его условия, точно неизвестно, но они явно развязали варварам руки, и они стали опустошать Испанию, как это было сравнительно недавно в Галлии. Армия Константа была разбита, и Геронтий направился в Галлию для завершения войны с Константином и Константом и даже сумел осадить узурпатора в его столице Арелате. Однако против Константина наконец-то выступили войска законного императора Гонория, порвавшего с Константином, во главе с Констанцием. Солдаты Геронтия перешли к Констанцию, и это вынудило мятежного полководца бежать в Испанию[3].

В восточной части Испании, не занятой варварами, правил Максим. Его провозглашение привело к некоторой дезориентации римской администрации и, может быть, остатков римских войск[4], что, несомненно, облегчало действия варваров. Сам Максим всячески подчеркивал свое значение как римского императора. Не имея доступа к источникам золота, находившимся в основном в разоряемой варварами Северо-Западной Испании, он чеканил медные монеты с обычными римскими легендами, считая себя одним из трех августов[5]. Вероятнее всего, речь идет о Гонории, правившем на Западе, и Феодосии II, царствовавшим на Востоке[6]. Геронтий и Максим явно претендовали на легальное управление префектурой Галлией. Однако удержаться в Испании Геронтий не смог: как уже говорилось, против него восстали остатки его собственных войск, принудившие его к самоубийству, а Максима к отречению. Не дожидаясь прибытия войск Гонория, Максим бежал к варварам. Олимпиодор (fr. 16), сообщая об этом, подчеркивает, что для этого тот использовал существующий договор о перемирии. Видимо, между варварами (по крайней мере, их частью), и Геронтием и Максимом при заключении мира (или перемирия) были оговорены и еще какие-то условия, позволившие беглому императору найти у варваров приют.

Варвары опустошали страну. Испанские авторы, рассказывавшие о вторжениях варваров, говорят о нашествии аланов, вандалов и свевов, в то время как писатели, жившие в Италии или других странах, говорят

---

[3] *Chastagnol A.* La fin... P. 26; *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 192.

[4] *Stickler T.* Aetius. München, 2002. S. 225.

[5] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 58–59.

[6] Существует мнение, что в данном случае подразумевается не Феодосий, а Константин (*Arce J.* Barbaros y romanos... P. 59). Однако в это время Геронтий, стоявший за спиной Максима, активно воевал с Константином и его сыном, а сам Максим был провозглашен императором в пику именно Константину и Константу. В этих условиях Максим и Геронтий едва ли признавали Константина августом, с которым они делили бы власть. Несколько ранее Константин добился от Гонория признания себя равноправным с ним императором, правившим заальпийскими землями. Видимо, Геронтий рассматривал свою креатуру как непосредственного преемника Константина.

либо об аланах и вандалах, либо чаще только об одних вандалах. Видимо те, кто непосредственно не соприкасался с испанскими событиями или черпал свои сведения не от испанцев и поэтому имел лишь самое общее представление о том, что происходило в этой стране, не очень-то различали состав варваров, вторгнувшихся на Пиренейский полуостров и воспринимали их как более или менее единое целое. Интересно, что Иордан (Get. 153) приписывает императору Гонорию предложение вестготам занять Галлию и Испанию, почти потерянные из-за нашествия вандалов. По-видимому, даже при императорском дворе в Равенне не очень-то знали о реальном положении в далеких провинциях. То, что называются обычно вандалы или в крайнем случае еще и аланы, но не свевы, говорит о том, что именно вандалы, объединившиеся с аланами еще в Паннонии, возглавляли союз варварских племен в Испании.

Находившееся в Равенне правительство было все более озабочено защитой непосредственно Италии[7] и практически не обращало внимания на события на далеком Западе. Не получая от него никакой помощи, сами испанцы в ряде случаев давали отпор вторгнувшимся. Многие бежали в города и крепости (кастеллы). Некоторые небольшие города, как Варейя в верхней долине Ибера, тоже покидаются жителями[8]. Это все привело к экономической катастрофе. Начался голод, в ряде мест были даже отмечены случаи людоедства (*Olymp.* fr. 30; *Hydat.* 46–49). Разорялись и латифундии, и еще сохранившиеся мелкие и средние владения горожан и крестьян[9].

В 411 г. Констанций появился в Испании и восстановил власть римского императора в Тарраконской Испании. Остальные провинции Пиренейского полуострова оказались в руках варваров, которые в том же 411 г. по жребию разделили их между собой: аланы заняли Карфагенскую Испанию и Лузитанию, вандалы-силинги — Бетику, вандалы-асдинги — восточную часть Галлеции, свевы — западную часть той же провинции (*Oros.* VII, 40, 10; *Hydat.* 49; *Isid.* Hist. 73)[10]. Такое разделение не соответствовало реальной численности того или иного варварского народа, что явно закладывало возможности их столкновений в недалеком будущем[11]. Существуют некоторые косвенные намеки на особые отношения Геронтия с аланами. Только его раб алан остался с ним, когда его

---

[7] *Azzara C.* L'Italia dei barbari. P. 21–25.

[8] *Espinosa U., Noack S.* Pieza de orfebreria bajoimperial en Vareia (Varea — Logroño) // MM. 1991. Bd. 32. P. 171.

[9] *Blazquez J. M.* Mosaicos hispanos en la epoca de las invasiones // Los Visigodos. P. 463.

[10] *Quiroga J. L., Lovelle M. R.* De los Vandalos a los Suevos en Galicia // SHHA. 1995–1996. Vol. 13–14. P. 423

[11] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 140–141.

бросили свои воины, и, как и его жена, покончил с собой вместе с Геронтием. Максим, как уже упоминалось, бежал к варварам, но непосредственными соседями владений Максима были именно аланы. После их разгрома вестготами в 418 г. (см. ниже) остатки аланов соединились с вандалами — так Максим мог попасть к последним. Так что не исключено, что не только слепой жребий дал аланам самую большую часть Пиренейского полуострова, но и старания Геронтия.

Каковы были юридические основы поселения варваров в Испании, неизвестно. Возможно, что императорское правительство было вынуждено признать возникший порядок вещей и, чтобы «спасти лицо», пошло на заключение договора, на основании которого свевы, вандалы и аланы получали земли в качестве федератов. Но вероятнее, что варвары заключили какое-то соглашение (может быть, официальный договор) с узурпатором Максимом, который оставил за собой Тарраконскую Испанию, отдав остальные испанские провинции варварам для поселения[12]. Если это так, то и после отречения Максима варвары старались этот договор соблюсти. За исключением вмешательства свевов в восстание багаудов, о чем пойдет речь ниже, ни они, ни вандалы, ни аланы не вторгались в Тарраконскую Испанию. Что же касается западноримского правительства, то оно явно этот договор в расчет не принимало и рассматривало варваров как врагов, незаконно захвативших часть империи. Во всяком случае после восстановления в не занятой варварами части Испании власти равеннского правительства ни свевы, ни другие варвары, поселившиеся в Испании, федератами не считались, но римляне были вынуждены примириться с этим[13]. Как бы то ни было, в результате этого вторжения, большая часть Испании практически ускользнула из-под римской власти. Разделение большей части Испании между варварами привело к развалу их союза. Отныне действовать стали отдельные племена.

Социальная дифференциация у вандалов и аланов была еще достаточно слаба, у них, вероятно, еще не было государства, и в то время, когда они вторгались в Испанию, они представляли собой союзы племен. Видимо, именно во время пребывания в Испании у этих народов стала углубляться дифференциация и начало складываться государство, хотя этот процесс явно еще не успел завершиться[14]. Свевы, вероятно, были более развиты, хотя и у них монархия окончательно утверждается лишь

---

[12] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 69–70.

[13] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 138–139.

[14] *Дилигенский Г. Г.* Северная Африка... С. 249–252; *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 15–16.

после вторжения в Испанию[15]. Заняв западную часть Галлеции, сами свевы поселились на юге оккупированной области, особенно в районе Бракары. В этом районе они, как кажется, полностью захватили все земли, изгнав оттуда испано-римлян[16]. В незанятых районах сохранились прежние социально-экономические отношения, но испано-римляне должны были выплачивать новым господам дань.

Плита с рельефным изображением растений

В 415 г. через Пиренеи перешли новые германцы — вестготы, до этого обосновавшиеся в Южной Галлии и вытесненные оттуда римской армией под командованием Констанция (*Oros.* VII, 43, 1). Они заняли Барцинон и ряд других городов Тарраконской Испании. Во главе вестготов стоял король Атаульф, незадолго до того женившийся на взятой в плен сестре Гонория Галле Плацидии. Это был не поход армии Атаульфа, а переселение народа, ибо Иордан (Get. 163) прямо пишет о сокровищах, которые Атаульф взял с собой и, главное, о невоюющем народе (plebs inbellis), который был оставлен Атаульфом в Барциноне. Plebs — это народная масса, противопоставленная «верным» (fideles), под охрану которых (точнее, некоторых из них) были оставлены сокровища короля. Означает ли это, что народная масса в это время уже была оттеснена от военной службы? Едва ли. Речь в данном случае идет о той ее части, которая не воевала, т. е. детях, женщинах, стариках. Но само противопоставление плебса «верным» очень важно. Это говорит о существовании вокруг короля особой группы, противопоставленной остальному народу и связанной с королем узами личной верности.

---

[15] *Diaz Martinez P. C.* La monarquia sueva en s. V // SHHA. 1986–1987. Vol. IV–V. P. 205–214.

[16] Ср.: *Idem.* Los distintos... P. 78–81. Также: *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 142–143.

Уйдя из Галлии, Атаульф, вероятно, стремился обосноваться в Тарраконской Испании, единственной провинции на Пиренейском полуострове, еще остававшейся под римской властью. В то же время рвать с Равенной он не хотел и даже, наоборот, открыто заявлял о своем желании служить Гонорию и защищать империю (*Oros.* VII, 43, 3). Атаульф явно надеялся на претворение в жизнь своего плана обновления государства и рассчитывал на свое родство с Гонорием. Именно поэтому он воевал с варварами, уже обосновавшимися в Испании (*Iord.* Get. 163)[17]. Но среди «верных» возникла оппозиция королю, который под влиянием жены занял столь ясную проримскую позицию. И вскоре в том же Барциноне Атаульф был убит (*Olymp.* fr. 26; *Oros.* VII, 43, 8; *Iord.* Get. 163). Его убийцей Иордан называет Эвервульфа, ненавидевшего короля за насмешки над ним, а Олимпиодор — Дубия, который ранее принадлежал к группе готов, силой подчиненных Атаульфом. Судя по этим сообщениям, непосредственные мотивы убийства были чисто личные.

Иордан (Get. 163) пишет, что королем был сделан (constituitur) Сигерих. Олимпиодор (fr. 26) называет Сигериха просто преемником и уточняет, что он был братом Сара. Этот же автор отмечает, что власть Сигерих захватил не по праву наследования и закону, а стараниями и силой. Это замечание Олимпиодора чрезвычайно важно. Сам Олимпиодор происходит с Востока, но очень неплохо знает ситуацию на Западе. Судя по тому, что он в своем произведении использует официальный язык и придворный жаргон[18], его источниками в значительной степени были официальные документы константинопольского и, может быть, равеннского двора. А отношениям с варварами оба двора придавали большое значение, и там явно были довольно хорошо осведомлены о событиях, которые могли весьма повлиять на отношения варваров с римлянами. Разумеется, на многое, в том числе и на взаимоотношения в варварской верхушке, римляне смотрели сквозь призму собственных представлений о государстве. Отсюда, возможно, и акцент Олипиодора на нарушение правил наследования и закона. Существовали ли такие правила и законы? Или автор наложил римскую кальку на готское общество? Ответить на эти вопросы абсолютно точно едва ли возможно. И все же указание Одимпиодора на старание и силу, примененные Сигерихом (σπουδή καὶ δυναστεία), говорит о перевороте и тщательной подготовке к нему. Видимо, оппозиция Атаульфу использовала личные

[17] Иордан, как и другие не находившиеся в Испании писатели, говорит только о вандалах.

[18] *Matthews J. F.* Olympiodorus of Thebes and the History of the West // JRS. 1970. Vol. LX. P. 86.

мотивы то ли Эвервульфа, то ли Дубия, чтобы совершить заранее задуманный переворот.

Еще один момент в сообщении Олимпиодора обращает на себя внимание. По его словам, Сигерих был братом Сара. Сар являлся вождем той группы вестготов, которая выступала против Алариха и Атаульфа. В свое время, когда после падения и гибели Стилихона большинство готов, служивших римлянам, предпочло бежать к Алариху, Сар был среди немногих, сохранивших верность Гонорию[19]. Позже он, однако, попытался перейти на сторону Иовина, но против него решительно выступил Атаульф, и Сар был вынужден отступить, а на обратном пути он был убит (*Olymp.* fr. 17). Возможно, что после этого 18 или 20 тысяч готов, которые следовали за Саром, перешли к Атаульфу, а брат убитого Сара явно занял место среди его «верных». Но противоречия двух групп вестготов не исчезли. Видимо, тем господином, за которого мстил убийца Атаульфа, был именно Сар[20]. Убийство Атаульфа и возвышение Сигериха означали, что первенство переходит от тех, кто шел за Аларихом и Атаульфом, к тем, кого ранее возглавлял Сар. Так что можно полагать, что заговор и убийство короля были делом бывших сторонников Сара, вынужденных подчиниться Атаульфу.

По словам Олимпиодора (fr. 26), Атаульф, умирая, завещал своему брату сохранить дружбу с римлянами и вернуть им Галлу Плацидию. Было ли это знаком передачи власти? Едва ли. У Атаульфа были дети от первого брака, но и о передаче власти кому-либо из них тоже не было речи. Между тем Сигерих и его сторонники сразу же сделали все, чтобы как можно ярче выглядел переход власти от одной группы вестготов к другой. Первая жена Атаульфа с детьми бежала под защиту епископа Сигесара, но все они были убиты Сигерихом. А Плацидию вместе с другими римскими пленниками, уже много лет находившимися в руках вестготов, прогнали в своеобразном триумфальном шествии нового короля. В то же время, как писал Орозий (VII, 43, 9), Сигерих склонялся к миру с римлянами. Видимо, издевательство над бывшей королевой и ее соплеменниками, как и убийство первой жены Атаульфа и их детей, было вызовом не столько римлянам, сколько вестготам — сторонникам Атаульфа и королевскому роду Балтов. И на такой вызов те ответили. Уже через семь дней после своего возвышения Сигерих был убит (*Olymp.* fr. 26; *Oros.* VII, 43, 9; *Iord.* Get. 163), причем Иордан подчеркивает, что убит он был «коварством своих» (suorum fraude). Речь явно шла о борьбе внутри вестготской верхушки.

---

[19] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 174.

[20] *Rousseau Ph.* Visigotic Migration... P. 360.

Королем был избран Валлия, занявший сначала антиримскую позицию. Правда, он вернул почетное положение Галле Плацидии. Это могло, однако, быть вызвано в первую очередь уважением к вдовствующей королеве, а не к родственнице римского императора. Валлия, видимо, подчеркивал возвращение к традициям Алариха и Атаульфа. Он решил вернуться к плану Алариха и перебраться в Африку, но буря уничтожила вестготские корабли, и он был вынужден вернуться (*Oros.* VII, 43, 11; *Iord.* Get. 173). Эта неудача, неустойчивое положение в Испании, куда пришлось вестготам возвратиться и где им противостояли другие варвары, все возрастающие трудности со снабжением, неурегулированность отношений с империей — все это заставило вестготского короля изменить свою позицию. Проект Атаульфа о создании единого готско-римского государства во главе с готским королем был явно нереален, а в таких условиях удерживать Галлу Плацидию, к которой Валлия в отличие от Атаульфа не питал никаких личных чувств, было бессмысленно. Находившиеся в Испании вестготы оказались между двух огней — между соперничающими с ними уже ранее пришедшими в Испанию варварами и римлянами, которые во главе с Констанцием были готовы выступить против готов (*Iord.* Get. 164). С римлянами Валлия не решился сражаться. И когда к нему прибыл для заключения договора римлянин Евплутий, он тотчас согласился. По условиям этого договора, Валлия возвращал Галлу Плацидию ее брату и обязался сражаться против других варваров в обмен на поставку вестготам 600 тысяч мер хлеба (*Olymp.* fr. 31; *Oros.* VII, 43, 12–13; *Iord.* Get. 165). Он с тем большим спокойствием согласился на возвращение Галлы Плацидии, что та превратилась в обузу и раздражающий фактор в самой вестготской среде. В тот момент, когда Орозий заканчивал окончательную редакцию своего произведения, т. е. не позже осени 417 г.[21], ни о каком предоставлении вестготам земли речи еще не шло. Может быть, поселение вестготов молчаливо подразумевалось или было обещано устно, но в самом договоре об этом ничего не говорилось[22], и обещанное зерно вестготы получали лишь за свою военную службу[23]. Олимпиодор называет этот договор «мирным» (εἰρηνικάς). По Орозию и Идацию (60), речь тоже шла о мире (pax). Орозий даже называет этот мир «лучшим» (pacem optimum). Видимо, он должен был подвести черту под сложными римско-вестготскими отношениями последнего десятилетия и притом исключительно на римских условиях.

---

[21] *Тюленев В. М.* Павел Орозий и его «История против язычников» // *Павел Орозий.* История против язычников. СПб., 2004. С. 12.

[22] *Scharf R.* Der spanische Kaiser Maximus. S. 380. Bem. 29.

[23] *Heather P. J.* Goths and Romans. P. 221.

Во исполнение своих обязательств Валлия начал войну с вандалами-силингами, занявшими Бетику, и аланами (*Oros.* VII, 43, 15; *Hydat.* 60; *Sid. Ap.* Carm. II, 363). Сначала готы обрушились на вандалов. Судя по Идацию (60–63, 67–68), военные действия продолжались два года. Ожесточенная борьба завершилась полным поражением вандалов. В плен попал король Фредбал. Идаций называет его rex gentis Vandalorum. Поскольку королем вандалов-асдингов был в это время Гундерих, надо думать, что Фредбал возглавлял силингов[24]. Действия вестготов привели чуть ли не к полному уничтожению силингов. Возможно, это преувеличение, но само сообщение говорит о том впечатлении, какое готские победы произвели на испано-римлян. Потерпев сокрушительное поражение, потеряв своего короля и значительную часть народа, вандалы-силинги были вынуждены покинуть Бетику и уйти в Галлецию на соединение с асдингами.

Вслед за тем наступила очередь аланов. Во главе их стоял Аддак. Аланы никогда не составляли общеплеменного единства. Сначала часть их присоединилась к вандалам и свевам и вместе с ними двинулась на запад. Но еще до перехода через Рейн и эта группа разделилась на две, одну из которых возглавил Респендиал, а другую — Гоар. И они заняли разные позиции по отношению и к римлянам, и к другим варварам. В то время как Респендиал остался верен союзу с вандалами и свевами и, может быть, признал общее руководство вандальского короля Годегизела, Гоар выступил на стороне римлян, пытался вместе с бургундами посадить на трон Иовина, а затем, активно помогая римлянам, добился получения земли в Галлии[25]. Респендиал же, как уже говорилось, пришел на помощь вандалам, терпевшим поражение от франков, и затем вместе с ними участвовал в грабежах Галлии и переходе в Испанию, где областью аланов стали Карфагенская Испания и Лузитания. Аддак, видимо, сменил Респендиала во главе испанских аланов. Каждый из этих лидеров аланов — Гоар, Респендиал и Аддак — называется rex Alanorum. Но можно ли говорить о подлинной аланской монархии? Все же уровень социального развития аланов был сравнительно низок. Конечно, во время походов роль военного вождя и его дружины возросла. Источников у нас слишком мало, так что говорить с полной уверенностью о наличии или отсутствии у аланов подлинных королей пока нельзя. Во всяком случае испанские аланы были вестготами наголову разгромлены, Аддак погиб, а остатки аланов повторили путь силингов: они тоже ушли в Галлецию и слились с вандалами-асдингами. Король последних принял титул

[24] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 70.
[25] *Ковалевская В. Б.* Кавказ... С. 88.

«короля вандалов и аланов», и этот титул носили все его преемники до крушения Вандальского королевства[26].

Победы вестготов заставили других варваров, обосновавшихся в Испании, пойти на переговоры с Империей. К римлянам были направлены послы, просившие мира и готовые даже дать заложников для его обеспечения (*Oros.* VII, 43, 14). Не известно, как равеннское правительство отреагировало на эти предложения, но, судя по последующим событиям, оно их отвергло. Военные действия продолжались.

Казалось, что очень скоро вестготы уничтожат или вытеснят из Испании всех других варваров. Но римляне решили иначе. Они никак не хотели, чтобы окончательная победа досталась вестготам. И в 418 г. по приказу Констанция те не только прекратили военные действия в Испании, но и покинули эту страну. А за это они в качестве федератов получали земли в южногалльской провинции Аквитании Второй, а также в нескольких смежных с ней городах (civitates), включая Тулузу, относящуюся к Нарбоннской Первой провинции (Chron. Min. I, 469; II, 19; *Prosp. Tir.* 1271). Каковы были дальнейшие планы вестготов в Испании, неизвестно. Во всяком случае ни о каком желании вестготов покинуть эту страну сведений нет. Наоборот, все, что известно об этом событии, говорит о подчинении римскому приказу[27]. Вестготы снова перешли Пиренеи и обосновались на юго-западе Галлии. Своей столицей вестготский король избрал Тулузу (*Hydat.* 69). Так возникло Тулузское королевство вестготов[28].

ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОЙН В ИСПАНИИ. ПОХОДЫ СВЕВОВ

После побед вестготов положение в Испании существенно изменилось. Теперь почти вся Испания, кроме северо-западной части, занятой свевами и вандалами-асдингами, вернулась под римское господство[29]. Эмерита снова стала столицей диоцеза Испании[30]. Римляне решили использовать обозначившийся перелом. С одной стороны, они различными интригами восстановили свевов и вандалов-асдингов друг против

[26] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 204.

[27] *Thompson E. A.* The Settlement of the Barbarians in Southern Gaul // JRS. 1956. Vol. XLVI. P. 67.

[28] *Orlandis J.* Espoca visigoda. P. 28–30; *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 135–136.

[29] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. Madrid, 1998. P. 49.

[30] *Arce J.* Merida tardorromana. Merida, 2002. P. 183.

друга[31], а с другой — сами стали готовиться к прямому военному столкновению с варварами. Присоединение к вандалам-асдингам их соплеменников силингов и аланов усилило вандалов. И раздел Галлеции между ними и свевами их уже не устраивал. Уход вестготов, в которых они, по-видимому, видели основных врагов, давал, как им казалось, шанс изгнать свевов[32].

С этими событиями, по-видимому, связано второе провозглашение императором Максима. Как говорилось выше, сравнительно недавно Максим бежал к варварам, и скорее всего это были аланы, а после присоединения аланов к вандалам он оказался в руках короля Гундериха. И тот решил снова облечь Максима императорским пурпуром. С его точки зрения, этот акт давал вандальскому королю ряд преимуществ. Римский император распоряжался землей империи, он мог давать ее для поселения, но мог и отнять. Именно поэтому в последнее время различные варварские короли стремились иметь своих «карманных» императоров. Так, например, было с Атталом и Иовином. Вероятно, именно Максим официально дал варварам землю в Испании в 411 г. И теперь, став полной марионеткой в руках Гундериха, он вполне мог столь же официально отнять у свевов ту часть Галлеции, которая была им передана семь лет назад, и отдать ее вандалам, предлогом для чего могло быть увеличение численности последних после соединения с силингами и аланами. Не исключено, что Гундерих имел в виду и воздействие на местное население. Правительство Западной Римской империи уже давно махнуло на Испанию рукой, и ее население самостоятельно строило свои отношения с варварами. Теперь местный император мог послужить связующим звеном между вандалами и испано-римлянами и в какой-то степени обеспечить первым поддержку в их войне со свевами. Сравнение сведений о солнечных затмениях и появлениях комет, с одной стороны, и событий политической и церковной жизни — с другой, показывает, что вторичное провозглашение Максима произошло во второй половине 418 г.[33]

В 419 г. началась вандало-свевская война. Успех склонялся на сторону вандалов, которые осадили свевов в горах. По словам Исидора (Hist. 73), вандалы даже подчинили себе оставшихся свевов. И этот момент решили использовать римляне для вмешательства в испанские дела. В сложившихся условиях изгнание свевов или полное их подчинение

---

[31] По-видимому, им даже не нужно было особенно стараться, так как тесное соседство двух народов, живущих в сравнительно ограниченной и не очень благоприятной области, толкало их на взаимную вражду. Ср.: *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 141.

[32] *Scharf R.* Der spanische Kaiser Maximus. S. 380–381.

[33] Ibid. P. 379.

вандалам либо даже слияние с ними, как это почти только что произошло с силингами и аланами, привело бы не к восстановлению римской власти на северо-западе полуострова, а к резкому усилению вандалов, которые явно рассматривались римлянами как более опасные враги. Появление же под вандальским покровительством узурпатора еще более напугало равеннское правительство. Узурпаторы казались еще более грозной опасностью, чем варвары. И важнейшей задачей Констанция, который в это время являлся «сильным человеком» в Равенне, было не допустить никаких узурпаций[34]. В Испанию была послана армия под командованием комита Астерия и викария Мавроцелла. О жизни Астерия до его направления в Испанию мы ничего не знаем[35], но он, видимо, был уже настолько известен на военном поприще, что император назначил именно его командующим войсками и фактическим правителем Испании. Посылка вместе с ним викария Мавроцелла говорит о стремлении правительства восстановить после ожидаемой победы (или одновременно с ней) нормальное гражданское управление Испанским диоцезом[36]. Под давлением римской армии вандалы сняли осаду со свевов.

Оказавшись между двух огней — свевов и римлян, — вандалы решили уйти из Галлеции и переселиться в Бетику, которую еще недавно занимали их родственники силинги. Но перед уходом они все же нанесли удар по свевам, захватили и сожгли Бракару (*Hydat.* 71, 74). Римские войска во главе с Астерием и Мавроцеллом нанесли варварам поражение у Бракары, но не смогли помешать их дальнейшему движению на юг. Максим, оказавшийся в такой ситуации ненужным и брошенный своим вандальским покровителем, вскоре попал в руки императорских войск и был отослан в Италию, где и казнен[37]. Считая, что основная задача в Испании выполнена, правительство снова отозвало Астерия из Испании, и Гонорий в награду даровал ему титул патриция (*Greg. Tur.* II, 9). А вандалы заняли Бетику.

В 421 г. римляне решили вытеснить вандалов и из Бетики. С этой целью в Испанию была послана новая армия, во главе которой был

---

[34] *Burns V.* The Visigothic Settlement in Aquitania. Imperial Motives // Historia. 1992. Bd. 41, 3. P. 366.

[35] *Lippold A.* Asterios // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 658.

[36] Ср.: *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 193. Незадолго до этого, в 418 г., Гонорий или стоявший за его спиной Констанций принял меры по упорядочению гражданского управления в Южной Галлии, нарушенного в ходе недавних узурпаций и варварских грабежей, для чего в Арелате был созван съезд властей и крупных собственников Семи провинций. Восстановление гражданского управления в Испании могло быть следующим шагом равеннского правительства по возрождению нормального управления диоцезами и провинциями.

[37] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 97–99.

поставлен magister militum Кастин. По-видимому, незадолго до этого Кастин являлся комитом доместиков, т. е. командовал придворной гвардией[38] и в этом качестве непосредственно перед своим отправлением в Испанию воевал с франками (*Greg. Tur.* II, 9). Вероятно, сразу же после его войны с франками Кастина назначили на высокий пост magister militum и отправили на новую войну, на этот раз с вандалами. Посылка командующего столь высокого ранга говорит о решимости Равенны покончить с вандальским присутствием в Испании[39]. Возможно, что эта была та же армия, что сражалась с франками. В соответствии с договором к римской армии присоединились вспомогательные войска готов. Кастин попытался окружить вандалов и принудить их к сдаче голодом. Может быть, отказ от решительного сражения объясняется тайными намерениями Кастина сохранить свою армию для выполнения, как ему казалось, более важной задачи. К этому времени умер Констанций, фактически правивший государством вместе слабого Гонория, и Кастин вполне мог рассчитывать занять его место[40], а для этого ему была нужна сильная армия. Эта тактика уже готова была принести ему желанный успех, но в это время вестготы, как сообщает Идаций, его обманули. В чем состоял обман, неизвестно. Возможно, что готы, почувствовав свою силу, не захотели быть простым орудием римлян или попытались каким-то образом использовать свое третье появление в Испании для нового там обоснования[41]. Против Кастина выступил и подчиненный ему Бонифаций. Сравнительно недавно Бонифаций успешно отразил нападение вестготов на Массалию (*Olymp.* fr. 21), и его успехи, как ему казалось, давали ему право на самостоятельное командование. Однако теперь он был подчинен Кастину. И Бонифаций увел свое войско не только из лагеря командующего, но и из Испании вообще (*Prosp. Tir.* 1278). Вандалы воспользовались всем этим и нанесли римлянам поражение[42]. Ни о каком вытеснении их из Бетики уже не было речи.

---

[38] *Lippold A.* Domesticus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 120.

[39] Проспер Тирон (1278) и в тех же выражениях Павел Диакон (Hist. Rom. XIII, 6) говорят о неопытности и небрежности Кастина, но он уже имел за своими плечами войну с франками, да и сам его ранг говорит о какой-то предшествующей карьере. Вероятно, в таком отзыве Проспера (а Павел, несомненно, лишь воспроизводит его мнение) отражается и впечатление от поражения Кастина, и его последующее поведение противника императора Валентиниана.

[40] *Bury J.* B. History... Vol. I. P. 210.

[41] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 137.

[42] Несмотря на поражение, Кастин сохранил свою должность и после смерти Гонория сыграл решающую роль в избрании новым императором Иоанна: *Demandt A.* Magister militum. Sp. 635.

Если вестготы и надеялись использовать ситуацию для какого-то утверждения в Испании, то они явно обманулись. Значение вандалов резко выросло. Вандалы захватили Гиспалис и Новый Карфаген, к тому времени уже чаще именуемый Картагеной, и, высадившись на Балеарских островах, разграбили их (*Hydat.* 77, 86, 89; *Isid.* Hist. 73). Вторгаются они и в Мавретанию (*Hydat.* 86). Это была, вероятно, Тингитанская Мавретания, являвшаяся африканской провинцией Испанского диоцеза. На этом основании вандалы вполне могли считать ее своей законной добычей. Гундерих, видимо, сделал своей резиденцией Гиспалис. Там он и умер в 428 г. Ему наследовал его сводный брат Гейзерих (*Hydat.* 89).

Гейзерих продолжил политику своего брата. Но если при Гундерихе вандалы действовали в самой Бетике и в восточной части Испании, то Гейзерих обратил внимание на ее западную часть. Как пишет Идаций (90), он в 429 г. опустошил провинции, соседние со свевами. После ухода вандалов свевы завладели всей Галлецией (*Isid.* Hist. 85). Не решившись или не захотев обрушиться на них, Гейзерих разграбил некоторые районы Галлеции, еще находившиеся в римской власти, и прилегающие территории. Затем, повернув на юг, вандалы обрушились на Лузитанию и захватили Эмериту. Каковы были дальнейшие планы Гейзериха, неизвестно. Но в этот момент ему пришло предложение, «от которого он не мог отказаться».

После ухода из Испании Бонифаций стал практически полновластным хозяином Африки. Он выступил против Иоанна (тем более, что правой рукой того был старый враг Бонифация Кастин) и активно поддержал Галлу Плацидию и ее сына Валентиниана III. Однако могущество африканского наместника испугало и правившую за сына Плацидию, и ряд влиятельных людей в ее окружении. Регентша отозвала Бонифация, а когда тот отказался повиноваться, направила против него армию. В это смутное время Бонифаций и обратился за помощью к вандалам. Возможно, что и его противники, не в силах справиться с мятежным наместником, тоже призвали Гейзериха[43]. В 429 г. вандалы и соединившиеся с ними аланы во главе с Гейзерихом покинули Испанию, предварительно, как было сказано, ее вновь основательно пограбив, и переправились в Северную Африку (*Hydat.* 90; *Vict. Vit.* I, 1)[44]. По словам Иордана (Get. 167), Бонифаций даже помог вандалам переправиться через Гадитанский (ныне Гибралтарский) пролив. Вандалы, как силинги, так и асдинги, находились в Бетике недолго, но оставили по себе прочную память: Южную Испанию, более или менее совпадающую

[43] *Дилигенский Г. Г.* Африка... С. 238–243.

[44] *Chasagnol A.* La fin... P. 43; *Jones A. H. M.* The Decline... P. 79.

с Бетикой, все чаще стали называть по их имени Вандалусией или позже — Андалусией[45]. А вандалы, укрепившиеся в Африке, нападали на Балеарские острова, а затем и захватили их (*Vict. Vit.* I, 13).

После ухода вандалов и аланов свевы остались единственными представителями варварского мира на Пиренейском полуострове, и основной областью их господства стала вся Галлеция (*Isid.* Hist. 85). Характерно, что после раздела Испании в 411 г. и до нападения на свевов вандалов в 419 г. о свевах практически никто не упоминает, даже Идаций, живший в Галлеции. Да и после этой войны свевы появляются в источниках только как правители области, соседней с теми, которых грабил Гейзерих. Свевский король Гермерих появляется только в 430 г. (*Hydat.* 91). Умер он в 441 г. (*Hydat.* 122) после 32 лет правления (*Isid.* Hist. 85), что дает нам дату начала его правления (если, конечно, Исидор не ошибся, что маловероятно) — 410 г., т. е. вскоре после вторжения в Испанию и за год до ее раздела. Тем не менее ни свевы, ни их король не выходили на историческую сцену почти двадцать лет. Характерно, что не только италийские или восточные историки, но и живший в соседней Галлии Сальвиан (Gub. Dei VII, 26), говоря о порабощении Испании варварами, упоминает только вандалов. Видимо, все это время свевы вполне удовлетворялись своим господством в той части Галлеции, которая им досталась в 411 г., а после ухода вандалов и во всей провинции. К этому периоду относится, вероятно, сообщение Орозия (VII, 41, 7), что варвары, обратившись от мечей к сохе, рассматривают живущих среди них римлян как друзей и союзников (socios modo et amicos), а те, в свою очередь, предпочитают пользоваться бедной свободой среди варваров, чем нести тяготы римского налогообложения. Но полное оставление Пиренейского полуострова вандалами развязало свевам руки.

Что же касается равеннского правительства, то после поражения Кастина оно в Испанию больше римскую армию не направляло. Только когда восстание багаудов охватило Тарраконскую Испанию, до того времени остававшуюся вне сферы военных действий, там появилось новое римское войско (см. ниже). Правда, в 438 г. появляется некий Андевот, выступивший против свевов (*Hydat.* 114). Исидор (Hist. 85) называет его dux Romanae militiae. Но была ли эта militia армией, по-

[45] Впрочем, надо заметить, что такое наименование Южной Испании возникло не сразу и название «Бетика» существовало еще долго. Только арабы, назвав Испанию по имени одного из народов, ранее ее занимающих, а именно вандалов, распространили это название: *Garcia Sanjuan A.* El significado geografico del toponomo al-Andalus en las fuentes arabes // Anuario de estudios medievales. 2003. An. 33/1. P. 9–10. Некоторые филологи вообще полагают, что название «Андалусия» вообще не связано с вандалами: *Piel J. M.* Toponimia germánica // Enciclopedia lingüística hispánica. Madrid, 1960. T. I. P. 535.

сланной из Италии, чтобы выбить свевов из Бетики и, следовательно, Андевот являлся римским командиром[46], очень неясно[47]. Скорее всего все же, что Андевот, о котором ничего не известно, кроме этого краткого упоминания Идацием и по его следам Исидором, отношения к Италии и Равенне не имел. Он был достаточно богат, ибо Идаций и Исидор говорят о захвате у него свевами большого количества принадлежавшего ему золота и серебра (magni eius auri et argenti opibus). Трудно понять, почему Идаций, тщательно отмечавший всякое появление римской армии в Испании, в данном случае об этом молчит. Так что представляется более вероятным, что Андевот мог быть местным магнатом, попытавшимся оказать сопротивление свевам, как пытались в свое время кузены Гонория сражаться с узурпатором Константином[48].

Правительство Равенны явно махнуло на Испанию рукой. Может быть, оно считало свевские походы не очень-то серьезным явлением, которое реально угрожало бы римской власти[49]. После официального воцарения малолетнего Валентиниана III в 425 г. реальная власть оказалась в руках его матери Галлы Плацидии, признанной регентшей. В 437 г. срок регентства официально закончился, но Плацидия еще долго оказывала значительное влияние на государственные дела. Может быть, она психологически отвергала все, что было связано с Испанией: там был убит ее первый муж (это не могло не повлиять на молодую женщину независимо от того, любила она его искренне или нет) и умер ее первенец Феодосий, там рухнули ее первые надежды на обладание властью, там она претерпела величайшее унижение, когда Сигерих провел ее как рабыню в своей пародии на римские триумфы. Еще важнее было то, что самую верхушку Западной империи раздирала борьба честолюбий, доходившая до подлинной гражданской войны, что, естественно, отвлекало внимание от проблем далекой Испании. Более важные для Равенны страны — Галлия и Африка — являлись театрами военных действий. И в военной области именно на них сосредоточивалось внимание западного правительства.

---

[46] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 205.

[47] В примечании к этому месту (ibid.) Арсе приводит и другие мнения. Из этого видно, что вопрос о личности Андевота далек от решения.

[48] Его имя скорее германское или кельтское, и можно думать, что Андевот возглавлял какой-то отряд вандалов, оставшихся в Бетике после ухода основной массы в Африку. Но надо иметь в виду, что в это время уже много германцев находилось на римской службе и подобные имена были распространены и в римской среде. Уже говорилось, что многие испанские латифундисты носили неримские имена. Так что основываясь только на имени, никаких выводов об Андевоте делать невозможно.

[49] *Stickler T.* Aetius. S. 229.

Воспользовавшись сложившимися благоприятными обстоятельствами, свевы начали свои набеги, то просто грабя, то подчиняя местное население. Римской власти в Галлеции фактически уже не было, и эта область на деле стала самостоятельной (*Isid.* Hist. 85)[50]. В таких условиях подчиняться варварам смысла для испано-римлян не было. Предоставленные самим себе, они стали упорно сопротивляться. Центрами сопротивления являлись укрепленные кастеллы (*Hydat.* 91), в которые, по-видимому, и собирались окрестные жители. Кастеллы, которые были наследниками доримских укрепленных поселков (кастро), исчезают (или частично отходят на задний план) по мере распространения римского и латинского гражданства[51], но в новых условиях возрождаются. Такие крепости лучше могли сопротивляться варварам, чем города, а тем более латифундии, даже если некоторые из них были укреплены. Идаций, сообщая об этих событиях, говорит, что кастеллы удерживал плебс. Это ясно говорит о том, что борьбу со свевами вели в первую очередь рядовые слои местного населения. Ни одно имя какого-либо галлецийского магната, который возглавил бы борьбу с варварами, не упоминается.

Активная борьба дала свои плоды. В 433 г. между свевами и местным населением был заключен мир, установивший какое-то сосуществование двух элементов (*Hydat.* 91). Мир этот не раз нарушался и снова возобновлялся (*Hydat.* 96, 100, 113)[52]. Все это время испано-римляне практически не получали никакой помощи от римских властей. В отчаянии они взмолились о помощи к Аэцию, который в это время являлся чуть ли не фактическим правителем Западной Римской империи и во главе армии восстанавливал римскую власть и влияние в Галлии. Но Аэций был, по-видимому, слишком занят галльскими делами, имевшими для империи гораздо большее значение, чем события на далекой окраине римской ойкумены, и своим противостоянием Галле Плацидии и ограничился лишь направлением посольства к свевам[53]. Но и этого оказалось достаточно, чтобы снова был заключен мир (*Hydat.* 96–100). Однако, вероятно, почувствовав нежелание имперского правительства реально вмешаться в дела в Испании или его бессилие, свевы возобновили свои нападения и грабежи, вторгаясь в Карфагенскую Испанию, а позже, используя восстание багаудов, даже и в Тарраконскую. Свевы, не встречая особенного сопротивления, практически захватили Лузитанию,

---

[50] Исидор использует выражение regni sui utebatur. Слово regnum может означать, что в Галлеции образовалось какое-то подобие собственного государства, которое и вело борьбу со свевами и с которым те и заключали различные мирные договоры.

[51] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 123–124, 164–165.

[52] *Diaz Martinez P. C.* Los distintos... P. 77.

[53] *Stickler T.* Aetius. S. 228.

сделав Эмериту своей столицей (*Hydat.* 119)[54]. Позже столица была перенесена в Бракару[55].

С подчиненным населением Галлеции и, пожалуй, Лузитании, Рехиарий, будучи католиком, сумел установить мирное сосуществование. Во время его правления не отмечены столкновения свевов с испано-римлянами внутри королевства Рехиария. Воспользовавшись стабилизацией своего тыла, Рехиарий развернул наступление на испанские провинции, еще оставшиеся под римской властью (*Hydat.* 137; *Isid.* Hist. 87). Одновременно он женился на дочери вестготского короля Теодориха (*Hydat.* 140), христианина, но арианина, что, по-видимому, привело или должно было привести, по мысли Рехиария, к созданию антиримской коалиции. В 453 г. император Валентиниан III направил к свевам послов. Императорское правительство, очевидно, признало власть свевского короля над Галлецией, Лузитанией и, может быть, Бетикой. Свевское королевство достигло своего наибольшего расширения.

ВОССТАНИЕ БАГАУДОВ

В этой нестабильной обстановке в Тарраконской Испании вспыхнуло восстание багаудов. В соседней Галлии движение багаудов началось в III в.[56] и, несмотря на все попытки римских властей подавить его, продолжалось и в V в. Незадолго до середины V в. оно распространилось и на Тарраконскую Испанию. Впервые испанские багауды упоминаются в 441 г. (*Hydat.* 125), но восстание началось раньше[57], ибо в этом году против них уже была послана римская армия. То, что испанских повстанцев называли так же, как и галльских, говорит о близости основных черт восстания в обеих странах. Само слово bagaudae или bacaudae — кельтское и обозначает, вероятно, «разбойники», или «мятежники», или «борцы»[58]. Избрание галльскими повстанцами старинного кельтского слова с определенным воинственным значением говорит об их стремлении каким-либо образом возродить в борьбе с римлянами старинные доримские порядки. Среди галльских (частично и испанских) багаудов упоминаются рабы и колоны, а также сельчане, горожане и дезертиры

---

[54] *Arce J.* Merida tardorromana. P. 185–186.

[55] *Diaz Martinez P. C.* La monarquia sueva... P. 211.

[56] *Seyfarth K.* Op. cit. S. 342.

[57] *Blazquez J. M.* Nuevos estudios... P. 591. Иногда предполагают, что восстанию багаудов предшествовали движения подобного типа (*Santos Yanguas N.* Movimentos sociales... P. 257). Но никаких сведений о таких движениях нет.

[58] *Le Glay M.* Bagaudes // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 805; *Grant M.* The Fall... P. 65.

из римской армии[59]. В Испании восстание охватило в основном территории крупного землевладения, и уже одно это показывает, что оно было направлено против латифундистов[60]. Другим врагом багаудов были, по-видимому, римские сборщики налогов[61], так что можно говорить, что повстанцы выступали уже против государственной системы Римской империи. Видимо, в восстании приняли участие различные слои угнетенного населения, в том числе свободные крестьяне, находившиеся под угрозой полного разорения. Римский оратор сравнивает багаудов с готами и другими варварами (*Merob.* Pan. 2, 14–15). Вероятно, к багаудам примкнули и нероманизованные жители этих районов, а также васконы, к тому времени полностью освободившиеся от римской власти[62]. В ряде случаев к багаудам примыкали и низшие слои горожан, особенно испытывавших тяжелейший налоговый гнет. Как и в Галлии, испанским багаудам, может быть, свойствен некоторый националистический налет[63], что было вполне естественно в условиях политического кризиса и почти отказа центральной власти от вмешательства в местные дела.

Но ограничиться этой констатацией нельзя. Позже возникло представление о христианском характере этого движения, и имя «Бакауда» распространилось среди высшего клира раннего Средневековья. Так, Бакауда был толедским епископом в третьей четверти VI в. Характерно отмеченное исследователями явление: в VII в. Исидор, используя для своей «Истории свевов» произведение Идация, в соответствующем месте (87) заменяет упоминание багаудского вождя Басилия, чьи воины убили местного епископа, на безымянных готов. Надо учесть, что в V в. готы были арианами, и к ним как еретикам Исидор относился отрицательно. Видимо, движение багаудов было довольно сложным. Не исключено, что оно могло проходить под лозунгами христианского равенства. Недаром легенды о христианских багаудах были распространены в особенности в тех районах Европы, где особенно популярны были сказания о мученичестве Святого Маврикия, в свое время отказавшегося сражаться против христиан и уговорившего весь легион последовать его примеру. Этому не противоречит выступление багаудов против высшего христианского клира, выразившееся в особенности в убийстве тириасонского епископа Льва в 449 г. (*Hydat.* 141). Сам Идаций, сообщавший об этих событиях, был епископом города Акве Флавие в Северо-Западной

---

[59] *Bats M., Benoist S., Lefebvre S.* L'empire romain au III siècle. Paris, 1997. P. 233.

[60] Ср.: *Jones A. H. M.* The Decline... P. 364.

[61] *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. T. I. P. 260.

[62] *Santos Yanguas N.* Movimentos sociales... P. 251–252, 261; *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 38–40; *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 57.

[63] *Grant M.* The Fall... P. 65.

Испании, и его отношение к багаудам явно отрицательное. Он с сочувствием пишет об убийстве Астурием множества багаудов (125), восторгается Меробаудом, сломившим заносчивость (insolentiam) багаудов (128), сообщает, что Басилий с багаудами осмелился (ausus) собраться в тириасонской церкви. Последнее сообщение показывает, что церковь для багаудов была естественным местом сбора. Видимо, идеологическим основанием движения испанских багаудов была какая-то христианская ересь, стремившаяся к восстановлению евангельского равенства и противопоставившая себя современному клиру.

Размах восстания заставил императора Валентиниана III послать в Испанию довольно значительную армию во главе с полководцем Астурием, испанцем, судя по имени. Это — самое раннее упоминание испанских багаудов. Видимо, само восстание вспыхнуло несколько раньше, и лишь неспособность местных властей заставила императорское правительство послать туда армию Астурия. Сам Астурий имел звание командующего обеими армиями (magister utriumque militiae), т. е. самый высокий военный чин империи. Это показывает, какую опасность для государства представляло восстание багаудов в Испании.

В 441 г. Астурий нанес багаудам тяжелое поражение, уничтожив большое число повстанцев (*Hydat.* 125). Возможно, решив, что восстание подавлено, правительство отозвало Астурия. Однако уже в 443 г. его преемнику и зятю Меробауду, тоже уроженцу Испании[64], пришлось снова иметь дело с теми же врагами. Подавить восстание не смог и этот полководец, несмотря на победу, одержанную в самом сердце области, охваченной восстанием (*Hydat.* 128). В результате интриг, раздиравших императорский двор в Равенне, Меробауд вскоре вернулся в столицу.

Возросшей нестабильностью решил воспользоваться бывший главнокомандующий (magister utriumque militiae) Себастиан. Он был зятем Бонифация, и когда противник Бонифация Аэций стал, как в свое время Констанций, чуть ли не фактическим правителем Западной Римской империи, Себастиан был смещен. Он перебрался в Константинополь, но, вмешавшись и там в политическую борьбу, был вынужден оттуда бежать. Оказавшись отвергнутым и равеннским, и константинопольским дворами, Себастиан направился в Галлию к вестготскому королю Теодориху, который в то время занимал довольно ясную антиримскую позицию. С его помощью он набрал себе сторонников и с ними вторгся в Испанию, по-видимому, с целью создания не зависимого ни от восточного, ни от западного императора владение. Там в 444 г. Себастиан захватил Барцинон. Однако авантюра Себстиана кончилась его пораже-

[64] *Czutz B.* Die Quellen der Gechichte der Bagauden // Acta Antiqua. Szeged, 1965. S. 37.

нием. Уже на следующий год (неизвестно, при каких обстоятельствах) он был вынужден бежать в Африку к вандальскому королю Гейзериху (*Hydat.* 129, 132)[65].

Победа над Себстианом и успехи Меробауда, возможно, создали в Равенне иллюзию перелома в развитии событий в Испании. И там решили использовать кажущийся перелом для наступления на свевов. С этой целью в 446 г. в Испанию была направлена новая римская армия во главе с командующим обеими армиями Витом. Под командование Вита были поставлены и вспомогательные части вестготов. Армия Вита двинулась в Карфагенскую Испанию, а оттуда в Бетику. По пути воины занимались грабежом. Хотя хронист говорит это лишь относительно готов, трудно представить, что остальные воины Вита воздерживались от подобных действий. Проход большой армии требовал и больших средств, и добывались они в основном за счет местного населения. Это должно было вызвать недовольство последнего[66], что в значительной степени обусловило дальнейшие события. Свевы наголову разгромили армию Вита (*Hydat.* 134). И это был последний случай появления на Пиренейском полуострове регулярной римской армии для войны со свевами.

Между тем события показали, что и в Тарраконской Испании было далеко от спокойствия. Восстание багаудов приняло еще больший размах. В 449 г. во главе багаудов стоял уже упомянутый Басилий. В это время восстание охватило уже значительную часть провинции, в том числе среднюю долину Ибера. Восставшие захватили город Тириассон, уничтожив стоявший там какой-то отряд федератов и убив местного епископа Льва (*Hydat.* 141). Через несколько лет, в 453–454 гг., багауды во главе с Басилием разорили окрестности Цезаравгусты и захватили город Илерду. Здесь они действовали уже не одни, а в союзе со свевским королем Рехиарием (*Hydat.* 142).

К этому времени свевы снова перешли в наступление на римские земли. Рехиарий, по-видимому, счел, что убийство императора Валентиниана, с которым он заключил договор, освободило его от обязанности этот договор соблюдать. Незадолго до багаудского восстания свевы захватили Эмериту и Гиспалис и установили контроль над Карфагенской Испанией. В 456 г. римлянам удалось выбить свевов из этой провинции (*Hydat.* 168), но свевская угроза осталась достаточно сильной. Теперь, объединившись с багаудами, они вторглись в Тарраконскую Испанию

[65] *Lippold A.* Sebastianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 58. Однако в Африке Себастиан вскоре вступил в конфликт с Гейзерихом и был по его приказу убит.

[66] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 58.

(*Hydat.* 170). Характерно, что на территории, занятой свевами, прежде всего в Галлеции, широкие народные массы, страдая от варварских грабежей и конфискаций[67], активно участвовали в борьбе с германцами, а в Тарраконской Испании, еще оставшейся под римской властью, заключили с теми же германцами союз. Это ясно говорит, что борьба, развернувшаяся в этой части Испании, носила социальный, а не этнический характер.

Ни римские власти, ни испано-римские магнаты справиться с восстанием своими силами не смогли. Они снова обратились к помощи вестготов. В 454 г. вестготский король Теодорих по просьбе римлян направил в Испанию войско во главе со своим братом Фредерихом, причем к вестготам присоединились и бургунды. Вмешательство вестготов сыграло решающую роль. Вестготское войско, особенно тяжелая конница, несмотря на относительную малочисленность, было хорошо вооружено и организовано. Поэтому Фредерих сумел нанести полное поражение повстанцам (*Hydat.* 158); во всяком случае после 454 г. всякое упоминание о багаудах исчезает из источников[68].

СВЕВЫ И ВЕСТГОТЫ

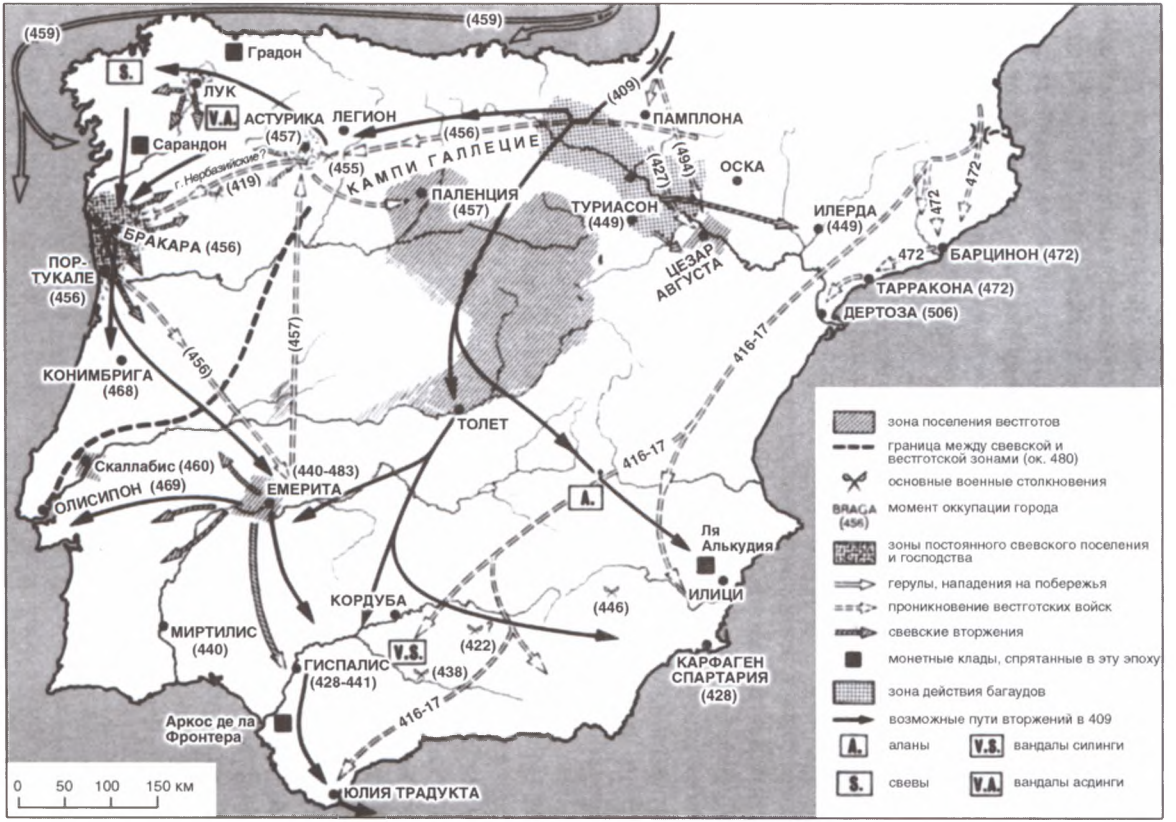
В 456 г. вестготы по поручению императора Авита, недавно ими активно поддержанного, выступили против свевов. В ожесточенном сражении свевы были разбиты. Готы захватили свевскую столицу Бракару, разграбив как город, так и его окрестности, а затем двинулись в Лузитанию, нанеся там новое поражение свевам. Рехиарий, бежавший в Порт Кале на границе между Галлецией и Лузитанией, был захвачен в плен (*Hydat.* 173–175, 178, 182; *Isid.* Hist. 87). Однако перемены в Италии, в результате которых Авит был свергнут и затем заменен Майорианом, заставили Теодориха вернуться в Галлию (*Hydat.* 186), где он вступил в неудачную борьбу с Майорианом[69]. В Испании были оставлены некоторые отряды, но дальнейшую борьбу со свевами вестготы прекратили. Вестготский король поставил правителем свевов своего клиента Агривульфа (или Агиульфа), так что со свевской независимостью на какой-то момент было покончено. Однако очень скоро Агривульф поднял мятеж против своего покровителя. Он был разгромлен, но Теодорих понял, что

---

[67] *Diaz Martinez P.* C. Los distintos... P. 76–78.

[68] Об испанских багаудах и спорах о багаудской проблеме см.: *Garcia Moreno.* La historia de España visigoda. P. 56–59; *Orlandis.* Epoca visigoda. P. 38–39; *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 139–167.

[69] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 328–330.



Вторжения в Испанию в V в.

в тех условиях удержать свевов в подчинении будет очень трудно. И он предпочел восстановить свевское королевство, но практически под своим протекторатом. С разрешения вестготского короля свевы избрали собственного государя, который, однако, едва ли был полноправным королем. Готский историк Иордан (234) называет его regulus (а не rex — король), что подчеркивает его подчиненное положение.

Император Майориан был довольно энергичным правителем. Его целью было восстановление власти Западной Римской империи в потерянных ею областях. Против него, как только что было сказано, выступил вестготский король Теодорих, но неудачно, после чего вестготы стали снова союзниками императора[70]. Эта победа позволила Майориану планировать другие походы. И первой целью он избрал Вандальское королевство в Африке. Африка была очень важна для Западной империи, долгое время она являлась важнейшей продовольственной базой Италии, особенно после того, как египетские зерно и масло стали направляться преимущественно в Константинополь[71], и ее отделение от империи поставило под угрозу благосостояние самого сердца государства. К тому же совсем недавно вандалы захватили и разграбили Рим, так что их разгром можно было представить как месть за этот разгром, что, несомненно, увеличило бы престиж императора. Может быть, с целью дезинформации распространялись слухи о сборе войск и флота в Лигурии, Но в действительности план Майориана заключался в концентрации его сил в Испании, откуда он планировал переправиться в Африку. В 459 г. специальные послы прибыли в Галлецию, чтобы сообщить испано-римлянам, что между Майорианом и Теодорихом заключен прочный мир (*Hydat.* 197). Возможно, подобные посольства были направлены и в другие области Испании и имели своей целью обеспечить поддержку императорского предприятия местным населением. В мае 460 г. Майориан с армией прибыл в Испанию (*Hydat.* 200). Сначала его резиденцией стала Цезаравгуста (*Caes.* Chron a. 460). А затем армия сосредоточилась на юго-востоке полуострова, где было собрано до 300 кораблей. Но вандалы, предупрежденные предателем, неожиданно напали на римский флот, стоявший у этого побережья, и уничтожили его (*Hydat.* 200)[72]. Кто были эти предатели, можно только предполагать. Возможно, это были те жители Нового Карфагена и окрестных районов, которым было вы-

---

[70] *Schwarz A.* Senatorische Heeresführer im Westgotenreich in 5. Jh. // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIIe siecle. Paris, 1995. P. 50.

[71] *Bonifay M.* La ceramique africain, un indice du developpment economique? // Antiquite tardive. 2003. T. 11. P. 119–121.

[72] Ibid. P. 331–332; *Jones A. H. M.* The Decline... P. 89–90; *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 207–210.

годно сотрудничество с вандалами и которые от успеха экспедиции не видели ничего хорошего для себя[73]. Возможен и простой подкуп вандальским королем римских военачальников[74]. Не исключено и коварство готов, которым неизбежное после победы усиление империи было невыгодно. Гибель флота сделала африканскую экспедицию невозможной, и Майориан был вынужден вернуться в Италию.

В это время делами в Западной империи почти безгранично распоряжался Рицимер, который и поставил на равеннский трон Майориана. Однако чрезмерная активность и несомненные способности Майориана его явно испугали[75]. Майориан тоже, вероятно, пытался каким-то образом нейтрализовать чрезмерное влияние Рицимера и, может быть, с этой целью выдвинул в качестве второго командующего войсками Непотиана. Именно Непотиан, как кажется, возглавлял императорское посольство в Галлецию накануне неудачной экспедиции Майориана[76]. Если это так, то превращение Испании в плацдарм для нападения на Африку могло преследовать и далеко идущие политические цели: использовать Испанию и Галлию, где Майориан только что одержал победу, для противостояния Рицимеру и восстановления всесилия императорской власти. Это понимал и Рицимер. Он воспользовался поражением императора, чтобы свергнуть и обезглавить его[77].

То, что римляне и для подавления восстания, и для борьбы с варварами были вынуждены обращаться к другим варварам, говорит о полном развале имперского управления: римское правительство было уже не в состоянии обеспечить интересы ни господствующего класса, ни испано-римского населения. Началась агония Западной Римской империи и вместе с ней римского господства на Пиренейском полуострове.

Все это, однако, не означает, что весь Пиренейский полуостров был погружен в хаос и переживал абсолютный упадок. Косвенным свидетельством сохранения определенного уровня экономической жизни является то, что в это время относительно часто восстанавливают и перечеканивают мелкие монеты, которые были очень дефицитны, но требовались рынком[78]. Надо иметь в виду, что после ухода вандалов и соединившихся с ними остатков алан в Африку военные действия в ос-

---

[73] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 210.

[74] *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. М., 1964. С. 313.

[75] *Demandt A.* Magister militum. Sp. 674.

[76] Ibid. Sp. 683.

[77] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 330.

[78] *Marot T.* La Peninsula Iberica en los siglos V–VI: considerciones sobre provision, circulacion y usos monetarios // Pyrenae. 2000–2001. N 31–32. P. 135.

новном сосредоточились в западной части Испании. Только восстание багаудов и борьба с ним, а также редкие (по крайней мере, по сравнению с западной частью полуострова) вторжения варваров на некоторое время прерывали более или менее мирное существование восточной части страны. Эта часть старалась поддерживать связи с Италией. Но более или менее действенными были лишь церковные контакты. Провинции все еще признавали власть императора. И тот пытался подтвердить свой суверенитет, порой направляя туда своих чиновников. Таким был комит Испаний (comes Hispaniarum) Мансуэт, в 453 г. заключивший договор со свевами (*Hydat.* 155). Его в этом посольстве сопровождал комит Фронтин, функции которого неизвестны. Хотя миссия Мансуэта и Фронтина была чисто дипломатической, а не военной[79], она имела для римлян большое значение. А главное, упоминание комита Испаний свидетельствует об официальном сохранении (по крайней мере, с точки зрения равеннского правительства) римской власти во всем Испанском диоцезе. И все же с течением времени эта власть становилась все более формальной. У империи уже не было сил активно поддерживать свое господство, свидетельством чему, как говорилось выше, стал призыв вестготов для подавления восстания багаудов.

Фактически рвутся и экономические связи. Активная экономическая жизнь все еще поддерживается в городах восточной части, особенно на северо-восточном побережье, где крупнейшим экономическим центром по-прежнему является Тарракон. В этом городе или поблизости от него возникает мастерская, в которой чеканятся бронзовые монеты, столь необходимые для активной торговли. Эти монеты воспроизводят старые имперские типы[80]. Другим центром оставался Новый Карфаген (Картагена)[81]. Однако экономические связи объединяют Испанию не с Италией, а с Северной Африкой. Захват вандалами африканских провинций Западной Римской империи привел к разрыву их контактов с Италией, в том числе к прекращению обязанности снабжать двор и армию (если от них что-либо осталось), и это стимулировало усиление традиционных связей между Африкой и Испанией[82], и центром этих связей был Тарракон[83]. Захват вандалами Балеарских островов, лежащих на пути из Карфагена, находившегося под властью вандалов, в Тарракон, может

---

[79] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 206.

[80] *Marot T.* La Peninsula Iberica... P. 134–137.

[81] *Ramallo Asencio S.*, *Ruiz Valderas E.*, *Benocal Caparros M.* Contextos ceramicos de los siglos V–VII en Cartagena // AEArq. 1996. Vol. 69. P. 150–151.

[82] *Marot T.* La Peninsula Iberica... P. 138; *Le Bohec G.* Timgitana en la Antiguedad tardiva // L'Africa Romana. Roma, 2004. T. I. P. 108.

[83] *Penz P.* From Roman Proconsularis to Islamic Ifriqiyah. Göteborg, 2002. P. 150.

быть, даже облегчил контакты этих городов. В то же время Бетика, ранее игравшая первенствующую роль во внешних контактах Испании, отступает на задний план. Только побережье еще сохраняет в небольшой мере связи с Африкой, но долина Бетиса из этих связей почти исключается[84]. Другим районом, с которым восточная часть Испании поддерживала экономические связи, было Восточное Средиземноморье. Однако активную роль в этих связях играли не испанские, а восточные торговцы[85]. Наконец, сохранялись и традиционные контакты с Галлией[86]. Надо, однако, отметить, что все эти контакты ограничиваются преимущественно побережьем, в то время как внутренние районы поддерживают внешние связи в весьма ограниченном размере, и это характерно не только для Бетики, но и для тарраконского хинтерланда[87]. Таким образом, можно констатировать, что восточная часть Испании сохраняла контакты с другими частями империи[88]. Но, во-первых, эти контакты были гораздо менее интенсивными, чем в предшествующее время, и в значительной степени ограничиваются побережьем; во-вторых, более активную роль в них играли не испанцы, а их партнеры; и, в третьих, из сети этих контактов окончательно выпадает Италия с Римом и Равенной. Подчиняясь сидящему в Равенне императору политически и признавая церковный авторитет римского папы, Испания более не заинтересована в италийских связях экономически. В экономическом и в какой-то степени в политическом плане Испания распадается на две части. На востоке еще существует относительная стабильность, а запад оказывается ареной ожесточенных войн. В то время как в восточной части Тарраконской Испании сохраняется большинство вилл[89], в районе Эмериты, не раз переходившей из рук в руки, многие виллы покидаются, а те, что остаются, теряют свое прежнее значение[90].

Впрочем, не надо думать, что между двумя частями Испании и между ее западной частью и остальной империей повис «железный занавес». И запад полуострова, хотя и в гораздо меньшей степени, все же поддерживал контакты с другими частями средиземноморского мира. Посольства, которые время от времени прибывали к свевам, имели возможность

---

[84] *Alonso de la Cierra J.* Ceramicas africanas en Munigua y el valle del Guadalquivir // MM. 1998. Bd. 39. P. 288–289.

[85] *Vilella Masana J.* Reserques... P. 201–207.

[86] Ibid. P. 209, 214.

[87] *Alonso de la Cierra J.* Ceramicas africanas... P. 289.

[88] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 273.

[89] *Balil A.* La villa romana de Pacs (Penedes, Barcelona) // BSAA. 1987. Vol. LIII. P. 188.

[90] *Rubio Muños L.-A.* Precisiones cronologicas en cuanto al inicio y fin de la ocupacion de la villa romana de Pesquero // Extremadura arqueologica. 1991. T. II. P. 441.

добираться до них. В 456 г. в Гиспалис, до этого бывший объектом варварских нападений, прибыли корабли восточного императора Маркиана, сообщившие о победе этого императора над лазами (*Hydat.* 177). В 447 г. епископ Астурики Торибий направлял письмо папе Льву I, и оно дошло до адресата, а затем епископ получил и ответ папы. Но характерно, что письмо это было направлено с дьяконом Первином[91]. Из этого можно сделать вывод, что официальная римская почта или уже вовсе не работала, или владений свевов не достигала. Тот же Торибий, получая письма папы, затем распространял их среди епископов других испанских провинций[92], что говорит о возможностях сношений между различными частями Пиренейского полуострова.

О той части свевов, которая нашла убежище на океанском побережье, будет подробно сказано ниже.

В Испанию все чаще вторгаются войска вестготов. Вестготский король Теодорих II, разорвав узы договоров, связывавших вестготов с Римской империей, действовал уже совершенно самостоятельно, не прикрываясь видимостью выполнения императорских поручений. В 458–459 гг. готские войска вторгались даже в Бетику (*Hydat.* 192–193). Их главными врагами в Испании были не римляне, а свевы, но это не мешало им грабить и римское население тоже.

В середине 60-х гг. свевы, отправившись от поражений и длившихся целое десятилетие гражданских междоусобиц, возобновили завоевания и грабежи. Воспользовавшись предательством Лусидия, правившего в Олисипоне, свевы захватывают этот важный центр Лузитании (*Hydat.* 240–246; *Isid.* Hist. 90). В ответ на это вестготы снова появились в Испании. В этих условиях Ремисмунд решился на отчаянный шаг: он направил посольство во главе с тем Лусидием, который только что сдал ему Олисипон, к императору Антемию (*Hydat.* 251), по-видимому надеясь, что тот сможет как-то воздействовать на вестготов. Результат этого посольства неизвестен; едва ли оно имело какие-либо последствия. Вестготский король Эйрих, как и его брат Теодорих, действовал без всякого, даже чисто формального, поручения или хотя бы разрешения римского императора либо его наместника. Вестготы захватили Эмериту, а вслед за этим всю Лузитанию, вновь отбросив свевов в Галлецию (*Hydat.* 245–253; *Isid.* Hist. 34). В 472 г. они начали открытую войну с римлянами на нескольких фронтах. Имперское правительство пыталось защитить хотя бы Южную Галлию, непосредственно прикрывающую Италию, но неудачно, и сравнительно немногочисленная римская армия была разгром-

[91] *Vilella Masana J.* Priscilianismo... P. 184.
[92] Ibid. P. 185.

лена (*Paul.* Hist. Rom. XV, 4)[93]. Одновременно вестготы вторглись в Тарраконскую Испанию. Готская армия во главе с Гельдефредом захватила Пампелон и Цезаравгусту, установив тем самым контроль над южными отрогами Пиренеев и средней долиной Ибера (Chron Gal. 651). Часть местной знати, а также горожан, не получая никакой помощи ни от западного, ни от восточного императоров, пыталась сопротивляться, но силы были неравны (*Isid.* Hist. Got. 34). Возможно, что римский наместник (дукс) этой провинции Винцентий перешел на сторону вестготов и возглавил одну из их армий. Именно эта армия вместе с войском Гельдефреда в 473 г. захватила Тарракон и все средиземноморское побережье провинции (*Isid.* Hist. 34–35; Chron. Gal. 652)[94]. За это Винцентий, возможно, получил от вестготского короля должность дукса или magister militum уже всей Испании[95].

Разгром римской армии в Галлии открывал вестготам путь и в Италию. В этих условиях предпоследний император Западной Римской империи Юлий Непот был вынужден пойти на переговоры. Посредником в переговорах выступил тицинский епископ Эпифаний. В результате в 475 г. между Эйрихом и Непотом был заключен мир (*Paul.* Hist. Rom. XV, 5). С этого времени Эйрих, по словам Иордана (Get. 244), владел Испанией и Галлией sibi iure proprio. Это выражение ясно говорит о полном суверенитете вестготского короля над всеми завоеванными территориями в Галлии и Испании[96]. Таким образом, не только практически, но и юридически большая часть Испании отделялась от империи. Позже и другие районы Пиренейского полуострова, где еще сохранялась римская администрация, признали власть вестготов.

---

[93] *Zolitenki D.* Bilimer Gallorum rector // Titulus. Vol. 8. 2004. P. 133–135.

[94] *Ensslin W.* Vincentius 8 // RE. 1958. Hbd. 16A. Sp. 2189.

[95] *Schwarz A.* Senatorische Heeresführer... P. 51.

[96] *Grant M.* The Fall... P. 56; *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 343–344; *Gibert R.* El reino visigodo y el particularismo español // I Goti in Occidente. Spoleto, 1956. P. 549.

Глава IV

СВЕВСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

ФОРМИРОВАНИЕ СВЕВСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Вандалы и аланы, находясь на Пиренейском полуострове, не успели создать там свои королевства. До своего выселения из Испании и обоснования в Северной Африке они практически так и оставались «блуждающими народами». Первыми из варваров, которые довольно прочно осели в Испании, стали свевы.

Варвары, вторгшиеся в Испанию, сначала представляли собой союз племен, ведущую роль в котором играли вандалы. Но через три года, в 411 г., союз распался, и народы, в него входившие, разделили между собой по жребию отдельные провинции страны. При этом был заключен мир с римлянами и, вероятнее всего, как об этом уже говорилось, договор с Максимом, легализовавший в глазах варваров их пребывание в новой стране. Свевы поселились в западной части Галлеции по соседству с вандалами-асдингами[1]. Вскоре занятие Юго-Западной Галлии вестготами окончательно отрезало поселившихся на Пиренейском полуострове варваров от Германии и других мест первоначального расселения, в результате чего они, потеряв надежду вернуться в случае неблагоприятного поворота событий, сконцентрировали все свое внимание на Испании. А это вскоре привело к тому, что прежние союзники превратились в соперников. Начались столкновения и настоящие войны между свевами и вандалами, в которые вмешались римляне. Когда же вандалы и объединившиеся с ними остатки аланов ушли из Испании в Африку (429 г.), свевы на некоторое время остались единственными представителями варварского мира на Пиренейском полуострове, и основной областью их господства стала вся Галлеция (*Isid.* Hist. 85).

Когда варвары появились из-за Пиренеев, низы испано-римского населения приветствовали их, видя в них спасителей от тяжелого гнета

[1] *Quiroga J. L., Lovelle M. R.* De los Vandalos. P. 423.

римских властей и налогов (*Oros.* VII, 41, 7), но очень скоро грабежи и разорения, сопровождавшие завоевания, подняли местных жителей против завоевателей. Центрами сопротивления стали города и особенно укрепленные кастеллы. Римские власти были уже не в состоянии эффективно вмешиваться в события, и в этих условиях в ряде мест возрождаются местные доримские формы жизни, и старые, давно уже покинутые castros вновь заселяются и становятся очагами сопротивления свевам. Ожесточенная борьба между свевами и испано-римлянами, точнее — галлеко-римлянами, продолжалась несколько десятилетий, время от времени прерываемая заключением мирных договоров, очень быстро нарушаемых. В конечном итоге большинство населения в сфере действий свевов подчинилось им, хотя какая-то часть Галлеции и сохранила независимость.

Упорная борьба с галлеко-римлянами и почти постоянная военная экспансия за пределы Галлеции с целью подчинения чуть ли не всего полуострова была одной стороной свевской истории в V в. Другой, не менее важной, стороной стала трансформация самого свевского общества, а также взаимоотношения завоевателей и завоеванных уже в условиях мира.

Королем свевов в первое время после их вторжения в Испанию был Гермерих, который в течение 32 лет правил ими. Королевский титул, однако, не означает, что он был подлинным монархом. Сначала он явно был лишь военным вождем[2] и, может быть, даже не единственным. Во всяком случае в то время, как он воевал с галлеко-римлянами, с вандалами на юге Испании схватился некий Гермигарий, действовавший, по-видимому, совершенно независимо. Впрочем, о нем больше ничего не слышно. В обстановке почти беспрерывных войн королевская власть усиливается и уже при жизни Гермериха явно становится подлинно монархической.

В 438 г. Гермерих, уже давно болевший, сделал своим соправителем, дав ему титул короля, своего сына Рехилу (*Hydat.* 114). Появление двух королей не является следом якобы когда-то существовавшей у варваров диархии, а объясняется практической неспособностью Гермериха править свевами. Нет никаких сведений, что этот акт короля вызвал какое-либо сопротивление или даже простое недовольство свевской аристократии или рядовых свевов, и это говорит о несомненном укреплении королевской власти. А через три года, в 441 г., Гермерих умер, и Рехила стал единственным королем свевов (*Hydat.* 122). Еще за два года до этого Рехила захватил Эмериту и практически сделал ее своей резиденцией

[2] *Torres Lopez M.* Las invasiones... P. 27.

(*Hydat.* 119). Там он и умер в 448 г., оставив трон своему сыну Рехиарию (*Hydat.* 137). У свевов явно утверждается наследственная монархия[3].

Рехиарий был христианином, и при том именно католиком (*Hydat.* 137; *Isid.* Hist. 87), в то время как большинство варварских королей и народов, если были христанами, то арианами. Большинство же свевов, в том числе аристократов, еще оставались язычниками. Так, язычником был покойный отец Рехиария Рехила. По-видимому, это обстоятельство вызвало определенное сопротивление каких-то противников Рехиария его восшествию на трон. Недаром Идаций (137) упоминает, что Рехиарий исповедовал католицизм тайно. Варвары, а среди них, по-видимому, и свевы, долго считали католицизм «римской верой», так что обращение в эту веру они могли рассматривать как измену короля свевским традициям. Но Рехиарий сумел справиться с этим сопротивлением, что еще больше укрепило королевскую власть. Принятие им католичества должно было облегчить его отношения с местным населением, которое в то время было почти полностью католическим. И действительно, в его правление не отмечено никаких столкновений между свевами и галлеко-римлянами. Это означает, что Рехиарий сумел установить какой-то modus vivendi с подчиненным населением Галлеции.

Галлеция при Рехиарии вообще становится центральной базой свевского королевства. Отныне Бракара является его столицей. Там создается монетный двор. Одновременно сохраняются монетные дворы и в некоторых других городах, в том числе в Эмерите. Свевы начали чеканить свою монету еще при Гермерихе. Это была золотая и серебряная монета, и ее было относительно мало. Бронзовая монета, в основном обслуживающая экономические нужды населения, сохранялась от предшествующей эпохи. Но и ее было не так уж много. В условиях постоянных войн и грабежей торговые операции сводятся к минимуму, хозяйство резко натурализуется, и большого количества денег не требуется. С другой стороны, обладание рудными богатствами Северо-Западной Испании давало свевским королям возможность выпускать собственные монеты[4]. Чеканенные свевскими королями монеты имели не столько хозяйственное, сколько политическое значение: они утверждали королевский суверенитет[5].Свевские

---

[3] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 148; *Harl K. W.* Coinage in the Roman Economy 300 B. C. to A. D. 700. Baltimore; London, 1996. P. 185.

[4] *Edmondson J. C.* Mining... P. 100.

[5] Одоакр, свергнувший последнего западного императора Ромула Августула и ставший бесспорным хозяином Италии, тем не менее чеканил монеты от имени Юлия Непота, признаваемого законным императором Запада, вплоть до его смерти в 480 г.: *Croke B.* A. D. 476. The Manufactur of a Turning Point // Chiron. 1983. Bd. 13. P. 115; *Brandt H.* L'epoca tardoantica. P. 77. В Свевском королевстве положение, как мы видим, было совершенно иным.

монеты в то время практически копировали римские, на них изображался император. Поскольку свевская чеканка началась при императоре Гонории, то именно тип монет этого императора, даже с его титулатурой, долго воспроизводился свевскими королями и после его смерти. Позже имитировались, хотя и довольно грубо, монеты последующих императоров, особенно Валентиниана III, порой с указанием места чеканки[6]. Это не означало, что свевы признавали власть Рима; просто они не знали другого типа столь уважаемой монеты. Рим еще оставался для них образцом для подражания. Рехиарий и в этой области попытался сделать шаг вперед. Он стал выпускать серебряную монету, подражающую обычной римской времени Гонория или Валентиниана III, но поместил на реверсе надпись IUSSU RICHIARI REGES (по приказу короля Рехиария), а также крест в венке, напоминающий о его христианской вере, и буквы BR, указывающие на столичный монетный двор (или вообще столицу Бракару)[7]. Это было и утверждение своей независимости, и вызов империи[8], которая могла мириться с фактическим независимым положением свевов, но не с официальным полным суверенитетом.

Возможно, что, став католиком, Рехиарий стал рассматривать свое королевство как второе христианское государство, наравне с Римской империей, и уже поэтому совершенно от нее не зависимое. Это отразилось и на его внешней политике. Установив сосуществование с подчиненным населением Галлеции и, пожалуй, Лузитании, Рехиарий развернул наступление на испанские провинции, еще оставшиеся под римской властью (*Hydat.* 137; *Isid.* Hist. 87). Одновременно он женился на дочери вестготского короля Теодориха (*Hydat.* 140), христианина, но арианина, что, по-видимому, привело или должно было привести, по мысли Рехиария, к созданию антиримской коалиции. Опираясь на уже захваченные территории, он вторгся в Тарраконскую Испанию, где выступил союзником багаудов, повстанцев, в то время боровшихся с крупными землевладельцами и защищавшими их римскими властями и войсками (*Hydat.* 142). Одновременно он сражался с васконами, жившими на севере страны и бывшими практически независимыми (*Hydat.* 140). Действия Рехиария были успешны. Время правления его и его отца было периодом наивысшего расцвета и территориального развития свевского королевства. И Рим был вынужден признать значительную часть свевских завоеваний.

---

[6] *Harl K. W.* Coinage. P. 185; La ceca suevo visigoda de Valencia del Sid // Zephyrus. 1953. Vol. IV. P. 418–427.

[7] *Gil Farres O.* La moneda sueva y visigoda // HE. T. III. P. 179.

[8] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 42.

В 453 г. император Валентиниан III направил к свевам послами комита Испаний Мансуэта и комита Фронтона, которые заключили со свевским королем какой-то договор. В следующем году посольство во главе с Юстинианом было повторено (*Hydat.* 155, 161) и заключено новое соглашение (или подтверждено старое). В результате этих переговоров свевы вернули римлянам Карфагенскую Испанию и отказались от притязаний на Тарраконскую (*Hydat.* 168, 170), но зато императорское правительство, по-видимому, признало власть свевского короля над остальными завоеванными территориями, т. е. Галлецией, Лузитанией и, может быть, Бетикой. Свевское королевство достигло своего наибольшего расширения. Бетика, однако, скорее была областью свевских грабежей, чем интегральной частью государства. Это ясно видно из рассказа о последствиях победы свевов над армией Вита. Как уже говорилось, поход Вита проходил через Карфагенскую Испанию, а военные действия разворачивались в Бетике. И после разгрома Вита свевы ушли из этих провинций с богатой добычей (*Hydat.* 134). Видимо, воспользовавшись своей победой, свевы разграбили не только Бетику, но и Карфагенскую Испанию. Здесь ни о каком сосуществовании с местным населением речи не было[9].

Однако в 454–455 гг. в Римской империи произошли важные изменения. Валентиниан был убит, и императором стал Петроний Максим, но на следующий год он пал жертвой вандалов, которые захватили Рим и в течение двух недель подвергли город ужасающему разгрому. Хотя политического значения эта акция не имела, ибо двор и правительство находились в Равенне, психологическое значение ее было огромно; недаром слово «вандализм» после этого вошло во все языки мира как символ бессмысленного разрушения. Вскоре при активной поддержке вестготов императором был провозглашен галльский магнат Авит. Рехиарий, воспользовавшийся этой сумятицей и считавший, что убийство Валентиниана освободило его от обязательств перед империей, а римлянам к тому же будет не до далекой Испании, вторгся сначала в Карфагенскую Испанию, а затем и в Тарраконскую (*Hydat.* 168, 170). В последней, правда, уже не было его союзников багаудов, ибо по поручению римского правительства вестготы подавили это восстание. Но это не помешало свевским грабежам. Авит попытался снова договориться со свевами. В 456 г. он направил к ним Фронтона, уже бывшего послом вместе с Мансуэтом, и, по-видимому, получил от них заверения, подкрепленные клятвами, о недопущении вторжений в Тарраконскую Ис-

[9] Правда, надо заметить, что эти события происходили еще при правлении Рехилы, а не Рехиария.

панию. Но свевы, решив, что обстановка им благоприятствует, тотчас после возвращения посольства вторглись в эту провинцию и разграбили ее (*Hydat.* 170, 172).

Римское правительство не имело сил для борьбы со свевами и обратилось к вестготам, которые уже помогли ему справиться с багаудами. В это время вестготским королем был уже не тесть Рехиария Теодорих I, а Теодорих II. И он по поручению Авита в 456 г. вторгся в Испанию. В ожесточенном сражении свевы были разбиты, а сам Рехиарий бежал в Португале (совр. Порту), но вскоре был захвачен в плен и убит (*Hydat.* 173–175, 178). Вестготский король поставил правителем свевов своего клиента Агривульфа (или Агиульфа), так что со свевской независимостью на какой-то момент было покончено. Однако, как об этом было сказано выше, очень скоро Агривульф поднял мятеж против своего покровителя. Он был разгромлен, но Теодорих понял, что в тех условиях удержать свевов в подчинении будет очень трудно. И он предпочел восстановить свевское королевство, но практически под своим протекторатом. С разрешения вестготского короля свевы избрали собственного государя, который, однако, едва ли был полноправным королем. Готский историк Иордан (234) называет его regulus (а не rex — король), что подчеркивает его подчиненное положение.

Тем временем еще до этого часть свевов, нашедших убежище на океанском побережье, куда вестготы не добрались, избрала своим королем некоего Малдру, сына Массилы. Другая часть народа, не согласившись с этим выбором, поставила себе королем Фрамтана (*Hydat.* 181). В это же время появляется и некий Айол, который в 457 г. пытался захватить королевскую власть, но неудачно: в июле того же года он умер в Португале (*Hydat.* 181, 187, 188). Может быть, этот Айол и был тем regulus, которого разрешил поставить Теодорих. В таком случае перед нами попытка противостоять вестготскому давлению и сохранить национальное государство. Сами вестготы после многочисленных грабежей, тяжесть которых падала не столько на свевов, сколько на испано-римское население, вскоре покинули Испанию, а свевы оказались раздробленными на две соперничающие группировки: сторонников Малдры и сторонников Фрамтана. Этим пытались воспользоваться галлеко-римляне и противостоять варварам, но потерпели неудачу и снова стали объектом свевских нападений со стороны воинов как Малдры, так и Фрамтана (*Hydat.* 189–190, 193).

Фрамтан правил недолго, он умер уже в начале 457 г., а его преемник Рехимунд договорился с Малдрой. Он, видимо, признал его королем, хотя практически и сохранил свою власть. Во всяком случае оба свевских предводителя вместе грабили Лузитанию. В 460 г. Малдра был убит, и его

преемником, по-видимому, стал Фрумарий, и между ним и Рехимундом вновь разгорелось соперничество (*Hydat.* 203). Оба они стремились обеспечить себе поддержку вестготов, время от времени отправляя посольства к их королю Теодориху. Тот, наконец, решил вмешаться в свевские дела. Когда Фрумарий умер, то по приказу Теодориха вестготский полководец Цирила с войсками появился в свевском королевстве, везя с собой сына Малдры Ремисмунда. Ремисмунд и был признан королем всеми свевами. Он женился на дочери Теодориха и принял арианство (*Hydat.* 220, 223, 226). Принятие этой версии христианства имело несомненное политическое значение[10]. Этот акт был совершен в угоду вестготскому королю и в какой-то степени означал признание верховной власти последнего. Одновременно Ремисмунд заключил очередной мир с галлеко-римлянами, обеспечивая себе относительно спокойный тыл.

Однако вскоре положение изменилось из-за событий в самом королевстве вестготов. Брат Теодориха Эйрих убил короля и сам сел на вестготский трон. Ремисмунд, к тому времени, вероятно, считая свое положение уже достаточно укрепившимся, решил использовать создавшуюся ситуацию и, полагая, что смерть Теодориха освобождает его от всяких обязательств перед вестготским троном, возобновил военную экспансию. Он вторгся в Лузитанию и осадил Олисипон (Лиссабон). Стоявший во главе этого города Лусидий предал горожан и сдал город свевам (*Hydat.* 240, 246; *Isid.* Hist. 90). Уже давно не получая никакой помощи от имперского правительства и терпя постоянные поражения в борьбе с варварами, местная знать предпочла пойти на компромисс с последними. В это время все яснее стало ощущаться давление вестготов, и, по-видимому, римские магнаты западной части Пиренейского полуострова предпочли более знакомых свевов[11]. Знаком такого нового их поведения и стал поступок Лусидия.

Все же Ремисмунд рассчитал плохо. Эйрих был чрезвычайно энергичным человеком, он стремился сам захватить Испанию или во всяком случае ее большую часть, и поэтому не захотел терпеть возможное новое усиление свевов. Он направил войско в Лузитанию явно с целью сдержать свевское продвижение. Вестготы с равным усердием разоряли и свевов, и испано-римлян (*Hydat.* 246, 250). В этих условиях Ремисмунд решился на отчаянный шаг: он направил посольство во главе с тем Лусидием, который только что сдал ему Олисипон, к императору Антемию (*Hydat.* 251), по-видимому надеясь, что тот сможет как-то воздействовать на вестготов. Последствия этого посольства неизвестны; едва ли оно при-

[10] *Torres Lopez M.* Las invasiones... P. 37.

[11] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 70.

несло какой-либо результат. Однако Эйрих не захотел по каким-то причинам уничтожать свевское королевство и удовлетворился остановкой свевской экспансии. Свевское королевство сохранилось преимущественно в рамках римской провинции Галлеции и северной части Лузитании.

После этих событий вестготам было уже не до свевов. Северная Галлия была завоевана франками, и те скоро стали самой серьезной угрозой для Вестготского королевства. Наконец, как об этом пойдет речь позже, вестготы потеряли почти всю Галлию, а в самом Вестготском королевстве начались различные смуты. С другой стороны, у свевов уже не было сил возобновить прежнюю экспансию. И хотя никаких сведений об истории свевов до середины VI в. почти нет, едва ли можно сомневаться, что это был мирный период их истории[12].

СВЕВСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В ГАЛЛЕЦИИ

Самих свевов было не очень-то много, едва ли больше 30–35 тысяч человек, из которых не больше 8 тысяч воинов[13]. На территории своего королевства они заселили только сравнительно небольшую его часть между реками Миний (Миньо) и Дурис (Дуэро)[14], особенно в районе города Бракары, которую они сделали своей столицей, а также, возможно, городов Астурики и Лука[15]. Значительным свевским центром был также Портукале[16]. Но в целом океанское побережье долгое время оставалось лишь районом свевских набегов, и свевы там не обитали[17]. В V в. это побережье было объектом нападений с моря. Его грабили прибывшие из Африки вандалы (*Hydat.* 131) и герулы (*Hydat.* 194)[18]. В какое-то время в этом же столетии часть побережья заняли бритоны. Это были выходцы из Британии, бежавшие от нападений то ли англосаксов, то ли скоттов. Хотя большинство беглецов с этого острова обос-

---

[12] Ibid. P. 106.

[13] *Stickler T.* Aetius. S. 227; *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. С. 59.

[14] *Koch A.* Zum archäologischen Nachweis der Sueben auf der Iberischen Halbinsel // APA. 1999. Bd. 31. S. 186.

[15] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 142; *Todd M.* The Early Germans. P. 185; *Koch A.* Op. cit. S. 194.

[16] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 74; *Koch A.* Op. cit. S. 194.

[17] *Quiroga J. L., Lovelle M. R.* De los Vandalos... P. 436.

[18] Это были те герулы, которые остались в Скандинавии и теперь, как позже норманны, на своих кораблях плавали с целью грабежа вдоль всего северного и западного побережья Европы: *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 175; *Orlandis J.* Op. cit. P. 78–79.

новалось на северо-западе Галлии (совр. Бретань), часть их добралась до северо-западного побережья Пиренейского полуострова[19]. Свевы же не были морским народом, и страх перед нападениями с моря, может быть, удерживал их от поселений на побережье. В самой Бракаре, кроме королевского двора и центрального аппарата власти, возможно, свевы не жили, и основная масса свевов расселилась, по-видимому, в окрестностях этого города и к югу от него. В Луке же свевы, несомненно, обитали (*Hydat.* 199, 201)[20]. На территории своего расселения свевы практически конфисковали у местного населения все земли. Идаций (49) пишет, что свевы превратили галлеков в своих рабов. Речь идет, вероятно, скорее об образном выражении, характеризующем жалкое положение местного населения под властью свевов. На остальных землях сохранились прежние порядки. Археологические данные показывают, что свевское завоевание не принесло никаких изменений в жизнь (и похороны) местного населения. А те изменения, какие все же произошли, связаны не с воздействием германцев, а с полной христианизацией этого региона[21]. Эволюция общества в этих районах началась лишь после захвата Свевского королевства вестготами[22]. Однако римские собственники, как крупные латифундисты, так и мелкие владельцы, должны были платить подать свевам и их королю. Галлеко-римляне долго сопротивлялись варварам, долгое время они даже сохраняли самоуправление, но в конце концов были вынуждены смириться с новым положением.

Галлеция и Северная Лузитания были сравнительно отсталыми областями Римской империи. Романизация там еще не завершилась полностью, а в условиях войн и практически полного отсутствия римской власти во многих местах возродились доримские порядки. Городов здесь было не так уж много, но все же сама Бракара была одним из немногих городов Поздней империи, сохранивших свое значение. Она была расположена сравнительно недалеко от моря, и, видимо, морская торговля стала основой богатства города. По-видимому, это свое значение Бракара сохранила и под властью свевов; во всяком случае в это время существовали морские связи между Галлецией и королевством франков, существовавшим в Галлии[23]. Другим важным центром был, вероятно, Портукале.

---

[19] *Livermore H. V.* The origins of Spain and Portugal. London, 1971. P. 110–111.

[20] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 142.

[21] *Quiroga M. L., Lovelle M. R.* Topografia funeraria rural entre Miño e el Duero durante la Antiguedad Tardia (s. V–VII) // MM. 1999. Bd. 40. P. 230–233.

[22] *Quiroga M. L., Lovelle M. R.* Un modelo de analisis del poblamiento rural en el valle del Duero (siglos VIII–X) // Annuario del estudios medievales. 1999. P. 697.

[23] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 155; *Thompson E. A.* The Goths in Spain. Oxford, 1964. P. 23–24.

Если свевы удержали Олисипон, то и он должен был иметь какое-то значение в их государстве. Но, пожалуй, этими тремя (или двумя) центрами роль городов и ограничивалась. В римское время Галлеция была важна для империи из-за своих золотых рудников. Однако в свевскую эпоху значение золотых рудников этой области уменьшилось, свидетельством чему явилось ухудшающееся состояние дорог, ведущих к рудникам[24]. Но полностью работа в них не прекращалась, что и давало возможность свевским королям чеканить свою монету[25].

В этих условиях решающее значение имели аграрные отношения. Сначала свевы, вероятнее всего, ограничивались грабежами, но скоро стали оседать на землю. Это привело к появлению свевских крестьян. Детали социального развития в свевском обществе ускользают, но можно говорить об усиливающемся расслоении общества и выделении rusticani (сельчан), которые явно не принадлежат к аристократии. Неизвестно, дошло ли дело до попадания свевских сельчан в зависимость от своих знатных и более удачливых соотечественников, но в самом факте разделения свевов на знать и простых людей едва ли надо сомневаться.

Численность свевов, как уже отмечалось, была небольшой. В момент своего оседания на северо-западе Испании их было около 25 тысяч[26], хотя позже в условиях мира, как кажется, и увеличилось. Численность населения Галлеции и Северной Лузитании неизвестна, но, вероятно, свевы составляли не больше 5%, а может быть, лишь 3% населения своего государства[27]. Их влияние было не очень-то значительным. Характерно, что они практически не оставили следов в языке этой области (современном португальском и его галисийском диалекте), являющемся прямым продолжением языка римской Лузитании и Галлеции[28]. Гораздо больше было обратное влияние — местного населения на господствующих германцев.

В период завоевания, растянувшегося на несколько десятков лет, галлеко-римляне не раз заключали договоры со свевами. В конечном итоге, видимо, эти договоры и определяли взаимоотношения местного населения и варваров, власть которых оно было вынуждено признать. Нет никаких сведений о существовании свевских законов. Местное же население, по-видимому, жило по старым римским законам. В Галлеции сохранялась римская административная система[29]. Идаций (199), гово-

---

[24] *Quiroga J. L., Lovelle M. R.* Topografia funeraria... P. 241.

[25] *Harl K. W.* Coinage... P. 185; *Edmondson J. C.* Mining. P. 100–101.

[26] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 143; *Todd M.* The Early Germans... P. 186.

[27] *Koch A.* Zum archäologischen Nachweis... S. 138.

[28] *Сергиевский М. В.* Язык // Испания и Португалия. М., 1947. С. 157, 425.

[29] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 153.

ря о событиях уже 460 г., то есть через полвека после начала варварского завоевания, упоминает в Луке «правителя» (rector). В эпоху Поздней империи этот термин часто используется для обозначения наместника провинции[30]. Означает ли это, что император продолжал назначать главу провинции и в это время, когда практически римской власти на этой территории не существовало? Это едва ли так. Исидор Севильский (Hist. 85) пишет, что в части Галлеции местные жители имели свое правление (regno suo utebatur). Это сообщение относится ко времени первого свевского короля Гермериха, так что в тот момент (до 438 г.) галлеки явно стали независимы от центральной власти в Равенне и, как упоминалось в соответствующей главе, может быть, даже образовали свое государство, которое и вступало в переговоры со свевами. В Олисипоне власть принадлежала некоему Лусидию, который был гражданином этого города (*Hydat.* 246; *Isid.* Hist. 90). Какова точно была его должность, неизвестно, но, вероятнее всего, он возглавлял городское самоуправление. Лусидий предал своих сограждан и сдал город свевам, позже сделав карьеру при свевском дворе, ибо именно его Ремисмунд направил послом к императору (*Hydat.* 251). Это был не первый захват Олисипона (*Hydat.* 188), и то, что после первого захвата города в 457 г. в нем сохранилась какая-то местная власть, может говорить о сохранении свевами городского самоуправления, по крайней мере, в период завоевания.

В то же время обращают на себя внимание другие сообщения Идация. Во время свевского завоевания население довольно часто оказывало сопротивление варварам. И хронист часто отмечает, что это был плебс (91, 233, 239). В других случаях противниками завоевателей выступают знатные галлеки (*Hydat.* 196). Но кем были эти знатные галлеки и каковы их имена, хронист не сообщает. Именно к галлекам, а не к римским властям прибывают послы (*Hydat.* 197). Эти последние события относятся к началу второй половины V в., и создается впечатление, что к этому времени римских властей в Галлеции уже не было и население само вступало в те или иные взаимоотношения с варварами. В этих условиях местные жители, видимо, брали управление в свои руки и сами заботились о собственной безопасности[31]. Об отношениях между свевами и галлеко-римлянами после завершения завоевания сведений, к сожалению, нет. Скудные археологические данные показывают, что еще до середины V в. местные мастерские работали на свевов, изготавливая те или иные предметы, в частности пряжки пояса, по свевскому вкусу[32].

---

[30] *Бартошек М.* Римское право. С. 271.

[31] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 48.

[32] *Koch A.* Zum archäologischen Nachweis... S. 193.

После окончания опустошительных войн такая практика должна была продолжиться.

На этой территории еще очень долго сохранялись независимые владения местных магнатов. Такой магнатской семьей могла быть фамилия Кантабров, сохранявшая свои позиции, по крайней мере, в течение двух веков[33]. Между свевской знатью и местными магнатами явно установилось взаимовыгодное сосуществование. Некоторые представители знати шли непосредственно на службу к свевам, примером чему является поступок Лусидия. Этот пример показывает, что свевы ценили таких людей и доверяли им довольно важные дела. Такое сосуществование выражалось, в частности, и в свободной деятельности католической церкви, которая могла спокойно общаться с папским престолом[34]. В условиях фактического исчезновения римского провинциального управления роль церкви вообще становилась довольно значительной. Именно епископ направил Идация послом к воевавшему в Галлии Аэцию просить у него поддержки в борьбе со свевами, а когда Аэций направил к свевскому королю послом Цензория, то опять же епископ выступил посредником в переговорах и благодаря ему был заключен очередной мир (*Hydat.* 92, 100). Но и после окончательного утверждения свевов роль церкви нельзя недооценивать.

Политическая власть бесспорно принадлежала свевам. Во главе государства стоял король, именовавшийся светлейшим (serenissimus)[35], а иногда славнейшим (gloriossimus)[36], который мог принадлежать только к природным свевам. В этой титулатуре ясно ощущается заимствование из императорской[37], что может говорить о стремлении свевских королей сравниться с владыками великого Рима. В период правления первых трех королей у свевов утверждается наследственная монархия. Гибель Рехиария и начавшаяся междоусобица нанесли удар по этому принципу. Но недаром подчеркивалось, что Малдра, ставший королем части свевов, не признавших власть вестготского ставленника, был сыном некоего Массилы. Кто такой Массила, неизвестно, но значение происхождения именно от него было явно очень важным для свевов. Не исключено, что он был как-то связан с домом Гермериха. А затем

---

[33] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 179.

[34] *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 183; *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 107.

[35] Hispania epigraphica 1997. Vol. 7. 1199. P. 417.

[36] Впрочем, надо отметить, что это были, вероятно, не официальные титулы, так как в соборных актах они не встречаются, а упоминаются только в надписи и в письмах, которые, например, Мартин отправлял королю.

[37] *Клауде Д.* История вестготов. СПб., 2002. С. 221.

вестготский король поставил свевским государем Ремисмунда, сына Малдры, устранив искавшего его покровительства Рехимунда.

Кто был свевским королем после Ремисмунда, неизвестно. Мы знаем только, что свевским королем был Веремунд[38], и в какое-то время до 40–50-х гг. VI в. — Теодемунд. В каких условиях они пришли к власти, сведений нет[39]. Но когда уже в VI в. снова становится известным ряд свевских королей, то для этого времени можно говорить (в тех случаях, которые мы знаем) о переходе трона от отца к сыну. Видимо, все же наследственный характер свевской монархии сохранялся (даже если на практике он мог нарушаться узурпациями, но и в таком случае узурпатор пытался легализировать свою власть, женившись на вдове предшественника).

Постепенно, по-видимому, происходит слияние обеих групп населения. Знать сливается с местными магнатами, крестьянство — с низами галлецийского населения[40]. Григорий Турский дважды (V, 41; VI, 43) называет свевского короля Мирона, правившего в 570–583 гг., королем Галлеции, а не королем свевов. В актах II Бракарского собора тот же Мирон назван королем всей провинции Галлеции (Galleciae totius provinciae rex). Означает ли это, что таким был официальный титул этого короля и, следовательно, этой частью Испании правили уже не короли свевов, а короли Галлеции? Вероятнее всего, так. Можно, по-видимому, говорить о сознательной позиции свевских государей и в определенной степени о слиянии, хотя бы и неполном, завоевателей и завоеванных. В отличие от Вестготского королевства, которое до конца оставалось королевством готов, Свевское официально теряет этнический характер и становится чисто территориальным.

Все же среди аристократии роль свевов была относительно велика. Нет никаких данных о светской аристократии, но в верхах церкви, а они

---

[38] Веремунд известен по надписи некоей Мариспаллы, основавшей христианский храм во времена этого короля. Эту надпись ранее датировали 484 г. (*Thompson E. A.* The Conversion of the Spanish Suevi to Catholicism // Visigothic Spain. Oxford, 1980. P. 82). Однако более позднее исследование показало, что между D и X в датировке должно стоять еще и L, и в таком случае эта надпись датируется 573 (а не 523) годом испанской эры, то есть 535 г. (Hispania Epigraphica. 2001. Vol. 7. P. 417–418). В таком случае Веремунд мог быть преемником Теодемунда и предшественником Хариариха.

[39] Представляется необоснованным сомнение Э. А. Томпсона (Римляне и варвары. С. 180–181) в самом существовании монархии у свевов в это «темное время» только на том основании, что Исидор их не называет по имени. Исидор мог действительно не знать или, скорее, не интересоваться королями-арианами. А то, что он все же называл вестготских королей, исповедовавших арианство, объясняется его политической позицией — подчеркнутой лояльностью ко всем вестготским королям, правившим Испанией.

[40] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 106–107.

рекрутировались в подавляющем большинстве из знати, 41 % епископов были германского происхождения[41]. Эти данные относятся уже к последнему периоду существования Свевского королевства, когда свевы приняли католицизм. Автоматически переносить эти данные на светскую аристократию, конечно же, нельзя. Но учитывая, что церковь играла в это время и значительную политическую роль, можно говорить, что доля свевов не только в церковной, но и в политической верхушке Свевского королевства была гораздо большей, чем доля свевов в общем населении королевства.

Долгое время проблемой, явно осложняющей взаимоотношения обоих народов, была принадлежность к разным церквам. Свевы были арианами, а галлеко-римляне — католиками. Принадлежность к арианской церкви облегчала свевским королям взаимоотношения с вестготами, которые тоже были арианами[42], но обостряла отношения с основной массой своих подданных. И в середине VI в. свевским королями пришлось решать эту дилемму.

Политическая ситуация сложилась, как казалось свевскому королю, благоприятно. На вестготском троне чередовались довольно слабые государи, а на рубеже 40—50-х гг. в их королевстве вообще началась гражданская война: против короля Агилы выступил Атанагильд, которого поддержало католическое население Бетики. Не надеясь на собственные силы, Атанагильд обратился за помощью к императору Юстиниану, который воспользовался этим и захватил южную и юго-восточную часть Испании. В то время еще было далеко до великого церковного раскола, и католиками и православными назывались одни и те же приверженцы никейского вероисповедания. Утверждение на юге византийцев означало утверждение именно никейцев, католико-православных. Уже давно католиками были франки, постоянно соперничающие с вестготами, но зато поддерживавшие хорошие отношения и торговые связи со свевами[43]. В этих условиях свевский король Хариарих около 550 г. решил принять католицизм. Он обратился к франкам и при их поддержке стал католиком. Существует рассказ, что перенесенные в Бракару мощи Мартина Турского излечили сына Хариариха, после чего король и решил стать католиком[44]. Мощи Мартина были даже перенесены в Галлецию (*Greg. Tur.* V, 37). Мартин Турский был одним из самых почитаемых свя-

[41] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 290.

[42] По словам Исидора (Hist. 90), арианство занес к свевам и распространил его среди них некий Алакс, прибывший из подчиненной вестготам Галлии. Это ясно говорит о политической подоплеке принятия свевами этого направления христианства.

[43] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 23—24.

[44] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 96—97.

тых Франкского королевства. Характерен в этом отношении рассказ Григория Турского (II, 37) о том, как франкский король Хлодвиг во время похода против вестготов запретил грабеж области вокруг Тура из уважения к Святому Мартину. Выдвижение этой фигуры на первый план означало явное стремление свевского короля установить особые отношения с франками. Однако это еще не означало обращение в католицизм всех свевов, но явилось решающей предпосылкой для этого шага.

Вероятно, сыном Хариариха был Ариомир, который на третьем году своего правления в 561 г. собрал в столице королевства Бракаре первый церковный собор. Острие решений этого собора было направлено против присциллианства[45]. Видимо, это направление в христианстве, еще в IV в. бывшее одним из выражений недовольства официальной церковью, продолжало не только существовать, но и сохранять значительные позиции. В свое время для осуждения самого Присциллиана испанские епископы воспользовались помощью светской власти, и теперь антиприсциллианский собор епископов Галлеции по существу означал заключение тесного союза церкви и государства в борьбе против последователей этого ересиарха. Характерно, что никаких шагов для осуждения арианства на соборе сделано не было. Это, видимо, объясняется тем, что большинство свевов было еще все же арианами[46], да, может быть, ссориться с соседними вестготами ни свевский король, ни галлецийские епископы еще не хотели.

Преемник Ариомира Теодемир сделал более энергичные шаги. Он решительно выступил против ариан и сумел обратить в католицизм свой свевский народ. Значительную роль в этом сыграл епископ Бракары Мартин, прибывший из Паннонии, ставший в Галлеции епископом, основавший здесь ряд монастырей по восточному обряду и давший им своды правил, занимавшийся здесь активной проповедью христианства в его никейской форме (*Isid.* Hist. 91; De vir. Ill. 12; *Greg. Tur.* V, 37). В частности, Мартин написал специальное сочинение «Об исправлении сельчан», в котором кратко излагал основное содержание Библии и настаивал на искоренении языческих пережитков. Это показывает, что еще во второй половине VI в. среди сельского населения Галлеции язычество оставалось довольно сильным. Он основал в Бракаре школу, в которой, в частности, учились греческому языку и переводились на латинский язык греческие рукописи[47]. Мартин стал фактически советни-

---

[45] *Thompson E. A.* The Conversion... P. 84–85.

[46] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 98.

[47] *Bodelón S.* Problemática sobre Martín Dumiense // Memorias de historia antigua. XIII/XIV — 1992/93. P. 205–206.

ком короля в религиозных вопросах[48]. И новый собор, созванный Теодемиром 1 января 569 г., правда, не в Бракаре, а в Луке (Луго), поставил задачу подтвердить католическую веру. На II Бракарском соборе в 572 г. уже из двенадцати собравшихся на него епископов пять были германцами[49]. В церковном отношении Свевское королевство делилось на две митрополии — Бракарскую и Луценскую. Но по сведениям так называемого Прибавления к «Истории» Исидора, накануне присоединения этого государства к Вестготскому королевству в Галлеции было 127 приходов, из которых 35 подчинялось епископу Бракары, а 25 — епископу Портукале. Возможно, что уже после II Бракарского собора одна митрополия по каким-то причинам была перенесена в Портукале. Уже говорилось, что именно в районе этих городов в основном и расселились свевы. Конечно, прихожанами этих приходов были не только свевы, но и галлеко-римляне. Но все же тот факт, что почти половина приходов располагалась в области наибольшего расселения германцев, свидетельствует о широком распространении католицизма в их среде. Можно говорить, что задача обращения всего населения свевского королевства в католицизм была решена. Королевская власть и католическая церковь стали крепкими и надежными союзниками. Бракара как столица всего государства, естественно, играла первенствующую роль. Район, населенный британами, стал отдельным церковным округом, управляемым по британскому обычаю[50]. Теперь можно, по-видимому, говорить о преодолении основных различий между свевами и галлеко-римлянами.

КОНЕЦ СВЕВСКОГО КОРОЛЕВСТВА

В 570 г. королем свевов стал преемник Теодемира Мирон. Он поставил перед собой честолюбивую цель восстановить былое величие свевов. Для начала он решил укрепить отношения с франками, для чего направил посольство к одному из франкских королей Гунтрамну. Посольство своей цели не достигло, так как было перехвачено соперничавшим с Гунтрамном его сводным братом Хильпериком (*Greg. Tur.* V, 41). Союз с франками не состоялся, но это не остановило Мирона. Он повел войну с ронконами, еще остававшимися независимыми от свевов (*Bicl.* a. 572; *Isid.* Hist. 91), а затем вмешался в гражданскую войну в вестготском

[48] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 96–97; *Tompson E. A.* The Conversion... P. 86; *Livermore H. V.* The origins... P. 161.

[49] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 88.

[50] *Livermore H. V.* The origins... P. 161.

королевстве. Обстоятельства, казалось, ему благоприятствуют. На юге и юго-востоке Испании утвердились единоверные византийцы. По соседству с ними мятеж против короля Леувигильда поднял его сын Герменегильд. При этом Герменегильд выступил под знаменем католицизма. И Мирон вмешался в эту гражданскую войну. Еще до этого происходила война между Мироном и Леувигильдом. Мирон потерпел поражение и запросил мира (*Bicl.* a. 576). Теперь он решил взять реванш. Однако поход Мирона в Бетику закончился неудачей, и сам король погиб (*Bicl.* a. 583; *Isid.* Hist. 91).

Его сын Эборих правил всего один год. Уже в следующем 584 г. его сверг некий Авдека, который постриг сверженного монарха в монахи, а сам женился на вдове Мирона (*Bicl.* a. 584; *Isid.* Hist. 92). Стремясь укрепиться у власти, узурпатор даже выпустил монету со своим именем, что очень редко делали свевские короли. Эборих, став королем, по-видимому, заключил договор с Леувигильдом, и теперь последний решил воспользоваться свержением своего союзника, чтобы окончательно решить «свевский вопрос». В 585 г. вестготские войска вторгаются в Галлецию. Неизвестно, сумели ли вообще свевы оказать им сопротивление. Вестготы разорили Галлецию. Сам Авдека попал в плен и тоже был пострижен в монахи. Территория свевского королевства была полностью присоединена к королевству вестготов (*Bicl.* a. 585; *Isid.* Hist. 92). В вестготскую столицу была перевезена свевская казна. Какая-то часть свевов, возможно, бежала на окраины своего бывшего королевства, и на некоторое время там сохранилась, что нашло отражение в немногих топонимах этого региона[51].

Первое время еще чувствовалось несколько особое положение Галлеции в Вестготском королевстве. В 589 г. на Толедском церковном соборе, созванном для подтверждения обращения короля и королевства в католицизм, отмечался триединый состав государства: Испания, Галлия и Галлеция. И хотя это деление сохранилось до самого конца Вестготского королевства, в реальности особой разницы в положении Галлеции и остальных провинций этого государства не осталось. А сами свевы достаточно быстро растворились, почти не оставив по себе ощутимых следов[52]. И только очень немногие слова галисийского языка (точнее — галисийского диалекта португальского языка), может быть, еще сохранили свидетельство свевского присутствия на северо-западе Испании[53].

---

[51] *Piel J. P.* Toponimia... P. 534–535.

[52] *Мюссе Л.* Варварские нашествия... С. 280.

[53] *Gamilscheg E.* Germanismos // Enciclopedia lingüística hispánica. Madrid, 1967. T. II. P. 90.

Глава V

ТУЛУЗСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

ПОСЕЛЕНИЕ ВЕСТГОТОВ В АКВИТАНИИ

Поселение вестготов в Аквитании отвечало в тот момент интересам и германцев, и римлян. Правительство Западной Римской империи явно не было заинтересовано в оседании вестготов ни в Африке, куда те упорно, но неудачно стремились, ни в Испании. Африка, бывшая в то время главной продовольственной базой Италии, была слишком важна для римских властей. Да и все еще богатую Испанию римляне терять не хотели. Они с удовольствием использовали вестготов в борьбе с вандалами и аланами, но когда вестготы добились значительных успехов, предпочли их вывести из страны. Подобным образом много лет спустя тогдашний фактический правитель империи и ее крупнейший полководец Аэций активно использует помощь вестготов в сражении против гуннов, но после победы убедит короля немедленно уйти с поля боя и не преследовать разбитого противника, дабы не дать вестготам чрезмерно усилиться. Выделяя в 418 г. вестготам земли в Галлии, Констанций сделал все, чтобы отрезать их от Испании. Готы селились вдоль океанского побережья и вплоть до реки Гарумны (Гаронны) и несколько восточнее ее, но от Пиренеев были отделены римскими владениями. Те же владения отделяли вестготов и от Средиземного моря. Это море было политической, экономической и культурной осью Римской империи, и ни Констанций, ни император Гонорий не хотели допускать на его побережье варваров. Кроме того, поселяя вестготов в Аквитании, римляне оттесняли их достаточно далеко от Италии. Не имея возможности ни уничтожить вестготов, ни вытеснить их за пределы империи, римское правительство в лице Констанция выбрало меньшее зло, поселив их в одном из самых удаленных мест империи, хотя и довольно богатом, чтобы привлечь германцев[1]. Но, как полагают некоторые исследователи, дело не только в этом.

---

[1] *García de Cortazar J. A.* La época medieval. Madrid, 1988. P. 22; *Burns V.* The Visigothic Settlements... P. 369–370; *Мюссе Л.* Варварские нашествия... С. 54.

В это время вся Северо-Западная Галлия фактически отделилась от империи, ибо в ней одержали победу багауды, с которыми римские власти и войска так и не смогли справиться. Главной базой багаудов тогда являлась Арморика (Бретань), которая фактически освободилась от власти Рима (*Zos.* VI, 5; Querol. II, 2, 16), но восстание, то утихая, то вспыхивая вновь, угрожало римской власти и римским латифундистам во всей Галлии и особенно богатой долине Гарумны. И хотя в 416–417 гг. Констанций одержал ряд побед над армориканскими багаудами, это не привело к полному восстановлению римской власти и римских порядков в Арморике, так что угроза сохранялась. Не имея собственных сил защитить свои интересы на юго-западе Галлии, римляне были вынуждены обратиться к варварам. Наконец, надо отметить, что западное побережье Галлии часто опустошалось набегами германских пиратов, и вестготы, как кажется, должны были защитить южную часть этого побережья от пиратских набегов[2]. До недавнего времени Галлия часто становилась ареной выдвижения различных узурпаторов, а такие выступления страшили правительство больше, чем рейды варваров, и возможная помощь вестготов в их подавлении тоже, видимо, присутствовала в расчетах Констанция[3]. С точки зрения равеннского правительства, договор с вестготами и их поселение на краю римского мира рядом с океаном явилось блестящей победой римской дипломатии. Валлия, кажется, даже не получил титул magister militum[4], что делало его власть над Аквитанией юридически недостаточно обоснованной.

Но все же это отвечало и интересам вестготов. Было ясно, что в тот момент поселиться в Испании они могли только в ходе очень упорной борьбы как с римлянами, так и с другими варварами. И Валлия, несмотря на неприятие римлян, понимал, что эта борьба будет очень трудной, тем более что опыт борьбы Атаульфа с Констанцием был неудачным (*Hydat.* 60). Попытка же переправиться в Африку также оказалась неудачной. Предложение (или точнее приказ) Констанция пришлось как раз кстати. Начиная с 375 г., когда вестготы были вынуждены под давлением гуннов покинуть свои старые места проживания в Северном Причерноморье, они все время искали благоприятные места для поселения. Вестготы в принципе были земледельческим народом[5], хотя, по-видимому, собст-

---

[2] *Kazanski M., Lepart J.* Quelques documents de V^e siecle ap. J.-C. attribuables aux Wisigoths decouvertes en Aquitanie // Aquitania. 1995. T. 13. P. 194; *Thompson E. A.* The Settlement... P. 70–71; *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. С. 47–50; *Вольфрам Х.* Готы. СПб., 2003. С. 247–248.

[3] *Burns V.* The Visigothic Settlements... P. 371.

[4] *Heather P. J.* Goths and Romans. P. 220.

[5] *Tritle L.* Ammiannus... P. 17; *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 32.

венных ресурсов у них было недостаточно, так что в свое время римская блокада поставила их на грань голода. Постоянные войны и передвижения, не дававшие в принципе овладеть сельскохозяйственными ресурсами тех или иных территорий, еще больше обострили для вестготов продовольственную проблему. Одновременная борьба и с римлянами, и с вандалами увеличила угрозу голода. Поселение же в Аквитании решало эту проблему. Аквитания была одной из наиболее богатых областей Галлии, особенно долина Гарумны, которую и надо было защитить и от багаудов, и от пиратов, и от возможных узурпаторов любой ценой. Аммиан Марцеллин (XIV, 10, 2; XVII, 8, 1) отмечал огромное значение подвоза продовольствия из этой области для римской армии, действующей на Рейне. В следующем веке, уже после поселения там вестготов, Сальвиан (de gub. Dei VII, 8) называл Аквитанию подобием рая из-за ее виноградников, лугов и богатых урожаев. Поэтому вестготам она могла представляться в тот момент идеальным местом для оседания.

Поселение вестготов на юго-западе Галлии имело большое значение в вестготской истории. Тридцать лет они блуждали по территории империи, пройдя от Дуная до Гарумны. Теперь они превращались из «блуждающей армии», сопровождаемой женщинами, детьми и стариками, в оседлый народ, снова обладающий собственной территорией[6]. Важно отметить также, что занятие ими Аквитании было закреплено особым договором, так что речь шла не о завоевании этой территории, а о законном поселении[7], что делало власть вестготов по отношению к местному населению юридически более обоснованной[8], хотя отсутствие у их короля титула magister milium, как говорилось выше, создавало некоторые трудности. В правовом отношении этот договор, вероятно, повторял тот, что был заключен между Феодосием и вестготами еще в 382 г., когда готы поселились на Балканском полуострове[9].

Но за эти тридцать лет вестготских скитаний в их жизни произошли довольно значительные изменения. В некоторой степени изменился даже этнический состав вестготского народа. К ним присоединилась масса людей, включая сельчан и горнорабочих из Фракии, германских воинов Стилихона и германских же рабов, переданных Алариху жителями Рима[10]. Однако очень скоро все эти люди стали ощущать себя

---

[6] Ср.: *Kazanski M.* Les Goths. P. 64–65.

[7] *Saitta B.* Aspetti sociale e economici dei regni romano-barbarici: I Visigoti. Catania, 1974. P. 37.

[8] *Коростелин В. А.* Договорные отношения... С. 47.

[9] *Dannenbauer H.* Die Enstehung Europas. S. 204.

[10] *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 43; *Клауде Д.* История вестготов. С. 39.

неотъемлемой частью вестготов, и, следовательно, этническая идентичность вестготов сохранилась полностью[11].

Гораздо важнее оказались те социально-политические изменения, которые произошли за это время. Почти все эти годы вестготы фактически находились в состоянии войны, так что не только воинам, но и всему племени постоянно угрожала опасность. Это еще больше заставляло вестготов сплотиться вокруг своего предводителя, что не могло не увеличить его власть и роль в обществе. Накануне переселения на территорию империи вестготы, как мы видели, раскололись на несколько групп, причем их глава Атанарих, которого позже вестготы считали своим первым государем, оказался в меньшинстве. А на территорию империи тот же Атанарих был вынужден тоже перейти, будучи изгнанным своими же приближенными. Да и Фритигерн, возглавлявший вестготскую армию в битве при Адрианополе, накануне этой битвы жаловался императору Валенту, что не может справиться со своим народом (*Amm.* XXXI, 12, 9). На этом начальном этапе своего переселения вестготы были разделены на ряд группировок со своими вождями. Большая часть их объединилась под властью Алариха. Свидетельством резко усилившейся власти Алариха были его пышные похороны, когда в могилу на дне реки было опущено не только тело покойного предводителя, но и его сокровища. Атанарих, как уже говорилось, сам решительно отказывался от королевского титула, считая себя только «судьей». По отношению к Алариху греческие и римские писатели использовали различные термины, обозначающие его власть, причем королем его называли западные авторы, не очень-то хорошо знавшие истинное положение вещей. Латинские писатели вестготских предводителей, начиная с Атаульфа, называют только королями[12]. Вероятно, как уже говорилось, в 413–414 гг., оформилась вестготская монархия. И свадьба Атаульфа с Галлой Плацидией в новогодний день 415 г. стала ясным знаком нового положения готского предводителя. Недаром тот же Атаульф сравнивал себя с Августом, явно считая себя таким же основателем новой империи, каким был в свое время Август. И позже при всех сменах королей о расколе вестготов на отдельные не связанные (или мало связанные) друг с другом этнические группы речи уже нет. Раздоры, иногда кровавые,

---

[11] *Клауде Д.* История вестготов. С. 40–41.

[12] Олимпиодор по-прежнему называет и Атаульфа, и Валлию, и его преемника Теодориха филархами. Вероятно, это — отражение восточноримской точки зрения. Грекоязычные писатели того времени слово βασιλεύς относили прежде всего к римскому императору, и с их точки зрения «басилевсом», т. е. царем, королем, варварский вождь быть не мог. Поэтому Олимпиодор и после утверждения вестготской монархии называл этих королей лишь «правителями племени».

проходили уже внутри вестготского народа или, что гораздо чаще, его аристократической верхушки.

С другой стороны, состояние почти постоянных передвижений всего народа не давало возможности ограничить военную силу вестготов только королевской дружиной или дружинами аристократов. В военных действиях явно должны были принимать участие все боеспособные вестготы. Это позволяло основной массе вестготского населения продолжать в той или иной степени участвовать и в политической жизни общества. Так, еще в середине V в. на собрании вестготы приняли решение о мире с империей (*Sid. Ap.* Carm. VII, 486–488). Однако эта роль все более сокращалась. По свидетельству Сидония Аполлинария (Carm. VII, 452–453), король уже советовался преимущественно лишь со знатью: consilium seniorum. О том же сообщает Клавдиан (De bello Goth. 480–482), говоря о приказе короля посоветоваться с «отцами», составлявшими курию (Getarum curia).

ВЕСТГОТЫ И ИМПЕРИЯ

Вскоре после поселения в Аквитании Валлия умер. Ему наследовал Теодорих (может быть, правильнее — Теодорид). Каким образом он пришел к власти, точно неизвестно. Иордан (Get. 176) просто говорит, что Теодорих (Теодорид) наследовал Валлии в королевской власти (successit in regno). Его сын, если верить Сидонию Аполлинарию (Carm. VII, 505), называл Алариха, взявшего Рим, своим дедом (noster avus). Иногда думают, что эти слова, вложенные поэтом в уста Теодориха II, являются поэтической вольностью. Но трудно себе представить, чтобы поэт, живший под властью вестготских королей, искажал смысл высказываний этих государей. Известно, что в 402 г. жена и дети Алариха попали в плен к римлянам. Были ли у него еще дети, мы не знаем. Возможно, что Теодорих I был зятем Алариха, но не исключено, что и сыном, хотя когда он родился, неизвестно. Сам Аларих мог родиться, как считают некоторые ученые, около 360 г. Поэтому само по себе существование его взрослого сына в 418 г. не было бы странным. Когда в 451 г. Теодорих погиб на Каталаунских полях, то, по словам Иордана (Get. 209), он был уже весьма старым (maturae senectutis). Но даже если новый король был не сыном, а зятем Алариха, важно то, что он (в этом случае через свою жену) принадлежал к роду Балтов. Сигерих явно Балтом не был. О роде Валлии ничего не известно. Судя по тому, что Теодорих совершенно спокойно наследовал ему, а сам Валлия умер своей смертью (*Iord.* Get. 173–176; *Isid.* Hist. 23), можно предположить, что они были какими-то родствен-

никами. Думается, что не будет очень смелым и предположение, что Валлия тоже был Балтом[13]. Если это так, то после очень кратковременного перерыва во время правления Сигериха королевское достоинство вновь возвращается к роду Балтов.

Выполняя условия договора с империей, вестготы в 422 г. помогли римскому полководцу Кастину в войне с вандалами в Испании, но по каким-то причинам изменили ему (*Hydat.* 77). А уже в 425 г. вестготы попытались захватить Арелат, который, несмотря на общий упадок городской жизни, оставался очень важным торговым центром, связывающим Галлию не только с Испанией, но и с Африкой и даже Востоком. И только приближение основного римского войска во главе с Аэцием заставило Теодориха отойти от города (*Prosp. Tir.* a. 425; Chron Gal., p. 658). Таким образом, вестготы снова оказались в состоянии открытой войны с империей. И эта война завершилась в 428 г. заключением мира под давлением Аэция (*Sid. Ap.* Carm. VII, 215 сл.). И позже вестготы выступали против римлян. Означает ли это, что договор, согласно которому вестготы были признаны федератами, более уже не существовал? Вполне возможно. Можно вспомнить, что в 408 г. после гибели Стилихона Аларих возобновил войну с римлянами. Исидор Севильский (Hist. 23) говорит, что Теодорих, наследуя Валлии, был недоволен миром с римлянами и отверг заключенный договор. Поскольку известно, что договор и позже был действен, можно считать, что Констанций заключил новый договор с вестготами, на этот раз с Теодорихом. Возможно, что для германцев договор оставался в силе до смерти одного из партнеров. В таком случае смерть Гонория (а Констанций явно заключал договор от имени императора), как полагал вестготский король, освобождала его от обязательств по отношению к империи.

В это время в Западной Римской империи царила политическая анархия. Ставший после смерти Гонория императором Иоанн, которого активно поддержал недавно разгромленный вандалами Кастин, не был признан восточным императором Феодосием II и вскоре был свергнут восточноримскими войсками, посадившими на западный трон малолетнего сына Галлы Плацидии Валентиниана III, регентство при котором было вручено его матери. Теодорих вполне мог воспользоваться этими внутренними раздорами, чтобы увеличить вестготские владения, а главное — добиться выхода к Средиземному морю и его экономическим возможностям. В таком случае предлогом могло быть непризнание либо Иоанна, либо, скорее, Валентиниана законным императором. Но слова

[13] Хотя Р. Венскус в приводимую им генеалогию Балтов Валлию не включает: *Wenskus R.* Balten // RLGA. Bd. II. S. 13.

Сидония Аполлинария (Carm. VII, 215 сл.) о заключении Теодорихом и Аэцием мира, вероятно, говорят все же о равноправии сторон. Поэтому вполне возможно, что федератных отношений уже не существовало. Если это так, то Вестготское королевство к этому времени приобретает полную политическую самостоятельность. И датой обретения им абсолютного суверенитета надо считать 423 или 425 г.

В 439 г. римляне в союзе с гуннами сами напали на вестготов (*Iord.* Get. 176). Возможно, это было ответом на недавнее нападение готов на некоторые римские города, соседние с их владениями (*Prosp. Tir.* an. 436). Иордан, рассказывая о римском нападении, говорит о нарушении мира (pace rupta), а описывая последующие события и восстановление мира (pace), отмечает восстановление прежнего соглашения (in pristina concordia redierunt) и договора (foedus). Возникает естественный вопрос, о каком договоре идет речь — о договоре Констанция или Аэция. Само по себе слово foedus не обязательно подразумевает наличие именно федератов. Это слово часто употреблялось еще и в республиканские времена для обозначения практически любого договора как с равноправными союзниками, так и с фактически подчиненными общинами и племенами, скрывая подлинное подчинение последних Риму[14]. Приблизительно десятью годами раньше вестготы участвовали в войне в Африке, и биограф Августина (*Posid.* Vita Aug. 28), рассказывающий об этих событиях, говорит о готах как о войске федератов (cum Gothorum foederatorum exercitu). Это было уже после заключения мира между Теодорихом и Аэцием. Высказывается мнение, что автор в данном случае использовал слово foederati в другом смысле, чем раньше. Действительно, в Африке вполне могли не знать о реальном положении дел в Галлии. Поэтому на основании только этого упоминания делать выводы о юридическом положении Вестготского королевства в Западной Римской империи на рубеже 20–30-х гг. V в. едва ли возможно.

Обратимся к более поздним событиям. Когда в 451 г. гунны, предводительствуемые Аттилой, вторглись в Галлию и над Западной Римской империей нависла серьезнейшая опасность, Аэций был вынужден собрать против них все свои силы. Значительную часть римской армии составляли различные варварские войска, подчинявшиеся Аэцию и набранные им (*Iord.* Get. 191–192). Совершенно другим было положение вестготов. Еще до битвы, если верить Иордану, император Валентиниан направил вестготскому королю письмо, в котором убеждал (а не приказывал, как можно было бы ожидать) вестготов помочь римлянам. Он писал, что вестготы являются «членами государства» (rei publicae... membrum),

[14] *Бартошек М.* Римское право. С. 135.

но в то же время указывал, что само это членство определяется союзом, используя, однако, при этом термин не foedus, а societas. Это слово собственно означает «товарищество», «объединение ради общей пользы» и в принципе подразумевает равноправие сторон. Это равноправие наглядно проявилось в битве на Каталаунских полях, где вестготы во главе с Теодорихом занимали правое крыло, а римляне (фактически сборное варварское войско) под командованием Аэция — левое. Из описания Иордана (Get. 197) создается впечатление, что римская армия состояла из трех равноправных «корпусов»: собственно римского, вестготского и аланского, который в страхе перед его возможной изменой был помещен в центре между войсками Аэция и Теодориха. В «Хронике» Проспера Тирона о врагах Аттилы в этой битве говорится как о «наших», т. е. римлянах, и готах (et nostris et Gothis). А после сражения Аэций стал убеждать нового готского короля Торисмунда вернуться на свои места (ad sedes proprias). И это был, по словам Иордана (Get. 216), «совет» (consilium), а не приказ. Одним словом, в 451 г. готы предстают уже никак не связанные с Римской империей какими-либо обязательствами, в том числе военной службой, так что их в это время уже явно нельзя считать федератами. Наконец, известно, и об этом будет подробнее говориться дальше, что во времена Теодориха I появились первые вестготские законы, и это тоже является доказательством полной самостоятельности Вестготского королевства.

В битве на Каталаунских полях пал вестготский король Теодорих. Когда готы узнали об этом, они торжественно похоронили его и, гремя оружием, передали королевскую власть (regiam deferunt maiestatem) его старшему сыну Торисмунду (*Iord.* Get. 215). Еще Цезарь (Bel. Gal. VII, 21) писал, что галлы стуком оружия выражают свое согласие с оратором. Тот же обычай зафиксирован Тацитом (Germ. 11) и для германцев. Причем все это происходило обычно на народном собрании или другом подобном сборище вооруженных мужчин. Поэтому надо думать, что и в данном случае были собраны воины для решения вопроса о власти. Однако дело обстояло не так просто. Аэций, убеждая Торисмунда вернуться в свое королевство, говорит, что тот должен вернуться, чтобы овладеть королевской властью, которую ему оставил отец (regnum, quod pater reliquerat, arriperet), дабы его братья, оставленные отцом дома, не захватили отцовские сокровища, не проникли в королевство (или, лучше, в королевскую власть) вестготов (ne... Vesegotharum regno pervaderent) и в результате не пришлось бы Торисмунду воевать со своими (cum suis... pugnaret). И Торисмунд совершенно серьезно воспринял этот совет и эти предостережения Аэция (*Iord.* Get. 216). Следовательно, слова римского полководца были основаны на знании реального поло-

жения в Вестготском королевстве. Далее Иордан (Get. 218) рассказывает, что Торисмунд, облеченный королевским величием (regia maiestate subvectus), вступил в Толозу (Тулузу), и его при этом приветствовала толпа братьев и могучих, т. е. явно знатных (fratrum et fortium turba gauderet), и ни у кого не возникло мысли начать борьбу за наследование (de regni sucessione certamen).

Из этого пассажа видно, что король уже может оставить свою власть сыну, но юридически это должно быть оформлено волеизъявлением вооруженного народа. Такое волеизъявление считалось достаточным для утверждения в королевском достоинстве (maiestas regia), так что Торисмунд вступал в свою столицу уже законным королем. Но эта юридическая видимость могла и не соответствовать фактической реальности. При этом главным казалось овладение королевскими сокровищами (opibus). Вероятно, овладение имуществом давало возможность каким-то образом противостоять избранному королю (то ли набрать на эти деньги свою дружину, которая приведет его к власти, то ли получив возможность подкупить тот же народ и добиться изменения его решения). Но такую возможность могли использовать только братья нового короля. Следовательно, королевская власть уже закрепилась за определенной семьей. Видимо, в этой семье наследование во многом определялось старшинством, поскольку Проспер Тирон (Chron. 1371) говорит, что Торисмунд наследовал своему отцу, будучи старшим (maximus natu) из братьев. Отправляясь на войну с гуннами, Теодорих увел с собой бесчисленное количество готских воинов (innumerabilis multitudo). Конечно же, это была не дружина, а все вестготское войско. Но кто же тогда те fortes, которые вместе с братьями приветствовали в Толозе Торисмунда? В том же рассказе о решении Теодориха отправиться на войну с гуннами Иордан говорит, что это решение вождя приветствовали комиты (adclamant comites) и за ними следовал народ (sequitur vulgus). Из этого видно, что в вестготском обществе уже выделяются три инстанции: вождь, т. е. король, ибо различия между ними уже не существовало, и из текста видно, что dux'ом был сам Теодорих, комиты, или графы, и простой народ. То, что Иордан употребляет термин vulgus, а не populus или хотя бы plebs, говорит о явном противопоставлении этой группы населения comites. При этом comites криком одобряют (adclamant) принятое решение, как некогда это делало все народное собрание, а vulgus только следует за этим решением. Видимо, fortes и comites — одни и те же люди. Вероятно, отправляясь на войну, и при том такую опасную, как война с непобедимым до того времени Аттилой, Теодорих оставлял в столице для управления государством не только своих сыновей, но и часть комитов.

Вновь обратимся к более поздним событиям. Торисмунд занял довольно жесткую антиримскую позицию. Недаром Сидоний Аполлинарий (Ep. VII, 12, 3) называл его самым безумным (или необузданным) королем Готии (regem Gothiae ferocissimum). Полагают, что именно это обстоятельство вызвало противодействие его братьев, занимавших иную позицию по отношению и к империи, и к римскому населению своего королевства. Но не исключено и простое соперничество между братьями. Видимо, Аэций знал, о чем говорил, когда убеждал Торисмунда немедленно вернуться в Толозу, да и сам Торисмунд не питал иллюзий по поводу своих братьев. Характерно в этом отношении замечание Иордана (Get. 218), что начало правления Торисмунда было настолько умеренным (moderatus est), что никто и мысли не имел начать борьбу за наследование. Борьбу за наследование (de regni sucessione certamen) могли вести явно только его братья. Об изменении политики Торисмунда Иордан дальше не говорит, но такое изменение ясно вытекает из только что приведенных слов историка. Но связано ли это изменение с отношениями к Риму и римлянам, не ясно. Отказ от «умеренности» мог подразумевать и отношения с теми же братьями. Во всяком случае уже в 453 г., всего через два года после воцарения Торисмунда, братья выступили против него, обосновывая свое выступление преступными распоряжениями (noxiis dispositionibus) короля (*Prosp. Tir.* Chron. 1371). По рассказу Иордана (Get. 228), Торисмунд был убит заговорщиками во время болезни при содействии его клиента Аскалька. После смерти Торисмунда ему наследовал (Vesegotharum in regno succedens) его брат Теодорих (или Теодорид) II. Ни Иордан, ни Проспер Тирон, ни автор «Галльской хроники», упоминая об этих событиях, не говорят об оформлении перехода власти от Торисмунда к Теодориху. Только Сидоний Аполлинарий отмечает, что Теодорих был на этом месте утвержден (confirmatur). Как понимать это выражение современника и сторонника нового короля? Может быть, как и в случае с его братом, речь идет о формальном подтверждении королевского достоинства Теодориха II народным собранием или советом знати.

Если Торисмунд вел антиримскую политику, то Теодорих II явно ее изменил. Сидоний Аполлинарий (Carm. XXIII, 69–71) называет этого короля «украшением готов, опорой римлян, спасением народа (gentis)». Галльские аристократы признали его своим главой и сгруппировались вокруг него[15]. Возможно, что Теодорих II восстановил федератные отношения с Империей, и доказательством этому может быть посылка им вестготской армии во главе со своим братом Фредерихом в Испанию

[15] *Jimenez Garnica A. M.* Sobre *rex* y *regnum*. P. 63.

против багаудов по римскому поручению (*Hydat.* 158). Идаций употребляет при этом выражение ex auctoritate Romana. Само это выражение бесспорно говорит о выполнении вестготами, если можно так выразиться, римского задания. Хотя не исключено, что это могло быть не столько поручением правительства, сколько вызовом испано-римских магнатов. Когда в 455 г. после вандальского разгрома Рима был убит император Петроний Максим, Теодорих сделал ставку на галло-римского магната Авита, которого он сам хорошо знал. В свое время Авит много сделал для сближения готов и римлян и много времени провел при дворе Теодориха I, будучи даже одно время учителем будущего вестготского короля. Именно Авит смог убедить Теодориха I оказать помощь римлянам в войне с гуннами. Выдвигая Авита, Теодорих II, если верить Сидонию Аполлинарию (VII, 511–512), заявил, что он, Теодорих, будет другом Рима, если Авит будет вождем, и воином, если тот будет государем. Если следовать логике этого заявления, то до воцарения Авита вестготский король себя воином и, следовательно, федератом империи не признавал. При активной поддержке вестготов Авит стал императором. Провозглашенный императором в Галлии, он двинулся в Италию и захватил Рим, но не был признан восточным императором Маврикием и враждебно встречен италийской знатью, соперничавшей с галльской. Этим воспользовался варварский командир Рицимер, возвеличенный самим же Авитом за его победы над вандалами. Он уже в 456 г. сверг Авита и провозгласил императором Майориана[16]. С этого времени вплоть до своей смерти Рицимер стал фактическим распорядителем трона Западной Римской империи.

Если Теодорих II снова, как до этого Валлия, признал себя и свой народ федератами империи при Авите или еще раньше, то со свержением своего ставленника он явно эти отношения разорвал. Он продолжал воевать в Испании против свевов, но делал это уже не по римскому поручению, а ради утверждения своей власти. Так же воевал он и в Галлии, стремясь расширить свои владения. По словам Иордана (Get. 234–235), Теодорих II умер своей смертью, но ему с жадной поспешностью (praecupida festinatione) наследовал его брат Эйрих, что и вызвало прискорбное подозрение (scaeva suspicio). О том, что это подозрение было все же не напрасным, ясно говорит Исидор (Hist. Got. 34), утверждая, что Эйрих пришел к власти в результате такого же преступления, что и его брат (pari scelere, quo frater, succedit in regnum), т. е. братоубийства. Указание Иордана на жадную поспешность можно понимать как отказ от прежних формальностей при взятии власти. Правление Эйриха можно считать завершением процесса формирования вестготской монархии.

[16] *Demandt A.* Die Spätantike. S. 171.

Продолжая политику своих предшественников, Эйрих много воевал, расширяя подвластную ему территорию в различных направлениях. В конце концов под его властью оказалась вся Южная Галлия к югу от Лигера (Луары), кроме территории Бургундского королевства, и большая часть Испании, где лишь на северо-западе еще оставалось королевство свевов, да и самая южная часть страны, как кажется, еще тоже практически оставалась вне сферы вестготского владычества. В 475 г. предпоследний император Западной Римской империи Юлий Непот признал суверенитет Эйриха над всеми этими землями. Теперь уже не только фактически, но и юридически вестготский король становится монархом (dominus) живших в Галлии и Испании римлян[17]. Позже Эйрих добился от правителя Италии Одоакра уступки земель между Роданом (Роной) и Альпами. Вестготское королевство стало самым сильным и значительным варварским государством этого времени. Эйрих умер собственной смертью в 485 г., и ему без всяких осложнений наследовал его сын Аларих II (*Iord.* Get. 244–245).

СТРУКТУРА ТУЛУЗСКОГО КОРОЛЕВСТВА. ЗАКОНЫ ЭЙРИХА

Важнейшим явлением внутренней политики Эйриха стало принятие им первого кодекса вестготских законов[18]. Это не значит, что до этого у вестготов не было писанных законов. Сам Эйрих ссылается на законы и своего отца (Cod. Eur. CCLXXVII; CCCV), и своих предшественников (CCCV). Значение кодекса Эйриха заключается прежде всего в систематизации вестготского права. Думается, что большинство законов было принято все же во времена самого Эйриха, ибо в тексте кодекса редки ссылки на предшествующие законы. Видимо, те законы, в которых таких ссылок не имеется, в том виде, в каком они сформулированы в кодексе, были зафиксированы именно при Эйрихе. К сожалению, от этого кодекса до нас дошли только отрывки, так что говорить о соотношении законов Эйриха и его предшественников невозможно. В научной литературе отмечалась довольно сильная романизация вестготского права, как она засвидетельствована в этих законах. Вместо обычных для гер-

[17] *Jimenez Garnica A. M.* Sobre *rex* y *regnum*. P. 66.

[18] Надо подчеркнуть, что кодекс Эйриха являлся первым известным письменным памятником германского права и что с него начинается история законодательства германских королевств: Die Germanen. S. 670; Sociétés en Europe mi VIe – fin IXe siècle. Neuilly, 2003. P. 283.

манцев клятвы или испытания уже предусмотрено судоговорение, приведение документов и свидетельств, письменное удостоверение продаж и даров и т. д.[19], хотя некоторые пережитки германского права в кодексе еще просматриваются, как, например, наличие утреннего дара жениха невесте (знаменитое германское Morgengabe)[20]. На этом основании была высказана мысль, что они относились не только к готам, но и к римлянам, жившим на территории их королевства[21]. Однако правы все же те исследователи, которые считают, что законы Эйриха и его предшественников относились только к готам и взаимоотношениям готов и римлян, в то время как отношения внутри галло-римского, а затем и испано-римского общества регулировались римскими законами[22]. Явно же ощущаемая романизация вестготских законов объясняется сильным влиянием римского права, обусловленным, с одной стороны, долгими контактами вестготов с Римом, а с другой — социальной эволюцией вестготов, приблизивших их к отношениям римского общества.

Как уже говорилось, Атаульф в свое время сетовал на отсутствие законов у вестготов. Пока вестготы являлись «блуждающей армией», у них не было необходимости в создании писанных законов, ибо все регулировалось обычным правом. Прочное оседание в Юго-Западной Галлии потребовало и изменений в юридическом плане. Оседание на новой земле, которая уже была населена другими людьми, потребовало юридического закрепления новых отношений и регулирования отношений между властителями и подчиненными. Территория, занятая вестготами, оставалась частью империи, и, естественно, на нее распространялось римское законодательство. Оно далеко не в полной мере отвечало особенностям варварского общества, но, видимо, все же должно было, хотя бы внешне, уважаться, пока вестготы считались федератами империи. Вероятно, разрыв старого договора и дал возможность вестготскому королю приступить к собственному законодательству.

Первым вестготским королем, о котором известно, что он издавал законы, был Теодорих I. Об этом дважды говорится в сохранившихся законах из кодекса Эйриха, где упоминаются законы его отца (CCLXXVII, CCCV). В одном из этих законов (CCCV) упоминается и закон безымян-

---

[19] *D'Ors A.* La territorialidad del derecho de los visigodos // I Goti in Occidente. Spoleto, 1956. P. 393; *Альфан П.* Варвары. СПб., 2003. С. 56–57; *Dannenbauer H.* Die Entstehung Europas. S. 43–44. Довольно ярко эти особенности законов Эйриха выступают по сравнению с Салической правдой, которая была оформлена позже, но отражает более раннюю стадию правового развития германцев.

[20] *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 51.

[21] *D'Ors A.* Op. cit. P. 370.

[22] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 121–122.

ных предшественников Эйриха. Означает ли это, что это были и предшественники Теодориха I? Думается, что едва ли так. Скорее, речь шла о законах, изданных братьями Эйриха Торисмундом или Теодорихом II. По-видимому, Теодориха I все же надо считать первым вестготским законодателем. О существовании leges Theodoricianae писал Аполлинарий Сидоний в 469 или 470 г. (Ер. II, 1).

Время издания законов Теодориха неизвестно. Как уже говорилось этот король мог счесть себя полностью независимым после смерти Гонория в 423 г. Эйрих, упоминая закон своего отца, говорит о невозобновлении спорных дел, не урегулированных в течение 30 лет. Если это была норма закона Теодориха I, то начинать отсчет, видимо, надо либо с поселения вестготов в Аквитании, либо с прихода к власти Теодориха. Это дает нам 448 или 449 г. Как кажется, приблизительно к этому времени и может относиться введение первых вестготских писанных законов.

Создание кодекса Эйриха стало очень важным шагом в развитии вестготского права. Впервые изданные ранее и самим Эйрихом законы были объединены в единый документ, насчитывавший не менее 336 статей, а вероятнее всего, еще больше. Для работы над кодексом явно были привлечены римские юристы или вообще образованные римляне[23]. Хотя сам Эйрих был фанатичным арианином и занимал резкую антиримскую и антикатолическую позицию, он, будучи реальным политиком и понимая, что вовсе обойтись без образованных римлян невозможно, некоторых из них привлекал к себе. Одним из них был, вероятно, Лев из Нарбона[24], игравший очень большую роль при дворе Эйриха, выступающий порой советником короля в различных делах, в том числе юридических (*Sid. Ap.* Ер. IV, XXII, 3). Были и другие римские приближенные вестготского короля. Их он вполне мог привлечь к составлению кодекса.

Время издания этого кодекса неизвестно. В 469 или 470 г. Сидоний Аполлинарий, как уже говорилось, упоминает только законы Теодориха. В 485 г. Эйрих умер, так что остается довольно длительный промежуток между 469 и 485 гг. Естественно, что работа над кодексом не могла быть слишком быстрой. Поэтому полагают, что издан был кодекс Эйриха в 475 г., что, может быть, не случайно совпадает с признанием римским императором его полного суверенитета[25]. В тексте некоторых законов

---

[23] *Todd M.* The Early Germans. P. 165.

[24] *Wormald P.* The Decline of the Western Empire and the Survival of its Aristocracy // JRS. 1976. Vol. LXXVI. P. 222–223.

[25] *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. P. 275.

(например, CCLXXVII) упоминается пятидесятилетний срок решения некоторых споров между готами и римлянами. Это вполне может соответствовать середине 20-х гг., когда вестготы разорвали старый договор с империей и стали совершенно самостоятельны.

Законы и Теодориха, и Эйриха относились только к вестготам. Местное римское население должно было подчиняться старым римским законам. Но взаимоотношения между двумя народами, естественно, регулировались законами вестготского короля. Именно эти два юридических поля и были темами вестготских законов.

Заключая в 418 г. договор с вестготским королем, Констанций выделил им земли ad habitandum (*Prosp. Tir.* 1271). Это выражение очень важно. В юридическом плане «поселение» вестготов восходит к ius habitationi, т. е. к праву проживать в чужом доме или его части. Согласно классическому римскому праву, такое «проживание» имеет характер узуфрукта, когда узуфрууктарий, не приобретая в полную собственность чужое имущество, может пользоваться им и извлекать из него доходы[26]. В вестготских законах, о которых речь пойдет позже, не раз говорится именно об узуфрукте и узуфруктуариях, когда речь идет о наследстве (Cod. Eur. CCCXX–CCCXXII).

Другой юридический источник поселения вестготов, хотя и связанный с первым, — институт hospitium militare. Он восходит еще к республиканской эпохе: если войска по каким-либо причинам не могли размещаться в лагерях либо казармах, воины могли располагаться в домах жителей. Так, в 49 г. до н. э. воины Туземного легиона были приняты жителями Гиспалиса in hospitio (*Caes.* Bel. Civ. II, 20). В Поздней империи было установлено, что частные жители должны отдавать своим «гостям» треть своего дома, а если те имели сенаторский ранг illustres, то и половину (Cod. Theod. VII, 8, 3). Правда, при этом воины не имели права требовать ни услуг, ни передачи им людей либо животных (Cod. Theod. VII, 8, 10; 12). Практика подобного «гостеприимства» требовала от хозяев довольно значительных расходов. Биограф Александра Севера специально отмечает, что тот возмещал расходы жителей на содержание больных и раненых воинов (SHA, Alex. 47). После военных реформ Диоклециана и Константина, когда были созданы специальные войска, располагавшиеся внутри империи и в случае необходимости передвигавшиеся по ее территории, практика hospitium militare еще более расширилась. В состав таких войск включали и варварские auxilia, что могло становиться юридической базой их размещения в качестве hospites.

---

[26] *Бартошек М.* Римское право. М., 1989. С. 141.

Именно на таких юридических основаниях были размещены вестготы в Аквитании. Будучи согласно договорам с Констанцием федератами, они считались воинами империи, а воины имели ряд привилегий, в том числе освобождение от различных общественных обязанностей, податей и налогов. За ними была оставлена одна обязанность: воевать с врагами империи. Обеспечением их существования должна была стать земля, которую им выделили, а также налоги с местного населения, которые теперь уходили в казну не императора, а вестготского короля[27]. Но так как свободной земли в Аквитании фактически не было, взять ее можно было только у местных землевладельцев. Юридическим основанием такого изъятия земли могло быть положение о предоставлении «гостям» трети дома, понимая под домом все имение хозяина. Однако вестготы не ограничились третью, а овладели, как полагает большинство историков и историков права, двумя третями обрабатываемой земли и половиной лесов и выпасов. Под давлением римской власти, заинтересованной в поселении здесь вестготов, и страха перед багаудами местные землевладельцы были вынуждены согласиться с таким положением дел. В связи с этим возникает много вопросов.

Численность вестготов была сравнительно небольшой. Полагают, что она едва ли превышала 100 тысяч человек, включая женщин и детей, что составляло приблизительно 2–3% населения Юго-Западной Галлии[28]. После того, как при Эйрихе Вестготское королевство заняло обширные пространства от океана до Альп и от Луары до Гибралтара (по крайней мере, теоретически), доля вестготов в составе населения государства еще более уменьшилась. Но это сравнительно небольшое количество людей занимало господствующее положение в государстве, и одной из задач королей было обеспечить это господство.

Как расселились сами вестготы на этом огромном пространстве, точно неизвестно. Археологи отмечают парадоксальное явление: народ, живший в Галлии в течение почти 90 лет, оставил очень мало осязаемых следов. Конечно, будущие исследования дадут много нового, но пока надо констатировать, что редкие археологические свидетельства присутствия вестготов концентрируются в средней части долины Гарумны (Гаронны)[29]. Жили вестготы и в некоторых городах, где их доля в на-

---

[27] *Durliat J.* Le salaire de la paix sociale dans les royaumes barbares (Ve–VIe siecles) // Annerkung und Intergration. Wien, 1988. P. 60.

[28] Точная цифра готского населения в Южной Галлии неизвестна. Но даже если готов было больше 2–3%, все равно они составляли очень незначительное меньшинство населения этого региона: *Kazanski M.* Les Goths. P. 91.

[29] *Kazanski M.*, *Lepart J.* Op. cit. P. 200–202.

селении могло достигать 10–12%[30]. Естественно, что они обитали в своей столице Толозе), где раскопаны остатки какого-то монументального здания, которое могло бы быть королевским дворцом[31]. Вероятно, это и был район более или менее компактного расселения вестготов в Галлии.

Вне этого района сохранялась в почти полной неприкосновенности прежняя жизнь[32]. Вестготское господство практически не внесло никаких изменений в экономику Юго-Западной Галлии. В городах развивались уже давно существовавшие виды ремесла, в частности изготовления стекла и керамики, регион сохранял старые торговые связи[33]. За городскими стенами сохранялись старые обширные виллы, как, например, вилла Шираган с территорией более 16 га и населением в 1000 человек. Здесь полностью сохранялись старые социальные порядки[34]. Различия по отношению к прежнему времени в основном сводились к уплате галло-римским населением налогов не императору, а варварскому королю. И жившие там люди продолжали чувствовать себя римлянами. И еще много позже, когда вестготы были уже вытеснены за Пиренеи и эти земли были подчинены франкам, территория Франкского королевства к югу от Луары долго называлась Романией[35]. Произошло ли здесь разделение земель и вилл между римлянами и вестготами? Ответить на это вопрос трудно из-за нехватки материала. Однако априорно можно полагать, что нет, не произошло: если вестготы не жили в этом регионе, то, спрашивается, зачем им иметь там земли для поселения? Вполне возможно, что они ограничились лишь сбором налогов, хотя не исключено, что вестготы претендовали на две трети доходов этих вилл и мелких крестьянских участков. В отдельных случаях и на этой территории вестготские короли могли конфисковывать земельные владения конкретных аристократов. Так, потерял свои земли (или, по крайней мере, их значительную часть) Сидоний Аполлинарий, но причиной этого было не расселение в его владениях готов, а политическая позиция поэта и епископа, в какой-то момент враждебная Эйриху.

На территории более или менее компактного расселения вестготов положение явно было иным. Археологические следы вестготского при-

---

[30] Ibid.

[31] *Pailler J.-M.* Tolosa, urbs nobilis // Aquitania. 1996. T. 14. P. 20–21.

[32] *Riche P.* Les temps merovingiens // Histoire de la France. Paris, 1987. P. 87.

[33] *Barraud D.*, *Maurin L.* Bordeax au Bas-Empire // Aquitania. 1996. T. 14. P. 53; *Hochuli-Gysel A.* Les verreries du Sud-Ouest de la Gaul // inid. P. 235; *Amiel C.*, *Berhault F.* Les amphores du Bas-Empire et de l'Antiquite tardive dans le Sud-Oest de la France // ibid. P. 262.

[34] *Duval N.* Le contexte archeologique: les villas du Sud-Ouest // Antiquite tardive. 1993. T. 1. P. 37.

[35] *Riché P.* Op. cit. P. 88.

сутствия обнаружены именно в виллах, так что можно уверенно говорить, что варвары реально заняли две трети земель и строений вилл в этом регионе, пользуясь одновременно половиной лесов и выпасов. Теоретически такое разделение земель, угодий, домов, рабов должно было относиться к самому началу поселения вестготов в Аквитании. В CCLXXVII законе кодекса Эйриха говорится о 50 годах нерушимого владения и готов, и римлян своими имениями. Если считать, что этот кодекс был издан в 475 г.[36], то срок нерушимости отсчитывается от 425 г., т. е. опять же от времени приобретения вестготами полного суверенитета. Правда, если полагать, что Эйрих подразумевал начало своего царствования, то мы получаем 418 г. — год поселения вестготов в Аквитании. Окончательно решить эту проблему пока невозможно. С другой стороны, в одном из законов (CCLXXVI) упоминаются готы, вступающие в имения римлян в качестве госпитов, и это тогда, когда хорошо видны границы имений. Можно предположить, что в 418 г. на территории вестготского поселения варвары вступили в имения римлян в качестве госпитов, и на этом основании стали пользоваться двумя третями (а может быть, пока только одной третью, как и было положено по римским законам) имущества прежних владельцев. А после юридического разрыва с империей вестготы произвели новый передел земель и имущества, включая рабов, после чего новое устройство стало нерушимым.

В Вестготском королевстве два общества — римское и вестготское — существовали раздельно. В первую очередь их разделял религиозный барьер. Римляне были католиками, а вестготы — арианами. Арианство воспринималось как «готская вера», а католичество — как «римская». Вестготские короли даже всячески затрудняли переход из католичества в арианство, стремясь и в этом плане отделить господствующее вестготское меньшинство от возможного растворения в подчиненном римском большинстве. Этому способствовало и запрещение смешанных браков. Само по себе это запрещение было римским установлением, каковым императоры пытались не допустить излишней варваризации империи. Это положение теперь использовали вестготские короли для сохранения вестготского народа. Само издание свода вестготских законов должно было консолидировать вестготов перед лицом преобладающего по численности и намного более культурного местного населения, укрепить его этническое самосознание[37].

---

[36] Или 476: *King P.* King Chindasvind and the First Territorial Law-code of the Visigothic Kingdom // Visigothic Spain. Oxford, 1980. P. 132.

[37] *Garcia de Cortazar J. A.* La epoca medieval. P. 24.

Что касается римского населения, то хотя вестготские короли уже считали себя полностью независимыми от империи, они сохраняли в неприкосновенности римские законы, которые продолжали действовать для этого населения. В 506 г. сын Эйриха Аларих II ввел в действие свой свод законов для римского населения своего королевства, о чем еще будет говориться позже. С этого времени в Вестготском королевстве официально существуют два кодекса — Эйриха для вестготов и Алариха для римлян. При этом в своих отношениях с вестготами римляне, как было сказано, должны были руководствоваться кодексом Эйриха.

За 90 лет своего пребывания в Галлии вестготы, естественно, не остались теми же, что были в 418 г. О развитии вестготского общества свидетельствуют сохранившиеся законы Эйриха. В отличие от римлян вестготы не платили налогов, но зато были обязаны служить в армии. Вестготов даже иногда называют «военным классом» общества. Это не совсем верно. Уже то, что готы, как уже говорилось, жили в виллах, говорит об их занятии и сельским хозяйством. Об этом же свидетельствует упоминание в законах Эйриха быков и других животных, включая упряжных (iumentum) (CCLXXVIII–CCLXXIIII). Земельные участки, полученные вестготами, назывались sortes (жребии) и явно отличались от владений римлян, именуемых tertiae (трети). Означает ли это, что по крайней мере первоначально участки распределялись между вестготами по жребию? Такой вывод обычно и делается. Но возможно и другое объяснение: при распределении земель между готами и местными землевладельцами конкретная доля первых определялась жребием. Хотя земли делились между готами и римлянами в пропорции 2 : 1, едва ли все готы получали равные доли. Виллы местных магнатов были разного размера, и соответственно разными были две трети, получаемые новыми землевладельцами. В научной литературе дебатируется вопрос, были ли в этот раздел включены владения мелких землевладельцев — крестьян, или же такая доля выпала только крупным землевладельцам — магнатам. В законах Эйриха владения (включая церковные имения) именуются fundi (CCLXXV, CCLXXVI, CCCVI), причем из закона CCLXXVI ясно, что речь идет о владениях, существовавших до прихода готов (ante adventum Gothorum). Хотя в праве словом fundus обозначается всякое частное владение, в реальности в Поздней империи оно означало обычно крупное имение. В Аквитании и прилегающих землях было довольно много вилл, так что вестготы при своем сравнительно небольшом количестве (около 20 тысяч воинов) вполне могли обойтись разделом только их. Сохранившиеся владения свободных крестьян были слишком малы, чтобы удовлетворить аппетиты новых хозяев. Поэтому кажется, хотя стопроцентно утверждать это нельзя, что разделу в Юго-Западной Гал-

лии подверглись именно крупные и, может быть, средние земельные владения.

После совершившегося раздела новые имения как вестготов, так и римлян должны были оставаться неизменными. Во всяком случае намеренное или случайное, но главное — не санкционированное королевской властью нарушение границ таких владений наказывалось (CCLXXIIII–CCLXXVII). Споры по поводу тех или иных участков решались либо специальными инспекторами, избранными спорящими сторонами по взаимному согласию, либо различными должностными лицами (CCLXXVI). Земля вообще считалась столь ценной собственностью, что ее нельзя было отчуждать. Даже в случае подарка земли кому-либо этот дар после смерти дарителя возвращается к его наследникам (CCCXX). Законы Эйриха, насколько можно видеть по сохранившимся фрагментам, вообще очень заботятся о сохранении имущества в семье вестгота; даже в случае отсутствия прямых родственников имущество могут наследовать более косвенные, вплоть до седьмой степени (CCCXXXIIII). Едва ли на основании этого можно говорить о сохранении родовых отношений у вестготов. Этот закон скорее свидетельствует о стремлении утвердить частную собственность, ограничивая, однако, возможности ее потери семьей или родственниками. Никаких следов общинного землевладения в сохранившейся части этих законов найти невозможно. Видимо, за годы переселения из Северного и особенно Западного Причерноморья в Юго-Западную Галлию община окончательно распалась, да и трудно представить себе ее сохранение в условиях почти беспрерывного похода.

Основной ячейкой жизни вестготов была моногамная семья. Женщина, вступая в брак, сохраняла свое имущество, и после ее смерти оно переходило к ее детям. Если муж переживал жену, то он распоряжался имуществом детей, унаследованным ими от матери вплоть до их брака или двадцатилетнего возраста, не имея, однако, права как-либо их отчуждать. И вдова могла пользоваться имуществом умершего мужа, не становясь, однако, его собственницей (CCCXXI–CCCXXII). И все же положение супругов было далеко не равноправным. Торжественно провозглашалось, что в соответствии со Священным Писанием муж имеет жену в своей власти. Муж явно мог пользоваться имуществом жены, в том числе ее рабами, и доход, полученный в результате такой деятельности, принадлежал мужу (CCCXXIII). Дети находились в полной власти отца. В одном из законов (CCLXLVIIII) запрещается родителям продавать, дарить или закладывать своих сыновей. Необходимость в издании такого специального закона свидетельствует о распространении подобной практики в вестготском обществе. Это было свойственно многим ранним обществам, включая римское, да и в римском праве подобный

запрет сохранился вплоть до издания кодекса Юстиниана. В то же время надо отметить сравнительно свободное положение вестготской женщины, которая имела свое имущество; и не только мать, но и дочери обладали правом наследования имущества, как и сыновья.

Законы Эйриха позволяют представить социальную структуру вестготского общества к 70-х гг. V в. В сохранившейся части кодекса говорится о двух основных группах населения: свободные (ingenui) и рабы (servi). Нет никаких упоминаний о летах, вольноотпущенниках или колонах. Более поздние источники говорят о колонах и вольноотпущенниках как у вестготов, так и у римлян. Конечно, невозможно говорить о том, *чего* не содержалось в утерянной части кодекса Эйриха, так что нельзя исключить, что там *имелись* какие-то указания на эти категории зависимых людей. Но если судить по сохранившимся законам, в том числе таким, которые относятся к владениям вестготов, к их имуществу, то ни вольноотпущенники, ни колоны, ни древнегерманские леты, которые еще встречались в позднеримском обществе, в вестготском обществе второй половины V в. не засвидетельствованы. Можно думать, что леты в период больших вестготских переселений исчезли, частично слившись с рабами, частично полностью освободившись и перейдя в разряд свободных, а вольноотпущенники и колоны появились у вестготов позже, уже под римским влиянием.

О рабах говорится во многих статьях кодекса: в 12 из 45, т. е. более чем в четверти всех сохранившихся законов, что свидетельствует о широком распространении рабства у вестготов. В ходе многочисленных войн и раздела имущества побежденных число рабов у вестготов должно было увеличиться. Сальвиан (de gub. Dei V, 22) говорит, что многие бедняки предпочитали жить свободными у варваров под видом рабов, чем рабами под видом свободных у римлян. Не касаясь сейчас вопроса, насколько свободной была жизнь этих перебежчиков, надо отметить, что в таких случаях беглые римляне становились, по крайней мере официально, рабами варваров. Раб, естественно, был собственностью господина. Он не являлся юридическим лицом, а его различные действия, например покупка или продажа чего-либо, должны были утверждаться господином, а в противном случае такой акт не был действен (CCLXXXIII, CCLXXXIIII, CCLXXXVII). Сам раб мог быть продан и куплен (CCLXXXVIII, CCLXLI, CCLXLII), как и любая другая вещь. В то же время и у вестготов некоторые рабы имели пекулий (CCLXLII). Видимо, поселение в римских виллах вело к принятию и некоторых видов римского хозяйствования. Раб мог по поручению своего господина совершать те или иные сделки или участвовать в тех или иных делах (CCLXXXIIII, CCCXXIII). В одном из законов (CCXXXIII) упоминается возможность получения чего-либо

рабом без ведома господина. Значит, раб мог все же совершать какие-то сделки самостоятельно, но в случае какого-либо ущерба рабовладелец ответственности за раба не нес. Вообще создается впечатление, что рабы у вестготов были более свободны в своих действиях, чем у римлян. Однако надо иметь в виду, что многие из этих законов были, по крайней мере частично, заимствованы из римского права и, видимо, отражали более позднюю стадию римского рабства. Поэтому говорить о коренном изменении в положении рабов после прихода вестготов не приходится. Более того, сравнивая положение рабов, как оно отражено в сохранившихся законах Эйриха, с тем, как оно рисуется по описаниям античных авторов у древних германцев, можно сделать вывод, что положение рабов ухудшилось. Вероятно, после оседания на римской территории варвары восприняли римские нормы рабовладения, а не распространили на эти территории свои древние нормы. Исчезновение в ходе переселений летов говорит о еще большей поляризации общества, его официального разделения на рабов и свободных.

Свободное вестготское население не было единым. Часть вестготов-воинов отдавалась под покровительство своих более знатных или более богатых соплеменников (коммендировалась патрону). Эти отдавшиеся под покровительство воины, составлявшие частные дружины своих патронов, делились на две группы — букцелариев и сайонов. Само слово «букцеларий» — латинское и происходит от названия солдатской порции — buccella. Букцелариями были римские частные воины или телохранители, которых сначала называли protectores, и первые сведения о которых относятся ко времени императора Каракаллы, который имел отряд таких телохранителей (SHA, Carac. 5, 8). Около 400 г. их стали называть букцелариями (*Olymp.*, fr. 7). Таких телохранителей имели многие видные римляне в V в. Вербовались они преимущественно из варваров, главным образом германцев. Императорское правительство пыталось бороться с этой практикой, но напрасно. Вестготские короли полностью легализовали существование букцелариев.

Из закона Эйриха (CCCX) видно, что букцеларий — свободный человек (ingenuus homo), который переходит во власть (obsequium) своего патрона. От патрона он получает оружие и различные дары. Закон не уточняет содержание этих даров, но едва ли в их число входила земля: при том внимании к земельным вопросам, какое видно в кодексе Эйриха, трудно представить, что в случае дарования букцеларию земли это было бы обойдено вниманием законодателя. Выделение оружия говорит о важности именно этого вида пожалования, ибо букцеларий — это в первую очередь воин. Отношения между патроном и букцеларием могут быть наследственными. Но это не обязательно. Букцеларий, оставаясь сво-

бодным человеком, имеет полную власть уйти к другому патрону, теряя, однако, при этом все полученное от прежнего покровителя. Те же правила распространяются и на детей и патрона, и букцелария. Даже дочь остается во власти патрона, который должен позаботиться о ее браке, а в случае самовольного брака девушка должна отдать патрону все, что получил ее отец. Это, естественно, закрепляло связь между патроном и букцеларием. И все же возможность свободно уйти от патрона (эта возможность определяется в законе словом licentia, что подразумевает полную свободу и даже произвол) резко отличает вестготского букцелария от позднеримского клиента. Законом предусматривается возможность букцелария приобрести что-либо в свою собственность. Но половину им приобретенного букцеларий должен отдать патрону. Вероятно, речь идет о приобретениях, которые воин мог сделать на войне, всегда сопровождаемой грабежом и мародерством. О самостоятельном ведении хозяйства букцеларием нет речи, хотя наличие семьи и предполагает какой-то вид дома и хозяйства.

Другая группа коммендировавшихся патрону — сайоны. Они получают от патрона оружие, которое дается им ради подчинения (pro obsequio). Выражение obsequium говорит о нахождении сайона, как и букцелария, в полном подчинении у патрона. Сайон тоже мог что-либо приобрести, но эти приобретения он должен полностью отдать патрону.

Обе группы коммендировавшихся воинов имеют ряд общих черт. Между букцелариями и сайонами, с одной стороны, и патронами — с другой, устанавливается личная связь с наличие взаимных обязательств. Букцеларии и сайоны обязаны полностью подчиняться (obsequi) патрону, а тот должен их снабжать оружием. Ряд исследователей полагает, что различия между этими группами коренятся в их происхождении: букцеларии были заимствованы готами из римской практики, а сайоны ведут свое начало от древнегерманских дружинников, обязанных, как уже говорилось, верностью своему командиру. Статья, относящаяся к сайону, намного короче той, где говорится о букцеларии. Так, умалчивается об отношениях между патроном или его сыновьями и детьми сайона, нет оговорки о свободном статусе сайона и о его праве в любое время покинуть патрона. Впрочем, последнее ясно подразумевается, когда говорится, что во власти (in potestate) патрона находится все приобретенное сайоном, пока он был сайоном; следовательно, подразумевается возможность выхода его из этого состояния. Очень возможно, что такая краткость объясняется тем, что институт сайонов был уже хорошо известен и не было надобности в его уточнении, в то время как группа букцелариев являлась сравнительной новостью в вестготском обществе.

Но этим различия между букцелариями и сайонами не ограничиваются. В случае перемены патрона букцеларий отдает старому патрону все (omnia), причем это распространяется и на потомков букцелярия. Речь идет и о дарах, и об оружии, которые дал патрон своему букцеларию. В таком случае букцеларий или его сыновья либо внуки должны были отдать и половину приобретенного за время службы. Сайон же в случае оставления своего патрона должен был отдать тому все, что приобрел за это время, но зато данное ему оружие полностью оставалось у него. Оружие явно было высшей ценностью, и это соответствует мышлению «героического века». Сохраняя за собой в любом случае половину приобретенного за время службы, букцеларий получал возможность и после ухода от патрона обладать каким-то имуществом, в то время как сайон, теряя все полученное, кроме оружия, не имел возможности быть более или менее самостоятельным. Это явно привязывало сайона к своему патрону в большей степени, чем букцелария. Последний получал большую возможность маневра. Но надо подчеркнуть, что в законах не предусматривалась возможность полной независимости букцелария; речь шла только о возможности изменения им патрона. В статье, в которой говорится о сайоне, об изменении патрона нет речи, а говорится только о том времени, пока этот сайон находится во власти (in potestate) патрона. Это может объясняться либо краткостью статьи, вызванной известностью положения сайона, либо возможностью для сайона полностью освободиться от клиентских отношений. Думается, что правильнее все же второе предположение. Сайон оказывался, может быть, более связанным с патроном имущественными связями, но являлся все-таки более свободной личностью. Букцеларий был более независим в имущественном отношении, но, признав себя раз чьим-либо клиентом, уже не мог более выйти из этого состояния.

Говоря о букцелариях и сайонах, законы упоминают их патронов, но ничего не говорят о короле. Значит ли это, что король не имел таких вооруженных клиентов? Конечно, имел. О клиентах короля упоминает Иордан (Get. 228, 233). Однако в отношениях с ними он, как и любой другой патрон, выступал как частное лицо. Связи между патронами и этим видом клиентов входили в сферу частного права, но были признаны официально и поставлены под защиту государственного закона, установившего нормы взаимоотношений патронов и их клиентов. Поскольку речь идет о снабжении в первую очередь оружием, ясно, что и букцеларии, и сайоны — дружинники частных лиц. Таким образом, в вестготском обществе V в. явно существовали частные дружины. Поскольку о них говорится в законах Эйриха, патронами и хозяевами дружин были именно вестготы.

Из кого вербовались такие дружины, неясно. Так как законы Эйриха относились и к вестготам, и к отношениям между вестготами и римлянами, то в принципе нельзя исключить, что какая-то часть дружинников могла быть римского происхождения. Но общая обстановка говорит скорее против такого вывода. Оба общества были все же довольно резко разделены. Уже говорилось, что люди, перебежавшие в свое время к готам, официально становились их рабами. Вестготы и римляне различались верой, а браки между ними были запрещены. Так что появление среди дружинников римлян мало вероятно. Следовательно, и букцелариями, и сайонами были именно вестготы. Уже упоминалось, что издавна в германском обществе удальцы собирались вокруг удачливых вождей, составляя их частные дружины (Gefolgschaften, как их называют современные ученые[38]). С образованием вестготского государства такие дружины институизируются. Можно себе представить, что после окончательного оседания на землю часть вестготов по каким-либо причинам поступала на службу к более богатым и знатным соотечественникам. Причины каждого такого поступка неизвестны, и совсем не обязательно, что они были чисто экономические. Но независимо от причин наличие такого института свидетельствует о существовании в вестготском обществе отношений зависимости, которые, однако, ограничиваются патроно-клиентскими связями в рамках военных дружин.

Однако только членством в дружинах роль клиентов, видимо, не ограничивалась. Во всяком случае это ясно в отношении королевских клиентов. Клиент Торисмунда Аскальк сообщил заговорщикам, что король во время выпускания у него крови из вены был безоружен (*Iord.* Get. 228). Это могли знать только довольно близкие люди, обслуживающие короля. Вероятнее всего, этот Аскальк был личным слугой короля. Другой королевский клиент, на этот раз Теодориха II, Агривульф, был поставлен своим патроном во главе разгромленных им свевов (*Iord.* Get. 233). Из этого видно, что король мог распоряжаться клиентами по своему усмотрению. Вероятно, это относилось и к другим патронам. Рассказ Иордана (Get. 233–234) об отношениях между Теодорихом II и Агривульфом проливает некоторый свет на отношения между патроном и клиентом вообще. Клиент должен соблюдать абсолютную верность по отношению к патрону. Нарушение этой верности может быть наказано смертью. Конечно, можно думать, что такая суровость кары объясняется королевским достоинством патрона. Но из рассказа видно, что воины, разгромившие Агривульфа, сами потребовали наказания, соответствую-

[38] *Carnap-Bornheim C.* Die germaniche Gefolgschaft // Peregrinatio Gothica III. Oslo, 1992. P. 45–46.

щего его поступкам (congruam factorum eius... ultionem). Смерть, таким образом, воспринималась как естественное следствие нарушения верности. Несколько выше Иордан пишет, что Агривульф вероломно стал пренебрегать приказаниями короля (praevaricatione... neglexit imperata), и в этом явно заключалось его преступление, потребовавшее военной экспедиции и последующей казни вероломного клиента. Такое поведение Агривульфа Иордан объясняет низостью его происхождения, приведшей его и к пренебрежению свободой, и к несоблюдению верности (nec libertatem studens nec patrono fidem reservans). Свобода клиента и его верность патрону оказываются явлениями одного порядка. Иордан уточняет, что Агриульф был не готом, а варном. Варны — тоже германское племя, видимо, вовлеченное в готский союз. Возможно, что в вестготском обществе они занимали более низкое положение. Но в любом случае они были германцами, а не римлянами. Так что можно говорить, что патроно-клиентские связи существовали именно в германской среде. Рассказывая об Агривульфе, Иордан упоминает, что тот вместе с королем участвовал в разгроме свевов и на этом основании полагал, что своей доблестью получил управление подчиненными свевами (credens se ea virtute provinciam obtinere, qua dudum cum domino suo ea subigisset). Это показывает, что Агривульф был не простым воином, но командиром какой-то воинской части. Клиент, таким образом, по крайней мере клиент короля, мог и командовать каким-либо отрядом. Иордан употребляет слово cliens, не уточняя, является ли этот клиент букцеларием или сайоном. Видимо, с точки зрения отношений между патроном и клиентом это было неважно. И те, и другие были обязаны полностью выполнять все распоряжения своего патрона независимо от конкретного поручения, ими полученного. Патрона Иордан называет «господином» (dominus). Это свидетельствует о значительной его власти над клиентом. Говоря о судьбе Агривульфа, Иордан говорит только о казни по требованию вестготских воинов, но совершенно умалчивает о каком-либо виде суда над неверным клиентом. Вероятно, патрон (господин, dominus) имел в отношении своего клиента право любого наказания.

Большинство вестготов оставалось явно вне этих отношений. Они составляли основную массу вестготского войска, как это было на Каталаунских полях. Там они, по крайней мере, подтверждали появление нового короля. Но уже скоро, как мы видели, эта роль переходит к знати. Согласно законам Эйриха (CCCXX и особенно CCCXXVII), все дети, а в случае смерти сына и внуки, наследуют имущество умершего. Если тому или иному вестготу принадлежало сравнительно небольшое имущество, а имущественное неравенство явно существовало, то доля каждого последующего наследника неумолимо сокращалась. Новые же

переделы земли, как говорилось выше, запрещались. Это не могло не вести к появлению и дальнейшему увеличению числа малоимущих вестготов. Упомянутое выше запрещение продавать своих детей ясно говорит о существовании такой практики у вестготов, что, в свою очередь, свидетельствует о разорении какой-то части вестготского населения[39]. По-видимому, в V в. процесс расслоения еще не очень ощущался, так как со времени поселения в Аквитании сменилось всего два-три поколения, но в будущем он мог грозить распадом вестготского общества и, следовательно, составлял потенциальную угрозу положению германцев перед лицом римского населения.

В эту эпоху начинает формироваться вестготский государственный аппарат. Во главе государства, естественно, стоял король. Он издавал законы, как это делали Теодорих I, Эйрих и его безымянные предшественники (как уже говорилось, вероятно, его старшие братья), командовал войсками и осуществлял общее руководство обществом. Командование отдельными армиями он мог передавать и другим лицам. Так, против багаудов воевал брат короля Фредерих (*Hydat.* 158). При короле состояли комиты, или графы. Они, например, присутствовали при ответе Теодориха I послам римского императора, одобрив при этом ответ. «Сильные», т. е., вероятнее всего, те же графы, как уже говорилось, приветствовали его преемника при вступлении в Тулузу. Они явно составляли королевский совет, переняв те функции, которые ранее принадлежали всему народу.

Статья CCCXXII кодекса Эйриха упоминает графа общины (comitem civitatis). Наряду с ним упоминаются также милленарий (millenarius) и судья (iudex). Все они выполняют одну и ту же судейскую обязанность: на их суд отдают сыновья обвинение против матери, если та из-за ненависти или небрежения разоряла ту часть имущества детей, которую она приняла как узуфрукт. Мы уже видели, что термин iudex применялся, вероятно, к тем готским правителям, которые не имели королевского титула и, по готским понятиям, не могли на него претендовать. Были ли судьи времени Эйриха наследниками этих готских «магистратов» или же эта должность была вестготами заимствована из римской юстиции? Ответить на это вопрос пока невозможно, хотя вероятнее все же последнее. Упоминания судей относительно часты в кодексе Эйриха, что говорит о попытке королевской власти ввести спорные дела в более определенные и четкие юридические рамки. Что же касается милленариев, то это была ранее чисто военная должность. Милленарий, или thiufadus,

[39] *Dominguez Monedero A.* La Cronica Caesaraugustana y la presunta penetracion popular visigoda en Hispania // Los Visigodos. Murcia, 1986. P. 63.

по своему происхождению — чисто военная должность. В готском войске он командовал тысячью воинов. До принятия в той или иной степени римского строения армии войско готов делилось по десяткам, сотням, пятисотням и тысячам. Во главе последней единицы и стоял «тысячник» — милленарий, тиуфад. С оседанием вестготов на землю значение военного командования, по-видимому, уменьшилось, и милленарий получает и гражданские функции. Насколько эти полномочия были шире судейства по имущественным вопросам, мы не знаем, так как сохранилась лишь относительно незначительная часть кодекса Эйриха. Можно только предполагать, что спорами детей с матерью эти полномочия не ограничивались.

Выражение comes civitatis предполагает, что эти должностные лица назначались из тех comites, которые окружали короля. В римской Галлии civitates являлись не городами, а низшими административными единицами, созданными на основе прежних племен. После кризиса III в. значение общин еще более выросло за счет городов. Вероятнее всего, вестготы, не изменяя принятого административного деления, во главе общин поставили своих графов. Упоминание в одном ряду этих графов, милленариев и судей говорит о нерасчлененности судебных полномочий между различными вестготскими должностными лицами и о еще сравнительной слабости государственного аппарата. Об этом же может говорить и статья CCLXXX, предусматривающая обязанность обворованного самому найти вора.

Законы Эйриха относились к вестготам и спорам между ними и римлянами. Тем не менее многие детали судопроизводства и особенно решения различных споров были заимствованы вестготами из римского права. Так, в случае спора между готами и римлянами по поводу тех границ имений, которые не будут четко определены на местности, надлежит избрать по согласию сторон специальную инспекцию судящих (inspectio iudicantium) (CCLXXVI). В период Поздней империи инспектор являлся низшим административным чиновником, определявшим, в частности, реальную стоимость чего-либо. В Вестготском королевстве это было перенесено на определение границ имений. Такая инспекция избиралась самими спорящими, так что подобные дела изымались из юрисдикции государства и его судей. В некоторых случаях третейский суд (arbitrium) мог решать дело о справедливом возмещении убытков должника и кредитора в случае несчастья, постигшего первого (CCLXXII). Арбитры и их приговоры были широко распространены в римской юридической практике.

Среди судей в одной из статей (CCLXXXIIII) упоминаются местные судьи (locorum iudices). Они разбирают споры между продавцом и по-

купателем. В статье ничего не говорится об их избрании по согласию сторон, так что ясно, что это — не зависимые от тяжущихся сторон лица, скорее всего — государственные чиновники. Их введение свидетельствует о попытках властей все же довести полномочия государственной власти до самого нижнего уровня общества.

В законах неоднократно упоминаются различные штрафы, которые должны платить свободные вестготы (ingenui) за те или иные проступки. Штрафы эти определяются в солидах; например, за нарушение границ имения виновный должен был заплатить 20 солидов (CCLXXIIII). В несохранившейся много большей части кодекса упоминаний таких штрафов явно было больше. Эти штрафы были одним из главных источников пополнения королевской казны. В законе, сохранившемся от времени Эйриха (L. Vis. X, 1, 6), говорится о фиске. Это свидетельствует о существовании государственной казны, отделенной от личного имущества короля. Определение штрафов в денежной форме свидетельствует о распространении денежного хозяйства в вестготском обществе. Об этом же говорят и статьи о ростовщичестве (CCLXXXV) и о залоге под проценты (CCLXXXI). Наличие таких статей ясно свидетельствует об имущественном расслоении среди вестготов. Королевская власть устанавливает предельный ростовщический процент приблизительно в 12,5% или солид на восемь взятых в долг. Это довольно высокий процент. Но он практически соответствовал римской практике того времени; только в следующем веке Юстиниан снизил ростовщический процент наполовину, доведя его до 6%. Так что можно считать, что закон в данном случае зафиксировал практику, какую застали вестготы при своем поселении в Галлии и которую они заимствовали.

Вестготская экономика обладала несомненным товарным характером. В кодексе Эйриха выделена специальная глава «О продажах», тщательно регламентирующая различные сделки. При этом определяется возможность письменного закрепления той или иной продажи, и такая продажа становилась нерушимой, а при отсутствии письменного закрепления сделки таковая утверждается при наличии ее свидетелей (CCLXXXVI). Предусматривались самые разные варианты купли-продажи, что говорит о разнообразии товарных отношений. Предметами купли-продажи были и рабы, и различные вещи (species), и даже драгоценные металлы — золото и серебро (CCLXXX). В статье CCCVIII упоминается завещание (testamentum), действенность которого распространяется на самые разные дары, не уточняемые в этой статье (в несохранившихся статьях содержание завещания могло быть рассмотрено подробнее), и лишь земля, как об этом уже говорилось, изымалась из возможности передать ее другому лицу по своей воле.

Таким образом, вестготское общество накануне переселения вестготов в Испанию было уже довольно развитым. Это был не союз племен, а полноценное государство во главе с королями из рода Балтов. Уже формируется государственный аппарат, на который довольно значительное влияние оказали римские порядки. В этом государстве существуют два кодекса законов, действенных для двух его составляющих частей: кодекс Эйриха для вестготов и отношений между ними и римлянами и кодекс Алариха для римлян. Последний с небольшими изменениями воспроизводил и упорядочивал существующее римское право. Вестготы не вмешивались в хозяйственную жизнь римского населения своего государства, а их собственная экономика все более приближалась к римской и по способам хозяйствования, и по товарно-денежному характеру. В вестготском обществе наряду с существованием и, пожалуй, даже увеличением рабства сохранялись и развивались патроно-клиентские отношения, но они не распространялись на производственную сферу. Ни о каком равенстве между вестготами говорить уже не приходится. Старые племенные институты, вроде народного собрания, если еще формально и существовали, то значительной роли уже не играли. Можно говорить, что в социальном, экономическом и в меньшей степени политическом плане вестготское общество сближается с римским. Но политическое господство вестготов, различия в религии и языке, запрещение смешанных браков, наличие двух правовых систем — все это резко разделяло вестготов и римлян.

В правление Эйриха Вестготское королевство стало наиболее сильным из всех варварских государств, возникших на территории Западной Римской империи. Но период его политического могущества оказался недолог.

Глава VI

КРУШЕНИЕ ТУЛУЗСКОГО КОРОЛЕВСТВА

АЛАРИХ II

Эйрих умер в 484 г. Его правление стало временем не только наивысшего расцвета Вестготского королевства, но и укрепления вестготской монархии. На смену ему пришел его сын Аларих. Иордан (Get. 245) просто отмечает, что Аларих наследовал (successit) отцу. Ни о какой роли ни готских воинов, ни знати не говорится. Можно смело утверждать, что у вестготов укрепился (и на тот момент, казалось, окончательно) династический принцип, и трон стал собственностью рода Балтов.

В начале правления Алариха II положению Вестготского королевства, казалось, ничто не угрожает. Власть Алариха распространялась на огромную территорию от Атлантического океана до Альп и от нынешнего Гибралтарского пролива до Луары (Лигера). Это было самое обширное варварское государство в Европе. Победы Эйриха увеличили престиж вестготов, казавшихся непобедимыми. В 489 г. их родственники остготы во главе с королем Теодорихом выступили против правившего в Италии Одоакра и вторглись в эту страну. Сначала остготы сравнительно легко преодолели сопротивление армии Одоакра, но уже в следующем году тот сумел перейти в контрнаступление и даже осадил своего противника в Тицине (Павии). И тогда на помощь остготам пришли вестготы. Вестготская армия, в свою очередь вторгшаяся в Италию, добилась снятия осады с Тицин, а затем вместе с остготской вступила в бой с войсками Одоакра на реке Адде, и здесь 14 августа 490 г. соединенные готские силы наголову разгромили разнородное войско Одоакра[1]. После этого война в Италии свелась к осаде Равенны, продолжавшейся два с половиной года, но вестготы в ней, кажется, уже не участвовали. В конце концов Одоакр сдался, и Теодорих стал владыкой Италии. Остготское королевство в Италии становилось естественным союзником Вестготского.

---

[1] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 423–424; *Duwel K.* Alarich II // RLGA. Bd. I, 2. S. 128.

Но в это время изменилось положение в Северной Галлии. Когда вестготы овладели Юго-Западной и даже Южной Галлией, а бургунды — Юго-Восточной, северная часть страны, где еще сохранялась римская власть, была отрезана от Италии. Там практически самовластно правил Эгидий, а через некоторое время после его смерти правителем Северной Галлии стал сын Эгидия Сиагрий. Григорий Турский (II, 27) даже называет его королем римлян (rex Romanorum). Это, конечно, неверно, и он, скорее всего, имел титул римского патриция (*Fred.* III, 15), но хорошо отражает реальное положение Сиагрия. По-видимому, между Сиагрием и Аларихом установились если не дружественные, то мирные и, видимо, взаимовыгодные отношения. Но в 481 г. королем франков, уже живших на северо-востоке Галлии, стал воинственный Хлодвиг, который через четыре года вторгся во владения Сиагрия. В битве под Суассоном, столицей Сиагрия, тот был разгромлен и бежал к Алариху. Хлодвиг под угрозой войны потребовал выдать Сиагрия. Аларих не решился сопротивляться, и по его приказу Сиагрий связанным был выдан франкским послам, после чего убит по приказу Хлодвига (*Greg. Tur.* II, 27). В результате этой войны Северная Галлия стала частью Франкского королевства. Выдача Сиагрия не привела к установлению хороших отношений с франками. Вестготы получили к северу от своей границы нового и довольно сильного врага.

Хлодвиг не ограничился завоеванием Северной Галлии, его целью было подчинение всей Галлии. А для этого было нужно сокрушить вестготов. В скором времени после победы над Сиагрием Хлодвиг начал войну с вестготами. Это была первая из долгой серии войн между вестготами и франками. Они шли с переменным успехом, но натиск франков становился все сильнее. Возможно, что в этих условиях часть вестготов стала переселяться в подчиненную Испанию[2]. Около 500 г., воспользовавшись раздорами в бургундском королевском доме, Хлодвиг вторгся в Бургундию. Армия бургундского короля Гундобада потерпела поражение, и сам король с трудом спасся. Но франки, решив, что они достаточно ослабили Бургундское королевство, ушли, а Гундобад обратился за помощью к Алариху. И тот, трезво оценив обстановку, пришел ему на помощь. С помощью вестготов Гундобад разгромил своего брата Гондигизела, поддерживаемого франками, и в награду за помощь отдал Алариху город Авенион (Авиньон). Эти события еще более укрепили положение вестготов и их короля. Но это вызвало и новое беспокойство Хлодвига. Было ясно, что дело идет к решительной развязке.

---

[2] *Duwel K.* Alarich II. S. 128.

ИСПАНСКИЕ ПРОВИНЦИИ ТУЛУЗСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Как уже говорилось, в 475 г. Юлий Непот признал власть короля Эйриха над всеми завоеванными им землями, в том числе и над Испанией. Сейчас трудно сказать, на какую территорию Пиренейского полуострова реально распространялась власть вестготов. Большая часть Тарраконской Испании и прилегающие к ней области, конечно, находились под властью вестготов. Зато северные горцы фактически не подчинялись никому. На северо-западе, в Галлеции, сохранялось Свевское королевство. Возможно, в его состав входила и северная часть Лузитании. Остальная часть этой провинции с ее столицей Эмеритой, несомненно, признавала власть вестготов. Об этом ясно говорит надпись из Эмериты, датируемая 483 г., в которой не только упоминается вестготский герцог Салла, но и событие (восстановление стен и моста) датируется временем могущественного короля готов Эйриха[3]. Сложнее обстояло дело на юге. Вполне возможно, что Бетика номинально признавала власть вестготского короля, но на деле она была полностью независима[4]. Не исключено, что местные жители еще считали себя подданными императора, жившего в далеком Константинополе, но если это было и так, то никак не отражалось на реальном положении в провинции. Таким образом, можно считать, что не вся Испания, но все же ее большая часть находилась под прямым управлением вестготов.

Какая-то часть знати Тарраконской Испании оказала вестготам сопротивление, чем и объясняются военные операции в этой провинции. И эти люди, несомненно, понесли определенный ущерб. Исидор (Hist. 34) выразительно отмечает, что Эйрих уничтожил знать Тарраконской провинции, которая ему сопротивлялась. И в этом отношении его поступки в Испании не отличались от того, что он делал в Галлии. Хорошо известно, что в Галлии Сидоний Аполлинарий был изгнан и потерял все свое богатейшее имущество, конфискованное Эйрихом (Sid. Ap. Ep. IX, 3, 3), и это было вызвано его политической позицией: будучи епископом Клермона, он возглавил защиту этого города от вестготов5. Едва ли иначе обстояло дело в Испании. Григорий Турский (II, 25) рассказывает о преследованиях Эйрихом католиков в Галлии, которые он начал после захвата Испании. Была высказана мысль, что антикатолические репрессии этого короля не распространялись на Испанию6. Действительно,

---

[3] *Alba Calzado M.* Consideraciones arqueologicas en torno al siglo V en Merida // Merida, 1996. P. 364–365; *Arce J.* Merida tardorromana. P. 191; *idem*. Barbaros y romanos... P. 147.

[4] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 525.

[5] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 343.

[6] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 59–60.

Фибула в виде орла

нет никаких известий об антикатолических гонениях Эйриха. Но трудно себе представить, что король вел неодинаковую политику в двух частях своего королевства. Да и вполне возможно, хотя Исидор об этом не говорит, что убийства тарраконских аристократов могли проводиться (хотя бы частично) под религиозным лозунгом[7]. Поэтому скорее всего подобные преследования происходили и в Испании. Но едва ли это было вызвано фанатичным арианством короля: Эйрих был слишком умным политиком, чтобы таким образом восстанавливать против себя подавляющее большинство подчиненного населения. Хотя в то время уровень религиозности был весьма значительным и чисто религиозные проблемы порой приводили к кровавым столкновениям, все же чаще за ними стояли политические вопросы. В условиях распада римской административной системы епископы часто оказывались фактическими правителями своих диоцезов, и в большой мере от их позиции в данной ситуации зависело политическое или военное решение. Тот же Сидоний, как было сказано, возглавлял сопротивление своей епархии Эйриху.

С другой стороны, в Эмерите вестготский герцог Салла, несомненно арианин, сотрудничал с епископом этого города Зеноном, как это видно из упомянутой выше надписи. Зенон был не простым епископом: папа Симплиций назначил его апостолическим викарием в знак признания его заслуг по недопущению крушения корабля церкви[8]. Можно только догадываться, в чем заключались эти заслуги; скорее всего, в налаживании хороших отношений с германцами, что и позволило ему сохранить неприкосновенность церкви. Да и в надписи говорится о любви Зенона к своей родине (amor patriae), которая и подвигла его вместе с готским герцогом взяться за восстановление города. Наконец, весьма говорящий пример — Винцентия, который перешел на сторону Эйриха и не только сохранил ранг дукса, но и занял весьма высокое

[7] Впрочем, надо иметь в виду, что Исидор был фанатичным католиком и, следовательно, решительным противником арианства, и в других случаях он отмечает антикатолические гонения вестготских королей. Поэтому в данном случае надо быть осторожным и от какого-либо окончательного утверждения воздержаться.

[8] *Alba Calzado M.* Consideraciones... P. 382.

место в окружении короля. Именно его Эйрих направил во главе армии в Италию, где он и погиб.

Военные действия, естественно, сопровождались грабежами, разорениями и разрушениями. Чрезвычайно пострадала Эмерита, в течение V в. не раз переходившая из рук в руки, что доказывается и археологией[9]. Но после завоевания вестготский король явно был озабочен восстановлением страны, ибо разоренные земли и города ему, конечно же, были не нужны. Трудно сказать, является ли восстановление стен и моста Эмериты личной инициативой герцога, привлекшего к этому делу епископа, или же, наоборот, епископа, воспользовавшегося наступлением относительно мирного времени и убедившего герцога способствовать восстановлению, или же герцог вообще действовал по приказу короля. Думается, что в последнем случае это едва ли было бы опущено в надписи. Но в целом работы по восстановлению Эмериты вписываются в общую политику вестготов. Король не был заинтересован и в оставлении имений испано-римской знати. До массового переселения вестготов в Испанию земли им не были нужны, и они явно ограничивались получением с них доходов. Установление относительной политической стабильности вело и к стабильности в отношениях с местной знатью. В Галлии, как уже говорилось, активный противник Эйриха Сидоний Аполлинарий потерял свои владения, но его сын спокойно перешел на сторону вестготов и позже храбро сражался под знаменами вестготского короля, возглавляя своих земляков. Он явно получил назад хотя бы часть владений отца, а может быть, и новые. Для Испании таких сведений нет, но, как уже говорилось, политика в двух частях одного королевства едва ли была радикально различной. Да и археология показывает, как об этом подробнее пойдет речь позже, сохранение большого количества богатых римских вилл, и в большинстве из них никакого перерыва в V в. не отмечено.

Как было организовано управления испанскими владениями Тулузского королевства, точно не известно. Префектура Галлия была уничтожена. Нет никаких сведений о сохранении диоцеза Испании. Видимо, и эта административная единица перестала существовать. Но провинции сохранились, и они, как будет сказано позже, сохранятся до самого конца Вестготского королевства. Королевскими представителями на местах были герцоги, или дуксы[10]. Григорий Турский (II, 20) сообщает, что Эйрих на четырнадцатом году своего правления, т. е. в 479 г., назначил Виктория герцогом над семью сравнительно недавно завоеванными городами Галлии. В Испании известно о двух герцогах (дуксах) — Салле

[9] Ibid. P. 365–381; *Arce J.* Merida tardorromana. P. 181–191.

[10] Herzog — германское, dux — латинское обозначение одной и той же должности.

в Лузитании и Винцентии в Тарраконской Испании. Один из них был готом, другой — римлянином. Но если о Винцентии можно с некоторыми оговорками сказать, что он какое-то время после вестготского завоевания управлял всей провинцией, как это было и до завоевания, то утверждать, что Салла правил всей Лузитанией, нельзя. Но надо иметь в виду, что Эмерита (Мерида), восстановлением которой он занимался вместе с местным епископом, была столицей провинции, а в недавнем прошлом и всего диоцеза. Так что все-таки очень возможно, что власть Саллы распространялась на всю Лузитанию. Города, видимо, сохраняли свою систему управления, а латифундии, оставшиеся у их прежних господ, естественно, продолжали находиться в их власти.

В некоторых местах, особенно в наиболее важных в стратегическом отношении, вероятно, были оставлены вестготские гарнизоны[11]. Но какова была их численность, неизвестно. Эйрих и Аларих вели почти бесконечные войны, и оставлять в завоеванных странах и городах значительные гарнизоны едва ли были в состоянии. Во время завоевания Испании вестготское войско, вторгнувшееся в эту страну, возглавил комит Гаутерит. Командующим армией, действовавшей на побережье Тарраконской Испании командовал Гольдефред, ранг которого не уточняется (Chron Gal. 651–652). И все же можно, вероятно, говорить, что готскими войсками в Испании командовали комиты. Но насколько при этом был выдержан принцип римской военной иерархии, сказать трудно. Гольдефред действовал вместе с армией дукса Испаний Винцентия. Это был римский командующий, перешедший на сторону вестготов. Создается впечатление, что Гольдефред и Винцентий были равноправными командующими. Видимо, Винцентий перешел на службу Эйриху вместе со всем своим войском, которым и продолжал командовать. Немногим позже положение, как кажется, изменилось. Эйрих поставил того же Винцентия во главе армии, направленной в Италию (Chron Gal. 653). Хроника называет его quasi magistrum militum. И это выражение quasi говорит о том, что официально ранга командующего Винцентий не имел, хотя, по-видимому, Эйрих и счел его военные качества столь высокими, что поручил ему завоевание Италии. По-видимому, на высшие военные должности вестготский король ставил все же только вестготов, а услугами римлян пользовался лишь по мере надобности.

Под 494 г. «Цезаравгустанская хроника» сообщает, что готы вошли в Испанию, а под 497-м, что они заняли места в Испании (sedes acceperunt). Каково конкретное содержание этих кратких сообщений, спорно: одни исследователи полагают (и это, пожалуй, традиционная точка зрения),

[11] *Dominguez Monedero A.* La Cronica... P. 64.

что речь идет о начале переселения вестготов из Галлии в Испанию, другие — о военной операции готов[12]. В большой степени решение зависит от оценки того сообщения, которое помещено между этими двумя под 496 г. — о захвате в Испании тирании неким Бурдунелом, который в следующем году был предан своими и уведен в Тулузу, где в наказание сожжен живым. Но кажется необходимым обратить внимание и на события в Галлии.

Как уже говорилось, попытка Алариха задобрить Хлодвига выдачей ему Сиагрия не удалась. В 496 г. Аларих отбил город Сантоник у Хлодвига. Следовательно, за какое-то время до победы Алариха он находился в руках франков. Этот город находился в самом сердце вестготских поселений в Аквитании[13]. Удар Хлодвига явно был направлен на полное вытеснение готов из Галлии или их подчинение. В этих условиях, как упоминалось, совсем не исключено, что какая-то часть вестготов предпочла покинуть Галлию и перебраться за Пиренеи. Считать же, что первое упоминание «Цезаравгустанской хроникой» вхождения готов указывает на войска, направленные против мятежника Бурдунела, не позволяет хронология: Бурдунел захватил «тиранию» через два года после появления готов. Скорее в этом мятеже надо видеть реакцию испанцев на появление вестготов.

О выступлении Бурдунела известно очень мало. Его имя — кельтское[14], и, хотя само по себе оно еще не гарантирует его местного происхождения, делает его все же более вероятным. Важно и сообщение хроники о захвате им тирании. И у позднеантичных, и у идущих вслед за ними раннесредневковых авторов понятие тирании связывается не с народным выступлением (которое обычно приравнивается к разбойному), а с узурпацией власти со стороны сравнительно высоко поставленного деятеля, как, например, Магненция или Магна Максима. Поэтому речь явно не может идти о народном выступлении, подобном восстанию багаудов. Конечно, вполне возможно нахождение в высшем слое вестготского королевства людей, к собственно готам не относившихся, тогда Бурдунел мог быть одним из готских командиров. И в таком случае поведение Бурдунела было подобно поведению Айулфа (Айола), который был клиентом вестготского короля, назначенным им управлять побежденными свевами, но решившим самому захватить королевскую власть[15]. Бурдунел держался у власти довольно долго. Это свидетельствует о наличии у него какой-то поддерж-

---

[12] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 60–61; *Garcia Moreno L. A.* Historia de España visigoda. P. 78–80; *Dominguez Monedero A.* La Cronica... P. 61–66.

[13] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 61.

[14] *Dominguez Monesero A.* La Cronica... P. 64.

[15] Ibid. P. 64–65.

ки. Может быть, эту поддержку ему оказала местная испано-римская знать, надеявшаяся с его помощью освободиться от подчинения вестготам. В любом случае мятеж Бурдунела был направлен против вестготов.

В хронике ничего не говорится о районе восстания. Автор «Цезаравгустанской хроники» неизвестен, но с большой долей вероятности предполагается, что им был епископ Цезаравгусты Максим, один из самых образованных людей своего времени, написавший, по словам Исидора (De vir. ill. 65), среди прочего небольшую историю (historiolam) о тех временах, когда готы действовали в Испании[16]. От этой хроники дошли только небольшие фрагменты. И все они концентрируются на событиях, связанных с самой Цезаравгустой. Поэтому можно думать, что и выступление Бурдунела произошло где-то в этом районе, т. е. в Тарраконской Испании. Сравнительно недавно часть знати этой провинции пыталась оказать сопротивление вестготам, за что и подверглась репрессиям. Несколько позже, как уже говорилось, положение в провинции стабилизировалось и репрессии прекратились, на что могла повлиять смерть Эйриха. Поскольку сами вестготы в Испании сразу после подчинения этой страны не селились, то и раздела имений здесь не произошло. Однако появление в Испании готских переселенцев изменило или, по крайней мере, могло изменить положение, что и вызвало соответствующую реакцию. Испанцы могли воспользоваться тем, что королю, занятому отпором франками, было не до Испании. Сами ли они подняли восстание, или местный готский командир кельтского происхождения также воспользовался затруднениями короля и попытался захватить власть, а испано-римская знать использовала его мятеж для свержения готской власти вообще, не так важно.

Хроника говорит, что Бурдунел принял тиранию (tyrannidem assumit). Означает ли это, что он провозгласил себя императором[17]? Упомянутые выше Магненций и Магн Максим имели императорский титул. «Писатели истории августов» называют тиранами тех, кто во времена Галлиена и Аврелиана выступал против этих императоров и обычно присваивал себе императорский титул. Характерно замечание автора «Квадриги тиранов» (2): в противоположность Марку Фронтею, считавшему Фирма не принцепсом, а разбойником, он вместе с другими историками утверждает, что Фирм облекся пурпуром и даже выпускал свои монеты с титулом августа, и на этом основании включает его в число четырех тиранов. Однако надо иметь в виду, что Максим, если он действительно был автором «Цезаравгустанской хроники», жил уже в начале VII в.[18] Во всяком случае последнее событие, в ней отмечаемое,

[16] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 169.
[17] Ibid. P. 170.
[18] Ibid. P. 169.

произошло в 568 г. И можно ли быть уверенным, что в это время «тирания» обязательно означала присвоение императорского пурпура? В устах и под пером испанских писателей VII в. (или несколько более раннего времени) это могло означать всякое незаконное присвоение власти.

К тому времени Западной империи уже не существовало, и единственный император сидел на троне в Константинополе. Против него тоже не раз выступали различные претенденты на трон, которых можно было квалифицировать как тиранов. И императоры, естественно, очень ревниво относились к таким претензиям. Провозглашение Бурдунела императором стазу же ставило бы его во враждебные отношения не только к вестготскому королю, но и к императору. Незадолго до вестготского завоевания тарраконская знать подчеркивала свое почитание императоров, сделав почетную надпись в честь западного императора Антемия и восточного Льва (ILS 815). Не исключено, что, поднимая или поддерживая мятеж, она рассчитывала на поддержку императора. Сравнительно недавно император Зенон направил остготского короля Теодориха на свержение Одоакра[19]. Правда, пока шла война Теодориха с Одоакром, Зенон умер, а его преемник Анастасий отказался от обязательств предшественника[20], но это не меняет того, что остготский король официально по поручению императора свергал узурпатора, захватившего власть в Италии. Не могло ли так же произойти и с Испанией? Конечно, эти расчеты были совершенно неосновательны: Анастасию было совершенно не до далекой Испании, ему надо было отбиваться от врагов на Востоке. Но если такие расчеты существовали, то поддержать человека, незаконно присвоившего себе титул императора, испано-римская аристократия не могла. Так что вопрос о форме власти Бурдунела надо оставить открытым.

Восстание продолжалось около года или немногим больше. Это может говорить о масштабе выступления. Но надо иметь в виду также, что Аларих, занятый войной с франками, проникшими в самый центр его владений, был, вероятно, не в состоянии сражаться на два фронта. Но в том же году, когда Бурдунел выступил, вестготы сумели вытеснить франков из своих владений, и в следующем году Аларих уже направил войска в Испанию. О ходе военных действий ничего не известно. Бурдунел, по-видимому, потерпел поражение, и, как это обычно бывает после поражений, он был предан своими, захвачен и увезен в столицу, где был подвергнут жестокой казни.

На следующий год готы, по свидетельству этой же хроники, снова появились в Испании, заняв некоторые sedes. Sedes обозначает, в част-

---

[19] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 422.

[20] Ibid. P. 453.

ности, место жительства, жилище. Поэтому едва ли надо сомневаться, что речь идет именно о поселении вестготов в какой-то части Испании, вероятнее всего, в Тарраконской провинции. Можно предположить, что вестготские воины, посланные Аларихом на подавление мятежа Бурдунела, получили в мятежной области какие-то участки. Хроника отмечает сначала занятие готами каких-то мест, а затем о выдаче Бурдунела его сторонниками. Вероятно, король направил часть своих воинов в Испанию и предоставил им земли. Связь поселений готов и выдачи Бурдунела позволяет думать, что какие-то сторонники последнего, надеясь на сохранение не только жизни, но и владений, предпочла в таких условиях перейти на сторону победителя. Как бы то ни было, выступление Бурдунела закончилось поражением, и власть вестготского короля в Испании еще более укрепилась.

События 90-х гг. V в. означали, что вестготы начали уже осваивать подчиненные им земли Испании. В тот момент это осваивание только началось. Массовое переселение вестготов за Пиренеи произошло только после 507 г., о чем речь впереди. Но возможно, что, хотя и в сравнительно небольшом масштабе, оно не прекращалось и в конце V и в начале VI в. В начале этого столетия, как и в 90-е гг. предыдущего, это вызвало реакцию в виде нового восстания.

В 506 г., как сообщает «Цезаравгустанская хроника», готы взяли Дертозу и убили тирана Петра, голова которого была доставлена в Цезаравгусту. В отличие от имени Бурдунел имя Петр было уже известным и довольно распространенным христианским именем. Среди готов такие имена распространены еще не были, так что Петра можно с полным правом считать испано-римлянином. Этот город был расположен в нижнем течении Ибера недалеко от моря. Таким образом, ареной выступления Петра была (и теперь в этом уже нельзя сомневаться) Тарраконская Испания, т. е. меньше чем через десять лет эта провинция (по крайней мере, ее часть) снова поднялась против вестготов. Это могло быть связано как с тем, что именно в ней в то время начали поселяться вестготы (позже положение изменится), так и с тем, что эта провинция последней оставалась под римской властью, в ней римское влияние ощущалось сильнее, чем в других местах, и ее знать острее чувствовала свое подчинение варварам, которые к тому же были еретиками[21]. Когда Петр поднял восстание, неизвестно: в 506 г. оно было подавлено. Не исключено, что Петр и Бурдунел были каким-то образом связаны с франками[22].

---

[21] Ср.: *Beltrán Torreira F. M.* El concepto de barbarie en la Hispania visigoda // Los Visigodos. P. 53–55.

[22] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 82.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В начале VI в. одним из самых могущественных государств становится Остготское королевство. Король Теодорих не только укрепился в Италии, подчинив себе и некоторые прилегающие территории, но и стремился играть ведущую роль в общей европейской политике. Важным орудием этой политики стали брачные связи, с помощью которых Теодорих намеревался создать сеть германских государств, управляемых одной королевской семьей[23], в которой ведущую роль будет играть, разумеется, он сам. Сам Теодорих уже вскоре после завоевания Италии женился на дочери Хлодвига Аудефледе. Сестра Теодориха Амалафрида стала женой вандальского короля Тразамунда, а племянница Амалаберта — тюрингского короля Герминафрида. Распорядился Теодорих и руками своих дочерей. Одну он отдал в жены наследнику бургундского трона Сигизмунду, а другая его дочь, Теодегото, стала женой Алариха II (*Procop.* Bel Goth. I, 22)[24]. Такая система брачных союзов должна была, по мысли Теодориха, стать прочной основой его внешней политики.

Для Алариха женитьба на дочери Теодориха была в значительной степени гарантией сохранения положения Вестготского королевства в системе варварских государств. И особое значение приобретали отношения с франками. Военные действия 90-х гг. оказались лишь прелюдией к решающей схватке между франками и вестготами. Огромное значение в это время приобретает религиозный вопрос. Еще в 90-е гг. V в. Хлодвиг принимает христианство в форме католицизма, а вслед за ним католицизм становится религией всех франков. До этого времени франки были язычниками, и арианской стадии в их религиозном развитии не было. С одной стороны, принятие католицизма «снимало» одно из важнейших противоречий внутри Франкского королевства — религиозное, ибо теперь и франки, и галло-римляне исповедовали одну религию в одной форме — католическое христианство. С другой — это давало возможность Хлодвигу в своей политике по отношению к соперникам разыгрывать религиозную карту[25], поскольку вестготы, как и остготы и бургунды, были арианами, в то время как местное население их государств — католиками.

---

[23] *Wood I.* Royal succession and legitimation in the Roman West, 419–531 // Staat im frühen Mittelalter. Wien, 2006. P. 62.

[24] По другим сведениям, Теодегото была женой Сигизмунда, а женой Алариха — Ариадна, или Аревагни.

[25] *Tessier G.* La Baptême de Clovis. Paris, 1964. P. 42.

Раннехристианский саркофаг
(«Саркофаг львов»)

Это обстоятельство довольно ярко проявилось в Вестготском королевстве. Если восстания Бурдунела и Петра были как-то связаны с франками, то религиозный аспект в них не мог не присутствовать. Еще острее эта проблема встала в галльских владениях вестготов. Григорий Турский (II, 35) пишет, что многие жители Галлии тогда хотели быть под властью франков. Это — понятное преувеличение автора «Истории франков», жившего к тому же под властью франкских королей, но все же в какой-то степени отражает настроения католических подданных Алариха и особенно католического клира. Аларих же колебался между антикатолическими репрессиями и привлечением католиков к своей поддержке. С одной стороны, были сосланы некоторые епископы, в том числе один из виднейших теологов того времени Цезарий, который был сослан в Бурдигалу (Бордо)[26]. Еще суровее расправился Аларих с турским епископом Волузианом. В его деле политическая подкладка была еще яснее: он был заподозрен в стремлении перейти под власть франков (*Greg. Tur.* X, 31), и за это он не только был смещен с епископской кафедры, но и отправлен в изгнание в Испанию, т. е. как можно дальше от франкской границы (*Greg. Tur.* II, 26)[27]. Католическое духовенство было лишено дарованных ему римскими императорами привилегий в налоговой области[28]. С другой стороны, Аларих созвал в 506 г. собор галльских епископов, который подтвердили свою верность королю,

[26] *Schaferdiek K.* Caesarius von Arles // RLGA. Bd. 4. S. 319.

[27] О судьбе Волузиана Григорий Турский сообщает в двух местах своей «Истории». В одном случае он говорит, что Волузиан был сослан в Испанию, где вскоре и умер, а в другом — в Тулузу. Первое сообщение кажется более вероятным, поскольку пребывание сторонника Хлодвига в столице было бы довольно опасным. Впрочем, окончательно решить этот вопрос невозможно.

[28] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 27.

и тот же Цезарий в нем активно участвовал[29]. Испанские епископы в этом соборе участия не принимали. Видимо, их позиция в тот момент вестготского короля не интересовала.

Со стремлением урегулировать отношения со своими романскими подданными связана и законодательная деятельность Алариха. Принятый при его отце кодекс относился только в готам. Романское же население продолжало жить по старым римским законам. Это в какой-то степени привязывало галло-римское и испано-римское население к империи, что шло в разрез с политикой как Эйриха, так и Алариха. К тому же правовое развитие римского общества, находившегося под властью вестготов, затормозилось: последний римский закон, принятый в этой части Галлии, относится к 463 г.[30] Все это требовало нового законодательного оформления. И Аларих сделал очень важный внутриполитический шаг. По примеру восточноримского императора Феодосия II он решил объединить в единый свод существующие римские законы. По его приказу, который он издал после консультаций с епископами и местными аристократами, римские юристы под руководством готского графа Гойариха составили свод законов, основанный на кодексе Феодосия, а также других законодательных актах и толкованиях римских юристов. Включенные в этот свод законы были снабжены интерпретациями, которые должны были пояснить действие того или иного закона в новых обстоятельствах. Эта работа не была механической. Явно по желанию короля в новый кодекс не вводились законы, не совпадающие с политикой Алариха, как, например, те, что определяли налоговые привилегии католического клира или власть римского папы над епископами Галлии. Хотя в целом привилегии сенаторов сохранялись, раздел «Об имениях сенаторов» также был исключен из кодекса. Не вошли в него и статьи, относившиеся к чиновничьей и военной системе Римской империи[31]. В соответствие с новыми условиями были приведены некоторые статьи. Так, если по римскому закону сенаторов должны были судить префект Города, т. е. Рима, и пять сенаторов высшего ранга, то кодекс Эйриха предусматривал суд только «пяти знатнейших мужей»[32].

В 506 г. Аларих официально ввел в действие новый свод законов, которым должно было подчиняться галло-римское и испано-римское население. Вводя в силу новый свод, вестготский король преследовал

---

[29] *García de Cortazar J. A.* La epoca medieval... P. 25.

[30] *Lot F.* Les invasions... P. 122.

[31] *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 52; *Клауде Д.* История вестготов. С. 82.

[32] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 84.

ряд целей. Во-первых, этим сводом облегчалось судопроизводство, ибо с этого времени судьи могли уже руководствоваться одним документом, а не теряться в массе разнообразных актов. Во-вторых, закреплялось в правовом отношении разделение вестготов и римлян, ибо теперь для двух групп населения действовали два разных кодекса: Эйриха для вестготов и Алариха для римлян. В третьих, приобреталась юридическая независимость вестготского королевства от Византии, ибо отныне на его территории действовал собственный свод законов, и законодательные акты Константинополя уже не имели силы для римских подданных Алариха. Характерно, что дата введения в силу этого кодекса определена по годам правления Алариха, а не римского императора. Вестготский король подчеркивает не только свою полную независимость от империи и юридическое равенство с императором[33], но и то, что римляне, живущие на территории его королевства, являются исключительно его подданными. В четвертых, привлекая к законодательству римских юристов и советуясь с церковной и светской знатью подчиненного римского населения, король стремился показать свое расположение к римским и католическим подданным накануне решающей схватки с франками.

Эта схватка не заставила себя ждать. Аларих пытался мирно договориться с Хлодвигом. По его инициативе оба короля встретились на острове посреди пограничной реки Лигера (Луары) и после совместного пира договорились о мире и дружбе (*Greg. Tur.* II, 35). Но это было лишь временной передышкой. В дело попытался вмешаться Теодорих. Он направил письма Хлодвигу, бургундскому королю Гундобаду и Алариху (*Cass.* Varia III, 1; 2; 4), в которых настойчиво советовал не начинать войну. Алариха он призывал проявить терпение, говоря, что у него с Хлодвигом нет серьезных разногласий, а возникающие споры можно уладить мирно. В этой ситуации большое значение приобретала позиция Гундобада. Его сын, как и Аларих, был женат на дочери Теодориха, совсем недавно вестготский король активно помог ему в борьбе с братом, которого не менее активно поддерживали франки. Гундобад, как и Аларих и Теодорих, был арианином. Франки были соперниками бургундов в борьбе за власть в Галлии, а недавние события показали, что они готовы при удобном случае вмешаться в дела Бургундии. Все это, казалось, должно было склонить бургундского короля к поддержке Алариха или, по крайней мере, к нейтралитету. Но, с другой стороны, и вестготы были соперниками бургундов, а союз двух готских королевств был очень опасен не только для Хлодвига, но и для Гундобада. Да и ссориться со все

[33] *Jimenez Garnica A. M.* Sobre *rex* y *regnum*... P. 72.

более набирающим силу Хлодвигом было для него тоже опасно. Не меньшее значение имело стремление бургундов захватить принадлежавшую вестготам юго-восточную часть Галлии, чтобы выйти к средиземноморскому побережью. Средиземное море по-прежнему связывало все территории, ранее входившие в Римскую империю, и по нему приходили богатства, особенно ценимые германцами. И его побережье являлось желанной целью практически всех варварских государств. Не были исключениями ни франки, ни бургунды. Все это привело к тому, что в конце концов Гундобад присоединился к Хлодвигу в войне с вестготами. Не исключено, что между ними была заключена договоренность о разделе галльских владений вестготов.

Вполне возможно, что Хлодвига подстрекал константинопольский двор[34]. Было ясно, что в союзе двух готских королей решающую роль играет Теодорих, а отношения между ним и императором были не самыми добрыми. Отношения же с франками у византийцев были гораздо лучше. До 548 г. франкские короли чеканили на своих монетах лицо императора (*Procop.* Bel. Goth. III, 33, 5), а Хлодвигу сразу же после этой войны император Анастасий отправил торжественный наряд патриция и даже назначил его консулом (*Greg. Tur.* III, 38). Определенную роль мог играть и религиозный фактор: в противовес союзу арианских королевств создавалась коалиция католическо-православных государств.

Предлогом, который выдвинул Хлодвиг для разрыва недавно заключенного мира, было желание ликвидировать в Галлии власть ариан (*Greg. Tur.* II, 37). В 507 г. франки перешли Луару. Политика привлечения галльской знати, проводимая, хотя и с колебаниями, Аларихом, частично дала свои плоды. Лидером этой группы знати стал сын Сидония Аполлинария Аполлинарий. В начавшейся войне он со своими сторонниками встал под знамена Алариха. Аларих призвал на помощь своего тестя, но тот медлил, и вестготы вступили в битву. Решающее сражение произошло на Богладском поле в 10 милях от Пуатье. Вестготы в этой битве были разгромлены, а сам Аларих погиб (*Greg. Tur.* II, 37; Chron. Gal. 688; Chron. Caes. a. 597; *Paul.* Hist. Rom. XXVI, 10; *Procop.* Bel. Goth I, 33–40). Это было концом. Как написано в «Цезаравгустанской хронике», Толосское (т. е. Тулузское) королевство разрушено.

После этого сражения остатки Вестготского королевства в Галлии остались совершенно беззащитными. Франки и бургунды захватили и сожгли Тулузу. В руки Хлодвига попали сокровища вестготских королей, в том числе и остатки награбленного в Риме после его двукратного взятия вестготами. Некоторые города Галлии еще пытались сопротивлять-

[34] *Livermore H. V.* The Origins... P. 131; *Tessier G.* La baptème de Clovis. P. 106, 109–110.

ся. Так, в течение довольно долгого времени выдерживал осаду Арелат. Упорное сопротивление оказал Каркассон, куда была перевезена казна вестготских королей (*Procop.* Bel. Goth. I, 12, 41–42). Но Хлодвиг и его сын Теодорих сломили остатки готского сопротивления (*Greg. Tur.* II, 37; Chron. Gal. 689). Остготский король в тот момент не смог (или не захотел) вмешаться[35], но уже в следующем году, воспользовавшись задержкой франков и бургундов под Арелатом, он направил в Галлию армию под командованием комита Иббы (или Геббана). В ожесточенном сражении остготы одержали победу (*Paul.* Hist. Rom. XXVI, 10). Был освобожден от осады Каркасссон, и в руки остготов попали вестготские сокровища (*Procop.* Bel. Goth. I, 12, 44). Это остановило франкское наступление. Теодорих присоединил к своим владениям юго-восточную часть Галлии между Роной и Альпами, ранее принадлежавшую вестготам. Но за это помог самим вестготам сохранить под своей властью так называемую Септиманию — относительно широкую полосу земли между Пиренеями и Роной с городами Нарбонном, Каркассоном и некоторыми другими.

Богладская катастрофа означала крах претензий вестготских королей на великодержавие. Вестготское королевство теперь было ограничено в основном Испанией. Хотя сами вестготы еще долго официально называли Септиманию Галлией, но это была лишь фикция, позволявшая им ощущать себя владыками всей Галлии. Вестготское королевство отныне было исключено из «большой политики» того времени и все более сосредоточивается на своих внутренних делах, время от времени вступая в конфликты с другими государствами не с целью навязать им свое господство, как это было при Эйрихе, а чтобы удержаться от их нападений. Только на Пиренейском полуострове вестготские монархи еще позволяли себе вести активную политику.

---

[35] Возможно, что нападение флота императора Анастасия на Италию не дало возможности Теодориху вовремя вмешаться в галльские дела.

Глава VII

ОТ ТУЛУЗЫ К ТОЛЕДО

ГЕЗАЛИХ И АМАЛАРИХ

После разгрома основных сил вестготов в их королевстве начались раздоры. Амаларих, сын Алариха, павшего на Богладском поле, был еще ребенком. Но, кроме него, у Алариха был уже вполне взрослый сын от наложницы — Гезалих. Эти две фигуры и стали центрами притяжения различных группировок вестготской знати. После разгрома какая-то часть вестготской армии, более или менее сохранившая еще некоторую боеспособность, отошла в Нарбонн, оказавший франкам упорное сопротивление. Там был провозглашен королем Гезалих. Нарбонн и стал его столицей вместо потерянной и разрушенной Тулузы (*Chron.* Caes. a. 508; *Isid.* Hist. 37; Chron. reg. Vis. 16; *Procop.* Bel. Goth I, 43). Но, по-видимому, его возведение на трон вызвало сопротивление сторонников малолетнего Амалариха. Реальным лидером этой группировки был Гойарих, который ранее являлся одним из ближайших сподвижников Алариха. Именно он совсем недавно по поручению короля возглавил комиссию, создавшую свод законов для римских подданных вестготов[1]. Результатом борьбы внутри вестготской знати стало убийство Гойариха по приказу нового короля (Chron. Caes. a. 510).

Избрание Нарбонна новой столицей Вестготского королевства было знаком намерений вестготов вернуть себе прежние галльские владения. Но положение складывалось явно не в их пользу. В возобновившейся войне вестготы были снова разбиты. Бургунды захватили Нарбонн и сожгли его (*Isid.* Hist. 37). Гезалих бежал уже за Пиренеи в Барцинон (Барселону), сделав теперь этот город своей столицей. Это был довольно крупный город обладавший хорошей гаванью и расположенный сравнительно близко к Пиренеям. Так что Гезалих и после нового поражения не отказался от попыток реванша. Однако бургунды перешли Пиренеи и обрушились на Барцинон, который был ими взят (Chron. Gal. 690).

[1] *Клауде Д.* История вестготов. С. 92.

Неизвестно, по какой причине бургундский король Гундобад не продолжал преследование Гезалиха. Вероятнее всего, это объясняется вмешательством остготского короля Теодориха. Гезалих сумел сохранить трон.

Однако против Гезалиха выступил теперь сам Теодорих. Поводом для него послужило стремление возвести на вестготский трон своего внука Амалариха. Это давало бы ему громадные преимущества. Самому Амалариху в то время было не более пяти лет, так что реальная власть, естественно, принадлежала бы деду. В 510 г. Теодорих направил против Гезалиха войско под командованием герцога Иббу, того самого, который недавно разбил франков и этой победой обеспечил сохранение за Вестготским королевством Септимании. Возможно, что Ибба со своей армией и не уходил из Юго-Западной Галлии, а его невмешательство в новую войну франков и бургундов с вестготами было вызвано политическими расчетами Теодориха. Тот, с одной стороны, явно выдерживал паузу, желая увидеть поворот событий и вмешаться в наиболее подходящий момент, а с другой — не собирался помогать Гезалиху. Теперь, видимо, он решил, что время настало. В какой-то момент после разгрома вестготов бургундский король Гундобад присоединил к своим владениям столь желанную Юго-Восточную Галлию с очень важным портом Массилией (Марселем). Но скоро он был оттуда выбит остготами. Так что ни франкам, ни бургундам не удалось окончательно выбить вестготов из Галлии и выйти к Средиземному морю. Их наступательный порыв, по крайней мере в этом направлении, иссяк, так что остготам они препятствовать не могли. И Теодорих, уже не опасаясь новой войны с этими государствами, мог сосредоточиться на делах вестготов. Возможно, убийство Гойариха, верного соратника Аларих, послужило толчком к остготскому вмешательству. В том же 510 г. армия Иббы выступила против Гезалиха. Тот был разбит и бежал. На вестготский трон был возведен малолетний Амаларих. А официальным опекуном короля был объявлен его дед, Теодорих (Chron. Caes. a. 510, 513; *Isid.* Hist. 37; Chron. reg. Vis. 17; *Procop.* Bel. Goth. I, 46).

Борьба за вестготский трон на этом не закончилась. Гезалих бежал в Африку к вандальскому королю Тразамунду, надеясь на его помощь в возвращении трона. Но он ошибся. В это время берберы во главе со своим вождем Кабаоном на верблюдах все чаще прорывались через границы, а вандальская армия ничего поделать с ними не могла. И хотя это были не завоевательные, а грабительские набеги, их удары от этого не становились менее болезненными. В таких условиях Тразамунд предпочитал не ссориться с могучим королем остготов. Более того, желая приобрести столь значительного союзника, а заодно в качестве приданого хотя бы часть Сицилии, Тразамунд женился на сестре Теодориха

Амалафриде, став, таким образом, родственником не только Теодориха, но и юного Амалариха. Разумеется, в таких условиях найти у вандалов поддержку Гезалих не мог. И вскоре он вернулся в Европу.

Гезалих перебрался в Аквитанию, сравнительно недавно завоеванную франками. Может быть, теперь он надеялся на их помощь. В 511 г. умер могучий король франков Хлодвиг, и после его смерти королевство было разделено между четырьмя его сыновьями. И Аквитания оказалась разделенной между Хлодомером и Теодорихом. Всех франкских королей из дома Меровингов объединяли общие интересы — стремление усилить власть франков и расширить их державу, но частные интересы каждого короля, стремившегося к собственному возвышению, не менее разделяли их. В этих условиях Гезалих мог надеяться на помощь либо Хлодомера, либо Теодориха (скорее последнего, так как его владения непосредственно граничили с Септиманией). Но и эта надежда не оправдалась. «Хроника вестготских королей» (16) отмечает, что Гезалих после своего трехлетнего правления правил еще год в потаенном месте, а по другим сообщениям, даже 15 лет. Кто эти «другие», хронист не говорит, но эта цифра совпадает со временем опекунства Теодориха над Амаларихом. Вероятно, какие-то круги вестготской знати не желали признавать фактическую власть остготского короля и по-прежнему считали своим королем Гезалиха. В 511 г., т. е. тогда, когда Гезалих появился в Аквитании, в Барциноне, все еще являвшемся столицей вестготов, был убит некий комит Вейла (Chron. Caes. a. 511). О нем ничего больше неизвестно, но тот факт, что Хроника считает необходимым упомянуть о его убийстве, говорит о его довольно высоком положении и о значении этого события для дальнейшей истории. Вероятнее всего, Вейла являлся видным и активным сторонником Гезалиха. Возможно, рассчитывая на поддержку своих сторонников, Гезалих попытался самостоятельно двинуться через Пиренеи и попытался захватить Барцинон. Но недалеко от города его встретил все тот же Ибба. Гезалих был разбит, бежал в Галлию, и там его захватили и казнили (*Isid.* Hist. 38; Chron. Gal. 691). После этого никаких препятствий ни для Амалариха, ни для его деда в вестготской среде не было.

ОПЕКУНСТВО ТЕОДОРИХА. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВЕСТГОТОВ В ИСПАНИЮ

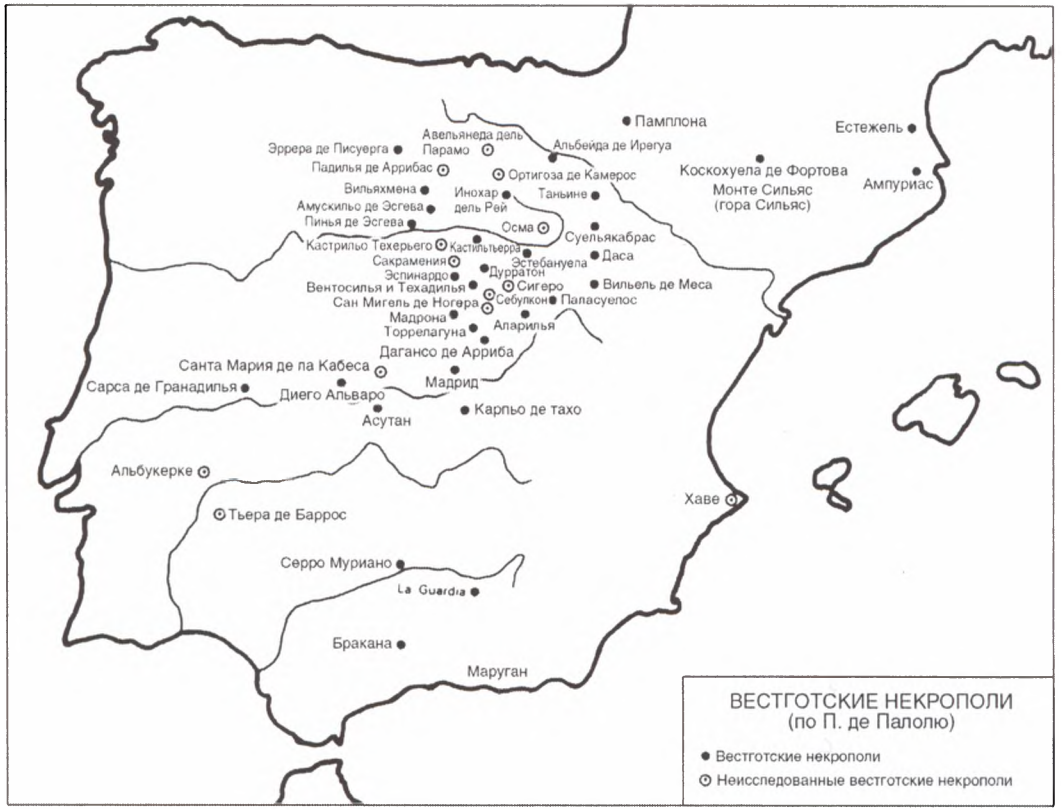
«Цезаравгустанская хроника» под 513 г. отмечает, что Теодорих стал править в Испании в качестве опекуна Амалариха. С другой стороны, и Исидор (Hist. 39), и «Хроника вестготских королей» (17.18) пишут, что

Теодорих правил в Испании 15 лет. Власть над вестготами остготский король фактически удерживал до своей смерти в 526 г. Таким образом, все эти источники дают приблизительно одно время — 513 или, может быть, 512 г. Так что со времени богладской катастрофы прошло 5–6 лет, прежде чем Теодорих утвердил своего внука в качестве официального короля, а себя как фактического правителя. Исидор прямо говорит, что власть в Испании Теодорих получил только после уничтожения Гезалиха. Характерно, что против Гезалиха, пытавшегося вернуть себе трон, выступил остготский герцог. Можно говорить, что после свержения и бегства Гезалиха Вестготским королевством на деле распоряжался Ибба, посланный туда Теодорихом, и никакой другой силы в Испании (и Септимании) не было. Убийство Вейлы, видимо, означало полную ликвидацию внутренней оппозиции, а смерть Гезалиха устранила последнее легальное препятствие. В таких условиях признание Амалариха королем, а Теодориха — опекуном труда не составило.

В науке было высказано мнение, что Теодорих был не только фактическим правителем, но и официально носил титул вестготского короля[2]. Действительно, в том, что Теодорих реально правил в Испании, ни в его время, ни в последующие годы никто не сомневался. По годам его правления датированы собиравшиеся в то время провинциальные соборы испанской церкви, о его правлении писал Исидор Севильский. Соответствующее место его «Истории» (39) передано в рукописях в двух редакциях: в одной сказано, что Теодорих Spaniae XV annis regnum obtinuit, в другой — regnavit in Hispania annis XV. Глагол regno может означать просто правление чем-либо и не обязательно королевское. И в первом случае глагол obtineo означает «обладать, управлять». Поэтому в первом случае фразу Исидора можно перевести «управлял королевством Испании 15 лет», а в другом «правил в Испании 15 лет». Ни в том, ни в другом случае это правление не связывается жестко с королевским титулом. Что же касается церковных соборов, то они могли датироваться годами фактического правителя. С другой стороны, «Цезаравгустанская хроника» под 513 г. пишет, что Теодорих правил в Испании 15 лет, осуществляя опеку над малолетним Амаларихом (regit... Amalarici parvuli titelam gerens). И «Хроника вестготских королей» (17.18) пишет, что Теодорих не просто правил, а tutelam agens, т. е. опекал своего внука Амалариха. Поэтому надо сделать вывод, что официально королевского титула по отношению к Вестготскому королевству Теодорих все же не имел, а являлся лишь опекуном своего внука, что, кончено же, не мешало его фактическому правлению в Испании и Септимании.

---

[2] *Garcia Moreno L. A.* Historia de España visigoda. P. 89.



Вестготские некрополи (по П. де Палолю)

Вестготская капитель

Сам Теодорих Италию не покинул, да и вообще за все время своего опекунства он ни разу в Испании не был. Он послал туда двух консулов, как их называет «Хроника вестготских королей», один из которых (Лиувирит) был готом, имевшим титул графа (comes) и vir spectabilis, а другой (Ампелий) римлянином и сенатором (vir inlustris) (*Cass.* Var. V, 35; 39). А затем в Испанию был послан его оруженосец Тевдис (*Paul.* Hist. Rom. XVI, 10). Взаимоотношения между всеми этими лицами нам неизвестны. Возможно, что Лиувирит и Ампелий занимались гражданскими делами, а Тевдис командовал армией[3]. Такое положение сохранялось довольно долго. Еще в 20-е гг. Ампелий и Лиувирит являлись ответственными и за отсылку зерна в Италию, и за надзор за сборщиками налогов, и за соблюдение мер и весов (*Cass.* Var, V, 35; 39). Что касается Тевдиса, то Иордан (Get. 302) называет его «защитником, опекуном» (tutor) Амалариха. Официально он, по-видимому, представлял при Амаларихе официального опекуна Теодориха. Тевдис был оруженосцем (armiger) самого короля, и это едва ли говорит о его низком происхождении. Племянником Тевдиса был будущий недолговременный король остготов Ильдибад, а Прокопий (Bel. Goth. II, 29, 41) прямо говорит, что тот был человеком знатного рода. Во время завоевания остготами Италии Тевдис был одним из полководцев Теодориха и отличился при осаде Равенны[4]. Armiger было одним из обозначений человека непосредственно из свиты или дружины (в данном случае короля), т. е. его клиентом[5]. В связи с этим можно вспомнить, как в предыдущем столетии вестготский король Теодорих II назначил правителем Свевского королевства своего клиента Агривульфа. Во всяком случае речь идет о человеке, которому Теодорих доверял лично[6].

Хотя официально, как говорилось выше, вестготы имели своего короля, на деле как испанские, так и галльские их владения составили часть

---

[3] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 68. Прокопий (Bel. Goth. I, 12, 50) говорит, что он был послан в качестве начальника войска.

[4] *Nagl A.* Theudis // RE. 1936. Hbd. 11A. Sp. 247.

[5] *Diesner H.-J.* Westgotische und langobardische Gefolgschaften und Unterverbande. Berlin, 1978. S. 4.

[6] Возможно, что Тевдис был одним из командиров телохранителей самого Теодориха: The Prosopography of the Late Empire. Cambridge, 1980. P. 1112.

королевства Теодориха. Именно он вышел главным победителем из событий 507–513 гг. Франки, правда, захватили большую часть вестготских владений в Галлии и подчинили себе почти всю юго-западную часть страны, распространив свою власть до Пиренеев. Но выйти к средиземноморскому побережью они так и не смогли, ибо Теодорих сохранил для своего внука Септиманию. К тому же после смерти Хлодвига в 511 г. между его сыновьями начались раздоры, временами переходившие в настоящие гражданские войны, что резко ослабляло королевство Меровингов. Бургунды же из своего участия в войне с вестготами вообще ничего не выиграли. Зато под властью Теодориха оказалась огромная часть бывшей Западной Римской империи, и он стал самым могучим королем Западной Европы и западной части Средиземноморья[7]. То, что стремился предотвратить бургундский король, состоялось: оба готских королевства не только выступили в союзе друг с другом, но и объединились под единой властью.

Каков бы ни был официальный титул Теодориха в Испании, он в своих отношениях с новыми владениями не стеснялся. На вестготские территории были распространены налоги, которые в Италии платили остготскому королю. Испания ежегодно должна была поставлять в Италию и особенно в Рим продовольствие, как это было во времена существования Римской империи (*Cass.* Var. V, 35). От своих представителей в Испании Теодорих требовал соблюдения его и римских законов, независимо от того, совпадали ли они с вестготскими законами. В Равенну была отправлена огромная вестготская казна. Эта казна в бóльшей степени состояла из добычи, захваченной вестготами во время их войн с римлянами и особенно во время двукратного грабежа самого Рима. Хранившаяся в Тулузе, она частично была разграблена франками и бургундами, но ее значительную часть вестготы сумели переправить в Каркассон и частично в Арелат (Арль). Арелат был осажден бургундами, а Каркассон — франками, но остготы освободили их от осады, после чего казна оказалась в их руках. Теодорих и не подумал вернуть ее своему внуку, а оставил в своей столице, хотя там она хранилась отдельно от остготской (*Procop.* Bel Goth. I, 12, 47).

С другой стороны, Теодорих, став фактическим правителем обоих готских народов, стремился восстановить старое племенное единство. И лучшим средством для этого он считал смешанные браки. Поэтому таким бракам Теодорих всячески покровительствовал. Сам он выбрал мужем для своей дочери Евтариха (*Iord.* Get. 298). Иордан (Get. 81) приводит генеалогию рода Амалов. По его словам, Евтарих был потомком

[7] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 462–463.

знаменитого остготского короля Эрманариха, относясь, однако, к другой ветви рода, чем Теодорих. Еще в первой половине V в. его дед Беремуд со своим сыном Витерихом, отцом Евтариха, не желая жить под властью гуннов, явился к вестготам, скрыв свое происхождение, дабы не подвергнуться из-за своей знатности опасности со стороны менее знатного вестготского короля, и вскоре вошел в ближайшее окружение короля Теодориха I (*Iord.* Get. 174–175). О дальнейшей судьбе Беремуда и Витериха ничего не известно, хотя можно думать, что они продолжали вращаться в кругах вестготской аристократии. Как пишет Иордан (Get. 298), Теодорих узнал о его пребывании в Испании и вызвал его в Равенну, где и сочетал браком со своей дочерью Амаласунтой, чтобы объединить разделившийся род Амалов (*Iord.* Get. 251). В науке уже давно была высказана мысль, что Кассиодор, сведениями которого пользовался Иордан, выдумал принадлежность Евтариха к Амалам ради установления непрерывности этой остготской династии[8]. Но думается, реальных оснований для такого подозрения нет. Связи между двумя частями некогда единого народа, несомненно, существовали, и даже если Иордан чрезмерно раскрашивает историю появления Беремуда у вестготов, в самом факте его бегства в Тулузу нет ничего необычайного. Теодорих, не имевший сыновей, явно готовил Евтариха в свои наследники. Недаром он добился у императора Юстина I назначения его в виде исключения консулом на 519 г., что было особенно почетно, учитывая, что восточным консулом в этом году был сам император Юстин[9]. По словам Кассиодора (Chron. a. 518), Рим был поражен пышностью игр, устроенных в честь вступления Евтариха в эту должность. Теодорих явно хотел привлечь благосклонность итало-римлян к этой ранее малоизвестной фигуре. Избрание Евтариха зятем и наследником было важным шагом в политике Теодориха, направленной на объединение готов[10]. С одной стороны, он был Амалом и, следовательно, не шокировал остготов, а с другой — он был персоной, явно хорошо известной вестготам, поскольку родился уже в их среде и его семья жила среди вестготов в третьем поколении.

Брак Евтариха и Амаласунты имел место в 515 г., т. е. через два или три года после официального установления Теодорихом опеки над Амаларихом. Означает ли это, что Теодорих желал лишить Амалариха трона и сделать своим единственным наследником Евтариха? Судить об этом

---

[8] *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Гетика» // *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 34; *Wood I.* Royal succession... P. 62.

[9] *Bury J. B.* History... Vol. II. P. 151–152. Евтарих был даже усыновлен императором: *Шкаренков П. П.* Королевская власть... С. 93.

[10] *Wood I.* Royal succession... P. 63.

довольно трудно. Но надо иметь в виду, что сам Теодорих был уже довольно стар; он родился, видимо, в 454 или 455 г.[11], и, следовательно, в 515 г. ему уже было 60 лет, что для того времени было весьма значительным возрастом. Амаларих же был фактически еще младенцем и в случае смерти престарелого короля не мог реально править. Отношения же с соседями у Теодориха складывались весьма напряженные. Его отношения с империей были двусмысленными. Он официально признавал верховную власть императора Анастасия, но не раз выступал против него и его политики. Так, в 504–505 гг. его войска поддержали гунна Мундона, выступившего против империи, и разбили болгар, являвшихся союзниками Анастасия. При Анастасии в империи действовал так называемый Генотикон — указ, изданный его преемником Зеноном, требовавший примирения между католическо-православным пониманием сущности Христа и монофизитским, утверждавшим, что в Христе осталось только божественное естество. Западная церковь решительно выступила против Генотикона, и Теодорих, хотя и был арианином, выступал как защитник всех западных христиан перед лицом Востока и константинопольского императора. После решительного вмешательства в войну франков и бургундов с вестготами и поддержки последних отношения с первыми оставались далекими от дружеских. Бургундский король Гундобад был женат на католичке, и возможно, что его сын и наследник Сигизмунд принял католицизм еще при жизни отца. И этот Сигизмунд должен был в любой момент вступить на трон после смерти тоже уже довольно пожилого Гундобада. А Теодорих прекрасно помнил, каким острым оружием является религиозный вопрос в политической борьбе, какую огромную роль он сыграл в поражении вестготов. В этих условиях избрание наследника, который в случае смерти Теодориха сумеет реально взять в свои руки правление, было чрезвычайно важно как для внешней, так и для внутренней политики. При дворе Теодориха шла пока еще подспудная, но от этого не менее ожесточенная борьба между готской и римской группировками. Избрание наследника, с одной стороны, остгота по крови, а с другой — жившего и воспитывавшегося вдали от Италии и в какой-то степени стоявшего над схваткой этих группировок, должно было, по мысли короля, не допустить резкого разрыва в верхах итало-готского общества. И, наконец, это могло быть известным реверансом по отношению к вестготам: наследником становится остгот, но выросший среди вестготов[12]. Если учесть последнее соображение, то исключить возможность возникновения у Теодориха мысли о лише-

[11] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 411.

[12] Ср.: *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 89.

нии Амалариха трона нельзя. Но если и так, то это было бы делом будущего. А реальность сложилась таким образом, что Евтарих умер еще до смерти Теодориха, и его наследниками оказались лишь внуки Амаларих и Атанарих, которому при смерти отца было лишь пять-шесть лет.

Рассматривая Испанию как неотделимую часть своего государства, Теодорих явно распространил на нее и свою политику по отношению к римскому населению и католической церкви[13]. В Италии он выступал продолжателем старых имперских традиций, всячески подчеркивал свое уважение католической церкви и папскому престолу, свое равное отношение ко всем подданным[14]. Это не могло не отразиться и на Испании. Знаком такой политики явились созывы провинциальных соборов, какие не собирались уже много лет[15]. Поэтому неудивительно, что эти соборы, как уже упоминалось, датировались по годам правления Теодориха. Таким образом, хотя готы и оставались арианами, между ними и их католическими подданными установился определенный modus vivendi, как это было и в Италии. Укрепляются и связи между испанской церковью и папством. В 514 г. папа Симмах назначил Цезария, еще недавно преследуемого Аларихом, викарием, распространив его полномочия и на галльские и испанские владения Теодориха[16], что в известной степени означало признание папским престолом создания фактически единого Готского государства. Но его преемник Гормизд стал назначать викариев уже непосредственно для Испании[17].

Другим признаком изменения стало сближение готской и римской светской знати. Несмотря на сохраняющееся запрещение смешанных браков, наместник Теодориха Тевдис женился на богатой испано-римлянке, которая принесла ему такие богатства, что он смог создать собственную армию численностью до 2 тысяч воинов (*Procop.* Bel. Got. I, 12, 50–51)[18]. Это вызвало подозрения Теодориха, и он попытался было вызвать Тевдиса в Равенну. Но тот, всячески подчеркивая свою лояльность королю и не переставая отсылать в Равенну все причитающиеся налоги, возвращаться в остготскую столицу решительно отказывался (*Cass.* Var. V, 3; *Procop.* Bel. Got. I, 12, 52–54), и Теодорих ничего поделать с этим не мог.

---

[13] *Мюссе Л.* Варварские нашествия. С. 56.

[14] *Vitiell M.* Teodorico a Roma // Historia. 2004. Bd. 53, 1. P. 77–120; *Шкаренков П. П.* Королевская власть. С. 83.

[15] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 81.

[16] *Schaferdiek K.* Caesarius... P. 320.

[17] Ibid. P. 69.

[18] Можно заметить, что этот брак свидетельствовал о том, что существующее юридически запрещение браков между готами и римлянами на деле не очень-то соблюдалось; ср.: *D'Ors A.* La territorialidad... P. 380.

После того как остготы сумели отбить франкские и бургундские атаки на средиземноморское побережье Галлии, Теодорих решил восстановить должность префекта претория для Галлии. Его резиденцией, как и в предшествующем столетии, стал Арелат (Арль). Пока власть западного императора признавалась в значительной части Галлии и Испании, испанские провинции, образовывавшие отдельный диоцез, как об этом в свое время говорилось, входили в префектуру Галлию. С распадом империи исчезла и эта префектура. Теперь Теодорих ее возродил. Префектом был назначен Либерий, который до этого исполнял ту же должность в Италии[19]. Но каковы были территориальные пределы власти галльского префекта, точно не известно. Может быть, теоретически его полномочия распространялись и на Испанию. Но реально там от имени Теодориха правили Лиувирит, Ампелий, Тевдис. Последний не только командовал армией, но и от имени Теодориха непосредственно осуществлял опеку над Амаларихом.

В Италии была создана довольно стройная система управления, в которой сочетались готские и римские элементы. В частности, сосуществовали готский комит и римский «судья» (iudex). Последний был чисто гражданским чиновником, вершившим прежде всего правосудие среди римлян, в то время как готский комит не только занимался готами, но и решал проблемы, возникавшие между римлянами и готами, командовал войсками в данной местности и вообще осуществлял там общее руководство[20]. Организовал ли Теодорих таким же образом управление в Испании, неизвестно. Может быть, назначение римлянина Ампелия и гота Лиувирита являлось попыткой остготского короля создать в Испании подобную систему.

Возвращаясь к Евтариху, надо отметить, что, по словам Иордана (Get. 298), Теодорих узнал, что тот живет в Испании (in Spania), и он вызвал его оттуда. Между тем дед Евтариха находился не в Испании, а при дворе вестготского короля, т. е. в Тулузе, в то время как внук оказался уже за Пиренеями. Несомненно, что он оказался там вместе с вестготами. Правление Теодориха отмечено массовым переселением вестготов из Галлии в Испанию. После битвы на Богладском поле франки завоевали не только вестготскую столицу Тулузу, но и всю ту территорию, на которой в основном поселились вестготы в 418 г. и которую они за эти 90 лет успели освоить. Здесь родились три, а то и четыре их поколения. Сравнительно небольшая часть вестготов не решилась оставлять землю, уже ставшую их родиной, и осталась под властью

[19] *Ensslin W.* Prefectus praetoriae // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 2441, 2497–2498.
[20] *Azzara C.* L'Italia dei barbari. Bologna, 2002. P. 64–66.

франков[21]. Но гораздо большая их часть предпочла покинуть старые места. Может быть, некоторое время они питали надежду вернуться, и часть вестготов осела в Септимании, в частности в Каркассоне и Нарбонне[22]. Установление относительной политической стабилизации после появления в Галлии новых границ разрушило все надежды вестготов на возвращение в старые места, и основная их часть чрез какое-то время все же перебралась через Пиренеи, где они могли себя чувствовать в большей безопасности. То, что в 515 г. Теодорих вызвал Евтариха из Испании, говорит о том, что к этому году какая-то, по крайней мере, часть вестготской знати уже поселилась в этой стране.

Как уже говорилось, вестготы начали селиться в Испании еще в конце V в. Но число их было сравнительно невелико, и ареной их поселений была в основном Северо-Восточная Испания, хотя, возможно, некоторые их поселения начинают появляться и в центре полуострова[23]. Теперь же речь идет о массовом переселении, и при этом северо-восточная часть страны, непосредственно примыкающая к Пиренеям, привлекает их мало. Археологические находки показывают, что основной территорией их поселения является обширная зона между верхним течением Эбро (Ибера) и средним течением Тахо (Тага). Там сконцентрировано подавляющее большинство их некрополей, а также, хотя и в очень небольшом количестве, следы их поселений. И на этой территории, как показывает опять же археология, они жили отдельно от римлян[24]. Северная часть этой области еще долго носила название «Готского поля». Вне этой зоны, особенно в плодородных долинах больших рек и на средиземноморском побережье, археологические следы вестготов носят другой характер: это некрополи представителей правящего слоя государства[25]. Надписи окрестностей городов, как, например, в Лузитании, показывают полное отсутствие германских имен и сохранение местного сельского населения[26]. Эти данные ясно говорят о том, что в главной зоне северную часть центра Пиренейского полуострова заселяла основная масса вестготов, в то время как вне ее существовали лишь отдельные анклавы, представленные гарнизонами и администрацией[27].

---

[21] *James E.* Septimania and its Frontier // Visigotic Spain. P. 236–237.

[22] Ibid. P. 241.

[23] *Ebel-Zeperauer W.* Frühe gothische Bleichfibel in Spanien // MM. 1994. Bd. 35. S. 391–392.

[24] *Palol P. M. de.* Demografia y Arqueologia hispanicas de los siglos IV al VIII // BSAA. 1966. Vol. XXXVII. P. 13–15 и карта VI.

[25] *Jimenez Garcia A. M.* Las primeras establecimientos permanentes de visigodos en Hispania // Hispania. 1982. T. 42. P. 489.

[26] *Ramirez J. L.* La demografía... P. 142.

[27] *Мюссе Л.* Варварские нашествия. С. 174–175.

После кризиса III в., нанесшего сокрушительный удар античному обществу в Испании, центр экономического и социального развития страны переместился с юга и востока Пиренейского полуострова в его северо-центральную часть. Социально-экономической базой развития с этого времени являлись не города, еще сохранявшие античный характер, а латифундии протофеодального типа. Именно в этой зоне и поселились вестготы. Вестготы, как и другие варвары, не очень-то доверяли городам и предпочитали сельскую местность. Поселение в центральной и северной части Месеты к тому же создавало вокруг их новой родины некое испано-римское «предполье», отделяющее их и от франков, и от свевов, и от всяких других возможных врагов, что облегчало, по их мнению, защиту от этих врагов: видимо, впечатление от поражения 507 г. и вынужденного переселения за Пиренеи было еще столь велико, что вестготы предпочли «застраховаться». Может быть, существовала еще одна причина поселения основной массы вестготов именно в этом регионе. Он был гораздо менее плодороден и поэтому меньше привлекал внимание вестготской знати, так что поселившиеся там рядовые вестготы могли чувствовать себя в большей безопасности от притязаний собственной аристократии[28].

Точную численность вестготов установить трудно. На основании различных косвенных данных полагают, что их было до 200 тысяч человек, в то время как общее население Испании составляло 6–9 миллионов[29]. Следовательно, вестготы составляли не больше 3,33% или даже всего 2% населения[30] Пиренейского полуострова. Более оптимистические подсчеты дают 4–5%[31], но и эта цифра весьма незначительна. Из этого незначительного меньшинства выделялись военные командиры и гражданские чиновники, которые должны были осуществлять власть от имени короля. Эти люди происходили из знати и со своими дружинниками, клиентами и другими зависимыми людьми в отличие от «простого народа» селились в различных городах, особенно наиболее значительных, где и осуществляли свои гражданские и военные функции. И этим так называемое военно-аристократическое расселение вестготов отличалось от «простонародного»[32]. Разумеется, это не означает, что вестготские аристократы не получали владения на основной территории расселения их народа, оставляя там часть зависимых от них людей, но там их роль была меньшей.

---

[28] Ibid. P. 496–503.

[29] *Palol P. M. de.* Demografía... P. 14; *Todd M.* The Early Germans... P. 175.

[30] *García de Cortazar J. A.* La epoca medieval... P. 26.

[31] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 75.

[32] Ibid. P. 76–78.

После подчинения Испании вестготы практически не производили там никаких изменений. Разрушения, связанные с военными действиями, естественно, повлияли в той или иной степени на ход жизни. Но с их завершением жизнь, как кажется, вошла в обычное русло. Готы, не селившиеся на Пиренейском полуострове, не производили никаких конфискаций, сохраняя существующую структуру собственности. Возможно, как об этом говорилось выше, переселение части вестготов в Северо-Восточную Испанию вызвали определенную реакцию, выразившуюся, в частности, в восстании Бурдунела. Переселение же основной массы вестготов в Испанию, разумеется, привело к гораздо более существенным изменениям. Может быть, именно с этим связано оставление жителями небольшого города Варейи в первой четверти VI в.[33] Это прежде всего касалось того района, который стал местом нового основного расселения вестготов. Потеряв свои земли в Аквитании, вестготы теперь компенсировали потери приобретением новых земель в Испании.

Готы перенесли в Испанию те же принципы раздела земель, что и в Галлии[34]. Существует, однако, очень важная разница в условиях поселения вестготов в Испании и в Аквитании. Там, за Пиренеями, они поселились как федераты Римской империи и получили свою долю земли и доходов на основании римских правил. Теперь же никакой, даже чисто формальной, связи между готами и империей не существовало. Так что свою землю германцы получали в соответствии с собственными законами. Законы короля Леувигильда, правившего во второй половине VI в., говорят о разделе земель и лесов между готами и римлянами (Leg. Vis. X, 1, 8). Следовательно, не только имевшиеся там земли, ранее принадлежавшие императору, но и владения всех живших в этой области римлян подлежали разделу с вестготами[35]. Готская доля по-прежнему именуется sors (жребий), а римская — tertia (треть). То, что обозначение римской доли именуется «третью», говорит о конфискации готами двух третей земли там, где они поселились. Если по этому поводу и были сомнения, то они сразу же развеиваются, ибо тот же закон прямо говорит о двух частях (duabus partibus) готов. Этот закон устанавливает нерушимость раздела, но делает исключение для королевских щедрот, явно подразумевая вмешательство королевской власти во взаимоотношения готских и римских землевладельцев. Разделу подлежали не только культивируемые земли, но и леса. Часть лесов, однако, оставалась неразде-

---

[33] *Espinoza U., Noack-Haley S.* Pieza de orfebreria... P. 171.

[34] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 133; *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 33–37.

[35] *González-Cobos A. M.* Las clases sociales hispano-romanas y sus relaciones dentro de la sociedad visigótica // Memorias de historia antigua. X–1989. P. 174.

ленной. Судя по следующему закону (Leg. Vis. X, 1, 9), готы, как, впрочем, и римляне, могли увеличивать свои владения за счет лесов. Законы Леувигильда предусматривают возвращение римлянам незаконно захваченных у римлян земель, но устанавливают при этом 50-летний срок, по истечении которого никакой возврат невозможен (Leg. Vis. X, 1, 16; 2, 1). Это по существу — повторение соответствующих положений законов Эйриха. Но оно было очень важно для Испании. Начало правления Леувигильда относится к 568 г., а с 571 г. он был единственным королем вестготов. Точный год издания законов, о которых идет речь, определить трудно, но если считать с воцарения Леувигильда, то начало 50-летнего срока относится к 518–521 гг. Вероятно, это и было время массового переселения вестготов за Пиренеи и соответственно захвата ими земель римлян. Установление срока давности для захваченного имущества, включая землю, говорит о случавшихся эксцессах во время самого процесса оседания вестготов на землю на их новой родине. Характерно, что закон, требующий полного возвращение римлянам незаконно захваченного имущества, объясняет это не восстановлением справедливости, а стремлением не допустить ущерба казне. Земли готов явно не облагались налогом[36] в отличие от владений римлян.

Годом завершения массового переселения вестготов в Испанию можно, по-видимому, считать 531-й, когда рухнула последняя попытка вернуть потерянные в Галлии земли. Но это произошло уже после смерти Теодориха.

КОНЕЦ РОДА БАЛТОВ

Теодорих умер в 526 г. Умирая, он официально сделал своим наследником малолетнего внука Атанариха, сына умершего Евтариха, а регентство вручил его матери Амаласунте. Но это касалось только Италии и присоединенных к ней территорий. В Испании же официально уже был король. Это был другой внук Теодориха Амаларих. Исидор Севильский (Hist. 39) писал, что Теодорих еще при своей жизни сделал Амалариха полновластным королем. Однако гораздо вероятнее, что полностью самостоятельно Амаларих стал править только уже после смерти своего деда. Амаларих и Атанарих (от имени последнего выступала Амаласунта) договорились о возвращении вестготской казны из Равенны и о прекращении уплаты испанскими подданными вестготов подати в Равенну, а взамен этого остготскими были официально признаны земли Юго-

[36] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 134.

Восточной Галлии от Родана (Роны) до Альп (*Procop.* Bel. Goth. I, 13, 4–6). В свое время в Испании оказалось довольно большое количество остготов, видимо, в качестве воинов и чиновников, многие из которых женились на вестготках. После же смерти Теодориха часть остготов, находившихся в Испании, вернулась в Италию, но часть осталась (*Procop.* I, 13, 7–8). Среди последних был Тевдис. Женатый на испано-римлянке, приобретший в результате этого брака огромные богатства и собственную армию, он, хотя и перестал опекать молодого короля, предпочел остаться. Впрочем, он мог надеяться и на сохранение своего влияния на Амалариха.

Став самостоятельным королем, Амаларих пытался продолжать политику деда как внутри страны, так и в отношениях с франками. Как и Теодорих, юный Амаларих пытался установить хорошие отношения с местным населением. С его разрешения в 527 г. в Толедо был созван католический собор, и его участники благодарили за это «господина и славного короля Амалариха»[37]. Другим проявлением этой политики явилось назначение в 529 г. некоего Стефана префектом Испании (Chron. Caes. a. 529). Во время существования Римской империи префект претория официально являлся высшим чиновником, и недаром Зосим (II, 32, 2) говорит, что эта должность считалась второй после скипетра. Он осуществлял общее руководство чуть ли не всеми сторонами гражданской жизни, в том числе судопроизводством и собором налогов[38]. В Италии префект прежде всего следил за соблюдением имперских законов, т. е. законов, регулировавших жизнь итало-римского населения[39], и в какой-то степени являлся главой этого населения, представляя его перед варварским королем, и этот пост занимал какой-либо крупный представитель местной аристократии, как, например, знаменитый Кассиодор. Роль Стефана явно была такой же в Испании. Его назначение свидетельствует о стремлении Амалариха иметь около себя фигуру, которая представляла бы интересы местного населения. С другой стороны, назначение префекта Испании отметало всякие возможные претензии назначаемого остготским королем префекта Галлии на какую-либо власть в Испании. Характерно, что это назначение произошло не сразу после реального вступления Амалариха на трон, а только через три года. Возможно, к этому времени и сам Амаларих счел себя достаточно укрепившимся на своем троне, и была выработана политика по отношению к испано-римской аристократии.

---

[37] *Alonso Campos J. I.* Sunna, Masona y Nepopis // Los Visigodos. P. 151.

[38] *Ensslin W.* Praefecus... Sp. 2454–2495.

[39] Ibid. Sp. 2454.

Смерть Теодориха не только освободила Амалариха от опекунства деда, но и лишила его защиты мощного остготского короля. В этих условиях самым серьезным внешнеполитическим вопросом для него становится франкский. Хотя после смерти Хлодвига Франкское королевство было разделено между его четырьмя сыновьями, которые не ладили друг с другом, оно все же представляло грозную силу. К тому же и франки не успокоились на захвате Аквитании и стремились к выходу к Средиземному морю, и вестготы не оставляли надежды вернуть себе потерянные галльские владения. Недаром Амаларих избрал своей резиденцией Нарбонн. Видимо, сначала Амаларих надеялся на мирное решение. И в этом он старался следовать примеру деда, пытаясь решить внешнеполитические проблемы матримониальной политикой. С этой целью он попросил у сыновей Хлодвига руку их сестры Хлотхильды. Те, по-видимому, в тот момент тоже склонялись к мирному решению, в результате чего этот брак был заключен (*Greg. Tur.* III, 1; *Procop.* Bel. Goth. I, 13, 4).

Однако политика Амалариха оказалась неудачной. Появление Хлотхильды при королевском дворе вызвало враждебную реакцию в среде вестготской арианской знати. Арианство считалось «готской верой», и появление рядом с королем королевы-католички могло рассматриваться как угроза готской власти над католическом населением Испании. Вероятно, под давлением своего окружения и сам Амаларих занял враждебную позицию по отношению к своей жене. По существу преследуемая местной знатью и собственным мужем, Хлотхильда обратилась за помощью к своему брату Хильдеберту (*Greg. Tur.* III, 10; *Procop.* Bel. Goth. I, 13, 10–11). Два других сына Хлодвига Теудерих и Хлотарь в это время завершали окончательное подчинение Тюрингии, так что Хильдеберт, к тому времени занявший Клермон и установивший контроль над частью Аквитании, оказался наиболее готовым к войне с вестготами. Тот счел обращение сестры прекрасным поводом для развязывания войны с вестготами. Война началась в 531 г. Франки, вероятно, рассчитывали найти в Испании такую же поддержку местного католического населения, как и в Аквитании 24 года назад. Едва ли случайно, что именно в этом году был смещен со своего поста префект Стефан (Chron. Caes. a. 529). Он мог стать (а может быть, и стал) центром объединения прокатолических и, следовательно, профранкских кругов испано-римской аристократии. Этим актом Амаларих явно укреплял свой тыл в условиях начавшейся войны. Больше ни о каких префектах Испании мы не слышим. Опыт оказался явно неудачным, и отныне вестготские короли стали строить свою политику по отношению к испано-римскому населению и испанской католической церкви иным образом. Римские подданные вестготских королей стали подчиняться

им непосредственно. Смещение Стефана официально было произведено на соборе, созванном в Герунде (Жироне), расположенной недалеко от южных склонов Пиренеев[40]. Вероятно, Амаларих сумел заставить местную знать и католическую иерархию совершить этот акт. Может быть, смещая Стефана руками самих испано-римлян, король пытался сохранить связи со своими римскими подданными. Позже Исидор Севильский, говоря об Амаларихе, пишет, что тот вызвал всеобщую ненависть. Эти слова, вероятно, являются отголоском недовольства испано-римлян и испанской церкви Амаларихом.

Ликвидация испанской префектуры укрепила тыл Амалариха и не дала франкскому королю повторить маневр Хлодвига 507 г. Так что если недовольство Амаларихом в Испании и существовало, то открыто не вылилось. Но война все равно оказалась для вестготов неудачной. Около Нарбонна их армия была разгромлена, и Амаларих, как ранее Гезалих, бежал в Барцинон (Chron. Caes. a. 531; *Isid.* Hist. 40). Там он и погиб. Существуют различные сообщения о его гибели. По словам «Цезаравгустанской хроники», Амаларих был убит в Барциноне франком Боссоном. Исидор Севильский говорит, что он, вызвав всеобщую ненависть, был убит собственным войском. Наконец, Григорий Турский (III, 10) рассказывает, что Амаларих пытался бежать, но в последний момент, вспомнив об оставленных драгоценностях, вернулся в город, а войско Хильдеберта отрезало ему путь в порт, и вестготский король был убит франкским копьем раньше, чем сумел добежать до церкви, в которой хотел укрыться. Согласовать все эти рассказы и создать непротиворечивую версию гибели Амалариха невозможно. Может быть, сообщение Исидора отражает лишь враждебность испано-римской знати и церковной иерархии к Амалариху, в то время как рассказ Григория более соответствует действительности, а «Цезаравгустанская хроника» лишь уточняет имя франкского воина, нанесшего смертельный удар вестготскому королю. Франки явно перешли Пиренеи и вторглись непосредственно на Пиренейский полуостров. Они захватили значительную часть вестготской королевской казны. С захваченными богатствами и «освобожденной» сестрой, которая после этого подозрительно быстро умерла, Хильдеберт вернулся в Галлию. Видимо, неоднозначные отношения

[40] Точная дата низложения Стефана неизвестна. По сообщению «Цезаравгустанской хроники», это произошло на третьем году после его назначения, т. е. в 531 г. Но случилось это до поражения и гибели Амалариха или позже, «Хроника» не уточняет. Поэтому некоторые исследователи считают, что это сделал уже Тевдис (например, *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 72). Однако нам кажется, что общий ход событий делает более вероятным, что инициатором этого акта стал Амаларих в условиях резкого обострения отношений с франками и, пожалуй, с собственными римскими подданными.

с братьями не дали ему возможности развить свой успех, и он в основном ограничился грабежом. Хотя Хильдеберт, кажется, захватил некоторые пункты в Септимании, граница между двумя королевствами осталась почти прежней.

Гораздо большее значение эти события имели для вестготов. Амаларих не имел сыновей. Ничего неизвестно и о каких-либо его родственниках. С его гибелью исчез королевский род Балтов. Иордан в своей Getica неоднократно утверждал существование чуть ли не изначальной связи королевского достоинства с определенным родом — Амалов у остготов и Балтов у вестготов, причем Балты считались вторыми по достоинству среди всех готов. В таком виде это едва ли соответствует действительности, но говорит о том, что в то время, когда Иордан писал свое сочинение, т. е. в середине VI в.[41], эта идея уже достаточно укоренилась в готской среде. Следуя ей, Теодорих на смертном одре передавал остготский трон и власть в Италии своему внуку Атанариху[42]. Используя ее, Балты в течение долгого времени утверждали династический принцип вестготской монархии. Теперь династия пресеклась. Таким образом, связь королевского достоинства с определенным родом исчезла. Монархия отделилась от рода и превратилась в самостоятельный высший институт государства, связанный не с определенным родом, а с конкретной личностью. При этом был восстановлен старый германский принцип выборности короля. При исчезновении признанного всеми королевского рода это был, пожалуй, наиболее приемлемый выход, позволявший, как казалось, соблюсти баланс интересов различных группировок вестготской знати. Но реальность оказалась несколько другой. Дальнейшие события показали, что с этого времени доступ к вестготскому трону станет возможным для любого аристократа. И после гибели Амалариха королем становится даже не вестгот, а остгот Тевдис.

ТЕВДИС И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Нам неизвестен точный способ прихода Тевдиса к власти. Иордан (Get. 302) называет его опекуном Амалариха в самый момент гибели последнего. Однако едва ли король, освободившись от опеки деда, оставался под опекой Тевдиса. В этом же месте Иордан пишет, что Тевдис захватил власть (regno ipse invadens). Возможно, что его авторитет был еще очень велик в войске, которое и сыграло решающую роль в его во-

[41] *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Гетика». С. 33.
[42] *Шкаренков П. П.* Королевская власть. С. 93–94.

царении[43]. Но в данном случае важно другое. Фигура Тевдиса в тот момент, по-видимому, удовлетворяла интересы всей верхушки государства. Хотя у нас нет достоверных сведений о борьбе в то время различных группировок среди вестготской знати, можно все же предполагать, что, как это было часто в других случаях смерти бездетного короля и пресечения правящей династии, такая борьба имела место. Тевдис был остготом и ни с каким вестготским родом не был связан кровно. Это в какой-то степени делало его нейтральной и компромиссной фигурой. Хотя две ветви готского народа уже давно разделились, они еще ощущали кровную связь между собой, и это делало Тевдиса не совсем уж чужаком среди вестготов. К тому же он уже давно жил в Испании и крепко там укоренился. Может быть, воспоминания об остготской помощи после богладской катастрофы тоже сыграли свою роль, ибо недавнее поражение казалось не менее страшным, чем происшедшее в 507 г. Тевдис был закаленным воином и, как только что говорилось, вероятно, обладал определенным авторитетом в войске. Будучи в течение долгого времени представителем Теодориха в Испании, он имел и богатый опыт в управлении государством. Женатый на богатой испано-римлянке, он был связан и с местной аристократией. Наконец, важно было и обладание им собственной военной силой. И совсем не исключено, что эта сила и стала последним аргументом в восхождении Тевдиса на вестготский трон.

Каков бы ни был способ прихода Тевдиса к власти, он сразу же проявил себя энергичным правителем. Ему удалось стабилизировать положение на франкской границе и даже отбить у франков некоторые захваченные ими пункты в Септимании. Но дальше свой успех он не развивал. Более того, Тевдис окончательно покинул Нарбонн и перебрался в Барцинон, а через некоторое время оставил и его. Какой-то определенной столицы у вестготов не стало. Королевская резиденция устанавливалась в том городе, в каком в тот момент было нужно королю. Для Тевдиса, кроме Барцинона, это были и Толедо, и Гиспалис (Севилья). Но все эти города находились в Испании. Это было явным знаком окончательно отказа от всяких попыток реванша в Галлии[44]. Отныне целью вестготских королей к северу от Пиренеев было лишь сохранение существующих владений.

К этому времени основная масса вестготов уже осела на Пиренейском полуострове, и Испания стала их новой родиной. Эта страна еще далеко не вся была реально завоевана готами. Под их фактической властью,

---

[43] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 95. Если Амаларих действительно был убит восставшими воинами, то при этом не исключено подстрекательство Тевдиса: *Nagl A.* Theudis. Sp. 248.

[44] *Garcia de Cortazar J. A.* La epoca medieval. P. 39.

по-видимому, находились только две провинции — Тарраконская и Карфагенская[45] и, пожалуй, часть Лузитании. Поэтому их целью становится полное подчинение Пиренейского полуострова. Именно туда переносится отныне центр тяжести внешней политики вестготских королей. Для самого Тевдиса психологически отказ от реванша за Пиренеями облегчался тем, что он не был Балтом и не питал никаких ностальгических чувств по поводу галльских владений. Для него гораздо важнее стало установление своей реальной власти в Испании.

Как говорилось в своей время, по договору с императором Юлием Непотом вестготский король официально был признан правителем завоеванных им земель в Галлии и Испании. Однако на северо-западе существовало Свевское королевство, а северная часть Пиренейского полуострова, населенная васконами и кантабрами, была полностью независима и от свевов, и от вестготов[46]. Но Тевдис свое внимание обратил на богатый юг. Положение там было довольно своеобразным. После ухода вандалов Южная Испания стала ареной свевских набегов и, может быть, на короткое время даже подчинилась свевам. Но после разгрома свевов вестготами в середине V в. она освободилась от свевской власти, но ее не заняли и вестготы; не было там и римской администрации, так что с этого времени эта часть пиренейского полуострова, особенно Бетика, реально стала независимой[47]. Каков был официальный статус этой части Испании, сказать трудно. Не исключено, что формально города Бетики признавали власть императора, но тот находился далеко в Константинополе, и ни об одном его представителе в Испании в то время мы не слышим. Может быть, подчиняясь условиям договора Эйриха с Юлием Непотом, эти города номинально считали вестготских королей своими суверенами. Известно, что в Эмерите, как об этом уже говорилось, в 483 г. находился вестготский герцог Салла[48], но каковы были размеры территории, которой тот управлял, неизвестно. Вероятнее всего, в этом городе и позже стоял вестготский гарнизон. Где еще в то время могли стоять такие гарнизоны, мы не знаем. Характерно, что в 521 г. папа назначил специального викария для управления церквами Бетики и Лузитании. Это было явным знаком особого положения этих провинций. Вероятно, пока вестготы главное внимание обращали на Галлию, а затем пытались вернуть себе галльские владения, они особого внимания на Южную Испанию не обращали. Теперь положение изменилось, и Тевдис решил реально подчинить юг.

---

[45] *Kulikowski M.* Late Roman Spain. P. 265–266.

[46] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales. P. 91, 194–195.

[47] *Rodrigez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 525; *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 97.

[48] *Arce J.* Barbaros y romanos... P. 147.

Неизвестно, каким образом Тевдис стал осуществлять свою задачу. Через какое-то время он сделал свей резиденцией Гиспалис (Севилью). Это означает, что часть богатой долины Бетиса реально подчинилась вестготскому королю[49]. Затем Тевдис вышел в район нынешнего Гибралтарского пролива, где его застало вандальское посольство (*Procop.* Bel. Vand. I, 24, 7–16). Но развить дальше свой успех Тевдис не смог. Видимо, этому помешали франки. Сыновья и внуки Хлодвига на какой-то момент примирились, и в 541 г. объединенная франкская армия вторглась в вестготские владения. Франки перешли Пиренеи, сломили сопротивление васконов (*Ven. Fort.* Carm. IX, 1)[50], захватили Памплону и двинулись к Цезаравгусте (Сарагосе), осадив ее. Город упорно сопротивлялся. Григорий Турский (III, 29) говорит, что франки, испуганные молитвами горожан, обращенными к Святому Винцентию, отступили. Но в то же время известно, что самая дорогая церковная реликвия цезаравгустанцев, туника Винцентия, была захвачена франками и прибита королем Хильдебертом к воротам Парижа. Да и Исидор Севильский прямо говорит о взятии франками Цезаравгусты. Этот эпизод, в частности, показывает, что отношение римских и католических подданных вестготских королей к франкам за прошедшие после битвы на Богладском поле три с лишним десятка лет изменилось. Хотя франки были католиками, они уже воспринимались в Испании как враги, и жители Цезаравгусты, даже не получая никакой помощи, сами организовали оборону. Падение Цезаравгусты и последующие за этим грабежи франков заставили Тевдиса принять решительные меры. Он направил против франков армию во главе с герцогом Теудисклом, которая разбила их. Но, судя по всему, одна битва дела не решила, и в следующем году франки продолжали разорять Тарраконскую провинцию. Тогда вдобавок к армии Теудискла на театр военных действий явилась армия под командованием самого короля. Обе армии действовали весьма успешно. Армия Теудискла окружила франкское войско и уничтожила большую его часть. Франки были выбиты из Испании, хотя и сумели уйти с довольно большой добычей (Chron. Caes. a. 541–542; *Isid.* Hist. 41; *Greg. Tur.* III, 29).

Разгром франков позволил Тевдису снова обратиться к проблемам юга. Но на этот раз гораздо большее значение для него приобрело положение в Африке. Может быть, к этому времени Бетика и прилегающие районы официально признали власть Тевдиса, и тот этим ограничился.

---

[49] *Dannenbauer H.* Die Enstehung Europas. S. 23.

[50] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... 52. Археологическим свидетельством этой войны на васконской территории является кладбище франкских воинов: *Bohme H. W.* Der Friedhof von Aldaieta in Kantabrien // APA. 2002. Bd. 34. S. 136–148.

В свое время расположенная по ту сторон пролива Тингитанская Мавретания относилась к диоцезу Испании, и Тевдис, одержав столь впечатляющую победу на северном фронте, теперь решил установить свой контроль над самой южной провинцией бывшего Испанского диоцеза. Когда в Северной Африке началась война между вандалами и византийцами, вандальский король Гелимер надеялся на помощь Тевдиса. Он даже намеревался отослать в Испанию свою казну, а в случае неблагоприятного исхода найти себе там убежище (*Procop.* Bel. Vand. II, 4, 34). Вслед затем Гелимер направил к Тевдису посольство с просьбой о союзе, но тот, узнав об успехах византийцев и взятии ими вандальской столицы Карфагена, предпочел не вмешиваться (*Procop.* Bel. Vand. I, 24, 7–16). В результате этой войны Вандальское королевство было уничтожено византийцами, а Тингитанская Мавретания включена в восстановленную префектуру Африку (Cod. Iust. I, 27, 1). Но, воспользовавшись войной между византийцами и вандалами, в эти земли вторглись берберы и вскоре разгромили имперскую армию. Это и решил использовать Тевдис. Он направил довольно значительную армию для захвата Септема (Сеуты) на африканском берегу пролива. Значение этого пункта было важно для византийцев, ибо владение им позволяло контролировать важный пролив между Средиземным морем и Атлантическим океаном[51], там находился флот, осуществлявший этот контроль, а командир находившихся там войск должен был наблюдать за всем, что происходит в Испании или Галлии (Cod. Iust. I, 27, 2). Захват Септема вестготами позволил бы им контролировать столь значительный торговый путь, а самим избавиться от даже косвенного контроля имперских властей. Но на этот раз вестготы потерпели поражение. Хотя на какое-то время они сумели овладеть городом, очень скоро византийцы наголову их разгромили и выбили из Африки (*Isid.* Hist. 42; *Procop.* Bel. Vand. II, 30, 15).

Несмотря на неудачу африканской экспедиции, правление Тевдиса в целом стало важным этапом в консолидации Вестготского королевства. Этому способствовала и его активная внутренняя политика. В этой сфере его усилия были направлены на нахождение согласия с испано-римским населением. Связанный своим браком с местным магнатством, Тевдис прекрасно понимал важность согласия с подавляющим большинством населения его королевства, точнее — с правящим классом этого населения. Для этого он широко использовал церковную политику. Хотя Тевдис, как все готы, оставался арианином, он явно католиче-

[51] *Bernal Casasola D., Perez Rivera J. M.* La ocupacion bizantina de *Septem* // V Reunion. P. 121.

ской церкви покровительствовал[52]. В правление Тевдиса было созвано несколько поместных соборов[53].

Явным жестом в направлении местной знати было принятие Тевдисом имени Флавий, который позже будут порой принимать и другие короли. Это имя, с одной стороны, было довольно широко распространено в римское время. Можно напомнить, что Веспасиан дал всем испанцам, не имевшим ни римского, ни латинского гражданства, последнее, которое открывало испанской провинциальной элите путь и в гражданство римское. Имя Флавия носил и происходивший из Испании император Феодосий, об испанском происхождении которого сохранилась в этой стране память. С другой стороны, это имя вообще было широко распространено среди позднеримских императоров. Принимая такое имя, Тевдис в какой-то степени сравнивался со славными и могучими императорами прошлого, как Константин и тот же Феодосий. Отношения Тевдиса с империей были весьма напряженными. В это время в Италии византийцы стремились восстановить власть империи, уничтожив Остготское королевство. После ряда поражений остготы, надеясь на помощь Тевдиса, в 540 г. избрали королем его племянника Ильдебада (*Procop.* Bel. Goth. II, 30, 14). Возникала возможность в случае победы снова, как во времена Теодориха, создать фактически единое готское государство, но теперь с первенством вестготского (хотя и остгота по происхождению) короля. Но вскоре среди остготов начались раздоры, и уже в 541 г. Ильдебад был убит. И хотя надежды остготов на помощь их западных сородичей оказались тщетными, это не улучшило отношений между Тевдисом и императором Юстинианом. Принимая прославленное имя Флавий, Тевдис бросал вызов Юстиниану, который тоже именовался Флавием. Наконец, Флавием себя называл и Теодорих. Тевдис не мог не думать о примере своего бывшего покровителя и одного из сильнейших варварских монархов того времени.

24 ноября 546 г. Тевдис издал закон о судебных издержках, который в равной степени относился и к готам, и римлянам. По приказу короля этот закон должен был вписан в свод законов Алариха II, относящийся к римскому населению, но действен был и для вестготов. Он был направлен всем ректорам и судьям, т. е. всем местным властям независимо от их происхождения, и имел в виду «все наши народы»[54]. Хотя сам закон

---

[52] Об этом ясно говорит благожелательное отношение к Тевдису Исидора Севильского. Он даже ему, а не Амалариху приписывает позволение созвать собор в Толедо.

[53] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 83; *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 35; *Barbero A.* El pensamiento politico visigodo y las primeras unciones regias en Europa Medieval // Hispania. 1970. T. 30. P. 246.

[54] Leges Visigothorum. Hannoverae; Lipsiae, 1902. P. 467–469.

касался только одной стороны жизни, само по себе распространение его действия на обе группы населения было чрезвычайно важно и представляло собой первый шаг к правовому объединению вестготов и их римских подданных[55].

В 548 г. Тевдис был убит одним из своих приближенных (*Isid.* Hist. 43; *Greg. Tur.* III, 30)[56], и королем был избран герцог Теудискл, прославившийся своей победой над франками. Иногда предполагают, что он, как и Тевдис, был остготом[57], но реальных оснований для такого предположения нет. Теудискл оказался лучшим полководцем, чем королем. Возможно, что, будучи ближайшим соратником Тевдиса, он продолжал его политику по отношению к испано-римскому населению и католической церкви, и это вызвало резкое недовольство готской знати, которая выступила против него. О короле стали распускаться слухи, обвиняющие его в разврате, насилиях, стремлении уничтожить многих видных деятелей. Насколько эти слухи были справедливы, неизвестно, но они стали оправданием возникновения заговора, в результате которого король был убит на следующий год во время пира (*Isid.* Hist. 44; *Iord.* Get. 303; *Greg. Tur.* III, 30).

Убийство Тевдиса было скорее всего действием одиночки и вызвано чисто личными мотивами. Совершенно иначе обстоит дело с убийством Теудискла. По словам того же Исидора, это убийство стало результатом заговора «многих могущественных» в непосредственном окружении короля. Иордан говорит о «своих», которые убили Теудискла. Речь шла о выражении недовольства довольно широкого круга вестготской знати[58]. Это убийство открыло двадцатилетний период политической нестабильности в Вестготском королевстве. Григорий Турский (III, 30), писавший во второй половине VI в., говорит о «готской болезни» (morbus Gothorum), выразившейся в убийстве готами неугодных королей.

На смену Теудисклу пришел Агила (Chron. Caes. a. 545; *Isid.* Hist. 45; *Iord.* Get. 303). Кем он был и чем заслужил такую честь, неизвестно. Вполне возможно, что он был одним из заговорщиков или даже главой заговора, но никаких доказательств этого нет. Исидор пишет, что он был поставлен (constituitur) королем. Использование этого глагола может говорить и каком-то решении готской знати, но как это решение было оформлено, мы не знаем. В дальнейшем Агила занял резкую антироманскую и антикатолическую позицию. Поэтому нельзя исключить, что

---

[55] *D'Ors A.* La territorialidad... P. 401–404.

[56] Возможно, что мотивом убийства была кровная месть: *Nagl A.* Theudis. Sp. 249.

[57] *Livermore H. V.* The origins... P. 147.

[58] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 100.

убийство Теудискла и выдвижение Агилы было реакцией вестготской аристократии (и, может быть, верхов арианской церкви) на политику Тевдиса и, возможно, Теудискла. Косвенным доводом в пользу этого может быть то, что в одном из вариантов «Хроники вестготских королей» (текст А) Агила даже не упомянут, а годы его правления прибавлены к правлению Теудискла[59].

Если это и так, то в одном плане Агила продолжил политику Тевдиса — реальное подчинение Южной Испании. Но он отказался от примирительного аспекта этой политики и стал действовать решительно и грубо. Укрепившись у власти, Агила в 550 г. двинулся с войсками против Кордубы (Кордовы). Трудно сказать, восстала ли Кордуба против короля и этот поход являлся карательной экспедицией или город все еще оставался на деле независимым и Агила хотел реально подчинить его. Сначала королю сопутствовал успех, и готские войска вошли в Кордубу. Агила и его воины действовали в Кордубе как в побежденном враждебном городе. В частности, была устроена конюшня в церкви почитаемого в городе мученика Ацискла. Впервые после нашествий и хаоса V в. дело дошло до профанирования католической святыни. Видимо, с этим связано оставление старого епископского дворца и постройка нового в том районе, который до этого практически находился вне зоны городской застройки[60]. Поведение короля вызвало возмущение в Кордубе, следствием чего стало восстание, приведшее не только к изгнанию войск Агилы из города, но и к убийству его сына и потере значительной части казны (*Isid.* Hist. 45). Город восстановил свою независимость[61]. Потеря части казны затруднила выплату денег воинам, что не могло не вызвать их недовольства и вело к уменьшению авторитета короля.

Этими событиями решил воспользоваться знатный вестгот Атанагильд[62]. Находясь в Гиспалисе, возможно, с частью войска, он провозгласил себя королем. Это стало видимым всеми следствием исчезновения рода Балтов. Отныне каждый готский аристократ мог считать достойным

---

[59] Leges Visigothorum. P. 459.

[60] *Marfil Ruiz P.* La sede episcopal cordobesa en epoca bizantina // V Reunion. P. 174–175.

[61] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 526.

[62] Несколько позже, когда Атанагильд уже был королем, галло-римский поэт Венанций Фортунат прославлял высокую знатность рода Атанагильда. На основании этих стихов и имени, первый элемент которого совпадает с началом имени Атанариха, считавшегося первым вестготским королем, было высказано предположение, что Атанагильд является потомком Атанариха, но эти доводы весьма шатки и недоказательны: *Rouche M.* Brunehaut, visigothe ou romaine? // Los Visigodos. P. 109. (Стихи приведены в прим. 58, p. 114). Тем не менее знатность Атанагильда едва ли подлежит сомнению.

занять трон. И если Тевдис, Теудискл, Агила делались королями относительно законным образом, то Атанагильд просто поднял мятеж. В Испании началась гражданская война.

Выступление Атанагильда ни в коем случае не было спонтанным. Исидор (Hist. 47) пишет, что он уже давно задумал захватить власть и с этой целью вступил в сношения с Юстинианом, прося у него военной поддержки. И тот, естественно, тотчас же воспользовался этим. То государство, которое мы традиционно называем Византией, представляло собой восточную часть Римской империи, а после исчезновения ее западной части рассматривало себя как естественное продолжение всей державы, а ее император претендовал на власть над всеми территориями, ранее империи принадлежавшими, теперь подчиненные варварским королям, а в идеале и над всей вселенной[63]. Юстиниан был преисполнен решимости превратить теорию в практику и восстановить реальную власть Константинополя над всей бывшей территорией Римской империи[64]. Он использовал малейший повод для начала войны с варварскими королевствами. Ко времени выступления Атанагильда византийцы уже владели всей Северной Африкой и после уничтожения Вандальского королевства установили свою власть над Балеарскими островами[65], так что и с юга, и с востока они уже находились на подступах к Испании. И хотя война с остготами в Италии еще не была окончательно завершена, просьба Атанагильда была слишком соблазнительной, чтобы ее отвергнуть. И Юстиниан весной 552 г. направил в Испанию флот под командованием патриция Либерия (*Iord.* Get. 303).

Избрание Либерия командующим испанской экспедицией не было случайным. Ему в это время было уже около 80 лет, и за плечами у него была большая карьера. Он служил Одоакру, но вовремя перешел на службу к Теодориху, который назначил его префектом Галлии, был крупным чиновником при дочери Теодориха Амаласунте, а позже перешел на сторону византийцев и активно воевал со своими бывшими «хозяевами» и покровителями в Сицилии[66]. Император явно рассчитывал, что, несмотря на весьма преклонный возраст, Либерий сможет использовать свое хорошее знание готов, что должно облегчить его действия в Испании. Может быть, сыграло роль и его прежнее занятие

---

[63] *Курбатов Г. Л.* Политическая теория в ранней Византии // Культура Византии. М., 1984. Т. I. С. 117–118.

[64] *Bury J. B.* History... Vol. II. P. 26; *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940. S. 42–43.

[65] *Amengual i Batle J. Ubi pars graecorum est*: medio milenio de historia relegada de las Baleares y Pitiusas // Pyrenae. 2005. N 36, 2. P. 92.

[66] *Nagl A.* Liberius // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 94–97.

поста префекта Галлии при Теодорихе[67]: восстановление префектуры Галлии в ее прежнем объеме, включая Испанию, вполне входило в общее русло реставраторской политики Юстиниана. Полководческие качества Либерия вызывали определенные сомнения, и император в конце концов отозвал его из Сицилии, но зато за его плечами был огромный административной опыт; в частности, он в свое время по поручению Теодориха (а может быть, еще при Одоакре) занимался разделом земель между германцами и итало-римлянами[68]. Возможно, Юстиниан считал подчинение Испании делом решенным, а более важным — урегулирование отношений с местным населением, как вестготским, так и римским.

Тем временем события в Испании развивались своим чередом. После поражения от восставших кордубцев Агила с остатками своих войск отступил в Эмериту. Туда со своими силами двинулся Атанагильд. По-видимому, перевес в силах был на его стороне. К тому же, и, может быть, это было главное, потеря значительной части казны поколебала верность воинов Агилы. И те подняли мятеж. Агила был убит, и его сторонники после нескольких лет гражданской войны признали королем Атанагильда (*Isid.* Hist. 46–47).

Такой ход событий, однако, не остановил экспедицию имперских войск. Византийцы высадились на Пиренейском полуострове и начали захватывать приморские города Южной и Юго-Восточной Испании, проникая все дальше в глубь полуострова. Вероятно, между Атанагильдом и Юстинианом был заключен договор (pacta)[69]. Впоследствии король Реккаред пытался узнать о содержании этого договора и писал об этом папе Григорию Великому, и из ответа папы было ясно, что договор этот весьма неблагоприятен для вестготов (*Greg.* Ep. IX, 229). Одним из его условий могло быть официальное восстановление старого foedus, и тем самым вестготы признавали бы себя федератами империи. А это означало, что официально имперская власть восстанавливалась и на Пиренейском полуострове[70]. Но император не собирался ограничиваться этой формальностью. Он стремился реально завладеть Испанией.

Положение в южной части Пиренейского полуострова было сложным. Землевладельческая знать и крупные города этого региона не хотели

---

[67] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 102; *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 210.

[68] *Nagl A.* Liberius. Sp. 94.

[69] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 89–90.

[70] *Dannenbauer H.* Die Entstehung Europas. S. 24. Не исключен и другой вариант: договор мог ограничиваться уступкой Византии какой-то части территории Испании (*Stroheker K. F.* Germanentum... S. 211–212).

признавать власть вестготов, и выразителем их интересов являлась католическая церковь, выступавшая против арианской. Однако они не хотели и реально подчиняться императору, и общность веры в этом не играла никакой роли[71]. Хотя византийцы именовались римлянами и официальным языком в это время пока оставался латинский, в Западной Европе их воспринимали как греков и иностранцев[72]. Григорий Турский (IV, 8) пишет, что испанские города были захвачены греками незаконно. В Италии и Северной Африке власть варварских арианских королей была довольно сильна, и римское католическое население в большинстве сочувствовало византийцам и по мере сил поддерживало их. В Испании сложилось другое положение. Здесь сильны были старое римское магнатство и римские пережитки, как об этом хорошо свидетельствуют найденные в Гиспалисе две надписи знатных дам, имевших титул clarissimae, датируемые по старому римскому образцу[73]. Восстание в Кордубе и поражение Агилы свели на нет успехи Тевдиса, и Южная Испания, прежде всего долина Бетиса, освободилась от вестготской власти, и господствующая знать не хотела принять новых завоевателей. Местная католическая церковь, тесно связанная с этой знатью, также не была склонна к подчинению имперским властям. Позже гиспалийский епископ Исидор, правда, уже в новых условиях, выступил решительным противником византийских претензий[74]. Только восточные торговцы, жившие в различных испанских городах и заинтересованные в политической власти императора, которая была бы гарантией общности средиземноморского торгового пространства, возможно, поддержали Византию[75]. Но этот слой общества был очень тонким и находился как бы вне общей ткани испанского общества. Так что император и его полководец могли полагаться только на собственную военную силу. Однако эти силы были не беспредельны. Война в Италии двигалась к своему победному концу, но, оказавшись вопреки ожиданиям долгой и трудной, потребовала от империи огромного напряжения сил, в том числе финансовых. На востоке война с Персией была тоже трудной и не очень-то

---

[71] *Salvador Ventura F.* Reflexiones sobre las causas de la intervencion bizantina en la Peninsula // Los Visigodos. Murcia, 1987. P. 70–71; *Корсунский А. Р.* К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI–VII вв. // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 35–36.

[72] *Dannenbauer H.* Die Entstehung Europas. P. 25.

[73] *Tarradellas Corominas M. C.* Topografia urbana de Sevilla durante la Antuguedad Tardia // V Reunion... P. 285.

[74] *Fontaine J.* Isidore de Sevilla frente a la España bizantina // V Reunion. P. 29.

[75] *Salvador Ventura F.* Op. cit. P. 71–72; *Корсунский А. Р.* К вопросу... С. 36–37. Вопрос об отношении католического населения Южной Испании к византийскому завоеванию очень спорен, и немалое число исследователей склоняются к признанию активной поддержки армии Юстиниана со стороны этого населения.

удачной[76]. Так что послать значительную армию на дальний конец Средиземноморья Юстиниан не мог.

Если Атанагильд действительно заключил договор о федератных отношениях с империей, то после утверждения на троне соблюдать его не собирался. Может быть, хранившийся при вестготском дворе его экземпляр даже был вовсе уничтожен[77]. И вскоре Атанагильд начал войну с византийцами, им же самим приглашенными в Испанию (*Isid.* Hist. 47). Мы не знаем о результатах этой войны. Судя по всему, она была не очень-то удачной. Во всяком случае выбить их из Испании Атанагильд не смог. Власть Атанагильда отказалась признавать такие важные города этого региона, как Гиспалис, который ранее был его резиденцией, и Кордуба. Атанагильд пытался их подчинить, но, как кажется, тоже неудачно (Chron. Caes. a. 568). В конце концов эта часть Испании фактически ускользнула из-под вестготской власти. На юге и юго-востоке была создана имперская провинция «Испания» (Spania), занявшая широкую полосу вдоль моря и прилегающие земли, включая ряд городов, в том числе такой крупный, как Картагена. В долине Бетиса Гиспалис и Кордуба (а может быть, и некоторые другие города) стали независимыми и от вестготов, и от византийцев[78]. Только к концу своего правления Атанагильд сумел взять Гиспалис (Chron. Caes. a. 568). Установление власти вестготских королей на юге и изгнание византийцев станет одной из важнейших задач последующих испанских монархов.

Больших успехов добился Атанагильд в отношениях с франками. Этому способствовала его матримониальная политика. Две его дочери Брунегильда и Галсвинта стали женами франкских королей Сигиберта, короля Австразии, и Хильперика, короля Нейстрии (*Greg. Tur.* IV, 27–28). Правда, последней весьма не повезло: интриги его любовницы и бывшей служанки Фредегонды привели к убийству королевы, после чего Хильперик женился на Фредегонде. Брунегильда же 46 лет будет королевой

---

[76] *Bury J. B.* History... Vol. II. P. 113–123.

[77] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 90. Находившийся в Константинополе экземпляр, кажется, сгорел во время большого пожара в византийской столице: ibid. P. 89.

[78] Сведения о византийских владениях на юге Испании очень скудные, и это предоставляет широкое поле для различных предположений. В частности, утверждается, что столицей византийской провинции была Кордуба (*Livermore H. V.* The origins... P. 151). Однако никаких оснований, кроме факта попыток вестготских королей захватить этот город, нет, и скорее всего и Кордуба, и Гиспалис являлись независимыми городами: *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 527–528. Толкование же пока еще незначительных археологических находок зависит в огромной степени от априорного принятия подчинения или неподчинения этих городов, в частности Кордубы, византийцам. Ср.: *Penca Valenzuela F.* Un pavimento musivo de influencia bizantina en el antiguo convento de Santa Clara de Cordoba // V Reunion. P. 251.

и все это время будет находиться в центре интриг и кровавых раздоров, разделявших Франкское королевство. Как бы то ни было, эти браки, а в еще большей степени эти раздоры, когда соперничающим королям было не до вестготов, обеспечили спокойствие на северной границе. Возможно, что этими браками Атианагильд пытался также заручиться поддержкой франков в своей войне с империей[79].

Атанагильд правил более 15 лет и стал первым после долгого перерыва королем, умершим собственной смертью (*Isid.* Hist. 47; Chron. reg. Vis. 23). Это, однако, не означает, что его правление было временем стабилизации. Скорее наоборот, это было временем углубления кризиса. Постоянные, но долго совершенно неудачные войны на юге показывают слабость королевской власти. В различных местах Испании огромную силу приобрели крупные земельные собственники, наследники позднеримских магнатов[80], которых хронист называет «господами мест» (seniores loci). Некоторые, по крайней мере, из них стали фактически независимыми. Иоанн Бикларский (а. 569) пишет, что королю Леувигильду пришлось восстанавливать власть готов в прежних размерах, ибо она уменьшилась в результате мятежей. Часть таких мятежей явно происходила еще в правление Атанагильда. Приблизительно в это же время, как говорилось в соответствующей главе, свевы принимают католицизм. В результате вокруг арианского Вестготского королевства создается кольцо католических (и православных) государств — Византии, Свевского и Франкского королевств, что в тех условиях грозило их общими действиями против готов. Если франки своими раздорами, доходящими до кровопролитных гражданских войн, были значительно ослаблены, то объединение сил свевов и византийцев было угрозой весьма реальной. Политический кризис дополнялся кризисом экономическим, ярким показателем которого стало падение качества вестготской монеты[81].

Апогеем кризиса стало положение, сложившееся после смерти Атанагильда в 567 г.: у вестготов пять месяцев короля не было (*Isid.* Hist. 47). Исидор Севильский, сообщая об этом, никаких объяснений не дает. Из его слов известно лишь, что Атанагильд умер собственной смертью, так что ни о каком заговоре и убийстве речи не было. Вероятно, у Атанагильда не было сыновей, но только две дочери, ставшие франкскими королевами. И это создало определенный политический вакуум, который

---

[79] *Valvierde Castro M. R.* La monarquia visigoda y su politica matrimonial // SHHA. 2000. Vol. 18. P. 336–337.

[80] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 189–190.

[81] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 103.

готская знать долго заполнить не могла. Объяснением такого положения могут быть только раздоры в среде этой знати. Может быть, к этому времени относятся и некоторые мятежи, о которых говорит Иоанн Бикларский. Какую-то долю приверженцев покойный Атанагильд, несомненно, имел: недаром Леувигильд, правивший в Испании после Атанагильда, предпочел развестись со своей женой и жениться на вдове Атанагильда, явно чтобы обеспечить себе их поддержку[82]. Но также несомненно, что имелись и другие группы, и их соперничество привело по существу к политической анархии.

Сохранение такого положения в условиях отпадения значительных территорий и возникновения кольца католических государств грозило вестготам потерей их владений. И через пять месяцев им пришлось прийти к соглашению. Королем был избран Лиува, который находился в Септимании. Может быть, выбор пал на него именно из-за его пребывания в запиренейской области королевства: таким он мог казаться неопасным для испано-вестготской знати[83]. По каким-то причинам перебираться к югу от Пиренеев Лиува и не собирался; то ли это было условием его избрания, то ли он не решался вмешаться в испанские дела, то ли ему мешало это сделать состояние здоровья, ибо через четыре года он умер[84]. Да и обстановка на франкской границе, как казалось ему, требовала его присутствия[85]. В это время обострилась борьба франкских королей у самых вестготских границ. Король Сигиберт захватил Арелат (Арль), который осадили войска его соперника Гунтрамна, который и выбил противника из города с помощью его жителей и епископа (*Greg. Tur.* IV, 30). Лиува вполне мог опасаться того, что пожар войны перебросится и на вестготскую Септиманию. В этих условиях он очень скоро сделал своим соправителем брата Леувигильда, направив его в качестве полновластного правителя в Испанию, оставив в своей власти только Септиманию (*Bicl.* a. 569; *Isid.* Hist. 48). А после его смерти Леувигильд остался единственным королем вестготов. И с его воцарением начинается новая эпоха в истории королевства.

---

[82] *Valverde Castro M. R.* La monarquia visigoda... 338.

[83] Существует предположение, что Лиуву вообще могла избрать только знать Септимании (*Torres Lopez M.* Las invasiones. P. 98; *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 136). Однако оснований для такого предположения нет. Гораздо вероятнее, что Лиува был избран или во всяком случае признан все же всей вестготской аристократией.

[84] Два варианта «Хроники вестготских королей» дают разное число времени правления Лиувы: по тексту А он правил четыре года и четыре месяца, а по тексту В — один год. Но оба эти варианта, как ни странно, сочетаются друг с другом. По словам Исидора Севильского, время правления Лиувы было причислено к годам Леувигильда. Так что можно без сомнения говорить, что один год Лиува правил один и еще три года вместе братом.

[85] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 105.

Глава VIII

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИСПАНИИ

Леувигильд стал королем в сложное для вестготского государства время. Политическая анархия после смерти Атанагильда достигла апогея. Избрание Лиувы явно было лишь компромиссом, да и он, по-видимому, достиг своей цели не сразу. В разных местах страны некоторые магнаты создали свои мини-государства, совершенно не считаясь с центральной властью. «Большая хроника Исидора» (403) сообщает о мятежах в различных областях Испании, которые пришлось подавлять Леувигильду. И он поставил своей целью укрепление Вестготского королевства и превращение его в сильную державу. Этому была подчинена его и внешняя, и внутренняя политика. Во внешней политике он стремился к реальному объединению Испании под властью вестготского короля и приобретение положения, равного Империи, а во внутренней — к укреплению королевской власти и восстановлению династического принципа ее наследования.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОЙНЫ ЛЕУВИГИЛЬДА

Став королем, Леувигильд развелся со своей прежней женой и женился на вдове Атанагильда Госвинте (*Bicl.* a. 569, 573; *Greg.* Tur. IV, 38), что, конечно же, усилило его позиции. А став единым королем, он, чтобы закрепить трон за своими сыновьями Герменегильдом и Реккаредом, назначил их своими соправителями (*Bicl.* a. 573)[1]. Но еще до этого он взял открытый курс на военное объединение Пиренейского полуострова

По-прежнему важнейшей задачей вестготских королей было подчинение юга. В 570 г. на втором году своего правления Леувигильд начинает войну с византийцами. Время было выбрано весьма удачно. На константинопольском престоле после смерти энергичного и способного Юстиниана оказался его племянник Юстин II, никак не унаследовавший

[1] Несомненно, что именно этот мотив подвигнул Леувигильда на этот шаг: *Godoy C., Vitella J.* De la Fides gothica a la Ortodoxia nicena // Los Visigodos. P. 123.

таланты своего дяди. Вскоре он ввязался в изнурительную войну с персами, в которой византийцы терпели поражение. Еще важнее для западных дел оказалось вторжение лангобардов, которые в 568 г. начали завоевание Италии, вытесняя оттуда византийцев. В этих условиях императорское правительство было неспособно оказать какую-либо действенную помощь своим далеким испанским владениям. Уже в первом походе Леувигильд перешел Бетис и опустошил значительную часть византийских владений. В следующем году он повторил поход и захватил плацдармы на пути к проливу. В частности, с помощью предателя, некоего Фрамиданея (вероятно, командира местного гарнизона) был захвачен Асидон (*Bicl.* a. 570, 571). Большая часть византийских владений на Пиренейском полуострове вновь оказалась под властью вестготского короля. Но отсутствие флота не позволило Леувигильду завершить вытеснение византийцев из Испании. Важно было и психологическое значение этого факта: вестготы снова оказались сильнее, чем Римская империя.

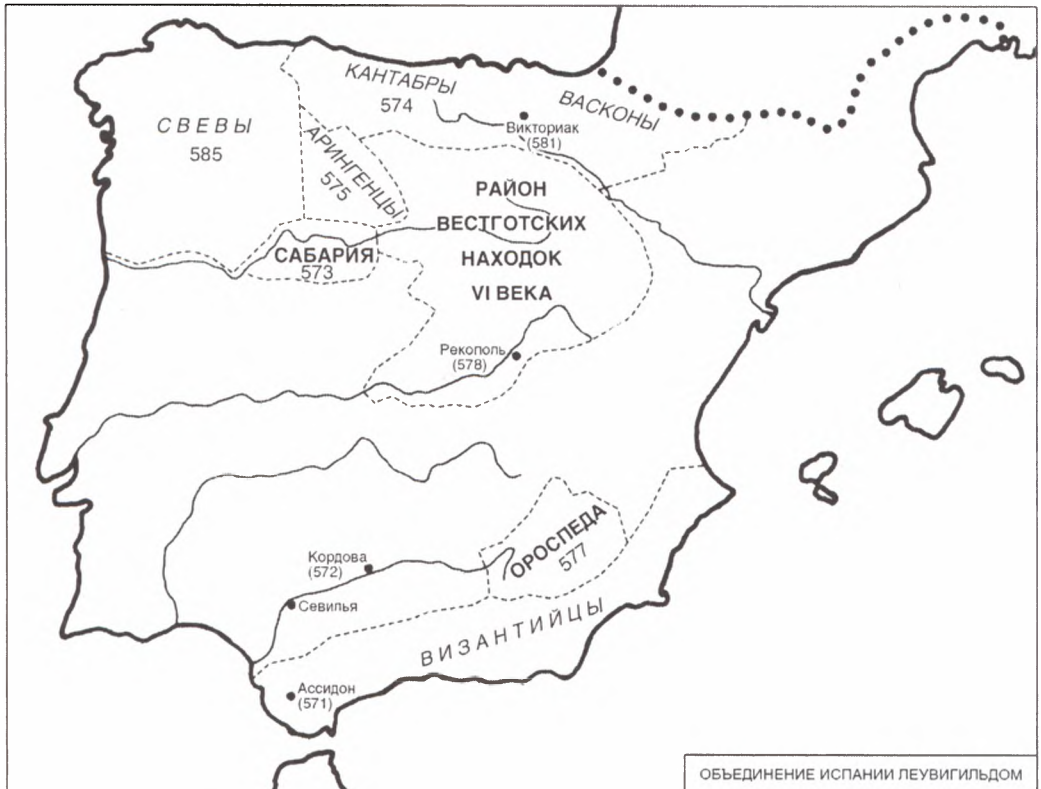
Леувигильд решил использовать свои победы над византийцами для подчинения Кордубы. Этот город уже в течение более 20 лет фактически был полностью независимым. Подчинение вестготскому королю, к тому же арианину, не входило в планы местной испано-римской знати. Вооружив своих рабов, клиентов и других зависимых лиц, аристократы Бетики оказали ожесточенное сопротивление армии Леувигильда[2]. Однако силы были неравны. В результате ночного штурма Кордуба была взята. Были захвачены также города и укрепления в окрестностях Кордубы (*Bicl.* a. 572). Восстание в Бетике было подавлено, а местные византийские власти, не получая помощи из столицы, были вынуждены просить мира. Мир (или перемирие) был заключен в 572 г., и по его условиям вся долина Бетиса перешла под власть Леувигильда. И только прибрежная полоса оставалась в руках Византии. Леувигильд мог считать свою задачу на юге выполненной.

После этого Леувигильд обратился к северо-западу. В это время свевский король Мирон также вступает на путь военной экспансии. Он, в частности, воюет с рунконами (*Bicl.* a. 572), жившими в Кантабрии[3], и это ставит под угрозу северо-западную границу Вестготского королевства. Уже одно это заставило Леувигильда обратить особое внимание на этот регион[4]. И в ответ на кампанию Мирона он в 573 г. вторгается в Сабарию, расположенную, вероятно, у самой свевской границы. Иоанн

[2] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 529–530.

[3] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 149.

[4] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 94.



Объединение Испании Леувигильдом (568 – 586)

Бикларский (а. 573) пишет, что эту «провинцию» Леувигильд вернул под свою власть (in suum redigit dicionem). Видимо, в период политической анархии эта территория стала фактически независимой. Фактически независимым был и весь горный север Пиренейского полуострова, населенный васконами и кантабрами. Известно, что у кантабров важнейшие дела решал «сенат» (Vita S. Aemil. 26, 33), т. е. совет старейшин, а военными предприятиями у тех и у других руководили «вожди» (duces)[5]. И Леувигильд поставил целью подчинить их. «Житие святого Эмилиана» (26, 33) говорит о предательском нападении вестготского короля. Возможно, что у кантабров существовал какой-то договор с вестготами, который король теперь коварно нарушил. Поскольку хронист опять же говорит о «возвращении» этой области, то можно думать, что одним из условий такого договора было формальное признание власти вестготского короля, что не мешало фактической независимости горцев. Характерно, что до этого времени никаких сведений о войнах между северными горцами и вестготами нет. Видимо, в течение многих лет обе стороны сохраняли установившееся сосуществование: вестготы удовлетворялись формальным признанием их власти, а кантабры и васконы, сохраняя свою фактическую независимость, не претендовали на более низменные земли. Теперь же Леувигильд нарушил это сосуществование и огнем и мечом «разрушил» Кантабрию, т. е. лишил ее независимости. После этого был подчинен Аспидий, который создал в Арегенских горах к югозападу от Кантабрии свое независимое минигосударство (*Bicl.* а. 575)[6]. Эти походы создали необходимый плацдарм для нападения уже непосредственно на свевов. И нападение не заставило себя ждать. Уже в 576 г. Леувигильд вторгается непосредственно в Галлецию. Мирон был разбит и запросил мира. Леувигильд пошел ему навстречу (*Bicl.* а. 576). Между вестготами и свевами было заключено перемирие. После разгрома Мирона Свевское королевство уже не могло претендовать на ведущее положение в Испании, гегемония на Пиренейском полуострове окончательно закрепилась за вестготами[7], и Леувигильд пока ограничился этим. По-видимому, Леувигильд не решился нанести окончательный удар свевам, пока в его тылу еще оставались неподчиненные территории. Такой территорией была Ороспеда, горная область на юго-востоке Пиренейского полуострова. Расположенная между вестготскими и византийскими владениями, эта область сохраняла независимость. Поход против Ороспеды оказался не таким уж легким. Правда, сначала Леуви-

[5] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 53–54.
[6] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 35.
[7] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 119.

гильду сопутствовал успех, и область казалась подчиненной. Но после ухода вестготских войск там вспыхнуло восстание сельчан (rustici), и Леувигильду пришлось вернуться, чтобы его подавить (*Bicl.* a. 577). Чем было вызвано это восстание и кто его возглавил, неизвестно. Но вполне возможно, что местные крестьяне, воспользовавшись разгромом магнатов, выступили теперь и против королевской власти[8]. Восстание было столь значительным, что потребовало вмешательства самого короля.

Ограничился ли Леувигильд только этими кампаниями, о которых сообщает Иоанн Бикларский, или имели место еще другие, более мелкие, не привлекшие внимания хрониста, сказать трудно. Как бы то ни было, к 578 г. своей основной цели в этом плане Леувигильд достиг. Местные самовольные магнаты были укрощены, а бывшие еще независимыми города и области подчинены. Значительная часть побережья еще оставалась в руках византийцев, а на северо-западе продолжало существовать Свевское королевство, но территория имперской провинции была существенно сокращена, а свевская экспансия решительно остановлена. Военные кампании на этом остановились (*Bicl.* a. 578; *Isid.* Hist. 49).

Действуя таким образом, Леувигильд фактически следовал той линии, которая была намечена еще Тевдисом: подчинение как можно большей части Испании (а при возможности и всей страны) и сохранение в неприкосновенности франкской границы, для чего с франками надо было установить если не дружеские отношения, то относительно мирное сосуществование. И в 579 г. Леувигильд сделал шаг, который, по его мнению, должен был обеспечить ему франкский нейтралитет: он женил своего сына Герменегильда на франкской принцессе Ингунде (*Bicl.* a. 579; *Greg. Tur.* V, 38). Она была дочерью короля Австразии Сигиберта и Брунегильды, дочери Атанагильда. Франкское королевство в это время было далеко от единства, и потомки Хлодвига вели беспощадную кровавую борьбу друг с другом. Огромную роль в этой борьбе играло безжалостное соперничество двух королев — австразийской Брунегнильды и нейстрийской Фредегонды, которая в свое время стала инициатором убийства сестры Брунегильды Галсвинты. Женитьба Герменегильда на Ингунде могла бы привести к вмешательству Леувигильда или его наследника в запутанные франкские дела. Поэтому Леувигильд помолвил своего младшего сына Реккареда с дочерью короля Нейстрии Хильперика и Фредегонды Ригунтой (*Greg. Tur.* V, 38). Воспоминания о прежней трагедии не смущали вестготского короля[9]; политические расчеты оказались гораздо сильнее. Правда, из брака Реккареда с Ригунтой ничего

[8] Ibid. P. 118.

[9] *Tessier G.* La baptême de Clovis. P. 215.

не вышло: после долгих переговоров под различными предлогами Хильперик в конце концов отказался отослать Ригунту в Испанию, а для смягчения своего отказа предложил Реккареду руку другой своей дочери Базины (не от Фредегонды), но так как та была монахиней и ее не захотели отпускать из монастыря, то это предложение осталось пустым звуком (*Greg. Tur.* VI, 34). Разумеется, в основе всех этих матримониальных перипетий лежали политические соображения: король Нейстрии (или, может быть, скорее его супруга) явно не хотел связывать себе руки союзом с Леувигильдом.

Брак Герменегильтда и Ингунды вскоре сослужил плохую службу вестготскому королю. После прибытия Ингунды в Испанию при вестготском дворе начались раздоры. Как пишет Григорий Турский, королева Госвинта сначала очень дружелюбно приняла Ингунду, которая была к тому же ее родной внучкой. При королевских дворах всегда существовали различные интриги. При дворе Леувигильда дело осложнялось семейным положением короля. Его сыновья Герменегильд и Реккаред были детьми его первой жены, и это не могло не сказаться на отношении к ним Госвинты. О существовании при дворе группировки (factio) Госвинты прямо пишет Иоанн Бикларский (a. 578). У Григория Турского (IX, 1) есть интересное сообщение: Реккаред, став после смерти Леувигильда королем, заключил союз с Госвинтой и принял ее как мать. Видимо, при жизни отца отношения между мачехой и пасынком были далеки от идиллии. В этих обстоятельствах королева вполне могла рассчитывать на собственную внучку. Но она ошиблась. Ингунда, как показали последующие события обладала огромным честолюбием (пожалуй, унаследованным от матери) и не собиралась становиться игрушкой в руках бабушки и свекрови. Огромную роль сыграл и религиозный фактор. Ингунда, как и все франки, была католичкой. Она не только не перешла в арианство, как настаивала Госвинта, но и убедила стать католиком своего мужа (*Greg. Tur.* V, 38). Чтобы успокоить страсти, Леувигильд отослал Герменегильда с женой в Бетику, сделав его правителем этой провинции. В какой-то степени Леувигильд повторял поступок своего брата, когда тот назначил его соправителем, отдав в управление Испанию. Но в действительности между этими двумя актами имелась существенная разница. В отличие от отца Герменегильд являлся лишь наместником короля, хотя и с весьма обширными полномочиями.

Попав на юг, Герменегильд оказался в гуще новых интриг. Местная знать, сравнительно недавно подчиненная вестготскими королями, по-видимому, надеялась на восстановление прежней независимости[10].

[10] *Fontaine J.* Isidoro de Sevilla frenta a la España bizantina // V Reunion. P. 31.

Духовным лидером этой группы знати являлся епископа Гиспалиса Леандр. Леандр принадлежал к знатной фамилии. Его отец Севериан был крупным землевладельцем Карфагенской провинции, который после захвата этой территории византийцами предпочел перебраться в Бетику[11]. Как показывает последующая деятельность и самого Леандра, и его младшего брата Исидора, семья была по тем временам довольно образованна и хранила старые римские традиции. Это обстоятельство в не меньшей мере, чем пост епископа, делало Леандра виднейшей фигурой испано-римской знати Южной Испании. Появление в Гиспалисе фанатичной католички Ингунды пробудила надежды этой знати. С другой стороны, группировка Госвинты, видимо, не отказывалась от своего враждебного отношения и к Герменегильду, и к его жене. Иоанн Бикларский, будучи современником этих событий, пишет, что factio королевы толкнула Герменигильда на мятеж. В том же 579 или в следующем году Герменегильд перешел в католицизм, причем крестил его сам Леандр. Может быть, этот акт был воспринят Госвинтой и ее окружением как открытый вызов. С другой стороны, и Ингунда не хотела ждать смерти своего свекра, чтобы стать королевой. И Герменегильд провозгласил себя королем, избрав своей столицей Гиспалис.

Как уже говорилось, Герменегильд и Реккаред официально являлись соправителями отца, но формально королевского титула явно не имели. Надпись 580 г. упоминает второй год короля Герменегильда[12]. Следовательно, до 579 г. он королем не был, хотя и был consors regni. Провозгласив себя полновластным королем, Герменегильд начал даже чеканить собственную монету, что явилось знаком полной самостоятельности и вызовом Леувигильду. На этой монете он не только называет себя королем, но и прибавляет a Deo vita[13] (спасением Божьим). Таким образом, мятеж ставится под покровительство Бога. Герменегильд явно претендует на роль знаменосца католицизма в борьбе с господствующими арианами[14]. Не исключено, что это было подсказано ему Леандром. Расчет оказался правильным. Его поддержала католическая испано-римская знать Бетики и южной Лузитании[15]. На его сторону перешли три важ-

---

[11] *Garcia Moreno A. L.* Prosopografia... P. 91.

[12] Hispania epigraphica. 2001. Vol. 11. 442. P. 141–142.

[13] *Gil Farres O.* La moneda sueva... P. 185; *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 105.

[14] *Godoy C.*, *Vilella J.* De la Fides... P. 131.

[15] В упомянутой выше надписи не только Герменегильд называется королем, но и Леувигильд именуется господином и королем, хотя и отмечается, что он преследует своего сына. Эта надпись сделана до начала открытой гражданской войны, и возможно, что тогда местные магнаты еще сохраняли надежду на какой-то вид сосуществования с могучим вестготским королем. Впрочем, не исключено, что это всего лишь обычная формула.

Монета Леувигильда. Аверс и реверс

нейших центра Южной Испании — Гиспалис, Кордуба, Эмерита. Он мог рассчитывать на поддержку византийцев и католиков-свевов, а также франков. Леувигильд правильно оценил возникшую опасность.

Не решаясь сразу же начать войну с собственным сыном, Леувигильд долго пытался как-то с ним договориться. Увидев, что это невозможно, он начал подготовку к войне. В 581 г. король совершил поход против васконов, сохранявших независимость со времени Поздней империи (*Bicl.* 581). То ли предыдущий поход не дал тех результатов, на которые Леувигильд рассчитывал, то ли целью того похода была только Кантабрия, а Васконня была по каким-то причинам оставлена в стороне. Во всяком случае удар был нанесен жестокий. Именно в 581 г. и в несколько более позднее время впервые отмечается наличие васконов к северу от Пиренеев: сначала с ними неудачно сражался герцог Хильперика Бладаст, а немногим позже другой герцог — Австровальд — не смог помешать их грабежам (*Greg. Tur.* VI, 12; IX, 7). Исследователи связывают появление васконов на территории Франкского королевства с уходом под давлением войск Леувигильда части этого народа за Пиренеи[16]. Разгромив васконов и заставив их признать свою власть, Леувигильд на какое-то время сумел этим походом предотвратить возможный удар с севера во время войны на юге.

Предпринял Леувигильд и другой важный шаг. Поскольку Герменегильд выступил под знаменем католицизма, Леувигильд собрал в Толедо собор арианских епископов (*Bicl.* а. 580). Цели этого собора были обширны, и к этому мы вернемся позже. Пока же надо подчеркнуть его чисто политический аспект: король явно стремился так же поднять против мятежного сына религиозное знамя, как и тот, объединив вокруг

[16] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 54—58.

всех ариан против католиков[17]. Недаром после взятия Гиспалиса Леувигильд отчеканил монету с легендой: CVM DEO SPALI ADQVISITA (Благодаря Богу взят Гиспалис)[18].

В 582 г. армия Леувигильда обрушилась на мятежников. Взяв Эмериту, Леувигильд отрезал Бетику от свевского королевства, резко уменьшив шансы Герменегильда получить помощь от свевского короля. И Леувигильд правильно оценил значение этой победы, выпустив специальную монету с легендой Emerita victoria[19]. Это, конечно же, ухудшило шансы Герменегильда. Неудачной оказалась и попытка заручиться византийской помощью. Отправленное в Константинополь посольство во главе с гиспалийским (севильским) епископом Леандром закончилось ничем: византийское правительство в тот момент не могло оказать никакой реальной помощи своему испанскому единоверцу, хотя такая помощь явно соответствовала бы политике империи. Герменегильд, таким образом, остался без реальных союзников. Силы же местной знати и городов, поддержавших мятежного принца, были, по-видимому, очень подорваны опустошением Бетики в 570–572 гг. Все это в огромной степени уменьшило шансы Герменегильда на успех.

В 583 г. Леувигильд двинулся непосредственно на Гиспалис. Началась осады города. Свевский король Мирон решил воспользоваться обстоятельствами и все же двинулся с войсками в Южную Испанию. Но он был разбит и погиб. Теперь у Герменегильда не осталось никаких надежд на внешнюю помощь. Он с женой и младенцем сыном бежал в Кордубу, а Гиспалис попал в руки Леувигильда. И в следующем 584 г. настала очередь Кордубы. Во время начавшейся гражданской войны византийцы снова присоединили к своим владениям этот город, и это было единственным шагом, какой они предприняли в Испании в это время[20]. Не исключено, что возвращение Кордубы под власть императора было оформлено каким-то договором между Герменегильдом и Византией. Может быть, это даже стало единственным результатом посольства Леандра. Как бы то ни было, под защиту византийских войск теперь бежал Герменегильд, надеясь, видимо, что в таких условиях византийцы должны будут оказать ему помощь. Но он ошибся. Леувигильд подкупил византийского командира, и тот за огромную сумму в 30 тысяч солидов отказался помочь Герменегильду. Кордуба была взята королевской армией. Гордый своей победой,

---

[17] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 126; *Alonso Campos J. I.* Sunna, Massona y Nepopis. P. 152.

[18] *Tarradellas Corominas M. C.* Topografia urbana de Sevilla. P. 282–283.

[19] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 105.

[20] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 532.

Леувигильд отметил ее специальной монетой с легендой «Дважды овладел Кордубой»[21].

В марте 584 г. Герменегильд попал в руки отца. Если верить Григорию Турскому, то он сам сдался, получив от короля гарантию неприкосновенности. Его жена и сын ушли вместе с византийцами и отправились в Константинополь. На пути туда Ингунда умерла, а малолетний Атанагильд воспитывался в византийской столице: вероятно, византийское правительство готовило его на всякий случай, если возникнет возможность использовать вестготского принца для вмешательства в испанские дела. Но Атанагильд тоже скоро умер. А Герменегильд был официально лишен своего сана, с него, по старому германскому обычаю, сорвали одежду и одели в рубище, после чего отправили в ссылку в Валенцию. А в следующем году его убил некий Сисиберт, то ли по собственной инициативе, то ли по тайному поручению короля (*Bicl.* a. 579–585; *Isid.* Hist. 49; *Greg. Tur.* V, 38; VI, 18; 29; 33; 40; 43; VIII, 28).

Восстановив свою власть на юге, Леувигильд решил покончить со свевами. Там был свергнут сын погибшего Мирона, и это дало вестготскому королю прекрасный повод вмешаться в свевские дела. Свевы были разбиты, и их королевство присоединено к вестготскому (*Bicl.* a. 585; Isid. Hist. 49). Тем временем франки тоже использовали гражданскую войну в Испании и смерть франкской принцессы как повод для возобновления войны с вестготами. Ареной боевых действий снова стала Септимания. Стремясь предупредить нападение бургундского короля Гунтрамна[22], Леувигильд попытался подкупить фактически правившую Нейстрией королеву Фредегонду, но неудачно. Гунтрамн откровенно поставил своей задачей захват Септимании, пытаясь, как и его дед, придать своей кампании вид войны против еретиков. Его армия вторглась в Септиманию и осадила Каракассон. Однако горожане оказали франкам упорное сопротивление, и это дало возможность Леувигильду выиграть время. Он направил против войска Гунтрамна армию во главе со своим сыном Реккаредом. Реккаред разбил франков и выбил их из готских владений (*Bicl.* a. 585; *Greg. Tur.* VIII, 28; 30; 38; 45).

После всех этих войн почти вся Испания за исключением прибрежной полосы, удерживаемой византийцами, была объединена под властью вестготского короля, причем власть эта была не только номинальной, но и реальной. Правда, трудно сказать, насколько реальным было гос-

---

[21] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 532.

[22] Гунтрамн был внуком Хлодвига и правил Бургундией. Это было уже не старое Бургундское королевство, которое было уничтожено франками, а часть Франкского королевства, которая, как и другие его части, управлялась самостоятельным королем из дома Меровингов.

подство вестготов над васконами (басками); возможно, что при Леувигильде они были действительно подчинены, хотя позже это подчинение практически снова исчезло. Эти военные успехи дали Леувигильду основание и для укрепления королевской власти внутри страны.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЛЕУВИГИЛЬДА

Целью Леувигильда было создание мощного государства с сильной королевской властью. И образцом такого государства во многом служила Византия, прямая наследница Римской империи, а для самого короля — ее могучий император Юстиниан[23]. И Леувигильд, по-видимому, чувствовал себя в какой-то степени наследником империи на Западе. Подражая империи и императору, Леувигильд стремился создать государство имперского типа, противопоставленное старому германскому, основанное на сильной королевской власти в противоположность своеволию старой племенной аристократии. И к этой цели Леугивильд шел твердо и последовательно, даже если те или иные конкретные шаги определялись сложившимися обстоятельствами. Вестготское королевство должно было напоминать империю как по внутреннему содержанию, так и по внешнему облику. Следуя византийскому образцу, Леувигильд первым из вестготских королей стал надевать специальную королевскую одежду и носить корону (*Isid.* Hist. 51). Как отмечает Исидор, до этого акта Леувигильда вестготские короли ничем от своего окружения не отличались. Теперь же уже один только внешний вид короля резко отделял его от всех своих подданных[24]. Это не только было подражанием императору, но и стало знаком разрыва со старыми германскими традициями.

Своей цели Леувигильд добивался всеми средствами, не останавливаясь перед самыми кровавыми. Исидор (Hist. 51) пишет, что он казнил или отправлял в изгнание всех наиболее могущественных и знатных готов, конфискуя их имущество. Ему вторит Григорий Турский (IV, 38), говоря, что он убивал тех, кто обычно сам убивал королей, так что практически никого не оставил. Речь в данном случае идет опять же о вестготской аристократии. При всем преувеличении, допускаемом католическими писателями, ненавидевшими арианского короля, преследующего, как мы увидим далее, католиков, определенную долю истины в этих высказываниях отрицать нельзя. Уже говорилось о подавлении Леувигильдом

[23] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 138.
[24] *Eger Ch.* Korone und Kreuz // MM. 2004. Bd. 45. S. 485.

мятежей в начале своего правления. Террор должен был ликвидировать любую внутреннюю оппозицию, а заодно и наполнить казну. С другой стороны, союз с той группировкой знати, которая объединялась вокруг Госвинты, расширял опору Леувигильда[25] и позволил ему более решительно бороться с остальной частью вестготской аристократии. И своей цели Леувигильд достиг.

Важным шагом Леувигильда стало создание новой столицы Вестготского королевства. После падения Тулузы у вестготов, как и у их победителей франков, не было постоянной столицы. Гезалих бежал в Барцинон, Амаларих предпочитал Нарбонн, Тевдис вновь удалился в Испанию. Короли со своим двором переезжали с места на место по мере надобности. Атанагильд предпочитал Толедо (Толет), где он и умер, но его предпочтение не выделяло этот город среди других городов страны. Леувигильд же решил создать настоящую столицу, подобно Константинополю. Он избрал тот же Толедо. В значительной степени это тоже был вызов императору и его столице. Как и Константинополь, Толедо был civitas regia[26].

Толедо расположен на самом юге области, занятой вестготами, практически на границе между вестготской и испано-римской областями Испании. Такое положение как бы символизировало желание короля прочно объединить под своей мощной властью обе части единого королевства. Толедо существовал (под названием Толет) в римские и даже в доримские времена, но, как и другие города этого региона, большой роли не играл. Так что в Толедо не было долгой и прочной традиции римского городского управления и вообще римских традиций. Не было в нем и традиций интриг среди самих вестготов. Это позволяло вестготскому королю чувствовать себя там более свободно. Этот город был расположен почти в самом центре Пиренейского полуострова и становился, таким образом, символом объединения полуострова вокруг особы короля, а кроме того, дорогами был связан с различными районами Пиренейского полуострова[27].

Уже Тевдис, по-видимому, предпочитал Толедо другим городам королевства. В Толедо находился самый старый монетный двор вестготов. Леувигильд сделал этот город постоянной столицей, местопребыванием двора (palatium) и центральных учреждений. Толедо становится urbs regia — королевским городом. Возможно, в Толедо был построен коро-

---

[25] *Valverde Castro M. R.* La monarquia... P. 338.

[26] *Ewig E.* Résidence et capital pendant le haut Moyen Age // Revue historique. 1963. T. 230. P. 34.

[27] *Collins R.* Merida and Toledo // Visigothic Spain. P. 213; *Menéndez Bueyes L. R.* Civitas christiana versus núcleos de poder // SHHA. 2002. Vol. 20. P. 280.

левский дворец. Используя, как кажется, опять же византийский образец, король создал в Толедо относительно разветвленное дворцовое ведомство (officium palatii), игравшее роль правительства государства под руководством короля. С этого времени можно с полным правом говорить о существовании Толедского королевства[28].

В этом же направлении шла и монетная реформа Леувигильда. Вестготы давно начали чеканить собственную золотую монету. Однако эта монета являлась воспроизведением имперских, сначала западных, а затем восточных. Постепенно вестготские монеты как бы отставали от византийских, воспроизводя чеканки не столько правящих, сколько предшествующих императоров. Последним таким императором, чьим монетам подражали вестготские короли, был Юстиниан[29]. Наряду с ними ходили и настоящие старые западноримские и нынешние византийские монеты. Леувигильд с самого начала своего правления сделал важный шаг в этом деле. Оставив на аверсе византийский тип, на реверсе он уже стал помещать свое имя: LIVVIGILDUS REX, сопровождавшееся эпитетами INCLITVS (прославленный) IVSTVS (справедливый), PIVS (благочестивый), VICTOR (победитель)[30]. Слава, справедливость, благочестие, военные победы — все это было набором королевских добродетелей и как бы программой правления Леувигильда, во многом также заимствованной из имперских источников.

В 575–576 гг., уже после своих побед над византийцами, Леувигильд делает следующий шаг, подчеркивающий полный суверенитет, абсолютную независимость от империи: он вводит собственную монету, и с этого времени хождение в Испании иностранных денег прекращается[31]. Хотя монетный стандарт остается позднеримским, т. е. практически византийским, изображения на монетах уже другие. На аверсе вместо изображения императора появляется бюст самого Леувигильда, хотя реверс еще сохраняет византийский вид: крест на помосте. И, наконец, после победы над мятежным сыном, за спиной которого, справедливо или нет, король мог видеть руку императора, Леувигильд стал выпускать монеты с собственным изображением на обеих сторонах. На ряде монет помещаются надписи, свидетельствующие о тех или иных событиях. Так, взятие Кордубы было отмечено чеканкой монеты с легендой CORDVBA BIS OPTINUIT (Кордубой дважды овладел)[32]. Присоединение

---

[28] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 7.

[29] *Marot T.* La Peninsula Iberica en los siglos V–VI: consideraciones sobre provision, circulacion y usos monerarios // Pyrenae. 2000–2001. N 31–32. P. 146.

[30] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 144; *Gil Farres O.* La moneda sueva... P. 183–185.

[31] *Marot T.* Op. cit. P. 147–148.

[32] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 147–148, Bem. 2.

Галлеции с ее золотыми рудниками позволило вестготскому королю получить более прочную материальную базу для своего монетного дела[33]. Здесь располагалась приблизительно половина рудников, разрабатывавшихся вестготами[34]. Правда, единого монетного двора у вестготов так и не было создано, но все монеты, чеканенные в разных местах[35] (а монетный двор отмечался на монете), в принципе следовали одному образцу. Установил Леугивильд и единый вес монет. Ранее в Вестготском королевстве ходили триенсы как византийского типа весом в 1,52 г, так и более легкие свевского типа. Отныне же все монеты стали выпускаться весом в 1,5 г.[36] Приближая вес своей монеты к византийскому стандарту, Леувигильд подчеркивал, что она не менее полноценная и полновесная, чем имперская

В Вестготском королевстве чеканились в основном триенсы, или тремиссы, являвшиеся третью частью солида[37], в то время как в законах все штрафы и налоги определялись в целых солидах, которые реально в королевстве не ходили и являлись лишь счетной единицей, что могло быть вызвано недостатком металла[38]. Вестготские монеты имели сравнительно небольшое экономическое значение. Они были только золотые и уже поэтому не приспособленные для повседневной внутренней торговли[39]. В большей степени они использовались в торговле внешней, а также для уплаты налогов и штрафов и для платы воинам[40]. А главное — монеты были символом власти и богатства, и наглядным средством пропаганды. Выпуская монеты, полностью отличные от имперских, Леувигильд подчеркивал свое положение монарха, равноправного с императором.

Экономического значения не имели и два города, основанные Леувигильдом. В 578 г. после успешной войны со свевами он основал город, названный в честь сына Рекополем (*Bicl.* a. 585). Это событие было столь важным для вестготского короля, что оно было отмечено выпуском специальной монеты[41]. Через три года после победы над васконами

---

[33] *Harl K. W.* Coinage... P. 185.

[34] *Edomdson J. C.* Mining... P. 100.

[35] *Mateu Llopis F.* En torno de los tremisses de Leovigildo y Recaredo // BSAA. 1981. T. 47. P. 150; *Barbero A.*, *Vigil M.* Sobre los origenes... 115–118.

[36] *Saitta B.* Aspetti sociali... P. 82.

[37] *Фенглер Х.*, *Гироу Г.*, *Унгер В.* Словарь нумизмата. М., 1982. С. 261.

[38] *Marot T.* La Peninsula Iberica... P. 148.

[39] Правда, в некоторых экономических центрах, как Гиспалис и Кордуба, ходили, хотя и в небольшом количестве, мелкие бронзовые монеты (*Marot T.* Op. cit. P. 144), но круг их хождения был очень ограничен.

[40] *Barbero A.*, *Vigil M.* Sobre los origenes... P. 115, 118.

[41] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 150.

в подчиненной области был основан Викториак (*Bicl.* a. 581). Это были первые города, созданные варварами на территории бывшей Западной Римской империи. Они, несомненно, имели определенное стратегическое значение. Наряду с захваченным кантабрским укреплением Амайя эти города становились опорными пунктами для борьбы с северными горцами и свевами, а после победы могли гарантировать сохранение власти вестготского короля на этих территориях[42]. Столь же несомненным является и политическое значение новых городов. Борясь не только с внешними врагами, но и с собственной знатью, Леувигильд создавал эти города как знаки ясного и недвусмысленного превосходства короля над всеми своими подданными. Недаром первому городу он дал имя своего сына, а второй напоминал о победе королевской армии. Военная победа и династическая преемственность высшей власти в основании этих городов демонстрировались не в меньшей мере, чем пышный королевский наряд и корона ее превосходство над всеми подданными.

Рекополь, основанный на месте небольшого поселения, существующего с IV в., создавался как один из самых больших городов Испании того времени; он занимал площадь в 30 га, в то время как, например, столица Толедо имела всего 5 га[43]. Хорошо укрепленный город располагался на холме, и в самой высокой части этого холма, доминируя над окружающим пространством, находился дворцовый комплекс с базиликой в византийском стиле[44]. Последнее обстоятельство очень важно. Город создавался по византийскому образцу и в то же время как сознательное противопоставление империи. И как на византийском Востоке, в имени города присутствовало слово «полис»: Константинополю противопоставлялся Рекополь, Городу Константина — Город Реккареда. Может быть, этот город должен был стать резиденцией Реккареда[45]. При основании более позднего города Леувигильд берет за основу уже латинское слово Victoria. Этот город был уже гораздо меньше и его цель была, вероятно, лишь чисто военная[46]. Но в обоих случаях, основывая города, Леувигильд становился как бы наследником римских императоров, продолжая их политику урбанизации подчиненных территорий.

---

[42] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes... P. 68, 79.

[43] *Fernandez Izquierdo.* Aportacion al estudio de Recopolis // AEArq. 1982. Vol. 55. P. 129, 132.

[44] *Olmo Enciso L.* Arquitectura religiosa y organizacion liturgica en epoca visigoda. La Basilica de Recopolis // AEArq. 1988. Vol. 61. P. 159.

[45] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 120.

[46] *Barbero A., Vigil M.* Sobre les origenes... P. 79.

Леувигильд стремился укрепить государство и свою власть в нем новым законодательством. С этой целью в 578–580 гг. был произведен пересмотр кодекса Эйриха и создан новый кодекс, известный в истории права как пересмотренный (codex revisus)[47]. И в данном случае Леувигильд мог вдохновляться примером Юстиниана, при котором был создан новый и всеобъемлющий кодекс римского права. Но главным было все же другое: необходимо было создать новый свод законов, отражающий уже новое время и новый уровень правового мышления. Исидор Севильский (Hist. 51) пишет, что Леувигильд многое исправил в законах, беспорядочно установленных Эйрихом, многое прибавил и лишнее устранил. Как и кодекс Эйриха, этот кодекс касался только вестготов[48], но его статьи были пересмотрены в направлении дальнейшей романизации германского права. Например, был введен совершенно новый раздел, касающийся различных степеней родства (Leg. Vis. IV, 1, 1–7), устанавливавший семь таких степеней: первыми признаются отец и мать, сын и дочь, шестыми — отдаленные предки и потомки, и не только самого человека, но и его брата и сестры, а последняя седьмая степень (еще более отдаленное родство) уже не является предметом законодательства. Одна из статей нового кодекса (IV, 2, 14), касающийся отношений внутри семьи в случае вдовства матери, почти дословно повторяет соответствующую статью кодекса Эйриха, но с одним очень важным изменением: если ранее в случае споров стороны могли обращаться к милленарию, графу общины или судье, то теперь упоминание милленария исчезает. Милленарий (тиуфад), командир тысячи воинов, приобретал после оседания вестготов в Аквитании и судебные функции, теперь же он их теряет, и это отражено в новых законах. Уже Тевдис в своем законе использовал термин populi nostri (наши народы) вместо старого gens (племя). В кодексе Леувигильда этот термин становится постоянным, хотя само понятие gens, обозначающее прежде всего самих вестготов, сохраняется, в основном тогда, когда они как целое противопоставляются римлянам. Но само это противопоставление уже теряет свою остроту.

В кодексе официально признается брак между готами и римлянами (Leg. Vis. III, 1, 1). Запрещение таких браков и ранее не очень-то соблюдалось, а теперь оно отменяется и законодательно, и это стало очень важным шагом по пути слияния народов. В новых законах были ликвидированы многие привилегии готов, и обе группы населения (германская и римская) оказались в равном или почти равном положении перед за-

---

[47] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 158; *King P. D.* King Chindasvind... P. 132.

[48] Римское население по-прежнему руководствовалось «Бревиарием Алариха»: *King P. D.* King Chindasvind... P. 136–137.

конами, хотя сами законы еще содержались в различных кодексах. И тех, и других Леувигильд рассматривал в первую очередь как своих подданных, хотя некоторая разница в положении внутри королевства еще сохранялась да и за все время существования Вестготского королевства полностью преодолена не будет. И по законам Леувигильда готы оставались властвующим народом, но правовая разница между ними и подчиненными испано-римлянами резко уменьшалась.

Леувигильд прекрасно понимал, что слиянию римского и вестготского населения в единую массу подданных короля в огромной степени препятствует религиозная рознь. Единому государству должна была соответствовать и единая государственная религия. Для этого было необходимо отказаться от устоявшегося представления, что католицизм — римская вера, а арианство — готская. Правда, к этому времени такое представление уже начало размываться, и какое-то число готов уже переходило в католицизм[49], а гот Масона во времена Леувигильда был даже католическим епископом Эмериты[50]. Но в целом мысль о связи этноса и религии еще сохранялась. Леувигильд и в этом плане порвал со старыми традициями. Разрыв этот, однако, был все же неполным. Леувигильд был еще связан своим арианским воспитанием. Но еще важнее были, пожалуй, политические обстоятельства. Под флагом католицизма поднял свой мятеж Герменегильд, получив поддержку католического населения Южной Испании. Если не военную, то моральную и политическую, поддержку мятежному принцу оказали византийские власти в Испании. Католиками к тому времени были свевы, с которыми вестготы вели борьбу и подчинение которых поставил своей целью Леувигильд. Одним словом, католицизм стал духовным знаменем всех антилеувигильдовских сил. К тому же, противопоставляя себя византийскому императору (что хорошо видно из монет), Леувигильд хотел подчеркнуть это противостояние и в религиозной сфере. И наконец, что тоже было очень важно, со времени крушения римской власти епископ оказывался фактическим главой местного римского общества, и его богатства и влияние становились противовесом центральной власти[51]. Стремясь к наибольшей централизации, Леувигильд считал необходимым сломить и эту местную власть. В этой ситуации Леувигильд сделал ставку на привычное арианство. Именно христианство в его арианском варианте должно было, по мысли Леувигильда, стать государственной религией его королевства.

---

[49] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 102.

[50] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 166–169.

[51] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 169–169.

Толчком к проведению такой политики стал, несомненно, мятеж Герменегильда, показавший всю опасность использования религиозного фактора в политических целях. Еще при проезде через Септиманию Ингунда получила настойчивый совет епископа Агда Фронимия никаким образом не принимать арианство (*Greg. Tur.* IX, 24), что, несомненно, в большой степени способствовало раздорам в королевском семействе и в какой-то степени делало Ингунду центром притяжения католиков. И Леувигильд принял меры. Как говорилось выше, выступлению мятежного сына под знаменем католицизма король решил противопоставить тоже религиозное знамя — традиционное готское арианство. Это должно было сплотить вокруг короля его соплеменников. Но рассчитывал он и на присоединение к арианству местного населения. С одной стороны, Леувигильд решил сделать все возможное для облегчения перехода католиков в арианство. С этой целью он собрал в 580 г. в Толедо собор арианских епископов, на котором присутствовали и светские вельможи, и этот собор принял компромиссный вариант перехода. От католиков не требовалось новое крещение, как это было обычно при переходе в новую христианскую конфессию, и было достаточно наложения руки и произнесения обращающимся формулы: «Слава отцу через сына в святом духе» (*Bicl.* a. 580). В принципе эта формула была раннехристианской и могла удовлетворить и сторонников никейско-константинопольского вероисповедания, но в VI в. она уже была решительно отвергнута католиками. Однако король и арианские епископы надеялись убедить католиков принять ее. Было сделан еще одно важное отступление от первоначального арианства: ариане, в том числе сам король, стали утверждать, что Иисус Христос равен Отцу, хотя в то же время, ссылаясь на Священное Писание, отрицали божественность третьего лица Троицы — Святого Духа. Желая подчеркнуть отсутствие непреодолимых преград между двумя ветвями христианства, Леувигильд даже молился в католических церквах и у могил мучеников (*Greg. Tur.* VI, 18).

С другой стороны, король, поощряя переход в арианство, стал преследовать тех, кто этому переходу решительно противился. И в первую очередь он обрушился на вестготов, ставших католиками, видя в них изменников не только отцовской вере, но и своему народу. А затем началось преследование католической церкви вообще. Были изгнаны некоторые епископы, закрыты некоторые церкви и монастыри, католическая церковь лишилась некоторых своих привилегий (*Isid.* Hist. 50)[52],

[52] Существует мнение, что ни о каком антикатолическом гонении не может быть речи, а установившееся мнение о его существовании ошибочно, ибо реальных фактов мало, а те, какие есть, свидетельствуют о чисто политических резонах преследования немногих кон-

многие католики, как клирики, так и светские люди, были изгнаны, арестованы, избиты, а их имущество конфисковано (*Greg. Tur.* V, 38). Последняя мера явно имела не только (может быть, и не столько) карательное значение, но и экономическое, явившись еще одним средством пополнения королевской казны. В частности, в Эмерите, игравшей очень важную роль как в экономическом, так еще больше в стратегическом отношении[53], Леувигильд заменил католического епископа Масону арианином Сунной (Vit. Patr. Emer. XI, 27)[54].

Религиозная политика Леувигильда дала некоторые плоды. Так, в арианство перешел цезарагустанский епископ Винцентий (*Isid.* Hist. 50). Он, вероятно, занимал самый высокий пост среди тех, кто перешел в арианство; недаром епископ Малаки Север счел необходимым написать специальную книжку с обличением ренегата[55]. Правда, Малака тогда находилась под византийской властью, так что ее епископ вполне мог обличать Винцентия, не боясь преследований Леувигильда. Были и другие случи перехода как среди клириков, так и среди мирян. Григорий Турский (VI, 18) со слов франкского посла, вернувшегося из Испании, говорит, что там осталось немного истинных христиан, т. е. католиков. В недавно завоеванной Галлеции Леувигильд уничтожал католические общины и вновь насаждал арианство. Но все же массового обращения католиков в арианство не произошло. Слова Григория Турского — явное преувеличение. Католическая церковь в Испании обладала в то время уже высочайшим авторитетом, экономической мощью и, соответственно, политической силой. И Леувигильд споткнулся об эту силу. В целом его религиозная политика потерпела крах: сделать арианство единой религией всего королевства ему не удалось. Возможно, что он и сам незадолго до смерти убедился в этом. Неслучайно возникла молва, будто перед самой смертью Леувигильд раскаялся в своих еретических заблуждениях и принял католицизм (*Greg. Tur.* VIII, 46). Испанские авторы, однако, об этом молчат.

кретных лиц (*Barbero A.* El pensamieto politico visigodo... P. 252–253). Политические мотивы преследования тех или иных католиков несомненны, но это не может служить основанием для отрицания общих антикатолических мер Леувигильда. Нет достаточных причин опровергать сообщение Исидора. Да и сам характер Леувигильда, как он проявляется в самых различных сферах деятельности, говорит, что он едва ли останавливался на полпути. Религиозное же объединение, особенно в условиях или еще продолжавшегося, или совсем недавнего мятежа Герменегильда, было слишком важным, чтобы пустить этот процесс на самотек.

[53] *Arce J.* Merida tardorromana. P. 204–205.

[54] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 224.

[55] Ibid. P. 205.

РЕККАРЕД И ПРИНЯТИЕ КАТОЛИЦИЗМА

Леувигильд умер во второй половине апреля или в начале мая 586 г., и его сын Реккаред спокойно стал королем (*Bicl.* a. 586). По существу это был первый случай спокойного наследования королевской власти у вестготов после воцарения Алариха II сто лет назад и, кончено же, явилось наглядным результатом политики Леувигильда. При восшествии на трон Реккаред был торжественно коронован, и он был, по-видимому, первым вестготским королем, принятие которым власти сопровождалось этой торжественной церемонией. Вскоре после этого Реккаред приказал убить Сисиберта, убийцу Герменегильда (*Bicl.* a. 587)[56], давая понять всем, что нельзя безнаказанно убивать особ королевской крови, даже если они поднимали мятеж. В целом Реккаред продолжал политику отца. И только в религиозной области он пошел по иному пути.

Реккаред сделал вывод из провала отца и понял, что навязать религию меньшинства подавляющему большинству населения страны невозможно. И он решил сделать единой государственной религией католицизм. На это его могли толкать и внешнеполитические резоны. Вестготское королевство оказалось в кольце католическо-православных государств, и необходимо было прервать эту своеобразную блокаду[57]. В прошлом франкские короли использовали религиозный фактор в своей борьбе с вестготами, да и византийцы не отказывались от этого же. Принятие католицизма выбивало из рук противников довольно важный козырь. Недаром сразу после своего обращения в католицизм Реккаред направил послов к Хильдеберту и Гунтрамну для заключения союза на том основании, что они все теперь придерживаются одной веры (*Greg. Tur.* IX, 16).

В 587 г. на десятом месяце своего правления Реккаред крестился как католик и начал пропагандистскую кампанию по обращению в католичество вестготов (*Bicl.* a.587; *Isid.* Hist. 52; *Greg. Tur.* IX, 15). Этот акт был совершен ровно через два года после убийства Герменегильда[58]. День был выбран, конечно, не случайно. Это должно было, с одной стороны, подчеркнуть присоединение нового короля к тому вероисповеданию, за которое погиб его брат, а с другой — как и убийство Сигиберта, означать конец каких-либо раздоров в королевском доме. И уже в апреле того же года в Толедо была торжественно освящена именно как

---

[56] Иоанн Бикларский не упоминает приказ Реккареда, но сейчас принято, что убийство Сисиберта произошло все же по приказанию короля: *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 74.

[57] *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. Madrid, 1980. T. I. P. 292.

[58] *Lot F.* Les invasions... P. 180.

Церковь вестготской эпохи

католическая церковь св. Марии, что подчеркивало публичный характер крещения короля[59]. Через два года в Толедо был созван собор, который должен был официализировать обращение готов в католицизм. Это был первый всеобщий собор испанской (и септиманской) католической церкви. Руководил работами собора гиспалийский епископ Леандр, который в свое время не только активно поддерживал Герменегильда, но и был, пожалуй, духовным лидером его мятежа, а затем послом мятежного принца в Константинополе. Подавление выступления Герменегильда не дало ему возможности вернуться в Испанию, и он на несколько лет остался в имперской столице и вернулся, скорее всего, только лишь после смерти Леувигильда[60], став ведущей фигурой испанской религиозной жизни. Наряду с Леандром работами собора руководил аббат Сервитанского монастыря Евтропий, но его авторитет значительно уступал авторитету Леандра. Среди участников собора было

[59] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 108.
[60] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 92–93.

восемь арианских епископов, которые теперь раскаялись и превратились в католиков.

На соборе присутствовали сам Реккаред, королева и высшие чины двора. Собор открылся выступлением короля, который заявил о своем обращении в католицизм, причем не только своем собственном, но и всех народов, находившихся под его властью; правда, имел он в виду только германцев — готов и свевов, подразумевая, видимо, что римляне и так уже были католиками. Он торжественно обещал не только заниматься светскими делами, но и защищать истинную веру и призвал к единству всех жителей Испании, Галлии, т. е. той ее части, которая подчинялась вестготским королям, и Галлеции (бывшего Свевского королевства) вокруг католической церкви. В ответ участники собора восславили подлинного католического и правоверного короля Реккареда как любимцем Бога и пастыря единого стада. Собор предал анафеме тех, кто в свое время восславил Отца через Сына в Святом Духе, т. е. по формуле, принятой арианским собором за девять лет до этого и принял специальное постановление о методе обращения ариан в католицизм. Сам король своей подписью подтвердил отказ от арианства. Католицизм становится с этого времени государственной религией Испании.

Этот государственный характер отразился в некоторых постановлениях собора. Например, епископы и судьи, т. е. и духовные, и светские власти, должны отныне вместе гарантировать и контролировать правильное исповедание всеми людьми. Этим был открыт путь не только к совместной деятельности светской и духовной власти. В своих постановлениях участники собора ссылались на предшествующие Вселенские соборы, опустив, однако, упоминание II Константинопольского (V Вселенского) собора. С догматической точки зрения, такое неупоминание ничем не обосновано. Но этот собор был созван Юстинианом и имел своей основной целью, ликвидировав церковные раздоры, укрепить власть императора[61]. Запад далеко не сразу признал постановления этого собора, а испанские (и септиманские) епископы вообще решили лучше обойти его молчание. Политическая подоплека чувствуется в этом довольно ясно.

Собор принял «исповедание веры», в целом соответствующее существующему в тогдашней церкви, но с одним очень важным исключением. Впервые именно на этом Толедском соборе была принята формула о происхождении Святого Духа от Отца и от Сына. Через какое-то время эта формула была признана западной церковью, но решительно отвергнута восточной. Спор о filioque (от Сына) все больше будет разделять

[61] *Bury J. B.* History... Vol. II. P. 387–391.

Саркофаг из Алькаубете

эти две церкви и станет, по крайней мере формально, причиной Великого раскола, разделившего католицизм и православие[62].

Признав католицизм единственной легальной верой на территории всего Вестготского королевства, собор дополнил политическое объединение Испании религиозным. В определенной степени это было продолжением религиозно-политических стремлений Леувигильда, направленных на отрыв конфессии от этноса. Сделав ставку на арианство, исповедуемое сравнительно незначительным числом населения, Леувигильд потерпел поражение. Сделав официальной религией исповедание подавляющего большинства, Реккаред достиг этой цели. Конфессия была окончательно оторвана от этноса, и понятие «готской веры» и «римской веры» исчезло. Были заложены основы тесного союза королевской власти и католической церкви Испании. Недаром на самом Толедском соборе Реккареда сравнивали с Константином и Маркианом, императорами, которые в свое время сами участвовали в соборах и из которых один стоял у истоков союза Церкви и империи, а другой в огромной степени способствовал укреплению этого союза.

Вслед за общегосударственным собором был созван ряд местных, на которых решались конкретные вопросы, связанные с обращением в католицизм бывших ариан[63]. Так, II Цезаравгустанский, состоявшийся в 592 г., принял решение о новом посвящении бывших арианских священников и о новом освящении бывших арианских церквей. Нарбонн-

[62] Об этом соборе: *Barbero A.* El pensamiento politico visigodo... P. 253–261.

[63] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 118.

ский собор 589 г. среди других решений принял несколько странное постановление, что не может быть посвящен в епископы тот, кто не умеет читать. Говорит ли это о неграмотности даже части высшего клира или оно направлено против бывших ариан, не умевших читать по латыни? Ответить однозначно трудно, хотя более вероятным кажется все же второе. Эти соборы должны были закрепить победу католицизма.

Реккареду, однако, пришлось столкнуться с упорной арианской оппозицией. Многие вестготы привыкли считать арианство национальной верой и не хотели ее менять. В сопротивлении наступающему католичеству были кровно заинтересованы арианские епископы. Часть вестготской знати испугалась, что превращение в государственную религию веры испано-римлян приведет к потере готами своего положения. И еще до созыва собора происходили выступления готов ариан против политики короля.

В 587 г. вспыхнуло восстание в Септимании, возглавляемое арианским епископом Аталоком и графами Гранистой и Вилдигерном. Они обратились за помощью к франкам. Те решили этим воспользоваться. Реккаред попытался нейтрализовать франкскую опасность. Ссылаясь на свое недавнее обращение в католицизм, он предлагал заключить союз и даже просил руки сестры короля Австразии Хильдеперта Хлодозинды. Но если Хильдеберт и его мать Брунегильда склонялись к заключению такого союза, то бургундский король Гунтрамн решительно отказался и предпочел оказать помощь мятежникам. И если раньше, выступая против Леувигильда, он, как когда-то Хлодвиг, ссылался на необходимость очистить Галлию от еретиков, то теперь поводом для отказа от союза с Реккаредом стала смерть на чужбине его племянницы Ингунды. Это лишний раз показывает, что религиозное знамя лишь прикрывало политические расчеты. В результате франки вторглись в Септиманию. Реккаред направил туда армию, которая разгромила франков и подавила восстание (Vit. Patr. Emer. XIX, 44; *Greg. Tur.* IX, 1; 15; 16; 20). Вслед за тем началось восстание в Лузитании, во главе которого стояли епископ Сунна и графы Сегга и Виттерих. Направленное против них войско возглавил знатный испано-римлянин Клавдий. И это восстание было подавлено, а его инициаторы изгнаны (*Bicl.* a. 588)[64]. Арианская оппозиция существовала и при королевском дворе. Здесь арианскую «партию» возглавила мачеха Реккареда, вдова Атанагильда и Леувигильда Госвинта. Сначала Реккаред, стремясь нейтрализовать влияние Госвинты, при-

[64] Может быть, речь идет об одном и том же восстании, которое охватило и Септиманию, и Лузитанию (*Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 73). В таком случае опасность для Реккареда была еще более грозной и значение победы Клавдия еще большим.

близил ее к себе, и именно по ее совету попытался заключить союз с франками (*Greg. Tur.* IX, 1). Но эта попытка провалилась, а обращение короля в католицизм практически лишало вдовствующую королеву влияния, какое она, вероятно, имела сразу же после смерти Леувигильда[65], и Госвинта стала центром антикатолической группировки в самой столице. Ее ближайшим соратником стал арианский епископ Толедо Ульдида[66]. Они составили заговор против короля и его религиозной политики. Заговор был раскрыт. Ульдида был осужден на изгнание, а престарелая королева покончила самоубийством. Разгром арианских восстаний и заговоров укрепил положение короля.

Разгромив своих противников, Реккаред стремился отблагодарить своих сторонников. Многим было возвращено имущество, ранее конфискованное Леувигильдом (*Bicl.* a. 587). Реккаред приблизил к себе некоторых представителей испано-римской знати, как, например, уже упомянутого Клавдия. Король щедро раздавал земли и другие богатства и готским, и испано-римским аристократам. Он издал закон, согласно которому устанавливались единые нормы судопроизводства для обеих групп населения (Leg. Vis. III, 5, 2). Практически с этого времени и вестготов, и испано (и галло)-римлян судили одни и те же суды, хотя и руководствовались при этом различными кодексами законов. Следуя примеру Тевдиса, Реккаред принял имя Флавия, которое с тех пор постоянно носили вестготские короли. Такая политика, направленная на максимальное сближение с испано-римской аристократией, вызывала сопротивление вестготской знати, хотя, по-видимому, это сопротивление уже не было окрашено в религиозные тона. Выражением его стал заговор герцога Аргимунда. Опасность этого заговора была в том, что Аргимунд являлся не только герцогом, т. е. военным вождем, но и кубикулярием, одним из самых приближенных придворных короля, имевший доступ непосредственно к нему[67]. Заговор был раскрыт, и заговорщики наказаны (*Bicl.* a. 590). Но само появление такого заговора свидетельствует об острых противоречиях на самом верху вестготско-испанского общества.

Эти противоречия решили использовать внешние враги. В первую очередь это были франки. Со времени Леувигильда довольно хорошие отношения существовали между вестготами и королями Нейстрии и Австразии, но бургундский король Гунтрамн являлся решительным

---

[65] *Valverde Castro M. R.* La monarquia visigoda... P. 343–344.

[66] О том, что Ульдида был епископом Толедо, нет сведений, но его связь с королевой позволяет с большой долей вероятности это предполагать: *Garcia Mopreno L. A.* Prosopografia... P. 225.

[67] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 128.

противником как Леувигильда, так и Реккареда и по-прежнему стремился присоединить к своим владениям Септиманию. В ответ Реккаред запретил всем подданным Гунтрамна проходить через Септиманию (*Greg. Tur.* IX, 1). Это прерывало связи Бургундии с Испанией и затрудняло ее связи со Средиземным морем. Две франкские армии армия во главе с герцогами Австровальдом и Босоном вторглась в Септиманию. Австровальд, который ранее неудачно пытался захватить Каркассон, на этот раз сумел овладеть им. Взятие этого города открыло франкам путь к захвату всей вестготской Галлии. Но между двумя франкскими герцогами возникли разногласия, и Реккаред этим воспользовался. Он поставил во главе армии, направленной под Каркассон, все того же Клавдия, который к тому времени был уже герцогом Лузитании. В ожесточенном сражении франки были полностью разгромлены, и Септимания в очередной раз была сохранена для вестготского короля (*Isid.* Hist. 54; *Greg. Tur.* IX, 31).

Другой внешней угрозой снова стали византийцы. На константинопольском троне в это время сидел энергичный и деятельный Маврикий. Его целью было не только сохранить, но по возможности и расширить территорию империи. Он сумел, воспользовавшись династическими раздорами в Персии, удачно завершить долголетнюю персидскую войну, восстановив прежнюю восточную границу империи. На Дунае византийцы успешно воевали с аварами и славянами, так что император пытался даже распространить владения Византии за Дунай. Чтобы обеспечить защиту византийских территорий в Италии от лангобардов, он вступил в переговоры с франками. И он, по-видимому, решил восстановить византийские владения на Пиренейском полуострове в прежнем объеме. С этой целью для борьбы с варварами (contra barbaros), т. е. вестготами, туда был послан патриций Коменциол в должности командующего испанской армией (magister militum Hispaniarum) и правителя (rector) Испании (CIL II, 3420). Византийцы, по-видимому, сумели добиться некоторых успехов и отвоевать часть южноиспанских городов, в частности Асидон, недавно взятых Леувигильдом[68]. В 599 г. Реккаред пытался добиться восстановления старых договоров, заключенных еще в предыдущее время, но неудачно. Более того, византийцы сумели даже восстановить свои владения в Испании, хотя и не в тех размерах, как это было в середине VI в.

Но если отношения с франками Гунтрамна и византийцами давно уже были напряженными и грозили чуть ли не в любой момент взорваться открытой войной, то вторжение васконов стало, пожалуй, неожидан-

[68] Это исходит из того факта, что асидонская епархия не была представлена на соборе в Толедо в 589 г.: *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 321.

ностью. Победы Леувигильда, казалось, решили вопрос. Но оказалось, что васконы сумели не только оправиться от поражений и восстановить свою независимость, но и предпринять вторжение в соседние районы Испании. Реккареду пришлось направить армию для борьбы с ними (*Isid.* Hist. 54). Исидор говорит только о движении сил Реккареда против вторгнувшихся васконов, но молчит о результатах этих действий, в то время как восторженно пишет о славной победе Клавдия над франками. Видимо, Реккареду в лучшем случае удалось лишь отбить нападение горцев. И с этого времени войны на севере Пиренейского полуострова станут почти постоянными[69]. Исидор, сообщая об этой войне, не уточняет ее время, но полагают, что она произошла после 590 г., когда кончается Хроника Иоанна Бикларского[70]. Но, может быть, можно уточнить приблизительное время этих событий. На васконской территории было создано памплонское епископство. И епископ Памплоны Либлиол участвовал в работах всеобщего Толедского собора 589 г., поместного Цезаравгустанского (Сарагосского) в 592 г. После этого епископ Памплоны появляется только в подписи к декрету короля Гундемара в 610 г. и на XIII Толедском соборе 683 г.[71], и ученые резонно полагают, что этот факт свидетельствует о фактической независимости Васконии в то время[72]. Если это так, то вторжение васконов произошло между 592 и 602 г., годом смерти Реккареда.

Возможно, что с Реккаредом связано и создание оборонительных линий, которые должны были защитить вестготские владения от византийцев и северных горцев. Эти линии были созданы по образцу византийских[73]. Не исключено, что начать создавать оборонительную линию на юге мог Леувигильд, но едва ли она была завершена к моменту его смерти. Необходимости в создании такой же линии на севере, кажется, при Леувигильде не было, ибо он мог с полным правом, как ему казалось, считать вопрос подчинения Васконии и Кантабрии решенным. Эта линия, опиравшаяся на захваченную Леувигильдом Амайю и построенный им Викториак[74], явно создавалась уже после его смерти, когда восстановление горцами независимости стало фактом, а их вторжения (которых, кстати, не было до походов Леувигильда) — несомненной угрозой.

---

[69] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 58–59.

[70] Ibid. P. 54–55.

[71] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 218.

[72] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 79.

[73] Ibid. P. 68–71. О византийской линии обороны: *Garcia Moreno L. A.* Organizacion militar de Bizancio en la Peninsula Iberica (ss. VI–VII) // Hispania. 1973. T. 33. № 123. P. 8–12. Подробнее об этом еще пойдет речь.

[74] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 68–71.

Неудачи в отношениях с империей и сомнительные результаты войны с васконами, однако, не подорвала власть Реккареда. Свидетельством стабилизации политического положения является сама смерть короля. Он умер в 601 г. собственной смертью. Свой трон Реккаред оставил сыну Лиуве, который, не встречая сопротивления, вступил на престол. Лиува II пытался продолжать политику отца. Но смерть Реккареда вдохновила противников. Лиува, как отмечает Исидор Севильский (Hist. 57), был рожден от незнатной матери. Видимо, у Реккареда не было сына от его законной жены Баддо, так что власть перешла к незаконному сыну. А это означало, что у Лиувы II не было поддержки аристократической группировки с материнской стороны, что, конечно же, очень ослабляло его позицию[75]. И в результате мятежа Лиува был свергнут и убит, а на троне оказался вождь антиреккаредовской группировки Виттерих (*Isid.* Hist. 57–58). Это была явная реакция вестготской аристократии на централизаторские действия королей. Однако ликвидировать все результаты активности Леувигильда и Реккареда Виттерих и его сторонники не могли.

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕУВИГИЛЬДА И РЕККАРЕДА

Правление Леувигильда и Реккареда было переломным временем в истории Испании вестготской эпохи. Они практически отметили почти полное объединение Испании под властью вестготских королей. После войн Леувигильда весь Пиренейский полуостров за исключением южного и юго-восточного побережья, находившегося под властью Византии, и полузависимой области васконов и кантабров в горах испанского севера, составил единое государство (в состав Византии входили и Балеарские острова, но их история в то время была отделена от истории остальной Испании). Реформы Леувигильда положили начало созданию нового государственного аппарата, который вместе с остатками старого более или менее обеспечил управляемость государства. Установлением столицы в Толедо было завершено создание Толедского королевства. Леувигильд своими действиями, в том числе выпуском собственной монеты, подчеркнул суверенитет своего государства и обеспечил ему политическое равноправие с империей.

Капитальное значение имело обращение Реккареда, а за ним и всего народа вестготов в католицизм. Этим уничтожалась религиозная грань между вестготами и римским населением королевства, облегчалось слия-

[75] *Valverde Castro M. R.* La monarquia visigoda... 347.

ние обеих групп в единый народ. Важно отметить, что если арианская литургия совершалась на готском языке[76], что способствовало его сохранению в условиях огромного численного преобладания испано-римлян, то католическая служба велась на латинском языке, и это лишало готский язык последней сферы его официального применения. В результате не стало препятствий для принятия вестготами языка их романского окружения. И довольно быстро готы, и до этого бывшие двуязычными[77], практически полностью потеряли свой язык и перешли на язык испано-римлян[78].

Вестготские короли, начиная с Тевдиса, делали шаги к уравнению юридического положения германцев и римлян. При Леувигильде и Реккареде в этом направлении произошел качественный скачок. Хотя еще некоторое время сохранялись два отдельных законодательства, на деле они настолько сблизились, что можно говорить о почти полном правовом равенстве завоевателей и завоеванных[79]. К тому же после обращения готов в католичество значительная сфера жизни всего населения государства стала регулироваться единым каноническим правом.

Конечно, говорить о полном слиянии народностей невозможно. Различия сохранялись, и время от времени вестготская знать давала понять, что именно она руководит государством. Ярким примером последнего является правление Виттериха. И все же после Леувигильда и Реккареда можно говорить уже не о вестготском королевстве в Испании, а об испано-вестготском королевстве, в котором римский (лучше сказать — романский) элемент занимал важное место.

---

[76] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 41.

[77] *Gamilscheg E.* Germanismos. P. 85.

[78] *Щукин М. Б.* Готский путь. СПб., 2005. С. 409. Надо отметить, что к этому времени вестготы в своих украшениях утрачивают старые германские традиции, переходя на «моду» окружающего населения: там же. С. 412.

[79] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 165.

Глава IX

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ИСПАНИИ

Юстиниан, как уже говорилось, поставил своей целью восстановить реальную власть императора в границах прежней Римской империи. Это восстановление подразумевало и возрождение старой административной системы. Однако новые условия потребовали ее изменения. Так произошло в Африке. После уничтожения Вандальского королевства там была восстановлена префектура. До вандальского завоевания большая часть этой территории составляла диоцез Африку, входивший в префектуру Италию, а самая западная часть — провинция Мавретания Тингитана — являлась частью диоцеза Испании, составлявшего, в свою очередь, часть префектуры Галлии. Но теперь Италия находилась пока еще под властью остготов, а Испания — вестготов (по крайней мере, официально), и это было учтено Юстинианом, который назначил префекта претория Африки и поручил ему управлять всей территорией бывшего Вандальского королевства[1], включая бывшую Мавретанию Тингитану, которая теперь получила название II Мавретания[2] и чья территория была сведена к городу Септем со сравнительно небольшой округой[3]. Балеарские острова, входившие в Вандальское королевство и теперь подчиненные Константинополю, которые ранее тоже относились к диоцезу Испании, теперь, видимо, тоже подчинялись префекту Африки. В принципе префект осуществлял только гражданское управление, но берберская опасность для новых имперских владений была столь велика, что уже посланный Юстинианом на смену завоевателю Африки Велизарию Соломон объединил в своих руках и военное, и гражданское управление, будучи не только префектом претория, но и командующим войсками (magister militum)[4].

Как об этом уже шла речь, обращение к императору за помощью мятежного Атанагильда дало Юстиниану повод для посылки в Испанию войска во главе с Либерием. Испанская экспедиция, видимо, рассмат-

---

[1] *Ensslin W.* Praefectus praetorio // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 2441.

[2] *Bury J. B.* History... Vol. II. P. 140.

[3] *Garcia Moreno L. A.* Organizacion militar. P. 13; *Fuentes Hinojo P.* Sociedad, ejército y administración fiscal en la provincia bizantina de Spania // SHHA. 1998. Vol. 16. P. 303.

[4] *Bury J. B.* History... Vol. II. P. 141.

Византийское кадило сицилийской работы из Аубенги, Майорка

ривалась в Константинополе как довольно незначительная. Прокопий, подробно рассказывающий о войнах Юстиниана, вообще эту кампанию не упоминает, а Либерий, командовавший экспедиционным отрядом, появляется в его произведении только в связи с войнами в Италии. Только Павел Силенциарий в своей поэме, посвященной освящению храма св. Софии в 563 г., упоминает, что ныне спокойны и мидийский владыка, т. е. персидский царь, и крикливая Кельтика[5]. Поскольку о каком-либо подчинении Галлии не могло быть и речи, то под Кельтикой, вероятнее всего, подразумевается вообще западная часть Средиземноморья, т. е. успокоенная завоеванием Испания.

После подчинения южной и юго-восточной части Пиренейского полуострова здесь была создана провинция Испания (Spania)[6]. Если до варварских завоеваний Испания была, как только что было сказано,

[5] Цит. по: *Bury J. B.* History... Vol. II. P. 288, note 1.

[6] Существует мнение, что территория византийских владений в Испании с самого начала была частью провинции II Мавретании, а Spania означало лишь испанскую часть этой провинции (*Ripoll Lopez G.* Acerca de la supuesta frontera entre el Regnum Visigothorum y la Hispania bizantina // Pyrenae. 1996. N 27. P. 253–254). Однако, как кажется, надпись Комициола и активность Лициниана, о чем пойдет речь позже, опровергают такое предположение.

частью префектуры Галлии, то теперь новая испанская провинция была подчинена префекту Африки[7].

Вопрос о первоначальной столице этой провинции спорен. Исследователи, которые полагают, что византийцы подчинили также долину Бетиса, считают первой столицей провинции Кордубу, откуда затем она была перенесена в Картагену[8]. Некоторым подтверждением этой мысли могла бы служить мозаика второй половины VI в., найденная в Кордубе и имеющая совершенно ясные параллели в Византии и западных областях, завоеванных византийцами. Однако сами археологи задаются вопросом, отражает ли этот факт византийскую оккупацию города или влияние, идущее из завоеванных византийцами территорий Испании[9]. Вообще представляется, что реально византийцы ни Кордубой, ни Гиспалисом не владели[10], и в таком случае центром византийской провинции Испания сразу же была Картагена (Карфаген Спартария, совр. Картахена). Выбор этого города был не случаен. Он был хорошо укреплен и сохранял свое значение важного торгового пункта, связанного с Восточным Средиземноморьем[11]. После реформы Диоклециана Картагена стала центром провинции Карфагенская Испания, и теперь оказалось единственной провинциальной столицей на Пиренейском полуострове, вернувшейся снова под власть империи. Учитывая, что Юстиниан вел свои войны под флагом восстановления прежнего политического состояния, выбор Картагены становится совершенно естественным[12]. Возможно, что в состав новой провинции были включены и Балеарские острова, которые ранее составляли отдельную провинцию в рамках Испанского диоцеза. Некоторым подтверждением такой возможности является письмо картагенского митрополита Лициниана епископу Питиуссы (Ибисы) Винцентию, в котором Лициниан выговаривает епископу за его легковерие, когда тот поверил в истинность письма, якобы написанного самим Христом и упавшего с неба[13]. В период, когда Балеарские и Питиусские острова подчинялись вандальским королям, епископства Майорки, Менорки и Ибисы объединялись в одно целое с епископствами Сардинии[14]. Но после того как Картагена

---

[7] *Bury J. B.* History... Vol. P. 287.

[8] Например, *Marfil Ruiz P.* La sede episcopal... P. 161.

[9] *Penca Valenzuela F.* Un pavimento... P. 249–251.

[10] *Ripoll Lopez G.* Acerca... P. 254–255.

[11] *Ramallo Asensio S., Ruiz Valderas E., Benocal Caparros M. C.* Contextos ceramocos de los siglos V–VII en Cartagena // AEArq. 1996. Vol. 69. P. 150.

[12] *Fuentes Hinojo P.* Sociedad... P. 310.

[13] *Livermore H. V.* The Origins... P. 195.

[14] *Amengual i Batle J.* Ubi pars graecorum... P. 91.

стала столицей византийской провинции, юрисдикция ее митрополита распространилась, естественно, на всю провинцию, и вмешательство Лициниана в церковные дела Питиуссы может показывать, что и этот остров, а следовательно, и другие острова архипелага тоже вошли в сферу деятельности митрополита Картагены. Другим важным экономическим, стратегическим и, может быть, административным центром была Малака[15].

Уже упоминалось, что Юстиниан рассчитывал не столько на военные, сколько на административные данные Либерия. Но расчет явно оказался неудачным. Свергнув Агилу и взойдя на трон, Атанагильд порвал с императором и не собирался на деле ему подчиняться. Так что, если Либерий и управлял какое-то время новой провинцией, то очень недолго, ибо уже скоро он снова оказался в Константинополе. Военные действия, которые уже Атанагильд предпринял против византийской провинции, требовали военного управления. Впрочем, было ли оно введено относительно скоро после создания провинции, неизвестно.

Вскоре после смерти Юстиниана положение в западных областях империи, только недавно византийцами завоеванных, резко изменилось. В 568 г. в Италию вторглись лангобарды, которые в конце концов захватили значительную часть Апеннинского полуострова. В Африке усиливался натиск берберов на имперские границы. В Испании, если Атанагильд сначала и признал себя федератом империи, то очень скоро от этого отказался, так что ни фактически, ни даже чисто формально выйти за сравнительно небольшие территории на юге и юго-востоке Пиренейского полуострова имперские владения не смогли[16]. В этих условиях во второй половине VI в. императоры были вынуждены произвести реорганизацию западных территорий. Между 572 и 578 гг. император Юстин II объединил военную и гражданскую власть в Африке в руках

---

[15] Comercio y comerciantes en la Málaga bizantina // Comercio y comerciantes en la Historia antigua de Málaga, 2001. P. 688.

[16] Вопрос о размере византийских территорий в Испании довольно спорен. Одни исследователи считают, что эти территории охватывали чуть ли не весь юг Пиренейского полуострова, включая его юго-западное окончание (*Stroheker K. F.* Germanentum... S. 241–245), другие, что они были сведены лишь к приморским анклавам в юго-восточной части Испании, не имевшим окружающей территории и связанным друг с другом только по морю (*Ripoll Lopez G.* Acerca... P. 254–257). И та, и другая точки зрения представляются крайними. Идея обширности византийской провинции, выдвинутая в начале XX в., опровергнута последующими исследованиями. Что же касается второго утверждения, то трудно себе представить, как могли византийцы в условиях постоянного вестготского давления удерживать небольшие анклавы. Само завоевание испанских территорий явно было частью плана Юстиниана по восстановлению Римской империи, и ограничиться владением лишь нескольких пунктов он явно не мог.

magister militum Africae[17], а при Маврикии между 585 и 591 гг. было создано два экзархата — Равеннский в Италии и Карфагенский в Африке (иногда он называется Ливийским или Африканским), и в руках экзарха также была объединена и военная, и гражданская власть[18]. Первое упоминание наместника Испании, тоже соединившего военные и гражданские функции, относится к 589/90 г., что приблизительно совпадает с первым упоминанием карфагенского экзарха. Возможно, что отдаленное расположение Испании, постоянные войны, которые велись на границе этой провинции с Вестготским королевством, заставили императорское правительство еще раньше поставить во главе этой провинции военного командира[19].

Известна надпись, датированная 589/90 г., в честь Комициола, в которой он именуется magister militum Spaniae и rector этой провинции[20]. В надписи указывается, что Комициол был послан императором Маврикием в качестве magister militum Spaniae против варварского врага (contra hoste barbaro). Речь, конечно же, идет о вестготах. Мотивы посылки командующего такого ранга достаточно ясны. В результате побед Леувигильда территория византийской провинции резко уменьшилась. Граница владений вестготского короля настолько приблизилось к Картагене, столице провинции, что ее стало даже видно из города[21]. Над провинцией нависла угроза полной ее ликвидации. Явно с целью радикального изменения ситуации и был послан в Испанию Комициол. Судя по данным надписи и несколько более позднему письму Григория I (Ep. XIII, 47, 49–50), он занимался также гражданскими делами и даже внутрицерковными вопросами, назначая и снимая епископов. Он укрепил город, соорудил новые ворота и, может быть, также отреставрировал стены города, после чего обратился и к военным проблемам. В результате его действий ликует провинция и даже восторгается им весь космос. Комициол предстает перед нами как правитель, соединивший военные и гражданские функции. Исследование должности magister militum

---

[17] *Durliat J.* Magister militum — ΣΤΡΑΤΙΛΤΗΣ dans l'Empire Byzantin (VIe–VIIe siècles) // Byzantinische Zeitschrift. 1979. Bd. 72, 2. S. 308–314.

[18] Ibid. S. 314.

[19] О византийской провинции в Испании столь мало сведений, что это дает простор для самых различных гипотез.

[20] *Prego de Liz A.* La inscripcion de Comitiolus del Museo Municioal de Arqueologia de Cartagena // V Reunion. P. 383. Эта надпись была известна давно, но ее состояние давало возможности различного толкования текста. Тщательное исследование, проведенное автором статьи, позволило дать наиболее адекватный текст. В частности, удалось решить вопрос об идентичности героя данной надписи с Комициолом, упомянутым папой Григорием I (Ep. XIII, 47–49) в 603 г.

[21] *Prego de Liz A.* La inscripcion... P. 390.

показывает, что если за ее упоминанием следует название провинции в genetive (а не предлог per и далее название целой области), то речь идет об эквиваленте dux. К тому же известно, что Комициол был патрицием и именовался vir gloriosus, а эти титулы обычно применялись к дуксу[22]. И закономерен вывод, что Комициол были и командующим войсками, и дуксом провинции Испании[23], являясь, таким образом, и военным, и гражданским правителем имперских владений.

Надпись, сделанная на восьмом году правления Маврикия, не уточняет, когда Комициол был послан в Испанию. Было высказано мнение, что это произошло сравнительно незадолго до создания надписи, так как в ней господствует не столько радость за настоящее, сколько надежда на будущее[24]. Однако такая интерпретация основана лишь на чисто субъективном впечатлении от настроя автора надписи. Объективный же анализ позволяет прийти к несколько иным выводам. Комициолу приписывается постройка новых двойных ворот, перекрытых сводом. Постройка ворот бессмысленна без реставрации прилегающих стен, так что, возможно, что, по крайней мере частично, были реставрированы и стены. Далее говорится о военной доблести правителя (magnus virtute) и о радости провинции (Spania tali rectore laetitur). Разумеется, перед нами образец лести. Но едва ли эта лесть не имела никакого основания. Известно, что после смерти Леувигильда византийцы отвоевали часть потерянной территории, в частности такой важный укрепленный пункт, как Асидон. И это можно связать с деятельностью Комициола. Асидонский епископ отсутствовал на Толедском соборе 589 г. Следовательно, к этому времени Асидон был вестготами уже потерян[25]. Логично предположить, что реставрация укреплений провинциальной столицы предшествовала военному предприятию. Поэтому можно думать, что Комициол был послан в Испанию до 589 г. Возможно, что смерть Леувигильда вдохнула в имперское правительство надежду на отвоевание утерянных территорий и что именно с этой целью был послан со специальной миссией Комициол. Двухлетний промежуток 587–589 гг. вполне подходит для активной деятельности нового правителя.

Позже вестготские короли не оставляли надежды изгнать византийцев из Испании. Военные действия продолжались в течение нескольких десятилетий. Решающий шаг был сделан королем Сисебутом. Давление вестготов стало настолько сильным, что управлявший провинцией пат-

---

[22] *Fuentes Hinojo P.* Sociedad... P. 319.

[23] Ibid.; *Durliat J.* Magister militum... P. 316.

[24] Ibid.

[25] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 221.

риций Цезарий обратился к Сисебуту с просьбой о заключении мира. В ответ король соглашается заключить договор и предлагает Цезарию дары, что явно было лишь формой подкупа патриция. Не решаясь сам сделать такой шаг, Цезарий выступил инициатором отправления в Константинополь совместного посольства во главе с готом Теодорихом и римлянином Амелием. Судя по всему, послы вернулись в Картагену ни с чем, и Цезарию оставалось только надеяться на дружбу короля (Epist. Wis. II–VI). Однако эта «дружба» вскоре дала свои плоды. Цезарий явно сдал Картагену вестготам, и большинство имперских владений на Пиренейском полуострове было византийцами потеряно.

Судя по дошедшему в довольно плохом состоянии тексту Георгия Кипрского, Септем, один или два пункта в Испании, подчинявшиеся византийцам, и Балеарские острова (Майорка и Менорка) составляли эпархию II Мавретанию, являющуюся частью Карфагенского экзархата[26]. Тенесса, упомянутая в этом тексте как часть Испании, в действительности может быть Тингисом в Африке[27], а ссылка на Испанию — лишь воспоминанием того, что Тингитанская Мавретания когда-то являлась частью Испанского диоцеза. Что касается таинственных Месопотамегой или Месопотаменой, то предполагают, что это мог быть нынешний Алхесирас на испанском берегу пролива[28]. В этом очень важном стратегическом пункте, который вместе с Септемом позволял контролировать пролив, обнаружены следы византийского присутствия[29]. В таком случае можно считать, что после активных действий Сисебута, как военных, так и дипломатических, византийские владения в Испании были сведены лишь к району Гибралтарского пролива. Провинция Spania была практически потеряна и ее остатки включены во II Мавретанию. Но если считать, что сведения Георгия Кипрского отражают ситуацию во времена правления императора Маврикия, т. е. самого конца VI в.[30], то можно полагать, что присоединение крайнего юга Пиренейского полуострова ко II Мавретании произошло еще до этих событий, и связать это территориальное изменение с созданием Карфагенского экзархата: император мог объединить в руках одного наместника контроль над обоими берегами пролива. В 623–625 гг. король Свинтила захватил последние остат-

---

[26] *Garcia Moreno L. A.* Organizacion... P. 12–13; *Vallejo Girves M.* Byzantine Spain and the African Exarchate: an Administrative Perspective // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1999. Bd. 49. P. 14, 20–21.

[27] *Livermore H. V.* The Origin... P. 191.

[28] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 214, Bem. 1.

[29] *Navarro Luega I., Torremocha Silva A., Salado Escaño J. B.* Primeros testimonios arqueologicos sobre Algesiras en epoca Bizantina // V Reunion. P. 227.

[30] *Fuentes Hinojo P.* Sociedad... P. 306.

ки византийских владений на Пиренейском полуострове (*Isid.* Hist. 62)[31]. 70-летний византийский эксперимент на Пиренейском полуострове завершился[32].

Большую часть этого 70-летнего промежутка византийские владения на Пиренейском полуострове составляли провинцию Испанию (или Спанию), которая являлась частью сначала префектуры Африки, а затем Карфагенского экзархата. Однако в рамках этого экзархата Испания занимала особое место. Главной задачей карфагенского экзарха была защита африканских владений империи от нападений варварских берберских племен. В Испании же византийцам противостояло Вестготское королевство, стоявшее на ином уровне развития и обладавшее другими военными возможностями, и уже одно это придавало обороне провинции особый характер. К тому же эта провинция была отделена от основной территории экзархата, связь с которым могла осуществляться только морем, и это тоже влияло на ее положение внутри экзархата. Посылка Комициола непосредственно императором явилась признанием этого особого характера. Позже управлявший этой провинцией Цезарий направлял посольство в Константинополь, минуя своего непосредственного начальника — экзарха Карфагена. Можно говорить, что, являясь юридически частью Карфагенского экзархата, византийская провинция Испания занимала особое место, и ее правитель, носивший титул патриция и, может быть, дукса, мог непосредственно сноситься с императором в случае необходимости[33].

Особое положение Спании отразилось и в том, что в Картагене был создан свой монетный двор, выпускавший как золотые солиды, так и более мелкую монету[34]. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно. В Вестготском королевстве монета имела в основном (если не полностью) политический и идеолого-символический характер. Естественно, что и византийские, как и любые другие, монеты тоже имели такой же характер, но они обладали еще и экономической функцией. Чеканка и распространение более мелкой монеты ясно показывает изменения, которые

---

[31] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 154.

[32] Под властью императора еще долго оставались Балеарские острова, пока они не были завоеваны уже арабами. Однако в ту эпоху история этих островов в историю Испании не входила. Они были в свое время отняты у римлян вандалами, вместе с остальной территорией Вандальского королевства перешли под властью Византии, а затем, как и значительная часть западных территории Восточной Римской империи, были захвачены арабами, и только в ходе Реконкисты Балеарские острова были завоеваны арагонскими королями, после чего их история слилась с историей Испании.

[33] *Vallejo Girves M.* Byzantine Spain... P. 17.

[34] *Lechuga Galindo M.* Una aproximacion de la circulacion monetaria de epoca tardia en Cartagena // V Reunion. P. 340–341.

принесло с собой византийское завоевание в экономической области, в первую очередь рост влияния торговли и торговцев[35]. Рыночный характер экономики, частично утраченный после варварского завоевания, возродился на территории имперской провинции.

Археологические данные показывают, что после византийского завоевания увеличивается приток товаров из Северной Африки, а также из сиро-палестинского региона, хотя в последнем случае неясно, прибыли ли они непосредственно с Востока или через Карфаген[36]. Важнейшим центром распространения этих товаров являлась Картагена. Другим важным центром была Малака, которая издавна служила наиболее значительным пунктом контактов Южной Испании с Северной Африкой. В районе этого города с давних времен располагались мастерские по изготовлению солений и особых рыбных консервов, очень ценимых в Риме и Италии. Но в условиях политического хаоса и вандальского завоевания Северной Африки, прервавшего или, по крайней мере, затруднившего торговлю по Средиземному морю, эти мастерские перестали существовать[37]. Восстановление относительной политической стабильности возродило Малаку как важный экономический центр, но теперь она становится в основном реципиентом североафриканского импорта. Там существовал довольно значительный слой торговцев, в большой степени грекоязычных выходцев из Восточного Средиземноморья, которые активно поддержали византийцев и теперь не менее активно торговали с Северной Африкой[38], явно соперничая с коллегами из Картагены. Хотя археология дает пока еще лишь отдельные элементы общей картины экономических связей того времени, на основании уже имеющихся данных можно говорить, что византийское завоевание привело к включению восточного и южного побережья Пиренейского полуострова в общую экономическую систему Средиземноморья и к возрождению рыночной экономики.

Отношения между византийцами и вестготами в Испании постоянно были очень напряженными. Вестготские короли не оставляли надежды выбить византийцев с полуострова, и не было практически ни одного короля, который не воевал бы с имперскими войсками, пока, наконец, вестготы не добились своей цели. Надежды же императоров реально подчинить себе всю Испанию рухнули сразу. И в этих условиях

---

[35] Ibid. P. 342.

[36] *Ramallo Asensio S., Ruiz Valderas E., Berrocal Caparros M. C.* Contextos... P. 150–151.

[37] Comercio y comerciantes en la Malaga bizantina. P. 684–685.

[38] Ibid. P. 685–686; *Garcia Moreno L. A.* Comercio y comerciantes en Malaga en epoca visigoda y bizantina // Ibid. P. 675–676; *Aa. Vv.* Malaga bizantina: primeros datos arqueologicos // V Reunion... P. 254–275.

главной задачей имперских властей на Пиренейском полуострове было обеспечить безопасность провинции. Поэтому довольно скоро на границе с Вестготским королевством стала создаваться линия пограничных укреплений, крепостей (castella), опорных пунктов (castra). Они поддерживали укрепленные города (civitates), составляя вторую линию обороны[39]. Вопрос о том, был ли при этом создан настоящий limes, как это было сделано в недавно завоеванной Северной Африке, вызывает споры[40]. Вполне возможно, что сплошной укрепленной линии не было, но само существование укреплений представляется несомненным. Вероятнее всего, здесь были поселены пограничные воины — limitanei[41]. Павел Диакон (Hist. Lang. III, 21) говорит, что после подавления мятежа Герменегильда его жена Ингунда, бежав к византийцам, попала в руки воинов, которые обитали на границе против испанских готов (qui in limite adversum Hispanos Gothos residebant). Глагол resideo показывает, что эти воины находились на границе постоянно, так что слова лангобардского историка не оставляют сомнения в существовании limitanei. Они же свидетельствуют, что уже в 584 г. система укреплений была полностью сформирована. Но еще раньше, во время кампании 571 г., Леувигильд с помощью предателя захватил Асидон, который Иоанн Бикларский (а. 571) называет очень укрепленным городом (fortissimam civitatem). Из этого упоминания еще не следует, что все укрепления Асидона были созданы византийцами, но это очень вероятно[42]. Видимо, сразу же после подчинения части Южной и Юго-Восточной Испании, потеряв надежду на подчинение всего Пиренейской полуострова, имперские власти стали создавать укрепленную границу, и, возможно к 571 г., а к 584 г. точно, эта граница была создана. Не исключено, что напротив нее вестготы тоже создали подобную линию[43], хотя это и более сомнительно.

Создание пограничной линии отрезало византийскую провинцию от остальной территории полуострова. Полностью контакты между византийской и вестготской частями Испании прерваны не были, но стали весьма затруднительными. Григорий Турский (IX, 1) упоминает, что когда Реккареду не удалось установить дружеские отношения с бургундским королем Гунтрамом, он запретил подданным Гунтрама проходить через города Септимании. И позже граница с франками была относитель-

---

[39] *Fuentes Hinojo P.* Sociedad... P. 310–314.

[40] *Ripoll Lopez G.* Acerca... P. 258–259.

[41] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes... P. 73–74; *Garcia Moreno L. A.* Organizacion... P. 8–11.

[42] Ср.: *Garcia Moreno L. A.* Organizacion... P. 11.

[43] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes... P. 75.

но закрытой, а попытки перейти вестготскую границу вообще рассматривались как государственное и даже религиозное преступление[44]. Учитывая постоянную напряженность в отношениях с византийцами, можно полагать, что подобные меры принимались и на границе с их владениями. Возможно, что и с византийской стороны принимались адекватные меры. Археологические данные показывают, что, поддерживая активные контакты с Северной Африкой и Восточным Средиземноморьем, города византийской Испании, в частности Малака, практически перестали быть связанными с Пиренейским полуостровом[45]. В этом свете становится понятным эпизод с захватом византийцами епископа Ментесы Цецилия в 615 г. (Epist. Wis. II)[46]. По словам наместника провинции патриция Цезария, он был захвачен «"нашими людьми» (a nostris hominibus) и затем отпущен ради заключения мира с королем Сисебутом. Цецилий был довольно значительной фигурой в церковной иерархии вестготской Испании и, может быть, близок Сисебуту. В 612 г. ему вместе с епископами Кордубы и Тукци (а также светским властям) был адресован закон Сисебута о рабах иудеев (Leg. Vis. XII, 2, 13), а позже, когда Цецилий захотел уйти в монастырь, король упрекал его в том, что он предпочитает личное спасение общественному служению (Epist. Wis. I). Кто такие «наши люди» Цезария, сказать трудно. Возможно, это была личная гвардия патриция. В письме Цезария Сисебуту отпуск из плена Цецилия подается как уступка, которую автор письма делает королю ради заключения мира. Видимо, в обычных обстоятельствах такая уступка могла и не делаться. Если уж такую видную фигуру византийцы могли захватить, то с людьми более низкого положения они явно не церемонились.

Разорвано было и церковное общение. Как известно, административная структура церкви воспроизводила римскую, и это не изменилось после варварского завоевания. Однако теперь Картагена, административный центр Карфагенской Испании, оказалась в руках византийцев. Епископы городов, находившихся под властью императора, в соборах Вестготского королевства не участвовали. Это относилось и к Картагене, митрополит которой, как упоминалось, осуществлял духовную власть над всеми имперскими владениями в Испании, включая, видимо, и Балеарские острова. Поэтому церковный центр той части Карфагенской Испании, которая осталась под властью вестготского короля[47], был

---

[44] *Martin C.* "In confinio externis gentibus". La percepción de la frontera en el reino visigodo // SHHA. 1998. Vol. 16. P. 271–278.

[45] Comercio y comerciantes en la Málaga bizantina. P. 687.

[46] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 222; *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 135.

[47] Эта часть провинции стала называться старинным именем Карпетания, которое предшествует римскому завоеванию.

перенесен в Толедо, и епископ этого города с того времени становится митрополитом Карфагенской Испании, а фактически, поскольку Толедо со времени Леувигильда являлся «королевским городом», то и всего королевства[48]. И уже епископ Евфимий, присутствовавший на III Толедском соборе в 589 г., именовался митрополитом провинции Карпетании[49]. После взятия Картагены вестготами ее прежнее положение в церковной иерархии восстановлено не было.

Войны между вестготами и византийцами были ожесточенными и сопровождались значительными разрушениями. Цезарий в своем письме Сисебуту пишет об истощении земли набегами, о многочисленных пленных с обеих сторон, о страданиях людей в полосе военных действий. Положение в самой провинции было не многим лучше. Византийское завоевание привело к распространению на эту провинцию имперской системы налогов, тяжесть которых увеличивалась произволом всемогущей византийской бюрократии, к тому же вступившей в конфликт с местной католической церковью [50]. Это вызывало недовольство, которое использовали вестготские короли. Но и их победа принесла лишь новые беды. Взяв города, вестготы их намеренно разрушали. Главный удар наносился по портам и торговым центрам, и то, что эти разрушения не были случайными, говорит их повсеместность[51]. Разрушая порты, вестготы, вероятно, стремились лишить византийцев возможности использовать их в будущем для возможной новой высадки на Пиренейском полуострове[52]. Но кроме этого, создается впечатление, что вестготские короли мстили тому слою людей в Испании, который в свое время активно поддержал византийское вторжение и получил наибольшую выгоду от вхождения этого региона в общесредиземноморскую Восточную Римскую империю, — торговцам. Разрушения портов и уничтожение местных центров торговли должно было еще больше изолировать Испанию от процессов, происходивших в Средиземноморье.

---

[48] *Livermore H. V.* The Origins... P. 183; *Gonzalez Blanco A.* El decreto de Gundemaro y la historia del siglo VII // Los Visigodos. P. 162.

[49] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 113.

[50] *Fuentes Hinojo P.* Sociedad... P. 524–529; *Корсунский А. Р.* К вопросу... С. 38–39.

[51] *Navarro Luego I., Torremocha Silva A., Sabado Escaña J. B.* Primeros testimonios... P. 227; *Ramallo Asensio S. F., Ruiz Valderas E.* Caertagena en la arqueologia bizantina en Hispania // V Reunion. P. 313; *García Moreno L. A.* Comercio y comerciantes en Málaga... P. 679; Comercio y comerciantes en la Málaga bizantina. P. 689–690.

[52] *Ramallo Asensio S. F., Ruiz Valderas E.* Op. cit. P. 313.

Глава X

ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Важнейшей целью Леувигильда было установление наследственной монархии, резко возвышающейся не только над основной массой населения, но и над знатью. Свержение Лиувы II и возведение на трон Виттериха означало крах этих попыток. Создать новую династию ни Леувигильду, ни Реккареду не удалось. Не удалось и настолько укрепить саму королевскую власть, чтобы она практически не зависела от аристократии. Вестготское королевство вернулось к принципу избирательной монархии, что зачастую ставило государей в зависимость от знати либо тех или иных ее группировок.

Виттерих пришел к власти при поддержке той группы вестготской аристократии, которая была недовольна политикой Реккареда. В свое время Виттерих, будучи еще довольно молодым и занимая, как кажется, должность графа какого-то города Лузитании[1], принял активное участие в волнениях в этой провинции, в мятеже против Реккареда и заговоре против его верного сторонника епископа Эмериты Массоны, но затем предал своих соратников, за что и был полностью прощен (Vit. Patr. Emer. XVII, 35–41). Вероятно, он активно участвовал в войнах, которые вел Реккаред, поскольку даже Исидор Севильский, его ненавидевший, называл его активным в военном деле (Hist. 58), причем речь шла явно о времени, предшествующем захвату им власти. Видимо, Виттерих поднялся до должности герцога, командовавшего какими-то частями вестготской армии. Поводом к выступлению против Лиувы могло послужить происхождение королевского сына, ибо он, как уже говорилось, был рожден незнатной матерью, т. е. явно еще до брака Реккареда с королевой Баддо, и, следовательно, являлся незаконным сыном короля. Назначение наследником трона бастарда в известной степени было вызовом знати со стороны Реккареда. И знать, по крайней мере какая-то

[1] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 86.

ее часть, ответила на этот вызов мятежом всего лишь через полтора года после смерти Реккареда (*Isid.* Hist. 57; Chron reg. 29).

Приход к власти Виттериха не привел к резкому изменению внутренней политики. Придя к власти как лидер знати, став королем, он явно продлил курс на укрепление монархической власти. Но если Реккаред стремился объединить вокруг себя все группировки правящего слоя, в том числе и испано-римские, то Виттерих, видимо, с этой тенденцией порвал и занял антиримскую позицию. Характерно, что с конца VI в. исчезают всякие сведения об испанских сенаторах как об отдельной группе местной аристократии[2]. Возможно, что после свержения Лиувы II часть этой группы, особенно активно поддерживавшая Реккареда и его сына, был уничтожена, а часть слилась с вестготской знатью, о чем еще пойдет речь. Верхушка католической церкви, тесно связанная с испано-римской сенаторской аристократией, встала в оппозицию к Виттериху. Выразителем этой позиции стал Исидор Севильский. Противником короля выступили митрополит Нарбонна Сергий и епископ Эгары Илергий, оказавшие поддержку готскому графу Булгару, преследуемому королем (Epist. Wis. XIV). Преследование последнего показывает, что и в части готской знати Виттерих встретил, по крайней мере, враждебность. О напряженности отношений между королем и церковью говорит и тот факт, что во время правления Виттериха не было созвано ни одного собора, даже провинциального. Несмотря на всеобщее, казалось бы, обращение вестготов в католицизм, среди них явно оставались сторонники арианства. Они не могли не поддержать мятеж Виттериха. Однако рассматривать правление этого короля как явную арианскую реакцию едва ли возможно[3], и речь скорее шла о терпимости по отношению к арианству, но и это вызывало недовольство католической иерархии.

Во внешней политике новый король вернулся к конфронтации с Византией. В Византии в это время был свергнут Маврикий и началась гражданская война, так что византийцам снова было не до далекой Испании. Виттерих воспользовался этим и начал новое наступление на византийские владения на Пиренейском полуострове (*Isid.* Hist. 58). Его целью был захват южной части Бетики и выход к проливу. На этом пути он захватил Сагонтию (или Сегонтию) (*Ps.-Isid.* Chron. 15). Возможно, что в это же время вестготы снова захватили Асидон. Его епископ Руфин был рукоположен в какое-то время до 610 г. и уже присутствовал на провинциальном соборе в 619 г.[4] Отвоевав какую-то часть старых вест-

[2] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 87–89.

[3] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 145.

[4] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 96.

готских владений, Виттерих демонстрировал возвращение к воинственным традициям вестготов и свое противопоставление слабому в этом плане первому католическому королю.

Определенных успехов король сумел добиться на севере. Завоевания Леувигильда и кампании Реккареда не привели к реальному подчинению Северной Испании, и горцы снова вторглись в вестготские владения, что потребовало нового похода против них[5]. Подробности этой кампании, как и ее результаты, неизвестны. Но, скорее всего, Виттериху удалось на какое-то время стабилизировать обстановку. Но если военные кампании Виттериха были довольно удачными, то его дипломатические усилия потерпели крах. Необходимо было договариваться и со старыми соперниками и партнерами — франками, война с которыми была делом бесполезным. Решение этой проблемы Виттерих, как и его предшественники, пытался найти на пути брачного соглашения. Он предложил руку своей дочери Герменберги бургундскому королю Теодориху. Но из этой затеи ничего не вышло. В дело вмешалась престарелая королева Австразии Брунегильда, бабушка Теодориха, которая решительно выступила против этого брака. Возможно, какую-то роль в этой позиции сыграли ее связи с домом Леувигильда и, соответственно, ненависть к Виттериху, но главным было, пожалуй, то, что этот брак не вписывался в политические планы. Вестготская принцесса со своим приданым уже прибыла было в Галлию, но после года затяжек и проволочек отправлена обратно в Испанию, что не помешало несостоявшемуся жениху присвоить приданое (*Fred.* IV, 30). Попытка Виттериха заключить союз с двумя другими франкскими королями также не удалась, а попытка заключить союз с лангобардским королем Агиульфом, направленный против франков, закончилась полной неудачей.

Во многом разрывая со старой германской традицией, Виттерих предпочитал не сам лично возглавлять армию, а поручать командование своим герцогам (*Isid.* Hist. 58). Это можно рассматривать как важный этап в развитии вестготской монархии: государь сосредоточивался на выполнении важнейших государственных функций, поручая непосредственное командование войсками своим полководцам. Впрочем, так, по-видимому, действовал еще Реккаред, но при Виттерихе это стало принципом его правления.

При Виттерихе резко усилились противоречия в правящей верхушке королевства. Как уже говорилось, Виттерих столкнулся с оппозицией и церкви, которая в значительной степени, видимо, выражала взгляды и интересы испано-римской знати, и даже части вестготской аристократии.

---

[5] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 145.

Оппозиция и преследования Булгара, поддержанного митрополитом Нарбона и епископом Эгары, могла отражать позицию знати Септимании и части, по крайней мере, Тарраконской Испании, непосредственно к Септимании примыкающей. Виттерих в свое время был связан с Лузитанией, и, может быть, в занятии соответствующих позиций выразилось соперничество северо-восточной и юго-западной группировок вестготской аристократии. Результатом стало убийство Виттериха в 610 г. По словам Исидора Севильского (Hist. 58), король был убит в результате заговора некоторых своих (coniuratione quorundam suorum)[6] во время пира. Заговор явно возник в самом ближайшем окружении короля. Если верить Исидору, убитый Виттерих даже не удостоился королевских похорон. На престол был возведен Гундемар (*Isid.* Hist. 59), возможно, один из заговорщиков или даже глава заговора.

Придя к власти, Гундемар наградил своих сторонников. Резко был возвышен все тот же Булгар, ставший герцогом Септимании, причем с явно расширенными полномочиями, поскольку сам вел всю дипломатическую работу с соседними франками (Epist. Wis. X–XVI), практически без всякой оглядки на короля[7]. Разумеется, эта его активность не шла вразрез с политикой Гундемара. Вестготы пытались найти свое место в водовороте взаимной борьбы внутри Франкского королевства, в котором возникали самые неожиданные союзы и враждебные коалиции. Долгое время они ориентировались на Австразию и ее влиятельную королеву Брунегильду, дочь Атанагильда. Но Виттерих потерпел в этом неудачу, а Гундемар попытался исправить положение, но в конце концов все же столкнулся с Брунегильдой, результатом чего стал захват тех мест Септимании, которые в свое время были уступлены австразийской королеве. Продолжая во внешней политике в целом курс Виттериха и ведя упорные бои с византийцами и васконами, во внутренней политике Гундемар вернулся к курсу Реккареда. Для Гундемара важно было обеспечить себе поддержку церкви, особенно столичной. Уже в первый год своего правления он собрал в Толедо провинциальный собор Карфагенской Испании, на котором был утвержден декрет, подлинность которого до сих пор вызывает споры[8]. Декрет объявляет Толедо митрополией всей Карфагенской Испании, в том числе и той ее части, которая находилась под властью византийцев. Если даже этот декрет является фальшивкой, его приписывание Гундемару неслучайно. В глазах церк-

---

[6] Правда, слово suorum содержится только в одной редакции труда Исидора, но это не меняет общей тональности повествования.

[7] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 38–39.

[8] *Gonzalez Blanco A.* El decreto... P. 159–169.

ви, особенно столичной, этот король, как и Реккаред, выступает как подлинный католик, окончательно утвердивший господство этой конфессии. После убийства Виттериха практически не было никакой арианской или проарианской реакции. Победа католицизма стала полной. Он перестал быть «римской верой» и стал верой всего государства.

Арианские короли в принципе были веротерпимы. Это объясняется не их хорошим характером и не сохранением дохристианских античных традиций, а трезвым учетом сложившихся обстоятельств: нельзя было не быть веротерпимым в государстве, основное население которого принадлежало к другой конфессии, чем король и его непосредственное окружение. Те или иные акты, направленные против католиков, были вызваны чисто политическими причинами. Единственная серьезная попытка сделать арианство государственной религией и связанная с этими целенаправленная антикатолическая деятельность, предпринятая Леувигильдом, потерпела полную неудачу. Совсем иным было положение католических королей. Между ними и основной массой их подданных не было религиозной розни. Это привело и к изменению религиозной политики королей. Государь в это время рассматривался не только как светский владыка, но и как защитник и проводник истиной веры, и в качестве его основной цели рассматривалось укрепление религии и преследование инаковерующих. В первую очередь это относилось к евреям.

Когда евреи появились в Испании, сказать трудно, но несомненно, что это произошло еще в римские времена[9]. В Вестготском королевстве они селились в относительно крупных городах, включая Толедо[10], а также во многих городах Бетики, в том числе и не особенно крупных[11]. Недаром в еврейской среде возникла легенда об их появлении в Испании и об основании Толедо евреями, бежавшими от Навуходоносора[12]. Занимались евреи земледелием, но в особенности торговлей. В это время торговля, особенно внешняя, вообще была практически целиком в руках греков, сирийцев, евреев. Евреям было запрещено занимать какие-либо государственные должности, но пост сборщика налогов таковой не считался, и среди этой категории людей тоже было довольно много евреев[13]. В те времена, когда короли были арианами, евреи не пресле-

---

[9] Geschichte des judischen Volkes. München, 1981. Bd. I. S. 343, 447.

[10] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 80–81.

[11] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 150.

[12] *Левин С.* Испания // Еврейская энциклопедия. Т. 8. СПб., б. г. Стб. 366; *Дубнов С. М.* История евреев в Европе. М., 2003. Т. 1. С. 38; *Moreno Koch Y.* El judaísmo hispano. Granada, 2005. P. 25–26.

[13] *Livermore H. V.* The Origins... P. 194.

довались. Более того, не исключено, что после византийского завоевания Италии, Африки и части Испании, на которые были распространены антиеврейские законы императоров, часть евреев бежала в Испанию, где арианские короли подобных мер не принимали[14]. Положение резко изменилось после обращения вестготов в католицизм. Уже Реккаред, следуя решениям III Толедского собора, запретил евреям покупать, получать в дар или каким-либо иным способом приобретать христианских рабов (Leg. Vis. XII, 2, 12). Попытка откупиться от этого распоряжения не удалась. Целенаправленная антиеврейская политика стала проводиться вестготскими королями, начиная с Сисебута.

Сисебут сменил на вестготском троне Гундемара в 612 г. Его правление (612–620 гг.) было временем укрепления испано-вестготского королевства. Одним из столпов этого королевства являлось католическое духовенство. Сисебут не собирал на соборы епископов всей страны, возможно, видя в этом институте определенное ограничение своей власти[15], но в целом его внутренняя политика полностью соответствовала взглядам испанской церкви. Важнейшим ее аспектом стало гонение против евреев. Уже вскоре после вступления на престол Сисебут возобновил, по-видимому, не соблюдавшийся закон о недопустимости для евреев иметь христианских рабов и потребовал освобождения всех их независимо от срока приобретения до 1 июля 612 г., причем освобождены они должны были без всяких условий, но зато с определенным имуществом, которое каждому рабу был обязан представить бывший господин. В то время обычно вольноотпущенник оставался под патроцинием бывшего хозяина, бывший раб еврея делался полноценным членом общества[16]. В случае отказа еврея тем или иным способом освободить раба-христианина конфисковывалось его имущество, переходящее в королевскую казну. В то же время еврей, переходивший в христианство, освобождался от этих ограничений. Сурово, вплоть до смертной казни, карался переход в иудаизм (Leg. Vis. XII, 2, 13–14). А позже он сделал еще более решительный шаг: все евреи, отказавшиеся креститься, должны были покинуть его государство, и всем подданным под страхом сурового наказания запрещалось давать им убежище и оказывать какую-либо помощь[17]. Значительная часть евреев, отказавшаяся отречься от

---

[14] Ibid. P. 193–194.

[15] При нем было созвано только два провинциальных собора в Эгаре и Гиспалисе (*Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 279).

[16] Использован термин civis Romanus — полноправный римский гражданин.

[17] *Дубнов С. М.* История евреев в Европе. С. 44; *Jerez Rieso J. L.* Tolerancia y intolerancia en el Toledo medieval // Rivista del Instituto Egypcio de Estudios Islámicos de Madrid. 1993–94. Vol. XXVI. P. 97.

веры предков, уехала из Испании и Септимании. Чрезмерная жесткость действий Сисебута вызвала даже неодобрение Исидора Севильского (Hist. 60), в целом поддерживавшего деятельность этого короля и признававшего действенность всякого крещения, независимо от его добровольности или насильственности[18].

Положение вестготских королей было противоречиво. Их власть была довольно велика, они опирались на созданную aula regia, их, как правило, активно поддерживала католическая церковь. Но в то же время монархия оставалась избирательной, и это ставило короля в известную зависимость от готской знати, ибо испано-римские аристократы в выборах короля не участвовали, что, конечно же, сужало базу королевской власти. В то же время изменяется суть этой власти. Король уже не является в первую очередь военным вождем. Более того, все чаще сам король в это время уже не выступает непосредственно в поход во главе армии, а поручает командование своим герцогам. Одним из таких герцогов был Рихила, разгромивший астуров, отпавших от вестготов[19]. В какое-то время астуры оказались под властью франков и даже платили им дань, но теперь вестготы вернули себе господство над этой областью (*Fred.* IV, 33)[20]. Другим герцогом был Свинтила. Именно он разгромил рунконов и удачно воевал с византийцами. Византийский вопрос по-прежнему был не решен, и общность веры не мешала вестготским королям стремиться окончательно вытеснить византийцев из Испании. Сисебут пытался создать антивизантийскую коалицию, вступив в переговоры с лангобардским королем Агиульфом, которого к тому же еще уговаривал принять католицизм (Epist. Wis. VIII). Никаких последствий послание вестготского короля не имело, может быть, именно из-за связи политики и религии. Но это не помешало Сисебуту активизировать военные действия на Пиренейском полуострове. Сисебут дважды воевал с империей и довольно удачно, армия во главе с Свинтилой захватила ряд византийских крепостей (*Isid.* Hist. 61). Натиск вестготов был столь силен, что правитель византийской провинции был вынужден просить мира (Epist. Wis. II–VI). Мир заключен не был, и в конце концов вестготы

---

[18] *Sivan H.* The Invisible Jews of Visigothic Spain // Revue des etudes juives. 2000. T. 159. P. 375.

[19] Это были те же кантабры, которые теперь все чаще называются астурами: *Barbero A.*, *Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 88–89.

[20] Неизвестно, когда и в каких обстоятельствах герцог Францинон подчинил астуров-кантабров и заставил их платить дань франкскому королю. Псевдо-Фредегар пишет, что горцы уже давно (multo tempore) платили дань франкам. Возможно, подчинение Кантабрии франкам было связано с политической нестабильностью, наступившей после смерти Реккареда.

захватили Картагену и ряд других городов, включая Малаку, но полностью вытеснить византийцев так и не смогли, и в их руках еще остались некоторые анклавы на юге Пиренейского полуострова.

Успехи во внешней и внутренней политике, тесный союз с церковью позволили Сисебуту настолько укрепить свою власть, что он сумел без труда передать трон своему сыну Реккареду II. Однако на следующий год Реккаред умер, и на вестготский престол был возведен прославленный своими победами Свинтила[21].

Блестящие успехи Сисебута оказались на поверку не столь уж прочными. Крушение династической идеи в результате ранней смерти Реккареда — доказательство этого. Не добился полностью желаемого король и во внешней политике. Север Испании, населенный васконами, снова практически ускользнул из-под контроля вестготских королей. И Свинтила в начале своего правления был вынужден заняться васконами, вторгнувшимися в Тарраконскую Испанию. Те были вынуждены подчиниться, и в завоеванных землях Свинтила основал новый город — Олонгик, ставший важным центром контроля за беспокойным Севером[22]. Свинтила как бы шел по стопам Леувигильда, отклоняясь от его политики только в религиозном вопросе, ибо был убежденным католиком. Впрочем, и здесь различие было лишь кажущимся, ибо главным было убеждение в необходимости иметь государственную религию. Поэтому, в частности, он продолжал антиеврейскую политику Сисебута, хотя, как кажется, и несколько смягчил ее, что позволило части евреев вернуться в Испанию.

Свинтила поставил своей задачей завершить изгнание византийцев с Пиренейского полуострова. И он начал решительное наступление на оставшуюся еще под властью империи прибрежную полосу. Византийская армия была разбита, и около 625 г. весь Пиренейский полуостров наконец-то оказался под властью вестготского короля. Именно с этого времени можно говорить об объединении всей Испании под властью вестготов (*Isid.* Hist. 62). Тем самым было завершено завоевание Испании — процесс, в котором решающими этапами были правления Эйриха и Леувигильда. Правда, практически независимыми оставались в своих недоступных горах васконы и астуры (кантабры), но формально и они признавали власть вестготского короля.

---

[21] Правление Реккареда II оказалось столь кратковременным, что франкский хронист его даже не заметил, говоря, что Свинтилла наследовал непосредственно Сисебуту (*Fred.* IV, 73).

[22] *Barbaro A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 60. Кампания Свинтиллы привела к тому, что северная граница оказалась спокойной на протяжении последующих трех с лишним десятков лет: Ibid. P. 61.

Следуя Леувигильду, Свинтила стремился удержать трон за своим сыном. С этой целью он провозгласил своего сына Рихимира своим соправителем. Но этот акт вызвал огромное недовольство вестготской аристократии, боящейся потерять свои привилегии. Результатом стало в 631 г. восстание против короля, руководимое Сисенандом. Он принадлежал к довольно знатной семье, находясь в родстве с митрополитом Нарбонна Склуой и епископом Бетерриса Петром (Vita Fruct. 5–6), т. е. с представителями высшей церковной иерархии Септимании. И сам он, возможно, являлся герцогом этой провинции[23]. Сисенанд обратился за помощью к франкскому королю. К этому времени Франкское королевство было снова объединено под властью сначала Хлотаря II, а затем его сына Дагоберта. К Дагоберту и обратился мятежник. Франкский король не мог не использовать представившуюся возможность. Он направил на поддержку Сисенанду значительную армию. Эта армия перешла Пиренеи и дошла до Цезаравгусты. Свинтила с армией двинулся на усмирение мятежа, но воины оставили его и перешли на сторону Сисенанда. В Цезаравгусте «все готы из королевства Испании» провозгласили Сисенанда королем (*Fred.* IV, 73). Видимо, кроме собственно воинов, вестготская знать также объявила Сисенанда королем. После десяти лет своего правления Свинтила был свергнут, и королем стал Сисенанд. За помощь он уплатил Дагоберту огромную сумму в 200 тысяч солидов, а также отдал самый ценный предмет королевской казны — золотое блюдо весом в 500 фунтов.

Все последующие короли стремились к одной, так и не достижимой для них цели, — такому укреплению королевской власти, чтобы передавать ее по наследству своим сыновьям. Династический принцип в вестготском королевстве так и не утвердился. Все же, желая быть как можно более независимыми от вестготской аристократии, короли, с одной стороны, стремились получить поддержку испано-римской аристократии, все более привлекая испанское население к осуществлению государственных функций, а с другой — установить как можно более тесные отношения с католической церковью, в которой опять же значительнейшую роль играли испано-римляне, хотя после официального принятия вестготами католицизма удельный вес германцев в верхушке церкви все более увеличивался. По этому пути пошел и Сисенанд.

Но южная часть Испании отказалась признать Сисенанда. Некий Юдила, видимо, местный аристократ, судя по имени, готского происхождения объявил себя королем и даже начал чеканить свою монету[24].

---

[23] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 74.

[24] *Livermore H. V.* The Origins... P. 197; *Garcia Moreno.* La historia de España visigoda. P. 156.

Брат свергнутого Свинтилы Гейла, который сначала поддержал Сисенанда, по-видимому, в надежде самому захватить власть, выступил против нового короля. И в церкви Сисенанд получил далеко не полную поддержку. Даже в столичной толедской церкви вопрос о поддержке новой власти вызвал острые разногласия, и, возможно именно в связи с ними, митрополит Гелладий покинул свой пост и удалился в близлежащий монастырь, аббатом которого он был до занятия епископской кафедры. Его преемник Юст столкнулся с оппозицией пресвитера Геронтия, которого поддержал король (*Hild.* Vir. ill. 6–7). И в этих довольно трудных условиях на помощь Сисенанду пришел гиспалийский епископ Исидор, который решительно поддержал нового короля. И это дало свои плоды. Исидор был в то время наиболее авторитетным церковным иерархом, и это привело к тому, что больше ни о каком неподчинении Сисенанду говорить не приходилось ни со стороны знати, ни со стороны церкви.

Стремясь легализовать свое положение и добиться большего сплочения не только светской, но и церковной знати вокруг своей особы, Сисенанд в 633 г. созвал в Толедо общегосударственный собор, ставший первым таким съездом епископов Испании и Септимании после собора 587 г. Председателем собора был Исидор. Этот собор имел целью официально утвердить католицизм в качестве единственной формы христианской религии в Испании и готской Галлии. Собор собирался впервые, когда уже ничто не ставило под сомнение религиозное состояние государства, так что он сосредоточивался на решении как внутрицерковных, так и общеполитических дел. Важнейшей политической целью собора было узаконение захвата власти Сисенандом[25]. На первое заседании явился сам Сисенанд в окружении семьи и ближайших соратников и простерся на земле, прося у Бога и прелатов прощения за свое выступление. И его простили.

IV Толедский собор имел огромное значение в истории не только испанской церкви, но и всего королевства. Он принял ряд решений, касающихся чисто церковных дел. В частности, он подтвердил принятую на предыдущем соборе формулу, что Святой Дух происходит от Отца и Сына. Большая часть западной церкви еще не решалась официально принять ее, так как против решительно выступала церковь восточная. Испанская же церковь оказалась гораздо более решительной. Испанские прелаты, возглавляемые Исидором, оказались большими католиками, чем римский папа. Этот же фанатичный католицизм проявился в ужесточении отношений с иудеями: им было запрещено занимать какие-либо

[25] *Barbero A.* El pensamiento... P. 269.

общественные должности (officia publica). В духе мыслей Исидора, который прекрасно понимал значение образования, собор принял постановление о поощрении развития специальных школ, в которых обучались и воспитывались будущие священники и монахи.

Были приняты и многочисленные другие решения, оформлявшие структуру и положение церкви в вестготском королевстве. Некоторые из них, будучи по форме религиозными, на деле имели политическое значение. Так, было запрещено препятствовать священникам всех рангов исполнять их служение, а это фактически выводило клир из-под действия светских законов. С другой стороны, епископы отныне не имели права без разрешения короля обмениваться какими-либо посланиями с другими народами. Это явно было направлено против епископов Септимании, которые фактически были больше связаны с соседним франкским королевством, чем с запиренейской Испанией, а также против тех, чьи епархии были близки к Византии, которая в то время владела Балеарскими островами и Северной Африкой. Очень важным было также решение относительно созывов соборов. Последний собор, в котором участвовали представители (в основном главы) всех церквей Испании и Септимании, был созван королем Реккаредом для официализации обращения готов в католицизм. Больше короли в таком институте не нуждались. Теперь, используя во многом еще не очень твердое положение Сисенанда, участники собора приняли решение о необходимости более частого созыва таких соборов. Сроки их созывов установлены не были, и сам король выбирал время таких созывов. Но было твердо установлено, что именно соборы являются высшим органом церкви всего королевства, как провинциальные синоды — церквей соответствующих провинций. В соборе могли участвовать и представители светской знати, что делало из них относительно регулярный институт политической власти. Решения соборов фактически приравнивались к законам королей.

Под влиянием Исидора IV Толедский собор принял специальное постановление (75-й канон), который регулировал наследование королевской власти. После того как с политической и физической сцены исчез последний представитель рода Балтов, которым традиционно принадлежало королевское достоинство у вестготов, никаких правил достижения трона уже не было. Попытка Леувигильда закрепить трон за своей династией не удалась. Отсутствие правил вело к политическому хаосу, в котором торжествовало право сильного. У вестготов, как и у других германцев, существовал принцип выборности глав своего общества. В варварских королевствах, образовавшихся в ходе и результате Великого переселения народов и краха Западной Римской империи,

фактически этот принцип исчез, заменившись династийным. Но в условиях отсутствия твердых правил наследования вестготского трона он возродился. С другой стороны, среди образованной церковной верхушки, более или менее знакомой с римской историей, ходили мысли о занятии престола наиболее достойным гражданином государства.

Эти мысли были во многом кристаллизованы Исидором, который в духе римской политической мысли разделял подлинного короля и тирана. Последний определялся не столько способом приобретения власти (как обычно считали в древности), сколько своими нравственными качествами и своим поведением. Король в отличие от тирана должен был в первую очередь быть благочестивым и справедливым. Первое определялось его отношением к церкви и христианской вере, которой он должен покровительствовать и которую защищать против всех врагов и еретиков. А второе — подчинением законам, в том числе и своим собственным. Такому королю церковь должна дать Божье благословение. Основываясь на этих принципах, собор заявил, что Свинтила допускал произвол и несправедливость, т. е. являлся тираном в исидоровском смысле, и за это был свергнут[26]. Более того, и он, и его жена, и дети, и его мятежный брат были отлучены от церкви, и их имущество должно было быть конфисковано. Таким образом, собор под несомненным влиянием Исидора полностью легализовал узурпацию Сисенанда. Правда, может быть, тоже под воздействием Исидора, к свергнутому королю отнеслись милостиво: ему не только была оставлена жизнь, но и возвращена часть имущества, и он еще мирно жил несколько лет, пережив своего преемника.

Именно в духе Исидора и был принят 75-й канон. Он устанавливал, что никакого наследования, основанного на принципах крови или желаниях предыдущего короля, быть не может. Невозможен также насильственный захват трона. Отныне король должен был только избираться. Учитывая существующую политическую реальность, участники собора, большинство которых было испано-римлянами, постановили, что королем избран мог быть только гот. Надо отметить, что для многих современников, в том числе и для Исидора, как об этом еще будет сказано позже, резкого противопоставления римлян и готов уже не существовало. После мирной кончины предшествующего государя вельможи всего народа (primates totius gentis) должны были избрать его преемника, а церковь освятить это избрание, торжественно короновав нового короля и от имени Бога помазав его на царство. Этот обряд, уже установившийся в Византии, восходил к некоторым ветхозаветным установлениям; так,

[26] *Barbero A.* El pensamiento... P. 268–270.

по словам Библии, пророком Самуилом был помазан на царство идеальный царь Давид, являвшийся отдаленным предком Спасителя, воплотившегося в человеческом облике. Таким образом, вестготский король оказывался приравненным как к ветхозаветным царям, так и, что не менее важно, к византийскому императору. Все подданные должны присягнуть на верность избранному и коронованному государю. В таких условиях всякое выступление против Божьего помазанника оказывалось не только светским, но и религиозным преступлением, и такой человек должен был предаваться анафеме. При этом было установлено, что королем не может быть избран тот, кто прибег к насилию, заговору, нарушению клятвы[27].

С этого времени соборы становятся важным политическим институтом. И почти все короли созывали церковные соборы, а на правление некоторых государей приходился и не один собор.

ПРАВОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Правление преемников Сисенанда Хинтилы (636–640) и Тульги (640–641) были кратковременными и ничем не замечательными. Хинтила дважды собирал общегосударственные соборы, явно нуждаясь в активной поддержке церкви, что, видимо, свидетельствует о неустойчивом положении короля. Знать нуждалась в укреплении своего положения, как политического, так и экономического, и в гарантии его сохранения при смене правителя. Один из соборов принял решение, что «верные короля» (fideles regi), т. е. люди, связанные узами верности лично с данным королем, сохраняют полученное от короля имущество даже после прихода к власти другого монарха, с которым данный владелец никакими узами верности связан не был, если это имущество было получено законно. Этим актом условное владение фактически превращалось в безусловное, частное[28]. Личность самого короля объявлялась неприкосновенной, а его потомки должны были сохранять свое имущество и при других правителях. Это положение фактически резко разделяло собственность королевской семьи и государственное имущество, которым король распоряжался во время своего царствования. Первое принадлежало семье и оставалось в ней, а второе переходило в распоряжение каждого нового государя. Это стало еще одним шагом в эволюции вестготской монархии.

---

[27] *Barbero A.* El pensamiento... P. 270–274.

[28] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 131.

Внешнеполитическая и военная деятельность предшествующих королей привела к объединению всего Пиренейского полуострова под властью вестготских королей. За Пиренеями вестготы удерживали Септиманию (Галлию, как они ее назвали, не смущаясь тем, что она представляла лишь небольшую часть этой страны). И на большее они не претендовали. Внешняя политика вестготской Испании была в значительной степени изоляционистской. После попытки Сисебута заключить соглашение с лангобардским королем ничего подобного вестготские короли больше не предпринимали. Изгнав из Испании византийцев, они более практически не вмешивались в большую политику Европы и Средиземноморья. Это сказалось и на позиции испанской церкви. В Испании довольно часто собирались соборы, но на них присутствовали только епископы и аббаты королевства. Испанские епископы отсутствовали на соборах, собираемых римским папой. Они признавали авторитет папы, но реально пользовались в Испании и Септимании всей полнотой духовной и частично даже светской власти. В то же время деятельность ряда королей привела к относительной стабилизации внутреннего положения в стране. Это позволило Хиндасвинту и его сыну Рецесвинту сделать очень важный шаг на пути действительного объединения Испании под властью вестготских королей.

Вступление Хиндасвинта на престол стало, как и воцарение Сисенанда, результатом мятежа. Хинтила, по-видимому, уверившись в поддержке знати и церкви, оставил трон своему сыну Тульге, но это вызвало недовольство вестготской аристократии. В различных местах Испании вспыхивали мятежи. Наконец в 642 г. «многими сенаторами и прочим народом готов» (plurinus senatoribus Gotorum citerumque populum) королем был провозглашен Хиндасвинт (*Fred.* IV, 82). Указание хрониста на обстоятельства возведения на престол Хиндасвинта показывает, что в исключительных обстоятельствах рядовые готы еще играли определенную роль в избрании нового короля. Юный Тульга был пострижен в монахи и этим навсегда лишился надежды когда-нибудь вернуть себе трон. Воцарение Хиндасвинта, по-видимому, не сразу было принято всеми. Возможно, что особенно значительное сопротивление он встретил на юге. Но и там он скоро одержал победу, свидетельством которой стала чеканенная в Эмерите монета с легендой VICTOR[29]. И уже в том же 642 г. южный магнат Оппила по поручению короля участвовал в войне с васконами[30]. Как бы ни была скоротечна гражданская война,

[29] *Diesner H.-J.* Politik und Ideologie im Westgotenreich von Toledo: Chindasvind. Berlin, 1979. S. 9.

[30] Ibid. S. 8; *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 64.

она создала обстановку нестабильности. Этим и воспользовались васконы, с которыми сражался Оппила, а вероятнее всего, и другие полководцы Хиндасвинта. Одновременно участились разбои, бороться с которыми тоже пришлось Хиндасвинту.

По сообщению хрониста, Хиндасвинту в момент его возведения на трон шел восьмидесятый год. Это явное преувеличение. Хиндасвинт сначала один, а затем вместе со своим сыном Рецесвинтом правил 12 лет, так что, если принять на веру сообщение о его возрасте, он должен был умереть в 91 или 92 года, что по условиям того времени кажется совершенно невероятным. В то время средний возраст составлял приблизительно 30 лет[31], и хотя известны и долгожители, как, например, Либерий, назначенный руководителем экспедиции в Испанию в 80 лет, или королева Австразии Брунегильда, казненная опять же в 80 лет, это все же были исключения, да они и не сравнимы с более чем девятью десятками лет Хиндасвинта. Но сама цифра говорит, что все же он действительно был довольно пожилым человеком. И ставя его на престол, вестготская знать, видимо, надеялась спокойно править за его спиной. Но если таковы были расчеты готских вельмож, то они ошиблись. Хиндасвинт оказался чрезвычайно энергичным правителем, поставившим своей целью максимальное укрепление королевской власти и обеспечение ее наследования его домом. Кроме того, сам Хиндасвинт в свое время принимал участие в различных выступлениях и заговорах и намеревался не допустить таковые, направленные теперь уже против него самого.

Разумеется, ближайшие сторонники Хиндасвинта были максимально вознаграждены. Зато на остальных он обрушил жестокие репрессии. Их жертвой пали 200 primates Gotorum, т. е. представителей самых высших слоев готской аристократии, и 500 mediogres. Mediogres — это, несомненно, те же mediocres, которые издавна являлись незнатной частью готского народа и которых упоминает еще Иордан (Get. 71). Они, хотя и не часто, встречаются и в испанских документах. В одном из законов Рецесвинта (Leg. Vis. XII, 2, 15) говорится о palatii mediocribus atque primis, в другом (Leg. Vis. IV, 2, 16) противопоставляются dignitas и mediocritas. В «Военном законе» короля Вамбы (Leg. Vis. IX, 2, 8), о котором еще будет сказано, упоминаются три группы светских людей, обязанные выступить на войну, — nobiles, mediocrior viliorque personae. Таким образом, видно, что mediocres занимали в испано-вестготском обществе довольно видное положение, обладая какими-то зависимыми от них людьми, с которыми они должны были выступить на войну, могли за-

[31] Sociétés en Europe. P. 262.

нимать какое-то место при дворе, но не относились к знати и не имели аристократического достоинства (dignitas). Можно согласиться, что речь идет о людях, занимающих среднее положение[32], хотя, разумеется, не в смысле «среднего класса» античного или современного общества, а о сравнительно низком слое правящего класса. Многих из этих людей казнили, других отправили в изгнание, третьи предпочли бежать сами. И имущество всех их безжалостно конфисковывалось. Часть конфискованного имущества перешло к королю, а другую он отдал своим fideles. Вместе с имуществом эти fideles получили также жен и дочерей «преступников». По словам более позднего хрониста, жившего уже после крушения Вестготского королевства, Хиндасвинт сурово (moliens) правил готами (Cont. Hisp. 35). Уничтожив в ходе репрессий значительную часть знати[33], Хиндасвинт сумел победить «готскую болезнь», и в его правление, как подчеркивает хронист (*Fred.* IV, 82), не было никаких заговоров.

Целью репрессий было, конечно, укрепление положения Хиндасвинта и недопущение каких-либо заговоров и мятежей. Но это была не единственная цель. Недаром большое внимание уделялось конфискациям. Даже если король оставлял такому «преступнику» жизнь, тот ослеплялся, а почти все его имущество переходило к королю (Leg. Vis. II, 1, 8)[34]. С помощью этих репрессий король укреплял свое экономическое положение и получал средства для вознаграждения своих сторонников. Суммы, полученные в результате этой карательной деятельности, были, по-видимому, довольно внушительные. Во всяком случае было не только преодолено постоянное ухудшение вестготской монеты, но она стала снова полноценной, возвращаясь к нормам времени Леувигильда[35].

Своим главным противником Хиндасвинт видел старую вестготскую знать. И он стремился, с одной стороны, нанести ей как можно больше чувствительных ударов, а с другой — не допустить создания относительно сильных группировок в ее среде. Одной из мер, направленных на достижение такой цели, было резкое ограничение приданого: оно не должно было превышать 1000 солидов, 10 рабов и 10 рабынь, а также 10 коней (Leg. Vis. III, 1, 5). Но зато король, следуя в этом примеру многих властителей подобного типа, всячески подчеркивал свое покровительство беднякам, обещая им защиту против могущественных.

---

[32] *Livermore H. V.* The Origins... P. 209.

[33] Считается, что в репрессиях Хиндасвинта пострадало до половины всей вестготской знати: *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 152.

[34] Такому человеку на жизнь оставлялось 5% прежнего имущества: *Diesner H.-J.* Politik... S. 10.

[35] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 111.

Раздавая конфискованное имущество своим fideles, Хиндасвинт не просто награждал их и сплачивал вокруг себя своих сторонников, но и создавал группу знати, своим положением обязанной королю, а не происхождению или родственным либо территориальным связям, группу, признающую в короле своего господина и патрона[36]. Получение этими людьми также жен и дочерей тех, кого казнили или изгнали, соединяло создаваемую Хиндасвинтом новую знать со старой. В эту группу он без колебаний включал и своих рабов, занимавших относительно высокие должности при дворе, как начальники (praepositi) конюхов, поваров, ювелиров. Едва ли они становились мужьями жен и дочерей аристократов, да и конфискованное имущество если и получали, то явно не в таких размерах, как свободные, но все же в отличие от обычных рабов они становились субъектами права, а тем самым в юридическом смысле приравнивались к свободным; они могли даже иметь своих рабов (Leg. Vis. II, 4, 4).

Чтобы легализовать свои репрессии, Хиндасвинт в 643 г. издал специальный закон, карающий тех, кто выступает против государя, народа и родины (Leg. Vis. II, 1, 8). В число этих преступников включались как мятежники, так и беглецы в чужие страны. Этот закон имел и обратную силу: его действие распространялось до времени правления короля Хинтилы. Закон в какой-то степени подвел итог начальному этапу правления Хиндасвинта. Вероятно, к этому времени он окончательно утвердил свою власть.

Как и предыдущие короли, Хиндасвинт стремился опереться на церковь. Более того, являясь узурпатором, он пытался (и с успехом) использовать церковный авторитет для оправдания и обоснования захвата власти и самой своей власти. В то же время Хиндасвинт не допускал возвышения церкви над королевской властью. Он даже издал закон, резко ограничивающий право на церковное убежище преступника; так, подлежал каре убийца, даже если он сумел бежать в церковь (Leg. Vis. VI, 5, 16). Церковь вообще была для короля лишь одним, хотя и очень важным, орудием его власти[37], и он не колебался вмешиваться в ее дела. Большое значение имела, естественно, столичная кафедра. И когда в 646 г. умер толедский митрополит Евгений I, король обратился с письмом к цезаравгустанскому епископу Бравлиону с пожеланием, чтобы тот отпустил своего архидиакона Евгения, дабы тот занял толедскую кафедру. К этому времени Бравлион был самым авторитетным клириком

[36] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 163; *Diesner H.-J.* Politik... S. 34; *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 199.

[37] *Claude D.* Chindasvinth // RLGA. Bd. 4. S. 462.

королевства[38] и активным сторонником Хиндасвинта. Но сам он уже был слишком стар и полуслеп, чтобы самому занять пост митрополита столицы, и Хиндасвинт рассчитывал на его ближайшего сотрудника, уверенный, что тот всегда будет его поддерживать. И хотя Бравлион попытался было не отпустить в Толедо своего верного сотрудника, король настоял на своем, ясно давая понять, что пожелание короля равносильно приказу[39]. В обмене письмами с Бравлионом, как в значительной степени и в своих законах, Хиндасвинт выдвигает концепцию божественности своей власти. Именно он, король, является главным вестником Бога и стоит не только между Всевышним и светской аристократией, но и между Ним и церковью[40]. Фактически он утверждает концепцию монархии милостью Божией. Этим Хиндасвинт продолжает линию, определенную Леувигильдом. Тот в своем внешнем виде, в наличии трона, в особом монархическом ритуале сравнивал себя с императором. Хиндасвинт завершил это сравнение: он перенес на испанскую почву позднеримскую и византийскую концепцию монарха, своим троном обязанным только Богу и только перед Ним ответственного.

Венцом этой деятельности Хиндасвинта должен был, по его мнению, стать очередной общегосударственный собор. И в 646 г. он созвал в Толедо этот собор, на котором впервые официально в качестве полноправных участников (а не только наблюдателей) присутствовали и светские чины его двора. Это еще больше увеличило роль соборов как высокой политической инстанции, занявшей свое место в системе управления государством. Хотя решения собора утверждались королем, само принятие церковным собором решений по светским вопросам ставило соборы почти на равную ступень с монархом. И отношения между ним и церковью определялись конкретной ситуацией и личными качества государя, силой и крепостью его власти. При Хиндасвинте королевская власть была сильна как никогда.

Собор полностью оправдал надежды короля. Принятые им постановления шли в русле его политики. В значительной степени они повторяли его законы и даже усиливали их. Фактически повторяя суровый закон 643 г., направленный против мятежников и эмигрантов, соборное постановление прибавляло к светским наказаниям церковное: такой человек предавался анафеме и вплоть до своей смерти отлучался от церкви. И это правило было распространено на всех клириков, включая епископов. Принятие именно этого первого канона и стало главным

[38] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 207.
[39] *Diesner H.-J.* Politik... P. 18–19.
[40] Ibid. S. 19.

результатом деятельности собора[41]. Собор также постановил, что всякая критика короля, откуда бы она ни исходила, в том числе и из церковной среды, является преступлением и наказывается конфискацией половины имущества[42]. Решая, казалось бы, чисто внутрицерковные вопросы, на деле собор, однако, исходил из политических соображений. Так, резко выступая против плохо образованных монахов, собор озаботился не только распространением в монастырях церковной образованности, но и недопущением из-за плохого, как казалось отцам собора, понимания христианских положений выступлений против власти[43]. Одно из соборных постановлений требовало, чтобы епископы мест, близких к Толедо, не меньше одного месяца в году проводили в столице, поскольку король хотел быть уверен в верности не только столицы, но и ее ближайших окрестностей. Собор осудил «жадность» епископов Галлеции. И это ясно говорит о том, что в этой области власть короля все же еще хорошенько не укрепилась[44].

Хотя VII Толедский собор являлся общегосударственным, на нем присутствовал всего 41 епископ, причем всего двое приехали из Тарраконской Испании, и не было ни одного представителя Септимании[45]. Может быть, это свидетельствует о существовании довольно сильной оппозиции Хиндасвинту среди высшей церковной иерархии этих регионов, хотя никаких внешних признаков такой оппозиции не наблюдается.

Хиндасвинт вступил на престол в апреле 641 г. и, по-видимому, довольно скоро начал работу над радикальной трансформацией законодательства. От его имени было издано 65 законов. Это говорит о необычайной интенсивности законотворческой деятельности. До этого времени в королевстве сосуществовали два кодекса, две системы права — римская и вестготская. Последняя, правда, уже испытала огромное влияние первой, но оставалась действенной. Уже до этого некоторые короли принимали законы, уравнивающие всех своих подданных. Были разрешены смешанные браки, что открывало путь к реальному этническому смешению германцев и римлян. Но все же наличие двух кодексов сдерживало этот процесс. Через два года после прихода к власти Хиндасвинт сделал решающий шаг. В 643/644 г. существовавшие ранее кодексы — Бревиарий Алариха для римлян и пересмотренный кодекс Леувигильда для вестготов — были отменены. Вместо них был

[41] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 153.
[42] *Barbero A.* El pensamiento... P. 280–281.
[43] *Diesner H.-J.* Politik... S. 29.
[44] Ibid. P. 28.
[45] *Livermore H. V.* The Origins... P. 214.

создан единый кодекс, включающий 98 законов[46]. Национальное право, таким образом, было заменено территориальным[47]. Хиндасвинт стремился превратить всех жителей королевства в единую массу своих подданных без различия их этнического происхождения. И он этого в значительной степени (хотя и не полностью) добился. Одна юридическая система отныне стала действовать на всей территории Испании и Септимании. Недаром хронист пишет, что Хиндасвинт разрушил готов.

Хиндасвинт при своем приходе к власти, как сказано выше, был уже довольно пожилым человеком. Поэтому за четыре года до своей смерти он предложил избрать королем своего сына Рецесвинта. Формальным поводом для этого послужило письмо все того же Бравлиона, который от своего имени и от имени другого епископа — Евтропия и светского деятеля Цельза[48] просил Хидасвинта приобщить к трону Рецесвинта, который уже вошел в зрелый возраст и может выступить господином и защитником (*Braul.* Ep. 37). Король с удовольствием исполнил эту просьбу. Не исключено, что в это время, в 649 г., действительно возникли какие-то беспорядки или еще что-то, что вызвало опасение сторонников Хиндасвинта, или те предусмотрительно пытались избежать возможной анархии после смерти престарелого короля, но главным было другое: Хидасвинт явно стремился закрепить трон за своей семьей. Власть короля была в тот момент непререкаемой, и Рецесвинт официально становится соправителем отца, а после его смерти единственным королем, находясь на троне 24 года (649–672).

Хиндасвинт умер 30 сентября 653 г. (Epit. Ovet. 40), и Рецесвинт начал свое единоличное правление. В целом он продолжал линию отца. Однако жесткое и даже жестокое правление Хиндасвинта создало в стране напряжение, которое не могло продолжаться долго. Смерть престарелого короля пробудило надежды оппозиции. Ее чувства выразил толедский митрополит Евгений II, тот самый, на назначении которого настоял Хиндасвинт. Теперь он составил эпитафию от имени покойного короля, в которой тот якобы называл себя другом злых, автором преступлений и всегда способным ко всякому злу[49]. И вероятнее всего, в тот же год произошло первое открытое выступление против короля. Его возглавил Фройя, бывший, вероятно, герцогом Тарраконской Ис-

---

[46] Sociétés... P. 283; *King P. D.* King Chindasvind... P. 143–148. Этот первоначальный кодекс не сохранился, но имевшиеся в нем законы перешли в кодекс, изданный его сыном: *Claude D.* Chindasvinth. S. 462.

[47] *King P. D.* Op. cit. P. 156.

[48] Место епископства Евтропия неизвестно. Что касается Цельза, то, возможно, он был герцогом Тарраконской Испании: *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 39, 220.

[49] *Diesner H.-J.* Politik... S. 11; *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 159.

пании[50]. Он привлек на свою сторону васконов и вместе с ними двинулся к Цезаравгусте (Сарагосе). Возможно, Фройя надеялся на поддержку всех тех, кто, оставшись в Испании и Септимании или бежав во Франкское королевство, был обижен Хиндасвинтом. Но реальной поддержки он не получил. Видимо, репрессии Хидасвинта нанесли вестготской знати слишком тяжелый удар. Союзники Фройи васконы своими жестокостями, среди жертв которых было и много клириков[51], восстановили против себя население. Цезаравгуста оказала мятежнику и его союзникам упорное сопротивление. Город стойко выдержал осаду, и это дало возможность Рецесвинту собрать силы и разгромить войска Фройи и васконов под стенами Цезаравгусты (*Taio.* Ep. ad Quir. 2–3).

Хотя мятеж Фройи был подавлен, стало ясно, что существующее в стране напряжение необходимо ослабить. Чрезвычайно популярный в западной части Испании монах Фруктуоз направил Рецесвинту письмо с просьбой проявить милосердие. Это письмо показывало, что и в церкви многие недовольны слишком жесткой политикой покойного Хиндасвинта. Хотя Рецесвинт уже четыре года являлся соправителем отца, он не чувствовал себя столь уверенным, чтобы игнорировать позицию клира. К тому же ему было необходимо получить подтверждение своей власти. Трудно сказать, чем была вызвана эта необходимость. Может быть, само его приобщение к трону было не очень-то законным, а может быть, из-за поднявшей голову оппозиции он счел нужным получить подтверждение королевского звания от церкви. И всего лишь через два с половиной месяца после смерти отца, 16 декабря того же 653 г., он созвал новый собор ad regem confirmandum (для подтверждения королевства)[52].

Этот собор был более представительным, в нем участвовали 60 епископов против 41, присутствовавшего на предыдущем, а также 18 аббатов и 18 членов двора и сам король. Впервые аббаты присутствовали на соборе как отдельная и самостоятельная группа, наряду с епископами и членами двора подписавшими соборные постановления[53]. Рецесвинт прочитал свое послание, в котором утверждал свою преданность вере, как она определена Никейским и другими вселенскими соборами, и, что было особенно важно, заявил, что клятва его отца не прощать мятежников противоречит королевской обязанности милосердия[54]. Это было знаком явного отхода от крайностей политики Хиндасвинта. И собор

---

[50] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 50; *idem.* La historia de España visigoda. P. 165.

[51] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 62–63.

[52] *Livermore H. V.* The Origins... P. 216.

[53] *Orlandis J.* Abades y Consilios en la Hispania visigotica // Los Visigodos. P. 226.

[54] Leges Visigothorum. Hannoverae et Lipsiae, 1902. Supplementa. P. 472–475.

воспринял этот знак. Была объявлена широкая амнистия, преследуемые могли свободно вернуться на родину. Однако возвращения конфискованного имущества при этом не предусматривалось: это имущество отныне считалось собственностью не короля, а короны. Сам Рецесвинт и его потомки могли наследовать только то имущество, которое Хиндасвинт имел до своего восшествия на престол, а все то, что он приобрел после этого, переходило в казну, и им мог распоряжаться тот король, который будет находиться на троне, независимо от его происхождения. В силу этого постановления Рецесвинт издал специальный закон, в силу которого имущество, перешедшее к королю, начиная со времени короля Свинтиллы, т. е. при жизни ныне живущих, отныне становилось собственностью фиска, и король может им свободно распоряжаться, но не как собственник, а как глава государства (Leg. Vis. II, 1, 6). Это было важным шагом в развитии вестготской государственности.

Другим важным шагом стало решение собора о наследовании трона. Еще IV и V Толедские соборы принимали решения об избрании короля исключительно среди знатных готов. Теперь это положение было уточнено: что в случае смерти короля новый должен был избираться как можно скорее в столице или в месте, где король умрет, с согласия епископов и высших дворцовых чинов[55]. Этим постановлением участники собора, как им казалось, «убивали двух зайцев». С одной стороны, они подтверждали принцип избирательной (а не наследственной) монархии, а с другой — ставили преграду мятежам и узурпациям.

Главной заслугой Рецесвинта стало продолжение законодательной деятельности отца. В этом деле его активным помощником был Бравлион, как уже сказано, один из самых образованных и почитаемых церковных иерархов Испании, к тому же связанный дружескими узами с Рецесвинтом. Именно влиянию Бравлиона новый кодекс обязан своим стройным видом, делением на части, титулы и главы, всеохватывающим характером[56]. Он, несомненно, ориентировался на кодекс Феодосия, хотя и далеко не повторял его. Характерно, что в то время уже существовал кодекс Юстиниана, гораздо более совершенный и полный свод римского права, но вестготские короли, как, впрочем, и другие европейские государи того времени, на него совершенно не обращали никакого внимания[57]. Бравлион не дожил до введения нового кодекса в жизнь. Он умер в 651 г. уже глубоким стариком, но работа продолжалась. И в декабре 653 г., созвав VIII Толедский собор,

[55] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 197.
[56] Ibid. P. 157.
[57] Sociétés... P. 281.

король представил ему новый свод законов. А вскоре после собора в 654 г. этот кодекс был официально опубликован. В него был включен специальный закон, запрещающий пользоваться римскими или какими-либо другими законами, кроме данного кодекса (Leg. Vis. II, 1, 10).

Кодекс включал в себя законы Хиндасвинта, 89 новых законов Рецесвинта и в качестве Antiqua те положения старых законов, которые были действенны и в нынешнее время, в основном законы Леувигильда[58]. Это был так называемый Liber iudiciorum (Книга судей), который стал основой и гораздо более позднего законодательства и многие положения которого сохраняли свою силу много веков уже после крушения вестготского королевства. Конечно, законодательное творчество на этом не остановилось. Новое время и новые обстоятельства требовали новых законов, и они включались в Liber iudiciorum в качестве новелл, дополняя имеющиеся там статьи. Позже этот кодекс в целом был значительно пересмотрен, но его характер остался прежним. Теперь с утверждением единой юридической системы, единого права королевство можно считать единым государством.

Новый кодекс, как уже говорилось, в значительной степени ориентировался на римское право с его утверждением первенства закона над всеми другими соображениями. Первая книга кодекса включала два титула: о законодателе, т. е. о самом короле, и о законе. И здесь утверждалось, что король в своей юридической деятельности должен руководствоваться не рассуждениями и не обсуждениями, а исключительно правом. Сам же закон определяется как исходящий от Бога, связанный с религией, как создатель права, основатель добрых нравов, охватывающий и юность, и старость. При всей демагогии, какая свойственная всем подобным документам, речь явно идет о первенстве права и письменного закона. Почти два с половиной века назад Атаульф жаловался, что его соплеменники не знают права. Теперь первенство последнего торжественно утверждается, и это лучше всего показывает путь, пройденный вестготами за это время.

Введение территориального законодательства в принципе вело к исчезновению этнических перегородок и полному слиянию обоих этносов в единый, внутри которого идет уже деление по экономическому, социальному, политическому принципу, но не по национальному. Однако на деле положение было более сложным. Уже само по себе наличие в законах формулировок типа «будь то гот или римлянин»

[58] Поскольку Леувигильд был арианином и остался в памяти католиков как их гонитель, его имя в законах не было названо ни разу, как, впрочем, и других арианских королей.

говорит о сохранении обеих групп населения и хорошем знании, кто — гот, а кто — римлянин. Да и короли вовсе не стремились к уничтожению привилегий вестготов. Их целью было упрощение судопроизводства и укрепление собственной власти. Для этого, в частности, они и ограничивали права рабовладельцев, рассматривая убийство ими рабов как проступок и стремясь заменить расправу над рабами преданием их королевскому суду (Leg. Vis. II, 2, 7; 9). По этому пути пошел и Рецесвинт. Специальным законом он запретил господам калечить раба или рабыню, вырывать у них язык, обрезать нос, отрубать ноги или иным образом наносить им вред без приговора суда (Leg. Vis. VI, 5, 13). В силу этих законов король и его суд становились над хозяевами рабов. Учитывая, что большинство рабовладельцев было римлянами, это наносило удар последним.

Прежние rectores провинций, преимущественно римляне, остались, но практически почти все властные полномочия в провинциях и на местах перешли к герцогам (duces) и графам (comites), которыми были в основном вестготы, хотя иногда до этих постов добирались и наиболее верные королю римляне. Непосредственное окружение королей состояло также в большой степени из германцев, и введенное в правило присутствие на соборах в качестве равноправных участников высших сановников двора должно было усилить германский элемент этих соборов и не дать им превратиться в римский противовес власти вестготских королей. Да и среди епископов была значительная доля вестготов. Во всяком случае процент готов среди епископов был гораздо больше, чем среди населения государства, составив 40–45 %[59]. Даже в Бетике, где вестготы почти не жили, больше 27 % епископов были готами[60]. Это явно было результатом целенаправленной политики королей. Вестготские короли все же не очень доверяли подчиненному испано-римскому и галло-римскому населению, даже его светской и церковной знати. В результате на соборах, начиная с VIII в., большинство принадлежало германцам. Еще в 636 г. V Толедский собор постановил, что королем может быть избран только гот. Таким образом, этнический характер высшей власти в Испании и Септимании сохранялся. И все же огромный шаг к слиянию народностей был сделан.

Возможно, промульгация нового единого кодекса вызвала все же недовольство части вестготской знати. Хроника (Cont. Hisp. 47) под 675 г. сообщает об окончании 18 лет смятений и убийств. Следовательно, начало этих смут относится приблизительно к 654 г., т. е. как раз к тому

[59] *Hillgarth J. N.* Popular religion in Visigothic Spain // Visigothic Spain. P. 45.
[60] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 290.

году, когда Рецесвинт опубликовал свой свод законов, одобренный недавно VIII Толедским собором. Король, по-видимому, успешно справился с сопротивлением внутри страны, как и с новыми вторжениями васконов.

Отношения Рецесвинта с церковью были далеко не безоблачны. На VIII соборе он был вынужден сделать некоторые уступки. Но дальше отступать был явно не намерен. Хотя в его правление и собирались некоторые соборы, они занимались лишь чисто церковными делами, практически не вмешиваясь в конкретные политические вопросы. Характерно, что на X Толедском соборе в 656 г., вопреки уже установившемуся обычаю, не участвовали ни сам король, ни члены его двора (по крайней мере, их подписей нет под актами собора)[61]. Можно, однако, отметить присутствие будущего короля Вамбы, но его роль свелась лишь к представлению отцам собора завещания св. Мартина, которое иерархи противопоставили такому же акту недавно умершего епископа Рихимира: последний завещал часть имущества Думийской церкви беднякам, а собор, используя завещания Мартина, выступавшего за целостность церковного имущества, завещание Рихимира отменил[62]. Такое игнорирование королевской властью высшей церковной инстанции и необсуждение на соборах политических проблем ясно показывают, что король на тесное сотрудничество с церковью не рассчитывал и сумел удержать ее вдалеке от политики. Инерция усиления королевской власти, начатая Хиндасвинтом, была, видимо, еще столь сильна, что его сын, несмотря на начальные уступки, мог действовать без оглядки на такой могущественный институт, как церковь.

Но все же закрепить трон за свои родом Рецесвинт не смог. Его жена умерла в возрасте 22 лет, и нет никаких сведений ни о другой королеве, ни о детях Рецесвинта[63]. Не исключено, что он умер бездетным. Его то ли двоюродная тетя, то ли, вероятнее, кузина была замужем за Ардабастом и имела сына, который позже станет королем Эрвигием, но в тот момент Эрвигий явно был еще слишком молод, а сам Ардабаст являлся пришельцем: в правление Хиндасвинта он бежал из империи и прибыл в Испанию, где сумел войти в высшие круги местной знати[64]. Но он все же оставался чужаком и рассчитывать на трон не мог.

Деятельность Хиндасвинта и Рецесвинта завершила огромный и очень важный этап истории Испании. Леувигильд объединил почти всю Испа-

---

[61] *Barbero A.* El pensamiento... P. 284.

[62] Ibid. P. 284–285; *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 83, 159.

[63] *Livermore H. V.* The Origins... P. 228.

[64] *Claude D.* Erwig // RLGA. Bd. 7. S. 530.

нию политически, а его преемники завершили его дело[65]. Местные магнаты могли время от времени противопоставлять себя королям и даже свергать их или пытаться это сделать, но политически отделяться от Вестготского королевства и создавать собственные государства они уже более не стремились. Реккаред, приняв католицизм, объединил все свое государство религиозно-идеологически. Уже до этого существовали смешанные браки, легализованные Леувигильдом. Наконец, законы и кодексы Хиндасвинта и Рецесвинта объединили все население королевства в правовом отношении. Объединение Испании (и Септимании) завершилось, хотя, как отмечалось выше, еще не полностью.

Законодательство Хиндасвинта и Рецесвинта оформило новое состояние испано-вестготского общества, каким оно сложилось к середине VII в.

[65] Очень вероятно, что горные племена астуров и особенно васконов практически оставались независимыми, но официально вестготские короли рассматривали их как своих подданных, а их выступления и набеги как мятеж.

Глава XI

ПОСЛЕДНИЕ КОРОЛИ

ВАМБА И ЕГО РЕФОРМЫ

После смерти Рецесвинта различные группировки знати согласились выбрать королем герцога Лузитании Вамбу, человека довольно консервативных взглядов и к тому времени уже прославившегося военными успехами. Через 19 дней после выбора Вамба был торжественно коронован и помазан (*Iul.* Hist. Wamb. 2–4; Chron. reg. Vis. 44), став, по-видимому, первым вестготским королем, чей приход к власти был ознаменован этим обрядом, имитирующим коронации и помазания и ветхозаветных царей, и византийских императоров[1].

Однако выбор Вамбы королем все-таки устроил не всех. Практически сразу после коронации Вамбы против него выступил граф Немавса (Нима) в Септимании Ильдерих, которого поддержали епископ города Магалоны Гумилд и аббат Ранимир. Когда епископ Немавса Арегий отказался поддержать мятежников, те его свергли и поставили на его место Ранимира (*Iul.* Hist. Wamb. 5–6). На подавление мятежа Вамба направил армию во главе с герцогом Павлом. Однако тот не только присоединился к мятежникам, но и возглавил их. Знать Септимании, собравшись в провинциальной столице Нарбонне, избрала Павла королем. Как и другие вестготские короли, он принял дополнительное имя Флавий. Митрополит Нарбонна Аргебад сначала выступил против узурпатора и даже покинул город, но затем все же поддержал его (*Iul.* Hist. Wamb. 7, 21). Септимания практически стала самостоятельным королевством.

Септимания занимала в Вестготском государстве особое место. Официально она именовалась Галлия, и этим названием вестготские короли поддерживали иллюзию своей власти в Галлии вообще. Она была отделена от Испании труднопроходимыми Пиренеями, и испанцы, как ис-

[1] *Barbero A.* El pensamiento... P. 514–515. Может быть, обряд помазания совершался и раньше (ibid. P. 516), но достоверных сведений об этом нет.

пано-римляне, так и вестготы, воспринимали ее как отдельную часть королевства и ее жителей как людей, отличных от испанцев, даже по нравам и бытовым обычаям[2]. Интересен отмеченный исследователями факт, что септиманские епископы порой участвовали не только в испанских, но и в галльских соборах[3]. Будучи пограничной провинцией, она поддерживала связи с франками. В то же время при возникновении каких-либо конфликтов с франками именно Септимания обычно оказывалась ареной первых франкских вторжений и первых столкновений между вестготами и франками. Вестготские короли внимательно следили за положением в этой провинции. И хотя вестготского населения там было немного, ведущее положение и в управлении провинцией, и в ее церковной иерархии занимали готы[4]. Поэтому присоединение Септимании к Павлу поставило Вамбу в трудное положение.

Это положение еще более ухудшилось, когда к Павлу примкнула также Тарраконская Испания, и его активно поддержали васконы (возможно, между Павлом и васконами был заключен союз). Пытался Павел найти поддержку и у франков (*Iul.* Hist. Wamb. 8). Положение Вамбы было тяжелым. Его враги обладали значительной армией, они опирались на сеть хорошо укрепленных городов и крепостей. И в этих трудных обстоятельствах проявилась энергия и военные способности короля. Прежде всего он обрушился на васконов, и всего лишь после семидневной кампании подчинил их (*Iul.* Hist. Wamb. 8–10; Epit. Ovet. 16). Было ли это подчинение действенным или оставалось формальным, в любом случае васконская опасность была ликвидирована[5], и Вамба развязал себе руки для дальнейшей борьбы с мятежником. Разгром васконов и медлительность франков поставили Павла в трудное положение. И он попытался было найти компромисс с Вамбой, предложив тому разделить королевство между ними, предлагая признать его, Павла, королем восточной части, т. е. Септимании и Тарраконской Испании, которые ему уже фактически подчинялись, а Вамбу — государем остального королевства, причем называл он Вамбу королем не готов, а только западной части государства (Epist. Pauli). Это предложение можно рассматривать как первый знак распада государства[6]. Но скорее всего оно было обусловлено тактическими расчетами. Во всяком случае Вамба на предло-

---

[2] *James E.* Septimania... P. 224–225; *Diesner H.-J.* König Wamba und der westgotische Frühfeudalismus // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1969. Bd. 18. S. 8; *Клауде Д.* История вестготов. С. 146.

[3] *James E.* Septimania... P. 226.

[4] Ibid. P. 225.

[5] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 65–66.

[6] *Livermore H. V.* The Origins... P. 232.

жение никак не отреагировал. Он перешел Пиренеи и подчинил примкнувшие к Павлу города Септимании. В сентябре 673 г. в битве около Немавса Павел был разгромлен, и его вожди, включая самого Павла, сдались. По просьбе епископа Аргебада им была сохранена жизнь, но они после публичного процесса были подвергнуты позорному наказанию — декальвации (вырыванию волос) и обращены в рабство, а все их имущество было конфисковано (*Iul.* Hist. Wamb. 10–27; Epit. Ovet. 16). Однако приговор был приведен в исполнение уже в Испании, куда Вамба вместе с войском с торжеством вернулся после победы в Септимании (*Iul.* Hist. Wamb. 30). Видимо, симпатии к Павлу в вестготской части Галлии были все же столь сильны, что король не решился исполнять там свой позорящий мятежников приговор. Мятеж был подавлен. Франки пытались воспользоваться обстоятельствами и вторгнуться в галльские владения готов, но были отбиты. Чтобы не осложнять отношения с Франкским королевством, Вамба освободил всех захваченных в плен франков (*Iul.* Hist. Wamb. 24). Король мог торжествовать.

В то же время военные действия в Септимании показали слабость вестготской армии. Она основывалась на старинном германском принципе всеобщего ополчения, когда каждый свободный боеспособный мужчина в случае необходимости становился воином[7]. Вместе с патроном сражались его сайоны и букцелярии, которых тот снабжал оружием, как это видно еще по законам Эйриха (CCCX, CCCXI). Этот закон вкратце повторил Леувигильд (Leg. Vis. V, 3, 2). Хотя ко времени Вамбы сайоны уже перестали быть воинами, сам принцип участия в военных действиях клиентов знатных патронов сохранялся. По-видимому, сравнительно рано к военной службе стали привлекать и свободных римлян. Но, вероятнее всего, ко времени правления Вамбы свободного населения стало недостаточно для формирования боеспособной армии. К тому же многие готы уклонялись от военной службы[8], а аристократы не желали служить в армии короля, если принадлежали к оппозиционной политической группировке. А с другой стороны, уже давно в Испании существовали целые «частные» армии, состоявшие из людей, зависимых как от светских господ, так и от церкви[9]. И эти армии надо было включить в общее войско государства. Вскоре после подчинения Септимании, 1 ноября 673 г., Вамба издал «военный закон» (Leg. Vis. IX, 2, 8). Согласно этому закону воинская повинность распространялась на всех жителей

[7] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 275–276.

[8] *Diesner H.-J.* Westgotische und langobardische Gefolgschaften... P. 17.

[9] *Pérez Sánchez D.* Defensa y territorio en la sociedad peninsular hispana durante la antigüedad tardía // SHHA. 1998. Vol. 16. P. 296–299.

королевства. При первом известии о вторжении врагов или в случае внутренних волнений каждый епископ, герцог, граф, тиуфад, викарий, гардинг или любой человек, которому это поручено, должен тотчас составить войско, и все должны явиться по его приказу или непосредственно на театр военных действий, или в место, расположенное от него не более чем на 100 миль. При этом защищать родину, народ, монарха или его наследников должны все жители королевства независимо от того, к какой «партии» они принадлежат. Это положение имело целью сплотить страну и не дать возможности уклониться от участия во внешней или гражданской войне под предлогом принадлежности к противной группировке. Отныне в армии должны были служить и клирики, имевшие землю и рабов, во главе со своими епископами, а рабовладельцы должны были являться в армию со своими рабами[10]. Последнее положение противоречило и германским, и римским принципам и являлось несомненной новацией Вамбы. Устанавливалось правило, согласно которому рабовладелец должен был привести с собой в армию 10% своих рабов. Поскольку существовали мелкие рабовладельцы, обладавшие всего двумя или тремя рабами, то ясно, что основная тяжесть нового закона ложилась на крупных собственников[11]. Именно их отряды стали составлять основную часть вестготской армии. А это вело к тому, что в рамках единого войска появляются по существу частные воинские части, подчиняющиеся не столько общему военному командиру, сколько своему господину. В первый момент это усилило армию, но в перспективе вело к ее развалу.

Закон Вамбы предусматривал суровые наказания для ослушников: для высших чинов церкви и знати — вечное изгнание и конфискация всего имущества, для лиц более низкого положения — фактическое лишение гражданских прав и даже превращение в рабов фиска. Особенно суровые наказания предусматривались в случае уклонения от подавления внутреннего мятежа. Только официально засвидетельствованная болезнь могла освободить человека от воинской обязанности, но и в этом случае больной должен был направить в армию своих слуг, вооружив их за свой счет. Это вызвало недовольство. Многие аристократы были недовольны самим фактом привлечения их рабов к военной службе, ибо это отвлекало рабов от работ на господина. В церкви многие были

---

[10] Непосредственно в законе Вамбы рабы не упоминались. Однако в законе следующего короля Эрвигия (IX, 2, 9) прямо говорится об обязанности рабовладельца привести в армию десятую часть своих рабов. Поскольку закон Эрвигия был направлен на смягчение ряда положений закона Вамбы, то делается вывод, что Вамба распространил воинскую повинность и на рабов (*Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 173).

[11] *Diesner H.-J.* Westgotische und langobardische Gefolgschaften... S. 16–17.

возмущены привлечением клириков к военной службе; недаром на созванном Вамбой соборе были приняты специальные постановления, направленные на ликвидацию разногласий внутри церкви[12]. Недовольство Вамбой ширилось. Король принял активные меры против недовольных. Начались довольно жестокие репрессии. Если верить преемнику Вамбы Эрвигию, то во всех пределах Испании были беспорядки и чуть ли не половина знати была лишена своего благородного положения, а число свободных людей более низкого происхождения так уменьшилось, что порой стало невозможным на местах привлечь достаточное количество свидетелей на судебных сходках[13]. Разумеется, это преувеличение[14], но сам факт беспорядков и репрессий, жертвами которых становились не только вельможи, но и рядовое население, несомненен.

Но Вамба репрессиями не ограничился. С одной стороны, теряя в значительной степени поддержку знати, он попытался такую поддержку найти в других слоях. Его преемник Эрвигий заявил на церковном соборе о необходимости запретить использовать рабов на придворной службе (palatina officia)[15]. Учитывая открытую полемику Эрвигия со своим предшественником, можно не сомневаться, что именно Вамба активно использовал рабов и отпущенников фиска в центральном правительственном аппарате[16], идя по стопам Хиндасвинта. Как и тот, он, вероятно, стремился создать слой людей, лично ему преданных, которых он мог бы противопоставить старой знати. С другой стороны, Вамба пытался противопоставить недовольной светской знати церковь, хотя и в церкви многие были королем недовольны, поскольку «военный закон» фактически лишал церковников многих их привилегий. С этой целью Вамба увеличивал количество епископств, уменьшая тем самым власть местных магнатов и пытаясь создать из местных епископов себе опору.

Королю была важна поддержка не только епископов на местах, но и митрополита столицы — Толедо. Хотя официально Толедо был митрополией только Карфагенской провинции, реально его митрополит играл роль главы испанской (и септиманской) церкви, хотя легализовано такое положение было уже при преемнике Вамбы. Город Толедо вообще был предметом особых забот Вамбы. Он перестроил его, не только украсив, но и заново укрепив, стремясь сделать его неприступным для возможных

[12] *Idem*. König Wamba... S. 13.
[13] Leges Visigothorum. P. 475–476.
[14] *Diesner H.-J.* König Wamba... S. 12–13.
[15] Leges Visigothorum. P. 478.
[16] Ср.: *Diesner H. J.* König Wamba... P. 14.

врагов, в том числе (и, вероятно, в особенности) врагов внутренних. Сам город и его новые укрепления он поставил под покровительство святых мучеников, обезопасив тем самым свою столицу (и себя) не только укреплениями, но и покровительством святых (Cont. Hisp. 46). Демонстративная набожность Вамбы проявилась и в его чеканке: на монетах появляется крест, который иногда увенчивает голову короля[17].

Считая свою власть достаточно укрепившейся и желая санкционировать это укрепление, Вамба в 675 г. созвал XI Толедский собор. Целью его было провозглашение избавления страны от терзавших ее смут и убийств в течение 18 лет, т. е. в правления Рецесвинта и самого Вамбы. И за эти 18 лет собор не созывался. Сам созыв собора можно было рассматривать как определенную уступку иерархам. Созывая этот собор, на котором присутствовали епископы и некоторые аббаты Испании и Галлии (т. е. Септимании), Вамба в том же году разрешил созвать в Бракаре отдельный собор Галлеции. Это не случайно. Вамба был чуть ли не единственным представителем светской знати, присутствовавшим на X Толедском соборе, и на нем, как уже говорилось, он выступал против завещания епископа Рихимира и противопоставил ему завещание святого Мартина, дабы обеспечить целостность церковных владений и имуществ. Таким образом, уже тогда установилась связь Вамбы с галлецийской церковью, и король явно рассчитывал на ее поддержку. Видимо, не имея все же прочной опоры в церковных кругах Испании и Септимании, Вамба стремился противопоставить друг другу две части церкви, более опираясь на церковь Галлеции. Впрочем, оба собора занимались преимущественно чисто богословскими и внутрицерковными вопросами, в частности, решительно выступив против практики покупки и продажи епископских постов и ограничивая имущественные притязания епископов. Характерно, что ни на том, ни на другом соборе не присутствовали светские вельможи[18]. Как в свое время говорилось, реальные взаимоотношения королевской власти и церкви в лице прежде всего собора определялись главным образом реальной ситуацией. Власть Вамбы была столь сильна, что он мог действовать без особой оглядки на церковные круги, отдавая созывом Толедского и Бракарского соборов в какой-то степени лишь дань уважения церкви, но в то же время противопоставляя друг другу две группы иерархов и тем самым ослабляя их влияние.

Вскоре после этого собора, в декабре того же 675 г., им были одновременно изданы два закона (Leg. Vis. IV, 5, 6; 7), ограничивавшие всевластие епископов. Один из них запрещал епископам захватывать

[17] *Hillgarth J. N.* Popular Religion... P. 9.
[18] *Barbero A.* El pensamiento... P. 285–286.

сельские церкви и монастыри, которые либо включались в имущество епископской церкви, либо передавались другим лицам, связанным с епископами; закон не только запрещал впредь такие операции, но и распространялся на те, которые были совершены в течение последних 30 лет. Другой закон фактически уменьшал число людей, зависимых от церкви, и требовал, чтобы дети от браков церковных отпущенников со свободными становились королевскими рабами, а имущество таких пар в случае отсутствия законных наследников переходило не церкви, а королю. Ясной целью этих законов было, с одной стороны, ограничение всевластия епископов на местах, а с другой — пополнение королевской казны.

Вамба принял меры и в установлении финансовой дисциплины. Издавна в Вестготском королевстве существовало множество монетных дворов[19]. И хотя все они считались королевскими и выпускали деньги по единому стандарту, само их множество делало контроль короля над денежной эмиссией довольно затруднительным. Вамба решительно сократил их количество. Права чеканить монету был лишен Нарбонн, видимо, в наказание за поддержку Павла, бывший единственным монетным двором Септимании, а в Испании право выпускать деньги было предоставлено только провинциальным столицам, включая, естественно, Толедо[20]. Это было несомненным знаком и следствием значительного укрепления власти короля.

Как и Хиндасвинт, Вамба ставил своей целью максимальное укрепление королевской власти, что можно было сделать только за счет ограничения могущества знати. Но если Хиндасвинт сумел использовать церковь как одно из орудий достижения этой цели, то Вамба оттолкнул от себя и ее. И это скоро сказалось на судьбе самого короля.

В январе 680 г. умер митрополит Толедо Квирик, занимавший этот пост в течение 13 лет и явно вполне короля устраивающий, и его преемником стал Юлиан. Это была довольно интересная фигура. Он был потомком иудеев, обращенных в христианство, учился в епископальной школе в Толедо, где был учеником епископа Евгения, и сделал блестящую церковную карьеру. Прекрасно по тем временам образованный, Юлиан был и писателем, написавшим позже «Историю Вамбы», в которой в лице этого короля представил образ идеального монарха[21]. Но пока что Юлиан оказался не только в центре придворных интриг, но и фактически

---

[19] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 114–118.

[20] *Livermore H. V.* The Origins... P. 237.

[21] *Garcia Lopez Y.* La cronologia de "Historia Wambae" // Anuario de estudios medievales. 1993. An. 23. P. 128–129, 136; *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 174–175.

если не инициатором, то одним из самых активных участников заговора против Вамбы.

Централизаторская политика Вамбы, его стремление укрепить королевскую власть вызвали недовольство и светской, и духовной знати. Это недовольство вылилось в заговор. В октябре 680 г. заговорщики воспользовались болезнью Вамбы. Как рассказывает более поздняя так называемая Хроника Альфонса III (3), они напоили отваром наркотической травы больного короля, и когда тот впал в беспамятство, совершили над ним обряд пострижения в монахи, предварительно получив от находившегося без памяти короля подпись под назначением преемником Эрвигия. Когда Вамба очнулся, был уже поздно что-либо делать. Он пытался взять назад свое отречение, но аннулировать пострижение было невозможно, и Вамба был сослан в один из монастырей, где и закончил свои дни. А Юлиан провозгласил королем Эрвигия, в ближайшее воскресенье совершив обряд его помазания.

Этот рассказ во всех его подробностях одни исследователи считают вполне достоверным[22], другие достоверность многих деталей отвергают, считая повествование о наркотическом отравлении выдумкой позднего автора[23]. Нет, однако, сомнения, что под видом добровольного отречения короля произошел переворот, и попытка Вамбы вернуться к власти была резко пресечена. Этот переворот стал победой не только одной придворной группировки, но и вообще знати над королевской властью. Вамба оказался последним вестготским королем, который попытался укрепить государство и свою власть за счет светской и духовной знати. И переворот 680 г. означал крах этой попытки[24].

АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ И ЦЕРКОВНАЯ РЕАКЦИЯ. ЭРВИГИЙ

Королем вместо него стал Эрвигий. Отцом Эрвигия был даже не вестгот, а выходец из Византии (может быть, армянин) Ардабаст, который, бежав от императора, прибыл в Испанию и сумел не только войти в высшие круги местной знати, но и жениться на кузине или племяннице Хиндасвинта (Chron. Alf. III, 3)[25]. Таким образом, Эрвигий по отцу был в какой-то степени чужаком, но зато по матери — родственником

[22] Например: *Barbero A.* El pensamiento... P. 288–289.
[23] Например: *Livermore H. V.* The Origins... P. 240.
[24] *García de Cortazar J. A.* La epoca medieval. P. 46–47.
[25] *Claude D.* Erwig. S. 530.

Хиндасвинта и Рецесвинта. В правление Вамбы он достиг положения графа и был связан с Юлианом, который посвятил ему одно из своих теологических сочинений, а теперь помог ему стать королем. Роль Юлиана в этих событиях, вероятно, была решающей. Если следовать букве соборного постановления об избрании короля, то Эрвигий не мог достичь трона, так как по отцу был не готом, а греком. Неизвестно, к каким доводам прибег Юлиан для оправдания назначения Эрвигия, но ясно, что без деятельности толедского митрополита здесь не обошлось. Эрвигий отблагодарил Юлиана: созванный менее чем через три месяца после прихода Эрвигия к власти XII Толедский собор официально признал столичного митрополита примасом испанской (и септиманской) церкви.

Созыв нового собора был необходим и новому королю, и толедскому митрополиту, чтобы легализовать и сакрализировать государственный переворот. Самым старым митрополитом на этом соборе оказался гиспалийский митрополит Юлиан, который поэтому и считался председателем, но реально всей работой собора руководил его тезка из Толедо. В отличие от соборов, созываемых Вамбой, это был общегосударственный, хотя на нем не присутствовало ни одного епископа из Септимании и Тарраконской Испании. Видимо, удар, нанесенный Вамбой в ходе и в результате подавления мятежа Павла, был столь силен, что местные церкви все еще от него не оправились. Зато присутствовали епископы Галлеции, так что ни о каком противопоставлении собственно испанской и галлецийской церквей, как это было при Вамбе, речи не было. Наконец, на соборе снова присутствовали светские вельможи: его акты подписали 15 viri illustres officii palatini. А сам король, как и его предшественники до Вамбы, обратился к собору со специальным посланием. Все подчеркивало, что роль церкви, приниженная Вамбой, восстанавливается в прежнем блеске и значимости.

Союз с церковью подчеркивался ясной антииудейской позицией Эрвигия. Среди тем, поднятых новым королем в своем послании собору, значительное место заняла антииудейская: Эрвигий призвал собор с корнем вырвать иудейскую заразу. Собор с удовольствием откликнулся на этот призыв. Постановления собора и законы Эрвигия требовали обязательного крещения всех евреев под страхом физического наказания, конфискации имущества и изгнания. Тем самым Эрвигий возвращался к мерам, в свое время принятым без издания специального закона Сисебутом и осужденным за свою жестокость Исидором[26]. Испанская церковь всегда занимала жесткую антииудейскую позицию, которая в своих крайностях и своей непримиримости была в какой-то степени исключением

[26] *Дубнов С. М.* История евреев в Европе. С. 55.

в тогдашней Европе[27]. Даже в Септимании, которая была частью Вестготского королевства и подчинялась всем его светским и церковным законам, отношение к евреям было более мягким, и во второй половине VII в. Нарбонн стал убежищем для многих иудеев, бежавших или изгнанных из Испании, что вызывало возмущение испанских иерархов, в том числе Юлиана Толедского[28]. За все время существования Вестготского королевства было принято не менее 45 различных антииудейских постановлений[29]. И те короли, которые стремились к получению активной поддержки церкви, занимали резкую антииудейскую позицию. Хиндасвинт и Вамба, не отменяя никаких законов, направленных против иудеев, тем не менее особенно им и не следовали. Правда, поскольку нарбоннские евреи активно поддержали Павла, Вамба изгнал их из Нарбонна[30], но вскоре местная община возродилась[31], может быть с молчаливого согласия или во всяком случае при невмешательстве короля. Эрвигий же с самого начала выступил не только за восстановление всех прежних ограничений и преследований, но и за их ужесточение. Едва ли можно сомневаться, что за его спиной стоял Юлиан[32]; сам потомок крещенных евреев, он с особым рвением выступал против иудеев и иудаизма, и ведя с ним идейную борьбу, и используя всю силу церковной и королевской власти. Практически был принят курс на насильственное крещение евреев. Забегая вперед, надо сказать, что он был еще более усилен при преемнике Эрвигия Эгике, и в результате этих мер началось массовое бегство евреев из Испании, в том числе в Северную Африку, в то время уже все более подпадавшую под власть арабов[33]. Существует предположение, что довольно влиятельная иудейская община мусульманской Испании не связана с евреями вестготского времени, а состояла из потомков перешедших в иудаизм берберов, которые вместе с мусульманами (арабами и берберами) пришли в Испанию в VIII в.[34].

XII Толедский собор полностью поддержал нового короля и решительно пресек все попытки вернуться к власти прежнего монарха. Было принято специальное постановление, что тот, кто принял епитимью

[27] Sociétés... P. 147.

[28] *James E.* Septimania... P. 224.

[29] *Yerez Rieso J. L.* Tolerancia... P. 98.

[30] *Diesner H.-J.* König Wamba. P. 11.

[31] *Дубнов С. М.* История евреев в Европе. С. 54.

[32] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 180.

[33] *Дубнов С. М.* История евреев в Европе. С. 61.

[34] *Sivan H.* The Invisible Jews... P. 380–381. Однако активная помощь местных евреев арабским завоевателям, о чем пойдет речь позже, предполагает, что какая-то часть иудеев все же осталась в Испании.

(и, соответственно, стал монахом), не может больше воевать, что подразумевало и невозможность находиться на троне. Не входя в детали отречения и пострижения Вамбы, собор признал совершенно соответствующим церковным установлениям возведение на трон Эрвигия. И послание Эрвигия, и вся деятельность собора были пронизаны отрицанием деятельности Вамбы и осуждением ряда аспектов его правления. Король призвал участников собора исправить некоторые существующие законы, причем в первую очередь имелся в виду военный закон, вызывавший столь значительную вражду и в церкви, и среди светской знати. Собор с энтузиазмом поддержал это предложение. Выступил собор также против новых епископств, созданных Вамбой, поскольку, как утверждалось в одном из соборных постановлений, это противоречило декретам предков. Впрочем, реально это коснулось только епископа Куниульда, но и тот был не лишен сана, а вскоре переведен на ставшую вакантной кафедру в Италике около Гиспалиса[35]. Иерархи явно не были заинтересованы в создании очага напряжения в недрах церкви.

Получив полную поддержку собора, Эрвигий обратился к законодательству, и его основной целью стал пересмотр суровых норм прежних законов и особенно «военного закона». Уже 21 октября 681 г. был введен в действие пересмотренный кодекс, в котором новую редакцию получили 84 закона, в том числе, конечно, и «военный закон». В последнем были смягчены наказания за уклонение от военной службы, а главное — в нем отсутствовали всякие упоминания о епископах; церковь, таким образом, возвращала себе привилегии, отнятые Вамбой. Зато была расширена последняя XII книга кодекса, содержащая законы против иудеев. Новые законы были вставлены и в другие книги кодекса. Такая огромная работа едва ли могла быть проведена всего лишь за год, прошедший со времени свержения Вамбы. Поэтому можно думать, что какая-то ее часть уже совершалась или, по крайней мере, обдумывалась и до этого события. И это, как кажется, подтверждает существование заговора против Вамбы: заговорщики, и в том числе Юлиан, уже заранее намечали основные направления деятельности будущего короля. В новом кодексе было повторено старое запрещение пользоваться какими-либо законами, в данный кодекс не вошедшими. Вся законодательная деятельность Эрвигия, на которого огромное влияние оказывал Юлиан, должна была показать, что возвращения к централизаторской и в большой мере антиаристократической политике Вамбы не будет. Фактически пересмотренный кодекс закреплял победу светской и церковной знати над монархией[36].

---

[35] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 110.

[36] *García de Cortazar J. A.* La epoca medieval. P. 47.

Менее чем через три года, в декабре 683 г., Эрвигий созвал XIII собор. На этот раз на соборе присутствовали епископы из всех провинций, а также 26 высших чинов двора. Уже одно это должно было продемонстрировать сплочение церкви и светской аристократии вокруг короля, а сам собор — подтвердить курс нового правительства. Обращаясь с посланием к нему, король снова поднял вопрос о репрессиях Вамбы. Он предлагал не только полностью амнистировать его жертвы, но и вернуть им конфискованное имущество. Однако собор решил несколько иначе. Он согласился с предложением Эрвигия о прощении бывших мятежников и рекомендовал королю освободить их от рабства, восстановить им все права, в том числе право свидетельствовать на суде в соответствии с их достоинством, но отказался вернуть им ту часть их бывшего имущества, которую король в свое время передал другим лицам в собственность или в качестве жалования. Зато собор принял решение не ограничиться бывшими участниками мятежа Павла, а распространить амнистию на всех лиц, преследовавшихся королевской властью вплоть до правления Хиндасвинта[37]. Цель соборного постановления ясна: сплотить знать и не допустить впредь никакого королевского произвола.

В этом же направлении шло постановление о невозможности лишать высших чинов двора и церкви их достоинства, жизни, здоровья и имущества без суда. В соответствии с этим постановлением Эрвигий и издал в том же 683 г. закон, согласно которому епископ, придворный или гардинг мог быть смещен, арестован, подвергнут пытке и лишен имущества только по приговору суда, состоявшего из равных ему людей (Leg. Vis. XII, 1, 3)[38]. Прощая все недоимки по налогам, начиная с одного года, предшествующего воцарению Эрвигия, собор, с одной стороны, признавал невозможность сбора налогов в требуемом королем объеме, а с другой — не только освобождал свободных крестьян или горожан от их задолженности перед королем, но и шел навстречу желаниям крупных землевладельцев, которые должны были платить налоги за зависимых от них людей. Как уже говорилось, Вамба по примеру Хиндасвинта пытался опереться на своих отпущенников и даже рабов, давая им те или иные должности при дворе. Собор решительно выступил против этой практики, фактически лишив короля собственной опоры, которую он мог бы противопоставить знати.

Положение же в стране становилось все тяжелее. Испанию не раз посещали голод и нашествие саранчи[39]. Очень сильный голод почти

---

[37] *Barbero A.* El pensamiento... P. 292–293.

[38] Этот закон иногда называют вестготским Habeas corpus act: *Claude D.* Erwig. S. 531.

[39] *Garcia Moreno L. A.* El campesino hispanovisigodo entre bajos rendimientos y catastrofes naturales // Los Visigodos. P. 174–178.

опустошил Испанию в правление Эрвигия (Cont. Hisp. 49). Упомянутое выше прощение недоимок свидетельствовало о невозможности собрать все необходимые налоги, и королевской власти приходилось с этим мириться. Страна обезлюдевала. Огромное значение имело резкое сокращение свободных людей. Сам Эрвигий жаловался на то, что только половина его подданных может свидетельствовать в суде и что есть целые деревни и небольшие виллы, которые не могут выставить на судоговорение ни одного свидетеля. Зато резко усиливаются магнаты. Опираясь на свои довольно большие владения и собственных подданных, они, с одной стороны, все более противопоставляли себя королю и противились любым попыткам последнего укрепить свою власть, а с другой — стремились укрепить собственную власть над зависимыми от них людьми. И король шел им навстречу. В новой редакции старого закона Леувигильда говорилось, что отпущенник или отпущенница в течение всей своей жизни не может уйти от своего господина или госпожи под страхом потери всего имущества (Leg. Vis. V, 7, 13). Этим законом отпущенники практически полностью прикреплялись к своему патрону. Эрвигий резко выступал против самой мысли о возможности равенства знатного человека с отпущенником, а тем более с рабом. Выражал ли он в данном случае свою собственную точку зрения или аристократический идеал[40], совершенно неважно. Важно, что король решительно проводил эту точку зрения в жизнь.

Союз с церковью играл огромную роль в политике Эрвигия. Он всячески стремился показать свое благочестие и свою роль защитника веры. На его монетах, как и монетах Вамбы, появляется крест, который король держит, а на некоторых монетах крест увенчивает голову Эрвигия[41]. В его правление церковь приобретает большое значение. Дело дошло до того, что в ноябре 684 г. вопреки обыкновению Юлиан по собственной инициативе созывает в Толедо XIV собор. Хотя официально этот собор не был общегосударственным, на нем присутствовали представители всех митрополитов королевства. Поводом для его созыва послужило обращение папы Льва II, который просил испанских епископов поддержать решения III Константинопольского собора, осудившего монофелитство. Это послание папы прибыло в Испанию уже в момент закрытия XIII Толедского собора, так что тот рассмотреть поставленный вопрос не мог. XIV собор, походивший, естественно, под председательством Юлиана, действительно занимался только религиозными проблемами, поддержав, в частности, в соответствии с просьбой папы решения

[40] *Claude D.* Freedmen in the Visigothic Kingdom // Visigothic Spain. P. 180.
[41] *Hillgath J. N.* Popular Religion... P. 9; *Collins R.* Merida and Toledo. P. 205.

III Константинопольского собора. Но главное было в другом: Юлиан и его сторонники показали себя самостоятельной силой, могущей не считаться с королем.

Это не могло не беспокоить короля. Представлять Эрвигия лишь марионеткой в руках светской и церковной знати, конечно, неправильно. Он, как и Вамба, стремился к укреплению монархии, но пытался достичь этого иным способом: не противопоставлять себя этим силам, а опереться на них. С этой целью Эрвигий стремился сплотить знать. Несмотря на фактическое свержение Вамбы, его клан оставался одним из могущественных, и сам бывший король еще был жив и мог причинить Эрвигию неприятности. И король принял меры. Он выдал свою дочь Циксило за родственника (по-видимому, племянника) Вамбы Эгику (Chron. Alf. III, 4)[42]. Хотя точная дата этого события неизвестна, оно явно произошло в первые годы правления Эрвигия[43]. А это означает, что он уже с самого начала попытался найти путь соглашения с родственниками и сторонниками Вамбы. Одновременно Эрвигий стремился обезопасить свою фамилию от возможных преследований. Он добился от XIII собора принятия специальных постановлений о неприкосновенности жизни и имущества всех потомков короля (и их потомков) и о недопустимости принуждения королевской вдовы к новому браку[44]. К концу своего правления Эрвигий назвал именно Эгику, а не кого-либо из своих сыновей, своим преемником, взяв с него клятву охранять его сыновей и дочерей и защищать их права. Видимо, положение короля осложнилось, и ему было необходимо обеспечить себе поддержку все еще могущественного клана Вамбы, а своим детям и вдове сохранение их социального и имущественного положения[45]. Эгика потом скажет о многочисленных конфискациях, процессах и лишениях должности, какие происходили в последние годы царствования Эрвигия[46]. Вероятно, все же полностью своих целей политика короля не достигла. Если самостоятельный созыв Юлианом XIV Толедского собора ясно говорит о фактической независимости церкви, то репрессии против знати сви-

---

[42] *Valvierde Castro M. R.* La monarquia visigoda... P. 351.

[43] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 253. Основанием для такого утверждения является то, что сын Эгики Витица в 700 г. был уже достаточно взрослым, чтобы быть помазанным в качестве короля. Однако существует мнение, что Витица мог быть сыном Эгики от более раннего брака (*Livermore H. V.* The Origins... P. 246). Собственно говоря, доказательств ни для той, ни для другой точки зрения нет. Но общая обстановка говорит скорее о ранней свадьбе Эгики и Циксило.

[44] *Barbero A.* El pensamiento... P. 294–295.

[45] *Valvierde Castro M. R.* La monarquia visigoda... P. 351.

[46] Leges Visigothorum. P. 480.

детельствуют, что добиться сплочения вокруг себя всей светской знати Эрвигий также не смог. Более того, клан Вамбы, по-видимому, оказался столь сильным, что навязал королю кандидатуру его преемника.

ЗАКАТ ВЕСТГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Эрвигий умер 15 ноября 687 г. Перед смертью он официально назвал Эгику своим преемником, взяв с него в дополнение к прежней клятве еще клятву оберегать всех подданных и относиться ко всем справедливо. Смысл этой клятвы не совсем понятен; может быть, Эрвигий подразумевал продолжение своей политики сплочения знати вокруг короля. В так называемом «Испанском продолжении» (53) говорится, что Эгика получил высшую власть для защиты королевства готов. Связано ли это с внутренними волнениями, о которых свидетельствуют те репрессии, к которым, как было сказано, прибег Эрвигий в конце своего царствования, или с внешними осложнениями, сказать трудно. Хроника Альфонса III (3) говорит о нападении на Испанию большого мусульманского флота в правление Эрвигия. Нападение было отбито, но ясной стала новая опасность. Арабы к этому времени вытеснили византийцев из Северной Африки и подчинили ее власти халифа. Их нападение на Европу становилось вопросом времени.

В самый день смерти Эрвигия собравшаяся вокруг его ложа знать провозгласила Эгику королем. Через девять дней Юлиан помазал Эгику на царство (Chron. reg. Vis. Cont. 49–50). Обычно помазание происходило в ближайшее воскресенье, которое в том году падало на 17 ноября. Задержка могла быть связана с переговорами, которые Эгика вел с некоторыми чинами двора и церкви, в том числе с Юлианом[47]. Если это так, то вполне возможно, что был достигнут какой-то компромисс между сторонниками покойного короля, включая Юлиана, и новой «партией».

Вскоре после своего вступления на трон Эгика созвал XV Толедский собор, и уже в своем послании ему противопоставил себя своему предшественнику. Воздав покойному королю все словесные почести, Эгика говорил о его незаконных репрессиях и произволе, а затем поставил перед собравшимися прелатами вопрос: какую из двух клятв, какие он дал Эрвигию, ему следует выполнять, ибо, по его словам, они противоречат друг другу. По-видимому, какая-то, и, может быть весьма значительная, часть имущества, конфискованного Эрвигием в ходе его

[47] *Livermore H. V.* The Origins... P. 246–247.

репрессий, перешла непосредственно к королю и его семье, так что интересы детей и вдовы Эрвигия противоречили «справедливости», как ее понимали Эгика и его сторонники. И собор, как и предвидел Эгика, решил освободить его от клятвы защищать интересы вдовы и детей Эрвигия ради осуществления справедливости по отношению ко всему народу[48]. Но Эгика этим не ограничился. Он добился принятия собором специального постановления, согласно которому никто не мог насильно заставить вдовствующую королеву выйти замуж или совершить прелюбодеяние. Хотя внешне это выглядело как защита королевы и ее чести, на деле это должно было лишить кого-либо надежды достичь трона путем брака или связи с вдовой бывшего короля. А через три года III Цезаравгустанский собор постановил, чтобы вдова короля снимала с себя светскую одежду и уходила в монастырь сразу же после смерти супруга[49]. Какие-либо претензии вдовствующей королевы на политическую роль и попытки клана Эрвигия вернуть себе в том или ином виде власть, таким образом, были заранее пресечены.

Для всех вестготских королей, начиная, по крайней мере, с Хиндасвинта, важнейшим вопросом становятся отношения со знатью. Последняя укрепилось в процессе феодализации государства и могла противопоставлять себя центральной власти. Короли, с одной стороны, делали шаги ей навстречу, а с другой — стремились сурово подавлять всяческие попытки заговоров и мятежей. Не стало исключением и правление Эгики. На III Цезаравгустанском соборе по настоянию короля было принято постановление, по которому возвращалась свобода тем церковным отпущенникам, которые были освобождены без специальной грамоты и на этом основании новыми епископами снова обращались в рабство[50]. Постановление явно было направлено против произвола епископов и на ограничение их личного богатства[51]. И это не могло не вызвать недовольство значительной части церковных верхов. К ним вполне могли присоединиться и сторонники покойного Эрвигия, теперь вытесненные с первого плана. В какое-то время до весны 693 г. в Толедо возник заговор, направленный против короля. В нем приняли активное участие высшие чины королевского двора, в том числе близкие семье Эрвигия. Чрезвычайно опасным для Эгики стало то, что в этом заговоре принял участие, а может быть, и возглавил его толедский митрополит Сисиберт,

---

[48] *Barbero A.* El pensamiento... P. 295–296.

[49] *Valvierde Castro M. R.* La monarquia visigoda... P. 351; *Barbero A.* El pensamiento... P. 297. Хотя этот собор собрался не в столице, но созван он был по прямому приказу короля и имел общегосударственное значение: *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 259.

[50] *Barbero A.* El pensamiento... P. 297.

[51] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 183.

к тому времени сменивший умершего Юлиана. В результате вполне могла повториться история со свержением Вамбы[52]. Однако заговор был раскрыт. Участие в нем примаса всей испанской церкви являлось очень грозным знаком. Эгика принял решительные меры. Сисиберт был смещен со своего поста и заменен гиспалийским митрополитом Феликсом, которого, в свою очередь, заменил в Гиспалисе митрополит Бракары Фаустин, замененный епископом Портукале Феликсом. Такое неприкрытое вмешательство в церковные дела, особенно смещение толедского митрополита, могло вызвать новое напряжение в отношениях короля и церкви, что могло грозить непредвиденными последствиями. Чтобы избежать такого поворота событий, Эгика решил созвать новый собор и легализовать, уже с церковной точки зрения, все эти перемещения.

XVI Толедский собор был созван в мае 693 г., и присутствующие на нем иерархи представляли все провинции королевства. Собор оправдал ожидания короля, узаконив смещение Сисиберта, обвинив его в намерении не только свергнуть короля, но и лишить его жизни. Но ни Эгика, ни собор этим решением не ограничились. И в королевском послании собору, и в решениях самого собора утверждалось, что король принимает свой трон от Бога, так что выступление против него оказывалось не только государственным преступлением, но и греховным вызовом самому Богу. Было решено, что любой человек, злоумышляющий против короля или поднявший в пределах Испании мятеж, независимо от его достоинства и статуса, будет лишен своего имущества и он сам, и все его потомки никогда не смогут занять никакой придворной должности. Специально было оговорено, что действенны все законы, которые издавали Хиндасвинт и Вамба. Решение явно было направлено против знати и церковных верхов, против влияния которых в свое время боролись эти короли[53]. Говоря о своих Божественной памяти предшественниках, Эгика называет тех же Хиндасвинта и Вамбу, умалчивая и о Рецесвинте, и, что было особенно важно в данном контексте, Эрвигия. Зато Эрвигий, более любимый церковной и светской знатью, подвергся новым нападкам. Эгика предложил пересмотреть ряд законов Эрвигия и дополнить кодекс новыми законодательными актами. По настоянию короля собор принял постановление, направленное на защиту имущества местных сельских церквей от посягательств епископов. Эгика

[52] Впоследствии заговорщики были обвинены в стремлении не только лишить Эгику трона, но и убить его. Но в какой степени это обвинение было справедливо, сказать, разумеется, невозможно.

[53] *Barbero A.* El pensamiento... 297–298.

явно хотел опереться на низший клир для ограничения могущества высших иерархов. И собору пришлось с этим согласиться. Чтобы все-таки не рвать слишком явно с верхушкой церкви, Эгика предложил вернуться к антииудейской политике, которая как будто была оставлена в первые годы его правления. И собор принял постановления, направленные не только на возобновление уже существующего, но на практике, вероятно, не применявшегося законодательства, но и на дальнейшее ограничение прав иудеев и возможностей осуществлять ими как религиозную, так и экономическую деятельность; так, отныне они имели право торговать только со своими единоверцами и коллективно отвечали за уплату специального налога[54]. Такими суровыми мерами против иудеев Эгика надеялся добиться активной поддержки церкви.

В деятельности этого собора, как и предыдущего, активно участвовали высшие чины двора. Однако в их персональном составе по сравнению с XV собором, состоявшимся всего пять лет назад, произошли важные изменения. Из 16 viri illustres, подписавших акты этого собора, только четверо присутствовали на XV соборе, да еще двое — на более раннем, а десять человек появились в качестве высших чинов государства впервые[55]. Это несомненно говорит о «чистке», произведенной Эгикой в высшем эшелоне власти, возможно, в связи с раскрытием заговора Сисиберта. Этот заговор был не единственным выступлением против Эгики. На соборе упоминалось и о других мятежниках, выступавших против короля, в том числе в Септимании, где они призвали себе на помощь франков.

Во Франкском королевстве в это время произошли важные изменения. Меровинги, формально остававшиеся на троне, фактически никакого участия в управлении уже не принимали. Реальная власть сосредоточилась в руках мажордомов, и их соперничество в огромной степени определяло политическую историю этого государства. Мажордом Австразии Пипин Геристальский в 687 г. разгромил своего соперника мажордома Нейстрии Гислемара и фактически объединил под своей властью все Франкское королевство. Теперь оно снова превращалось в серьезного врага на северной границе Вестготского королевства. И это делало союз оппозиционной знати с франками еще более опасным для короля. И до нас дошли сведения о каких-то военных столкновениях вестготов с франками. Возможно, это было связано с подавлением мятежа в Септимании.

---

[54] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 261.

[55] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 185.

Подавление всех этих мятежей и раскрытие заговоров укрепили власть Эгики. Возможно, с целью еще более укрепить свое положение и положение своей семьи всего лишь через полтора года после XVI Эгика созвал XVII собор. На нем было принято специальное постановление о защите королевского потомства: указывалось, что если королева Циксило останется вдовой и будет иметь счастливое потомство, то никто не сможет принуждать ее сыновей и дочерей стать монахами и они смогут свободно распоряжаться отцовским имуществом[56]. А в качестве новой уступки церкви Эгика предложил принять новые антииудейские меры, обвинив евреев в заговоре против государства и в поддержке ими мусульман, воюющих с христианами. Меры, предложенные королем были столь суровы, что собравшиеся прелаты даже предпочли их несколько смягчить: если Эгика предлагал всех «заговорщиков» безжалостно казнить, то собор постановил необходимым лишить их всего имущества и вместе со всеми семьями изгнать из Испании. Некоторое исключение было сделано для иудеев Септимании.

На этом соборе королева Циксило называлась «славной госпожой» (gloriosa domina). Однако есть сведения, что Эгика развелся с ней, причем инициатором развода называют все еще живого (хотя и живущего в монастыре) бывшего короля Вамбу[57]. Очень может быть, что вскоре после XVII Толедского собора, когда фактически была ликвидирована всякая оппозиция, Эгика решил нанести новый удар по клану покойного Эрвигия. Был ли к этому времени Вамба действительно жив, сказать трудно, но, видимо, инициатива этого акта исходила от его сторонников и родственников. Развод с дочерью Эрвигия должен был закрепить разгром этого соперничающего клана.

Приблизительно тогда же, в 694 г., Эгика назначил своим соправителем своего сына Витицу (Cont. Hisp. 58)[58]. И оформлено это было как избрание Витицы королем[59]. Казалось, повторялась ситуация с назначением Хиндасвинтом своего сына Рецесвинта соправителем. Но в том случае инициатором, по крайней мере внешне, выступали представители знати и церковной иерархии. Ни о чем подобном в данном случае сведений нет. Акт Эгики являлся недвусмысленным указанием на желание короля обеспечить королевское достоинство за своим домом. Существует еще одно важное различие между поступками Хиндасвинта

---

[56] *Barbero A.* El pensamiento... P. 300.

[57] По данным Хроники Альфонса III (3), Вамба жил в монастыре семь лет. В таком случае он, конечно, уже не мог быть инициатором развода Эгики с дочерью Эрвигия, если, конечно, такое решение не было принято много раньше.

[58] Chronique VII: 1998–2002 // REA. 2005. T. 107. P. 393.

[59] *Isla Frez A.* Consideraciones sobre la monarquia astur // Hispania. 1995. Vol. LV. P. 161.

и Эгики. Витица, став соправителем отца, не остался в Толедо. Он был послан в Галлецию (Ep. Ovet. 16), так что, по словам Хроники Альфонса III (5), отец имел королевство готов, а сын — свевов. Свевское королевство уже давно не существовало, и речь, конечно, шла не о его восстановлении, а о передаче управления его бывшей территории соправителю и наследнику вестготского трона. На деле произошло разделение королевства на две части.

Эгика сурово преследовал всех своих подлинных и воображаемых врагов. Изгнания, конфискации, большие штрафы, а то и смерть обрушивались на головы аристократов (Cont. Hisp. 53). Наряду со стремлением предохранить свою власть от возможных попыток узурпаций этими мерами Эгика преследовал и другую цель — пополнить казну. Экономическое положение Вестготского королевства ухудшилось. Это ясно видно из ухудшения монеты, в которой к золоту все больше прибавляется серебро[60]. Несколько лет подряд отмечаются плохие урожаи, что в условиях и так очень низкой урожайности вело к голоду, повышению смертности[61] и как следствие к возросшей нужде в рабочей силе, особенно в крупных светских и церковных имениях. Это послужило толчком к стремлению знати еще больше усилить зависимость от себя отпущенников и не допустить бегства рабов. Идя навстречу этим стремлениям и желая таким образом умилостивить обиженную им аристократию, Эгика ввел закон, согласно которому вольноотпущенник и его потомки отныне оставались в полном подчинении не только своего бывшего хозяина, но и его потомков в течение трех поколений под страхом лишения свободы (Leg. Vis. V, 7, 20). Одновременно был издан суровый закон о наказании сбежавших рабов, и сама суровость закона говорит о слабости королевской власти.

Сам Эгика был уже в довольно преклонным возрасте и вскоре, видимо, вернул сына ко двору[62], так что разделение королевства на две части продержалось недолго. 24 ноября 700 г. Витица получил священное помазание и стал не только на словах, но и на деле соправителем отца. Это, по-видимому, вызвало недовольство какой-то части знати, в том числе придворной. Вероятнее всего, в 702 г. в Толедо вспыхнул мятеж, и герцог Суинифред был провозглашен королем. Эгика (может быть, вместе с сыном) бежал в Кордубу. Там, чтобы привлечь на свою сторону знать, он издал закон о беглых рабах и тех, кто помогал беглецам

---

[60] *Livermore H. V.* The Origins... P. 257.

[61] *Garcia Moreno L. A.* El campesino hispanovisigodo... P. 181.

[62] Хроника Альфонса III (6) сообщает, что Витица вернулся в Толедо только после смерти Эгики, но это более позднее сообщение противоречит более ранним сведениям.

(Leg. Vis. IX, 1, 21). Этот закон увеличивал наказания не только самим беглым рабам, но и тем, кто не доносил сразу же на появление подозрительного чужака, и вводил круговую поруку за бегство раба, прием его в другом месте и недонесение о таких фактах. Сам этот закон, в значительной степени повторяющий прежние положения, свидетельствует о социальном напряжении и неудаче всех попыток королевской власти остановить бегство рабов[63], но в данном случае он преследовал еще и вполне определенную политическую цель — привлечь знать и сплотить ее вокруг себя для ликвидации узурпации Суинифреда. Тот даже успел наладить в столице выпуск собственной монеты. Тем не менее мятеж был подавлен в том же году[64]. И в том же году Эгика умер, и Витица стал самостоятельным королем. В условиях, возникших после подавления мятежа Суинифреда воцарение Витицы не вызвало никаких возражений.

Витица в целом продолжал курс своего отца. Однако мятеж Суинифреда, несмотря на его подавление, заставило Витицу изменить тактику. С одной стороны, он смягчил суровые меры Эгики. Была объявлена всеобщая амнистия, давшая возможность изгнанникам вернуться на родину. Амнистированным возвращалось их имущество и их подданные. Многим было дано возмещение из королевской казны (Cont. Hisp. 59). Возможно, речь шла о сторонниках Эрвигия, а может быть, даже противниках Вамбы, которые столь сурово преследовались Эгикой[65]. Это привело к некоторому сплочению знати вокруг короля. Может быть, курсом на такое сплочение обусловлен и созыв Витицей в 704 г. XVIII Толедского собора[66]. Однако с другой стороны, Витица, как и его отец, стремился укрепить свою власть, что в конце концов привело его к столкновениям с той же знатью. Результатом стало возникновение нескольких заговоров. Один из них возглавил герцог Кордубы Теудофред, другой — Пелайо (Пелагий). Еще отец Пелайо Фафила вступил в конфликт с Витицей. Возможно, что Фафила к этому времени был довольно опытным деятелем, и не исключено, что каким-то родственником короля, так что Эгика мог послать его в Галлецию в качестве помощника или некоего опекуна Витицы. Последний, однако, не собирался считаться с таким помощником, а тем более каким-либо образом подчиняться ему. Это, видимо, и стало причиной конфликта, в результате

---

[63] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 248–249.

[64] Ibid. P. 188; *Carcia Moreno L.* Prosopografia... P. 77; *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 265.

[65] *Livermore H. V.* The Origins... P. 260.

[66] Впрочем, говорить что-либо конкретное об этом соборе невозможно, так как его акты не сохранились.

которого Витица убил Фафилу[67]. Теперь сын выступил мстителем за отца. Правда, оба заговора провалились. Теудофред был ослеплен, а Пелайо изгнан на север страны в Астурию (*Sil.* Chron. 15; Ep. Ovet. 16).

Витица умер в 709 г. Он, как и его отец, намеревался передать трон своему сыну, явно полагая, что его согласительная политика даст свои плоды и не сделает возведение его на трон трудным делом. Однако он ошибся. Действительно, некоторая часть знати выступила за избрание королем сына Витицы. Его явно поддержал брат покойного короля епископ Оппа. Возможно, что и митрополит Толедо Синдеред, бывший верным сторонником Витицы[68], также выступил в его поддержку. Но большая часть вестготской аристократии решительно выступила против него. В условиях смуты королем был избран герцог Бетики или Лузитании Родриго (Рудерих) (Cont. Hisp. 68)[69]. И возможно, что Синдереду, поскольку он остался в Толедо, пришлось помазать Родриго (Chron. Alf. III 5, 2)[70].

Положение нового короля было тяжелым. Уже несколько лет страну охватывали неурожаи и голод. Это явно не давало возможности полноценно собирать налоги. К этому времени материальной основой королевской власти практически становится уже не экономика страны, а личные богатства короля. Но имел ли Родриго достаточно богатств, неизвестно. Мы не знаем его родственных связей. Предполагается, что он был внуком Хиндасвинта[71]. Об этом сообщает Хроника Альфонса III (5, 1), говоря, что его отец Теудефред был сыном Хиндасвинта, которого отец якобы бросил еще в младенчестве. Это — явно сказочная деталь, целью которой было узаконить власть последнего легитимного вестготского короля в глазах подданных астурийского короля уже в совершенно новых условиях[72]. В арабских же источниках прямо говорится, что он не был королевского рода[73]. После избрания Родриго резко обострилось внутриполитическое положение. Сыновья Витицы

---

[67] *Livermore H. V.* The Origins... P. 258; *Isla Frez A.* Consideraciones... P. 155–156.

[68] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 123.

[69] Есть предположение, что Родриго сверг Витицу (*Valverde Castro M. R.* La monarquia visigoda. P. 352). Но такой вывод, как кажется, не вытекает из данных источников.

[70] *Livermore H. V.* The Origins... P. 262.

[71] *Клауде Д.* История вестготов. С. 341.

[72] *Bonnaz Y.* Commentaire // Chroniques asturiennes. Paris, 1987. P. 131. Ср. P. 115, где в генеалогической таблице Родриго оказывается внуком Хиндасвинта не по отцу, а по матери.

[73] *Sánchez Albornos C.* La España musulmana. Madrid, 1978. P. 47. Несколько позже (p. 48) арабский автор приводит аналогичное заявление сыновей Витицы, так что можно полагать, что эти данные восходят к противникам Родриго. Однако едва ли даже ярые враги короля могли делать такие заявления, если бы было известно о происхождении Родриго от Хиндасвинта.

не признали его выбора, вместе с матерью они бежали из столицы и попытались организовать борьбу с новым королем на северо-востоке Испании. Вместе с ними туда отправилась и часть готской знати, в том числе их опекуны Реквизинд и Вайязинд[74]. Их, по-видимому, поддержала и знать Септимании. Витица оставил своим сыновьям хорошее наследство: позже, когда эти сыновья заключили союз с арабами, те оставили в их владении 3 тысячи имений в виде компенсации за отказ от трона[75]. Эти богатства вполне могли стать материальной основой сопротивления. Все же войска сыновей Витицы и их сторонников были разгромлены армией Родриго. Полностью уничтожить своего соперника последний, однако, не смог. Вполне вероятно, что между королем и его соперниками был заключен какой-то договор. Семья Витицы все-таки признала Родриго королем, но за это сохранила свое богатств и свои позиции в обществе.

Тот факт, что Витица не сумел навязать избрание королем своего сына, и обстоятельства избрания Родриго показали резкое ослабление королевской власти. Хотя в гражданской войне король одержал победу, само ее возникновение и ее результат стали новыми показателями этого ослабления: ведь, с одной стороны, избрание короля не остановило недовольных, поднявших оружие ради достижения чисто личных целей, а с другой, король был вынужден примириться с мятежниками, явно не имея сил окончательно их сломить. Ни та, ни другая сторона не имели сил для полной победы и были вынуждены пойти на компромисс, оказавшийся, как показали дальнейшие события, лишь временным. Участвовали ли в этой войне другие магнаты, неизвестно. Но нет сомнения, что в это время роль местных магнатов выросла. Как до правления Леувигильда в ряде мест власть фактически принадлежала «seniores loci», так и теперь появляются такие фактически независимые правители отдельных областей. Одним из них был Теудемир, под властью которого находилась обширная область на юго-востоке Пиренейского полуострова[76]. Он владел не только имениями, но и городами и, располагая собственной армией, действовал совершенно самостоятельно. Когда в 698 г. на это побережье Испании пытался высадиться византийский флот, Теудемир, не дожидаясь ни приказа, ни поддержки короля, своими силами отбил это неожиданное нападение (Chron. Pac. 38).

---

[74] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 70.

[75] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 137.

[76] После того как Теодемир признал власть арабского халифа и взамен сохранил за собой власть почти над всеми своими владениями, целая большая область на юго-востоке Пиренейского полуострова получила (несколько арабизированное) название Тудмир.

Возможно, что именно в связи с этой гражданской войной Родриго пришлось отправиться на север для новой войны с васконами[77]. Не исключено, что или васконы оказали поддержку сторонникам Витицы, или просто воспользовались обстоятельствами для новой вылазки за пределы своей территории. Королевская армия осадила Пампелон. Однако эту кампанию Родриго пришлось срочно прервать. В самый разгар военных действий он получил известие о вторжении в Испанию нового врага — арабов.

Глава XII

ОБЩЕСТВО

Варварские вторжения и связанный с ними политический хаос, несомненно, повлияли на экономическую и социальную ситуацию в Испании. Однако преувеличивать их воздействие все же не стоит. Для христианских писателей V в., в том числе для Сальвиана и Идация, были характерны апокалиптические настроения, и это, разумеется, повлияло на их видение событий и их последствий. Конечно, факты, сообщаемые тем же Идацием, нельзя подвергать сомнению, но автор явно подчеркивал одну сторону событий, мало обращая внимание на другую. К тому же, как об этом уже говорилось, вторжения, грабежи, разрушения охватывали далеко не весь Пиренейский полуостров, и ихhbc влияние на различные его территории было разным. Во всяком случае после установления относительной политической стабильности началось восстановление и мирной жизни во всех ее аспектах.

РИМСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Как говорилось в соответствующей главе, для Поздней империи характерно сосуществование четырех социально-экономических укладов, причем решающую роль играли отношения, сложившиеся внутри крупнособственнического уклада, и Испания в этом от остальной империи не отличалась. Во время завоеваний испанские магнаты порой пытались организовать сопротивление, как это было, например, в Тарраконской Испании. Но характерно, что значительную роль в вестготском завоевании этой провинции сыграл местный аристократ Винцентий. Олисипон сдал свевам глава этого города Лусидий. Епископ Эмериты активно сотрудничал с вестготским герцогом Саллой. Это ясно говорит о переходе, по крайней мере, части испанской знати на сторону завоевателей[1].

[1] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 77–78; *Schwarz A.* Senatorische Heeresführer im Westgothenreich im 5. Jh. // La noblesse roimaine et les chefs barbares du IIIe au VIIIe siècle. Paris, 1995. P. 51–52.

Монетные дворы на территории Испании в вестготскую эпоху

Богатые имения испанских латифундистов, как и земли фиска, казалось бы, должны были более всего привлекать варваров. Действительно, некоторые виллы были разрушены и оставлены. Но все же, как показывают и археологические раскопки, и скудные письменные данные, многие виллы продолжали существовать[2].

В виллах могли происходить те или иные внутренние изменения. Часто значительная часть построек перестраивается ради создания местной церкви. Так, например, произошло в вилле «Эль Сауседо», где в конце V — начале VI в. на месте части помещений воздвигается базилика[3], но сама вилла, как подчеркивают археологи, сохранилась. Подобные явления отмечаются и в других виллах[4]. По крайней мере, некоторые виллы, видимо, укрепляются. «Хроника» Иоанна Бикларского (а. 572, 584), рассказывая о войнах Леувигильда, упоминает кастеллы и связанных с ними сельчан. Поскольку речь идет о Бетике, где не было вестготов, то эти кастеллы могли быть только поселениями местного населения. Исидор Севильский (Etym. V, 2, 11) называет кастеллы наряду с виками и пагами мелкими поселениями, не украшенными достоинством города, населенными простым народом и из-за своей малости приписанными к большим общинам. В принципе эти сведения могли отражать положение, существовавшее в римскую эпоху, тем более что известия о римских виках и пагах до нас дошли. Но то, что Иоанн Бикларский упоминает кастеллы, говорит об их наличии во второй половине V в. Едва ли крестьяне, которые, несомненно, еще сохранялись в Испании, имели возможности создать в Бетике свои укрепления. Поэтому гораздо вероятнее, что эти кастеллы — не что иное, как укрепленные виллы, а населявшие их rustici — зависимые от магнатов люди[5]. Хозяева всех этих вилл, пережив «смутное время», сохранились не только в виде отдельных индивидуумов, но и как класс[6]. И даже само по

---

[2] Например,: *Garcia* y *Bellido A.* Dos «villae rusticae» romanas recientamente excavadas // AEArq. 1953. Vol. 26. P. 207–212; *Agular Saenz A.* Excavaciones arqueologicas en la villa romana de «Sevillana» // Extremadura II. 1995. P. 456; *Sasse B.*, *Castello Ruano R.*, *Ramos Sainz M. L.* Las placas de cinturon «multiple» hispanovisigodos // AEArq. 1995. Vol. 68. P. 165–166, 184–186; *Rodríguez Martín F. G.*, *Quiroga J. L.*, *Lovelle M.*, *Jepure A.* Fíbula aquiloforme tipo "Cloisonné" de la vlla romana de Torre Áquila // MM. 2000. Bd. 41. S. 401.

[3] *Bendala Galan M.*, *Castelo Romano R.*, *Arribas Dominguez R.* La villa romana de «El Saucedo» // MM. 1998. Bd. 39. S. 306–308.

[4] *Arribas Dominguez R.* Los modelos arquitectonicos de culto cristiano en el ambito rural lusitano // V Reunion. P. 104–105.

[5] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 529–530. В свое время Орозий (VII, 40, 6) называл rusticani тех зависимых людей, которых Дидим и Вериниан наряду с рабами вооружили для борьбы с узурпатором.

[6] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 225–226; *Kulikowski M.* Late Roman Spain. P. 298–303.

себе оставление и в ряде случаев разрушение вилл не означало крушение латифундий. В период варварских вторжений многие латифундисты предпочитали укрыться в местных укреплениях (castella), о которых, как упоминалось, говорил Идаций, или за стенами городов, покидая свои сельские владения на произвол судьбы[7]. А позже они, или вернувшись, или, может быть чаще, оставаясь в городе, восстанавливали свою власть. Правда, при этом те, кто жил в городе, сами не занимались хозяйством, ограничиваясь получением ренты[8]. Но какая-то часть могла и сама хозяйствовать. Один из законов Хиндасвинта предусматривает, что̀ имение, как и в римское время, могло делиться на часть, переданную в пекулий рабам, и собственно господскую (Leg. Vis. V, 4, 13). Многие из испано-римских магнатов обладали значительным богатством. В связи с этим надо вспомнить жену Тевдиса, богатства которой дали будущему королю возможность создать собственную армию в 2 тысячи человек. Косвенные данные позволяют говорить, что владения этой дамы находились где-то в районе Толедо[9], т. е. на краю области непосредственного расселения вестготов. Позже знатный римлянин Клавдий располагал огромной массой зависимых людей, с которыми он пришел на помощь епископу Массоне[10]. Более того, фактическое крушение римской власти и сравнительная на первых порах слабость власти германских королей позволяла местным магнатам увеличить свое влияние на окружающее население[11]. В некоторых случаях, особенно в более удаленных районах, пока королевская власть не особенно укрепилась, магнаты могли достигать значительного могущества[12]. Таким был некий Аспидий, владения которого находились в Арегенских горах[13] и которого Иоанн Бикларский (а. 575) называет «господином этого места» (senior loci). Леувигильду пришлось вести с ним настоящую войну, после которой король не только восстановил (или, может быть, лучше — установил) там свою власть, но и захватил значительные богатства.

---

[7] *Diaz P. C.* Propiedad y explotacion de la tierra en la Lusitania tardoantigua // SHHA. 1992–93. Vol. X–XI. P. 298.

[8] *Ariño Gil E., Riera i Mora S., Rodriguez Hernandez J.* De Roma al medievo // Zephyrus. 2002. Vol. LV. P. 307.

[9] *Kulikowski M.* Late Roman Spain. P. 265.

[10] *Pérez Sánchez D.* Defensa... P. 297.

[11] *Diaz P. C.* Propiedad... P. 298.

[12] *Martin Viso I.* La articulacion del poder en la Cuenca del Duero: el ejemplo del espacio zamorano (siglos VI–X) // Anuario de estudios medievales. 2001. An. 31, 1. P. 85.

[13] Арегенские горы находились где-то в районе современных провинций Леон и Оренсе (*Garcia Moreno L. A.* Prosoipografia... P. 35), т. е. практически между Вестготским и Свевским королевствами. Именно такое положение явно и способствовало сохранению местным «сеньором» фактической независимости.

Уже говорилось, что Южная Испания долгое время практически оставалась независимой. Поэтому неудивительно, что там местное магнатство долго сохраняло свои позиции. Надписи свидетельствуют о существовании в Бетике «сенаторов», носящих римские титулы illustres, clarissmi[14]. Таким были некая Паула из Гиспалиса или Александрия и ее сын Проб[15]. Эта знать была достаточно богата и сильна, чтобы с помощью своих частных отрядов оказывать сопротивление вестготским королям[16]. Однако сведения о таких магнатах не ограничиваются Бетикой. Они известны и из Лузитании, особенно из Эмериты[17], и даже из Кантабрии, как это видно из «Жития св. Эмилиана»[18]. Один из этих «сенаторов» — Сикорий — носил иберское или кельтиберское имя[19], и это ясно говорит о сохранении слоя испанского магнатства даже в этой маргинальной части Испании. Все эти сведения довольно отрывочны, и во многих других частях Пиренейского полуострова они отсутствуют, даже там, где должны были быть, как, например, на средиземноморском побережье[20], но это вполне объяснимо случайностями упоминаний, хотя не исключено, что то сопротивление, которое оказала знать Тарраконской Испании вестготам и ее возможное участие в восстаниях Бурдунела и Петра могли привести если не к полной ликвидации местной римской аристократии, то к весьма значительному подрыву ее политического и экономического значения. С другой стороны, известно, что до византийского завоевания отец Леандра и Исидора знатный испано-римлянин Севериан жил в Карфагенской Испании (может быть, и в самой Картагене), откуда он перебрался в Гиспалис[21]. Следовательно, и на юго-востоке Пиренейского полуострова тоже имелась испано-римская знать. А тот факт, что римские магнаты сохранили свои позиции в столь удаленных друг от друга и столь различных районах, как Бетика и Кантабрия, говорит о повсеместности сохранения этого слоя общества и его заметной роли в социальной и экономической жизни страны.

Этот слой общества резко противопоставлялся остальному населению. Исидор (Etym. X, 184) пишет, что знатный человек (nobilis) отличается от простого (vilis) тем, что известно его имя и его род. И такое

---

[14] Чаще это — женщины (femina illustris, femina clarissima).

[15] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 79.

[16] *Rodriguez Neila J. F.* Historia de Cordoba. P. 533.

[17] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 80–81; *Naf B.* Senatorische Standesbewusstsein in spätromische Zeit. Freiburg Schweiz, 1995. S. 244; *Diaz P. C.* Propiedad... P. 301.

[18] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 189–190.

[19] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 82.

[20] Ibid. S. 83.

[21] *Garcia Moreno L. A.* Prosopografia... P. 91; *Salvador Ventura F.* Reflexiones... P. 71.

Народная керамика V – VI вв.

определение явно навеяно не только римской литературной традицией, но и реальным положением[22], тем более что сам Исидор принадлежал к этой знати. Старое римское деление общества на «почетных» (honestiores) и «низших» (humiliores) полностью сохраняется в вестготской Испании, как об этом свидетельствуют различные вестготские законы.

Что же касается населения, которое Исидор называет «простым», то оно состоит из ряда групп, в том числе и тех, кто выступает в качестве эксплуатируемых в имениях магнатов. Интересные данные по этому поводу дают так называемые «вестготские формулы», являющиеся собранием образцов документов кордубского нотария и отражающие положение в Кордубе и ее окрестностях в первой четверти VII в.[23] Поскольку Кордуба все это время оставалась римским городом, то эти документы свидетельствуют о положении именно в римском секторе общественной и экономической жизни.

Среди них определенное место занимают прекаристы. Это были крестьяне, которые были вынуждены отдать свой участок земли крупному землевладельцу, дабы получить его обратно уже в качестве прекария за ту или иную помощь. Став прекаристом, такой крестьянин обязуется неуклонно выплачивать землевладельцу десятую часть всего полученного на этом участке (Form. Vis. XXXVI, XXXVII). Такой прекарий был широко распространен еще в римское время, но тогда он являлся фак-

[22] *Naf B.* Senatorische Standesbewusstsein... S. 244.
[23] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 214.

тическим отношением без формального обязательства[24]. Теперь же это оформляется специальной грамотой, сопровождаемой клятвой[25]. Обращают на себя внимание еще два момента в такой грамоте. В одном образце говорится, что десятина новому хозяину земли выплачивается по древнему обычаю (secundum priscam consuetudinem), и это явно связывает прекарий вестготского времени с римским. И второй момент: прекарист обещает выплачивать эту часть, как это обычно у колонов. Прекарист, таким образом, приравнивается к колону. Между тем собственно в вестготских законах колоны как таковые не упоминаются[26]. Но зато их упоминает Исидор (Etym. IX, 4, 36), о colonis agrorum говорит II Гиспалийский собор в 619 г., упоминания о них встречаются в законах, относившихся к римскому населению Вестготского королевства. В завещании диакона Винцента упоминаются колоны и рабы вместе с их пекулиями[27]. Наличие колонов во время существования этого королевства едва ли можно подвергнуть сомнению[28], но эта категория зависимого и эксплуатируемого населения относилась исключительно к римским структурам общественной жизни.

В отличие от колонов рабы (servi, mancipia) довольно часто встречаются в законах, относившихся как к готскому, так и к римскому населению. Крушение Западной Римской империи ни в коем случае не привело к исчезновению рабства. Более того, обстановка завоеваний, многочисленных войн, политического хаоса способствовала увеличению числа рабов. Исидор (Hist. 61) прославляет короля Сисебута за то, что тот выкупал у своих воинов рабов, в каковых обращались пленные. Период 500–650 гг. считается временем апогея рабства в варварских государствах[29]. В Вестготской королевстве рабов тоже было довольно много. Десяток рабов считался собственностью относительно бедных хозяев, по крайней мере церковных[30]. Деление всех людей на рабов и свободных считалось само собой разумеющимся. Кроме войн, само экономическое развитие порой вело к распространению рабства. Одна из «вестготских формул» (XXXII) предусматривает возможность самопродажи человека даже вопреки закону. В таком случае человек за энное

---

[24] *Бартошек М.* Римское право. С. 258.

[25] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 95.

[26] Там же. С. 135; *Claude D.* Freedmen in the Visigothic Kingdom. P. 187.

[27] *Corcoran S.* The donation and will of Vincent of Huesca // Antiquite tardive. 2003. T. 11. P. 217.

[28] Ср.: *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 134–141; *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 117–118.

[29] Sociétés... P. 137.

[30] *Клауде Д.* История вестготов. С. 191.

количество солидов продает свой статус и поступает полностью под власть и господство (iure dominioque) господина, который теперь должен защищать нового раба и власть которого определяется старой римской формулой «имеешь, владеешь и властвуешь» (habeas, teneas et possideas). Поскольку это не уникальный документ, а типовой образец, то можно говорить, что такие случаи были далеко не единичными. Эрвигий дополнил старый закон Леувигильда о самопродаже разрешением родственникам выкупить такого раба за ту же сумму (Leg. Vis. V, 4, 10).

Раб считался лишь вещью и не являлся субъектом права. Он мог быть продан, подарен, обменен[31]. Брак раба со свободной женщиной запрещался, и если несмотря на предшествующее троекратное наказание брак сохранялся, жена раба тоже становится рабыней, как и их дети (Leg. Vis. III, 2, 3). В «вестготских формулах» (VIII, IX) дарения церкви или монастырю рабы рассматриваются такой же частью имения, как земля, здания, виноградники, леса и т. д. До законов Хиндасвинта (Leg. Vis. II, 2, 7; 9) раб находился в полной власти своего господина, и только эти законы определили предание в случае совершения преступления раба суду. И только закон Рецесвинта (Leg. Vis. VI, 5, 13) запретил калечить раба.

Это, конечно, не значит, что не происходило никаких изменений в положении рабов. Определенную роль в этом изменении сыграла церковь. Христианство с самого начала в принципе признавало раба личностью и выступало за гуманное отношение к нему. Однако с превращением христианства в господствующую религию это принципиальное положение вступило в противоречие с интересами церкви. И испанские соборы неоднократно выступали за сохранение церковного имущества, и в том числе церковных рабов[32]. Характерно в этом отношении постановление X Толедского собора о завещании епископа Рицимера, который, в частности, отпустил на волю церковных рабов. Собор признал это завещание недействительным, так как оно наносило ущерб местной церкви.

Гораздо большее значение, пожалуй, имела общая эволюция института рабства, которая, впрочем, началась еще в римское время. В VIII «вестготской формуле» раб передается церкви вместе с женой и детьми. В завещании Винцента говорится об освобождении Кампина с женой и сыновьями и Евгения с сыновьями[33]. Следовательно, за рабом уже признается право иметь семью. Существование семьи может обеспечивать пекулий. Он не раз упоминается в вестготских законах. Так, закон

---

[31] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 103.

[32] *Claude D.* Freedmen... P. 167–168.

[33] *Corcoran S.* The donation... P. 220.

Хиндасвнта (Leg. Vis. V, 4, 13) предусматривает продажу раба с пекулием. По другому закону Хиндасвинта (Leg. Vis. X, 1, 17), в случае женитьбы раба на рабыне, принадлежавшей другому господину, владельцами пекулия такой семьи являются оба господина. По-видимому, можно говорить, что в середине VII в. рабы (кроме, разумеется, челяди), как правило, имели пекулий.

На положение рабов могло повлиять еще одно важное обстоятельство. Эпиграфические исследования показали, что в римское время в таких сравнительно далеких друг от друга и весьма отличающихся с точки зрения романизации регионах, как Бетика и Галлеция, подавляющее большинство рабов происходит из других стран Средиземноморья, в том числе и его грекоязычной части, и что, следовательно, покупка на рынке являлась тогда главным источником рабской силы[34]. Ослабление экономических связей со средиземноморским миром, особенно в середине VII в., по-видимому, привело к уменьшению притока рабов извне. В какой-то степени это могло быть компенсировано получением рабов от франков, но все же едва ли полностью. В этих условиях основными источниками рабства становятся внутренние, а это могло изменить взгляд на рабов и, по крайней мере косвенно, повлиять на их положение и отношение к ним общества.

Одновременно все большее значение приобретал отпуск рабов на волю. И здесь опять интересный материал дают «вестготские формулы» (I–VI), показывающие типичное положение дел именно в испано-римской среде. Из них видно, что в этой среде существовали два вида освобождения раба. Один состоял в полном освобождении, когда отпущенник не только становится свободным человеком, но и приобретает полную правовую независимость от своего бывшего господина (IV)[35]. Но гораздо чаще отмечается другой вид: отпущенник, получив свободу, остается под покровительством (in patrocinio) и в подчинении (obsequio) прежнего хозяина. Иногда это подчинение продолжается до смерти того, кто отпускал, после чего отпущенник мог жить где угодно (V), а иногда obsequium сохраняется и после смерти отпустившего (III), что фактически делало прикрепление отпущенника к патрону наследственным. Ранее всего такое прикрепление произошло в церкви. IV Толедский собор признал церковного отпущенника навсегда находящимся под

[34] *Camacho Cruz C.* Esclavitud en los Conventus Cordubensis y Astigitanos // Memorias de historia antigua. XVIII–1997. P. 133–134; *García Martínez S. M.* El fenómeno de la escalvitud en el noroeste hispanorromano según la evidencia epigráfica // Ibid. P. 205.

[35] Согласно закону Сисебута, полную независимость приобретали христианские рабы, которых должны были отпустить на волю иудеи (Leg. Vis. XII, 2, 14). Насколько это было распространено в чисто христианской среде, сказать невозможно.

патроцинием церкви, ибо церковь никогда не умирает[36]. Затем этот процесс был распространен на бывших рабов светских господ, и короли Эгика и Витица во время своего совместного правления, т. е. на рубеже VII–VIII вв., издали закон, по которому отпущенник сохранялся под властью не только самого отпустившего, но и его сыновей и внуков. Столь долгая привязанность к одной семье патрона фактически делала невозможным уход отпущенника и его потомков из-под власти бывшего хозяина.

При освобождении бывшему рабу дается пекулий, который привязывает его к светскому или церковному имению (II, VI). И за него отпущенник платит патрону половину своего дохода (Leg. Vis. V. 7, 13). Размеры выделяемого отпущеннику участка неизвестны и, по-видимому, определялись частным соглашением сторон. Эмеританский епископ Массона выделил своим отпущенникам «маленькие участочки» (exiguae possesianculae) (Vit. Patr. Emer. V, 13, 4). Но могли быть и относительно богатые отпущенники, как некий Елисей, которым специально занимался II Гиспалийский собор[37]. Но в любом случае они подчинялись патрону. Obsequium, который в римское время был лишь обязанностью отпущенника почитать патрона, прежде всего в сфере уголовного или процессуального права[38], теперь превращается в полное подчинение отпущенника патрону и обязанность выполнять все повинности[39]. Уклонение от выполнения обязанностей рассматривалось как неблагодарность (ingrati actio) и наказывалось возвращением в рабство.

Отпущенники представляли собой отдельный слой общества[40]. Так, закон Хиндасвинта о возмещении нанесенного ущерба (Leg. Vis. VI, 4, 3) упоминает три группы людей с разным возмещением за такой ущерб: свободные (idonei), рабы (servi) и отпущенники (liberti), и наказание свободного за ущерб отпущеннику составляет треть того, что претерпел бы отпущенник за нанесение ущерба свободному. В то же время в «вестготских формулах» (I–VI) специально утверждается, что в силу данного документа бывший раб свободным и римским гражданином (ingenuum civemque Romanum). Поэтому можно думать, что закон Хиндасвинта отражает уже новую стадию положения отпущенника, когда подлинно свободным человеком он уже не считается.

Середина VII в. представляется если не переломным моментом, то важным этапом в развитии института отпущенничества и рабства.

---

[36] *Claude D.* Freedmen... P. 169.

[37] Ibid. P. 178.

[38] *Бартошек М.* Римское право. С. 231.

[39] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 124; *Claude D.* Freedmen... P. 183–184.

[40] *Claude D.* Freedmen... P. 162.

Упомянутый закон Хиндасвинта выделяет отпущенников в отдельную юридическую группу, чего, кажется, раньше не было. Но этим изменения не ограничились. Эрвигий, пересматривая закон Хиндасвинта о пытках, которым может быть подвергнут раб или отпущенник, вместо общего понятия libertus выделяет libertus idoneus (достойный отпущенник) и libertus inferior (низкий отпущенник), и за смерть под пыткой невиновного «низкого отпущенника» судья и обвинитель уплачивали лишь половину штрафа, полагающегося за смерть «достойного» (Leg. Vis. VI, 1, 5). И в закон Рецесвинта о наказаниях рабов за похищение отпущенницы вводятся такие понятия, как «достойная отпущенница» (idonea líberta) и «простая» (vilissima); соответственно и рабы делятся на те же две группы (Leg. Vis. III, 3, 9). Какова основа этого деления, сказать трудно. Предполагается, что такой основой могло быть различие в имущественном положении отпущенников[41], а соответственно и рабов. Другой закон Рецесвинта упоминает рабов, которые не были угнетены бедностью (depressi paupertatem non fuerint) (Leg. Vis. II, 4, 10). Следовательно, в середине VII в. существовали рабы, которые имели достаточно имущества, чтобы не считаться бедняками. Так что имущественная дифференциация в среде рабов и отпущенников в это время несомненна. А то, что небедные рабы могли даже свидетельствовать, говорит и о правовом различии двух групп рабов[42]. Не исключено также, что эти группы соответствуют двум категориям свободных, которые существовали в позднем римском праве и сохранились в вестготском. Наличие же юридической дифференциации среди рабов и отпущенников[43] говорит об изменениях в их положении. Учитывая, что юридическое оформление реальной ситуации может запаздывать, появление этой дифференциации надо отнести к середине VII в.

Хотя в вестготскую эпоху в положении рабов, отпущенников и в меньшей мере прекаристов произошли определенные изменения, особенно с середины VII в., сами эти институты были унаследованы из римского времени. И их юридическое положение оформляется в терминах римского права.

Несомненным наследством римского времени является католическая церковь. Хотя первые варварские короли, как свевские, так и вестготские, были арианами, они не преследовали католиков как таковых, католическая церковь пользовалась практически полной свободой, могли даже

---

[41] Ibid. P. 178.

[42] *Клауде Д.* История вестготов. С. 192.

[43] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 126; *Дворецкая И. А.* Западная Европа. С. 237–238.

собираться церковные соборы, правда, только провинциальные[44]. Конечно, во время завоеваний многие церкви претерпели разрушения, но установление относительной стабильности привело и к восстановлению церквей. Те антикатолические преследования, которыми отмечено правления Агилы и Леувигильда, были вызваны чисто политическими причинами. А после обращения вестготов в католицизм церковь вообще превратилась в очень важный структурный элемент испанского общества.

После превращения христианства в государственную религию Римской империи церковь очень скоро превращается в крупного собственника. В 470 г. императоры Лев и Антемий издали специальный закон, по которому церковь могла лишь передать во временное пользование какую-то часть своего имущества, которое затем снова ей возвращалось, и никакой другой вид отчуждения церковного имущества не допускался[45]. Это положение продолжало действовать и в Вестготском королевстве. VIII «вестготская формула» подчеркивает, что имущество, переданное любой церкви, нельзя ни продавать, ни дарить, ни каким-либо другим способом отчуждать. Значение церкви как крупного собственника в это время еще более увеличивается. По разным причинам, политическим, экономическим, набожно-религиозным, многие собственники, не исключая и самих королей, передавали часть своего имущества, а то и все имущество церкви. Четыре «вестготские формулы» (VII–X) предусматривают различные варианты передачи имущества церкви. В социальном плане значительных различий между светским и церковным крупным землевладением не было, и поэтому те отношения, которые существовали в светском секторе крупной собственности, были характерны и для церковного. Когда Леувигильд, явно стремясь нанести удар по своим политическим противникам и внести раскол в католическую церковь, передал собственность одного из своих оппонентов бежавшему из Африки католическому аббату Нанкту, то вместе с нею под власть нового господина и патрона перешли и крестьяне (Vit. patr. Emer. III, 8–12). Характерна реакция крестьян на смену своего господина: они какое-то время вообще о нем ничего не знали и были озабочены лишь тем, сможет ли он их защитить[46]. И все же некоторая разница между светским и церковным землевладением существовала. На землях церкви, кроме рабов, колонов, отпущенников, прекаристов, работали еще и рядовые

---

[44] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 33–35; *Orlandis J.* Época visigoda. P. 81–85.

[45] *Wielig H.* Grundbesitz (rechtgeschichtlich) // Reallexikon für Antike und Christentum. Stuttgart, 1983. Lief. 96. Sp. 1193.

[46] *Pérez Sáncez D.* Sociedad y relaciones de dependencia en la Lusitania tardorromana y visigoda // SHHA. 1992–93. Vol. X–XI. P. 315.

клирики[47]. При этом последние были кровно заинтересованы в увеличении церковного имущества, поскольку получали выгоду от него. В этом отношении интересен один пассаж из «Жития св. Эмилиана» (13): Эмилиан стал тратить часть имущества церкви, пресвитером которой он был, на помощь беднякам, и это вызвало возмущение рядовых клириков, которые пожаловались епископу, а тот так разгневался поступком Эмилиана, что тот был вынужден покинуть церковь и уйти в Кантабрию, став там отшельником[48]. Фактически от имени церкви имуществом распоряжались епископы либо аббаты, которые, однако, не могли этого делать лишь по своему усмотрению. Выше приводилось известие об отмене завещания епископа Рицимера, нанесшего ущерб церковному имуществу. Но епископы сами в большинстве своем выходили из знати и уже поэтому могли иметь и собственное имущество[49], которым они уже распоряжались самостоятельно, как это сделал эмеританский епископ Массона, о чем тоже уже говорилось. Другой эмеританский епископ, Павел, получив наследство излеченного им местного сенатора, превратился в самого богатого собственника Эмериты, чье имущество было много больше, чем имущество местной церкви (Vit. patr. Emer. II, 1–18)[50].

Другим важным элементом римского общества являются города, которые в римское время являлись носителями античного уклада. Вестготские короли почти не основывали новых городов. Известно лишь два города, созданных Леувигильдом — Рекополь и Викториак, и основанный Свинтиллой Олонгик. Все остальные города Испании достались Вестготскому королевству от римского времени. И сами города сохранились. Даже если некоторые из них полностью или частично разрушались во время вторжений, то затем они возрождались[51]. Частично сохранился римский вид городов, в значительной степени они оставались хранителями прежней культуры и центрами социальной жизни[52]. Очень важным было то, что город рассматривался и в большой мере реально оставался хранителем классической античной традиции[53], и вестготские короли, которые, по край-

---

[47] Ibid. P. 317.

[48] *Lomas Salmonte F. J.* Análisis y funcionalidad de la Vita Aemiliani // SHHA. 1998. Vol. 16. P. 259.

[49] *Pèrez Sánchez D.* Algunas considraciones sobre el ceremonial y el poder político en la Mérida visigoda // SHHA. 2002. Vol. 20. P. 250–251.

[50] *Diaz P. C.* Propiedad... P. 301.

[51] *Alba Calzado M., Navareño Mateod A.* Moreira (Mérida) // Vivir las ciudades históricas. Mérida, 2997. P. 59–60.

[52] *Riché P.* Education et culture dans l'Occident barbare VIe–VIIe siècle. Paris, 1995. P. 36, 204.

[53] *Pérez Sánchez D., Rodríguez Gerváz M.* Panegírico y ciudades: tradición y control ideológico en la Antigüedad Tardía // SHHA. 2003. Vol. 21. P. 237.

ней мере начиная с Леувигильда, стремились представить себя наследниками римских императоров, в этом плане покровительствовали городам. Город сохранялся и как центр управления ближайшей округой, которая рассматривалась как territorium или terra данного города[54].

Однако говорить о полной неизменности городов невозможно. В них все же происходят определенные изменения, многие из которых начались еще в позднеримские времена. Во многом это связано с распространением христианства[55]. Многие старые языческие храмы превращаются в церкви. Строятся и новые церкви. Но еще важнее оказывается то, что не только церквами, но и обычными жилыми зданиями застраиваются места старых форумов, театров, цирков, амфитеатров[56]. Изменяются и сами жилища. Место больших домов, ранее характерных не только для самого Рима, но и для провинциальных городов, в том числе испанских, занимают сравнительно небольшие, по-видимому, индивидуальные[57]. Это свидетельствует об изменении самого стиля жизни горожан. Другим важным изменением является сокращение размеров многих городов. Оставленные территории часто замещаются кладбищами. Так, например, в Роде городская жизнь концентрируется вокруг порта, в то время как прежние жилые кварталы превращаются в некрополи. В Эмпорионе оставляются и бывший греческий Неаполь, и римский город, а поселение сосредоточивается на островке, бывшем Палеополе. В Бетике Гиспалис сохранил свое значение важного экономического, политического и культурного центра, но и в нем некрополи занимают уже часть города у самых стен[58]. В некоторых горо-

---

[54] *Key S., Creiguten J., Remesal Rodríguez J.* Celti. Oxford, 2000. P. 209.

[55] Такие изменения происходят во всей Западной Европе: *Cantino Wataghin G.* La topographie chrétienne des villes de l'antiquité tardive (IV–VI siècles) // The Colloquia of the International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Forlí, 1996. P. 9–14.

[56] *Garcia Moreno L. A.* La cristianizacion de la topografia de las ciudades de la Peninsula Iberica durante la Antiguedad tardia // AEArq. 1977–78. V. 50–51. P. 312–315; *Barral i Altet X.* La cristianizacion de la ciudades romanas de Hispania // Extremadura arqueologica – III. 1992. P. 53; *Menchon i Bes J., Macias i Sole J. M., Muñoz Melgur A.* Aproxomacio al proces transformador de la ciutat de Tarraco // Pyrenae. 1994. N 25. P. 227–229; *Riu-Barrera E.* Two Catalan Cities, Barcelona and Tarragona, between the End of the Roman Empire and the 10th Century // The Colloquia... P. 30–31; *Gurt Esparraguera J. M.* Transformaciones... P. 453–455; *Menéndez Bueyes L. R.* Civitas christiana versus núcleos der poder // SHHA. 2002. Vol. 20. P. 276. Порой между разрушением того или иного общественного здания и застройкой этого места жилым проходит некоторое время, в течение которого это пространство остается пустым.

[57] *Gurt Esparraguera J. M.* Transformaciones... P. 458–462.

[58] *Puig i Griessenberger A. M.* El yacimiento de Rhode a la fi de l'Antiguitat tadana // Pyrenae. 1998. N 29. P. 184–187; *Nolla J. M.* Ampurias en la antigüedad tardía // AEArq. 1993. Vol. 66. P. 210–220; *Agusti B., Codina D., Mataro M., Puig A. M.* Pluralidad cultural a traves del mundo funerario en los obispados de Empuries y Girona // V Reunion. P. 47–60; *Tarradellas Corominas M. C.* Topografia. P. 289; *Kulikowski M.* Late Roman Spain. P. 295–298.

дах некрополи располагаются и внутри городских стен[59]. Это говорит о сокращении собственно городской территории, даже если огороженное стенами пространство осталось прежним. Внутри городов, часто рядом с жилыми домами, возникают свалки[60], что еще более сокращает жилое пространство и ухудшает санитарное состояние города. С другой стороны, за пределами стен теперь вырастают пригороды, группирующиеся, как правило, вокруг местных церквей или монастырей[61].

Еще одно очень важное изменение: город становится местом концентрации знати. Если во времена кризиса III в. и в позднеримскую эпоху магнаты выводили свои богатства из города и собирали их в виллах, являвшихся центрами их обширным владений, где жили они и сами, то в период варварских завоеваний они, как уже говорилось, предпочитали укрываться за городскими стенами. И после завершения завоеваний многие из них оставались там, предпочитая, как тоже говорилось, получать лишь доход из своих имений. Примером такого магната, живущего в городе, мог быть тот сенатор, который завещал свое имущество Павлу, что и превратило последнего в богатейшего человека Эмериты. Возможно, что не только знать, но и многие крестьяне в течение бурного V в. спасались в городах и не все покинули их после установления относительного мира. Об этом свидетельствует появление в некоторых городах жилищ сельского типа[62]. Это привело к увеличению городского населения. Учитывая, что размеры городов сократились, можно полагать, что плотность населения увеличилась. В некоторых городах она была довольно значительной. Так было, например, в Толедо. При площади в пять гектаров он имел население в 37 тысяч человек[63], т. е. почти семь с половиной тысяч человек на гектар площади. Такая насыщенность, разумеется, объясняется столичным статусом Толедо[64]. Не известно количество жителей других городов Испании. Учитывая, однако, что размеры некоторых городов были

---

[59] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 259.

[60] *Gurt Esparraguera J. M.* Transformaciones... P. 455–457.

[61] *Garcia Moreno L. A.* La cristianizacion... P. 319; *idem*. La historia de España visigoda. P. 257.

[62] *Alba Calzado M.*, *Navareño Mateos A.* Moreira. P. 60.

[63] Sociétés... P. 372.

[64] Возможно все же, что такое пространство внутри городских стен было занято только непосредственно расположенным там гарнизоном, частично королевским двором, высшим клиром, включая митрополита, разумеется, с обслуживающим их аппаратом, в то время как основная масса горожан обитала в пригородах. Ср.: *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 257. И сам королевский дворец, как кажется, тоже располагался в пригороде: *Menéndez Bueyes*. Civitas christiana... P. 278.

много больше[65], можно думать, что плотность населения там была меньшей. Но она все же была, видимо, большей, чем в предшествующую эпоху[66]. Наряду с относительно крупными городами существовали и мелкие. Такими были, например, небольшие города, как Болет или Лабитолоза, упомянутые в завещании Винцента, но юридически они были такими же civitates, как более крупная Оска и тем более Цезаравгуста[67].

Город ставится под контроль графа общины (comes civitatis), назначаемого королем. Наряду с ним все большее значение приобретает епископ, который, как правило, происходил из знати. В Эмерите в 483 г. епископ Зенон вместе с вестготским герцогом Саллой занимался восстановлением городских стен и моста[68]. Приблизительно в те же годы в Тарраконе строится обширный епископский комплекс, и, как отмечают археологи, сосуществование этого комплекса и претория является знаком ясного дуализма власти в городе того времени[69]. В конце VI в. Реккаред издал закон, по которому епископ наряду с народом участвовал в избрании нумерария, ведавшего сбором налогов, и дефензора, защищавшего горожан в суде (Leg. Vis. XII, 1, 2). Таким образом, епископ в значительной степени (хотя и не полностью) начинает контролировать и финансовую, и судебную жизнь города[70]. Постепенно власть епископа в городе еще более увеличивается. Его благотворительная деятельность в значительной степени становится залогом социальной стабильности, и возвышающийся в городе епископский дворец превращается в символ как земной, так и небесной власти[71].

Однако в том же законе Реккареда наряду с епископом упоминается и народ (populus). Уже это одно означает, что в городе сохранился гражданский коллектив. Город по-прежнему являлся «общиной» (civitas). «Народ города» и выступал главным плательщиком налогов, как это

---

[65] Так, Кордуба имела площадь в 50 гектаров, а Эмерита — 49. Другие города, впрочем, были меньшими по размеру, но некоторые все же превосходили Толедо: *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 256.

[66] Такой рост населения города мог быть одной из причин застройки мест, ранее занятых общественными сооружениями.

[67] *Ariño Gil E.*, *Díaz P. C.* Poblamiento y organización del espacio: la Tarraconense pireanica en el siglo VI // Antiquité tardive. 2003. T. 11. P. 234.

[68] *Arce J.* Barbaros y romanos. P. 147.

[69] *Menchon i Bes J.*, *Macias i Sole J. M.*, *Muñoz Melgur A.* Aproxomacio al proces transformador... P. 229.

[70] *Pèrez Sánchez D.* La transformación de la Antigüedad Tardía en la Península Ibèrica // SHHA. 1999. Vol. 17. P. 310.

[71] *Pérez Sánchez D.* Algunas consideraciones... P. 251, 258.

видно из документа времени Реккареда «О Барцинонском фиске»[72]. А раз сохранился гражданский коллектив, то сохранились и органы его самоуправления, по крайней мере официально. Внешне городской строй оставался таким же, каким был и в период Поздней империи[73]. В одной из «вестготских формул» (XXV) в качестве городских властей отмечаются принципалы, кураторы, магистраты, а также курия. Куриалы сохраняются как высший слой горожан. В законе Хиндасвинта (V, 4, 19) называются две группы жителей города — куриалы и privati. И те, и другие могли иметь в своем владении не только дома и рабов, но и земли и виноградники. Они отличаются друг от друга, по-видимому, не столько имуществом, сколько положением в городе и исполнением куриалами общественных функций. Разумеется, абсолютно самостоятельным город не был. Уже одно то, что, кроме городских структур и епископа, существовал уже в VI в. граф общины, резко ограничивало городское самоуправление.

В городах сохранялись основные нормы римского права. В формулах завещания имеются ссылки на преторское и городское право (ius praetorium et urbanum). То, что выходит за пределы норм, установленных этим правом, определяется специальными добавлениями (codicilli), также имеющими юридическую силу (Form. XXI–XXII). При вступлении в брак и решении связанных с этим имущественных вопросов стороны руководствуются законами Юлия и Поппея-Папия (Form. XIV–XV), восходящими ко времени Августа. Упоминание городского права говорит о том, что в городах (по крайней мере, в Кордубе, но нет оснований сомневаться, что и в других городах также) сохранились римские городские хартии. Все эти нормы, как и в римское время, распространялись и на округу, являющуюся частью территории данного города, что подтверждается ссылками на то же право и на те же codicilli в завещании Винцента[74]. Сохранилось и понятие римского гражданства. В «вестготских формулах», относившихся к освобождению раба, как уже упоминалось, говорится, что тот отныне становится не только свободными (idoneus), но и римским гражданином (civis Romanus). И по завещанию Винцента некоторые рабы (но не все), став свободными, становятся и римскими гражданами[75].

---

[72] Латинский текст и испанский перевод этого документа: *Pérez Sánchez D.* Transformación... P. 311. В этой части Испании почти нет следов готского присутствия (*Muños A.*, *Macias J.*, *Menchor J.* Nuevos elementos decorados de arquitectura hispano-visigoda en la provincia de Tarragona // AEArq. 1995. Vol. 68. P. 293), так что можно быть полностью уверенным, что речь идет именно о римском гражданском коллективе.

[73] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 118–121.

[74] *Corcoran S.* The donation... P. 219.

[75] Ibid. P. 220.

Не совсем понятно, какие привилегии бывшему рабу может дать римское гражданство, тем более что оно, судя по формулам, не освобождает отпущенника от патрициния патрона. Возможно, речь идет лишь о традиционном выражении, хотя то, что в завещании Винцента одни бывшие рабы получают гражданство, а другие нет, может говорить о существовании все же какого-то неясного нам различия, тем не менее ощущаемого современниками[76]. Но в любом случае существование в VI и первой половине VII в. самой идеи римского гражданства несомненно[77].

Экономическое значение города ощутимо уменьшилось. Город в большой степени перестал, хотя и не полностью, быть центром ремесла. В упомянутом законе Хиндасвинта (V, 4, 19) среди имущества куриалов и частных граждан упоминаются земли и виноградники. Состояние горожан основывается явно на доходе, получаемом с земли. Именно земледелие становится основой благосостояния горожан, и жизнь города во многом зависит от его сельской округи[78]. Об этом же свидетельствует тот факт, что налоги, собираемые с горожан, определялись в натуре. Но горожане могли рассчитываться и деньгами по курсу, определяемому каким-то соглашением. Так, в Барциноне в 592 г. вместо одного модия надо было платить девять силиквв[79]. Следовательно, монета не была полностью исключена из городского обихода. Многие города, особенно расположенные на побережье и берегах больших рек, еще сохранялись как торговые центры. Испания в это время поддерживала торговые контакты с Северной Африкой и в меньшей степени с Востоком, и товары оттуда приходили через порты средиземноморского побережья. Вдоль побережья шел путь, соединявший Испанию с Южной Галлией и Италией. Северо-западная часть Пиренейского полуострова продолжала контактировать с Франкским королевством[80]. Недаром, как говорилось выше, в Роде жизнь города сконцентрировалась вокруг порта. Значительную, может быть, даже решающую, роль в жиз-

---

[76] Ср.: ibid. P. 221.

[77] Владения Винцента располагались в предгорьях Пиренеев, и сам он не был горожанином. Это ясно свидетельствует о сохранении римских норм не только в самих городах и не только в глубоко романизованной Бетике, но и за пределами городских стен и практически на всей территории Испании. Важно также то, что территория, на которой располагались владения Винцента, не была населена готами. Так что и на юге, и на северо-востоке Пиренейского полуострова в римской среде сохранялись римские нормы.

[78] *Menéndez Bueyes L. R.* Civitas christiana... P. 275.

[79] *Pérez Sáncez D.* Transformación... P. 311–312.

[80] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 22–23; *Claude D.* Der Handel im westlichen Mittelmeer während Frühmittelalters. Göttingen, 1985. S. 58–59; *Orlandis J.* Època visigoda. P. 184–185.

ни города торговцы играли в Малаке[81]. В Картагене территория бывшего амфитеатра застраивается не жилыми домами, а складом, связанным с портом. На некотором расстоянии от Портукале возникает его торговый пригород — Castrum novum[82]. Это, как и в римские времена, привлекало в такие города разнообразное население, преимущественно торговцев, либо на время прибывавших в тот или иной город, либо полностью там осевших. В Нарбонне в конце VI в. жили римляне, готы, сирийцы и иудеи[83]. Каково было соотношение этих этнических групп, сказать трудно, хотя ясно, что римляне составляли большинство. Значительные иудейские общины существовали в ряде испанских городов, особенно в богатой и давно романизованной Бетике[84]. Как в свое время говорилось, иудеи жили в Испании довольно давно. Поскольку им было запрещено занимать какие-либо общественные должности и владеть землей, то они в основном сосредоточивались на торговле и финансовых операциях, в том числе и сбором налогов, ибо эта служба не считалась общественной. Но из числа иностранцев жили в городах королевства не только торговцы или финансисты. Были среди них и люди «свободных профессий», по тем или иным причинам прибывшие в Испанию. Таким, например, был греческий врач Павел, осевший в Эмерите и в скором времени прославившийся там своим искусством, благодаря которому он, ранее не имевший никакого имущества, превратился в одного из самых богатых людей Лузитании и позже стал епископом Эмериты, и он не был единственным иностранцем и конкретно греком в этом городе[85]. В начале своей карьеры Павел был peregrinus (Vit. Patr. Emer. IV, 2, 74–76), т. е. иностранцем, не являвшимся членом гражданского коллектива Эмериты[86]. Все эти сирийцы, греки, а тем более иудеи в состав «народа» того или иного города явно не входили.

Выше говорилось, что испанские латифундисты носили старые римские титулы illustres, clarissimi. В различных местах Испании упоминаются senatores[87]. В Римской империи после реформы Антонина Пия они вместе с куриалами (декурионами) входили в сословие honestiores,

---

[81] Comercio y comerciantes en la Málaga bizantina. P. 685–686, 690.

[82] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 265.

[83] *Richè P.* Education et culture... P. 204.

[84] *Orlandis J.* Època visigoda. P. 176–179.

[85] *Arce J.* Mèrida tardorromana. P. 209–211.

[86] Существует сомнение относительно толкования этого термина: означает ли он, как и в римские времена, иностранца или паломника (*Arce J.* Mèrida tardorromana. P. 209). Учитывая глубокие римские традиции, существовавшие в Эмерите, и время составления «Жизни эмеританских отцов», а тем более — жизни самого Павла, можно считать первое толкование гораздо более вероятным.

[87] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 76–85.

но в этом сословии составляли его высший слой. Едва ли положение изменилось после варварского завоевания. И также едва ли эти люди, жившие в городах, включались в число privati. Можно думать, что знатные и богатые «сенаторы», даже живя постоянно в городах, не входили в состав городского «народа». Как и иностранцы, они были вне populus, но не ниже его, а выше.

Византийское завоевание части Испании способствовало развитию тех городов, которые оказались в составе империи. Особенно это относилось к Картагене и Малаке. Однако когда вестготские короли восстановили там свою власть, именно эти города подверглись наибольшему разгрому. Как экономические центры они перестали существовать. А вскоре после этого (или даже параллельно с этим) в жизни испанских городов наступает второй этап их истории — время упадка и разрушения городской сети[88]. Разумеется, степень упадка варьируется в различных местах, и в целом упадок сильнее ощущается в более крупных городах, в то время как мелкие в большей степени сохраняют свое значение. И все же в целом упадок городской жизни несомненен. В это время фактически прекращаются торговые связи с Северной Африкой. Это было вызвано как изменениями в самой Африке, где уменьшается, а то и вовсе прекращается изготовление керамики, являвшейся главным показателем ее внешнеторговой активности, так и резким сокращением роли испанских городов. Сокращается или даже вовсе прекращается строительство. Богачи предпочитают строить церкви и монастыри за пределами городов. А это означает, что и светская знать, и епископы более уже не заинтересованы в городах и переносят центр своей деятельности в сельскую округу[89].

Не менее, а даже гораздо более важным является изменение положения городов в Вестготском королевстве. Закон Хиндасвинта под видом заботы о сохранении имущества горожан и недопущения произвола по отношению к ним фактически ставил и privati, и куриалов под жесткий контроль графа или королевского судьи. Если, судя по XXV «вестготской формуле», различные спорные вопросы решали городские власти, то по этому закону такую функцию стали выполнять назначенцы короля, а горожане на деле были лишены возможности каким-либо образом отчуждать свое имущество. А законы Рецесвинта передали королевским судьям и епископам практически все обязанности прежних городских властей[90]. Городское самоуправление перестало существовать.

---

[88] Chronique VII. P. 458.

[89] *Riou-Barrera E.* Two Catalan Cities... P. 30; *Menéndez Bueyes L. R.* Civitas christiana... P. 277.

[90] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 211–212.

В Вестготском королевстве отмечена такая категория, как бедняки (pauperes). В тех случаях, когда речь идет о городах, бедняки не упоминаются (что не означает, конечно, что бедных горожан не существовало). Для города характерно сопоставление curiales — privati, в то время как «бедняки» появляются в другой паре: pauperi — potentes. Последние — это крупные земельные собственники, латифундисты. Это говорит о том, что, как и в других варварских королевствах того времени, под бедняками подразумеваются не горожане, а свободные крестьяне[91]. Для многих из них свобода была относительной, определяясь только юридическим противопоставлением рабам, так что и отпущенники, и прекаристы, о которых говорилось выше, тоже считались свободными бедняками.

О положении независимых крестьян сведений немного. Но среди «вестготских формул» имеется, например, XXXII, в которой предусматривается, что нужда заставляет свободного человека продать свой статус и за некую сумму превратиться в раба. Речь, конечно, не может идти о прекаристе или отпущеннике, которые и так находились во власти патрона. Сколь далеко зашел процесс исчезновения свободных крестьян, сказать трудно. Но ясно, что их число постепенно уменьшалось. То, что этот процесс, несмотря на противоречие закону, как это подчеркивается в самой формуле, отражен в типовом образце документа, говорит о его значительном распространении.

В римское время существовали сельские общины — паги и вики. О первых никаких сведений в вестготскую эпоху нет, кроме упоминаний Исидором Севильским, но оно, вероятнее всего, отражает римское время. Вики же упоминаются и вестготскими королями. В их законах эти единицы общества становятся в один ряд с виллами и городами. В законе, вероятнее всего, Леувигильда говорится о civitates и vici (Leg. Vis. III, 4, 17). Много позже закон Эгики говорит о тех местах, куда могли бы прибыть беглые рабы: civitas, castellum, vicus aut villa vel diversorium, т. е. постоялый двор (Leg. Vis. IX, 1, 21). Интересно в этом отношении обращение Эрвигия к XII Толедскому собору в 681 г. Здесь король, явно противопоставляя свое правление злоупотреблениям своего предшественника Вамбы, говорит о различным бедах незнатного населения (partem populi ignobilitati) и в связи с этим невозможности даже набрать необходимое количество свидетелей для судоговорения in villulis vel territoriis sive vicis[92]. Второй член этой триады — территории городов. Упоминаемая в этой связи villula не равняется вилле, ибо в вилле не жили свободные люди, которые могли бы быть свидетелями

[91] Sociètès... P. 129.

[92] Leges Visigothorum. P. 476.

на суде. Речь явно идет об имении свободного, но далеко не крупного землевладельца, которое, как и вилла, является собственностью хозяина, но небольшим по размеру (недаром использована уменьшительная форма слова villa). И третий элемент — вик, который населен свободными людьми, но в отличие от хозяина виллулы, вероятно, не являющимися собственниками. Если это так, то среди свободного негородского населения (речь идет не о собственно городах — civitates, а об их территории, т. е. округи) выделяются обитатели городской территории, собственники сравнительно небольших имений (маленьких вилл) и обитатели виков. Можно полагать, что вики, как и в римские времена, являлись сельскими общинами, сохранившими относительную независимость и от городов, и от крупных собственников, и явно также и от церкви. Члены этих общин, как и собственники villularum, являлись непосредственными подданными короля. Однако число их сокращается. Хотя в словах Эрвигия чувствуется понятное преувеличение, отрицать сам процесс уменьшения свободного сельского населения Вестготского королевства, конечно, невозможно. Но все же этот процесс не завершился, и свободные крестьяне, как объединенные в вики, так и частные собственники небольших участков, продолжали существовать.

Определенное место в социальной картине вестготской Испании занимала средняя собственность. Такими средними собственниками были, вероятно, как и в римское время, куриалы, хотя их собственность, судя по закону Хиндасвинта, все время находилась под угрозой умаления или даже полного исчезновения. Помог ли этот закон куриалам сохраниться как средним собственникам, неизвестно. В последующих законах этот слой людей не упоминается. И все-таки, скорее всего, какая-то часть горожан, которая входила в сословие куриалов, потеряв свои управленческие функции, сохранила, хотя бы частично, свое имущественное положение. Средним собственником был уже упомянутый Винцент[93]. Он был диаконом, но владел собственной землей, которую и завещал монастырю. В состав его собственности входили пахотные земли, виноградники, оливковые рощи, сады, пастбища, воды, водопроводы, каналы. Но они не образовывали единого поместья и состояли из множества имений (dominia, praedia), разбросанных по территориям нескольких civitates. Работали на всех этих землях рабы и колоны[94]. Считать владельца такого имения «бедняком» едва ли возможно, но и латифундистом он, конечно же, не был.

---

[93] *Ariño Gil E., Díaz P. C.* Problamiento... P. 225.

[94] *Corcoran S.* The donation... P. 216–219.

Таким образом, варварское завоевание не привело к уничтожению римских социальных структур. Эти структуры сохранились, но с течением времени эволюционировали. Упадок города, увеличение роли латифундистов, изменения в положении рабов и отпущенников вели к вытеснению собственно античных элементов общества и усилению протофеодальных. Однако необходимо подчеркнуть, что сам этот процесс начался еще в римское время. Речь идет не о скачке в развитии испано-римского общества, а о продолжении той линии развития, которая возникла в рамках Римской империи. Решающий поворот, как кажется, произошел приблизительно в середине VII в., в правление Хиндасвинта и Рецесвинта.

ГОТСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Когда вестготы окончательно переселились в Испанию, они уже прошли довольно долгий путь социального развития, начавшийся еще в причерноморских степях и ускорившийся в Юго-Западной Галлии. Еще до переселения на территорию империи у готов выделялась знать и обычные люди — mediocres (*Iord.* Get. 71). По существу, то же деление сохранилось в вестготском обществе в VII в., как об этом свидетельствует история возвышения Хиндасвинта. Его, как об этом говорилось в соответствующей главе, провозгласили королем сенаторы и «прочий народ готов». А борясь со своими противниками, новый король уничтожил 200 «приматов» и 500 тех же mediocres, какие упоминаются при рассказе о самом начале готской истории в Северном Причерноморье. В законах, обозначенных antiqua, обычно считающихся законами Леувигильда, также говорится о двух группах людей: honestior persona и inferior persona (например, Leg. Vis. VIII, 1, 28). Эти законы предшествовали созданию территориального права и относились именно к готскому населению. Само понятие honestior взято из римского права, но в данном случае оно применяется для обозначения готской знати. Также к ней относится и заимствованное из римской лексики слово «сенаторы», которое, кстати, не встречается в законах и является, видимо, не юридическим, а литературным термином[95]. Зато в одном из законов Хиндасвинта встречается выражение primates vel seniores gentis Gotorum (Leg. Vis. III, 1, 5). А еще гораздо раньше акт об анафеме арианству, принятый III Толедским собором, подписали все seniores Gothorum. Все

[95] Однако, учитывая, что термин «сенаторы» встречается в постановлениях соборов, можно думать, что он использовался в каноническом праве.

эти термины — приматы, почетные персоны, сеньоры готов — явно относятся к одному и тому же слою — к вестготской знати. Можно, видимо, говорить, что принципиальное разделение вестготов на две группы — знать с ее дружинами и остальной народ — сохранилось[96].

Это разделение проявилось и во время поселения в Испании. Основная масса готов заняла, как говорилось в свое время, территорию в центре и частично в северной части Пиренейского полуострова между верхним течением Эбро и средним течением Тахо, и это были в основном именно mediocres. А вне этой зоны имения получали аристократы.

Это, разумеется, не означает, что эти две группы населения остались такими же, как и в III–IV вв. или даже ранее. В период Великого переселения народов у вестготов, как, впрочем, и у других германских народов, происходят изменения в самом составе знати. В этот период, как мы видели, усиливается власть короля, превращающаяся в подлинно монархическую. А это ведет к выдвижению на первый план той группы знатных людей, которые составляют непосредственно королевскую дружину или иным образом группируются вокруг трона, оттесняя старую родовую знать[97]. Но сохранились некоторые принципы объединения людей. Прежде всего это выражается в отношениях между знатью и королем. Они строятся на основе не политической связи между подданными и главой государства, а на личной преданности монарху. Недаром общим понятием для вестготских сеньоров становится fideles — верные. Именно наличие этого принципа и привело к отмеченному выше оттеснению новой «королевской» знатью старой родовой. Однако и эта знать, как и старая родовая, свое положение оправдывала не только службой, но и происхождением. Так, например, знатный гот Оппила, погибший в 642 г., как подчеркивается в надписи, был «славного (glorioso) рождения»[98]. Знатный гот обладал dignitas — достоинством, какое не имели другие люди (Leg. Vis. IX, 2, 8). Другим важным признаком принадлежности к знати было богатство[99]. И это богатство было довольно значительным. В законе Хиндасвинта устанавливаются нормы приданого для приматов или сеньоров народа готов: не более 1000 солидов, 10 рабов, 10 рабынь и 20 коней (Leg. Vis. III, 1, 5). Учитывая, что обычно приданое могло составлять до десятой части всего имущества, эти цифры показывают, что общее состояние такого сеньора доходило до 10 тысяч солидов и соответствующего числа рабов и столь ценимых знатью коней[100].

---

[96] *Jiménez García A. M.* Las primeras establicimeientos... P. 496.

[97] *Wenskus R.* Adel // RLGA. Bd. I, 1. S. 65.

[98] *García Moreno L. A.* Prosopografia... P. 64.

[99] *Diesner H.-J.* König Wamba... S. 29.

[100] Ibid. P. 30.

Но надо иметь в виду, что Хиндасвинт именно *ограничивал* нормы приданого. Так что можно думать, что некоторые вестготские аристократы обладали и бóльшим богатством.

Но это имело и другое следствие. Принцип «верности» распространялся и среди самой знати. Представители этой знати, в том числе и новой, также собирали вокруг себя своих «верных», что вело к появлению частных интересов тех или иных лиц или групп. Уже Хиндасвинт пытался выдвинуть на первый план интересы patria Gothorum, которые выше частных. В «военном законе» Вамбы специально подчеркивается, что все должны в случае необходимости выступить на войну ради «общей пользы» (publica utilitas) независимо от своего отношения к данному королю, противопоставляя эту «пользу» частной пользе (privata utilitas) (Leg. Vis. IX, 2, 8). Именно следование «общей пользе» объявляется признаком знатности[101]. Аналогичный закон Эрвигия (Leg. Vis. IX, 2, 9), смягчив некоторые нормы предшествующего закона, сохранил то же противопоставление. В этих законах долг по отношению к родине и королю ставится выше «партийных» пристрастий, которые были обусловлены личной преданностью тому или иному главе «партии». Все эти короли пытались на место принципа личной верности поставить античный принцип государственности. Но, как показали последующие события, большого успеха эти стремления королей не имели. Забегая вперед, надо сказать, что во время арабского вторжения сторонники покойного короля Витицы и его сыновей выступили против короля Родриго и оказали помощь мусульманам, дабы покарать того, кто несправедливо, по их мнению, лишил власти их лидеров: верность дому Витицы оказалась важнее верности родине.

Клиентские связи между зависимыми воинами и их патронами, основанные на личной верности, существовали уже в Тулузском королевстве. Эти связи сохранились и после переселения основной массы вестготов в Испанию. Два закона Леувигильда (Leg. Vis. V, 3, 1; 2) почти повторяют относящиеся к букцеляриям и сайонам законы Эйриха. Но после этого первые из вестготского законодательства практически исчезают, возможно, заменяясь более широким кругом лиц, определяемых как «те, кто находится под покровительством» (in patrocinio)[102]. Закон Леувигильда, относящийся к таким людям, практически повторяет соответствующий закон Эйриха (Leg. Vis. V, 3, 1). Согласно этому закону, как и во времена Эйриха, находящийся в патроцинии может сменить патрона, но при этом должен вернуть тому оружие и все полу-

[101] *Pérez Sánchez D.* Defensa... P. 299.

[102] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 188–189.

ченные дары, причем это положение распространяется и на потомков как покровительствуемого, так и покровителя. В законах Леувигильда появилось и нечто новое: патрон давал такому человеку еще и землю, и эта земля оставалась в полной собственности патрона, даже если покровительствуемый покинет его и сменит покровителя (Leg. Vis. V, 3, 4). Видимо, оседание вестготов в Испании привело к изменению положения бывших букцеляриев и других людей, им подобных. Они стали получать не только оружие и те или иные дары, но и землю, но полноправным хозяином земли оставался патрон. Покровительствуемый человек сохранял относительную свободу и мог приобрести какое-то имущество, которое в случае оставления им патрона делилось пополам: половина доставалась бывшему патрону, а вторая оставалась у «того, кто под покровительством» (Leg. Vis. V, 3, 3). Получение участка земли и возможность приобретения собственного имущества расширяли экономические возможности такого человека, что не отменяло его зависимости от патрона. Возможность полной эмансипации клиента вовсе не предусматривалась, и он мог только сменить патрона.

Что касается сайонов, то сайон появляется в одном из законов Леувигильда, который фактически повторяет положения кодекса Эйриха (Leg. Vis. V, 3, 2). В законах VII в. сайон тоже несколько раз упоминается, но содержание этого термина изменяется: он теперь обозначает судебного чиновника, вероятно, помощника судьи. По-видимому, происходит относительная унификация положения «верных» того или иного патрона, и нет необходимости выделять такую категорию, как сайоны прежнего времени, и термин переносится на другую группу людей.

Люди, определяемые в законе Леувигильда как «те, кто находится под покровительством», позже появляются под тремя разными названиями, которые тем не менее имеют один смысл: клиенты, товарищи (sodales) и даже рабы (vernuli). Все они обозначают людей из личной свиты готского вельможи, которые вместе с ним направлялись на войну, явно составляя его частную армию[103]. Такова была армия упомянутого выше Оппилы, который погиб в 642 г. во время войны против васконов, и его тело сопровождавшие его клиенты доставили на родину в Бетику[104]. Хотя эти клиенты иногда называются vernuli, они оставались свободными людьми (ingenui), которые, однако, находятся под властью (in potestate) своего патрона[105]. Официально они могут даже, выполнив определенные обязательства, менять патрона, но на деле их положение становится

[103] *Diesner H.-J.* Westgotische und langobardische Gefolgschaften... S. 8.

[104] *García Moreno L. A.* Prosopografia... P. 64.

[105] *Diesner H.-J.* König Wamba... S. 25; *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 192.

наследственным. Получая от патрона землю, оружие и, видимо, другие необходимые предметы, и, что очень важно, защиту от налогов и произвола властей, клиенты в большой мере переплетали свою жизнь с жизнью своего покровителя. А тот, в свою очередь, практически всегда мог рассчитывать на их помощь во всех своих устремлениях, включая попытки захватить трон. Служба патрону являлась главным средством существования таких клиентов. Она обусловливала получение ими земли, которая, однако, оставалась собственностью патрона и которую клиент терял в случае ухода от своего покровителя. Это придавало собственности клиентов условный характер.

Вооруженные клиенты, естественно, сами на земле не работали. И их земли, и земли их патронов обрабатывали другие люди. Среди них, несомненно, были рабы, столь часто упоминаемые в вестготском законодательстве. В этом же законодательстве упоминаются и отпущенники, противопоставляемые и свободным, и рабам (например, Leg. Vis. III, 2, 2)[106]. В германском обществе в свое время, как об этом говорилось, существовала группа полусвободных — летов. В вестготское время леты уже не упоминаются. Иордан (Get. 191) упоминает таинственное племя Liticiani, в которых иногда видят летов[107]. Если это так, то к VI в., когда писал Иордан, готский историк уже не имел представления о подлинном значении этого слова. Видимо, в ходе переселений эта категория населения у готов исчезла. Ее, вероятно, заменили отпущенники (liberti), которые, как и у римского населения, оставались в подчинении своих бывших господ. Уже упоминалось, что в вестготских законах не встречаются колоны. Предполагают, что сочетание plebei glebae на деле является синонимом coloni[108]. Однако этот термин появляется только в законе Хиндасвинта, притом относящемся к горожанам (Leg. Vis. V, 4, 19). Поэтому нет никаких оснований полагать, что под этим названием скрывались вестготские колоны. Более правильной представляется точка зрения, что вестготское законодательство не случайно избегает термина coloni, который применяется только к римским колонам[109]. В вестготском обществе колонат распространения явно не получил.

В законе Леувигильда названы qui in opero rustico constituti sunt, т. е. занятые в сельском хозяйстве (Leg. Vis. VIII, 1, 12). Судя по этому закону, они являются свободными людьми и субъектами права, противопоставляясь рабам. Кто были эти люди, не уточняется. Были ли они подобны

---

[106] Этот закон входит в число antiqua и, следовательно, относится к готам.

[107] *Скржинская Е. Ч.* Комментарий // *Иордан.* О происхождении и деяния гетов. М., 1960. С. 307.

[108] Leges Visigothorum. P. 225.

[109] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 140.

прекаристам в римском секторе общества или вестготскими мелкими собственниками, сказать трудно. Однако то, что в вестготском обществе сохранились свободные незнатные люди, несомненно. Ими могли быть те mediocres, которые боролись с Хиндасвинтом и 500 которых было этим королем уничтожено. Как говорилось выше, это могли быть люди из «среднего» слоя вестготского общества. Существовали и мелкие крестьяне, чьи скромные надписи на так называемых досках (pizarras) найдены на территории основного расселения готов. «Военный закон» Вамбы предусматривал уже не две, а три категории свободного населения: знатные (nobiliores), средние (mediocriores) и низшие (viliores) (Leg. Vis. IX, 2, 8). Для «низших» закон предусматривал в случае уклонения от службы штраф в один фунт золота или в случае невозможности его выплатить превращение в вечных рабов фиска. Последнее положение ясно свидетельствует о существовании той части населения, для которой штраф в один фунт, или 30 солидов, был непосильным; видимо, все имущество такой семьи не достигало этой суммы. Сравнение с 10 тысячами, а может быть, и более, солидов, какими располагали аристократы, ясно говорит о далеко зашедшей поляризации общества. Мелкие крестьяне явно принадлежали к «низшим». При поселении в Испании вестготские крестьяне получали землю, но явно в гораздо меньшем размере, чем аристократы[110].

Хотя при переселении в Испанию вестготы уже прошли долгий путь и в огромной степени романизовались, у них сохранились определенные родовые представления. Недаром Леувигильд счел необходимым законодательно установить семь степеней родства, что было связано и с наследованием (Leg. Vis. IV, 1, 1–7; 2, 1–8, 10–15). Видимо, возникла необходимость оградить конкретную семью от притязаний всего рода и очертить круг родственников, могущих в той или иной степени претендовать на наследство данной семьи. Едва ли такое ограничение было важно для знати, и оно явно имело отношение к «низшим». Поселившиеся в Испании готские крестьяне составляли общину, в распоряжении которой имелись какие-то неразделенные земли, особенно леса и, может быть, выпасы и которая обладала внутренним самоуправлением[111]. Раскопки обнаружили села, где жили такие общинники, с довольно скромными жилищами и выделяющимся среди них домом, вероятнее всего, главы общины[112]. Общинники, вероятно, именовались consortes, т. е. людьми, которые в свое время вместе получили по жребию данную землю. Означает ли термин sors — жребий — распределение земли ме-

[110] Там же. С. 35.

[111] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 45–50, 268–269.

[112] *Jiménez García A. M.* Los primeros establecimientos... P. 498.

жду переселившимися в Испанию крестьянами по жребию, сказать трудно. Не исключено, что он может быть лишь традиционным обозначением крестьянского участка (как клер в Древней Греции). Но в любом случае консорты жили вместе и обладали некоторыми общими правами. В одном случае (Leg. Vis. VIII, 5, 5) они противопоставляются hospites (consortes vel ospites). Hospites упоминаются в кодексе Эйриха (CCLXXVI), и там они тоже сопоставляются с готами, явно получившими свои sortes. Видимо, hospitium был несколько иной формой поселения, может быть, не связанной с общиной. Но надо иметь в виду одну важную оговорку. За одним исключением, законом Хиндасвинта (Leg. Vis. X, 1, 4), все упоминания consortes встречаются только в законах antiqua, т. е. в «пересмотренном кодексе» Леувигильда. Поскольку сам этот термин не однозначен и может означать просто совладельца[113], что, впрочем, и видно в законе Хиндасвинта, то можно говорить, что консортами готских общинников называют только законы, предшествующие правовому уравнению подданных вестготского короля. Возможно, этот термин в VII в. уже потеряли свою актуальность. И более поздние законы уже говорят просто о соседях. Конечно, на основании только этого рассуждения говорить об исчезновении готской общины или ее элементов невозможно. Однако ослабление общинных связей постулировать вполне можно. К этой же мысли ведет и надпись, свидетельствующая о продаже неким Грегорием части земли своему кузену Дезидерию[114]. И хотя речь идет о родственнике, документ составлен по всей форме. И эта форма свидетельствует об относительной распространенности продажи земли, что мало совместимо с общинным землевладением. Возможность продажи земли предусмотрена и законом Леувигильда (Leg. Vis. V, 4, 7)[115].

Несмотря на выделение знати понятие «народа готов» сохранялось. В законе Леувигильда предусматриваются штрафы за убийство, т. е. старый германский вергельд. Закон определяет различные суммы штрафов, но в зависимости только от пола и возраста убитого, но не от его положения: самые высокие штрафы полагались за убийство мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины — от 15 до 40 лет (Leg. Vis. VIII, 4, 16). Законодатель явно стремился сохранить жизнь одних в наиболее боеспособном, а других — в наиболее репродуктивном возрасте, но ни-

---

[113] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 26.

[114] Hispania epigraphica. 2000. Vol. 13.

[115] Надо, однако, заметить, что этот закон предусматривает возможность продажи не только земли, но и рабов, животных или каких-либо других объектов, и этот довольно широкий круг предметов купли-продажи не позволяет отнести действие закона именно к крестьянской сельской общине.

как не принимая в внимание социальное положение[116]. Разумеется, полного юридического равенства в готской среде не существовало. За ряд преступлений были предусмотрены разные наказания для знатных людей и «простых»: первые платили денежный штраф, а вторые подвергались телесным наказаниям. Но это могло обусловливаться в первую очередь практическими соображениями — отсутствием у провинившихся «средних» и особенно «низших» денежных средств для выплаты штрафа. И это не мешало сохранению вестготской общности. Испания (вместе с Септиманией) рассматривалась как родина готов (Gotorum patria) (например, Leg. Vis. II, 1, 8). Даже когда готы и римляне были юридически уравнены, сохранилось разделение подданных короля на готов и римлян. Об этом свидетельствует сама формула, содержавшаяся в законе Эрвигия: «будь то гот или римлянин» (seu sit Gotus sive Romanus) (Leg. Vis. IX, 2, 9). И «народ готов» как совокупность всего вестготского населения обладал определенными правами. Это хорошо видно в истории возвышения Хиндасвинта, который был избран королем «сенаторами готов и прочим народом» (*Fred.* IV, 82). Свободные готы, явно не относившиеся к знати, участвовали в судебных сходках. И все готы, обладавшие свободой, должны были участвовать в войне.

Однако экономическая и социальная эволюция все более размывала слой свободных вестготов, не принадлежавших к знати. К моменту массового переселения в Испанию большинство вестготов, видимо, принадлежало к свободному крестьянству; по некоторым косвенным подсчетам, свободные крестьяне составляли приблизительно 90% всего готского населения[117]. Но с течением времени их доля в общем числе готов сокращалась. Многие из них были вынуждены отдаваться под покровительство патронов, как это было и с римскими бедняками[118]. Некоторые бедняки даже могли, как это делали и римляне, продавать себя в рабство. Возможность такого акта предусмотрена законом Леувигильда (Leg. Vis. V, 4, 10). Законодательство этого короля относилось к вестготам, то, следовательно, и эта норма имела отношение к готским беднякам. Этому могло способствовать то ослабление общинных связей, о котором было сказано несколько выше. Резкое уменьшение этого слоя стало, несомненно, одной из причин издания Вамбой (и повторенного в более смягченной редакции Эрвигием) военного закона. А Эрвигий вскоре после восшествия на престол жаловался, что свободных людей

---

[116] *Reimer H.* Soziale Schichten im Westgotenreich von Toulouse und Toledo // Ethnographisch-archäplogische Zeitschrift. 1984. Bd. 25, 3. S. 481.

[117] Ibid.

[118] *Дворецкая И. А.* Западная Европа... С. 116.

недостает для ведения нормального судопроизводства. Как неоднократно говорилось, новый король явно преувеличивал размеры этого процесса, но сам процесс, конечно, имел место. В рассказе о приходе к власти Родриго (Cont. Hisp. 68) говорится, что тот стал королем, когда в «сенате» возникло волнение. Можно полагать, что его воцарение стало следствием избрания этим «сенатом». Ни о какой роли «прочего народа», как это было с избранием Хиндасвинта, больше нет речи. Означает ли это, что «прочего народа», т. е. незнатных свободных готов, вовсе не осталось? Едва ли это так. Скорее всего, этот слой вестготского населения был полностью лишен политических прав, во всем объеме узурпированных готской знатью. Готское общество, как и испано-римское, в конечном итоге резко разделяется на «могущественных» (potentes) и зависимое от них население с сохранением некоторого слоя свободных мелких и средних собственников.

Очень важным не только политическим, но и социальным фактором являлась вестготская монархия. Постановив, что королем может быть избран только гот, IV Толедский собор окончательно связал (или скорее оформил) тесную связь королевской власти с вестготской аристократией. В то же время переход к избирательной монархии в социальном плане поставил очень важную проблему — взаимоотношения короля как собственника и как носителя верховной власти. Будучи аристократом, король, как и другие вестготские вельможи, имел довольно большое собственное имущество и людей, находившихся под его покровительством. А как король он обладал имуществом фиска. VIII Толедский собор, как об этом уже говорилось, разделил имущество короля как частного человека и как государя: отныне потомки короля, сами престол не занимавшие, могли наследовать только то имущество, которое принадлежало королю до восшествия на трон, в то время как имущество фиска переходило к следующему государю.

В качестве главы государства король обладал огромными экономическими возможностями. В римское время в Испании имелись довольно значительные императорские владения. Признание императором Юлием Непотом суверенитета вестготского короля Эйриха над всеми его владениями в Галлии и Испании передавало и владения императора под власть вестготского короля[119]. Организовывал ли королевский двор каким-либо образом хозяйствование на этих землях до вестготского переселения на Пиренейский полуостров, неизвестно. Во время регентства Теодориха Испания обязана была поставлять в Италию аннону, как это было и в римские времена. Хотя, несомненно, какую-то ее часть

[119] *Saitta B.* Aspetti sociali... P. 46.

составляли поставки продуктов, полученных в качестве налога, в нее входили и продукты из королевских владений. После окончательного переселения вестготов в Испанию король получил возможность организовать хозяйство в своих владениях. Кроме бывших императорских владений, под властью короля оказались и конфискованные им имущества его врагов. Особенно значительные конфискации происходили при Леувигильде, Хиндасвинте, Вамбе и Эгике. В результате в руках короля сконцентрировалось огромное имущество. Позже, уже после арабского завоевания, три сына Витицы получили в качестве компенсации за потерянные надежды на трон имущество короны, состоявшее из 3 тысяч вилл[120]. Значительную часть богатств фиска составляла королевская казна, не только пополняемая доходами от недвижимого имущества и налогами, но и в большой мере унаследованная от предшествующих времен, в том числе и в результате грабежей эпохи переселений (включая грабеж Рима Аларихом и Атаульфом)[121]. Для управления огромным имуществом фиска была создана специальная должность comes patrimonii или patrimonium — граф (королевской) собственности. Эта должность впервые упоминается в законе Реккареда в 592 г. (Leg. Vis. XII, 1, 2)[122]. В этом законе не говорится о создании этой должности, а скорее подразумевается уже ее существование. Поэтому сказать точно, когда должность управляющего всей королевской собственностью была создана, невозможно. Можно только предполагать, что, с одной стороны, общее упорядочение дел в Испании, в том числе и имущественных проблем в отношениях между готами и римлянами, проведенное Леувигильдом, а с другой — значительное увеличение владений короны в результате войн и конфискаций при этом же короле заставило Леувигильда учредить должность графа патримония. Эта должность считалась очень высокой; графы патримония наряду с другими высшими лицами двора подписывали соборные акты.

В том же законе Реккареда названы еще две должности, связанные с имуществом казны: актор и прокуратор. Обе должности унаследованы от римского времени, когда и тот, и другой управляли императорским имуществом. Содержание должности явно осталось таким же. Если граф патримония, будучи высоким королевским чиновником, возглавлял управление имуществом короля вообще, то акторы и прокураторы управляли конкретными имениями. В законе предписывается, чтобы эти лица, как и граф патримония и глава провинции, не наносили никаких обид

[120] *Orlandis J.* Época visigoda. P. 207.

[121] Historia social y económica de España y America. T. I. Barcelona, 1982. P. 191.

[122] *Claude D.* Comes // RLGA. Bd. V, 1/2. S. 66.

частным лицам, находившимся в их власти. Это значит, что акторы и прокураторы, являясь лишь управляющими королевскими имениями, обладали довольно широкими возможностями для совершения злоупотреблений.

Еще во время Великого переселения вестготы приобрели богатую добычу, значительная часть которой превратилась в королевскую казну. После разгрома вестготов на Богладском поле франки и бургунды захватили часть казны, но остальная и бóльшая ее часть была спасена Теодорихом и перевезена в Равенну, но после смерти остготского короля вернулась к его вестготскому внуку Амалариху. Эта казна постоянно пополнялась как налогами, штрафами и конфискациями, так и военной добычей[123]. Казной тоже управлял особый граф — comes thesaurorum[124].

Как и всякий готский аристократ, король имел не только землю и необходимую рабочую силу, но и своих клиентов. Однако и в качестве государя он также располагал «верными». Понятие fideles regis встречается в вестготских законах. Реккаред в своем законе заявляет, что справедливо протянуть руку помощи своим fideles (Leg. Vis. XII, 1, 2). Рецесвинт говорит, что жалобы королю можно передавать через его fideles (Leg. Vis. VI, 1, 5). Эта же категория людей названа в «военных законах» Вамбы и Эрвигия, причем «верные нынешнего короля» названы в том же ряду, что и сам король, народ и родина (Leg. Vis. IX, 2, 8; 9). Во время войны Эмеританский собор 666 г. предписывал молиться за короля, его верных и войско. Из всего этого видно, что fideles regis занимали довольно высокую ступень в социальной иерархии Вестготского королевства. Видимо, речь идет о придворной знати, которая в случае войны составляла королевскую дружину, отличную от остальной армии[125]. Именно этой своей дружиной располагал Вамба в первые моменты своей кампании против Павла (Hist. Wamb. 9). Эти fideles были связаны именно с королем как главой государства. Недаром в законе Вамбы говорится о «верных» именно нынешнего короля (fidelium presentis regis). Можно полагать, что при смене государя они становились верными новому королю независимо от того, был ли тот сыном либо другим родственником покойного или нет.

Эти «верные» получали от короля значительные выгоды. Уже в законе Леувигильда упоминаются щедроты (munificentia), получаемые такими людьми от короля (Leg. Vis. IV, 5, 5). О дарах короля говорит и Хин-

---

[123] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 264; *Orlandis J.* Época visgoda. P 206–207.

[124] *Claude D.* Comes. S. 66.

[125] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 162–163; *Diesner H.-J.* Westgotische und langobardische Gefolgschaften... S. 6, 11.

дасвинт (Leg. Vis. V, 2, 2). Может быть, неслучайно, что именно эти короли издавали специальные законы о дарах своим fideles, ибо оба они вели упорную, в том числе вооруженную, борьбу со своими противниками внутри страны, и в ходе этой борьбы обрушивали на своих врагов различные репрессии, включая конфискации, так что в их руках сосредоточивались значительные богатства, часть которых они и могли раздавать своим сторонникам. И тот, и другой оговаривали свои дары определенными условиями: Леувигильд упоминал о каких-то условиях продажи или подарка третьему лицу этого дара, определяемых другими законами (которые до нас не дошли, и поэтому эти условия неизвестны), а Хиндасвинт говорил о вине, т. е. о преступлении, за которое дар может быть и отнят. Но означает ли это, что речь идет об условном пожаловании? Все-таки при соблюдении некоторых условий получивший дар может свободного его отчуждать. А Хиндасвинт в своем законе прямо утверждает, что дарованное будет во власти получивших (in eorum iure). А то, что в случае «вины» (culpa), под которой, по-видимому, подразумевается измена корою, дар будет отнят, то это — нормальная практика наказания за преступление. Поэтому представляется, что в данном случае нет необходимости говорить об условной собственности и феодальных отношениях.

Наряду с «верными короля» в законах встречается упоминание гардингов. Они занимали довольно высокое положение в Вестготском королевстве. Само это название явно связано с готскими словами gards — дом и ingardja — домашнее или семейное сожительство. И это означает, что генетически этот слой людей восходит к домашнему окружению короля[126]. В Вестготском королевстве они относились ко двору, хотя и отличались от его высшего слоя — seniores palatii (Leg. Vis. II, 1, 1). Гардинги в основном были связаны с военным делом. Они упоминаются в «военных законах» Вамбы и Эрвигия как одни из руководителей армии (Leg. Vis. IX, 2, 8; 9). Вероятнее всего, гардинги являлись составной частью fideles regi, но занимали среди них наиболее высокое положение[127].

В одном из законов Леувигильда (Leg. Vis. IV, 5, 5) упоминаются левды. Этот термин довольно часто встречается у франков, а в вестготских законах он упоминается только в данном случае. Поэтому точно определить его значение у вестготов трудно[128]. Судя по тексту закона, левд мог приобрести собственное имущество как в результате королев-

---

[126] *Valdeavellano L. G. de*. Historia de España. De los orígenes a la baja Edad Media. Madrid, 1980. T. I. P. 313.

[127] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 197.

[128] Ср.: Leges Visigothorum. P. 202; *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 181–182.

ских дарений, так и в виде добычи во время войны; в последнем случае одну треть приобретенного он должен отдать отцу. И в этом левд противопоставляется другому получателю королевских щедрот (или дарения патронов), который ничего отцу или матери давать не должен, причем специально оговаривается, что отдавать он ничего не должен, даже если отец и мать еще живы. При упоминании же левда такой оговорки нет, и лишь говорится о его обязанности отдать отцу одну треть военной добычи. Видимо, можно предположить, что в то время (вторая половина VI в.) левдом называли молодых дружинников, которые уже были достаточно взрослые, чтобы служить королю, в том числе и на войне, но еще жили в отцовской семье и оставались, вероятно, под властью отца. Позже эта категория «верных» перестала выделяться из среды fideles.

Наряду с «верными» под властью короля находились также рабы (servi regis или fisci) и отпущенники (liberti fisci). Противопоставленные свободному населению, они, однако, находились в привилегированном положении по отношению к остальным рабам и отпущенникам. Это более привилегированное положение, может быть, отражалось в том, что такие рабы иногда назывались мужами фиска (vires fisci). По военному закону Эрвигия рабы фиска обязаны участвовать в войне наряду со свободными (Leg. Vis. IX, 2, 9). Рабы фиска даже могли сами иметь своих рабов и отпущенников, а также землю (Leg. Vis. V, 7, 16). Надо заметить, что земля такого раба именуется terra, а не peculium. Вероятно, раб фиска владел своим участком на иных основаниях, чем частный раб. Рабы фиска имели даже право свидетельствовать на суде (Leg. Vis. II, 4, 4). Но в то же время без разрешения короля такой раб не мог ни освобождать своих рабов, ни продать свою землю. Даже передать свое имущество церкви такой раб без разрешения короля права не имел. И только король мог освобождать рабов фиска и становиться тем самым патроном королевских отпущенников (Leg. Vis. V, 7, 15). Налоговая амнистия Эрвигия, объявленная им 1 ноября 683 г., распространялась на частных лиц (privati) и на рабов фиска (fiscales servi)[129]. Таким образом, рабы фиска платили, как и свободные люди, налог непосредственно в казну, и этот налог собирали те же должностные лица, что собирающие налог с privati. Все это делало рабов и отпущенников фиска особой группой зависимого населения Вестготского королевства.

Зависимое вестготское население было неоднородно. Прежде всего выделяются две принципиально различные категории этого населения. Первая — fideles, связанные со своими патронами — как королем, так и

[129] Leges Visigothorum. P. 479–480.

частными лицами из числа знати — узами личной верности и сами являющиеся составной частью знати. Вторая категория — подлинно зависимые люди, в первую очередь крестьяне, чье положение на деле было подобно положению зависимого романского населения, хотя и с некоторыми нюансами, как отсутствие колоната. Во второй категории выделяются люди, зависимые непосредственно от короля (точнее, от фиска), которые, даже если они были рабами, занимали в обществе более высокое положение.

С вестготами в Испанию пришла арианская церковь. О ее социальной и экономической роли известно очень мало. Можно лишь предполагать, что пожалования королей и магнатов привели к образованию относительно значительной собственности этой церкви, как и ее служителей. Леувигильд издал закон, предусматривавший переход к соответствующей церкви имущества того клирика или монаха, который не оставил наследников (Leg. Vis. IV, 2, 12). Учитывая арианство этого короля, можно почти уверенно говорить, что этот закон имеет отношение именно к арианам, а не к католикам. Структура арианской церкви была подобна католической. Неизвестно, имела ли она единое руководство на общегосударственном уровне. Арианский патриарх упоминается только в Вандальском королевстве, хотя можно думать, что после того как Леувигильд окончательно утвердился в Толедо как в столице королевства, толедский епископ мог стать решающей фигурой при рассмотрении церковных дел во всем государстве. Таким столичным епископом был Ульдида, который уже после обращения готов в католицизм составил вместе с бывшей королевой Госвинтой антикатолический заговор (*Bicl.* a. 589)[130]. Арианские епископы, вероятно, как и католические, были связаны со знатью. Известно, что арианский епископ Эмериты Сунна захватил некоторые католические церкви города, в том числе особенно почитаемую базилику св. Евлалии (Vit. Patr. Emer. XI, 27). Церкви же обладали значительным имуществом, и столь почитаемая церковь, как церковь Евлалии, не иметь его не могла. После захвата арианами это имущество, видимо, перешло к ним. Впрочем, надо отметить, что ранее, как об этом уже говорилось, чисто религиозных преследований в Вестготском королевстве не было, так что захваты церковного имущества едва ли имели место. Возможно, что во время расселения вестготов арианской церкви давались какие-то земли, а сами короли и вестготские аристократы, как и католики, могли часть своего имущества также передавать церкви. Хотя у нас конкретных сведений нет, можно все же предполагать, что, как и католическая церковь, арианская тоже являлась

[130] *García Moreno L. A.* Prosopografia... P. 225.

значительным собственником. В рамках церковной собственности социальные отношения у ариан едва ли отличались от отношений у католиков. После обращения готов в католицизм имущество арианской церкви, несомненно, перешло к католической.

ТУЗЕМНЫЕ СТРУКТУРЫ

Какой бы глубокой ни была романизация Испании, полностью покончить с доримскими порядками она не смогла. После кризиса III в. и особенно в период крушения императорской власти и варварских завоеваний местные структуры приобретали новое значение. В Северо-Западной Испании снова появились кастеллы, исчезнувшие было после прочного установления «римского мира». Во всей северо-западной части Пиренейского полуострова возрождается так называемая культура castros, характерная для этого региона в доримские времена. В ходе романизации эта культура, казалось, исчезла, заменившись местным вариантом римской, но во время варварских завоеваний и после крушения римской власти вновь вышла на поверхность[131]. Однако говорить о полном возрождении доримских порядков невозможно. В условиях сначала политического хаоса, а затем на периферии образовавшихся варварских королевств, где контроль центральной власти был минимальным, свой контроль за этими castros установили местные аристократы, многие из которых фактически стали независимыми.

Завоевание Леувигильдом Свевского королевства и его упорная борьба с местными seniores loci привела к установлению политического контроля вестготских королей над этими областями. Но государственный аппарат Толедского королевства не был достаточно сильным и разветвленным, чтобы реально подчинить все эти территории, и короли ограничивались сбором налогов и военным контролем, не вмешиваясь во внутренние дела этих социально-политических единиц[132]. Об их внут-

[131] *Martín Viso I.* La articulación... P. 85; *Cuesta F., Jordá Pardo J. F., Maya J. L., Mestres J.* Radiocarbono y cronología de los castros asturianos // Zephyrus. 1996. Vol. XLIX. P. 267–269; *Avello Alvarez J. L.* Panorama arqueológica de los astures cismontanes en la actual provincia de León // Memorias de historia antigua. VII–1987. P. 18; *idem.* Los suevis y visigodos en la provincia de León // Memorias de historia antigua. XI/XII — 1990/91. P. 295–296; *Arias Vilas F.* Castros lucenses de época romana // Memorias de hustoria antigua. VIII–1987. P. 9.

[132] *Martín Viso I.* La articulatión... P. 86–88. Археологические данные показывают, в частности, что вестготское присутствие здесь ограничено только военным элементом, а в остальном этот регион продолжал жить прежней жизнью, корни которой восходят еще к доримским временам: *Avello Alvarez J. L.* Los suevos y visigodos... P. 308–309.

ренней структуре говорить трудно. Ясно только, что здесь господствовал аристократический режим. Местная знать (скорее всего, потомки доримской родовой) господствовали над крестьянами, жившими в небольших деревнях, с весьма скудным достатком.

Горная северная часть Пиренейского полуострова в римское время лишь чисто политически подчинялась имперским властям. Крушение этой власти привело и к полному освобождению горного Севера[133]. Вторгнувшиеся в Испанию варвары долгое время не обращали внимания на эти территории, поскольку существующие там природные условия их совершенно не прельщали. Эти земли, конечно, могли быть объектом грабительских набегов свевов и герульских пиратов (*Hydat.* 140, 171), но реального влияния на местное население эти набеги не оказали[134]. Только во второй половине VI в. Леувигильд, следуя своей централизаторской политике, предпринял походы против васконов и кантабров и заставил их подчиниться. С этого времени вестготские короли считали северных горцев своими подданными. Однако реальное подчинение было довольно относительным и зависело от конкретных политических обстоятельств. Горцы, особенно васконы, не раз использовали любую возможность для выступления против королевской власти. Короли каждое такое выступление рассматривали как мятеж, но эти «мятежи» проходили довольно часто, и каждый раз, когда королевская власть по тем или иным причинам ослаблялась, горцы поднимали оружие против нее. Характерно, что весть о вторжении арабов пришла к королю Родриго в тот момент, когда он воевал против васконов[135]. Во всяком случае походы Леувигильда и его преемников, как и прежние набеги свевов и герулов, на жизнь горцев особого влияния не оказали. Она в значительной степени была организована по старому родовому принципу.

Однако преувеличивать архаичность социальной структуры васконов и кантабров все же нельзя[136]. Между этими народами тоже существовали различия. Кантабрия далее продвинулась по пути социальной эволюции. Местное общество было уже достаточно дифференцировано и иерархизировано. Ни о каком народоправстве речи не было. В «Житии св. Эмилиана» (26, 33) рассказывается, что Эмилиан, получив видение

---

[133] *Мюссе Л.* Варварские нашествия... С. 199.

[134] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 50.

[135] О войнах вестготских королей с васконами: *Barbero A., Vigil M.* Op. cit. P. 51–67. Однако с трактовкой этими учеными этих войн полностью согласиться сейчас уже едва ли возможно.

[136] *Montenegro J., Castillo A. del.* Don Pelayo y los origenes de la Reconquista // Hispania. 1992. N 180. P. 17.

о ближайшей гибели Кантабрии, призвал собрать сенат, на котором и рассказал о грядущей катастрофе; некий Абунданций посмеялся над ним, но вскоре сам погиб от меча Леувигильда. Характерно название органа, который должен был принять решение о будущем Кантабрии, — сенат (senatus). Это совершенно ясно говорит, что речь идет не о народном собрании, а об органе власти верхушки общества, и именно этот орган и полномочен принять решение. В этом же «Житии» (18, 21, 22, 24, 29) еще не раз упоминаются местные сенаторы, чьи рабы или они сами были излечены Эмилианом. Один из них, Сикорий, как уже говорилось, имел, вероятно, местное имя, другие, как Евгений и Гонорий, чисто римские[137]. Если не все они, то многие были потомками позднеримских магнатов. И само сохранение термина «сенаторы» говорит о преемственной связи между магнатами Поздней империи и высшим слоем кантабрийского общества вестготской эпохи. У этих «сенаторов» имелись рабы и собственные виллы. Раскопки показали довольно большое количество богатых вилл, особенно в центральной зоне современной Астурии, они располагались преимущественно около дорог и главным образом в узлах связи различных путей[138]. Хозяева этих вилл, «сенаторы», и осуществляли руководство конкретным сообществом. Как и в некоторых других регионах, здесь тоже роль местной аристократии, видимо, резко увеличилась в период борьбы с германцами.

Среди излеченных Эмилианом была Колумба, дочь куриала Максима (Vita Aem. 23). Это говорит не только о существовании в Кантабрии городов, но и о сохранении ими в третьей четверти VI в. римского городского строя. Города в этом регионе появились с римским завоеванием и долгое время играли довольно значительную роль в социальной и экономической жизни Северной Испании. Как и в других местах страны, они пришли в относительный упадок, однако не только продолжали существовать, но и не потеряли полностью свое значение, хотя характер их экономики, как кажется, изменился. По-прежнему важным центром был город Гигия (совр. Хихон), связанный сухопутными путями с внутренними районами Пиренейского полуострова, в том числе со столицей Толедо, и морским путем с франкской Бурдигало (Бордо), и вокруг него группируется значительное число вилл[139]. Другим важным центром был город, который в римское время именовался Флавионавия, а позже стал, по-видимому, называться Амнени, тоже связанный с пор-

---

[137] *García Moreno L. A.* Prosopografia... P. 47, 56, 73.

[138] *Menéndez Bueyes L. R.* Civitas christiana... P. 282–285; *Isla Frez A.* Consideraciones... P. 156.

[139] *Kulikowski M.* Late Roman Spain. P. 122–123; *Menéndez Bueyes L. R.* Civitas christiana... P. 280–284.

том и сухопутными путями[140]. Такое не только выживание, но и относительное процветание местных городов, связанных с различными путями сообщения, а также вилл, тоже расположенных в основном вдоль или вблизи дорог, свидетельствует о сохранении этим регионом экономических связей как с другими районами Испании, так и с внешним миром. Правда, значение городов по сравнению с римским временем все же уменьшилось (как уменьшились и их размеры), но зато увеличилась роль вилл в их окрестностях, куда, возможно, переселилась и часть городского населения и которые в большой степени стали центрами местной экономики[141].

И все же городов здесь было мало; многие дороги, игравшие в римское время заметную роль, потеряли свое значение[142]. За пределами городов и вилл, особенно в западной части этой зоны, сохранилось довольно большое количество небольших поселений, связанных с прежней культурой castros и населенных, вероятно, родовыми группами[143]. В какой степени жители этих поселений могли зависеть от местных аристократов и зависели ли они вообще, неясно. По сравнению с другими зонами аристократических вилл здесь найдено пока очень мало[144]. И если дальнейшее археологическое исследование подтвердит эти результаты, то можно будет сделать вывод, что население этой зоны оставалось вне зависимости как от центральных властей, так и от собственной знати.

Васконы находились на более ранней стадии социального развития, и у них родовые отношения сохранились в большей степени. Недаром именно с васконами вели в основном войны на северном «фронте» вестготские короли. Но и Васкония в социальном плане не представляла единства. Ее более низменные и более привлекавшие римлян районы были уже достаточно романизованы. В северной области тоже существовали города и виллы, но они находились только в районах рек и располагались далеко друг от друга, так что в промежутках явно жили своей прежней жизнью местные обитатели. В самых же северных горных районах городов вообще не было; до сих пор там не обнаружено и ос-

---

[140] *Santos Yanguas N.* Flavionavia: Una ciudad romana en la frontera del Imperio // SHHA. 1998. Vol. 16. P. 144.

[141] *Idem.* La ciudad astur-romana de Flavionavia // Memorias de historia antigua. XIX/XX – 1998/99. P. 299, 305–306.

[142] *Rabadal Alonso M. A.* La Vía de la Plata y la vía de León a Asturias // Memorias de historia antigua. XV/XVI – 1994/95. P. 255; *Santos Yanguas N.* El cristianismo primitivo en Asturias // Memorias de historia antigua. XIII/XIV – 1992/93. P. 218.

[143] *Menéndez Bueyes L. R.* Algunas notas sobre el posible origen Astur-Romano de la nobleza en el Asturorum Regnum // SHHA. 1995–1996. Vol. 13–14. P. 441.

[144] Ibid.

татков вилл[145]. Писатели того времени, говоря о васконах, всегда называют их грубыми и дикими (feroces) (например, Hist. Wambae 9). Жили васконы в укрепленных castros, вокруг которых располагались их поля (Hist. Wambae 8). Нет никаких сведений о существовании каких-либо объединений этих castros в более обширные социально-политические единицы. Но с другой стороны, в «Истории Вамбы» рассказывается, что король за семь дней разгромил васконов, захватил их castros и сжег их дома, после чего васконы отказались от дальнейшей борьбы и выдали заложников. Трудно представить, что без всяких связей друг с другом отдельные васконские castros смогли так быстро договориться и заключить мир с выдачей заложников. Можно предполагать, что все же какая-то власть у них имелась.

РИМЛЯНЕ И ГОТЫ

В период завоеваний и в первое столетие вестготской власти отношения между испано-римским населением и германским были неоднозначны. Имеются как факты полного сотрудничества и даже активной помощи германцам, так и сообщения об активном сопротивлении местного населения и его знати. Столь же неоднозначной была и позиция католической церкви в отношении арианских королей. Резкое правовое противопоставление романского и готского населения и прямой запрет на смешение крови еще более усиливали разделение населения Испании и Септимании на господствующих готов и подчиненных римлян. Однако с течением времени граница между этими двумя категориями становилась все более проницаемой. Несмотря на запрещение браков они, как показывает пример Тевдиса, все же иногда заключались. Леувигильд вовсе отменил это запрещение. А радикально положение изменилось после обращения вестготов в католицизм.

Это обращение поставило перед местными римлянами важную проблему. Если до этого правоверные католики противопоставлялись еретическому государству, то теперь католическая церковь сама становится государственной. Церковные соборы начинают играть важную роль в государственной жизни. И хотя, как об этом уже в свое время говорилось, в самой церкви германские элементы постепенно усиливаются и начинают играть роль бóльшую, чем доля готов в населении, все же церковь в значительной степени остается римским учреждением. При-

[145] *Sayas Abencochea J. J.* La actitud de los vascones frente al poder en época visigoda // Memorias de historia antigua. VIII–1987. P. 65–66.

влечение церкви к определению основных направлений жизни государства оказывается в значительной степени формой компромисса между вестготской монархией и романской знатью. Для первой это была максимально возможная степень компромисса, ибо бóльшим мог быть только отказ от самой сути вестготской (как и любой варварской) монархии. На этот компромисс охотно пошла и романская знать. После обращения вестготов в католицизм нет никаких сведений о сопротивлении испано-римского магнатства вестготским королям.

Для правления Реккареда, т. е. времени непосредственно самого обращения и вскоре после него следующего, символическими фигурами такого компромисса являются Клавдий и Леандр. Клавдий был знатным римлянином, ставшим одним из ближайших соратников Реккареда. Тот сделал его герцогом Лузитании, и это, пожалуй, единственный случай назначения римлянина на такой пост. В качестве такового Клавдий в союзе с эмеританским епископом Массоной подавил арианское выступление в Эмерите, а позже он был послан во главе армии в Септиманию, куда вторглись войска одного из франкских королей Гунтрама, и одержал блестящую победу (*Bicl.* a. 588, 589; *Isid.* Hist. 54; Vit. patr. Emer. 17, 39; 18, 41; *Greg. Tur.* IX, 31). Несколько позже папа Григорий I Великий направил Клавдию письмо, в котором писал о его великой славе (Ep. IX, 230). Все это говорит об очень высоком положении, которое занял Клавдий при Реккареде[146]. Дальнейшая судьба Клавдия неизвестна. Также неизвестно, достигал ли в будущем какой-либо римлянин столь высокого положения в Вестготском королевстве.

В церковной сфере столь же, если не более, значительную роль играл гиспалийский епископ Леандр. Он происходил из знатной и явно богатой испано-римской семьи, обладавшей владениями в Карфагенской провинции на востоке Пиренейского полуострова. Биография его отца Севериана практически неизвестна. Известно лишь, что когда центр провинции город Картагена перешел под власть византийцев, Севериан покинул его и перебрался, видимо, в ту часть Бетики, которая официально находилась во владениях вестготов, и осел в Гиспалисе. Вероятно, с этим районом его связывали какие-то имущественные интересы. Судя по тому, что три его сына стали известны, кроме своей церковной деятельности, и как писатели, в доме Севериана должна была царить определенная культурная атмосфера. Его дети были позже причислены к лику святых, и это свидетельствует о прочности католической веры и высокой набожности всей семьи. Бетика стала основной ареной деятельности его детей. Дочь Флорентина постриглась в монахини и стала

[146] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 81; *García Moreno L. A.* Prosopografia... P. 41–43.

основательницей и аббатисой монастыря. Фульгенций занял епископскую кафедру в городе Астиги и написал ряд произведений, в том числе комментарии к Пятикнижию и сочинение «О вере». А Леандр, по-видимому, самый старший из братьев, стал епископом Гиспалиса и играл важную роль в политической и идейной борьбе того времени. Значительной была роль Леандра в мятеже Герменегильда. Именно он окрестил мятежного принца по католическому обряду, оформив его переход в католицизм. Леандр не ограничился ролью духовного вдохновителя. Он, по-видимому, играл роль и политического советника Герменегильда. Когда давление Леувигильда возросло и дело шло к открытой войне, Леандр отправился послом Герменегильда в Константинополь с явной просьбой о помощи. Там Леандр, вероятно, заключил договор, по которому Герменегильд в обмен за помощь отдавал византийцам Кордубу. Но византийцы, снова овладев этим городом, реальной помощи Герменегильду не оказали. В 583–584 гг. Леувигильд разгромил своего сына и полностью овладел той территорией, которой он управлял, в том числе Кордубой, которую сдал ему византийский комендант.

Трудно сказать, где во время всех этих событий находился Леандр. Может быть, он вернулся в Гиспалис, но король не захотел обострять отношения и предпочел его не трогать, а может быть, он остался в византийской столице и вернулся в Испанию лишь после смерти Леувигильда. В любом случае его пребывание в Константинополе не было особенно кратким. Там он встретился с монахом Григорием, который в будущем станет знаменитым папой Григорием I Великим. Они подружились и много времени проводили в обсуждении различных вопросов, порой упорно споря друг с другом, что не мешало их дружбе и общей религиозной позиции. Когда Реккаред обратился в католицизм, настал звездный час Леандра. В 589 г. был собран III Толедский собор, который должен был официально закрепить переход вестготов в католицизм. Председателем этого собора был Леандр. Авторитет Леандра был неоспорим. Он фактически возглавлял всю испанскую церковь. В известной степени это было признано его старым другом папой Григорием, который прислал ему знак архиепископства. Умер Леандр 14 марта, но год его смерти установить точно нельзя. Видимо, это произошло в самом конце 90-х гг. VI в.[147] Его преемником на епископской кафедре Гиспалиса стал его брат Исидор.

Исидору принадлежит теоретическое обоснование никем не оформленного, но реально возникшего компромисса. Во всей своей литературной деятельности Исидор стремился внедрить античную культурную

[147] *García Moreno L. A.* Prosopografia... P. 91–93.

традицию в современное ему общество, приспосабливая ее к обстоятельствам нового времени. Это отразилось и в политическом плане. Но на место Рима и его империи, как это было у римских писателей и мыслителей, он, не признавая в современной ему империи наследницу империи прежней, поставил Испанию[148]. В его творчестве, пожалуй, впервые четко оформился испанский патриотизм. И готы славны и велики уже потому, что они властвуют над самой прекрасной страной мира. С другой стороны, они победили великий Рим и поэтому достойны править Испанией. Такой великий народ должен был иметь и великую историю[149]. Уже относительно давно и на востоке, и на западе Римской империи смешивали готов и гетов. Хотя два этих народа в действительности даже не были родственными, позднеантичные авторы, основываясь на сходстве названий и том факте, что готы частично заняли территорию, ранее населенную гетами, считали их одним этносом. Это позволило историкам углубить историю готов и приписать им деяния, которых те не совершали. Наиболее ярко это проявилось в произведении историка VI в. Иордана, который не только присоединил к готской истории историю гетов и даже частично скифов[150], но даже назвал свое сочинение «О происхождении и деянии гетов». Эта тенденция была подхвачена Исидором, который к тому же еще расцветил древнейший период истории готов фиктивными подвигами и превратил готов не только в древнейший, но и в самый великий народ известного ему мира. Это позволило Исидору и его испано-римским современникам принять и признать власть вестготских королей. Окончательно такое признание было оформлено на IV Толедском соборе в 633 г., проходившем под руководством Исидора, где было установлено, что королем может быть избран только гот. Последующие соборы дополнили и детализировали это установление.

Конечно, не только обращение вестготов в католицизм привело к принятию их власти местным населением, в первую очередь светской и духовной знатью. Очень важным фактором стало все усиливающееся сближение и даже в ряде случаев смешение двух групп населения[151]. Этому способствовало как официальное разрешение смешанных браков, так и социальное сближение этих групп. Во владениях вестготской знати в значительной степени складывались те же отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми, как и в латифундиях романских

---

[148] *Fontaine J.* Isodoro de Sevilla... P. 29–31.

[149] *Carbó García J. R.* Godos y getas... P. 199–200.

[150] *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Гетика». С. 56.

[151] *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 68.

магнатов. Видимо, неслучайно с конца V или рубежа V–VI вв. исчезают свидетельства самостоятельного существования романских сенаторов, но зато все более появляются упоминания вестготского сената и сенаторов[152]. Как уже говорилось, эти названия встречаются не в законах, а в соборных постановлениях и хроникальных произведениях. Вестготская знать если не юридически, то ментально отождествляет себя с римским нобилитетом, а церковь использует это представление для установления преемственности между римской и современной эпохами. На другом полюсе происходит сближение положения низов и романского, и вестготского населения. Так, раскопки в области сплошного расселения вестготов показали, как с конца V в. уменьшается, а вскоре и исчезает особенность вестготских рядовых погребений и их отождествление с испано-римскими[153]. В социальном плане происходит значительная (хотя и не окончательная) нивелировка вестготов и испано-римлян[154]. Вестготы принимают многие римские социальные нормы. Очень важным является утверждение римского принципа частной собственности, как это ясно видно из закона Хиндасвинта (Leg. Vis. V, 4, 13)[155]. Элементы условной собственности еще сохраняются в отношениях между патроном и его «верными», однако этот сектор занимает сравнительно небольшое место в социально-экономической жизни Вестготского королевства, но и в этом секторе влияние римского понятия собственности явно ощущуается. Вестготы все больше поддаются римскому культурному влиянию. Исчезновение арианства, считавшегося «готской верой», привело и к исчезновению готского языка, до того времени использовавшегося в арианском богослужении. В лингвистическом плане происходит полная романизация вестготов. Итогом этого процесса является создание единого законодательства, действенного для обеих групп населения. Вестготские короли стали рассматривать обе эти группы в равной степени как своих подданных. Недаром все чаще появляется выражение «наши народы».

Однако говорить о полном слиянии обеих групп невозможно. Само выражение «наши народы» во множественном числе (populi nostri) говорит о существовании не одного «народа», а по крайней мере двух. Об этом же свидетельствует, как уже говорилось, и встречающаяся в законах формула «будь то гот или римлянин». К политической власти и вообще на

---

[152] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 84–87.

[153] *Reimer H.* Soziale Schichten... S. 485–488; *Yánez G. I., López M. A., Ripoll G., Serrano E., Consuegro S.* Excavaciones en el conjunto funerario de época hispano-visigoda de la Cabeza (La Cabrera, Madrid) // Pyrenae. 1994. N 25. P. 276–277.

[154] *Saitta B.* Acpetti sociale... P. 50–53.

[155] *Pérez Sáncez D.* La transformación... P. 303.

высшие ступени государственной иерархии римляне не допускались. Случай Клавдия так и остался уникальным. Да и в церковной иерархии постепенно увеличивалась доля германцев. Вестготское королевство, с этнической точки зрения, оставалось двусоставным. С социальной точки зрения, как уже упоминалось, можно говорить о постепенном отождествлении обеих этнических групп. Но и в социальной сфере различия не были полностью ликвидированы. У романского населения нет следов существования института «верных», основанного на принципе личной преданности, а у вестготов отсутствовало такое явление, как колонат. Если в готской части населения можно говорить о некоторых явлениях условной собственности, то владения романского населения были основаны исключительно на римских началах частной собственности.

ЭКОНОМИКА

В экономике Испании всегда большую роль играло сельское хозяйство. Известно, что долгое время эта страна поставляла в Рим и в армию оливковое масло. Большое значение имел так называемый гарум — особые рыбные консервы, высоко ценимые в разных странах Средиземноморья. Теодорих, фактически правивший в Испании в 510–526 гг., как это было сказано, также требовал поставки в Италию испанских продуктов.

После варварских завоеваний роль сельского хозяйства в Испании еще более возросла. В целом в испанском земледелии VI–VII вв. не произошло радикальных изменений. В основном оно продолжало базироваться на так называемой средиземноморской триаде — зерновые, виноград, олива. Оливковое масло и гарум снова, как и во времена Ранней империи, стали предметами экспорта[156]. Что касается зерновых, то среди них теперь значительную роль играют рожь и особенно ячмень, вытесняя пшеницу. На северо-востоке и востоке Пиренейского полуострова доля ячменя составляет не менее 50 % от пшеницы[157]. Роль вина в христианском культе привела к тому, что в рамках этой триады в этот период большее значение приобретает, пожалуй, виноград. Виноградарство и виноделие распространяется даже в тех районах, где природные условия не очень подходят для них. Так, виноградники занимали определенное место в имении Винцента в предгорьях Пиренеев.

---

[156] *Claude D.* Der Handel... S. 105–106; *Фихман И. Ф.* Оксиринх — город папирусов. М., 1976. С. 132.

[157] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 196.

В завещании, написанном этим диаконом в 551 г., говорится о наличии в его имении земель, т. е. участков, предназначенных для выращивания зерновых, виноградников, оливковых рощ, садов, пастбищ, вод и водопроводов, стад коров и коней[158]. «Вестготские формулы», составленные в Бетике, отражают почти такую же структуру имений: земли, здания, виноградники, леса, воды, водопроводы, пастбища, сады, болота (Form. Vis. VIII, IX, XXI). Здесь почему-то не упоминаются оливы, но наличие в Южной Испании оливковых рощ не вызывает никаких сомнений. Наличие сходной структуры в имениях, расположенных в удаленных и столь различных по своим физическим характеристикам районах говорит о ее типичности для вестготской Испании.

Конечно, региональные различия существовали. Так, в центре Пиренейского полуострова большее значение приобретали зерновые[159]. Исследование монастырских правил показывает различие между Бетикой и Галлецией. На юге рацион монахов состоял из овощей и зелени, хлеба и оливкового масла, довольно значительного количества вина и очень незначительного количества мяса по праздникам. На северо-западе вина давалось гораздо меньше, хлеб был ячменный, но зато этот рацион обогащался рыбой, а вместо оливкового масла использовалось животное[160]. Последнее ясно говорит, что здесь, на берегах океана, о средиземноморской триаде речи не шло. Свевы, которые жили в Галлеции, практически следов в этой области не оставили, так что говорить об их влиянии на местное земледелие едва ли возможно. Бетика и восток полуострова также явно были свободны от германского влияния. Что касается владений Винцента, то они показывают полную преемственность по отношению к римской эпохе[161]. Эти территории никогда не были заселены вестготами. Зато центр полуострова был вестготским. Там в некоторых местах были обнаружены небольшие каменные плиты с различными записями, в том числе экономического характера. Большинство их принадлежит рядовым крестьянам. И крестьяне эти, судя по именам, были готами[162]. Тем не менее, как об этом упоминалось, они занимались в основном зерновым хозяйством, хотя не чуждались оливы и винограда. Таким образом, можно говорить, что различия в земледельческих занятиях зависели не от этнического происхождения земледельцев, а от географических условий данного региона.

---

[158] *Corcoran S.* The donation... P. 217.

[159] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 180.

[160] *Garcia Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 194.

[161] *Ariño Gil E., Diaz P. C.* Poblamiento... P. 233.

[162] *Alonso Avila A.* El impacto visigodo en la actual provincia de Avila // Los Visigodos. P. 203.

В это время происходят некоторые изменения в климате, который стал более сухим и холодным, что не могло не воздействовать на сельское хозяйство. Недаром нередко, особенно с середины VII в., отмечаются засухи. К ним прибавляются довольно частые налеты саранчи. И то и другое наносило удар и без того незначительной рентабельности испанского земледелия. Цифры урожайности для того времени отсутствуют, но некоторые косвенные данные и сравнение с другими странами позволяют говорить о довольно низких урожаях: 2,5–3 к одному для пшеницы, не более 5 к одному для ржи и 2,5–4,5 к одному для ячменя, и при этом речь идет о нормальных годах, когда не было ни засухи, ни саранчи, да к тому же о хозяйствах монастырей или крупных собственников, чьи земли были a priori лучше[163]. Так что, занимаясь лишь одной культурой, земледелец выжить не мог. Уже сама по себе такая низкая рентабельность хозяйства вела к тому, что оно должно было быть многокультурным. И наряду с земледельческими культурами значительную роль в сельском хозяйстве того времени играет животноводство. И в Бетике, и в предгорьях Пиренеев наряду с участками, занятыми зерном, виноградом и оливой, имеются пастбища и луга. Во многих местах земледелие вообще вытесняется или отступает на второй план по сравнению с животноводством[164].

В позднеимперский период коневодство было одной из немногих отраслей испанского сельского хозяйства, значение которого выходило за пределы Испании. Коневодство не исчезло и после варварских завоеваний. В завещании Винцента особо выделяются стада коней и коров. О конях постоянно говорят вестготские законы. Но надо заметить, что кони были скорее символами богатства, они еще мало использовались как в обработке земли, так и в военном деле. Как тягловое животное чаще всего использовался бык. Быки и коровы давали навоз, бывший по существу единственным удобрением того времени. В меньшей степени они использовались как источники мяса и масла (там, где не было оливкового). И все же для питания в гораздо большей степени выращивали овец и свиней. Последние паслись не только на пастбищах, но и в лесах, которые занимали довольно много места в пейзаже той эпохи. Скот давал кожи, являвшиеся предметом экспорта[165].

Ремесло явно пришло в упадок. Это не означает, что оно исчезло вовсе. Вестготские законы свидетельствуют о существовании ювелиров,

---

[163] *Garcia Moreno L. A.* El campesino hispanovisigodo entre bajos rendimientos y catastrofes naturales // Los Visigodos. P. 173

[164] *Ariño Gil E., Riera i Mora S., Rodriguez Hernandez J.* De Roma... P. 308.

[165] *Claude D.* Der Handel... S. 88.

работавших с золотом и серебром (Leg. Vis. VII, 6, 4). Археологические данные говорят об изготовлении керамики, хотя сами сосуды упрощаются и огрубляются[166]. И во время вторжений, и в первое время после них некоторые богатые виллы по-прежнему украшаются мозаиками. И хотя стиль их становится более грубым, связь с прежним производством и старыми традициями несомненна[167]. Однако позже производство мозаик практически прекращается[168]. Некоторое время в Испании производились саркофаги, но затем собственное производство прекратилось, и богатые люди, имевшие желание и возможность хоронить своих близких в каменных саркофагах, стали использовать либо импортные, либо старые, оставшиеся еще с прежних времен[169]. В то же время не могли не сохраниться такие виды ремесла, как изготовление вооружения и одежды, строительство. Найденные кирпичи и черепицы с именами мастеров[170] свидетельствуют о существовании соответствующих мастерских. Украшение церквей предполагает наличие мастеров, занимавшихся скульптурой и декором вообще. В римское время в Испании была развита добыча металла, особенно золота, а также, хотя и в меньшей степени, серебра, свинца, олова, железа. Начиная с III в., испанское горное дело приходило в упадок, но все же не исчезло полностью. Не исчезло оно и после варварского завоевания. Большие рудники, дававшие в I–II вв. наибольшее количество золота, прекратили свою работу, но многие мелкие, легче восстанавливаемые после различных разрушений, связанных с кризисом и завоеваниями, сохранились. Уже такие факты, как изготовление оружия и выпуск собственной монеты, говорят о сохранении горного дела на Пиренейском полуострове[171].

В это время изменяется характер производства. В годы правления в Испании Теодориха имеются некоторые указания на существование коллегий, объединявших изготовителей монет и морских торговцев[172]. В какой степени эти указания можно распространить на другие специальности, сказать трудно. Не исключено, что Теодорих, сознательно проводивший в Италии курс на союз с римлянами и в какой-то степени

---

[166] Historia social y económica... P. 190; *Pérez Rodríguez F., García Rozas M.* Nuevos datos acerca de la producción de terra sigillata hispánica tardía // BSAA. 1989. Vol. LV. P. 191.

[167] *Blázquez J. M.* Mosaicos hispanos de la época de las invasiones bárbaras // Los Visigodos. P. 470–472.

[168] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 270.

[169] *Ripoll López G.* Sarcófagos de la antigüedad tardíaen Hispania // Antiquité tardive. 1993. Vol. I. P. 155–157.

[170] Hispania epigraphica. 1998. Vol. 8. 102–104, 192–195, 198, 315–317, 415, 435, 578; 1999. Vol. 9. 243.

[171] *Edmondson J. C.* Mining... P. 91, 98–100.

[172] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 272.

даже реставрацию старых римских порядков, и в Испании попытался возродить старые коллегии. Во всяком случае после прекращения остготского правления в Испании никаких следов относительно независимых ремесленных коллегий найти пока нельзя. Вестготские законы их не упоминают. Такие грубые сосуды, какие в VI–VII вв. использовались в Испании, не требовали специализированных мастерских, и их вполне можно было изготавливать домашним способом. В других случаях наличие мастерских не вызывает особых сомнений, но организация в них труда точно не известна. Можно говорить только об организации придворного ремесла. Придворные ювелиры (argentarii) объединены в какую-то группу, которую возглавляет «начальник» (prepositus). Характерно, однако, что в этом законе Хиндасвинта (Leg. Vis. II, 4, 4) ювелиры названы в одном ряду с поварами, во главе которых тоже стоит prepositus, а также конюхами и виночерпиями, а возглавляющий ювелиров и поваров «начальник» является королевским рабом. Так что ни о какой коллегии свободных ремесленников и в данном случае говорить не приходится. Ювелиры входили в придворный штат наряду с другими слугами, и, вероятно, сами были рабами. Возможно, такая мастерская была создана Леувигильдом в подражание константинопольским, когда он сознательно имитировал византийские обычаи[173]. По существу это тоже домашняя мастерская, только «домом» является королевский дворец. Возможно, что те мастерские, существование которых можно считать несомненным, тоже были домашними. В них могли работать как рабы, так и наемники[174]. Наемники (mercenarii) упоминаются в вестготских законах. Но в законах Леувигильда (Leg. Vis. XI, 3, 3–4) они связаны с «заморскими торговцами», а в законе Сисебута (XII, 2, 14) упоминаются в связи с запрещением иудеям иметь и рабов, и наемников, а это, вероятнее всего, тоже имеет отношение к торговле. Впрочем, как кажется, наемники наряду с рабами имелись у «господина», не обязательно торговца (Leg. Vis. IX, 1, 11). Но были ли они ремесленниками или занимались какими-либо другими делами в хозяйстве, неизвестно. Судя по фактическому отсутствию в вестготском законодательстве положений, прямо относящихся к ремесленникам, ремесло как таковое не являлось предметом какого-либо государственного регулирования. Вероятно, оно было предметом взаимоотношений, существующих внутри отдельных хозяйств, включая явно церкви и монастыри.

Таким образом, можно говорить, что для вестготской эпохи характерно исчезновение римских принципов организации ремесла, что впол-

[173] *Orlandis J.* Época visigoda. P. 183.
[174] Ibid. P. 182.

не «вписывается» в общую картину упадка античного устройства испанского (и септиманского) города.

Особое положение занимал такой вид ремесла, как чеканка монеты. В IV в. в Испании не было собственного монетного двора, что было связано с отсутствием в ней значительных войск[175]. С исчезновением снабжения страны из других монетных дворов в ней ходили старые монеты. С созданием же в Испании практически (а затем и официально) независимых германских государств встал вопрос и о выпуске собственной монеты. Как уже говорилось, первыми на этот путь вступили свевские короли. А затем собственные деньги стали выпускать и вестготы, что не мешало, впрочем, хождению имперских. До правления Леувигильда вестготские монеты имитировали императорские. А около 575–576 гг. этот король стал выпускать собственные монеты со своим именем и собственной иконографией, которая сначала подражала византийской, а затем все более от нее удалялась[176]. Важной особенностью вестготского денежного дела было отсутствие централизации. В Испании было создано несколько монетных дворов. Только в правление Вамбы, как говорилось выше, их число сократилось до пяти. А в остальное время их количество порой доходило до двух десятков и более[177]. Однако все они явно принадлежали королю. В период Поздней империи все золотые рудники были собственностью государства[178], и естественно, что после варварского завоевания они перешли в собственность новых государей. Впрочем, в условиях политического хаоса некоторые мелкие рудники могли оказаться и в частных руках[179], и их владельцы могли также чеканить монеты. Известно, что с этим пытался бороться Теодорих (*Cass.* Var. V, 39). И позже вестготские короли издали несколько законов, направленных против выпускающих фальшивую или портящих королевскую монету (Leg. Vis. VII, 6, 1–5). В целом же чеканка монеты являлась королевской монополией. Полноценность монет, их вес и проба с течением времени колебались, отражая в значительной степени экономическую ситуацию и возможность королевской власти сосредоточивать в своих руках запасы золота. Самые полноценные монеты относятся к правлениям Леувигильда и Реккареда, а затем Хиндасвинта и Рецесвинта, а наибольший их упадок проявился при Эгике и Витице[180]. Говоря о

[175] *García Figuerola M.* Administración y moneda... P. 121–122.

[176] *Marot T.* La Península Ibérica... P. 146–148.

[177] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 115–118.

[178] *García Figuerola M.* Administración y moneda... P. 119.

[179] *Edmondson J. C.* Mining... P. 98.

[180] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 111; *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 280; *Pérez Sánchez D.* La transformación... P. 313.

вестготской монете, надо подчеркнуть, что короли выпускали только один ее вид — золотые тремиссы, являющиеся одной третью солида, в то время как все платежи, включая штрафы, выражались в солидах. В упомянутом выше документе «О Барцинонском фиске» предусматривается возможность уплаты налогов в серебряных силиквах, которые тоже не чеканились в Испании. И солиды, и силиквы явно были лишь счетными единицами[181]. Наличие этих счетных единиц показывает, что в принципе вестготская монетная система являлась прямым продолжением позднеримской[182].

С течением времени чеканная монета все больше использовалась для накопления богатства, в том числе и в королевской казне, для уплаты налогов населением и для расходов на чиновников и воинов[183]. Несомненно, существовала еще одна цель: идеологическая — восхваление правящего монарха, утверждение его права на власть и противопоставление другим монархам, в том числе императору. Экономическое же значение монеты было небольшим и постепенно все более уменьшалось, хотя и не исчезло окончательно. Даже с целью накопления богатств, как показывают находки кладов, использовались не только монеты, но и серебряные пластины и различные золотые изделия[184]. Они, по-видимому, тем более ценились, что вес монеты и, соответственно, ее реальная стоимость уменьшались, и в начале VIII в. в правление Витицы тремисс весил всего 1,25 г вместо положенных 1,516, а количество золота в этой формально золотой монете становилось тоже все меньше[185]. Товарность испанского хозяйства была небольшой. Характерно, что вознаграждением за службу наряду с деньгами является наделение землей, и постепенно второй вид вознаграждения становится преобладающим[186]. Земля, а не деньги превращается в главный вид и символ богатства.

Это, конечно, не означает полного исчезновения внутренней торговли. Надписи показывают продолжение ее существования. Предметами купли-продажи могут быть различные объекты, в том числе, как об этом говорилось выше, даже земля. Оценивались продаваемые предметы обычно в золотых солидах, хотя реально эти деньги не ходили[187].

---

[181] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 112; *Pérez Sánchez D.* La transformación... P. 313–314. Д. Перес Санчес не исключает объяснение упоминаний силиквы сохранением в конце VI в. римской монеты, но сам же справедливо полагает, что такое предположение очень мало вероятно.

[182] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 108.

[183] *Marot T.* La Península Ibérica... P. 149.

[184] *Edmondson J. C.* Mining... P. 99–100.

[185] *Клауде Д.* История вестготов. С. 199.

[186] *García de Cortazar J. A.* La epoca medieval. P. 33–34.

[187] Например, Hispania epigraphica. 2000. 441.

О существовании внутренней торговли свидетельствуют и некоторые законы. Один из законов Леувигильда упоминает conventus mercantium (Leg. Vis. IX, 2, 4). Во время этого conventus проводилось наказание преступников. Вероятно, речь идет о ярмарке или каком-либо другом сборище торговцев[188], где собиралось довольно значительное количество народа, что и обеспечивало публичность наказания. Это показывает, что, по крайней мере, во второй половине VI в. такие торжища были обычным явлением. Насколько они сохранились позже, сказать трудно. Другой закон Леувигильда должен был защитить свободное передвижение по дорогам, ведущим к городам и провинциям (Leg. Vis. VIII, 4, 25). Издание такого закона говорит, с одной стороны, что передвигаться по дорогам было все же небезопасно и это передвижение необходимо было защитить, а с другой — что движение по дорогам все же имело место и короли считали необходимым гарантировать свободу этого движения. Двигались же по дорогам преимущественно торговцы, а так как речь идет не о морских или речных портах, через которые велась внешняя торговля, то закон явно покровительствовал тем, кто вел внутреннюю торговлю. Однако такими людьми могли быть не только собственно торговцы. Крупные собственники, а также церкви и монастыри, служителям которых самим торговать быть запрещено, могли обращаться к зависимым от них людям; более мелкие собственники, включая крестьян, сами могли продавать свои не очень-то значительные продукты и покупать другие, необходимые[189]. Для местного товарообмена наличие профессиональных купцов не было необходимым. Необходимым оно было для внешней торговли.

Само по себе варварское завоевание не прервало внешнеторговые связи Испании. Как и раньше, Испания более всего была связана с Северной Африкой. Ко времени правления Теодориха относится любопытный эпизод: вместо того, чтобы, как требовало равеннское правительство, доставить зерновые из Испании в Италию, торговцы (навклеры) предпочли перевезти этот груз в Африку и там продать, что, естественно, вызвало возмущение Теодориха (*Cass.* Var. V, 35). Но этот факт означает, что африканский рынок был хорошо известен в Испании и сулил торговцам немалые выгоды[190]. В меньшей степени поддерживались торговые контакты с Восточным Средиземноморьем, но и они не отсутствовали. Испанские товары, особенно масло, достигали даже Египта. Другим важным партнером действовавших в Испании торгов-

[188] *Orlandis J.* Época visigoda. P. 183.
[189] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 279.
[190] *Claude D.* Der Handel... S. 147.

цев было Франкское королевство, с которым связывались и сухопутным путем через Пиренеи, и водным, как средиземноморским, так и атлантическим. Относительно значительный путь из Средиземного моря в Атлантический океан шел через пролив, а оттуда товары частично могли подниматься вверх по Бетису и Анасу, а частично двигались вдоль атлантического побережья вплоть до Британии[191]. На этих путях важными торговыми центрами становятся Тарракон, Малака, Картагена на средиземноморском побережье, Гиспалис, Кордуба, Эмерита на реках; в Септимании значительным центром был Нарбонн. Эти и некоторые другие прибрежные города являлись, по-видимому, своеобразными перевалочными пунктами, откуда заморские товары уже по внутренним путям переправлялись в глубь страны. Вестготские короли стремились по возможности контролировать заморскую торговлю, явно приносившую монархии значительные выгоды. Леувигильд издал ряд законов, регулирующих деятельность заморских торговцев (transmarini negotiatores), в том числе подчинение специальным telonarii (Leg. Vis. XI, 3, 1–4). В особом месте, называемым cataplus, осуществлялись контакты с прибывавшими из-за моря торговцами (Leg. Vis. XII, 2, 18)[192]. Конечно, по сравнению с римским временем объем и масштаб торговых связей Испании со средиземноморским миром уменьшились, но о ее полной экономической изоляции говорить нельзя.

Уже в позднеримский период торговлей занимались в основном представители Востока. После варварских завоеваний это еще более усилилось. Практически неизвестны вестготы или испано-римляне, которые сами активно участвовали в далеких торговых экспедициях. Торговлю по Средиземному морю осуществляли преимущественно сирийцы. Правда, под этим общим наименованием скрывались уроженцы не только Сирии, но и Египта и некоторых других грекоязычных стран средиземноморского Востока, в том числе иногда и сами греки (хотя иногда греки и выделялись)[193]. В ряде городов Испании и Септимании существовали колонии таких «сирийцев»[194]. Они были христианами и этим отличались от иудеев, которые тоже занимались торговлей, хотя, вероятно, больше посреднической, чем заморской.

---

[191] Ibid. S. 146–148, 154–160; *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 273–276.

[192] *Orlandis J.* Epoca visigoda. P. 184; *Claude D.* Der Handel... S. 123.

[193] *Claude D.* Der Handel... S. 175–177. Характерно, что для обозначения места контактов с заморскими торговцами используется греческое слово, хотя и написанное латинскими буквами — cataplus. Это еще раз подчеркивает роль грекоязычного Востока в испанской торговле.

[194] *Claude D.* Der Handel... S. 173.

Византийское завоевание части Испании привело, как об этом говорилось в соответствующем месте, к еще большему включению завоеванной территории в общий средиземноморский рынок. Именно Картагена и Малака, бывшие среди наиболее важных торговых центров Испании, оказались в составе Восточной Римской империи. Их разрушение после нового захвата вестготами нанесло тяжелый удар испанской внешней торговле вообще. В VII в. интенсивность внешней торговли ослабевает. В Испании прекращают свое существование «сирийские» колонии. Какова их судьба, точно неизвестно. Предполагают, что физически они не исчезли, но жившие там люди ассимилировались и слились с окружающим населением[195]. Но если это и так, то сама ассимиляция была, вероятнее всего, вызвана исчезновением мотивации выделения таких людей, т. е. прекращением, во всяком случае значительным, их деятельности. Уже говорилось, что археология показывает резкое уменьшение импорта, в первую очередь африканского, в испанских городах.

Полностью внешняя торговля не исчезла. Закон Эгики, принятый в 680 г., запрещает иудеям контактировать с заморскими торговцами в cataplus (Leg. Vis. XII, 2, 18). Следовательно, заморские торговцы все еще прибывали в Испанию. После исчезновения «сирийских» колоний, видимо, иудеи выдвигаются на роль главных торговцев. Их преследования наносят новый удар заморской торговле. Возможно, резкое ослабление средиземноморской торговли во второй половине VII в. привело к росту контактов с франками, и именно середина и вторая половина этого столетия дали ряд важных свидетельств оживления этих контактов: прибытие кораблей, находки монет, торговля испанской кожей[196]. Эта переориентация в перспективе ведет к усилению связей с континентальной Европой в ущерб традиционным средиземноморским связям.

Подводя общий итог, надо сказать, что после варварских завоеваний в Испании в целом продолжалась старая жизнь. Социальное и экономическое развитие шло по пути, начатому еще в период Поздней империи. Вестготы принесли с собой некоторые новые элементы, прежде всего институт личной верности. Но они к моменту массового переселения на Пиренейский полуостров уже были в большой мере романизованы. Их обращение в католицизм сняло важный барьер в отношениях между германцами и римлянами. Происходит сближение двух миров. Важным моментом является приблизительно середина VII в., когда,

---

[195] *Claude D.* Der Handel... S. 180–182.

[196] *Orlandis J.* Época visigoda. P. 185.

с одной стороны, в институтах, унаследованных от римского времени, происходят значительные изменения, симптомами которых являются упадок городов, резкое ослабление средиземноморской торговли, изменения в системе рабства и отпущенничества, а с другой — создается единая система права, действенная и для германского, и для римского населения. Многое от нас ускользает, но сам перелом в развитии общества несомненен.

Глава XIII

ГОСУДАРСТВО

МОНАРХИЯ

Главой Вестготского государства был король (rex), и само государство являлось королевством (regnum). Вестготская монархия, как об этом подробно уже говорилось, формировалась постепенно. И можно считать, что процесс этого формирования завершился в правление Эйриха. Он, как кажется, отказался от формального выбора или во всяком случае народного одобрения при взятии власти и стал королем, опираясь на свое родство с убитым им братом. А после смерти Эйриха власть совершенно спокойно наследовал его сын Аларих II. После гибели Алариха не возникло вопроса об избрании королем кого-либо иного, кроме его сыновей. Проблема состояла только в том, кого из сыновей павшего короля предпочесть — старшего, но незаконного Гезалиха или еще по малости лет практически недееспособного, но зато законного Амалариха. Вмешательство остготского короля Теодориха привело к возведению на трон Амалариха, который, однако, стал реально править только после смерти своего деда по матери Теодориха, являвшегося регентом. Казалось, что династический принцип утвердился в Вестготском королевстве окончательно. Но гибель не оставившего наследника Амалариха поставила на этом принципе крест.

Исчезновение рода Балтов привело к возникновению в этой сфере правового вакуума. Правил, которые определяли бы восхождение на трон и его наследование, не существовало. Часто трон захватывался силой. В других случаях, когда различные группировки более или менее уравновешивали друг друга, осуществлялось избрание, как это было с избранием Лиувы I. И Лиува, и его брат Леувигильд, и сын последнего Реккаред пытались восстановить династический принцип, но в конце концов эти попытки потерпели крах со свержением сына Реккареда Лиувы II Виттерихом. Неудачны оказались и другие попытки королей закрепить трон за своей семьей. Это вело к политической нестабильности, угрожавшей самому существованию и государства, и всех его ин-

ститутов, включая церковь, и его правящих слоев. Это заставило церковь как наиболее авторитетный элемент общества обратиться к этой проблеме.

В 633 г. IV Толедский собор, проходивший под руководством Исидора и в духе его политической доктрины, принял специальное постановление (75-й канон), не только заклеймившее всякое выступление против живого короля, но и установившее, что после смерти государя вельможи всего народа (primates totius gentis), т. е. вся готская знать, вместе с епископами составляют общий совет (consilium conmunus), который избирает нового короля[1]. Королем становился гот, но активное участие в избрании епископов, в то время в подавляющем большинстве римлян, обеспечивало определенное участие в решении вопроса о власти верхушке испано-римского общества. Несколько последующих соборов уточнили и развили это положение. Так, V собор под страхом отлучения и анафемы запретил избирать королем того, кто не принадлежит к готской знати (Gothicae genis nobilitas). VI собор дополнил это положение запрещением тиранического захвата власти после смерти действующего короля монахом, осужденным, рабом или иностранцем[2]. В конечном итоге было установлено, что избранным может быть только знатный гот, а само избрание должно происходить либо в Толедо, либо непосредственно в месте смерти скончавшегося короля, если смерть застигла его вне столицы. Избрание нового короля освящалось специальным церковным помазанием, что делало короля равноправным с императором и духовным наследником библейских царей. С другой стороны, помазание как бы устанавливало прямую связь государя с Богом и в еще большей степени сакрализировало королевскую власть[3].

Установление избирательной монархии внешне выглядело как возвращение к старой германской практике избрания королей. Но реальность была совершенно другой. Теперь речь шла не о военном вожде или сакральном главе племени, а о главе государства, сосредоточившем в своих руках огромную власть. В варварских королевствах того времени королевская власть принадлежала определенному дому. У франков это были Меровинги, у вандалов члены семьи Гейзериха, у остготов Амалы (пока этот дом в ходе войны с империей не сошел со сцены). У вестготов же отныне на место королевского дома выступает конкретная личность независимо от ее родственных связей. Активное участие в избирательном

---

[1] *Barbero A.* El pensamiento... P. 271–272; *Orlandis J.* Época visigoda. P. 144–145, 197.

[2] *Barbero A.* El pensamiento... P. 278.

[3] *Хачатурьян Н. А.* Король-sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе // Священное тело короля. М., 2006. С. 22.

процессе церкви привело к внесению в этот процесс определенных моральных моментов. Устами своего наиболее видного идеолога первой половины VII в. Исидора Севильского она объявила, что король должен быть справедливым, заботиться о стране и народе, особенно о бедняках; в противном случае он является не королем, а тираном[4], которого без ущерба для собственной души можно свергнуть, как Сисенанд, созвавший IV собор, сверг своего предшественника Свинтилу. Впрочем, как тиран мог рассматриваться и любой претендент на власть, пока он эту власть не захватил[5]. С этой точки зрения, например, Герменегильд, поднявший мятеж против своего отца под знаменем католицизма, все равно являлся для Исидора тираном, а Сисенанд, выступивший против Свинтилы, сначала тоже был тираном, но после победы превратился в законного короля. Король должен был также обладать кротостью, милосердием и, естественно, благочестием и заботиться о внутреннем мире и согласии[6]. Это привнесение в юридическую сферу этического аспекта давало возможность выступить против правящего короля под предлогом его несоответствия высоким моральным требованиям и становилось оправданием любой узурпации.

Установление избирательной монархии выдвинуло новую проблему — взаимоотношение между королем как главой государства и им же как частным владельцем. Став королем, человек получал возможность распоряжаться не только своим имуществом, но и богатой королевской казной и обширными имениями фиска с большим числом зависимого населения. В 653 г. VIII Толедский собор, окончательно установивший правила избрания нового короля, решил и эту проблему, установив, что сын умершего короля, если он не избирался новым государем, наследовал только то имущество, которое его отец имел до избрания королем, а все имущество короны переходило к новому монарху. Это разделение личного и государственного имущества короля имело следствием полное отделение монархии от личности конкретного короля. Монархия, таким образом, окончательно превращалась в государственный институт, не связанный жестко с той или иной личностью, семьей, родом.

Теоретически все это выглядело довольно стройно. Но реальность оказалась иной. Правда, после смерти Сисенанда Хинтила, как кажется, был избран новым королем в соответствии с правилами IV собора[7]. Но уже он оставил трон Тульге, который, как пишет т. н. «Испанское

[4] *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. P. 315.

[5] *Barbero A.* El pensamiento... P. 266–267.

[6] *Pérez Sánchez D., Rodrígues Gervás M.* Panegírico y sociedad... P. 241, 245.

[7] *Orlanis J.* Época visigoda. P. 146.

продолжение» (23), был хорошего рода и, вероятно, сыном Хинтилы[8], но по молодости лет явно не отвечал тем моральным требованиям, которые Исидор предъявлял монарху. И это могло послужить поводом Хиндасвинту для его мятежа. После этого на вестготском троне сменилось шесть королей. Сын Хиндасвинта Рецесвинт был «избран» королем еще при жизни отца, став его соправителем и затем спокойно взошел на трон. Точно так же произошло с Витицей, ставшим соправителем своего отца Эгики, а затем и единственным королем. По всем правилам после смерти Рецесвинта был избран Вамба, но сам он был свергнут в результате заговора. Сменивший его Эрвигий был якобы назван королем Вамбой до того, как тот впал в беспамятство, и толедский митрополит Юлиан тотчас провозгласил его королем, и ни о каком избрании не было и речи. Эрвигий, в свою очередь, сам назвал своим преемником Эгику, что также, насколько известно, не подтверждалось никаким, даже формальным, избранием. Только последний король Родриго был избран готским «сенатом», но это избрание было сразу же оспорено сыновьями Витицы и их сторонниками именно из-за нарушения прав детей умершего короля. Избирательный принцип, основанный на положении о возведении на трон идеального правителя, столкнулся с родовыми представлениями, с реальной практикой семейных и родовых связей и с не признанным официально, но все более укоренявшимся в сознании правом короля распоряжаться будущим трона.

Пока вестготы, поселившиеся в Аквитании, считались федератами империи, их король официально был лишь их главой, а власть над местным населением осуществлял как представитель императора. Еще до этого после поселения вестготов в Иллирике Аларих получил от императора титул magister militum, что давало ему полное право властвовать над этой территорией и ее населением. Фактически это означало создание почти самостоятельного вестготского государства с подчиненным местным населением. Оно оказалось весьма недолговечным. Как говорилось в соответствующей главе, Валия, возглавлявший вестготов, в момент их оседания в Аквитании, этот титул, как кажется, не получил. Это, однако, не мешало ни ему, ни его преемникам реально господствовать над предоставленной землей, а далее и расширять свои владения. Отношения вестготов с империей V в. были сложными, и федератный договор то разрывался, то заключался вновь. В 475 г. император Юлий Непот отказался от власти над территорией, подчиненной Эйриху, и официально признал его суверенитет над всеми его владениями. После этого вестготский король стал не только de facto, но и de iure наследником

[8] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 161.

императорской власти над подчиненной ему территории. От императоров вестготский король унаследовал и imperium как выражение высшей власти (Leg. Vis. II, 1, 1; 2; 5).

Король оставался королем готов, территория, ему подчиненная, — родиной готов (patria Gothorum), а государственным народом — народ готов (gens Gothorum)[9]. Так, например, говорится в законе Хиндасвинта о наказании выступавших против короля, родины и народа (Leg. Vis. II, 1, 8). И это положение не изменилось до самого конца. Подчиненная вестготскому королю территория официально состояла из трех частей — Испании (часто употребляется выражение «все провинции Испании»), Галлеции и Галлии, т. е. Септимании. Называя последнюю Галлией, вестготские короли сохраняли фикцию владения всей этой страной. Сохранение Галлеции как отдельной части королевства являлось скорее данью традиции и воспоминанием о ранее существовавшем там Свевском королевстве, но на деле никакого своеобразия этой северо-западной части Пиренейского полуострова уже не существовало. И все же полного слияния этих трех частей государства не произошло, и в сознании населения они существовали как отдельные единицы. Посланный отцом в Галлецию Витица, как говорилось в свое время, правил «королевством свевов», хотя уже давно не существовало ни свевов, ни их королевства. Юлиан в своей «Истории Вамбы» (13) пренебрежительно отзывается о «галлах», т. е. о жителях Септимании, включая и готское население этой провинции. Местное население полностью признавало власть короля готов.

После избрания короля все жители должны были присягать ему на верность. Законодательно это было оформлено только Эгикой, но в законе этого короля говорится, что это делается, как установлено обычаем (ut moris est), так что обычай присяги был явно много старше. Поскольку в это время законы относились ко всему населению независимо от его этнического происхождения, то и обычай, а затем закон о присяге распространялся на всех подданных короля. Закон специально оговаривает, что присягу приносят и палатины, и остальные люди. И если палатины приносят присягу непосредственно королю, то для принятия присяги остальными в отдельные территории направляются специальные королевские уполномоченные — discussores iuramenti (Leg. Vis. II, 1, 7). Но и король при своем избрании клялся защищать королевство и справедливо судить всех своих подданных[10]. Какой бы формальной ни была

[9] Ср: *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 110.

[10] *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. P. 316; *Клауде Д.* История вестготов. С. 149–150.

эта клятва, она подчеркивала связь монарха с народом и ограничивала, по крайней мере теоретически, его произвол.

В VII в. каждый король именовался славным (gloriosus) или славнейшим (gloriossimus). Этот титул появился у вестготских королей не сразу. Аларих II был только rex и господин (dominus), и никаких дополнительных титулов у него не было. Явно не были «славными» все Балты. Этот титул отсутствовал и у Тевдиса. В этом плане интересна надпись, сделанная в Гиспалисе в 581 г., по крайней мере, ее первая часть, гласящая: «Во имя Господа во второй год счастливого правления нашего господина Герменегильда, короля, которого преследует его родитель наш господин король Леувигильд»[11]. И Герменегильд, провозгласивший себя королем, и законный король Леувигильд именуются только «господами» и «королями», как и Аларих II. Отказ в дополнительном титуле можно было бы объяснить тем, что Южная Испания, включая Гиспалис, активно поддерживала Герменегильда в его борьбе с отцом под знаменем католицизма и уже поэтому не хотела особенно прославлять Леувигильда. Но, во-первых, и Герменегильд, признанный в этой части Испании, тоже не называется gloriosus, а во-вторых, судя по надписи, признание Герменегильда не означало полный отказ от признания королевского достоинства и за его отцом. В надписи явно воспроизведена стандартная форма титулатуры вестготского короля. Так что можно говорить, что между 506 и 581 гг. никаких изменений в королевской титулатуре не произошло.

В надписи, датированной первым годом Реккареда, т. е. 586 г., он именуется просто королем, но в январе 593 г. он уже rex gloriossimus[12]. Монах Тарра обращается к Реккареду, называя его, в частности, славным победоносным (gloriose triumphanti) (Epist. Wis. IX). В то же время в законах Реккареда этого титула нет. Наместник византийской провинции Спании Цезарий обращается к славнейшему и милостивейшему господину королю Сисебуту (Epist. Wis. II). Это, однако, могло быть лишь выражением вежливости, тем более что сам Сисебут в ответе Цезарию называет себя просто «господином» (Epist. Wis. III). Однако в «вестготских формулах» первой четверти VII в. уже встречается такая формулировка: «в правление такого-то нашего славнейшего господина короля» (Form. Vis. VII; XXV). Учитывая, что эти «формулы», как уже неоднократно говорилось, являются образцами документов, наименование короля «славнейшим» становится уже типовым. Можно полагать, что титул gloriosus был принят Реккаредом после обращения в католицизм,

[11] Hispania epigraphica. 2001. Vol. 11. 442. P. 141–142.

[12] Hispania epigraphica. 2000. Vol. 10. 441b; 435. P. 149, 152.

но официальным и постоянным он все же еще не стал. Тем не менее он уже постоянно используется до самого конца правления этого короля[13]. И все же в законах этот титул появляется только у Рецесвинта и с тех пор остается постоянным у всех его преемников[14].

По-видимому, такое наименование короля первоначально возникло по инициативе «снизу» и, вероятнее всего, не без византийского влияния. Начиная с первой половины VI в., gloriosi и gloriossimi стали обозначениями самых высших чинов империи[15]. В глазах людей того времени они стояли сразу же после императора. Таким представлялся и вестготский король, по крайней мере, его римским подданным, ибо, хотя он и был для них тоже самостоятельным государем, все же равным императору он быть не мог. Отсюда и соответствующее наименование короля. Возможно, что решающим для населения и церкви стал факт обращения короля в католицизм, что было, естественно, «славным» делом, но, кроме того, в глазах местных католиков ставило вестготского короля на один уровень с ортодоксальными чинами империи. Довольно быстро от испано-римлян это понятие переняли и обратившиеся в католицизм вестготы. Постепенно и сами короли, видимо, восприняли такое наименование, превратив его в один из королевских титулов.

Гораздо раньше вестготские короли стали принимать имя Флавий. Первым это сделал Тевдис, и это, как уже говорилось, вписывалось в его политику поиска согласия с романским населением своего королевства. Были ли Флавиями его преемники, неизвестно. Первым королем после Тевдиса, который с несомненностью так именовался, был Реккаред. Нет сомнения, что это имя заимствовано из римской практики. Первым императором, носившим имя Флавий, был Констанций Хлор, и с тех пор все императоры включали в число своих официальных имен это имя. Еще в VI в. Флавием был Юстиниан. Это имя могли принимать и некоторые варварские короли, претендуя на родство с римскими императорами. Начиная с Реккареда, это имя присваивали себе все короли вестготов. Не исключено, что уже Леувигильд, стремившийся во всех своих действиях уподобиться императору, принял и это почетное имя[16]. Но все же более вероятным кажется, что первым после Тевдиса Флавием среди

---

[13] Об этом ясно свидетельствует надпись, датированная последним годом правления Реккареда: Hispania epigraphica. 1997. Vol. 7. 258. P. 96.

[14] Leges Visigothorum. P. 523 (index).

[15] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 34. Надо отметить, что еще остготский король Теодорих, бывший также регентом при Амаларихе и на этом основании правителем Вестготского королевства, уже носил этот титул (CIL VI, 1794). Так что не исключено, что и воспоминания об этом короле тоже могли повлиять на титулатуру вестготских королей.

[16] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 322.

вестготских королей был Реккаред. Он принял католицизм и обратил в него всех своих поданных. На этом основании его сравнивали с Константином, и принятие имени Флавий, какое носил в свое время и Константин, должно было закрепить эту почесть. Кроме того, это имя устанавливало преемственность власти от империи к Вестготскому королевству и в какой-то степени приравнивало короля к императору.

Вестготский король давно перестал быть лишь военным вождем, каким он был в начале становления вестготской монархии. Уже Реккаред порой не сам направлялся на войну, а направлял на театр военных действий своих герцогов. Так, блестящую победу над франками одержал Клавдий. Позже это становится правилом. Король, однако, оставался главнокомандующим и в качестве такового мог в случае необходимости сам встать во главе армии, как это не раз бывало до самого последнего момента существования этого государства.

Главным было то, что король являлся главой государства. В первую очередь он был законодателем — artifex legum, создатель законов, как он называется в вестготских законах (Leg. Vis. I, 1, 1–9). Почти каждый король издавал свои законы. Начало законодательному процессу положил Теодорих I, а первый кодекс был создан при Эйрихе. Леувигильд пересмотрел этот кодекс, и именно этот codex revisus был, как полагают, включен в последующий свод законов под названием antiqua. Эти кодексы, как уже не раз говорилось, действовали только для вестготов и в случае споров между римлянами и вестготами. Одновременно на территории Вестготского королевства действовал так называемый Бревиарий Алариха, созданный на основе римского кодекса Феодосия свод законов римского права для романского населения. Но уже Тевдис издал, по крайней мере, один закон, действенный для обеих групп населения. Подлинный свод территориального права появился при Хиндасвинте, а его сын Рецесвинт издал новый кодекс, полностью прекратив действие всех законов, в этот кодекс не включенных, в том числе иностранных, т. е. римских, и подчинив действию нового кодекса всех подданных без различия происхождения. Позже в этот кодекс были включены новые законы, особенно Эрвигием, который издал довольно много законов, частично новых, частично корректировавших прежние. Вестготские короли придавали большое значение законам и самому акту законодательства. Даже сам король, по его же собственным словам, в судопроизводстве должен руководствоваться законами, включенными в кодекс, а не рассуждениями и обсуждениями, т. е. не собственными мыслями, представлениями и эмоциями (Leg. I, 1, 2). А сам закон определяется как исходящий от Бога, связанный с религией, как создатель права, основатель добрых нравов, охватывающий и юность, и старость, руко-

водитель государства, вестник права, учитель жизни, душа народа; он правит государством и человеческой душой (Leg. Vis. I, 2, 2–3). И хотя, конечно, в этом определении содержится изрядная доля демагогии, очень важно само провозглашение верховенства права. Это — римский принцип правового государства. И источником права является король. Законам подчинялись все жители королевства, но для церкви в чисто церковных вопросах действовало каноническое право, в огромной степени также восходившее к римскому, хотя и постоянно дополняемое решениями соборов[17]. Однако вопреки этому праву короли назначали и смещали епископов[18], так что королевское право оказывалось выше церковного. В отношениях между готами — частными лицами могли действовать какие-то нормы германского права[19]. Возможно, что, запрещая пользоваться любыми другими законами, кроме включенных в новый кодекс, Рецесвинт имел в виду не только римские или прежние вестготские законы, но и нормы германского обычного права. Однако в любом случае эти нормы занимали маргинальное положение в общем правовом поле и оказывали мало воздействия на общую правовую ситуацию в государстве. Правда, Эгика издал закон, согласно которому в случае незначительных дел (parva res) судья мог прибегать к испытанию горячей водой (Leg. Vis. VI, 1, 3), что, несомненно, восходило не к римским, а к германским нормам судопроизводства. Этот закон можно рассматривать как признание сохранения в стране германских обычаев и показатель определенного кризиса вестготской юридической системы. И все же это был лишь частный случай, мало влияющий на осуществление права в государственном масштабе.

Издавая законы, король одновременно был и их исполнителем. Кроме законов, он издавал «королевские приказания» (regales iussiones), за невыполнение которых полагалось наказание: знатные люди платили штраф в три фунта золота, а другие лица, не могущие штраф уплатить, наказывались ста ударами плети (Leg. Vis. II, 1, 33). В частности, своим «приказанием» король мог созвать общегосударственный или поместный собор[20]. Другим видом королевских актов был декрет (decretum), обязательный «для всех народов нашего королевства» (Leg. Vis. X, 1, 4), который, по-видимому, носил более общий характер, чем «приказание» по конкретным вопросам. Специальным декретом (decreto speciali)

---

[17] Sociétés... P. 289, 292.

[18] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 283.

[19] *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 51; *Клауде Д.* История вестготов. С. 157.

[20] *Fernández Ortíz Guinea L.* Partipación episcopal en la articulación de la vida política hispano-visigoda // SHHA. 1994. Vol. XII. P. 160.

в «военном законе» Эрвигия устанавливалось обязательное участие в войне всего населения, кроме клириков (Leg. Vis. IX, 2, 9). Наконец, король мог издавать эдикт по конкретному вопросу, но касающемуся всего государства. Таким был эдикт Эрвигия о сложении недоимок по налогам[21]. Король стоял на вершине чиновничьей пирамиды, осуществлявшей управление государством. Являлся он и верховным судьей. Своим iussio он назначал судей (Leg. Vis. II, 1, 16)[22], а в случае необходимости мог и сам вершить судопроизводство.

Очень важным моментом в формировании вестготской монархии было создание постоянной столицы. Во время пребывания вестготов в Галлии такой была Тулуза. После потери почти всех запиренейских владений у вестготов долгое время столицы не было, а король со своим двором находился там, где считал необходимым. Но Леувигильд, следуя в этом, видимо, примеру императора, столицей которого был Константинополь, официально избрал «королевским городом» Толедо[23]. С этого времени именно там находились королевский дворец и все центральные органы власти, там хранилась государственная казна, там по возможности избирался новый король, там собирались общегосударственные соборы и толедский митрополит сначала фактически, а затем и официально осуществлял высшую церковную власть во всем королевстве. Установление официальной столицы возвышало королевскую власть и делало Вестготское королевство неким подобием империи. И вестготские короли стремились всеми возможными способами это подчеркнуть. Так, в Толедо была построена церковь св.Петра и Павла, образцом для которой служила созданная еще Константином в его столице церковь св.Апостолов[24]. Постройкой этой церкви вестготские короли показывали, что их столица является не менее важным городом, чем прославленный Константинополь, и такой же столицей.

Сосредоточивая в своих руках законодательную, исполнительную, судебную и военную власть, признаваемый церковью как «религиознейший» и этой церковью специальным обрядом благословленный на трон, король являлся владыкой всех своих подданных, и те с полным основанием называли его dominus noster (наш господин), как это было и в Поздней империи, и в современной Византии. Как и император, вестготский король считал себя государем милостью Божией и ответственным

---

[21] Leges Visigothorum. P. 479–480.

[22] Законом допускалось и избрание судей по взаимному согласию сторон (Leg. Vis. II, 1, 25), но это явно касалось лишь споров между людьми, не имеющими отношения к важнейшим государственным вопросам.

[23] *Ewig E.* Résidence... P. 32–34.

[24] Ibid. P. 33; Sociétés... P. 373.

только перед Ним. Но в отличие от императора вестготский король еще приносил присягу своим подданным. Это не делало его ответственным перед ними, но все же как-то связывало короля. Однако на деле положение короля, как это уже отмечалось, было противоречиво. С одной стороны, он обладал столь значительными полномочиями и осуществлял их так неограниченно, что его власть становилась полностью (или почти) самодержавной. Но с другой — сам принцип избирательности монарха ставил его в зависимость если не от всей светской и церковной знати, то от большой ее части. Короли, стремясь выйти из этого положения и передать трон своему сыну, пытались еще при жизни делать его соправителем. Это сумел сделать Хиндасвинт с Рецесвинтом и Эгика в Витицей. Но это было все же исключением, а не правилом. Принцип избирательности короля в теории давал каждому знатному готу шанс достичь трона. Следствием этого была «готская болезнь» — убийства и свержения нежеланных или слабых королей, а конечным результатом — политическая нестабильность. Недаром «военный закон» Вамбы (и это положение было сохранено Эрвигием) требовал немедленного собрания всех воинов не только из-за вражеского вторжения, но и в случае внутреннего мятежа. Мятеж, как и вообще любые внутренние беспорядки, именовался термином scandalum[25]. Это латинское слово обычно использовалось в церковном языке, обозначая соблазн или предмет ужаса, вызванного введением в соблазн. Его применение в политической сфере показывает, что короли стремились не только подавить любое выступление насильственными мерами, но и морально приравнять такое выступление к дьявольскому соблазну.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Говоря и о центральном, и о местном управлении в Вестготском королевстве, надо иметь в виду, что речь идет о *становлении* государственного аппарата. В этом королевстве еще не было четко оформленной государственной машины. От старой римской машины остались обломки, которые активно использовали вестготские, как и другие варварские, короли. Прежние германские институты с течением времени трансформировались и, сохраняя прежние названия, могли приобретать совершенно другие функции. И все это перемешивалось, перетекало друг в друга; одни и те же обязанности могли выполнять разные люди, а один

[25] Этот термин для обозначения внутренних беспорядков применяется и в других варварских государствах: *Дворецкая И. А.* Западная Европа... С. 245.

человек осуществлять несколько обязанностей. Порой один и тот же институт имел разные названия. Старые латинские термины часто приобретали иное содержание. Тем не менее определенные черты управления в Вестготском королевстве все-таки установить можно.

При всей своей необъятной власти управлять государством один король, естественно, не мог. Ему помогала aula regia — королевский двор, состоявший из самых знатных готов. Генетически он, видимо, восходил к старому германскому comitatus (окружению, дружине), который был для вождя, по словам Тацита (Germ. 13), украшением в мире и опорой в войне. Входившие в эту организацию люди давали клятву верности своему предводителю и в мирное время выступали его советниками в осуществлении им власти, особенно в сфере судопроизводства[26]. С людьми из своего окружения советовались «судьи» и короли вестготов и во время своего пребывания в Северном Причерноморье, и во время своих движений по территории Римской империи. Этот институт не исчез и после оседания вестготов в Аквитании, и после поселения в Испании. Однако за это время он существенно изменился. Если у ранних германцев comitatus формировался только на основе личной верности независимо от происхождения его членов[27], то aula вестготских королей состояла только из знатных готов[28]. Не исключено, что ее членами были и епископы[29] (по крайней мере митрополит Толедо[30]), но никаких сведений об этом нет.

Принадлежавшие к этому двору назывались, как и римские сенаторы, illustres или nobiles et illustres viri либо seniores[31]. По-видимому, именно они и являлись теми готскими сенаторами, которые упоминаются в VII в. после исчезновения испано-римских сенаторов[32], и тем сенатом, который избрал королем Родриго в 710 г. (Cont. Hisp. 68). Aula regia выступала как подобие позднеримского консистория и имела функцию совета и помощи королю, в том числе в осуществлении им судопроизводства[33]. Ее члены также следили за соблюдением законов (Leg. Vis. XII, 2, 1). Эти люди или, по крайней мере, часть их вместе в королем участвовали в соборах и, начиная с VIII собора в 653 г., подписывали их акты. Внутри двора существовала своя иерархия. Особое

[26] *Kristensen A. K. G.* Tacitus· germanische Gefolgschaft. København, 1983. S. 29, 42, 54.
[27] Ibid. S. 53.
[28] *Saitta B.* Aspetti sociale... P. 24.
[29] *Fernández Ortíz de Guinea L.* Partipación episcopal... P. 166–167.
[30] *Orlandis J.* Época visigoda. P. 200–201.
[31] Leges Visigothorum. P. 476, 481, 483.
[32] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 85.
[33] *Fernández Ortíz de Guinea L.* Partipación episcopal... P. 165–166.

положение III собора, предавшего анафеме арианство, заставило и придворных подписать эту анафему, и так появились подписи светских лиц под соборными актами задолго до 653 г. И среди подписавших выделяются две группы — четыре viri illustres proceri (знатнейшие), перечисленные по именам, и прочие все seniores Gothorum, имена которых не названы[34].

После 653 г. соборные акты подписывали уже не просто viri illustres, но viri ilustres officii palatini[35]. И возникает вопрос о взаимоотношениях aula regia и officium palatinum. Одни исследователи считают их разными органами[36], другие полагают, что речь идет о разных названиях одного органа[37]. Обратив внимание на подписи viri ilustres officii palatini, можно увидеть, что все они еще исполняли те или иные должности. Когда же речь идет вообще о viri illustres, то должности могут указываться, но могут и не указываться. И из этого можно сделать вывод, что королевский двор (aula regia) и дворцовое управление (officium palatinum) — все-таки разные учреждения[38], хотя члены двора могли возглавлять те или иные ведомства дворцового управления. Разумеется, штат управления был гораздо бóльшим. Как говорилось выше, Хиндасвинт и Вамба использовал на службе в этом управлении даже своих рабов, что вызвало возмущение преемника Вамбы, Эрвигия. Видимо, обычно рабы все же к этой службе не допускались. Но заниматься всеми текущими делами viri illustres тоже не могли. Вероятно, основная часть работы падала на более низший слой населения, но свободный. Viri illustres, входившие в officium palatinum, именовались графами (comites), но одновременно могли быть и герцогами (duces). Остальные, занимавшие, видимо, более низкое положение, именовались palatini. Они составляли особое сословие — ordo, принадлежность к которому была почетна, ибо лишение провинившегося достоинства (dignitas) палатина являлось наказанием (Leg. Vis. II, 1, 6; 7).

Дворцовое управление делилось на ряд ведомств, возглавляемых графами. Такими ведомствами являлись: cubicularii — спальники, занимавшиеся домашним хозяйством, а их глава, как и в Поздней империи,

---

[34] Leges Visigothorum. P. 485.

[35] Ibid. P. 485–486. В подписях актов XV и XVI соборов (последние, акты которых сохранились) не указывается, что подписавшиеся принадлежали к officium palatinum, но они абсолютно такие же, как и в актах предыдущих соборов, начиная с VIII, так что нельзя сомневаться, что и в этом случае речь идет о принадлежавших к этому officium.

[36] *Saitta B.* Aspetti sociale... P. 24. По мнению Л. Г. Вальдеавельяно (*Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. P. 318), officium palatinum был частью aulae regiae.

[37] *Fernández Ortíz de Guinea L.* Partipación episcopal... P. 165.

[38] Ср.: *Orlandis J.* Época visigoda. P. 200.

возможно, занимался общим управлением[39], которое первоначально смешивалось с управлением домом государя; scanciarii — виночерпии, в ведении которых находилось снабжение; notarii — члены королевской канцелярии; spatarii — королевская гвардия; stabilii — конюшии. В состав дворцового управления входили также граф patrimonum, управлявший королевским имуществом, и граф thesaurorum, ответственный за казну и игравший роль министра финансов[40]. Некоторые из этих ведомств и должностей были унаследованы от Римской империи, как cubicularii и notarii, другие созданы уже вестготами. Так, само слово scanciarii происходит от готского sciancja — виночерпий[41]. Это означает, что первоначально речь шла о личном хозяйстве короля, об обслуживании его и его семьи. С течением времени, и видимо довольно быстро, домашний штат, состоявший в идеале из особо доверенных людей, превратился в правительство королевства. Как утверждалось на одном из соборов, эти люди благодаря своему опыту и справедливости удостоились положения правителей народа и участников власти[42]. Графы, как это видно из подписей под актами соборов, могли одновременно быть и герцогами, а в этом качестве возглавлять войска. Таким, например, был Вандемир (или Вадемир), который, являясь графом виночерпиев, в то же время возглавил авангард армии Вамбы, направленный против мятежников в Септимании (*Iul.* Hist. Wamb. 15)[43]. Мы точно не знаем состава «королевского двора», но все графы, входившие в дворцовое управление, судя по их именам, были готами. Ни одного римлянина среди них не было.

Как пережиток прежних форм управления в Вестготском королевстве существовало и общее собрание воинов. Но если во время пребывания вестготов в Галлии оно еще играло какую-то роль, то после переселения в Испанию оно почти исчезло. Известно только, что «все готы из королевства Испании» провозгласили своим королем Сисенанда (*Fred.* IV, 73), а позже Хиндасвинт был провозглашен королем не только сенаторами, но и «прочим народом готов» (*Fred.* IV, 82). Речь идет явно о собрании воинов, но в какой мере они представляли всех свободных готов, неизвестно. Вне их, несомненно, оставалась значительная часть вестготов, по крайней мере вестготской знати, поскольку ни Сисенанд, ни Хинадсвинт не были сразу же признаны во всей стране. Но сам факт участия

[39] Надо, однако, подчеркнуть, что в позднеимперский период «глава спальников» был обычно евнухом (*Bury J. B.* History... Vol. I. P. 33), чего, разумеется, не было в Вестготском королевстве.

[40] *Livermore H. V.* The origins... P. 217; *Orlandis J.* Época visigoda. P. 200.

[41] *Livermore H. V.* The origins... P. 217.

[42] Ibid. P. 216.

[43] *García Moreno L. A.* Prosopografia... P. 82–83.

не только знати, но и «прочего народа» говорит, что в критических ситуациях каким-то образом подобные собрания могли собираться. Больше известно о последнем случае такого собрания, когда воины Вамбы на собрании под председательством самого короля судили мятежника Павла и его сторонников. В этом собрании участвовали все seniores дворца, гардинги, чины дворцового управления и все войско (*Iul.* Hist. Wamb. 35). Видимо, таков был состав и других подобных собраний. Но характерно, как уже отмечалось, что в 710 г. при избрании Родриго никакой речи о «прочем народе» уже не было. Собрания окончательно ушли в прошлое. Но пока они существовали, в них, естественно, участвовали только вестготы.

Большую роль в политической жизни и управлении Вестготского королевства играла католическая церковь. После обращения вестготов в католицизм она, став государственной, превратилась в очень значительную силу. И в лице отдельных теоретиков, крупнейшим из которых был Исидор Севильский, и на своих соборах она формулировала то, что порой называют политической теологией, т. е. на основе христианского богословия выдвигала принципы политической жизни государства и положения его высших властей, прежде всего королевской власти и собственно личности короля. Созываемые соборы, особенно общегосударственные, но иногда и поместные, рассматривали не только религиозные и внутрицерковные вопросы, но и государственные проблемы и принимали по ним решения. Рассматривали соборы и различные жалобы, что делало собор и некоторой судебной инстанцией. На общегосударственных церковных соборах присутствовали и сам король, часто со своей семьей, и высшие чины двора центрального управления. Кроме того, они, начиная с правления Хиндасвинта, подписывали соборные акты, что придавало этим актам не только чисто религиозное, но и государственное значение. После соборов король порой издавал закон in confirmanda concilii — для подтверждения решений собора, который придавал решением собора официальную законодательную силу. Это сделал уже Реккаред после III Толедского собора в 589 г., хотя правилом это становится много позже. В результате церковный собор выступал как своеобразный законодатель. Это делало соборы очень важной политической инстанцией, а саму церковь не только религиозным, но и государственным институтом[44]. Вестготское королевство было единственным государством того времени, в котором церковные соборы

[44] О роли соборов в политической жизни Вестготского королевства и определении ими политических принципов: *Barbero A.* El pensamiento... P. 259–303; *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 290–293.

занимались светским законодательством[45]. Все это давало ранее основания говорить о теократическом характере Вестготского государства и сравнивать соборы с много более поздним парламентом, как и утверждать, что королевская власть находилась под контролем соборов[46]. Однако это по меньшей мере преувеличение.

Во-первых, соборы не были постоянной инстанцией. Никаких определенных сроков их созыва не существовало. Общегосударственный собор созывался королем в любое время, когда король считал необходимым, и в обстоятельствах, им самим определяемых. Реккаред, созвав в 589 г. III Толедский собор, официализировавший обращение вестготов в католицизм, более общегосударственных соборов не созывал, хотя при нем прошло несколько поместных. Следующий общегосударственный собор, IV Толедский, был созван только уже Сисенандом в 633 г. 43 года вестготские короли не чувствовали никакой необходимости созывать общегосударственный собор. За это время на троне сменилось, не считая Реккареда, шесть королей, в том числе весьма набожный Сисебут. Только Сисенанд свергнувший Свинтилу, счел необходимым созвать собор, дабы с его помощью оправдать свой мятеж и укрепить свою власть. В результате распределение соборов по времени очень неравномерно. За двадцать один год с 633 по 653 г. было созвано пять общегосударственных соборов, с 653 по 681, т. е. за 28 лет, — один, а с 681 по 704 (23 года) — шесть. Правда, один собор, XIV в 684 г., был созван толедским митрополитом Юлианом, а не королем Эрвигием, но он официально не считался общегосударственным, хотя на нем и присутствовали представители всех митрополитов королевства, и занимался только религиозными делами, да и созван был в особых политических условиях, когда резко выросла роль Юлиана.

Во-вторых, король не только присутствовал на соборе. Он обращался к собору со специальным посланием (tomus), в котором не только приветствовал собравшихся прелатов, но и определял темы последующего обсуждения. Со времени представления такого послания Рецесвинтом VIII Толедскому собору в 653 г. это становится правилом. В этом послании фактически устанавливалась и тональность обсуждения. Так что высший орган испанской церкви не только не мог собраться по инициативе самой церкви, но и не мог сам определять свою повестку дня, рассматривая то, что предложено королем[47]. Поместные соборы (синоды) тоже не оставлялись без королевского присмотра: на них при-

[45] *González-Cobos A. M.* Las clases sociales... P. 174.

[46] *Дворецкая И. А.* Западная Европа... С. 118.

[47] *Fernández Ortíz de Guinea L.* Partipación episcopal... P. 160.

сутствовали специальные королевские чиновники, контролировавшие ход такого собрания[48].

В-третьих, в идеале на соборе присутствовали все епископы королевства, которых иногда представляли их викарии. В соборах могли принимать участие и аббаты, но их было меньшинство. Епископов же назначал король. Хотя официально требовалось согласие, consensus, между королем и митрополитом той или иной провинции, на деле оно превратилось в чистую формальность, и только при отсутствии королевского решения в дело реально вступал митрополит[49]. В этих условиях епископы практически полностью зависели от короля. Поэтому не удивительно, что за все время существования Вестготского королевства, включая весь период после 589 г., не было ни одного случая, чтобы какой-либо собор встал в оппозицию к королю, пытаясь навязать ему свою волю. В свое время Исидор приветствовал Свинтилу, считая его религиознейшим государем и поддерживая его мероприятия, но когда свергнувший при помощи франков Свинтилу Сисенанд созвал IV Толедский собор, тот под руководством того же Исидора и полностью оправдал узурпатора, и осудил свергнутого короля. Возведя выступление против короля в ранг святотатства, этот собор полностью признал власть нового короля, достигшего трона таким выступлением. В 675 г. XI Толедский собор, официально не являвшийся общегосударственным, но представлявший большинство испанских иерархов, полностью поддержал Вамбу, а созванные его преемником Эрвигием XII и XIII соборы осудили ряд мероприятий Вамбы и приняли меры по корректировке государственного курса.

В целом теоретически можно говорить не о подчинении светской власти церковной, а о согласии этих двух властей. В некотором смысле символом такого согласия являлся акт помазания короля, совершаемый толедским митрополитом. А конкретные взаимоотношения государственной власти и церковной иерархии зависели от конкретного же соотношения сил. Тот же акт помазания мог рассматриваться и как признание особого положения короля, единственного из всех смертных обитателей королевства непосредственно связанного с Богом, и как признание верховенства духовной власти, осуществлявшей это помазание[50]. При «сильных» королях, как Хиндасвинт или Вамба, церковь превращалась в оружие королевской власти — важное, но лишь оружие. С ослаблением королевской власти роль церковной иерархии увеличи-

[48] Ibid. P. 161.

[49] *Orlandis J.* Época visigoda. P. 222.

[50] *Хачатурьян Н. А.* Король-sacré... С. 22.

валась. Едва ли случайно столь большое количество соборов собирается в последние два с небольшим десятилетия существования вестготской Испании. В это время и поместные соборы могли принимать решения, практически касавшиеся всей государственной жизни. Таким был III Цезаравгустанский собор, созванный Эгикой, который, как об этом уже говорилось, принял постановление об обязательности ухода в монастырь вдовы умершего короля, что в тех условиях имело несомненное политическое значение.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В Вестготском королевстве сохранилось римское деление на провинции. За Пиренеями под властью вестготов осталась только одна провинция, которая и стала называться просто Галлия (иногда во множественном числе — Галлии, хотя ни о какой другой Галлии, кроме Септимании, речи идти не могло) и которая более или менее совпадала с прежней I Нарбоннской Галлией. Как и в римское время, отдельной провинцией была Галлеция, которая, как уже говорилось, официально считалась одной из трех частей государства. Под ней подразумевалась территория бывшего Свевского королевства, и поэтому она не точно совпадала со старой римской провинцией. Известно, что эмеританский митрополит Горонтий обратился к королю Рецесвинту с призывом вернуть церковную провинцию Лузитанию в ее прежние пределы, возвратив ей приходы, ранее оказавшиеся на территории Свевского королевства[51]. Поскольку церковное деление обычно совпадало с гражданским, можно говорить, что северная часть Лузитании, подчиненная в свое время свевам, так и осталась в составе Галлеции, по крайней мере, до правления Рецесвинта. Остальная часть Испании делилась на несколько провинций, и порой страну, кроме Галлеции, называли «все провинции Испании». Если не считать Лузитании, лишившейся своей северной части, остальные испанские провинции сохранили свою территорию. Та часть Галлеции, которая не была подчинена свевам, была присоединена к Карфагенской Испании. Однако в течение нескольких десятилетий юго-восточная часть Испании находилась под властью византийцев и образовывала провинцию Спанию, естественно, ликвидированную после нового вестготского завоевания. В состав византийских владений вошла значительная часть Карфагенской Испании, в том числе ее столица Картагена. После этого центр провинции был перенесен в Толедо, а сама провинция

[51] *García Moreno L. A.* Prosopografia... P. 171–172.

ПРОВИНЦИИ ВЕСТГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА В VII ВЕКЕ

Провинции Вестготского королевства в VII в.

стало часто называться Карпетанией по имени доримской области[52]. И после вытеснения византийцев центр провинции остался в Толедо. С целью увеличения авторитета столицы и ее митрополита к этой провинции, как кажется, были присоединены некоторые территории Тарраконской Испании.

В римское время испанские провинции, а также Тингитанская Мавретания по ту сторону пролива составляли диоцез Испанию (или Испании), управляемый викарием, подчиненным префекту претория для Галлии. Теперь никаких следов ни префектуры, ни диоцеза не осталось. Правда, Теодорих, как об этом в свое время говорилось, восстановил галльскую префектуру, но неизвестно, распространялись ли его полномочия на Испанию. Амаларих назначил было префекта для Испании, но этот опыт оказался кратковременным и никаких последствий не имел. Так что никакого общего управления испанскими провинциями, отдельного от общегосударственного или параллельного ему, в вестготское время не существовало.

В период Поздней империи испанскими провинциями обычно управляли президы и в виде исключения консуляры[53], которые в случае необходимости могли заменяться комитами, имевшими не только административную, как президы, но и военную власть. Римская гражданская администрация исчезла, видимо, еще до полного захвата Пиренейского полуострова варварами. Но когда вестготы прочно овладели полуостровом, они ее на уровне провинций восстановили[54]. Теперь провинциями управляют ректоры. В Поздней империи термин «ректор» являлся общим названием провинциальных наместников, подчинявшихся викариям диоцезов[55]. В Вестготском королевстве он стал единственным наименованием главы провинциальной гражданской администрации. Ректором провинции был римлянин, и он осуществлял власть над римским населением провинции. Судя по закону Рецесвинта, ректор был связан с имущественными проблемами и, вероятно, не имел даже судебной власти, поскольку наряду с ним существовал судья (iudex) (Leg. Vis. XII, 1, 2). Кодекс Рецесвинта, перечисляя лиц, обладавших судебными полномочиями, ректора провинции не упоминает (Leg. Vis. II, 1, 27). Тем не менее должность ректора провинции была довольно высокого ранга. Эрвигий в своем послании XII Толедскому собору в 681 г. называет

---

[52] *Idem*. La historia de España visigoda. P. 326. В церковной сфере это название появляется несколько раньше: ibid.

[53] *Roldán Hervás J. M.* La organización político-administrativa y judical de la Hispania Romana // HE. T. II, 2. P. 110.

[54] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 121–122.

[55] *Eger.* Rector provinciae // RE. 1914. Hbd. 1A. Sp. 447.

«религиозных ректоров провинций» наряду со «светлейшим сословием герцогов»[56]. После этого ректоры не упоминаются, но вполне возможно, что они существовали до самого конца Вестготского королевства. Однако реально их полномочия были невелики. Они, по-видимому, ограничивались сбором налогов с местного населения[57]. Все бóльшее значение в управлении провинцией приобретает герцог.

Уже в Римской империи после реформы Диоклециана наместники провинций потеряли военную власть, которая передавалась дуксам. Собственно это слово — dux — и является латинским обозначением германского герцога. Как и позднеримские дуксы, вестготские герцоги обладали военной властью, возглавляя военные силы в каждой провинции. Поскольку по традиции все боеспособные вестготы составляли войско, то герцог становился и главой вестготского населения своей провинции. Судя по закону Рецесвинта, герцог являлся персоной самого высокого ранга (Leg. Vis. II, 1, 27)[58]. И практически все герцоги были готами. Известен лишь один случай, когда этого поста достигал римлянин. Это был уже не раз упоминавшийся Клавдий, ставший при Реккареде герцогом Лузитании.

Постепенно функции герцога все более расширялись. Он становился верховным судьей на территории провинции, в его функции стал входить и сбор налогов[59]. Процесс расширения герцогской власти за счет полномочий ректоров был начат Леувигильдом, и он вполне вписывался в его курс на централизацию государства и усиление королевской власти. Переломным моментом стало правление Хиндасвинта, который окончательно приписал герцогам все те полномочия, о которых только что шла речь. «Военные законы» Вамбы и Эрвигия закрепили первенствующее положение герцогов в военной сфере (Leg. Vis. IX, 2, 8; 9). Создается впечатление, что за ректором остается только почетное положение без всяких реальных полномочий.

В какое-то время до 683 г. на севере Испании были созданы два герцогства (дуката) — Астурия и Кантабрия[60]. Цель их создания понятна — противодействие северным горцам, чье подчинение толедским королям оставалось весьма проблематичным и чьи набеги могли при-

---

[56] Leges Visigothorum. P. 476.

[57] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 126. По мнению Э. А. Томпсона, ректор провинции занимался также судопроизводством. Говоря об этом, он исходит из тождества rector = iudex, что нам кажется все-таки неверным, ибо в источниках вестготского времени такое тождество не наблюдается.

[58] *Livermore H. V.* The origins... P. 223.

[59] *Barbero A., Vigil M.* Sobre los origenes sociales... P. 118–124.

[60] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 334.

нести королевству много неприятностей. Но возникает вопрос: означает ли это, что создаются и две новые провинции? Если нет, то каковы были взаимоотношения между этими герцогами и провинциальными? К сожалению, ответить на эти вопросы пока невозможно.

Структурными единицами провинций были civitates, центрами которых являлись города. Таким образом, был сохранен римский принцип управления. Город и его округа (территория или иногда земля) составляли административное единство, и городские власти осуществляли руководство на всей этой территории. В городах, как об этом уже говорилось, сохранялись гражданский коллектив и некоторые органы власти, как курии, магистраты, принципалы (Form. Vis. XXV). Каковы конкретно были эти магистраты, неизвестно. По-видимому, как слово «ректор» стало обозначать римского наместника провинции, так и «магистрат» — носителя городской власти; старая система городских магистратур упростилась до одной должности. Наряду с магистратами называются принципалы. В римское время принципалы были либо младшими офицерами, либо главами канцелярий[61]. Возможно, и при вестготах речь идет о городских чиновниках. Сохранился, по крайней мере в Кордубе, куратор. В вестготских законах эта должность не упоминается. Перед нами — несомненный пережиток римской эпохи, и не исключено, что куратора, как и тогда, назначал монарх для наблюдения за городским самоуправлением, но появление этого чиновника было связано с конкретной ситуацией в Бетике. Наконец, существовал магистр, который утверждал принятый акт, играя роль нотариуса. Если судить по тому типовому образцу, который сохранился в бумагах кордубского нотариуса (он, видимо, и был этим магистром), то курия и другие органы городского самоуправления занимались в первой четверти VII в. в основном имущественными спорами, в том числе и по поводу уступки части имущества церкви, ставшей причиной ущерба имуществу заявителя. На какие еще сферы управления civitatis распространялись полномочия городских властей, неизвестно.

Однако реально роль городского самоуправления все более уменьшалась. С одной стороны, увеличивалось значение местного епископа, полномочия которого распространялись не только на церковную, но и на гражданскую сферу. Этот процесс начался еще в Поздней империи и интенсифицировался после варварских завоеваний. В условиях политического хаоса, вызванного варварскими вторжениями и фактическим исчезновением местных римских властей епископ оставался единственной инстанцией, которая могла и представлять, и защищать

[61] *Бартошек М.* Римское право. С. 259.

местное население. Арианские короли, следуя своей политике веротерпимости, не мешали католическим епископам осуществлять эти функции. А после перехода вестготов в католицизм такое положение епископа было легализовано. Уже при Реккареде, как мы видели, епископ участвует в избрании нумерария и занимается налоговыми проблемами. При Сисебуте епископ фактически приравнивается к iudex — судье, по крайней мере, в отношениях с иудеями (Leg. Vis. XII, 2, 13). В конечном итоге епископ приобретает довольно обширные гражданские функции[62].

С другой стороны, возрастает роль графа civitatis. Эта должность появляется еще во время пребывания вестготов в Галлии. После их переселения в Испанию роль этого графа еще более увеличивается. Уже при Реккареде он наряду с епископом в большой степени контролирует жизнь города и его округи. А по закону Хиндасвинта, как уже говорилось, вся жизнь города ставится под жесткий контроль графа или королевского судьи. Куриалы как сословие сохранились, но городское самоуправление на деле перестало существовать. Civitas осталась структурной единицей провинции, но вся власть в ней фактически перешла к епископу и графу. Граф осуществляет и судебную власть в общине, которой он управляет. В кодексе Рецесвинта граф занимает второе место после герцога в череде лиц, занимающихся судопроизводством (Leg. Vis. II, 1, 27). А в «военных законах» Вамбы и Эрвигия граф наряду с герцогом и другими чиновниками собирает военные силы (Leg. Vis. IX, 2, 8; 9). Таким образом, как герцог в рамках провинции, так граф в рамках civitatis осуществляет высшую гражданскую, судебную и военную власть, правда, в значительной степени деля ее с епископом. Особое положение занимает граф столицы Толедо[63]. Он, в частности, участвует в заседаниях соборов и подписывает соборные акты наряду с чинами придворного ведомства.

Полномочия графа (по-видимому, и герцога, а тем более ректора) не распространялись на имения фиска, находившиеся в данном округе. Акторы и прокураторы, управлявшие этими имениями, назывались наряду с главами провинций. А всем имуществом фиска управлял, как уже говорилось, граф патримония. И эта служба стояла вне общей административной системы. Полномочия гражданских чиновников не распространялись и на церковные владения. Недаром родственник Фруктуоза просил короля отменить решение о создании отцом Фруктуоза монастыря, ибо в этом случае монастырские земли не будут более служить

[62] *Pérez Sánchez D.* La transfomación... P. 305.
[63] *Ewig E.* Résidence... P. 35.

общему делу (Vita Fruct. 3). Таким образом, можно говорить о трех сосуществовавших видах местного управления — гражданском, церковном и королевском.

СУД И ВОЙНА. ЧИНОВНИЧЬЯ ИЕРАРХИЯ

Важнейшими сферами государственного управления были суд и война. Недаром весь кодекс, изданный Рецесвинтом в 654 г. и пересмотренный Эрвигием в 681, назывался Liber iudiciorum — Книга судей, или Книга судов. Это и был сборник законов, предусматривавших прежде всего всевозможные преступления и наказания за них, т. е. относился он преимущественно к уголовному праву, хотя содержались в нем и законы, относившиеся к семейным отношениям или к обязанностям тех или иных лиц. В целом вестготские правовые документы основывались на римском праве. В огромной степени романизованным был уже кодекс Эйриха, относившийся к вестготам, не говоря уже о Бревиарии Алариха, действовавшего для романских подданных и разработанного на основе римского кодекса Феодосия. И в дальнейших вестготских законах и кодексах содержались в основном нормы римского права, приспособленные к новой ситуации. Правда, это было не классическое римское право, а так называемое вульгарное, т. е. обычное, распространенное в IV–V вв., особенно в провинциях, и довольно хорошо адаптированное к местным условиям[64]. В нем, однако, сохранились основные римские правовые нормы и, что особенно важно, принципы первенства закона, взаимоотношений людей и закона, судоговорения. Именно на законе, а не на обычае (даже если тот зафиксирован письменно) основываются вестготские кодексы. В соответствии с этим законом суд и решает все дела. Всякая самодеятельность судей и других лиц, отправлявших правосудие, строго запрещалась[65]. Можно говорить о некоторых пережитках германского права, как, например, судебные сходки, на которых присутствуют свободные люди данной территориальной единицы, или довольно широкое, до седьмой степени, определение родства. В остальном никаких следов германского права в законах нет. Характерно, что в вестготском праве, как и в римском, не предусмотрено никаких судебных поединков или Божьего суда. Сумма штрафов за убийство устанавливается в зависимости от пола и возраста убитого, а не от его социального положения. Все это говорит о глубокой романизации

[64] *Stroheker K. F.* Germanentum... S. 121. Ср: *Бартошек М.* Римское право. С. 320.
[65] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 286.

правовой системы Вестготского королевства. И хотя, как говорилось выше, некоторые германские нормы сохранялись во взаимоотношениях готов — частных лиц, и даже король Эгика был вынужден признать одну из таких норм, правовая система в целом являлась прямой наследницей римской.

В то же время говорить о разработанной судебной системе в Вестготском королевстве невозможно. Таковой, отличной от гражданского управления, более не существовало. Правда, в королевстве имелись специальные судьи (iudices), которые либо назначались королем в соответствии с его «приказом» (iussio), либо избирались по взаимному согласию сторон. Последние были по существу посредниками или абитрами и разбирали явно не очень-то существенные дела, скорее всего — имущественные споры. Судьи, назначаемые королем, стояли на более высокой ступени. Однако эти судьи были не единственными лицами, занимавшимися судопроизводством.

Закон Рецесвинта перечисляет все такие лица и устанавливает их иерархию (Leg. Vis. II, 1, 27). На вершине этой иерархии стояли герцоги (duces), далее шли графы (comites), потом в порядке уменьшения их значения — викарии (помощники герцогов и графов), «защитники мира» (pacis adsertores), тиуфады, милленарии (и то, и другое слово обозначало «тысячника»), квинквагентарии (пятисотники), центенарии (сотники), защитники (defensores) и только в самом низу этой пирамиды находились судьи, как назначаемые королем, так и избираемые. Каждый чиновник в рамках своей компетенции одновременно выступал и как судья, в то время как лица, специально занимавшиеся юстицией, стояли ниже этих чиновников. И это прежде всего относится к герцогам и графам. Все они занимались как уголовными, так и гражданскими делами[66].

Наряду с герцогами и графами, как это видно из закона Рецесвинта, судопроизводством занимались и более низшие чиновники. Сфера их юрисидикции точно не определена. Если викария можно рассматривать как помощника или заместителя герцога либо графа, рассматривающего дела в отсутствие или по поручению своих начальников, то pacis adsertor был более самостоятельной фигурой. В другом законе Рецесвинта устанавливается, что pacis adsertor занимается делами, которые ему поручает король, и он устанавливает мир в соответствии с намерениями короля (Leg. Vis. II, 1, 17). Таким образом, он являлся специальным королевским чиновником, действующим исключительно по поручению монарха и явно независимо от местных властей.

---

[66] *Thompson E. A.* The Goths in Spain. P. 214.

На одной из нижних ступеней пирамиды, но выше судей, стояли defensor и нумерарий. В Поздней империи defensor был императорский чиновник, защищавший, в том числе и в суде, интересы бедняков против влиятельных лиц и вообще занимавшийся мелкими судебными делами[67]. В принципе те же адвокатские функции сохранились за ним и при вестготах. В законе Реккареда устанавливается, что он наблюдает за тем, чтобы судьи не приняли каких-либо решений в ущерб беднякам и в нарушение закона. И Исидор (Etym. IX, 4, 18–19) пишет, что задача дефензора — защищать плебс. Первое время, по-видимому, в городах еще сохранялась старая имперская должность куратора, но довольно скоро она исчезла[68], и, может быть, дефензор (или pacis adsertor) перенял ее функции. В отличие от римского времени теперь defensor не назначается монархом или префектом претория на неопределенный срок, а избирается епископом или народом, и предусматривается его ротация через каждые два года (Leg. Vis. XII, 1, 2). То же самое надо сказать и о нумерарии, который и в империи, и в Вестготском королевстве занимался налогами[69] и чья юрисдикция явно распространялась на эту сферу. Он тоже, по закону Реккареда, избирался епископом и народом с обязательной ротацией. С упадком городского самоуправления роль назначения «защитника» и нумерария окончательно переходит к епископу.

В иерархической пирамиде Рецесвинта между pacis adsertor и defensor стоят тиуфад, милленарий, квинквагентарий и центенарий. Эти должности восходят к германским традициям. В раннем германском обществе сотня являлась основной боевой единицей наряду с дружиной (comitatus)[70], и дружина была тесно связана со своим главой, и членство в ней было основано на верности ему, а сотня была связана со своим пагом, т. е. подразделением племени (*Tac.* Germ. 6). В случае необходимости могли объединяться пять и десять сотен, образуя соответствующие воинские части во главе с своими командирами. Так что сотники, пятисотники, тысячники — это в первую очередь военные должности, связанные с родовыми объединениями в отличие от герцогов и графов, связанных с королями. Разумеется, в процессе переселений и оседаний на новых землях все эти люди превращаются в королевских служащих. Но их связь с традиционными готскими организмами, вероятно, сохраняется. По-видимому, во время занятия новых земель, в том числе

[67] *Бартошек М.* Римское право. С. 103; *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 61.
[68] *Saitta B.* Aspetti sociale... P. 32.
[69] *Bury J. B.* History... Vol. I. P. 32.
[70] *Kristensen A. K.* Tacitus germanische Gefolgschaft. S. 44.

и в Испании, вестготы селились в соответствии с принадлежностью к сотне, пятисотне и тысяче, и в таком случае главы этих объединений возглавляли и территориальные единицы, в которые объединялись вестготы. И они, как и другие главы территориальных единиц, осуществляли не только административную, но судебную власть в этих рамках.

Некоторое удивление вызывает включение в судебную иерархию милленария наряду с тиуфадом, поскольку оба слова означают одно и то же: главу тысячи; только первое слово — латинское, а второе — готское [71]. Так как соответствующий закон Рецесвинта при всей своей краткости очень четок, то ясно, что законодатель имел в виду разные должности, хотя и близкие, о чем свидетельствует их расположение друг за другом (сначала тиуфад, а затем милленарий) выше квинквагентария. Может быть, имелось в виду, что тиуфад возглавлял готов, а милленарий — римлян? Но такое предположение кажется все же маловероятным. Видимо, эти должности имели какие-то для нас не очень ясные нюансы, которые отличали их друг от друга.

Важен еще один момент. Тиуфад включается в число лиц inferiores, viliores, т. е. к «простому народу» (Leg. Vis. IX, 2, 9)[72]. Значит, и все лица, стоявшие на еще более низких ступенях пирамиды, включая судей, тоже относились к «простому народу». Внутри государственного аппарата была проведена грань между двумя группами чиновников, и эта грань проходила, вероятно, между pacis adsertor и более низкими функционерами[73]. Возможно, что такое разделение было связано с происхождением этих должностей. Высшие издавна входили в comitatus короля, а более низкие вышли из параллельных родовых структур. Если это так, то такое разделение должностей проливает свет на формирование вестготского государственного аппарата из этих двух источников. К ним надо прибавить еще остатки римского управленческого аппарата, которые были интегрированы в германский. К этим остаткам относятся должности дефензора и нумерария, занимающие нижние ступени бюрократической иерархии и, пожалуй, в наибольшей степени связанные с населением. В германском обществе не существовало самостоятельных судей. И в Вестготском королевстве судебными полномочиями в той или иной степени обладали не только король или судьи, но и все должностные лица, стоявшие между ними. Появление в иерархической системе государства специальных судей, несомненно, связано с римским насле-

[71] Leges Visigothorum. P. 63.

[72] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 286.

[73] Нет данных, что pacis adsertor принадлежит к honestiores personae, но тот факт, что он исполняет непосредственно поручения самого короля, позволяет расположить его в более высоком сословии.

дием. Но характерно, что функционеры, унаследованные вестготскими королями от римского времени, занимали самые низшие ступени иерархической системы.

В некоторой степени частью государственного аппарата становится церковь. Как уже говорилось, ее высшие иерархи фактически назначались королем. Но зато епископы все активнее участвовали в управлении, особенно на местном уровне. С исчезновением городского самоуправления в середине VII в. именно епископ становится главным представителем населения и его защитником перед властями и их возможным (и в реальности довольно частым) произволом. Это делало епископа наряду с графом фактическим правителем civitatis. Епископы и непосредственно участвуют в управленческих делах, принимая, как было сказано, участие, например, в выборе, а с течением времени и в назначении дефензора и нумерария. С другой стороны, выполнение некоторых соборных решений, как, например, по обращению в христианство иудеев или по недопущению «разбазаривания» церковного имущества, было невозможно без активного содействия светских властей на всех уровнях. Хотя официально церковная иерархия существует параллельно государственной, на деле они взаимодополняют друг друга.

Целью судов и всей судебной системы являлось сохранение существующего порядка, обеспечение внутренней стабильности государства. Этому служила и деятельность церкви. Если же порядок нарушался радикально (например, мятежом), то в дело вступала армия. Она же должна была обеспечить и защиту государства от внешних врагов[74]. Именно эти задачи поставил перед войском Вамба в своем «военном законе», в несколько иной редакции повторенном Эрвигием. В этих законах названы те лица, которые в случае необходимости должны составить войско из прибывших в их распоряжение отрядов. Это были герцог, граф, тиуфад и викарий. Все они вели свое происхождение именно из военной системы, и их появление в королевской армии неудивительно. Здесь не назван милленарий, должность которого, по-видимому, была поглощена тиуфадом. Но здесь нет также пятисотника и сотника.

---

[74] Армия, как известно, вообще является орудием политики государства. После изгнания из Испании византийцев вестготские короли практически не пытались вести какие-либо завоевательные кампании за пределами Пиренейского полуострова. На самом же полуострове их военные действия сосредоточивались в основном на севере в борьбе против горцев (не говоря, конечно, о подавлении мятежей), но горцы официально считались подданными вестготского короля, так что войны с ними, какой бы характер они на деле ни носили, теоретически считались подавлением мятежей. Так что о завоевательной политике Вестготского королевства речи уже не было. Поэтому и армию рассматривать как орудие такой политики нет оснований.

Между тем военное происхождение этих должностей сомнений не вызывает. Может быть, за 30 лет между изданиями кодекса Рецесвинта и «военного закона» Вамбы, т. е. между 654 и 673 гг., эти должности исчезли? Если так, то их исчезновение надо связать с изменениями в социальной структуре, отразившимися и на армии.

Значительную роль в военной структуре Вестготского королевства играли гардинги. Как уже говорилось, они восходили к непосредственному окружению королей, и уже одно это ставило их на более высокую ступень, чем тиуфадов и более низких чиновников. В «военном законе» Эрвигия они наряду с герцогом и графом причисляются к maiores loci personae (Leg. Vis. IX, 2, 9). Дополнение loci указывает на локальный характер этой должности. Об этом же можно судить и по тому, что гардинг Хильдигиз вместе с тарраконским герцогом Раносиндом поднял мятеж против Вамбы (*Iul.* Hist. Wamb. 7). Вероятно, часть гардингов, являвшихся, как говорилось в главе об обществе, по-видимому, высшим слоем королевских «верных», направлялась в провинции[75]. Гардинги не упоминаются в списке должностных лиц, которые по закону Рецесвинта осуществляли правосудие. Поэтому можно говорить, что они были исключительно военными функционерами, не вмешивающимися в гражданскую сферу. В то время как герцоги и графы, с одной стороны, и тысячники, пятисотники и сотники — с другой, после оседания вестготов сначала в Галлии, а затем в Испании и подчинения значительных масс местного населения приобрели и гражданские функции, гардинги по-прежнему были связаны только с военным делом.

Все свободные вестготы, как и любые германцы, должны были участвовать в войнах. Владение оружием и участие в войнах вообще было необходимым условием свободы и со свободой ассоциировалось[76]. При небольшой численности вестготов по сравнению с подчиненным населением существование всеобщего вооружения готского народа было необходимо для сохранения его господства[77]. И лишь позже по мере интеграции обеих групп населения эта функция готского войска отпала. Армия состояла из трех основных частей — королевской дружины, состоящей из его fideles, дружин магнатов, которые тоже состояли из их «верных», и ополчения. Именно единицами последнего, видимо, по традиции и были сотни, пятисотни и тысячи. В таких единицах рядовые вестготы сражались, так они, вероятнее всего, и селились при оседании

[75] Ср.: *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 197.

[76] *Санников С. В.* Развитие ранних форм королевской власти у германских народов: особенности их политогенеза // История и социология государства. Новосибирск, 2003. С. 39.

[77] Ср.: *González-Cobos A. M.* Las clases sociales... P. 174.

в завоеванной стране. Такая структура армии была действенной еще в первой половине VII в. Те «все готы из королевства Испании», которые провозгласили королем Сисенанда в 631 г. (*Fred.* IV, 73), были, по крайней мере в большинстве, воинами такого ополчения. Через одиннадцать лет «народ готов» провозгласил королем Хиндасвинта (*Fred.* IV, 82). Речь идет о собраниях рядовых воинов, поскольку никакой иной способ провозглашения короля «народом» в то время был невозможен. Однако при подавлении мятежа Павла Вамба столкнулся с недостатком такой армии для выполнения ее функций. И это, как уже подробно говорилось, и стало причиной издания им «военного закона». Этот закон ликвидировал всеобщее ополчение. Армия теперь должна была состоять из «верных» короля и из отрядов, которые приводили с собой светские и церковные собственники и которые состояли из зависимых от них людей, включая рабов. Несколько позже Эрвигий освободил от этих обязанностей клириков различного ранга, но обязательства светских господ сохранялись незыблемыми. Отряды, из которых собиралась армия, естественно, были разными по численности в соответствии с имущественным положением тех, кто эти отряды приводил. Они могли объединяться в «тысячи», но смысла в более низких подразделениях больше не было. Это могло повлиять и на гражданскую (в том числе судебную) сферу. И в таком случае возможно, что должности пятисотников и сотников исчезли вовсе.

ФИСКАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Государство не могло существовать без сбора налогов. Вестготы, подчинив Юго-Западную Галлию, а затем Испанию, постарались сохранить римскую систему налогообложения, включая регулярный пересмотр сумм накладываемых налогов[78]. Ответственность за сбор налогов несли те герцоги, графы и другие функционеры, которые возглавляли ту или иную территорию; непосредственно сбором налогов занимались нумерарии, а всю систему возглавлял входивший в дворцовое управление comes patrimonii[79]. Долгое время за сбор налогов в civitates, как и в римское время, отвечали городские власти. Со времени Хиндасвинта они были от этого освобождены. И с этого времени исключительно королевские чиновники занимались налогами. Налоговый округ (fiscus)

[78] *Мюссе Л.* Варварские нашествия... С. 269; *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 67; *Дворецкая И. А.* Западная Европа... С. 118, 208.

[79] *Saitta B.* Aspetti sociale... P. 95; *Orlandis J.* Época visigoda. P. 209.

объединял территории нескольких civitates. Так, барцинонский фиск объединял территории самого Барцинона, а также Тарракона, Эгары, Эмпориона и Герунды, и все епископы этого округа участвовали в выборе нумерариев, но первым стоял епископ Барцинона, да и сам фиск носил имя этого города[80]. В этом же документе нумерарии названы во множественном числе, и это значит, что этих чиновников в каждом таком округе было несколько. Их ротация должна была предотвратить налоговый произвол и, возможно, коррупцию.

Основным прямым налогом был тот же capitatio-iugatio, что и в Римской империи после реформы Диоклециана. Это означало, что единицей обложения являлся caput, т. е. голова (каждый мужчина рассматривался как «голова», а женщина как половина caput), и определенное количество его имущества, как правило земельной собственности (iugum)[81]. Этот налог начислялся в натуре, но налогоплательщики могли заменять его деньгами по определенному курсу. Так, в документе «О барцинонском фиске» вместо одного модия продуктов можно было платить девять силикв[82]. Это было выше рыночной цены и поэтому выгодно для государства. Те горожане, которые не имели или имели мало земли, были вынуждены пойти на такую замену (adaeratio). Но в целом налоги платили все же в натуральной форме, как об этом свидетельствуют некоторые надписи[83].

О размере налога говорить трудно. Он, естественно, менялся с течением времени. В договоре Теудемира с арабским командующим говорится, что и сам магнат, и его подданные должны платить ежегодно денежный налог в количестве одного динара и продуктовый в виде пшеницы, ячменя и виноградного уксуса по четыре меры и по две меры меда и масла. Рабы тоже платили этот налог, но в половинном размере[84]. Поскольку в этом договоре говорится также, что он не изменяет положения самого Теудемира и его подданных, то можно думать, что и накануне арабского вторжения налог был приблизительно таким же. Арабский динар в это время по весу был приблизительно равен солиду[85]. Означает ли это, что и в вестготское время часть налога уплачивалась в деньгах? Ответить на это трудно, но все же кажется маловероятным, хотя и исключать полностью тоже нельзя. Учитывая возможность

---

[80] *Pérez Sánchez D.* La transformación... P. 311.

[81] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 328.

[82] *Pérez Sánchez D.* La transformación... P. 311–312.

[83] Hispania epigraphica. 2000. Vol. 10. 451.

[84] *Lévi-Provençal E.* Histoire de l'Espagne musulmane. Paris, 1950. P. 31; *Sánchez Albornos C.* La España musulmana. P. 57.

[85] *Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В.* Словарь нумизмата. С. 80, ср. 261.

замены продовольственного налога деньгами, можно думать и об обратном: замене одного солида каким-то размером того или иного продукта.

В первое время после оседания вестготов в Испании они, по-видимому, этот налог не платили, поскольку их главной обязанностью была военная служба[86]. Но с течением времени, особенно после введения единого законодательства, налогообложение было распространено и на них[87]. В эдикте Эрвигия о сложении недоимок говорится об уплате налогов двумя группами людей — частными лицами (privati), независимо от того, мужчины они или женщины, и рабами фиска[88]. Ни о каких этнических различиях среди обязанных платить налоги в эдикте не упоминается. Таким образом, к концу VII в. грань, отделяющая налогообязанных от лиц, свободных от налогов, проходит уже не между готами и римлянами, а между privati, т. е. людьми, не имеющими никаких общественных обязанностей, и служащими короля. Может быть, после военной реформы Вамбы, когда официально исчезло ополчение из рядовых независимых вестготов, те, превратившись в privati, тоже стали платить прямой налог.

Лица, не относившиеся к privati и к рабам фиска, судя по этому эдикту, налог не платили[89]. Возможно, что налоговый иммунитет знати в христианских государствах, возникших в ходе войны с арабами, опирался на традиции Вестготского королевства[90], но надо отметить, что юридических следов такого иммунитета ни в королевских законах, ни в соборных постановлениях нет. Может быть, освобождение лиц, находившихся на королевской службе или выполнявших другие общественные обязанности, было столь обычным, что никакого законодательного оформления и не требовало. Но с другой стороны, упомянутый выше договор Теудемира показывает, что не только его подданные, но и он сам платил ежегодный подушный налог. Если таким же было положение Теудемира и под властью вестготского короля, то, следовательно, и магнаты (а не только privati) от уплаты налога государству освобождены не были. Что касается церкви, то полного иммунитета

---

[86] *González-Cobos A. M.* Las clases sociales... P. 175.

[87] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 328.

[88] Leges Visigothorum. P. 479.

[89] Конечно, существует возможность, что на лиц, не относившихся к «частным», просто не распространялась налоговая амнистия Эрвигия, ибо они являлись исправными налогоплательщиками и были, по мнению короля, способны и далее платить налоги. Но, зная об общей политике Эрвигия в пользу светской и особенно духовной знати, эту возможность трудно обосновать, хотя полностью исключить также нельзя.

[90] *Корсунский А. Р.* Готская Испания. С. 222.

она не имела. Клирики были освобождены от различных повинностей и чрезвычайных сборов, но со своих имуществ епископы, как, видимо, и светские магнаты, не находившиеся на королевской службе и поэтому тоже считавшиеся «частными лицами», платили поземельный налог[91].

Косвенные налоги как таковые, как кажется, постепенно исчезли. В законах есть упоминания об annona, в состав которой входят вино и масло (Leg. Vis. V, 5, 8; IX, 2, 6; XII, 1, 2) и которая предназначалась для снабжения войска, чиновников[92] и, может быть, двора. Упоминается там и поставка тяглового скота, лошадей и других животных для исполнения трудовой повинности — angaria (Leg. Vis. V, 5, 2; XII, 1, 2). Но все эти законы относятся только к VI в., к временам Леувигильда и Реккареда. Можно думать, что, хотя отменены они не были, их актуальность исчезла. По-видимому, сбор косвенных налогов и повинностей требовал такой организации фискальной системы, какой вестготские власти не обладали и какую не могли создать. Сохранились только два специальных налога на внешнюю торговлю — таможенный и транзитный, каковые платили торговцы, ведущие заморскую торговлю (в большинстве своем, если не все, они были иностранцы), а также налог, уплачиваемый иудеями, не пожелавшими обратиться в христианство[93].

Короли постоянно нуждались в деньгах, и налоги были важным средством пополнения королевской казны. Но с течением времени этот канал пополнения казны становился все более узким. К концу VII в. усилились различные стихийные бедствия[94], и испанское сельское хозяйство, и без того малорентабельное, было совсем не в состоянии выносить еще и налоговое бремя. Росли недоимки, собрать которые государство уже не могло. Эрвигий был вынужден простить эти недоимки. Города приходили в упадок, заморская торговля, как мы видели, сокращалась, иудеи либо обращались в христианство, либо, добровольно или нет, покидали страну. А крупные собственники, все более набиравшие силу, не горели желанием платить налоги. Все это резко сокращало налогооблагаемую базу. В этих условиях главным средством пополнения казны становятся уже не налоги, а доходы с имений фиска и личных владений короля. Но сколь бы значительными они ни были, компенсировать фактический распад налоговой системы они не могли.

---

[91] Там же. С. 219; *Orlandis J.* Época visigoda. P. 209.

[92] *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 67.

[93] *Orlandis J.* Época visigoda. P. 208; *Valdeavellano L. G. de.* Historia de España. P. 330.

[94] *García Moreno L. A.* El campesino... P. 181.

ИТОГ

Таким образом, политическая система Вестготского королевства явилась результатом соединения двух структур — позднеримской и германской. Политическую власть осуществляли вестготы. Только вестгот мог быть королем, только из вестготов состояли высшие органы государственного управления. И если первое время на провинциальном уровне сосуществовали римские ректоры и готские герцоги, то в конечном итоге первые исчезли и вся власть оказалась в руках вторых. Если какие-либо римляне проникали в верхи политической иерархии, то это были редчайшие исключения. Однако власть вестготских королей и их чиновников осуществлялась в соответствии с правом, созданным на основе римского, и в согласии с церковью, являвшейся носительницей романского начала. Германские институты в значительной степени романизовались, и военные предводители как из окружения короля (comitatus), так и из родо-племенных структур, становясь либо членами центрального управления, либо главами территориальных единиц, превращались в королевских чиновников, какими были их римские коллеги в период Поздней империи. Поэтому можно говорить не о германизации политической системы королевства, а о ее романизации, хотя и с важнейшей оговоркой: сохранение основных рычагов управления за германцами. И те изменения, которые происходили в этой системе, являлись в большой степени продолжением процесса, начавшегося еще до варварского завоевания Испании.

Радикально новым явилось, пожалуй, изменение в военной системе. Здесь о сохранении римской легионной системы не было и речи. Издавна вестготская политическая организация была одновременно и военной, и первое время она и сохранялась более или менее полностью. Но с течением времени и она подверглась изменению. Хотя частью армии и после «военного закона» Вамбы являлась королевская дружина (несомненное наследие германского прошлого), основной силой с того времени становятся отряды магнатов. Такая структура войска отвечала реалиям нового социально-политического бытия и являлась совершенной новостью по сравнению и с римской армией, и с германским всеобщим ополчением. Это было уже не наследие прошлого, а предвестие будущего.

Глава XIV

КРУШЕНИЕ ВЕСТГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

В 711 г. король Родриго был вынужден прервать военные действия против васконов и обратиться к югу. На испанском берегу высадился арабский отряд под командованием Тарика. Он высадился на скале, которая несколько позже и была названа именем этого арабского командира — Джебель ат-Тарик — Гибралтар.

К этому времени арабы завоевали почти всю Северную Африку. Ослабевшая империя не смогла оказать арабам достойного сопротивления. Она лишилась Сирии и Египта, и арабские армии не раз вторгались непосредственно в Малую Азию. В этих условиях защитить свои африканские владения императоры были не в состоянии. Только внутренние раздоры, доходившие до открытых гражданских войн, задерживали арабское наступление. Да еще берберы порой оказывали арабам ожесточенное сопротивление. В 678–679 гг. наместник Ифрикии, как арабы называли византийскую Африку вне Египта, Абу-л-Мухаджир осадил Карфаген, и его жители лишь смогли добиться возможности покинуть город морем. Правда, через некоторое время они вернулись, и Карфаген снова стал византийским. И лишь только в 695 или даже 692/93 г. этот город был окончательно захвачен арбами и разрушен[1]. Византийская власть в этой части мира была сменена властью арабских халифов. Арабские завоевания шли под знаменем новой религии — ислама. Исламизированное население тоже включалось в ряды завоевателей. В Африке таким населением были берберы, отказавшиеся от сопротивления и принявшие ислам, а постепенно и арабский язык. Именно исламизированные и арабизированные берберы и составляли основную часть войска новых завоевателей, тех мавров, под именем которых испанцы знали своих новых господ.

---

[1] *Большаков О. Г.* История Халифата. М., 1998. Т. III. С. 141–143, 164, 214–216, 274.

Захват арабами Северной Африки, особенно Карфагена, долгое время бывшего главным пунктом связи Испании со средиземноморским миром, привел к окончательной изоляции Испании, прервав ее контакты с Центральным и Восточным Средиземноморьем. Падение Карфагена и угроза нового врага, по-видимому, заставили вестготских королей снова попытаться укрепиться на африканском берегу пролива. Такую попытку уже делал в свое время Тевдис, захватив на какой-то момент Септем (Сеуту). Однако вестготы были оттуда выбиты византийцами и больше, как кажется, таких попыток не предпринимали. Падение византийской власти предоставило вестготам возможность повторить экспедицию. Ее точное время неизвестно. Возможно, захват Септема был связан со странным событием в правление Эгики — нападением византийского флота на юго-восточное побережье Испании, которое, отраженное, как уже говорилось, магнатом Теудемиром (Chron. Pac. 38). Вероятнее всего, это были имперские корабли, бежавшие из захваченного арабами Карфагена[2]. Не исключено, что это событие показало сложность сложившейся ситуации, и король Эгика мог воспользоваться временным промежутком, когда византийцы были уже вытеснены из бóльшей части Африки, а арабы еще не захватили всю ее северную часть. В таких условиях, если в Септеме и находился имперский гарнизон, то никакую помощь от правительства он получить не мог. Вполне возможно, что командир этого гарнизона в предвидении неизбежного захвата города арбами мог предпочесть католиков-вестготов мусульманам-арабам. Как бы то ни было, в начале VIII в. эта крепость уже находилась в руках вестготов и управлялась вестготским графом. Септем должен был прикрыть Испанию от возможного арабского вторжения.

Именно септимский граф Юлиан вошел в историю как виновник арабского вторжения в Испанию. Более поздние испанские романсы рассказывают историю о том, как король Родриго обесчестил дочь Юлиана Флоринду, и Юлиан, мстя за оскорбление, призвал арабов на борьбу против короля и даже предоставил им корабли для переправы в Испанию[3]. Перед нами — фольклорное расцвечивание реального события, хотя не только сам факт измены Юлиана, но и некоторые детали предания могут быть вполне достоверны. Поведение Юлиана полностью «вписывается» в рамки политической борьбы, развернувшейся в Испании после смерти Витицы. Юлиан принадлежал к группировке, поддерживавшей сыновей покойного короля. Одна из более поздних хроник говорит, что он был в числе самых близких «верных» Витицы и его на-

[2] *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 186.

[3] См., например: Клятва на мече. Л., 1991. С. 12–17.

значение в Септем фактически было ссылкой за пределы самой Испании (Sil. Chron. 15). В одной из арабских хроник говорится, что перед отъездом Юлиана в Африку тот отослал свою дочь к королевскому двору в Толедо, следуя существующему обычаю. Это сообщение (независимо от действительного существования такого обычая) может указывать на то, что, отсылая Юлиана за пределы Испании, Родриго попытался удержать при дворе его дочь в качестве заложницы, тем более что Флоринда, если верить той же хронике, была единственным ребенком Юлиана. Согласно другой версии, арабов призвали в Испанию непосредственно сыновья Витицы, которые направили в Африку послов с просьбой помочь им свергнуть Родриго и вернуть семье покойного короля трон (Chron Alf. III, 7). Впрочем, обе версии не противоречат друг другу, и очень вероятно, что и обращение сыновей Витицы, и предательство Юлиана были следствием единого заговора.

Сыновей Витицы мог вдохновлять пример Атанагильда, который в свое время ради борьбы с королем Агилой призвал на помощь византийцев, а позже, укрепившись, начал войну с теми же византийцами. Они считали, что мусульмане не собираются завоевывать страну и ограничатся только полученной там добычей. Но на этот раз дело обернулось совершенно иначе. Арабский халифат находился в расцвете своих сил. Халиф Абдальмалик провел ряд реформ, приведших к преобразованию Халифата в военно-бюрократическое государство[4]. После некоторого перерыва, вызванного междоусобными войнами, арабы возобновили свои завоевания. Был, как уже сказано, захвачен Карфаген. Арабская армия под командованием Мусы ибн Нусайра подчинила бóльшую часть современного Марокко, выйдя к побережью Атлантического океана. К Мусе и обратились за помощью сыновья Витицы, с ним повел переговоры Юлиан, даже признавший власть арабского наместника.

Арабы уже давно знали о существовании Испании как самой западной части средиземноморского мира. Известна она была и под названием Spania (по-видимому, заимствованному у византийцев), но, вероятно, еще до завоевания появилось у них и постепенно ставшее наиболее распространенным другое название — аль-Андалус, происходившее от имени вандалов, владевших когда-то частью Испании[5]. Захват Северной Африки позволил арабам сделать следующий шаг — попытку распространить ислам и свою власть и на европейскую часть Средиземноморья. И в этих условиях совершенно естественным представлялся переход

---

[4] *Большаков О. Г.* История Халифата. С. 282.

[5] *García Sanjuán A.* El significado geográfico del topónimo al-Andalus en las fuentes árabes // Anuario de estudios medievales. 2003. N 33/1. P. 9–10.

с африканского на европейский берег пролива. Осенью 709 г. арабские корабли совершили рейд на испанское побережье, и ее успех побудил Мусу счесть завоевание Испании не таким уж трудным делом. И в июле следующего года уже отряд во главе с Тарифом ибн Маликом на кораблях, предоставленных Юлианом, захватил небольшой плацдарм на испанском берегу, откуда было совершено несколько набегов на окрестности. В результате этих набегов арабы захватили богатую добычу, и Муса, вдохновленный этой добычей, стал готовить уже большую экспедицию. Извещенный об этих событиях, халиф Валид, не решаясь предпринять большую заморскую экспедицию, приказал Мусе ограничиться разведкой, но тот, ссылаясь на то, что арабские владения отделяет от Испании не море, а только пролив, стал готовить большое вторжение. С помощью того же Юлиана весной 711 г. войско из семи тысяч воинов, преимущественно берберов, во главе с бербером же Тариком ибн Зийядом переправилось через пролив и высадилось на скале, которую несколько позже арабы назвали Джебель ат-Тарик (Скала Тарика) и которую до сих пор именуют несколько искаженным словом Гибралтар. Закрепившись на крайнем юге Пиренейского полуострова, Тарик начал продвижение в его глубь. В это время Родриго подавлял очередное восстание на севере и осаждал Пампелон (Памплону). Он сразу оценил угрозу и, прервав осаду, двинулся на юг.

Грозное вторжение мусульман, казалось бы, должно было сплотить вестготов и вообще христиан. Но этого не случилось. Сыновья Витицы, в том числе Ахилла, епископ Оппа и их сторонники, в силу «военных законов» Вамбы и Эрвигия вынужденные официально примкнуть к королю, фактически поддержали арабов. Рабы и другие подневольные люди, включенные в армию по тем же законам, не горели желанием сражаться и были готовы покинуть поле битвы при первой возможности. Города в вестготской Испании находились в жалком положении, горожане, в основном испано-римляне, с завистью смотрели на процветание городов под арабской властью и видели в арабах избавителей от власти варварских королей. Евреи, жестоко преследуемые вестготскими государями и испанской церковью, перешли на сторону мусульман и показывали им пути более легкого и удобного продвижения. Шпионы донесли Тарику о приближении вестготской армии, и он сумел хорошо подготовиться. Тарик запросил у Мусы помощь, и тот прислал ему еще пять тысяч воинов, так что их общее число дошло до 12 тысяч. Конечно, это было ничтожно мало по сравнению с армией Родриго, насчитывавшей, по арабским и, вероятно, преувеличенным сведениям, 100 тысяч солдат. Но дело решила измена. 19 июля 711 г. на реке Барбате произошло жесткое сражение. В разгар битвы находившиеся на флангах вест-

готской армии войска сыновей и сторонников Витицы покинули поле боя. К ним могли примкнуть и некоторые другие воины, подкупленные Оппой. Остатки армии Родриго пытались сопротивляться, но были полностью разгромлены. В руки врагов попали белый конь Родриго, его плащ, расшитый рубинами и жемчугами, и походное золотое кресло, украшенное рубинами и изумрудами. Сам король бежал в Эмериту, где пытался организовать новую армию и продолжить борьбу. Но вестготские герцоги и графы либо пытались защищать только свои владения, совершенно не думая об общем деле, либо бежали на север, либо стремились договориться с врагом. Это же пришлось сделать и сыновьям Витицы, которые пытались договорится с Тариком, но тот направил их к Мусе, а Муса, в свою очередь, — к халифу. В конце концов был заключен договор, по которому сыновьям Витицы были оставлены их владения, но от трона они были вынуждены отказаться.

Воспользовавшись этим политическим хаосом, Тарик разделил свой отряд на несколько частей и в то время, как его подчиненные покоряли Южную и Юго-Восточную Испанию, с основной частью своих войск подошел непосредственно к Толедо. Стоявшие там солдаты не столько защищали, сколько нещадно грабили город. Толедский митрополит Синдеред бежал из города и страны и вскоре прибыл в Рим. В результате Тарик без особого труда захватил столицу Вестготского королевства. Но в это время Муса, обеспокоенный слишком уж большими успехами своего подчиненного, решил взять покорение Испании в свои руки. В июне 712 г. он со всей своей восемнадцатитысячной армией, на этот раз в основном именно арабской, высадился на Пиренейском полуострове. Его первой задачей стал окончательный разгром Родриго. Он взял Гиспалис и двинулся к Эмерите. Город стойко защищался, и только в следующем 713 г. Муса смог его взять. Столкнувшись с неожиданными трудностями, Муса отозвал Тарика, и их соединенные силы разгромили армию Родриго в сентябре 713 г. Сам король, по-видимому, пал в этой битве. После этого Муса провозгласил халифа Валида государем Испании. Он планировал дальнейшие завоевания и даже уже начал их, захватив Цезаравгусту. В это же время Тарик действовал самостоятельно, хотя и под общим командованием Мусы, и тоже добился успехов. Но теперь уже халиф Валид испугался чрезмерных успехов Мусы и Тарика. Они оба были отозваны из Испании и вызваны в Дамаск. Сначала Муса отказался было подчиниться приказу халифа, ссылаясь на незавершение завоевания Испании, но затем все же выполнил повеление и вместе с Тариком прибыл в Дамаск. Там Муса был вскоре арестован (возможно, уже преемником Валида Сулейманом) и умер в тюрьме, судьба же Тарика осталась неизвестной.

Уезжая из Испании, Муса оставил во главе ее своего сына Абд-эль-Азиса. Тот женился на вдове Родриго и даже имел от нее сына, но через некоторое время сам был убит по приказу нового халифа Сулеймана, явно испугавшегося сепаратистских стремлений Абд-эль-Азиса, доказательством чего он счел женитьбу на вдове вестготского короля. После этого арабские правители Испании менялись довольно быстро. Но все они продолжали завоевательные походы.

Многие магнаты поспешили признать новых правителей. Так, например, поступил Теудемир, недавно прославившийся своей победой над византийским флотом. В первое время его владения стали убежищем для многих беглецов, но вскоре Теудемир решил, что для сопротивления у него нет сил. Он заключил договор с Абд-эль-Азисом, сохранив в обмен на свое подчинение почти все свои владения. Он обязался платить халифу сравнительно небольшую дань и не принимать в свои владения никого из врагов новых владык; взамен арабский правитель обещал сохранить за ним остальные его владения, не убивать и не брать в плен никого из его подданных, гарантировать исповедание им и его подданными христианства и не уничтожать и не грабить церкви[6]. В долине Ибера так же поступил другой магнат — Фортунат, который даже перешел в ислам.

Но еще далеко не вся страна была завоевана. Одна из более поздних хроник сообщает, что готы в течение семи лет вели войну с арабами и в конце концов заключили с ними договор, по которому избрали собственных графов, признавших, однако, нового государя. Эти графы должны были управлять жителями земли (habitantes terrae), и они противопоставляются городам, обитатели которых лишились всего своего имущества и сами были порабощены (Chron. Proph. 6). Хроника не указывает театр этой войны, но сравнение с другими известиями показывает, что она происходила в той части Испании, которая с первой трети VI в. была населена готами[7]. Здесь, как говорилось в соответствующей главе, жили готские крестьяне, и можно говорить, что именно они и оказали столь упорное сопротивление арабам. В Тарраконской Испании и Септимании действовал король Ахила (или, может быть, Агила II). Был ли это сын Витицы или кто-либо другой, сказать трудно. Если это действительно был старший сын Витицы, то арабы больше в нем не нуждались и выступили против него. Но вероятнее все-таки, что речь идет о каком-то другом вестготском аристократе; ведь с сыновья-

---

[6] Текст договора приведен в книге: *Lévi-Provençal E.* Histoire de l'Espagne musulmane. P. 32–33.

[7] *Bonnaz Y.* Commentaire. P. 66.

ми Витицы мусульмане заключили договор, предоставив им, как уже говорилось, 3 тысячи имений взамен отказа от трона. Более того, сын Витицы Арбогаст позже даже играл значительную роль при мусульманском дворе, а тот же Оппа, бывший чуть ли не самым главным виновником поражения на реке Барбате, затем примет активное участие в войне с выступившим против арабов первым астурийским королем Пелайо. Но, вероятнее всего, новый король являлся сторонником сыновей Витицы[8]. По-видимому, часть противников Родриго разочаровалась в приглашенных ими же мусульманских завоевателях, и Ахилла (Агила) мог попытаться претворить в жизнь прежний план: после гибели Родриго стать самому королем, как это сделал полутора веками ранее Атанагильд, и остановить вражеское продвижение. Как бы то ни было, надолго удержаться Ахила, или Агила, не смог и был разгромлен. Его правление продолжалось приблизительно три года. Его сменил некий Ардон, действовавший в Септимании, который, кажется, сумел продержаться дольше, но в конце концов тоже был разгромлен. Арабы в это время перешли Пиренеи и подчинили Септиманию. В 719 г. они захватили Нарбонн, а в 725 — Ним и Каркассон. Одновременно они неоднократно пытались распространить свои владения и на Франкское королевство. На Пиренейском полуострове еще существовали некоторые отдельные очаги сопротивления, но никакой централизованной власти, которая могла бы противостоять мусульманам, уже не существовало[9].

Державшийся в Астурии Пелайо, в свое время изгнанный Витицей, попытался было как-то договориться с арабами, но те отказались пойти на какой-либо компромисс. И тогда Пелайо выступил против них и в 718 г. в долине Ковадонги разбил арабский отряд. С этого вообще-то довольно незначительного события началась новая глава истории Испании. Возникшее на севере Астурийское королевство первое время стремилось представить себя прямым продолжением Толедского, но это была только иллюзия. Там, а по мере расширения отвоеванных территорий и на все большей части Испании, возникали совершенно новые отношения, новые противоречия, новые принципы организации общества и государства. О Вестготском королевстве в Испании говорить уже нельзя.

---

[8] *Клауде Д.* История вестготов. С. 143.

[9] *Lévi-Provençal E.* Histore... P. 8–34; *García Moreno L. A.* La historia de España visigoda. P. 188–190; *Brentjes B.* Die Mauren. Leipzig, 1989. S. 67; *Sánchez Albornos C.* La España musulmana. P. 46–84. В книге К. Санчеса Альборноса приведены испанские переводы арабских хроник.

ПРИЧИНЫ КРУШЕНИЯ ВЕСТГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Всем варварским королевствам, образовавшимся на территории Западной Римской империи, и Вестготское не было исключением, был свойствен коренной порок — двойственность их этнического состава, причем господствующий этнос представлял собой ничтожное меньшинство населения. Римляне, завоевав Испанию, принесли с собой и передали ее народам новые социальные порядки, новую экономику, введя их в экономическую ткань всего Средиземноморья, новое политико-административное устройство, новую культуру во всех ее компонентах. В ходе романизации различные народы (за исключением некоторых горных племен, живших в периферийных зонах Пиренейского полуострова) смешались и переплавились в нечто единое, которое, что очень важно, ощущало себя частью римского народа и считало себя уже не иберами, или кельтами, или кельтиберами, или кем-либо еще, а римлянами, Romani, говоря на латинском языке. Этот язык к тому времени достаточно изменился, вульгаризировался, в разных местах уже весьма значительно отходил от литературной нормы, но его носители искренне полагали, что это и есть язык великого Рима. Сопричастность Риму и его цивилизации еще укрепилась сознанием принадлежности к единой христианской церкви во главе с римским папой, даже если это подчинение было в Испании довольно относительным. Германцы, подчинив себе эту страну, сами поддались уже существующей там романской цивилизации, они переняли местный язык, местную религию, местную культуру, насколько были способны ее перенять. Характерно, что Испания сохранила свое римское название. Ни о какой германизации говорить не приходится. Наоборот, можно и нужно говорить о романизации сначала свевов, а затем вестготов. Но это не привело к их растворению в романской среде. Обе группы населения постепенно стали обладать одним языком, одной религией, одним правом. И будучи в этом отношении равноправными, они все же знали, что существуют римляне и существуют готы, и первые занимают приниженное положение по отношению ко вторым.

Одной из самых ярких привилегий германцев было право обладать королевским достоинством и королевской властью. Королем мог быть только гот. И если в королевском окружении могли появиться представители романской знати, то все же это было исключением, и в любом случае их было неизмеримо меньше, чем вестготов. Даже в высших слоях церковной иерархии доля германских епископов и митрополитов была гораздо больше, чем их доля в общей массе верующих. Реальными управляющими провинций были герцоги и графы, происходящие из варварской аристократии, а ректоры провинций, многие из которых

являлись римлянами, фактически были поставлены под их контроль. Города, в которых германцы почти не жили и население которых было почти исключительно романским (не считая евреев и купцов из восточных стран), в конце концов практически лишились самоуправления и тоже были поставлены под жесткий контроль готских герцогов и графов. В результате романское население чувствовало себя ущемленным, а это вело к отсутствию или во всяком случае незначительности чувства сопричастия к существующему государству, как бы некоторые теоретики, как Исидор Севильский, ни пытались утверждать обратное.

Во многих районах Испании и Септимании имелось довольно значительное количество городов, сохранявших античное устройство. Короли, как и все варвары, не любили городов и не понимали их. Они рассматривали города лишь как источник доходов или как опорные пункты своей власти, в их чуждой структуре видели определенную угрозу и стремились полностью поставить их под контроль и своих чиновников, происходивших из готской знати, и епископов, которые, хотя были по происхождению чаще римлянами, но являлись чуждой городу силой. Города, значение которых в условиях сокращения рынка уменьшилось, оставались во многом ячейками «романства» и видели в готских королях и их представителях чуждую силу.

Среди вестготов еще сохранялось старое германское представление, что все свободные люди по существу являются «друзьями» короля (frei — Freund), т. е. членами относительно замкнутой группы людей, связанных определенными узами, и это позволяло им чувствовать себя в некоторой степени независимыми по отношению к королю. Тем более это чувство было свойственно знати, которая с течением времени приобретает фактическую экономическую и в некоторой степени административную независимость. В условиях избирательной монархии роль готской знати еще более возросла. По «военным законам» Вамбы и Эрвигия знатные аристократы, и вестготы, и римляне, являлись в армию со своими отрядами, и, таким образом, они теперь легально обладали собственной вооруженной силой, которая фактически подчинялась только им и которую они могли противопоставить силе монарха. Именно уход части армии из войска Родриго и выступление против короля части вестготской знати со своими силами обусловил поражение королевской армии в решающем сражении с мусульманами. Да и в сфере реального управления король был вынужден считаться со своим ближайшим окружением, теми, кто входил в aula regia, включающую в себя как высшую вестготскую аристократию, так и верхи церковной иерархии, в которой была значительна доля испано-римлян. Сама знать раздиралась борьбой кланов, и часто (и чем дальше, тем чаще) клановые интересы оказывались

для аристократии важнее государственных. Все попытки королей, как, например, Вамбы, добиться подчинения частных интересов «общественной пользе» оказались тщетными. Это определяло политическую слабость Вестготского королевства.

Значительную роль в политической структуре Испании занимала церковь. Она обладала не только духовной монополией, но и довольно большой политической властью. На местах епископы в значительной степени осуществляли административное управление, разделяя эти обязанности с готскими герцогами и графами. Еще важнее было то, что церковные соборы, собираемые королями, занимались не только внутрицерковными и религиозными, но и политическими и административными проблемами, вплоть до участия в выборах короля и утверждения законов. Участие в соборах в качестве полноправных их членов принимали и представители светской знати по поручению короля. Правда, соборы созывались нерегулярно, их созывы зависели от воли короля. Исследователи отмечают, что короли предпочитали созывать соборы в начале своего правления, желая утвердить свою власть авторитетом соборных решений. Это, однако, не уменьшает роли церковных властей в политической жизни Вестготского королевства. Хотя ни о какой теократии, как уже отмечалось, говорить не приходится, все же роль церкви была большой, и короли должны были с ней весьма и весьма считаться. Это тоже в значительной степени ослабляло королевскую власть. Включение церкви в политическую структуру Вестготского королевства привело и к вовлечению ее в различные политические раздоры. И часть иерархии, поддержав не Родриго, а его соперников, фактически помогла арабам подчинить Испанию.

Испано-римское население, не чувствовавшее, как уже говорилось, своей сопричастности Вестготскому королевству, в лучшем случае оставалось равнодушным к его судьбам. «Низы» населения, все более попадавшие в условия зависимости, не имели никаких резонов сражаться за своих угнетателей, а «верхи» были готовы пойти на любой компромисс с новыми завоевателями, который обеспечил бы им сохранение их власти на местах. Они и так не имели никакой доли в управлении государством, так что, с этой точки зрения, им было безразлично, кто ими управляет — вестготские короли или арабские халифы в лице своих представителей. Резко увеличивавшееся к рубежу VII–VIII вв. разделение общества на potentes и pauperes привело если не к полной ликвидации, то к значительному уменьшению среднего слоя, того «среднего класса», который во все времена обеспечивал стабильность государства и самого общества[10].

[10] О роли исчезновения «среднего класса» в вестготской Испании: *Клауде Д.* История вестготов. С. 197.

Горожане, лишенные самоуправления и теряющие такие важные источники доходов, как торговля, не хотели поддерживать Вестготское государство. Упадок испанского города резко контрастировал с расцветом городской жизни в Халифате. Конечно, от новых господ всех этих людей отделяла религия. Но арабы были более или менее веротерпимы, заключая договоры с местными магнатами, они гарантировали им и подчиненному им населению религиозную неприкосновенность, а значительная часть церковной иерархии была готова пойти на компромисс с мусульманами и, как только что было сказано, даже способствовала мусульманскому завоеванию.

В еще большей степени это относилось к евреям, живущим почти исключительно в городах, связанных с городской жизнью и городскими занятиями — торговлей и ремеслом, постоянно преследуемым как церковью, так и королевской властью. Они еще больше, чем их христианские соседи, могли оценить то относительно свободное и даже процветающее положение, в котором находились горожане вообще и их единоверцы в частности в городах, находящихся под властью мусульманских владык. И когда арабские войска высадились на Пиренейском полуострове, многие горожане не оказывали им никакого сопротивления, а евреи даже показывали завоевателям удобные пути и места, пригодные для успешных боевых действий, а некоторые даже активно в этих действиях участвовали[11]. Антиеврейская репрессивная политика вестготских королей обратилась против них и стала одной из причин, хотя, разумеется, далеко не самой главной, катастрофы готской Испании.

Таким образом, Вестготское королевство оказалось довольно непрочным. И после арабского завоевания в ходе Реконкисты, обратного отвоевания страны у мусульман, формирование средневекового испанского общества началось практически заново, в иных условиях и с иными результатами. Первые короли новой Испании еще чувствовали и даже подчеркивали свою связь с вестготскими государями, рассматривая себя как прямое продолжение линии готских монархов, но с течением времени это ощущение ослабевало. Прежнее противопоставление романской и готской Испаний исчезло и заменилось другим — христиан и мусульман, испанцев и мавров.

---

[11] *Дубнов С. М.* История евреев в Европе. С. 61–62.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели историю Испании со времени выхода из кризиса III в. и до арабского завоевания в начале VIII в. Историю этих четырехсот с лишним лет надо разделить на несколько этапов. В одних случаях границы между ними достаточно определенны, в других они более расплывчаты, но тем не менее определяемы. Первый этап (284–409 гг.) охватывает время от выхода из кризиса, нанесшего жестокий удар античной составляющей римского европейско-средиземноморского мира. В это время провинции Пиренейского полуострова, а также Балеарские острова и Тингитанская Мавретания по ту сторону пролива составляли диоцез Испанию (или Испании), входивший в префектуру Галлию. Эта префектура и этот диоцез являлись интегральной частью Римской империи, и все те процессы, которые в империи проходили, были присущи и Испании. Характерным явлением экономической жизни того времени стала аграризация и натурализация хозяйства. Важнейшим элементом римской экономики становится уже не город как центр ремесла, торговли и даже в известной мере сельского хозяйства его граждан, а латифундия, принадлежавшая магнату и способная в принципе к экономической автаркии. В рамках латифундии возникали иные формы взаимоотношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми, место классического рабства все увереннее занимал колонат, который, впрочем, рабство так и не вытеснил. Разорение свободных крестьян привело к появлению прекария, что еще более расширило круг людей, зависимых от магната. В политическом плане Испания в то время играла довольно небольшую роль, на ней по существу лишь отражались те события, которые происходили в других частях Римской империи, особенно в Галлии.

Второй этап охватывает время варварских вторжений и завоеваний. В западной части империи он начался с перехода через Рейн вандалов, аланов и свевов в последнюю ночь 406 г. Через Пиренеи эти варвары перешли в 409 г. Позже вандалы и аланы ушли в Африку, но в Испании появились вестготы. Начался долгий период хаоса и разорений, ожесточенных войн и невиданных грабежей. Если в первой половине V в. западноримское правительство еще пыталось как-то бороться с вар-

варами, используя то силу оружия, то коварную дипломатию, то затем оно практически от Испании отказалось, предоставив бороться с варварами самому населению Пиренейского полуострова. Политической власти императоров во второй половине V в. фактически уже не существовало. Все эти войны, естественно, сопровождались многочисленными разрушениями, грабежами, убийствами, порабощениями, что неминуемо вело и к экономическому упадку. Конечно, картина разнилась в различных регионах, и в восточной части полуострова, меньше задетой варварскими вторжениями, положение было гораздо лучше, чем в западной. Но общий упадок несомненен. В результате этих завоеваний в Испании образовались новые государства, сначала Свевское королевство, а затем значительная часть Испании вошли в состав Вестготского королевства. Признание в 475 г. западным императором Юлием Непотом полного суверенитета вестготского короля над всеми подчиненными территориями как в Галлии, так и в Испании можно считать конечной гранью этого второго этапа.

Третий этап охватывает время от 475 г. до середины VII в. Условной датой его завершения можно считать 654 г., год опубликования кодекса Рецесвинта. Это было время объединения Испании под властью вестготских королей. В этом этапе надо выделить несколько отдельных периодов. Первый из них характеризуется тем, что, с одной стороны, в Северо-Западной Испании существовало самостоятельное Свевское королевство, а с другой — что испанские провинции составляли лишь часть Тулузского королевства вестготов, причем для самих вестготов и их королей галльская часть государства была гораздо важнее испанской. Вестготы жили еще преимущественно в Аквитании, а на Испанию смотрели только как на источник доходов и, пожалуй, политического престижа. Лишь небольшая часть вестготов, по-видимому, уже в то время начала селиться на Пиренейском полуострове.

Разгром вестготов на Богладском поле в 507 г. и последовавшая за этим гибель Тулузского королевства радикально изменили этнополитическую ситуацию. Лишившись почти всех галльских владений, кроме Септимании, вестготы были вынуждены массово переселиться в Испанию. На какое-то время Вестготское королевство фактически даже потеряло самостоятельность, оказавшись под властью остготского короля. Сначала вестготы еще пытались вернуть галльские владения, но уже король Тевдис отказался от этих попыток. С этих пор Вестготское королевство практически идентифицируется с Испанией, а оставшаяся под их властью часть Галлии является лишь важной, но все же периферией государства. В рамках этого периода произошло очень важное внутриполитическое изменение. Гибель короля Амалариха в 531 г. при-

вела к исчезновению королевского рода Балтов и с этим к ликвидации династической монархии. Это создало политический вакуум, заполняемый различным способом в зависимости от конкретного соотношения политических сил. Дело дошло даже до открытой гражданской войны между Агилой и Атанагильдом, чем воспользовались византийцы, захватившие часть Испании на ее юге и юго-востоке.

Только король Леувигильд сумел переломить ситуацию. С его деятельностью связывается централизация Вестготского королевства, слом могущества фактических местных правителей, вытеснение византийцев из значительной части завоеванной ими испанской территории. Леувигильд разгромил свевов и включил их королевство в состав своих владений. Если не окончательно и реально, то на какое-то время и формально были подчинены северные горцы. Так что можно говорить о политическом объединении бóльшей части Испании под властью вестготского короля. Эта централизаторская и объединяющая политика Леувигильда была дополнена и в огромной степени завершена принятием католицизма сначала его сыном Реккаредом, а затем и всеми вестготами. III Толедский собор 589 г., официально закрепивший обращение вестготов в католицизм, завершил этот период. Противоречия между вестготами и испано-римлянами были в значительной степени «сняты». С одной стороны, идет быстрая романизация вестготов, потерявших не только свою веру, но и свой язык и в большой мере свою культуру вообще, а с другой — признание романским населением законности власти вестготских королей. Резко возросшая роль ставшей государственной католической церкви, принявшей через свои соборы активное участие в управлении государством, стало важной чертой нового положения, сложившегося после религиозного слияния населения Испании и Септимании.

Третий период характеризуется наличием противоположных тенденций. С одной стороны, несомненны политические успехи вестготской монархии. На какое-то время были не только формально, но и реально подчинены васконы и особенно кантабры. Были окончательно вытеснены с Пиренейского полуострова византийцы, так что можно говорить о завершении политического объединения страны. С другой стороны, попытка восстановить династический принцип провалился. IV Толедский собор в 633 г. окончательно установил принцип выборности вестготского короля. Последующие соборы уточнили критерии этого выбора. На практике это не привело к полной политической стабилизации, ибо сама выборность предполагала игру политических сил, а это, в свою очередь, могло вести и порой вело к убийствам и заговорам, мятежам и узурпациям. Правления Хиндасвинта, пришедшего к власти в результа-

те очередного мятежа, и его сына Рецесвинта завершают этот период и весь третий этап, выделенный нами.

Новые владыки Испании совершенно не были заинтересованы в экономическом хаосе, а тем более крахе. Поэтому следом за временем упадка пришло время относительной стабильности. И экономика продолжала ту эволюцию, которая была характерна для Поздней империи, хотя ее аграризация и натурализация ускорились, и эта тенденция становится не только преобладающей, но и господствующей. Латифундии в целом сохраняют тот же вид, какой они имели в позднеримское время. Как и тогда, производителями являются три группы эксплуатируемых — рабы, колоны, в число которых практически включаются отпущенники, и прекаристы. Близкой оказывается и структура рабочей силы в имениях крупных готских землевладельцев, хотя там, как кажется, не было колонов, но все же имелись люди, перешедшие под «покровительство» магнатов. Уже в рамках этого этапа социальные структуры римского и вестготского общества в Испании и Септимании сближаются. Крупные владения как римских, так и готских магнатов в большой мере замыкаются в себе, становясь экономически почти самостоятельными единицами с очень низкой товарностью их хозяйства.

Это не означает, что торговля и ремесло окончательно исчезли. Уже кризис III в. нанес этим отраслям тяжелый удар. Экономическая ткань Средиземноморья стала распадаться. И в этом плане ни завоевания германцев, ни свержение Ромула Августула не принесли ничего принципиально нового. Как и до 476 г., торговые связи Испании с различными регионами Средиземноморья, особенно с Северной Африкой, сохранились, хотя и в резко сокращенном масштабе. Восточные купцы, особенно сирийцы, привозят на Пиренейский полуостров самые разнообразные товары, особенно предметы роскоши, столь желаемые старой и новой знатью, но не производимые на месте, а также некоторые продукты потребления, как африканское масло, и столь необходимый и в церковном обиходе, и в делах администрации основной писчий материал — папирус. На Восток же вывозятся некоторые продукты Запада, в том числе, как это ни парадоксально, то же масло. Уже в ходе кризиса III в. и после выхода из него значительная часть ремесленной продукции стала производиться не в городских мастерских, а в латифундиях. Этот процесс продолжился и после варварских завоеваний, что, однако, не привело к полному исчезновению специализированного городского ремесла. Некоторые отрасли ремесла даже переживали новый расцвет. В первую очередь это относится к изготовлению оружия, некоторых видов ювелирных изделий, украшению церквей. Товарность городского ремесла уменьшилась, но, по-видимому, не исчезла вовсе.

Сохраняется такой важный элемент античного мира, как города. Уже в рамках Поздней империи их самоуправление становится весьма ограниченным и все бóльшую роль начинает играть, с одной стороны, епископ, а с другой — императорский чиновник. После варварского завоевания этот процесс не только не остановился, но, пожалуй, еще углубился. Конечно, уже не было чиновника, назначенного императором, но город в значительной степени оказался под контролем готского графа. Однако самоуправление города ликвидировано все же не было. Сохранилась и его социальная структура, а также, хотя и в гораздо меньшем масштабе, экономическая роль. Пребывание некоторых городов в составе Империи во второй половине VI и в первые десятилетия VII в. способствовали их возрождению. Однако изгнание византийцев из Испании привело к разрушению этих городов, что нанесло тяжелый удар городскому строю в Испании вообще. Начинается упадок города как самостоятельной социальной структуры.

Приблизительно в середине VII в. происходят очень важные изменения в различных сферах жизни Вестготского королевства. Многое в этих изменениях ускользает пока от нас. Но ощущение какого-то перелома в развитии несомненно. В экономической сфере ясно наблюдается если не прекращение, то несомненный упадок средиземноморской торговли. В некоторой степени он компенсируется укреплением связей с запиренейской Европой — Франкским королевством и даже с далекой Англией. Но это не может компенсировать резкое ослабление, а то и прекращение торговых связей с Северной Африкой и Восточным Средиземноморьем. В социальной сфере среди рабов и отпущенников выделяются группы «достойных» и остальных. Это говорит об изменениях в самих институтах рабства и отпущенничества, хотя каковы были эти изменения, сказать трудно. В это же время изменяется и положение города. Он окончательно теряет самоуправление, практически полностью переходя под власть графа и епископа. Как самостоятельный элемент социального строя Испании город почти исчезает. В правовой сфере завершается процесс уравнивания положения романского и готского населения. При Хиндасвинте и Рецесвинте издаются кодексы, имеющие силу для всего населения королевства без различия этнического происхождения. Создание единого законодательства завершило процесс слияния романского и готского населения. Конечно, это слияние было относительным. Романское население даже в лице магнатов не получило допуска к политической власти и лишь в виде исключения допускалось к власти местной светской администрации. Принадлежавшие к романской «верхушке» ректоры провинций, хотя, как кажется, сохранились, но потеряли свое значение в пользу вестготских герцогов. Только в лице церковной «верхушки»

романская знать еще сохраняла свое значение. И это в значительной степени компенсировало недопущение к политической власти. Роль церковных соборов в целом возросла, и они становятся партнером монархии, хотя и подчиненным. Все эти изменения, конечно, не были мгновенны или даже краткосрочны. Они нарастали постепенно, ясно проявившись в середине столетия. В известной степени их завершением и оформлением стал кодекс Рецесвинта, почему и можно с некоторой долей условности считать год его издания — 654-й — границей третьего этапа истории Испании на пути от античности к Средневековью.

Четвертый и последний этап занимает вторую половину VII и начало VIII в. Это было уже время упадка Вестготского королевства. Оно уже давно не вмешивалось в политические дела вне своих границ, ограничившись лишь их защитой и фактически перестав быть фактором международной политики. Теперь эта политическая автаркия дополнилась экономической. Некоторое укрепление контактов с запиренейской Европой лишь в малой степени компенсировало разрыв экономических связей со средиземноморским миром. В еще меньшей степени такие резко ослабшие внешнеэкономические связи могли смягчить последствия эпидемий, налетов саранчи, засух и других стихийных бедствий, наносивших тяжелый урон испанской экономике и в первую очередь сельскому хозяйству. Начался экономический упадок, самым ярким проявлением которого становится трудность, а то и невозможность полноценного сбора налогов, что даже вынудило Эрвигия простить все накопившиеся недоимки.

Еще важнее оказались изменения внутри самого королевства. Экономические процессы, а также последствия стихийных бедствий привели к ослаблению и численному уменьшению слоя мелких и средних собственников, как готских, так и римских. Все большее их число попадает в ту или иную форму зависимости от магнатов. Роль последних резко возрастает. Вестготские герцоги и графы соединяют в своих руках административную и в большой мере экономическую власть, а порой и сами становятся крупными собственниками в пределах тех территорий, которыми управляют. Римские магнаты еще в римское время в значительной степени превращаются в маленьких государей в своих владениях. И варварское завоевание ни в коей мере не изменило этого положения, но, пожалуй, еще более его укрепило. Все это создало в рамках казалось бы единого государства сеть сравнительно небольших квазигосударств, интересы глав которых не всегда совпадали с интересами королевской власти. «Военные законы» Вамбы и Эрвигия, несмотря на субъективные стремления самих королей, на деле закрепили такое положение.

Положение вестготского короля, как об этом уже говорилось, было парадоксальным. С одной стороны, он являлся абсолютным государем, власть которого теоретически была непререкаемой и ограничена только следованием законам, которые он сам и издавал. Но с другой — сам принцип избирательной монархии делал его зависимым от той группировки знати, которая привела его к власти, заставляла поддерживать самые хорошие отношения с церковью, давая ей и какую-то долю политической власти. Отделение личного и семейного имущества короля от государственного превращало монархию в самостоятельный институт, но уменьшало ее экономическую базу. Король не мог передать ни власть, ни значительную часть доходов своему наследнику. Король пытался выйти из такого положения, делая сына своим соправителем, но это мог сделать только сильный правитель, ибо такой акт вызывал сопротивление и светской, и духовной знати. Стремление королей укрепить свою власть и упорное сопротивление знати этим стремлениям в огромной степени определяют политическую историю Вестготского королевства на этом этапе. Политика Вамбы была последним относительным успехом королевской власти. Но его же «военный закон», как только что было сказано, на деле способствовал ослаблению монархии. Государственный переворот 680 г. явился окончательной победой светской и церковной знати над монархией. И после этого короли еще пытались укрепить свою власть, но добиться перевеса не могли. И это ясно сказалось во время арабского вторжения на Пиренейский полуостров.

Посмотрим теперь на всю эпоху в целом. Ранняя Римская империя являлась единым государством не только в политическом, но и в экономическом отношении. Материальным носителем экономического единства была средиземноморская торговля. Кризис III в. нанес ей жестокий удар, но не уничтожил ее. Разрушена же была средиземноморская торговля не германскими, а арабскими завоеваниями, а также борьбой вестготских королей с византийцами. В некоторой степени этот удар был компенсирован укреплением связей с запиренейским Франкским королевством и даже частично с Англией вдоль атлантического побережья Европы. Атлантическая торговля начала активно развиваться еще в римские времена и в какой-то степени может рассматриваться как наследница той, которая связывала различные районы океанского побережья еще в бронзовом веке, если не раньше, но значение центров этой торговли во второй половине VII и в начале VIII в. увеличилось. Конечно, эта компенсация была далеко не полноценной, но этого и не требовалось, ибо в связи с общей натурализацией экономики торговля в целом стала играть лишь вспомогательную роль. Но об ее полном исчезновении речи, конечно, не было. Главное же то, что это уменьшение

роли торговли не явилось качественно новым явлением в истории европейской экономики, а продолжало тенденцию предшествующего времени.

Итак, можно говорить, что с экономической точки зрения весь рассматриваемый период представлял собой определенное единство. Ни 476 г., ни другие даты внутри него не определяли качественный скачок в экономическом развитии Испании. То же самое проявляется и при рассмотрении социальных отношений.

Можно говорить о сохранении тех четырех социально-экономических укладов, которые были характерны для Поздней империи. Однако если уже в римское время крупнособственнический уклад выдвинулся на первое место, то в варварских королевствах он стал однозначно господствующим. Для него было характерно сочетание крупного землевладения и мелкого землепользования. В его сфере главной рабочей силой были не рабы, а различные зависимые люди, включая колонов и рабов на пекулии. Сами же владения магнатов являлись еще и центрами власти. Варварские завоевания этот уклад не разрушили. Конечно, как уже говорилось, сами завоевания сопровождались многочисленными разрушениями, грабежами, отнятием собственности. Но с окончанием самих завоеваний наступило время относительной политической стабильности, которое сопровождалось и стабильностью социальной. Правда, местные магнаты теряли, как правило, две трети своих владений и подчиненного населения — рабов, колонов, отпущенников. Однако надо иметь в виду, что такое положение было, как кажется, свойственно только районам непосредственного расселения варваров, а на остальной территории прежние латифундии сохранялись в их целостности, а их владельцы лишь в виде налогов делились доходами с варварами и их королями. Но и там, где произошел раздел или даже полная конфискация имений, можно говорить о смене собственников, но не о смене самой структуры. Королевская же власть экспроприировала, как кажется, лишь императорские владения. И еще одно важное ограничение: практически полное сохранение, а с течением времени и значительное расширение церковных и монастырских владений. А в них полностью сохранялись позднеримские социальные отношения. В рамках этих отношений как в церковных, так и в светских хозяйствах главной чертой являлось то, что объектом собственности владельца преимущественно была не личность труженика, а его труд и плоды его труда. Прикрепление же труженика к земле и определенному хозяйству ставило своей целью лишь обеспечить владельцу возможность беспрепятственного пользования результатами труда работников. В этом отношении в положении колонов и других работников хозяйств романских крупных собственников ничего не из-

менилось. С формационной точки зрения такое положение характерно не для рабовладельческого, а для феодального общества.

Что касается вестготского населения, то в новых условиях прежние социально-экономические отношения начали разлагаться. Среди германцев тоже выделялись крупные собственники, с одной стороны, и разоряющиеся крестьяне — с другой. Как ранее римские крестьяне, так теперь германские отдавали свои земли взамен покровительства и защиты со стороны крупного и влиятельного собственника, становясь, таким образом, прекаристами, или брали у него землю в наследственную аренду, приравниваясь к римским колонам, хотя собственно колонами они не были. Таким образом, значительная часть германского населения включалась в уже существующую позднеримскую социально-экономическую структуру. Так что можно говорить не о разрушении позднеримских социальных отношений, а об их распространении на новых поселенцев, которые к тому же составляли сравнительно незначительную долю населения.

Варварское завоевание первоначально привело к расширению и укреплению общинно-территориального социально-экономического уклада. Там, где свевы и вестготы поселились более или менее компактно, этот уклад стал на какое-то время преобладающим. Но община, как только что было сказано, начала достаточно быстро разлагаться. Она не исчезла полностью, но, с одной стороны, сфера ее влияния уменьшилась, так как какая-то часть общинников из общины по тем или иным причинам выходила, а с другой — сама община стала терять самостоятельный характер, превращаясь в зависимую. То же самое можно сказать о родовом укладе, который в ходе варварских завоеваний и сразу после них начал было возрождаться. Некоторые народы, как васконы и в меньшей степени кантабры, жившие еще родовым строем, хотя и уже разлагающимся, фактически оказались вне границ варварских королевств. Так что можно говорить, что в какой-то степени родовой уклад в вестготской Испании еще сохранялся, но, за исключением, может быть, Васконии, быстро разлагался. А сохранившиеся на некоторых периферийных территориях Вестготского королевства доримские порядки использовались местными магнатами для укрепления своей власти над зависимым населением.

Сложнее всего обстоит дело с античным укладом. Если говорить о такой важной его составляющей, как рабство, то оно не исчезло. Варварские завоевания даже привели к увеличению числа рабов. Варвары, как правило, не освобождали рабов. И во время последующих войн, которых в то время было очень много, пленные часто обращались в рабов, как это в свое время делали римляне и греки. Деление всего населения,

и романского, и германского, на рабов и свободных по-прежнему воспринималось как само собой разумеющееся. Продолжала существовать и работорговля. Однако реальная роль рабов изменилась. Рабы все меньше использовались в хозяйстве, особенно в ремесле и торговле. Доля их труда в земледелии сохранялась, но постепенно все же уменьшалась. Все чаще рабы использовались преимущественно как челядь в личном услужении их хозяев. Изменилось и реальное положение рабов. С распространением христианства еще в Поздней империи рабов стали воспринимать как людей, а не только как «одушевленные орудия», а это привело к поднятию статуса их личности. Так, убийство раба или его калечение стали восприниматься обществом и государством как преступления. Уже в позднеримское время рабы, посаженные на пекулий, фактически сравнялись с колонами. Этот процесс ускорился в VI–VII вв. В это же время некоторые рабы стали использоваться своими господами, в том числе королями, в качестве воинов и доверенных лиц, которым порой поручалось даже управление, как это делали Хиндасвинт и Вамба. Эти люди, хотя юридически и оставались рабами, в реальности занимали довольно высокое положение, ставившее их выше рядовых свободных.

Другой составляющей античного уклада были города как гражданские коллективы с их куриальным устройством и коллегиальной организацией ремесла. Этот элемент социальной жизни понес очень тяжелый урон. Свой гражданский характер городская жизнь начала терять еще даже до наступления кризиса III в., явным свидетельством чему явилось назначение специальных кураторов и возрастающая незаинтересованность городской элиты в жизни города. Сам кризис явился в этом отношении качественным скачком. Императоры IV–V вв. всеми силами пытались сохранить город и его куриальное и коллегиальное устройство, преследуя при этом в первую очередь фискальные цели. Крах централизованной императорской власти на Западе привел к краху и этой политики. В результате искусственно сдерживаемый процесс разрушения городского коллектива резко убыстрился. Реальным распорядителем основных аспектов жизни города становится или королевский граф, или христианский епископ, или оба вместе. Они отвечают прежде всего за сбор налогов, безопасность и порядок, судопроизводство. Но все же какие-то следы куриальной и коллегиальной организации в городах сохранялись. Городские курии занимаются вопросами наследства, опеки и некоторых других частных дел горожан. Может быть, сохранились и некоторые ремесленные коллегии, хотя данных об этом почти нет. Очень важно, что сохранились городские традиции. Сохранению города способствовало и то, что города, хотя и уменьшившиеся в своих раз-

мерах и частично изменившие свой внешний вид, остались низовыми административными единицами. В условиях вынужденного подчинения романского населения германским завоевателям города в большой мере оставались носителями самого духа романства. В них еще тлели некоторые следы римской цивилизации и, что очень важно, римской ментальности.

В еще большей степени это характерно для католической церкви[1]. Христианство стало господствующей религией еще в Римской империи. Константин сделал его равноправным с другими культами, но уже он стал ясно и недвусмысленно ему покровительствовать. На закате своей жизни Константин крестился, открыв тем самым ряд христианских императоров. Испанец Феодосий рядом своих законов сделал христианство господствующей и даже единственно легальной религией. Ни окончательный раздел империи в 395 г., ни свержение Ромула Августула в 476 г. не изменили этого положения. Церковь было тем институтом, который без значительных изменений перешел в новую эпоху. Христианство в его никейско-константинопольской православно-католической форме являлось религией подавляющего большинства, а в конце концов и всего романского населения Испании и Южной Галлии. Свевы и вестготы, поселившиеся в этих странах, были тоже христианами, но не католиками, а арианами. Но затем и они тоже стали католиками. Католическая церковь была построена строго централизованно, и ее строгую централизацию не нарушало монашество, поскольку монастыри практически подчинялись епископам и митрополитам, главным из которых являлся толедский. Испанская (и септиманская) церковь занимала особое положение в католическом мире Западной Европы. Она была фактически независима от папы, а внутри королевства играла значительную политическую роль, которую, однако, не надо преувеличивать.

Варварские завоевания, главный удар которых пришелся в большой степени по городам, имели тяжелые последствия для культуры и особенно образования. Государственный аппарат варварских королевств был гораздо примитивнее римского, и в нем образованных людей требовалось гораздо меньше. Но все-таки полностью обойтись без них и варварские короли не могли. Подавляющее большинство населения оставалось романским и жило по римским законам. И для управления им требовались знатоки римского права. Не менее важным было образование для клириков и монахов. Поэтому возникают епископские,

[1] История католической церкви и вообще позднеримской и раннесредневековой культуры — большая, интересная и очень важная тема, которую во всех своих аспектах «втиснуть» в данную книгу невозможно.

а позже и монастырские школы. В них утверждается система образования, созданная Боэцием в Остготском королевстве. Именно священники и монахи были интеллектуалами того времени. С течением времени острота отношений с античной древностью отходила на второй план. Многие достижения античной культуры, особенно литературы, стали восприниматься уже как памятники не столько нечестивого язычества, сколько римских традиций. И наряду с переписыванием произведений римских и греческих писателей появляются труды, обобщающие достижения античной мысли, насколько те еще сохранились, при этом очищая их от «языческих заблуждений». Так начали появляться энциклопедии нового типа, главной задачей и заслугой которых стало сохранение античного наследия, как оно понималось христианскими мыслителями того времени. Первым таким энциклопедистом был Исидор Севильский.

Богослужебным языком католической церкви являлся латинский. Арианская церковь пользовалась обычно народным языком, но после перехода варваров в католицизм, и в их церквах германская речь заменилась латинской. Испания, как и вся Западная Европа, именно церкви была обязана сохранением латыни как языка культуры, хотя и этот язык постепенно несколько изменялся. В еще большей степени латинский язык изменялся в повседневной речи, дав в будущем начало романским языкам — испанскому, португальскому (с галисийским), каталанскому. И происходили они из одного корня — классической латыни. Оказавшиеся в меньшинстве, окруженные более культурными и превосходящими в численности латиноязычными соседями, германцы тоже стали переходить на ту «кухонную латынь», на которой говорило большинство населения страны. Это усиливалось и тем, что латынь они слышали в церкви, даже если постепенно все меньше понимали ее. Латынь являлась официальным государственным языком, на этом языке писались законы, на нем велось судопроизводство. Сохранение языка вело и к сохранению этнического самосознания, которое стали воспринимать и поселившиеся в стране германцы. Об этом ясно говорит тот факт, что Испания сохранила свое прежнее наименование Можно говорить, что германцы растворились в местной романской среде.

Все сказанное не означает, что практически ничего нового варварские завоевания не принесли. Главным результатом этих завоеваний явился политический распад европейско-средиземноморского мира. И Свевское, и Вестготское королевства образовывались на территории Римской империи еще до 476 г., но пока на Западе имелся свой император, эта ситуация могла казаться вполне обратимой. Признание Юлием Непотом суверенитета вестготского короля в 475 г. и свержение Ромула Августу-

ла в 476 г. сделал ее окончательно необратимой. Юстиниан в VI в. попытался восстановить Римскую империю в ее прежних границах, но эта попытка потерпела крах. В Испании он сумел захватить лишь сравнительно небольшие территории на юге и юго-востоке Пиренейского полуострова (не говоря о Балеарах, которые оказались под властью Константинополя после уничтожения Вандальского королевства), но в следующем веке византийцы были вытеснены из Испании.

В варварских королевствах возникла иная концепция государства. Даже после кризиса III в., когда политическим строем являлся доминат, т. е. фактически самодержавная монархия, Римская империя оставалась res publica populi Romani — государством римского народа, а император — его неограниченным главой. Романское население Испании и Септимании не могло видеть в варварском короле главу своего народа. Местные римляне являлись лишь подданными абсолютного монарха. Что касается варваров, то до начала и частично в начале завоеваний во главе их стоял военный вождь, как бы он ни назывался. Но в ходе завоеваний и после подчинения преобладающей массы местного населения такое положение сохраниться не могло. Военный вождь превратился в подлинного и неограниченного монарха, а соплеменники в его подданных. Оба процесса совпали. В результате государство фактически превращается в собственность короля. Различие между государством и его главой на какое-то время исчезает. Но исчезновение рода Балтов привело к определенным изменениям. В Вестготском королевстве по форме возрождается, а на деле создается в новом виде избирательная монархия. Различие между личностью короля и государством постепенно восстанавливается, его имущество разделяется на семейное и государственное. Но все же двор играет огромную роль, и служащие двора исполняют роль нынешних министров.

Это ведет к изменению и сословной системы государства. Позднеримское деление на «почетных» и «низших» определялось отношением данных групп населения к государству. Это деление сохранилось, но определяющим теперь становится отношение того или иного человека к личности короля. Фактически этот принцип не был новым. И в Поздней империи реально роль человека определялась его близостью к императору и верностью ему, так что фактически сенаторы уже не являлись правящей группой, а куриалы, относясь к «почетным», превратились в зависимое сословие. Хотя испано-римские магнаты время от времени еще именовали себя гордыми римскими титулами, государство такое деление не признавало, а сами титулы перенимают готские аристократы. Фактически возникает новое сословное деление, в основе которого лежит близость к королю, верность королю, служба королю. В эту новую

сословную сетку включается как романское, так и германское население. Старая германская родовая знать практически теряет свое положение. В Вестготском королевстве готы сохраняют свои привилегии по сравнению с романским населением и его сенаторской аристократией, но знать этого королевства уже не та старая, которая когда-то могла диктовать свою волю Атанариху или Фритигерну, а новая, частично возникшая в ходе переселений, а в основном уже после поселения сначала в Галлии, а затем в Испании.

Одним из результатов варварских завоеваний стало разрушение римского государственного аппарата на его высшем «этаже». Хотя варваров было не так уже много, они являлись господствующим слоем. И новый государственный аппарат стал строиться на основе приспособления, а затем и развития германских институтов, принесенных завоевателями. У германцев отношения между королем и его окружением строились на принципе взаимной верности, и этот принцип был положен в основу создания нового государственного аппарата. Место чиновников заняли королевские дружинники. За свою службу они получали либо собственность, либо право на доходы, либо то и другое. Однако опираться только на этот новый аппарат вестготским королям оказалось невозможным. Поэтому на более низком «этаже» государственного управления сохранились очень многие элементы римской административной системы. Государство по-прежнему делилось на провинции, а территориальными единицами провинций являлись civitates, центрами которых были города. Остатки римской политической системы активно использовались королями.

Изменяется и правовая ситуация. Долгое время в варварских королевствах сосуществовали две правовые системы: римская и германская. В Вестготском королевстве это положение было зафиксировано соответствующими кодексами законов. Но позже ситуация изменилась, и в VII в. появилось единое право для всего населения. Оно испытало довольно значительное влияние римского права, которое было приспособлено к новым условиям. Германское и римское право были основаны на разных принципах. Субъектом римского права являлась личность гражданина (позже подданного, но все равно личность), германского — родственный коллектив, семья. Для римского права характерно признание личной ответственности и наказания за то или иное преступление, включая убийство или государственную измену. Германское право вместо наказания применяет выкуп, причем выкуп различен в зависимости от положения пострадавшего в обществе. А само положение обусловлено не происхождением, а степенью близости к королю. Для римского права главным является соблюдение закона, для германского — мир

в общине, и поэтому важным элементом судопроизводства является судебное собрание, в котором участвуют все свободные члены данной общины. В римском праве критерием наказания или оправдания является результат судоговорения, в ходе которого обе стороны (даже если одной стороной является государство или его представители) отстаивают свою точку зрения, выдвигая доказательства вины или отрицая их. В германском таким критерием является Божий суд (его разновидность — судебный поединок), в результате которого сам Бог определяет истинную вину человека (или, соответственно, ее отсутствие). Исходя из этих критериев, можно без всяких оговорок говорить о полной романизации вестготского права. В нем сохранились лишь слабые следы германского прошлого, как наличие судебных сходок, роль которых, однако, все более уменьшается, и более широкий, чем в римских законах, круг родственников.

Однако несмотря на введение единого права для обеих групп населения, само разделение этого населения на римлян и готов сохраняется. Обе группы все более сближаются друг с другом, чему в огромной степени способствует их принадлежность к одной церкви, к одной вере, их разговор на одном языке. Но полного слияния не произошло. Государство остается двуединым. И готы, составляя незначительное меньшинство населения, являются господствующим народом. Только гот мог быть королем, только готская знать занимает руководящее положение в политической системе королевства. В некоторой степени такое положение компенсировалось политической ролью церкви, в которой романская аристократия играла бóльшую роль, чем готская, хотя и в этой сфере роль последней постепенно увеличивалась. Вестготское королевство никогда не теряло свой этнический характер, что во многом и обусловило его крушение.

Таким образом, можно говорить, что в ряде важных аспектов, особенно в социально-экономическом и культурно-религиозном, вся эпоха от 284 до 711 г. представляет собой определенное единство. Гранью, которая отделяет ее от собственно античного времени, является кризис III в. В ходе этого кризиса античному обществу был нанесен столь сильный удар, что последующая эпоха уже собственно античной называться не может. И ведущей идеологией эпохи становится христианство, принципиально отличающееся от античного язычества. В рамках всего этого времени надо вести речь о дальнейшей социально-экономической и религиозной эволюции, но не о резком разломе, какой приписывается варварским завоеваниям. Однако в других аспектах, прежде всего в политическом, варварские завоевания действительно являются гранью, отделяющей историю римской Испании от последующей истории этой

страны. Учитывая противоречивость всей этой эпохи, можно ее выделить в качестве самостоятельной, разделив ее на два этапа — позднеримский и период «поздней древности», как его сейчас называют в западноевропейской науке. И все же в глубинных основах бытия, в повседневной и хозяйственной, религиозной и языковой жизни для подавляющего большинства варварские завоевания резкой гранью не являлись. В этих основах население Испании и Септимании продолжало то существование, какое оно вело в римскую эпоху, последующую после кризиса III в.

Разумеется, все сказанное не является окончательным решением, и дальнейшие исследования вполне могут не только уточнить, но и изменить сделанные выводы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Amm. — Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt
Anon. Vales. — Anonymus Valesii
Athan. Apol. Const. — *Atahanasios.* Apologiae ad Constantium
Aur. Vict. Caes. — Sexti Aurelii Victoris liber de Caesaribus
Aur. Vict. Epit. — [Aurelii Victoris] epitotome de Caesaribus
Aus. De opp. Ill. — Decimi Magni Ausonii de oppidis illustribus
Bicl. — Iohannes Biclarensis. Chronica
Braul. Ep. — *Braulio.* Epistolae
Caes. B. G. — C. Iulii Caesaris Commentarii de bello Gallico
Caes. Chron. — Chronicae Caesaraugustanae reliquae
Cas. Dio — Cassii Dioni Coceiani Historia Romana
Cass. Chron. — Cassiodorus Senator. Chronica
Cass. Var. — Cassiodorus Senator. Varia
Chron. Alf. III — Chronica Alfonsi III
Chron. Caes — Chronica Caesaraugustana
Chron. Gal. — Chronica Gallica
Chron. Maior — Chronica maior
Chron. Min. — Chronica minora
Chron. Proph. — Chronica Prophetica
Chron. reg. Vis. — Chronica regum Visigothorum
Chron. reg. Vis. Cont. — Chronica regum Visigothorum. Continuationes
Chron. Pac. — Chronica Isidiri Pacensis
CIL — Corpus inscriptiorum Latinarum
Claud. Bel. Got. — Claudiani De bello Gothico
Cod. Eur. — Codex Euricianus
Cod. Iust. — Codex Iustiniani
Cont. Hisp. — Continuatio Hispana
Epith. Panar. Haer. — *Epithani.* Panarion haereticorum
Epist. Wis. — Epistolae Wisigothicae
Epit. Ovet. — Epitoma Ovetensis
Eutr. — Eutropii Breviarum Historiae Romanae

FHG — Fragmenta historicorum Graecorum
Flor. — L. Annaei Flori Epitoma historiae Romanae
Form.Vis. — Formulae Visigothicae
Fred. — *Fredegarius* (*Pseudo-Fredegarius*). Chronica
Greg. Ep. — Gregorius Magnus. Epistulae
Greg. Tur. — Gregorius Turonensis. Historia Francorum
Hild. Vir. Ill. — *Hildefonsus.* De viri illustribus
Hydat. — *Hydatius.* Continuatio chronici Hieronymi
ILS — Inscriptiones Latinae selectae
Iord. Get. — Iordani De origine actibusque Getarum (Getica)
Iord. Rom. — Iordani Historia Romana
Isid. De vir. Ill. *Isidorus Hispalensis.* De viris illustribus
Isid. Etym. — *Isidorus Hispalensis.* Etymologiae
Isid. Hist. — *Isidorus Hispalensis.* Historia Gothorum, Vandalorum et Suebo-rum
Iul. Hist. Wamb. — *Iulianus Toletanus.* Historia Wambae regis
Iul. Or. — Flavii Claudii Iuliani Orationes
Lact. M. P. — *Lactantius.* De mortibus persecutorum
Leg. Vis. — Leges Visigothorum
Merob. Pan — *Merobaudi.* Panegiricus
Olymp. fr. — Olympiodori Thebani fragmenta
Oros. — Pauli Orosii Historia adversum paganos
Paul. Hist. Lang. — *Paulus Diacinus.* Historia Langobardorum
Paul. Hist. Rom — *Paulus Diacinus.* Historia Romana
Philost. — *Phlostorgius.* Historia ecclesiastica
Plin. N. h. — C. Plini Secundi Naturalis historiae
Posid. Vita Aug. — *Posidonius.* Vita Augustini
Procop. Bel. Got. — *Posidonius.* Bellum Gothicum
Procop. Bel. Vand. — *Posidonius.* Bellum Vandalicum
Prosp. Tir. — Prosperi Tironis Chronicon
Ps.-Isid. Chron. — Pseudo-Isidorus Hispalensis. Chronica
Querol. — Querolus sive Aulularia
Ruf. Hist. eccl. — *Rufus.* Historia ecclesiastica
Salv. Gub. Dei — *Salvianus Massiliensis.* De gubernatione Dei
SHA, Alex. — Scriptores Historiae Augusti, Alexander Severus
SHA, Carac. — Scriptores Historiae Augusti, Antoninus Caracacallus
SHA, Marc. — Scriptores Historiae Augusti. Vita Marci Antonini
SHHA — Studia historica. Historia Antigua
Sid. Ap. Carm. — *Sidonius Apollinarius.* Carmina
Sid. Ap. Ep. — *Sidonius Apollinarius.* Epistula
Sil. Chron. — Chronica monachi Silonensis

Socr. — *Socratis.* Historia ecclesiastica
Soz. — *Hermias Sozomenus.* Historia ecclesiastica
Sulp. Sev. Chron. — Sulpicii Severi Chronicon
Tac. Ann. — Cornelii Taciti Annales
Tac. Germ. — Cornelii Taciti De origine et situ Germanorum
Taio. Ep. ad Quir. — Taio. Epistula ad Quiricum
Them. Or. — Themistii Orationes
Ven. Fort. Carm. — *Venatius Fortunatus.* Carmina
Vict. Vit. — *Victor Vitensis.* Historia persecutorum Africanae provinciae
Vit. Patr. Emer. — Vitas sanctorum partum Emeritensium
Vita S. Aemil. — *Braulio.* Vita Sancti Aemiliani
Vita Fruct. — *Valerius Bergidensis.* Vita Sancti Fructuosi
Zon. — *Ioannes Zonaras.* Epitome historiarum
Zos. — Zosimi Historia nova

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И МОНОГРАФИИ

ВДИ — Вестник древней истории
AEArq. — Archivo español de arqueología
AJA — American Journal of Archaeology
APA — Acta Praehistorica et Archaeologica
BSAA — Boletin de la Sociedad de Arqueología y Arte
HAE — Hispaniae Antiquae Epifraphica
HE — Historia de España. Madrid, 1982
JRS — Journal of Roman Studies
Kleine Pauly — Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike
Los Visigodos — Los Visigodos. Murcia, 1986
MM — Madrider Mitteilungen
RE — Real-Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REA — Revue des Etudes anciennes
RLGA — Reallexikon der germanischen Altertümer
Visigothic Spain — Visigothic Spain. Oxford, 1980.
V Reunion — V Reunion de argueologia cristiana-hispana. Barcelona, 2000.

УКАЗАТЕЛИ

Указатель географических и этнических названий

Castrum novum 336
Абила 55
Авары 252
Августа Треверов (Трир) 30, 57
Августодун 20, 22
Авенион (Авиньон) 180
Австразия 224, 231, 250, 251, 270, 282, 311
Агд 244
Адда 179
Адрианополь 91, 152
Адриатическое море, Адриатика 25, 94
Акве Флавие 121
Аквилея 32
Аквитания 34, 56, 57, 76, 149–151, 153, 162, 164, 166, 167, 175, 185, 197, 208, 211, 242, 377, 385, 420
Аквитания Вторая 112
Аламаны 67, 71
Аланы 33, 34, 59, 60, 70, 74, 75, 76, 98, 102, 104–106, 111–114, 116, 117, 127, 132, 149, 419
Алемания 71
Алхесирас 262
Альбис (Эльба) 61
Альпы 16, 20, 26, 97, 160, 164, 179, 194, 210
Амайя 241, 253
Анас 371
Англия 423, 425
Англо-саксы, англы 79, 139
Андалусия 117
Апеннинский полуостров 259
Арабы 6, 117, 263, 303, 308, 316, 317, 355, 405, 408–411, 413, 414, 417, 418
Аргос 94
Арегенские горы 230, 321
Арелат (Арль) 37, 39, 104, 114, 154, 194, 201, 205, 226
Армения 38
Арморика (Бретань) 150
Асидон 229, 252, 261, 265, 269
Астиги 360
Астурика 130, 139
Астурия 49, 51, 52, 315, 356, 394, 414
Астуры 274, 275, 293
Атлантический океан, Океан 179, 217, 371, 410, 425
Афины 94
Африка 24, 28, 44, 53, 67, 75, 97, 100, 101, 110, 116–118, 123, 126–129, 132, 139, 149, 150, 154, 155, 196, 216, 217, 256, 258–260, 262–264, 273, 329, 337, 370, 408–410, 419
Багдад 7
Балеарские острова, Балеарры 16, 48, 52, 59, 116, 117, 128, 221, 254, 256, 258, 262, 263, 266, 278, 419, 431
Балканы, Балканский полуостров 24, 74, 80, 81, 91, 151
Балтика, Балтийское море 60, 63, 73, 76, 77, 79
Барцинон (Барселона) 40, 41, 54, 107, 108, 122, 195, 197, 212, 214, 238, 334, 335, 369, 404
Берберы 196, 217, 259, 303, 408, 411
Бетеррис 276

Бетика 16, 17, 41, 46, 47, 51, 52, 56, 105, 111, 114, 115–118, 120, 123, 129, 130, 136, 145, 148, 181, 215, 216, 229, 232, 233, 235, 269, 272, 291, 315, 320, 322, 326, 331, 335, 336, 343, 359, 364, 365, 395
Бетис 47, 51, 129, 216, 223, 224, 229, 258, 371
Бильбилис 40
Ближний Восток 6, 80
Богемия 66
Боглада, Богладское поле 193, 195, 205, 216, 350, 420
Бойи 66
Болет 333
Бракара, Бракаравгуста 40, 49, 107, 114, 120, 124, 134, 135, 139, 140, 145–147, 299, 310
Британия 6, 29, 33, 34, 44, 62, 139, 371
Бритоны 139, 147
Бриты 19
Бузент 97
Бургундия 180, 192, 236, 252
Бургундское королевство 160, 180, 236
Бургунды (бургодионы) 34, 72, 98, 111, 124, 180, 190, 192–196, 201, 203, 350
Бурдигала (Бордо) 57, 58, 190, 356
Валенция 34, 41, 42, 236
Валерия 44, 71
Вангионы 61
Вандалусия 117
Вандалы (вандилии) 33, 34, 59, 60, 68, 70, 72–77, 98, 102, 104, 105, 106, 108, 111–118, 126–128, 132, 133, 136, 139, 149, 151, 154, 159, 197, 215, 217, 263, 375, 410, 419
Вандалы-асдинги 33, 74–76, 80, 105, 111–113, 116, 132
Вандалы-силинги 73, 74, 105, 111, 114, 116
Вандальские горы 73, 217
Вандальское королевство 7, 112, 126, 217, 221, 256, 263, 353, 431
Варвары 4, 5, 9, 10, 15, 19, 22, 33, 34, 38, 39, 50, 55, 59, 60, 62, 70, 74, 75, 92, 94, 95, 97, 102, 104–108, 110–114, 117, 119, 121, 127, 128, 132–134, 137, 138, 140–142, 149, 150, 161, 166, 169, 170, 188, 207, 241, 252, 318, 320, 355, 393, 416, 419, 420, 426, 427, 429, 430–432
Варейя 105, 208
Варины 72
Варисты (наристы) 71
Васконы 49, 121, 135, 215, 216, 230, 234, 237, 240, 253, 254, 271, 275, 281, 282, 288, 292, 295, 317, 343, 355, 357, 358, 408, 421, 427
Верхняя Германия 62
Вестготское королевство 2, 4, 7, 10–12, 14, 130, 139, 144, 147, 148, 155–157, 160, 164, 166, 167, 176, 178, 179, 183, 189, 190, 193–196, 199, 217, 219, 225, 227, 229, 237, 238, 240, 243, 246, 249, 260, 263–266, 268, 270, 272, 283, 293, 294, 300, 303, 311, 313, 321, 324, 329, 330, 337–339, 350–353, 359, 362, 363, 374, 380, 381, 383–385, 387–391, 393, 394, 398–402, 405, 407, 408, 412, 414, 415, 417, 418, 420, 421, 423–425, 427, 430–433
Вестготы (везиготы, визиготы, тервинги) 4, 10, 12, 34, 37, 60, 75, 76, 79, 80–101, 105–107, 109–113, 115, 116, 123, 124, 126, 128, 130–132, 136–140, 143, 145, 146, 148–156, 159–170, 172–181, 183–197, 199–203, 205–215, 217–220, 222–226, 229, 230, 236–240, 242–244, 246, 250–252, 254–256, 260–262, 264, 265, 267, 269–276, 278, 281, 286, 290, 291, 295, 301, 311, 320–322, 329, 340–343, 345, 347, 349, 350, 351, 353, 358–364, 368, 371, 372, 375, 377, 380, 381, 383, 385, 387–389, 391, 393–397,

399, 400, 402, 403, 405, 407, 409, 411, 415, 416, 419–421, 427, 429
Византийцы 145, 148, 193, 217, 218, 221–225, 227, 229, 231, 233–236, 239, 246, 252, 253, 258, 259, 261–267, 269, 271, 274, 275, 281, 308, 359, 360, 391, 393, 401, 409, 410, 421, 423, 425, 431
Визургис (Везер) 61
Викториак 241, 253, 330
Вируны 72
Висла 73, 77, 83
Восток 3, 4, 6, 8, 26, 29, 32, 51, 88, 104, 108, 154, 187, 203, 241, 264, 335, 371, 422
Восточная Европа 75, 83
Восточная Римская империя, Византия 4, 5, 32, 94, 263, 267, 372
Восточное Средиземноморье 129, 258, 264, 266, 370, 409, 423
Гадитанский, Гибралтарский пролив 116
Галатия 38
Галлаико-римляне 140
Галлеки 140, 142
Галлеция 16, 17, 21, 23, 29, 30, 49, 51, 56, 58, 105, 107, 111, 113, 114, 116, 117, 119, 120, 124, 126, 127, 130, 132–136, 139–142, 144–148, 181, 230, 240, 245, 248, 286, 299, 302, 313, 326, 364, 378, 391
Галлия 15–17, 19–21, 23, 24, 26, 28–30, 32–35, 37–39, 50, 53, 59, 61, 67, 70, 71, 74–76, 93, 97–102, 104, 105, 108, 111, 112, 117–122, 124, 127, 129, 131, 139, 140, 143, 145, 148–151, 154, 155, 159, 160, 164, 165, 167, 176, 177, 180, 181, 183, 185, 186, 190–194, 196, 197, 201, 205, 206, 208–210, 212, 214, 215, 217, 221, 222, 248, 250, 252, 256–258, 270, 277, 281, 294, 296, 299, 348, 378, 383, 387, 391, 393, 396, 402, 419, 420, 432
Галло-римляне 98, 189
Гамбривии 73
Гарии 73
Гаруды 61
Гарумна (Гаронна) 149–151, 164
Гауты 79
Гелизии 73
Гельвеконы 73
Германия 5, 7, 19, 60–62, 66, 68, 69, 71, 72, 77, 102, 132
Гермионы 60, 68
Гермундуры 67, 68, 71
Герулы 139, 355
Герунда 212, 404
Геты 78, 202, 344, 361
Гибралтар 116, 164, 179, 216, 262, 408, 411
Гигия (Хихон) 356
Гиспалис (Севилья) 17, 40, 41, 116, 123, 130, 163, 214, 216, 220, 223, 224, 233–235, 240, 258, 273, 304, 310, 322, 331, 359, 360, 371, 379, 412
Готское поле 206
Готы (гутоны) 11, 34, 39, 65, 68, 73, 74, 76–83, 85–87, 89–92, 96, 98, 99, 100, 106, 108, 109–111, 115, 121, 123, 124, 149–151, 155, 156, 159, 161, 163–167, 171, 173, 174, 176, 181, 184–186, 188, 191, 200, 202, 204, 205, 208, 209, 213, 214, 217–219, 221, 225, 237, 242, 243, 247, 248, 250, 255, 265, 276, 278, 279, 281, 283, 287, 289–291, 295, 296, 302, 308, 313, 335, 336, 340, 341, 344–349, 353, 354, 358, 361, 364, 375, 378, 382, 384, 385, 387, 388, 394, 398, 400, 403, 405, 413, 415, 432, 433
Греция 19, 94, 346
Гунны 74, 75, 85–87, 91, 100, 149, 150, 155, 157, 159, 202, 203
Далмация 71, 75
Дамаск 7, 412
Даны 79

Дертоза 188
Десятинные (Декуматские) поля 62, 67
Дорийцы 70
Дунай 24, 60, 62, 63, 67, 70, 74, 75, 81, 87, 89–92, 102, 151, 252
Дуэро (Дурис) 139
Евреи, иудеи 272, 273, 275, 302, 303, 312, 411, 416, 418
Европа 5, 7, 8, 13, 27, 60, 62, 121, 139, 179, 197, 272, 281, 303, 308, 372, 375, 423–425
Египет 25
Запад 4, 6, 8, 22, 26, 29, 32, 72, 76, 88, 92, 95, 104, 105, 108, 134, 237, 248, 422, 428, 430
Западная Европа 65, 76, 201, 223, 331, 429, 430
Западная Римская империя 4, 10, 11, 32, 34, 36, 94, 95, 113, 119, 122, 126–128, 131, 139, 149, 154, 155, 159, 160, 178, 187, 201, 241, 278, 324, 415
Ибер (Эбро) 46, 105, 123, 131, 188, 206, 413
Иберы 22, 415
Илерда 123
Иллирия, Иллирик 4, 94, 95, 377
Ильменские славяне 72
Империя 3–5, 8, 9, 15, 25, 30, 51, 67, 85, 92, 112, 119, 128, 129, 131, 153, 191, 192, 203, 205, 218, 221–225, 227, 237, 241, 249, 254, 258, 259, 263, 274, 292, 318, 337, 340, 361, 375, 377, 380, 381, 383, 399, 408, 419, 423, 429
Ингвеоны 60
Ионийцы 70
Испания, Испании 2, 4, 10–18, 20–23, 25, 28–32, 35–40, 42, 44–48, 50–60, 67, 68, 70, 72, 74–76, 88, 101, 102, 104–108, 110–119, 121–124, 126–133, 136–138, 141, 144, 145, 148–150, 154, 158–160, 178, 180–188, 190, 194, 197, 199, 200–202, 204–212, 214–218, 221–227, 229–232, 235, 236, 238, 239, 241, 243, 245, 247–249, 252–267, 269, 270, 272, 273–278, 281, 282, 284, 287–289, 291–294, 296, 298–301, 303, 305, 306, 308, 310, 312, 316–318, 320, 322–325, 327, 328, 330, 332, 334–337, 339–351, 353–355, 357, 358, 360, 361, 363–372, 378, 379, 382, 385, 387, 388, 391, 393, 394, 396, 397, 400–403, 405, 407, 409–424, 426, 427, 429–434
Испано-римляне 107, 111, 113, 119, 120, 126, 133, 138, 188, 204, 210, 212, 214, 243, 250, 255, 276, 279, 295, 322, 362, 371, 380, 411, 416, 421
Испанский диоцез 17, 32, 104, 114, 116, 128, 191, 217, 256, 258, 262, 308
Испанцы 15, 18, 21, 22, 24, 29, 35, 37, 38, 47, 53, 75, 105, 122, 129, 185, 186, 218, 294, 295, 408, 418
Иствеоны 60
Италика 41, 304
Италия 4, 5, 6, 18, 22, 24, 25, 28, 29, 31, 32, 34, 36, 37, 39, 44, 52, 53, 57, 75, 83, 84, 94–96, 104, 105, 114, 118, 124, 126–131, 134, 149, 159, 160, 179, 180, 183, 184, 187, 189, 194, 200, 201, 203–205, 209, 210, 213, 218, 221, 223, 229, 252, 256, 257, 259, 260, 264, 273, 335, 348, 363, 366, 370
Ифрикия 408
Кавказ 74
Калагуррис 40
Кантабрия 49, 229, 230, 234, 253, 274, 322, 330, 355, 356
Кантабры 143, 215, 230, 254, 275, 355, 421, 427
Каркассон 194, 201, 206, 252, 414
Карпетания 266, 267, 393

Картагена, Новый Карфаген (Карфаген Спартария, Картахена) 116, 128, 224, 258–260, 262–264, 266, 267, 275, 322, 336, 337, 359, 371, 372, 391
Карфаген 35, 53, 88, 116, 126, 128, 217, 258, 260, 263, 264, 408–410
Карфагенская Испания 16, 47, 105, 111, 119, 123, 136, 215, 233, 258, 266, 267, 271, 322, 391
Каспийское море 61
Каталаунские поля 153, 156, 174
Квады 66–71
Кельтика 257
Кимвры 61
Киренаика 24
Клермон 181, 211
Константинополь 4, 5, 7, 21, 31, 51, 81, 87, 91, 93, 94, 100, 122, 126, 181, 187, 192, 215, 221, 224, 235, 236, 238, 241, 247, 256, 257, 259, 262, 263, 360, 383, 431
Кордуба 16, 35, 40, 41, 55, 56, 220, 223, 224, 229, 234–236, 239, 240, 258, 266, 313, 314, 323, 333, 334, 360, 371, 395
Коринф 94
Лабитолоза 333
Лангобарды 6, 72, 229, 252, 259
Лигурия 126
Луара (Лигер) 160, 164, 165, 179, 192, 193
Лугдун (Лион) 29
Лугии 73
Лузитания 16, 17, 21, 23, 36, 37, 49, 50, 54, 56, 105, 111, 116, 119, 120, 124, 130, 135–141, 181, 184, 206, 215, 233, 250, 252, 268, 271, 294, 315, 322, 336, 359, 391, 394
Лук (Луго) 139, 140, 142, 147
Мавретания 28, 116
Мавретания II 256, 257, 262
Магалона 294
Майорка 258, 262
Македония 94
Максима 31
Малака 40, 245, 259, 264, 266, 275, 336, 337, 371, 372
Манимы 73
Мари 88
Маркоманы 61, 66–69, 71, 73, 74
Марсы 73, 196
Массалия (Марсель) 100, 115
Менорка 258, 262
Ментеса 266
Меотида (Азовское море) 74
Месета 48, 52, 207
Милан (Медиолан) 4, 94, 95
Миний (Миньо) 139
Моравия 66
Наганарвалы 73
Нарбонн 98, 101, 194, 195, 206, 211, 212, 214, 238, 269, 276, 294, 300, 303, 336, 371, 414
Нарбоннская Первая 112, 391
Неаполь 331
Нейстрия 224, 231, 232, 236, 251, 311
Немавс (Ним) 294, 296
Неметы 61
Нижняя Германия 62
Никея 55
Норик 94–96
Одер 60, 73
Олисипон (Лиссабон) 130, 138, 141, 142, 318
Олонгик 275, 330
Ороспеда 230
Оска 333
Османы 80
Оссоноба 57, 58
Остготское королевство 7, 179, 189, 218, 430
Остготы (остроготы) 6, 75, 79–82, 84, 85, 88, 91, 100, 179, 190, 194, 196, 200–203, 205, 210, 213, 214, 218, 219, 221, 256, 375
Палеополь 331
Пальмирское царство 3

Пампелон, Памплона 131, 317, 411
Паннония 31, 67, 71, 74, 76, 95, 105, 146
Персия 6, 15, 223, 252
Пирей 94
Пиренеи 20, 21, 23, 28, 33, 37–39, 42, 46, 56, 59, 102, 107, 112, 131, 132, 149, 165, 185, 188, 194, 195, 197, 201, 205–209, 212, 214–216, 226, 234, 276, 281, 294, 296, 335, 363, 365, 371, 391, 414, 419
Пиренейский полуостров 12, 15, 16, 21, 23, 28, 33, 35, 36, 42, 49, 50, 52, 55, 59, 60, 70, 75, 102, 105, 106, 108, 117, 123, 127, 130–132, 138, 140, 181, 194, 206–208, 212, 214, 215, 222, 227, 229, 230, 238, 252–254, 257–259, 262–267, 269, 274, 275, 281, 316, 318, 322, 335, 341, 348, 354–356, 359, 363, 364, 366, 372, 378, 393, 401, 411, 412, 414, 415, 418–422, 425, 431
Питиусса (Ибиса) 258, 259
Питиусские острова 258
Порт Кале, Портукале (Порту) 124
Предкавказье 75
Придонье 74
Пуатье 193
Равенна 4, 34, 38, 75, 95, 97, 99, 100, 101, 105, 108, 114, 115, 118, 122, 123, 129, 136, 142, 179, 200–202, 204, 209, 260, 350
Рейн 4, 20, 32–34, 60–62, 66, 67, 69, 70, 74–76, 98, 102, 111, 151, 419
Рекополь 240, 241, 330
Реция 71, 94
Рим 3–5, 18, 19, 21, 25–27, 31, 32, 51, 53, 61, 66–68, 78, 95–97, 99, 100, 126, 129, 135, 136, 143, 150, 151, 153, 155, 158, 159, 161, 191, 194, 201, 202, 264, 331, 349, 361, 363, 412, 415
Римляне 4, 8, 21, 27, 47, 61, 62, 66, 67, 70, 72, 80, 85, 86, 89, 90, 93, 95, 96, 101, 105–115, 117, 120, 123, 124, 127, 128, 130, 132, 134, 136, 149–151, 153–156, 158–163, 165–170, 173, 174, 176, 178, 180, 184, 192, 200, 201, 204–206, 208, 209, 218, 223, 242, 248, 255, 263, 279, 286, 291, 296, 321, 336, 347, 349, 357–359, 363, 366, 372, 375, 381, 387, 393, 394, 400, 405, 407, 415, 416, 427, 431, 433
Римская империя 2–5, 8–10, 12, 13, 15, 29, 32, 34, 36, 45, 47, 53, 61, 62, 66, 67, 78, 90, 98, 121, 130, 135, 136, 140, 149, 156, 191, 193, 201, 208, 210, 221, 229, 237, 256, 259, 329, 336, 340, 361, 385, 387, 394, 404, 419, 425, 429–431
Рода 331, 335
Романия 98, 140, 165
Рона 160, 194, 210
Рунконы, ронконы 147, 229, 274
Сабария 229
Сагонтия, Сегонтия 269
Сантоник 185
Сардиния 258
Сарматы 74, 91
Свевское королевство 2, 120, 132, 134, 136, 139, 140, 144, 145, 147, 181, 200, 215, 225, 230, 231, 248, 313, 321, 354, 378, 391, 420, 430
Свевы 33, 34, 59–61, 68–76, 98, 102, 104–107, 111–114, 116–121, 123, 124, 126, 128–130, 132–148, 159, 160, 173, 174, 185, 207, 215, 225, 230, 234, 236, 240, 241, 243, 248, 313, 318, 355, 364, 378, 391, 415, 419, 421, 427, 429
Священная Римская империя 5
Север 12, 18, 275, 355
Северная Африка 53, 76, 106, 116, 127, 128, 132, 217, 221, 223, 264–266, 278, 303, 308, 335, 337, 370, 408–410, 422, 423
Северная Галлия 6, 9, 139, 180

Северная Испания 270, 356
Северная Причерноморье 168
Северное Причерноморье 77, 78, 83, 85, 150, 340, 385
Северный Кавказ 74, 75
Северо-Западная Галлия 150
Северо-Западная Испания, Северо-Запад 10, 51, 52, 104, 121, 134, 354, 420
Седусии 61
Секваны 61
Сельджуки 80
Семноны 68, 69, 71, 73
Септем (Сеута) 217, 256, 262, 409, 410
Септимания 194, 196, 197, 199, 201, 206, 213, 214, 226, 236, 244, 250, 252, 265, 271, 274, 276, 277, 278, 281, 286–288, 291, 293–296, 299, 300, 302, 303, 311, 312, 316, 347, 358, 359, 371, 378, 387, 391, 413, 414, 416, 420–422, 431, 434
Сервитанский монастырь 247
Силезия 66, 73, 75
Сирийцы 272, 336, 371, 422
Сирия 15, 25, 58, 371, 408
Сицилия 28, 44, 97, 196, 221, 222
Скандза 77, 79
Скандинавия 60, 65, 73, 76, 77, 79, 82, 83, 139
Скифы 74, 361
Скотты 139
Славяне 75, 252
Словаки 72
Словены 72
Спания, Spania 263, 379, 391
Средиземное море 149, 154, 193, 196, 211, 264, 371
Средиземноморье 6, 62, 63, 90, 201, 224, 257, 264, 267, 281, 326, 363, 410, 415, 422
Средний Восток 80
Стридон 71
Суассон 180
Судеты 73
Тарракон 23, 28, 29, 35, 39–41, 53, 128, 131, 333, 371, 404
Тарраконская Испания 16, 18, 29, 31, 35, 40, 46, 47, 51, 58, 105–108, 117, 119, 120, 123, 124, 129, 131, 135, 136, 181, 184, 186, 188, 215, 216, 271, 275, 286, 287, 295, 302, 318, 322, 393, 413
Тахо (Таг) 206, 341
Тевтобургский лес 61, 64, 66, 70
Тевтоноарии 72
Тевтоны 61, 72
Тингис 262
Тингитанская Мавретания, Мавретания Тингитана 17, 36, 116, 217, 256, 262, 393, 419
Тириассон 123
Тиса 74, 75
Тицин (Павия) 179
Толедо (Толет) 14, 195, 210, 214, 218, 234, 238, 239, 241, 244, 246, 247, 251, 252, 254, 267, 271, 272, 277, 285, 286, 298, 300, 302, 306, 309, 313, 315, 321, 332, 333, 353, 356, 375, 383, 385, 391, 393, 396, 410, 412
Толедское королевство 14, 239, 254, 278, 289, 302, 354, 414
Трансальпийская Галлия 61
Трибоки 61, 69
Тукци 266
Тулуза (Толоза) 14, 112, 165, 175, 185, 190, 194, 195, 201, 202, 205, 238, 383
Тулузское королевство 14, 112, 160, 179, 181, 183, 193, 342, 420
Тур 146
Турки 5, 80
Тюринги 211
Фессалия 94
Финикия 50
Флавионавия, Амнени 356
Фракия 86, 89, 91–93, 151

Франки 9, 19, 32, 33, 34, 67, 76, 102, 111, 115, 139, 140, 145–147, 165, 180, 185–187, 189, 190, 192–197, 201, 203, 205–207, 210–212, 214, 216, 219, 224, 225, 231, 232, 234, 236, 238, 250–253, 265, 270, 271, 274, 295, 296, 311, 326, 350, 351, 372, 375, 381, 390
Франкское королевство 7, 145, 165, 180, 189, 211, 225, 231, 234, 236, 271, 276, 288, 296, 311, 335, 371, 414, 423, 425
Французы 71
Халифат 408, 410, 418
Харины 72
Херуски 61, 64
Цезаравгуста (Сарагоса) 35, 37, 40, 56, 123, 126, 131, 186, 188, 216, 276, 288, 333, 412
Центральная Европа 75
Центральное Средиземноморье 409
Чехия 66
Шираган 165
Эгара 269, 271, 273, 404
Эдуи 61
Эль Сауседо 320
Эмерита (Мерида) 17, 30, 56, 58, 112, 116, 120, 123, 129, 130, 133, 134, 181–184, 215, 222, 234, 235, 243, 245, 268, 281, 318, 322, 330, 332, 333, 336, 350, 353, 359, 371, 412
Эмпорион 331, 404
Юго-Восточная Галлия 180, 196, 210, 222
Юго-Восточная Испания 49, 265, 412
Юго-Западная Галлия 4, 88, 132, 161, 164, 165, 168, 180, 196, 340, 403
Южная Галлия 53, 60, 97, 98, 100, 107, 114, 130, 160, 164, 180, 222, 335, 429
Южная Испания 116, 117, 215, 220, 223, 233–235, 243, 264, 265, 322, 364, 379, 412

Указатель собственных имен

Абд-эль-Азис 413
Абдальмалик 410
Аблавий 79
Абу-л-Мухаджир 408
Абунданций 356
Август 61, 98, 99, 152, 334
Августин 155
Авдека 148
Авзоний 40, 49
Авит 124, 136, 137, 159
Аврелиан 3, 67, 186
Аврелий Виктор 16, 19, 25
Австровальд 234, 252
Агила 145, 219, 220–223, 259, 329, 410, 413, 414, 421
Агиульф 81, 82, 124, 137
Агиульф, король лангобардов 270, 274
Агривульф (Агиульф) 124, 137, 173, 174, 200
Аддак 111
Айол (Айулф) 137, 185
Аларих 4, 37, 39, 92–97, 109, 110, 151–154, 179, 189, 195, 242, 286, 349, 377, 381, 397
Аларих II 160, 167, 178–180, 184, 185, 187–193, 195, 196, 204, 218, 246, 374, 379
Алатей 84, 91
Александрия 322
Александр Север 163
Амалаберта 189
Амаларих 195–197, 199, 200, 202–205, 209–214, 218, 238, 350, 374, 380, 393, 420
Амаласунта 202, 209, 221
Амалафрида 189, 197

[1] В указатель включены только те имена исследователей, которые встречаются в основном тексте, а не в сносках.

Амалы 65, 68, 77, 79–84, 88, 100, 201, 202, 213, 375
Амвросий 30, 58
Амелий 262
Аммиан Марцеллин 21, 50, 71, 84, 86, 87, 89, 151
Ампелий 200, 205
Анастасий 187, 193, 194, 203
Андевот 117, 118
Андрогаций 31, 32
Антемий 130, 138, 187, 329
Антонин Пий 336
Аорих 81, 82
Аполлинарий, префект претория 35, 37
Аполлинарий, сын Сидония Аполлинария 155, 193
Арбогаст 32, 414
Аргебад 294, 296
Аргимунд 251
Ардабаст 292, 301
Арегий 294
Ариарих 81, 82
Ариовист 61, 64, 69, 70, 83
Ариомир 146
Аркадий 4, 32, 37, 94
Арминий 61, 64–66
Арсе Х. 13, 118
Аскальк 158, 173
Аспидий 230, 321
Астерий 114
Астурий 122
Атал 81
Аталок 250
Атанагильд 145, 220–222, 224–227, 231, 238, 250, 256, 259, 410, 414, 421
Атанагильд, сын Герменегильда 236
Атанарих 86–93, 152, 204, 209, 213, 220, 432
Атаульф 88, 95, 97–101, 107–110, 150, 152, 161, 290, 349
Аттал Приск, Аттал 96–99, 101, 113
Аттила 155–157
Аудефледа 189
Афанасий 19
Ахила (Агила II) 411, 414
Ацилий Север 18
Аэций 119, 122, 143, 149, 154–156, 158
Баддо 254, 268
Базина 232
Бакауда 121
Балты 79–82, 88, 93, 109, 153, 154, 178, 179, 209, 213, 215, 220, 374, 379, 421, 431
Барберо А. 11, 12
Басилий 121–123
Беремуд 88, 202
Бериг, Берих 77, 79
Бладаст 234
Бонифаций 115, 116, 122
Босон 252
Боссон 212
Боэций 430
Бравлион 284, 285, 287, 289
Бриттон 57
Брунегильда 224, 231, 250, 270, 271, 282
Булгар 269, 271
Бурдунел 185–190, 208, 322
Вадомарий 50
Вазимар 74
Вайязинд 316
Валаварат 84
Валент 3, 4, 86, 87, 90, 91, 152
Валентиниан I 3
Валентиниан II 29, 31, 32, 115
Валентиниан III 116, 118, 120, 122, 123, 135, 136, 154, 155
Валерий Пиниан 44
Валид 411, 412
Валлия 110, 111, 150, 152, 153, 154, 159
Вальдеавельяно Л. Г. де 11, 386
Вамба 282, 292, 294–308, 310, 312, 314, 338, 342, 345, 347, 349–351, 358, 368, 377, 378, 384, 386–388, 390, 394, 396, 401–403, 405, 407, 411, 416, 417, 424, 425, 428

Вандемир (Вадемир) 387
Ванний 67
Ведук 81
Вейла 197, 199
Велизарий 256
Веремунд 144
Верениан 35–37
Веспасиан 3, 18, 218
Ветранион 22, 24–27
Вибеллий 67
Виктор 32
Викторий 183
Вилдигерн 250
Винитарий 84
Винцент 324, 325, 333–335, 339, 363–365
Винцентий, епископ Питиуссы 258
Винцентий, епископ Цезаравгусты 245
Винцентий, римлянин из Тарраконской Испании 131, 182, 184, 318
Вит 123, 136
Витерих 202
Витимир 84
Витица 307, 312–317, 327, 342, 349, 368, 369, 377, 378, 384, 409–414
Виттерих 250, 254, 255, 268–272, 374
Вихиль М. 11, 12
Волузиан 190
Гадарих 77, 78
Гаизон 20, 26, 27
Галл 27, 28
Галла Плацидия, Плацидия 97, 98, 100, 101, 107, 109, 110, 116, 118, 119, 152, 154
Галлиен 186
Галсвинта 224, 231
Гапт 79
Гарсиа де Кортасар Х. А. 13
Гарсиа Морено Л. А. 12
Гаттерер Й. Х. 5
Гаут 79
Гаутерит 184
Геберих 81, 82, 87
Гезалих 195–197, 199, 212, 238, 374
Гейзерих 116, 117, 123, 375
Гейла 277
Гелимер 217
Гелладий 277
Георгий Кипрский 262
Гераклиан 100
Германик 61
Герменберга 270
Герменегильд 148, 227, 231–236, 244–247, 265, 360, 376, 379
Гермерих 117, 133, 134, 142, 143
Гермигарий 133
Герминафрид 189
Геронтий, полководец 34, 35, 37–39, 102, 104–106
Геронтий, пресвитер 277
Гигин 56
Гислемар 311
Гоар 75, 111
Годегизел 33, 102, 111
Гойарих 191, 195, 196
Гольдефред 131, 184
Гондигизел, брат бургундского короля 180
Гондигисел (Гондигизел), король вандалов 76
Гонорий, дед Феодосия 18
Гонорий, император 4, 28, 32, 34, 45, 75, 94–97, 100, 101, 104, 105, 107–109, 114, 115, 118, 135, 149, 154, 162
Гонорий, магнат 35–37, 39, 44, 356
Гормизд 204
Госвинта 227, 232, 233, 238, 250, 251, 353
Грайп 79
Граниста 250
Грациан 29, 30, 57
Грегорий 346
Григорий I 222, 260, 359, 360
Григорий Турский 70, 71, 144, 146, 180, 181, 183, 190, 212, 216, 219, 223, 232, 236, 237, 245, 265

Гумилд 294
Гундемар 253, 271, 273
Гундерих 76, 111, 113, 116
Гундобад 180, 192, 193, 196, 203
Гуннфьян 79
Гунтрам 226, 265, 359
Гунтрамн 147, 226, 236, 246, 250–252
Гуте 79
Гутшмидт А. фон 6
Давид 280
Дагоберт 276
Дезидерий 346
Дельфиний 57
Децентий 21, 24, 26–28
Дидим 35–38, 320
Дизнер Х.-Й 11
Диоклециан 6, 15–17, 19, 25, 27, 51, 52, 71, 163, 258, 394, 404
Друз, пасынок Августа 61, 70
Друз, сын Тиберия 61, 70
Дубий 108, 109
Евгений, император 32, 93
Евгений, магнат 356
Евгений, раб 325
Евгений I 284, 300
Евгений II 287
Евплутий 110
Евтарих 201, 202, 204–206, 209
Евтропий 94
Евтропий, аббат 247
Евтропий, епископ 287
Евфимий 267
Елисей 327
Зенон, епископ 182, 333
Зенон, император 187, 203
Зосим 22, 28, 29, 35, 86, 210
Ибба (Геббан) 194, 196, 197, 199
Идаций, епископ Эмериты 30, 56, 57, 58
Идаций, хронист 110, 111, 115–119, 121, 134, 140–143, 159, 318, 321
Иероним 70, 71
Илергий 269
Ильдерих 294
Ильдибад 200
Ингвиомер 64
Ингений 98
Ингунда 231–233, 236, 244, 250, 265
Иоанн 115, 116, 154, 225, 229
Иоанн Бикларский 225, 226, 230–233, 246, 253, 265, 320, 321
Иовин 98, 109, 111, 113
Иордан 75, 77–85, 87–89, 92, 93, 96, 97, 100, 105, 107–109, 116, 126, 131, 137, 153, 155–159, 172–174, 179, 200–202, 205, 213, 219, 282, 344, 361
Исидор, Исидор Севильский 87, 92, 113, 117–119, 121, 142, 144, 145, 147, 154, 159, 181, 182, 186, 197, 199, 209, 212, 216, 218, 219, 221, 223, 225–227, 233, 237, 242, 245, 253, 254, 268, 269, 271, 274, 277–279, 302, 320, 322–324, 338, 360, 361, 375–377, 388, 390, 399, 416, 430
Итаций 57, 58
Кабаон 196
Кампин 325
Кар 15
Каракалла 52, 170
Карин 15
Карл 4, 6
Каролинги 7
Кассиодор 80, 83, 202, 210
Кастин 115, 116, 117, 154
Катуальд 66, 67
Квинтин 32
Квирик 300
Кимберий 69, 70
Клавдиан 153
Клавдий 33, 34, 250–253, 321, 359, 363, 381, 394
Клавдий II 34
Книва 80, 82, 85
Колумба 356
Комициол 257, 260, 261, 263
Коммод 67

Констант 18–21, 23–28, 35, 104
Констант, сын Константина III 35, 37–39, 102, 104
Константин I 4, 16–18, 23, 25, 26, 33, 55, 67, 76, 81, 92, 97, 101, 104, 163, 218, 249, 381, 383, 429
Константин II 18
Константин III, узурпатор 34–39, 59, 102, 104, 118
Констанций, император 26, 105
Констанций, полководец и позже соправитель Гонория 39, 54, 97, 101, 104, 107, 110, 112, 114, 115, 122, 149, 150, 154, 155, 163, 164
Констанций Хлор 16–18, 21, 22, 24–28, 33, 380
Констанция 24, 25
Корнелий 49
Корсунский А. Р. 11, 13
Куликовский М. 13
Куниульд 304
Лагодий 35, 37
Лактанций 16
Ланиогайз 20
Леандр 233, 235, 247, 322, 359, 360
Лев, император 187, 329
Лев, сотрудник Эйриха и Алариха II 162
Лев, тириасонский епископ 121, 123
Лев I, папа 130
Лев II, папа 306
Леувигильд (Леовигильд) 14, 148, 208, 209, 225–247, 249–255, 260, 261, 265, 267, 268, 270, 272, 275, 276, 278, 283, 285, 286, 290, 292, 293, 296, 306, 316, 320, 321, 325, 329–331, 338, 340, 342–351, 353–356, 358, 360, 367, 368, 370, 371, 374, 379, 380, 381, 383, 394, 406, 421
Либерий 205, 221, 222, 256, 257, 259, 282
Либлиол 253
Лиува I 226, 227, 233, 374
Лиува II 254, 268, 269, 374
Лиувирит 200, 205
Лициниан 257, 258
Лусидий 130, 138, 142, 143, 318
Люций Вер 3
Маврикий 121, 159, 252, 260–262, 269
Мавроцелл 114
Магненций 19–29, 35, 54, 185, 186
Магн Максим 20, 29–32, 34, 35, 57, 58, 185, 186
Майер Э. 6
Майориан 124, 126, 127, 159
Максенций 17, 18
Максим, епископ 186
Максим, император 38, 39, 104, 106, 113, 114, 132
Максим, куриал 356
Максимиан 16, 19
Малдра 137, 138, 143, 144
Манн 73
Мансуэт 128, 136
Марк Аврелий 3, 67, 71
Маркиан 130, 249
Марк Фронтей 186
Маробод 66, 71
Мартин 143, 146, 292, 299
Мартин Турский 30, 58, 145
Марцеллин 19, 20, 24, 27, 84
Массила 137, 143
Массона 268, 321, 327, 330, 359
Мелания 44
Менендес Пидаль Р. 10
Меробауд 122, 123
Меровинги 7, 197, 201, 236, 311, 375
Мирон 144, 147, 148, 229, 230, 235, 236
Моммзен Т. 5, 6, 80
Моравия 66
Мундон 203
Муса 410–413
Навуходоносор 272
Нанкт 329
Наннин 32

Наполеон 5
Насуя 69, 70
Небиогаст 34
Непотиан 127
Нидада 82
Нонниxия, или Нунехия 39
Нумериан 15
Овида 82
Одвульф 81
Одоакр 6, 134, 160, 179, 187, 221, 222
Олимпиодор 104, 108, 109, 110, 152
Оппа 315, 411, 412, 414
Оппила 281, 282, 341, 343
Орландис Х. 12
Орозий 16, 30, 35, 88, 92, 96–98, 109, 110, 117, 320
Осий 55
Острогота 79–82, 85
Павел, епископ 330, 332, 336
Павел, мятежник 294–296, 300, 302, 303, 305, 350, 388, 403
Павел, сторонник никейского вероисповедания 19
Павел Диакон 77, 115, 265
Павел Силенциарий 257
Пакат 30
Папий 334
Паула 322
Пелайо (Пелагий) 314, 315, 414
Первин 130
Петр, епископ 276
Петр, тиран 188–190, 322
Петроний Максим 136, 159
Пипин Геристальский 311
Пиренн А. 6
Плиний 60, 72, 73, 77
Понтий Паулин 40
Поппей 334
Присциллиан 30, 55, 57, 58
Проб 322
Прокопий, писатель 76, 200, 257
Прокопий, узурпатор 50, 86
Проспер Тирон 115, 156–158
Птолемей 69, 71–73
Радагайс 94
Ранимир 294
Ранке Л. фон 5
Раносинд 402
Реквизинд 316
Реккаред 222, 227, 231–233, 236, 241, 246, 248–255, 265, 268–275, 278, 293, 333, 334, 349, 350, 359, 360, 368, 374, 379–381, 388, 389, 394, 396, 399, 421
Реккаред II 275
Ремисмунд 130, 138, 142, 144
Респ 81
Респендиал 33, 75, 76, 102, 111
Рехиарий 120, 123, 124, 134–137, 143
Рехила 133, 134, 136
Рехимунд 137, 138, 144
Рецесвинт 281, 282, 287–294, 299, 302, 310, 312, 325, 328, 337, 340, 350, 368, 377, 380–382, 384, 389, 391, 393, 394, 396–400, 402, 420, 422–424
Ригель А. 6
Ригунта 231, 232
Рихила 274
Рихимир 276
Рихимир, епископ 292, 299
Рицимер 127, 159, 325, 330
Родриго (Рудерих) 315–317, 342, 348, 355, 377, 385, 388, 408–414, 416, 417
Ромул Августул 4, 5, 7, 8, 134, 422, 429, 430
Руфин 93, 94
Руфин, епископ 269
Салла 181–184, 215, 318, 333
Сальвиан 117, 151, 169, 318
Самуил 280
Санчес Альборнос К. 10, 11, 369, 414
Сар 34, 95, 108, 109
Сафрак 84
Свинтила 87, 262, 274–277, 279, 289, 330, 376, 389, 390
Себастиан 98, 122, 123

Север 245
Север, пресвитер 48
Севериан 233, 322, 359
Сегга 250
Сергий 269
Сиагрий 180, 185
Сигерих 108, 109, 118, 153, 154
Сигесар 109
Сигиберт 224, 226, 231, 246
Сигизмунд 189, 203
Сидоний Аполлинарий 153, 155, 158, 159, 162, 165, 181–183, 193
Сикорий 322, 356
Симмах 204
Симплиций 182
Синдеред 315, 412
Сириций 58
Сисебут 261, 262, 266, 267, 273–275, 281, 302, 324, 326, 367, 379, 389, 396
Сисенанд 276–281, 376, 387, 389, 390, 403
Сисиберт 236, 246
Сисиберт, митрополит 309–311
Склуа 276
Сократ Схоластик 19, 86
Соломон 256
Стефан 210, 211, 212
Стилихон 34, 93–95, 109, 151, 154
Страбон 68
Суинифред 313, 314
Сулейман 412, 413
Сунна 245, 250, 353
Тарвар 81
Тарик 408, 411, 412
Тариф 411
Тарра 379
Тацит 68, 69, 71–73, 77–79, 81, 156, 385
Тевдис 200, 204, 205, 210, 212–221, 223, 231, 238, 242, 251, 255, 321, 358, 379–381, 409, 420
Теодегото 189
Теодемир 146, 147, 316, 409
Теодемунд 144
Теодорих, бургундский король 270
Теодорих, король остготов и регент Вестготского королевства 84, 96, 196, 197, 199, 200–202, 203–206, 209–211, 213, 214, 218, 348, 350, 363, 366, 368, 370, 374
Теодорих, посол 262
Теодорих, сын Хлодвига (Теодорид) 88, 153
Теодорих I, Теодерид, король вестготов 97, 120, 122, 124, 126, 130, 135, 137, 152–157, 159, 161–163, 175, 179, 187, 194, 200, 202, 218, 221, 222, 380, 381, 393
Теодорих II, король вестготов 137, 138, 153, 158, 159, 162, 173, 189, 192–194
Теодорих Страбон 84
Теофил 90
Теудерих 211
Теудискл 216, 219–221
Теудофред 314, 315
Тибериан 56
Тиберий 61, 70
Тиверий 6
Тит 3
Тиудимер 84
Торибий 130
Торисмунд 156–158, 162, 173
Тразамунд 189, 196
Тульга 280, 281, 376
Тьялвар 79
Ульдида 251, 353
Ульфила 83, 90, 91, 99
Фабий Тициан 20, 22
Фаустин 310
Фафила 314, 315
Феликс, епископ Портукале 310
Феликс, митрополит Бракары 310
Фемистий 86, 89
Феодосий, сын Атаульфа 100, 118
Феодосий I 4, 5, 18, 29–32, 35, 45, 54, 55, 87, 104, 151, 218, 289, 381, 397, 429

Феодосий II 37, 91–93, 100, 104, 154, 191
Феодосий Старший 29
Феодосиол 37
Феодосул 35
Филимер 77–79
Филосторгий 22
Фирм 186
Флавий 18, 33, 218, 251, 294, 380, 381
Флавий Север 17
Флорентина 359
Флоринда 409, 410
Фортунат 220, 413
Фрамиданей 229
Фрамтан 137
Франц 5
Фредбал 111
Фредегонда 224, 231, 232, 236
Фредерих 124, 158, 175
Фримен Э. 3
Фритигерн 84, 87, 89, 91, 92, 152, 432
Фройя 287, 288
Фронимий 244
Фронтон 136
Фруктуоз 288, 396
Фрумарий 138
Фульгенций 360
Хариарих 144–146
Хильдеберт 211–213, 216, 246, 250
Хильдерит 82
Хильдигиз 402
Хильперик 147, 224, 231, 232, 234
Хиндасвинт 281–290, 292, 293, 298, 300–303, 305, 309, 310, 312, 315, 321, 325–328, 334, 335, 337, 339, 340–342, 344–349, 351, 362, 367, 377, 378, 381, 384, 386–388, 390, 394, 403, 421, 423, 428
Хинтила 280, 281, 284, 376, 377
Хлодвиг 146, 180, 185, 189, 190, 192–194, 197, 201, 211, 212, 216, 231, 236, 250
Хлодозинда 250
Хлодомер 197
Хлотарь I 211
Хлотарь II 276
Хлотхильда 211
Хрестий 20
Хулмул 79
Хумли 79
Хунуил 80, 81
Цезарий, византийский наместник 204, 262, 263, 266, 267, 379
Цезарий, теолог 190, 191
Цезарь 61–64, 68–70, 98, 156
Цельз 287
Цензорий 143
Цест 49
Цецилий 266
Циксило 307, 312
Цирила 138
Штроекер К. Ф. 7
Эбдомих 34
Эборих 148
Эвервульф 108, 109
Эвнапий 90
Эгидий 180
Эгика 303, 307–314, 327, 338, 349, 368, 372, 377, 378, 382, 384, 391, 398, 409
Эйрих (Эврих) 14, 130, 131, 138, 139, 159, 160–170, 172–179, 181–184, 186, 191, 192, 194, 209, 215, 242, 275, 296, 342, 343, 346, 348, 374, 377, 381, 397
Эмилиан 230, 322, 330, 355, 356
Эпифаний 131
Эрвигий (Эрвиг) 292, 297, 298, 301–310, 312, 314, 325, 328, 338, 339, 342, 347, 350–352, 377, 381, 383, 384, 386, 389, 390, 393, 394, 396, 397, 401–403, 405, 406, 411, 416, 424
Эрманарих 81–87, 202
Юдила 276
Юлиан, гиспалийский митрополит 302
Юлиан, граф Септема 409–411

Юлиан, император 19, 22, 28, 50
Юлиан, толедский митрополит 300–304, 306–308, 310, 377, 378, 389
Юлий 334
Юлий Непот 7, 8, 131, 134, 160, 181, 215, 348, 377, 420, 430
Юст 277
Юст, полководец Константина III 38
Юстин I 202
Юстин II 227, 259
Юстина 29, 31
Юстиниан, император 4, 5, 36, 145, 169, 177, 218, 221–224, 227, 237, 239, 242, 248, 256–259, 289, 380, 431
Юстиниан, полководец 34
Юстиниан, посол 136

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Раннее Средневековье или поздняя древность? 3

Глава I. Испания в поздней империи 15
Испания в политической истории Поздней империи 15
Общество позднеимперской Испании 39
Экономика в конце III — начале V в. 51
Христианская церковь. Ереси 54

Глава II. Варвары до переселения в Испанию 60
Начало истории 60
Социальное развитие Германии 62
Свевы и вандалы 68
Готы. Вестготы 76

Глава III. Варварское завоевание Испании 102
Начало варварского завоевания 102
Второй период войн в Испании. Походы свевов 112
Восстание багаудов 120
Свевы и вестготы 124

Глава IV. Свевское королевство 132
Формирование Свевского королевства 132
Свевское королевство в Галлеции 139
Конец Свевского королевства 147

Глава V. Тулузское королевство 149
Поселение вестготов в Аквитании 149
Вестготы и империя 153
Структура Тулузского королевства. Законы Эйриха 160

Глава VI. Крушение Тулузского королевства 179
Аларих II 179
Испанские провинции Тулузского королевства 181
Последние годы 189

Глава VII. От Тулузы к Толедо 195
Гезалих и Амаларих 195
Опекунство Теодориха. Переселение вестготов в Испанию 197
Конец рода Балтов 209
Тевдис и его преемники 213

Глава VIII. Объединение Испании 227
Внешняя политика и войны Леувигильда 227

Внутренняя политика Леувигильда 237
Реккаред и принятие католицизма 246
Итоги деятельности Леувигильда и Реккареда 254

Глава IX. Византийские владения в Испании 256

Глава X. Завершение объединения 268
Завершение политического объединения 268
Правовое объединение 280

Глава XI. Последние короли 294
Вамба и его реформы 294
Аристократическая и церковная реакция. Эрвигий 301
Закат вестготского королевства 308

Глава XII. Общество 318
Римские социальные структуры и их эволюция 318
Готские социальные структуры и их эволюция 340
Туземные структуры 354
Римляне и готы 358
Экономика 363

Глава XIII. Государство 374
Монархия 374
Центральное управление 384
Провинциальное и местное управление 391
Суд и война. Чиновничья иерархия 397
Фискальная система 403
Итог 407

Глава XIV. Крушение Вестготского королевства 408
Арабское завоевание 408
Причины крушения Вестготского королевства 415

Заключение 419

Список сокращений 435
Указатели 438

Научное издание

Циркин Юлий Беркович

ИСПАНИЯ
ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Редактор *В. С. Волкова*
Корректор *О. В. Фокина*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 18.05.2010.
Формат 60 × 90 1/16. Тираж 700 экз. Усл. печ. л. 28,5. Заказ № 118.

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, e-mail: nestor_historia@list.ru

Ю. Б. Циркин

I. B. Tsirkin

Spain from Antiquity to the Middle Ages

ИСПАНИЯ
ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Юлий Беркович Циркин родился в 1935 г. в Ленинграде, в 1963 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета, а в 1966 г. — аспирантуру при кафедре истории Древней Греции и Рима этого же университета. В 1978 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Финикийцы в Испании. К проблеме культурных контактов в Древнем Средиземноморье». С 1971 г. постоянно работает в Новгородском педагогическом институте, с 1993 г. — Новгородском университете. С 1981 по 1992 г. заведовал только что созданной кафедрой всеобщей истории. В настоящее время профессор этой кафедры. Автор 180 научных работ, в том числе 10 монографий и 4 учебных пособий. Около 40 статей опубликовано в научных журналах различных стран Европы. Область научных интересов — культурная и политическая история Древнего Средиземноморья и проблема перехода от античности к Средневековью.

ISBN 978-5-8465-1024-1